СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

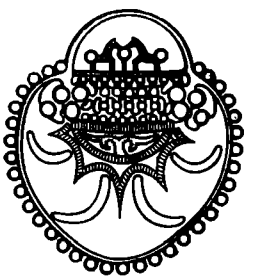
1

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1968

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, (главный редактор),
С. Н. Бибиков, *В. Д. Блаватский*, *М. К. Каргер*,
Е. И. Крупнов, *Б. Б. Пиотровский*, *Б. А. Рыбаков*,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *С. А. Плетнева*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Статьи

К. В. САЛЬНИКОВ

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В эпоху неолита Южный Урал входил в Урало-Казахстанскую этнокультурную область, о чем свидетельствуют, главным образом, находки керамики.

На заре бронзового века, в эпоху энеолита в горах, на севере и северо-востоке Южного Урала продолжали обитать потомки неолитического населения. В это время — в первой половине II тысячелетия до н. э. с юго-запада начали просачиваться группы полтавкинских племен, очевидно, немногочисленные. Керамика полтавкинского типа известна среди находок на поселениях в районе Стерлитамака, а под Магнитогорском исследован полтавкинский могильник.

В эпоху развитой бронзы — в середине и второй половине II тысячелетия до н. э.— территория Южного Урала представляла собою контактную зону, где соседили, сталкивались, находились в сложных взаимоотношениях племена ряда археологических культур. С уверенностью можно говорить о следующих культурах: абашевской, срубной, андроновской, черкаскульской, курмантау. Памятники каждой из них на Южном Урале представляют собою окраины крупных, часто огромных общностей, распространенных на больших территориях. На Южном Урале племена перечисленных культур в одних случаях сменяли друг друга, в других — соседствовали, являлись синхронными.

Абашевские племена

В середине II тысячелетия до н. э., может быть в конце второй четверти, на территории Башкирии появляются абашевские поселения. Еще не накоплен достаточный материал для убедительного решения вопроса о происхождении абашевской культуры, но и сейчас видно, что в сложении ее участвовал ряд компонентов.

Среди последних важную роль играли, с одной стороны, какая-то ветвь племен среднеднепровского происхождения, с другой — комплекс культур аборигенного населения лесостепи и южной кромки леса на территории ограниченной нижним течением Оки, верховьями Дона и Горьковско-Куйбышевским отрезком Волги. На очерченной территории имеются памятники с элементами культур: среднеднепровской, фатьяновской, волосовской, балахнинской, уральского энеолита, особого варианта древнеямной, а также абашевской. Здесь и следует искать наиболее ранние абашевские памятники. Отсутствие среднеднепровско-фатьяновских памятников на Южном Урале не позволяет включить его территорию в район формирования абашевских племен. Но они рано проникли в Башкирию, где застали местные уральские энеолитические племена, а также продвинувшееся сюда с юго-запада редкое население полтавкинской куль-

туры. От первых в абашевскую керамику проникли некоторые несвойственные средневолжским памятникам элементы орнамента. Полтавкинское влияние сказалось в приобретении абашевскими сосудами плоскодонности, а также в применении мелкозубчатого штампа для нанесения гребенчатого орнамента. Несколько позднее от андроновских племен воспринято было применение в орнаментации сосудов меандра.

Не должно выходить за пределы третьей четверти II тысячелетия до н. э. и время появления абашевских племен на восточном склоне Уральского хребта. Среди керамики Мало-Кизыльского селища большое место занимают ранние формы. Материалы этого памятника свидетельствуют об известной ассимиляции с аборигенным уральским населением, что сказалось в примеси местных форм и орнаменте керамики. Но абашевцы сохранили и свою керамику и такие важные этнические признаки, как традиционный костюм, отраженный металлическими украшениями, а также обряд погребения и жертвоприношения.

Абашевцы донесли чистоту своей культуры на восток до р. Тобола как это видно по погребению у Кургана. Оказавшись в Зауралье на территории, заселенной андроновскими племенами, малочисленные абашевские группы быстро стали растворяться в местной среде. В керамике курганов у с. Степного на р. Уй в Пластском районе Челябинской области, датирующихся третьей четвертью II тысячелетия до н. э., выразительно прослеживается смешение двух этнических элементов, иногда слияние на одном сосуде формы и орнамента обоих компонентов: абашевского и андроновского.

Попытаемся определить причины, заставившие абашевцев так широко расселиться. Еще часть их предков в конце III — начале II тысячелетия до н. э. двинулась из Поднепровья к востоку в результате развития скотоводства, которое привело к перенаселению. В поисках новых пастбищ они не могли расселяться по степи, которая была занята скотоводческими племенами катакомбной культуры. Вот почему племена среднеднепровско-фатьяновской общности оказались на южной кромке лесной и в лесостепной полосе центральной России, где обитали в то время еще охотничье-рыболовецкие племена поздненеолитического типа. В результате смешения пришельцев с частью последних в середине II тысячелетия до н. э. сложилась абашевская культура оседлых скотоводов и мотыжных земледельцев. Развитое скотоводство постоянно толкало абашевские племена на расширение территории обитания. На севере в Поволжье наравне с абашевцами продолжала жить та часть фатьяновско-балановских скотоводческих племен, которые не приняли участия в формировании абашевской культуры; юг издавна был занят скотоводами. Поэтому абашевцы очень рано устремились к востоку, куда тянули их и месторождения меди. В Приуралье еще в первой половине II тысячелетия до н. э., до появления здесь абашевцев, уже проникли с юга ранние скотоводы полтавкинской культуры, но они расселились в основном южнее. Их следы почти не заходят к северу от Стерлитамака, в то время как абашевские памятники расположены, главным образом, севернее этой грани, где до абашевцев обитали мелкие племена охотников.

Продвигающиеся из Нижнего и Куйбышевского Поволжья срубные, очевидно, количественно значительные, родоплеменные группы еще в рамках третьей четверти II тысячелетия до н. э. достигли берегов р. Белой, потеснили абашевцев, заняли места их обитания, как это видно на примере селища Береговское I. Допустимо на протяжении некоторого времени сосуществование, близкое соседство пришлых групп срубной культуры с остатками абашевского населения.

Небольшие размеры абашевских поселений указывают на кратковременность обитания на них. Потесненные срубниками абашевцы, по всей видимости, к концу третьей четверти II тысячелетия до н. э. сосредоточились восточнее, в горах и на восточном склоне Урала, где отдельные их

группы уже ранее освоили слабо заселенную охотниками территорию. Развитая на базе местных, как показал спектральный анализ, месторождений Южного Зауралья медная металлургия со своеобразными типами изделий указывает на прочность освоения Урала абашевцами, хотя в горах пока мы и не знаем памятников этой культуры. Последнее является результатом слабой изученности археологами горной полосы Урала.

Урал явился как бы той гранью в истории абашевских племен, за которой чистота их культуры идет на убыль. Уже под Магнитогорском, на Мало-Кизыльском селище в материальной культуре обитателей сказывается сильная струя культуры местного коренного населения, с которым абашевцы начали смешиваться; но тут этот процесс зашел еще недалеко, и основные свои этнографические черты население Мало-Кизыльского селища сохранило. Окончательное затухание абашевской культуры протекало в степях Зауралья в окружении андроновских племен.

Срубные племена

На раннем этапе своего развития срубные племена представлены памятниками ямной культуры, сложившейся в III тысячелетии до н. э., которые на Южной Урале известны лишь в районе Бугуруслана и к югу от Оренбурга. На следующем, полтавкинском этапе (XX—XVII вв. до н. э.) они расселяются по югу Башкирии, в Зауралье достигают пределов Магнитогорска, чему способствовало дальнейшее изменение климата в сторону засушливости.

К XVI в. до н. э. с укреплением новых форм хозяйства — скотоводства и земледелия — и развитием металлургии складывается облик собственно срубной культуры или ее покровский этап (XVI—XIII вв. до н. э.). В это время в Предуралье срубные племена достигают низовьев р. Белой. Они постепенно вытесняют отсюда абашевское население.

В третьей четверти II тысячелетия до н. э. происходило не только продвижение срубников к северу и востоку, но и более активное проникновение на запад андроновских групп. На ряде селищ на западе Оренбургской области и юго-западе Башкирии к срубной керамике примешиваются обломки андроновских сосудов. Андроновские группы растворялись в родственной среде срубного населения. Несмотря на значительную андроновскую струю, срубная культура в Приуралье не потеряла своего лица: срубные элементы в культуре оставались преобладающими.

Очевидно, причины передвижения, расселения срубных и андроновских племен были одинаковыми. По мере разрастания на почве развитого скотоводства общин из них выделялись патриархальные семьи и уходили на новые земли, на новые пастбища. Эти передвижения не носили характер «великих переселений», а осуществлялись небольшими группами, которые занимали новые территории, где обитали немногочисленные охотничьи племена с культурой неолитического облика. Их редкое население в степях не препятствовало проникновению скотоводов. Большие просторы не могли приводить к враждебным столкновениям между срубниками и андроновцами.

Немалую роль, очевидно, играли и рудные богатства Южного Урала в деле привлечения сюда представителей той и другой культуры. Хотя разработка медных месторождений возникла рано, но наиболее интенсивная эксплуатация началась в алакульско-покровское время.

Как ни малым количеством изученных памятников срубной культуры Башкирии и Приуралья мы располагаем, все же можно уверенно говорить о различии исторических судеб срубного населения в отдельных частях этой территории. Намечается три района: северо-башкирский, южно-башкирский и оренбургский. Граница между двумя первыми пролегает несколько южнее Уфы.

В северо-башкирском районе не наблюдается проникновение андроновских групп. Некоторые типы керамики связывают этот район не с югом, а юго-западом. Для могильников типичны многомогильные курганы. Все это позволяет предполагать, что продвижение сюда срубников шло из Среднего Заволжья.

Для южно-башкирского и оренбургского районов характерно влияние андроновской культуры. Здесь больше курганов с одиночными погребениями, нежели многомогильных, в чем, возможно, также сказалось андроновское влияние.

Оренбургский район теснее связан с Нижним Поволжьем, что выражается в присутствии в керамическом тесте примеси толченых раковин, в сопровождении погребений грудками костей коровы (черепа, ноги). Обе эти особенности не наблюдаются на территории Башкирии.

Последний этап срубной культуры — хвалынский — представлен валиковой керамикой, наравне с продолжающей бытовать посудой покровского этапа и медно-бронзовыми орудиями типа сосново-мазинского клада. Часть предметов этого клада теперь датируется XII в. до н. э. Возникновение валиков на керамике ставится в связь с распространением медных сосудов и железных орудий, что также относится к XII—XI вв. до н. э. Отсюда начало хвалынского этапа, очевидно, можно отнести также к XII в. до н. э.

Хвалынские памятники имеются в южной полосе Приуралья и в Среднем Заволжье. На территории Башкирии их следы незначительны, но что местные племена прошли через этот этап доказывается находкой типично хвалынской валиковой керамики на селище Кумлекуль. История населения севера и центральных районов Башкирии в хвалынское время связана с племенами пришлых культур — черкаскульской и курмантау. До конца эпохи бронзы на этой территории сохраняется очень мало представителей срубной культуры.

В эпоху расцвета, на покровском этапе, срубная культура распространялась на севере до берегов Камы, представляя единый культурный массив с некоторыми локальными особенностями. Главнейшей из последних было осложнение самобытного развития значительными включениями на юге андроновских групп. К концу хвалынского этапа в Поволжье, Южном Приуралье и на юге Башкирии на этой почве, очевидно складывается новое этно-культурное образование срубно-андроновского происхождения, которое явилось основой сложения ирано-язычных кочевых сарматских племен.

Население севера и центральных районов Башкирии претерпело в конце II тысячелетия до н. э. еще более существенные изменения. Сюда вливаются черкаскульские племена из Зауралья и племена культуры курмантау. Ассимилировав срубников, они на заре железного века положили начало финно-угорскому населению с ананьинско-караабызской оседлой культурой.

Андроновские племена

На широких просторах степной и лесостепной полосы Зауралья, Северного Казахстана и Западной Сибири на некоторых памятниках группы родственных в культурно-этническом отношении племен в эпоху ранней бронзы уже появляется керамика с орнаментом, содержащим элементы будущих узоров андроновской посуды и кости домашних животных. С окончательным переходом к скотоводству, земледелию и металлургии в среде этих культурно-этнических групп сформировался ряд культур эпохи развитой бронзы: андроновская, черкаскульская, горбуновская, томская, сузгунская, ирменская.

Южные племена быстрее перешли на новые более прогрессивные формы хозяйства: скотоводство, земледелие. Степные просторы облегчали об-

щение родо-племенных групп и распространение достижений культуры на большой территории. В этих условиях сложилась та однородность в основных элементах культуры, которая так характерна для раннеандроновских племен от Минусинска до Урала.

По ряду второстепенных признаков андроновские памятники Зауралья разбиваются на несколько локальных групп, различия между которыми объясняются неодинаковыми природными условиями и влияниями со стороны соседей, а также хронологическими причинами. Выделяются четыре территориальных района памятников: орско-домбаровский, магнитогорский, уйско-увельский и челябинский. По внешним надмогильным конструкциям андроновские могильники Зауралья разбиваются на три группы.

Могильники первой группы характеризуются различными видами надмогильных сооружений с обязательным участием в их устройстве камня. Таковы: бескурганные каменные оградки; земляные курганы с оградкой из камней у основания или под насыпью; земляные курганы, обложенные по поверхности кампем, а также подкурганные погребения с перекрытием могил каменными плитами. Чисто земляные курганы в этих могильниках не наблюдаются. Первая группа могильников типична для юга Зауралья. Севернее р. Уя они неизвестны. Для пих характерно трупоположение на боку, головой к западу и юго-западу и керамика кожумбердынского типа.

Могильники второй группы включают, наравне с сооружениями из камня, чисто земляные курганы. Они распространены в уйско-увельском и челябинском районах, содержат трупосожжения, датирующиеся федоровским временем.

Третья группа могильников, состоящих только из земляных курганов, распространена в магнитогорском районе, а также чересполосно с памятниками второй группы в уйско-увельском и челябинском. В уйско-увельском районе они содержат трупоположения с алакульской керамикой. Под Челябинском, наравне с подобными могильниками, имеются земляные курганы с трупосожжением федоровского этапа. Для магнитогорского района характерны многомогильные курганы с трупоположением на левом боку головой к северу, датирующиеся керамикой кожумбердынского и срубного типа.

Причин, вызвавших значительную пестроту в погребальных обрядах, несколько. Нельзя не видеть, что камнем широко пользовались для укрепления стенок могил и устройства надмогильных сооружений в степной местности, где дерево было сложнее добыть, нежели камень. Бесспорны и хронологические различия: сожжение применялось на федоровском этапе, трупоположение — на алакульском. Южное Зауралье представляло собою контактную срубно-андроновскую зону. В таких элементах погребального обряда, как северная ориентировка, многомогильность курганов, в ряде случаев применение чисто земляных курганов — проявляется влияние срубной культуры.

В территорию, где происходило сложение андроновской культуры, входила северная часть Южного Зауралья. Наиболее ранние андроновские памятники, относящиеся к федоровскому этапу (XVII—XV вв. до н. э.) расположены в районе Челябинска и на р. Увельке. Трупосожжение федоровских могильников, очевидно, генетически связано с обрядом неолитических племен, оставивших погребения в пещерах на р. Юрюзань и в Томском могильнике.

В первой половине II тысячелетия до н. э. в Южном Зауралье соседили представители двух этно-культурных массивов: раннеандроновского (федоровского), занимавшего северную часть этой территории и срубно-полтавкинского, памятники которого открыты южнее.

Развитие скотоводства приводит к концу федоровского этапа к сегментации древних общин, которая усиливается на следующем, алакульском этапе (XV—XIII вв. до н. э.). Андроновское население появляется на юго-востоке Южного Зауралья, в районах Орска-Актюбинска и Магнито-

горска, где до того, с начала II тысячелетия до н. э., обитали полтавкинские общины.

В последнем районе в алакульское время протекал сложный процесс: с одной стороны, население западного происхождения завершало переход с полтавкинского этапа на собственно срубный, покровский, а с другой — оно смешивалось с андроновскими группами. Это смешанное население оставило могильники, в погребальном обряде и инвентаре которых переплетаются черты свойственные как срубной, так и андроновской культуре.

В несколько иной форме подобный процесс протекал и в орско-домбаровском районе. Здесь слабее сказались черты срубной культуры, ориентировка погребенных имеет андроновский тип — головой к западу и юго-западу, а не срубный — к северу, как под Магнитогорском. Поскольку андроновских памятников федоровского этапа в орско-домбаровском районе нет, полтавкинско-срубное население в этом районе в середине II тысячелетия до н. э. заменяется андроновским, находившемся на алакульском этапе, и очевидно, пришлым. Оно принесло сюда андроновского типа материальную культуру и погребальный обряд, но антропологический состав не во всех могильниках представлен андроновским типом: в могильнике Тасты-Бутак I были захоронены люди средиземноморского антропологического типа, характерного для срубных племен Поволжья.

На это время падают активные передвижения родо-племенных групп: андроновских на запад, срубных на восток. Но более подвижными оказались первые. Они проникли в среду срубного населения вплоть до Волги, а частично и далее на запад, занесли сюда обряд трупосожжения. В Южном Приуралье сформировалось срубно-андроновское смешанное население (Погромное, Кошкара, Давлеканово), подобно тазабагъябскому в Хорезме.

На последнем — замараевском этапе (XII — начало VIII в. до н. э.) развития андроновской культуры происходят крупные изменения в материальной культуре, хозяйстве и общественном строе.

Рост населения потребовал новых усовершенствований в земледелии и строительстве. Для расширения пашни путем расчистки участков поймы из под кустарника пользовались косарями-секачами сосново-мазинского типа. Весьма вероятно возникновение в это время более прогрессивной формы скотоводства — яйлажного, позволившего осваивать и отдаленные от поселений пастбища. На смену многокурганным могильникам, расположенным поблизости от поселений, приходят курганы-одиночки, удаленные от зимников, связанные, очевидно, с летними пастбищами.

Замараевский тип представляет собою переходную эпоху от оседлого многовекового быта племен бронзового века к кочевничеству эпохи железа, что проявляется во всем — от типа керамики до погребального обряда.

Дальнейшее развитие потомков андроновцев в эпоху раннего железа протекало в разных формах. В степных районах происходит окончательный переход к кочевому скотоводству. В сарматских курганах сохраняется каменная выкладка вокруг могилы, широтная ориентировка погребенных, близость черепов к андроновскому типу. В лесостепной полосе потомки андроновцев в эпоху железа сохранили оседлый или полуоседлый образ жизни. Возможно, далекими отголосками андроновских трупосожжений являются лесостепные погребения сарматского времени с сильно обожженными костяками.

Племена культур черкаскульской и курмантау

История населения северной полосы Южного Урала в конце II — начале I тысячелетия до н. э. связана с племенами черкаскульской культуры и культуры курмантау, изучение которых только начинается.

Сложение племен черкаскульской культуры происходило в середине II тысячелетия до н. э., на севере лесостепного и прилегающей части лес-

ного Зауралья. Материальная культура, в особенности керамика, на раннем этапе (черкаскульском) этих племен была весьма близка к андроновской федоровского этапа, что объясняется генетической зависимостью обеих от единого этно-культурного Урало-Казахстанского массива энеолитической эпохи.

На втором этапе — межовском (XII—XI вв. до н. э.) для черкаскульской керамики, наравне с рядом самобытных черт, характерны валики, близкие к замараевским. В это время черкаскульские группы проникают на запад, в Приуралье, на территорию северной Башкирии и Нижнего Прикамья. На третьем — березовском этапе (X—VIII вв. до н. э.) керамика приближается к бомбовидным сосудам эпохи раннего железа. Памятники березовского этапа известны на юге лесного Зауралья. В Предуралье в это время распространяются поселения племен курмантау, проникших сюда в среду черкаскульско-межовских племен. Их истоки остаются неясными. В керамике культуры курмантау сохраняются некоторые черты, указывающие на генетическую связь с абашевской культурой. Но эта связь не могла осуществляться на территории Башкирии. Здесь культуре курмантау предшествуют не абашевская, а срубная и черкаскульская. Сложение племен курмантау происходит где-то вне Башкирии. С одной стороны у них есть общие черты в позднеприказанских и ерзовских памятниках Прикамья, с другой — флажковая керамика курмантау перекликается с флажково-жемчужной керамикой лесостепного Зауралья, где она встречается в верхних горизонтах поселений эпохи бронзы, залегая выше межовского слоя.

Культура курмантау, вместе с рядом синхронных культур Прикамья и Приказанского Поволжья, входит в этно-культурную общность предаНаньинского времени, является одним из основных компонентов формирования аНаньинской культуры. При ее посредстве входят в аНаньинскую культуру некоторые черты абашевской.

* *
*

На протяжении бронзовой эпохи на Южном Урале местные и пришлые племена осваивали разработку месторождений медных руд, совершенствовали формы металлических орудий, методы скотоводства и обработки земли. Развитие хозяйства содействовало размножению племен, которые принуждены были в поисках новых земель расширять свою территорию. В процессе расселения происходили столкновения с соседями, которые или вытеснялись, или ассимилировались.

В конечном результате на заре железного века завершилось сложение двух основных этно-культурных общностей; группы финноугроязычных оседлых племен на севере и ираноязычных кочевых на юге, которые являются важными компонентами формирования предков ряда современных народов Приуралья.

И. К. СВЕШНИКОВ

О СИМВОЛИКЕ ВЕЩЕЙ МИХАЛКОВСКИХ КЛАДОВ

Вопросы религиозных верований первобытных обществ являются наименее освещенными в археологии. Их изучение помогло бы выяснить ряд сложных проблем, в том числе проследить древние связи между отдельными странами и выделить группы племен, объединенных общими верованиями, мифами, традициями и обычаями. Настоящая статья является первой попыткой осветить в общих чертах некоторые идеологические представления племен культуры фракийского гальштата на основании материалов двух золотых Михалковских кладов — памятников, как нам представляется, главным образом культового назначения.

Публикации золотых кладов, найденных в 1878 и 1896 гг. у с. Михалков Борщевского района Тернопольской области, было посвящено несколько статей [1], освобождающих нас от обязанности нового подробного описания этих находок. Оба клада были найдены на небольшом расстоянии друг от друга и по характеру входивших в их состав вещей составляют один памятник. Типы отдельных золотых украшений и наличие в одном из кладов пастовых бусин с желтыми «глазками» позволяют отнести дату захоронения кладов к середине VII в. до н. э., а обломки сосуда, в котором был зарыт второй Михалковский клад, увязывают эту находку с памятниками голиградского типа (т. е. культурой фракийского гальштата) [2]. Основная часть Михалковских кладов была куплена музеем Дзедушицких во Львове. Некоторое количество вещей попало в частные руки, а также в музеи Вены, Будапешта и Берлина, где часть из них утеряла свой научный паспорт. Основанием для нашего описания послужили хранящиеся во Львовском историческом музее гальванокопии предметов, составлявших собственность музея Дзедушицких [3], упомянутые выше публикации В. Пшибыславского и К. Гадачека, а также имеющаяся в нашем распоряжении фотография оригинала. Известно, что в состав Михалковских кладов входили две фрагментированные диадемы, шейная гривна, пять браслетов, фрагменты поручей, 12 фибул, семь блях, две пастовых, одна стеклянная, одна янтарная и свыше 2000 золотых бусин, пирамидальная подвеска, два навершия рукояток кинжалов, четыре чаши, моток проволоки и слиток золота. О предметах, попавших в частные руки, сведений почти не имеется.

---

[1] W. Przybysławski. Dwa złote skarby w Michalkowie. «Teka Konserwatorska», II, Lwów, 1900; его же. Mitteilungen der k. k. Central-Kommission, XXIV, Wien, 1898; K. Hadaczek. Złote skarby Michałkowskie. Kraków, 1904; M. Sokołowski. Dwa złote skarby w Vettersfelde w Dolnych Lużycach i w Michałkowie w wsch. Galicji. PP, 19, Kraków, 1884; W. Antoniewicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1928, табл. XXX, *1—6*; L. Kozłowski. Zarys pradziejów Polski Południowo-Wschodniej. Lwów, 1939, табл. XXI; M. Gimbutas. The treasure of Michalkov. «Archaeology», 12, 2, New York, 1959.

[2] І. К. Свєшніков. Пам'ятки голіградського типу на Західному Поділлі. МДАПВ, 5, 1964.

[3] Местонахождение оригиналов в настоящее время неизвестно.

Рассмотрение символики вещей Михалковских кладов следует начать с орнамента диадем. Они изготовлены из тонкого листового золота и, вероятно, были нашиты на головной убор из ткани, кожи или меха. Лучше сохранившийся экземпляр состоит из восьми фрагментов прямоугольной полосы шириной 5 *см*, завершенной фигурным орнаментом 3,5 *см* высотой (рис. 1, *1*). По подсчету К. Гадачека длина полосы диадемы равнялась 67 *см*. От второй диадемы сохранились только фрагменты полосы шириной 4 *см* и общей длиной 24 *см*.

Символический характер орнамента диадем не вызывает сомнения. Возвышающиеся над полосой первой диадемы изображения полумесяца на высокой украшенной поперечным рифлением подставке совершенно ясно отображают культ луны, широко распространенный у некоторых древних народов наряду с солнечным культом. Внимания заслуживает то обстоятельство, что на диадеме из Михалкова полумесяцы представлены в горизонтальном порядке, т. е. не в естественном положении луны на небе, а с известной условностью, характерной для подобных изображений Древнего Востока. Аналогичное положение полумесяца встречаем на ассиро-вавилонских цилиндрах с изображением лунного божества [4], причем на одном из них идол этого божества в виде лежачего полумесяца представлен на высокой, орнаментированной поперечными полосами и вертикальными линиями сужающейся кверху подставке, очень напоминающей подставки полумесяцев на нашей диадеме (рис. 2, *2*)[5]. Горизонтальное положение полумесяца на высоком постаменте было также символом карфагенской богини Танит [6]. Интересно, что в некоторых кладах конца бронзового века из Трансильвании сотнями встречаются детали конской сбруи — подвески в виде лежачего полумесяца на длинной гофрированной трубке, очень близкие по своему типу к описанному мотиву орнамента Михалковской диадемы [7].

Второй мотив орнамента по верхнему краю диадемы — изображение равностороннего креста как символа огня и солнца известен в ряде древних культур, начиная с энеолита [8]. В начале железного века в Карпато-Дунайском районе, на Балканском полуострове и на Кавказе получает широкое распространение изображение солярного знака в виде равностороннего креста (часто с расширяющимися концами сторон) с кругом в центре и одной или двумя концентрическими линиями. Наиболее древние подобные изображения находим в культурах Вавилонии, Ассирии и Финикии, послуживших, видимо, источником распространения указанного типа солярного знака по всему Средиземноморью [9]. Из огромного количества средиземноморских изображений солнца в виде равностороннего креста с кругом в центре можно в качестве примера ограничиться перечислением нескольких. Равносторонний крест как подвеска на шее царя или амулет на царской шейной гривне встречается в ассирийских древностях [10]. Этот знак изображен на большинстве глиняных пряслиц из

---

[4] W. H. Roscher. Ausführiches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1909—1915, IV, рис. на стр. 903—906, 917—920.

[5] Б. А. Тураев. История Древнего Востока. II, Л., 1936, рис. на стр. 84.

[6] G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire d l'art dans l'antiquité. IV, Paris, 1887. рис. 150.

[7] М. Русу. «Докиммерийские» детали конской сбруи из Трансильвании. «Dacia», IV, 1960, стр. 175, рис. 4, *4*; J. Hampel. A bronzkor emlékei Magyarhonban. I, Bubapest, 1886, табл. XCIII, *5*, *6*.

[8] K. Bolsunowski. Symbolika epoki neolitu. Kijów, 1910, стр. 12; M. Hoernes, O. Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, рис. 1, 2, 3; Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, № 1, рис. 6, *1*; 7, *3—5*, *23*; 8, *4—6*; *9*, *2—6*, *9*, *10*.

[9] A. Jaremias. Handbuch der altorientalischen Geisteskultur. Leipzig, 1913, стр. 96—99, рис. 58—70.

[10] G. Perrot et Ch. Chipiez. Ук. соч., II, 1884, рис. 306, 429.

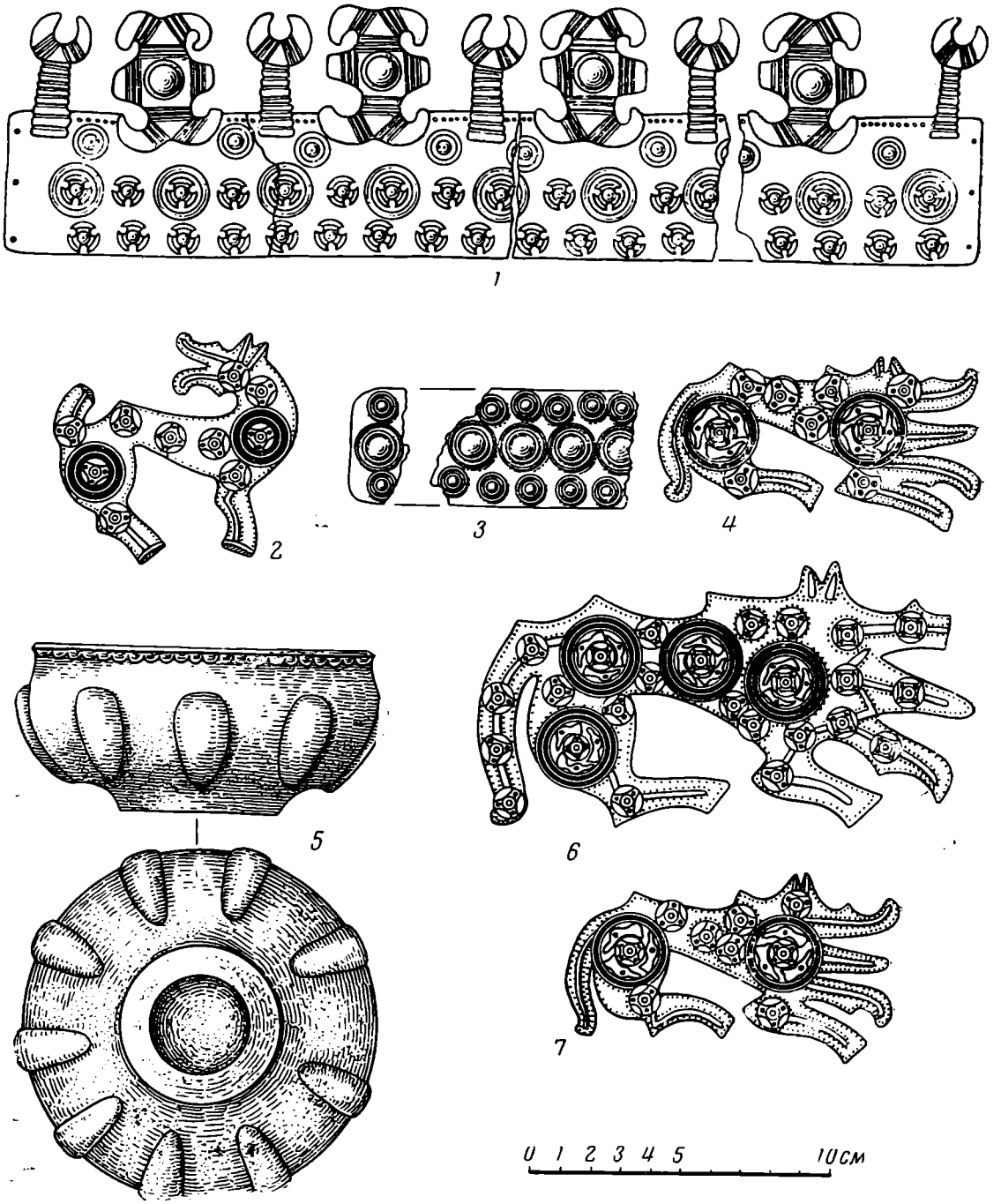


Рис. 1. Золотые вещи из Михалковских кладов

1, 3 — фрагменты диадем; *2, 4, 6, 7* — зооморфные фибулы; *5* — чаша

нижних слоев Трои [11]. Там же нередко встречаем крестообразное расположение изображений солнечного диска с окружающими его лучами [12]. Мотив равностороннего креста широко распространен также на Крите [13] и в Микенах [14]. Равносторонние кресты с расширенными концами украшают золотую диадему и ожерелье египетских цариц Хнумет (XII династия, XX в. до н. э.) и Яххотеп (XVII династия, XVI в. до н. э.) [15].

---

[11] H. Schliemann. Atlas trojanischer Altertümer. Leipzig, 1874, рис. 1—*9*, *20*, *25, 27, 31, 32, 38, 40, 45*.

[12] Там же, рис. 280.

[13] E. Kunze. Kretische Bronzereliefs. Stuttgart, 1931, рис. 14; R. Dussaud. Les civilisations prehelléniques dans le bassin de la mer Egée. Paris., 1914, рис. 21.

[14] G. Perrot et Ch. Chipiez. Ук. соч., VI, 1894, рис. 300; R. Dussaud. Ук. соч., рис. 111.

[15] G. Maspero. L'archéologie égyptienne. Paris, 1907, рис. 315, 322.

Среди многочисленных вавилонских изображений символа бога солнца в виде равностороннего креста с кругом в центре, часто обрамленного лучами [16], имеется одно, не оставляющее сомнения в значении этого символа. Речь идет о круглом диске с вписанным в него равносторонним крестом с круглой выпуклостью в центре. Изображение креста окружено линиями, имитирующими лучи, а на одной из его сторон имеется клинописная надпись «Бог Шамаш» (рис. 2, *1*) [17]. Шамаш в вавилонской мифологии был богом солнца, света и правосудия. Значение изображения равностороннего креста как символа солнца раскрывает также орнамент одного из сосудов культуры вербичоара из местности Гавора в Румынии. На этом сосуде крест из двойных пересекающихся линий окружен четырьмя концентрическими кругами и рядом косозаштрихованных треугольников, имитирующих солнечные лучи [18].

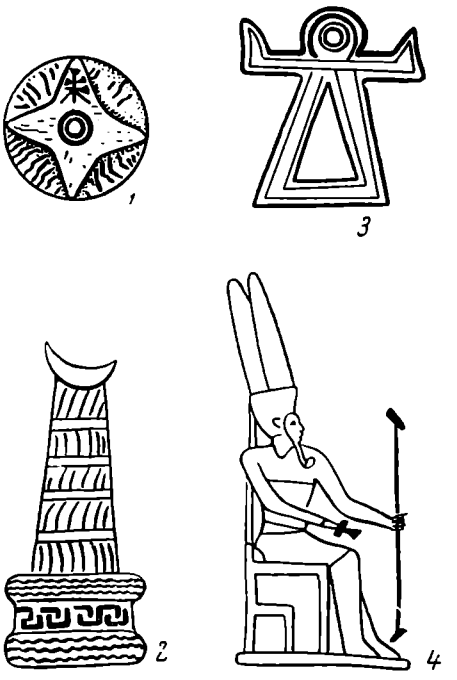


Рис. 2

1 — вавилонский диск с символом солнечного божества и клинописной надписью «Бог Шамаш» (по А. Яремиасу); *2* — символ лунного божества на ассиро-вавилонском цилиндре (по Б. А. Тураеву); *3* — фетиш богини Танит (по Г. Перро и Ш. Шипие); *4* — египетское изображение бога Амона-Ра с анхом в руке (по А. Эрману)

В. А. Ильинская, описывая детали раннескифской узды-бляхи в виде равностороннего креста с кругом в центре [19], приводит им многочисленные аналогии из Северного Причерноморья, Кавказа и Венгрии и также связывает происхождение упомянутого знака с культурами древнего Востока, называя ряд аналогий из Месопотамии, Сирии и Хеттского царства. Появление этой эмблемы в предскифских и раннескифских памятниках Северного Причерноморья В. А. Ильинская объясняет проникновением ее в указанный район из культур Древнего Востока через Кавказ, где подобные изображения были распространены еще в предскифское время. Однако кроме указанных В. А. Ильинской двух венгерских аналогий (из Киш-Косег и неизвестной местности [20]) можно назвать еще ряд подобных находок: пуговицы, пряжки, элементы орнамента металлических и глиняных изделий из Венгрии (орнамент золотого браслета из клада у Фокору [21], бронзовые подвески или их составные части из ряда кладов и случайных находок [22], бронзовые пуговица и пряжка из Надь-Эньед [23]), Румынии (орнамент бронзовой подвески из Гуруслэу [24], изображение равностороннего креста на бронзовом поясе из Гуштерицы [25],

---

[16] A. Jaremias. Ук. соч., рис. 148—150.

[17] Там же, рис. 150.

[18] D. Berciu, P. Purcărescu, P. Roman. Săpături şi cercetări archeologice în raionul R. Vîlcea. «Materiale şi Cercetări Archeologice», VII, 1961, рис. 3, *1*.

[19] В. А. Іллінська. Скіфська вузда VI ст. до н. э. «Археология», XIII, 1961, стр. 55—59.

[20] В. А. Іллінська. Ук. соч., стр. 57, 58.

[21] M. Hoernes. Goldfunde aus der Hallstattperiode in Österreich — Ungarn. «Jahrbuch der k. k. Zentral-Kommission», Wien, 1906, нов. сер., IV, 1, рис. 25.

[22] J. Hampel. A bronzkor..., I, табл. LIV, *2*; III, 1896, рис. 27, 28; табл. CCXIX, *3*; его же. Alterthümer der Bronzezeit in Ungarn. Budapest, 1887, табл. LXIII, *1*, *4*.

[23] M. Hoernes. Ук. соч., рис. 36, 43.

[24] M. Moga. Dépot de Guruslău. «Dacia», XI—XII, 1948, рис. 3.

[25] Fl. Römer. AÉ IV, 1870, стр. 81.

аналогичный орнамент на мисках культуры витенберг [26] и сылькуца [27], глиняные пряслица и фигурки культуры сылькуца [28], подвески и бляхи с вписанным в круг крестом из Бихарии [29], Фириджеле [30] и Бальта-Верде [31]), Австрии (бронзовые пуговицы и пряжки из Шомляуер-Берг [32], из клада и могильника у Штильфрида [33] и из Гальштата [34]) и Боснии (бронзовые пуговицы и пряжка из Глазинак [35]). Если к этому, конечно, далеко не полному списку добавить описанные ниже находки из Поднестровья и западных районов Волыни, станет очевидным существование еще другого, кроме Кавказа, пути (через Балканский полуостров) проникновения из Средиземноморья в Восточную и Среднюю Европу описанного выше типа древневосточного солярного знака.

Две пары бронзовых пряжек для конской узды в виде креста с равными, расширяющимися к концам сторонами входили в состав клада из с. Голиграды Тернопольской области (рис. 3, *4, 5*), относящегося также к голиградской группе памятников и датирующегося VII в. до н. э. [36]

Крест из тройных пересекающихся линий, вписанный в два концентрических круга, украшает дно чернолощеной миски из поселения голиградского типа у Новоселки Костюковой Тернопольской области [37]. Аналогичным изображением украшены миски из гальштатских могильников у Хотина в Словакии [38] и Фириджеле в Румынии [39], а также миска лужицкой культуры начала гальштатского периода из Вроцлава-Грабишина в Польше [40].

В состав клада из Неделиск Львовской области [41] входило 13 бронзовых колец, одно из которых представляет собой окруженный ободком равносторонний крест с кругом в центре (рис. 3, *2*). Аналогичные по форме глиняные поделки известны из могильника у Хотина [42] и поселения у Нитры [43] в Словакии, а также из городища лужицкой культуры у Бискупина в Польше [44]. О. Монтелиус подобные изображения на краю венчика ритуального бронзового сосуда из местности Истад в Скандинавии [45] рассматривает как символы солнца.

Ряд аналогий интересующему нас типу солярного знака находим в высоцкой культуре (бронзовая бляшка в виде равностороннего креста

---

[26] K. Horedt. Die Wietenbergkultur. «Dacia», IV, 1960, рис. 9, I — *2*, *4*; II — *2*, *4*.

[27] D. Berciu. Contribuţii la problemele neoliticului în Romînia în lumina noilor cĕrcetări. «Biblioteca de archeologie», V, 1961, рис. 123, *2*.

[28] Там же, рис. 156, *1*, *2*; 158, *3*, *6*.

[29] М. Русу. Ук. соч., рис. 3, *12*.

[30] А. Вульпе. Вопросы в связи с концом бронзового века в свете раскопок в Фириджеле. «Dacia», IV, 1960, рис. 5, *14—16*.

[31] D. Berciu. Ein hallstattisches Brandgrab aus Balta-Verde. ESA, IX, 1934, рис. 3, *b*; 4, *g*.

[32] M. Hoernes. Ук. соч., рис. 31, 35, 44.

[33] M. Hoernes. Ук. соч., рис. 32—34; K. Willvonseder. Ein Depotfund aus Stillfried d. March. WPZ, XIX, 1932, рис. 2, *1*; табл. I, *3*, *8—10*.

[34] M. Hoernes. Ук. соч., рис. 37, 45.

[35] Там же, рис. 29, 30, 47.

[36] І. К. Свешніков. Ук. соч., стр. 45, 62.

[37] Там же, табл. 11, *12*.

[38] M. Dušek. Halštatská kultúra Chotínskej skupiny na Slovensku. Sl. V, 1, 1957, табл. XXI, *2*.

[39] А. Вульпе. Ук. соч., рис. 7, *3*.

[40] A. Knapowska. Kilka przykładów wpływów naczyń drewnianych na ceramikę. ZOW, XXI, 1, 1952, рис. 3.

[41] T. Sulimirski. Brązowy skarb z Niedzielisk pow. Przemyślany. «Światowit», XVII, 1938.

[42] M. Dušek. Ук. соч., табл. II, *4*, *6*.

[43] A. Točik. Befestigte bronzezeitliche Ansiedlung ins Veselé. «Študijne Zvesti Archeologického Ustavu Slovenskej Akademie Vied», 12, Nitra, 1964, рис. 27, *9*.

[44] Z. Kołosów'na. Przedmioty kultu i zabawki z grobu kultury łużyckiej w Biskupinie. III Sprawozdanie z prac wykopaliskowych w grodzie kultury łużyckiej w Biskupinie w powiecie żnińskim za lata 1938—1939 i 1946—1948. Poznań, 1950, стр. 214.

[45] O. Montelius. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien. Braunschweig, 1900, рис. 199.

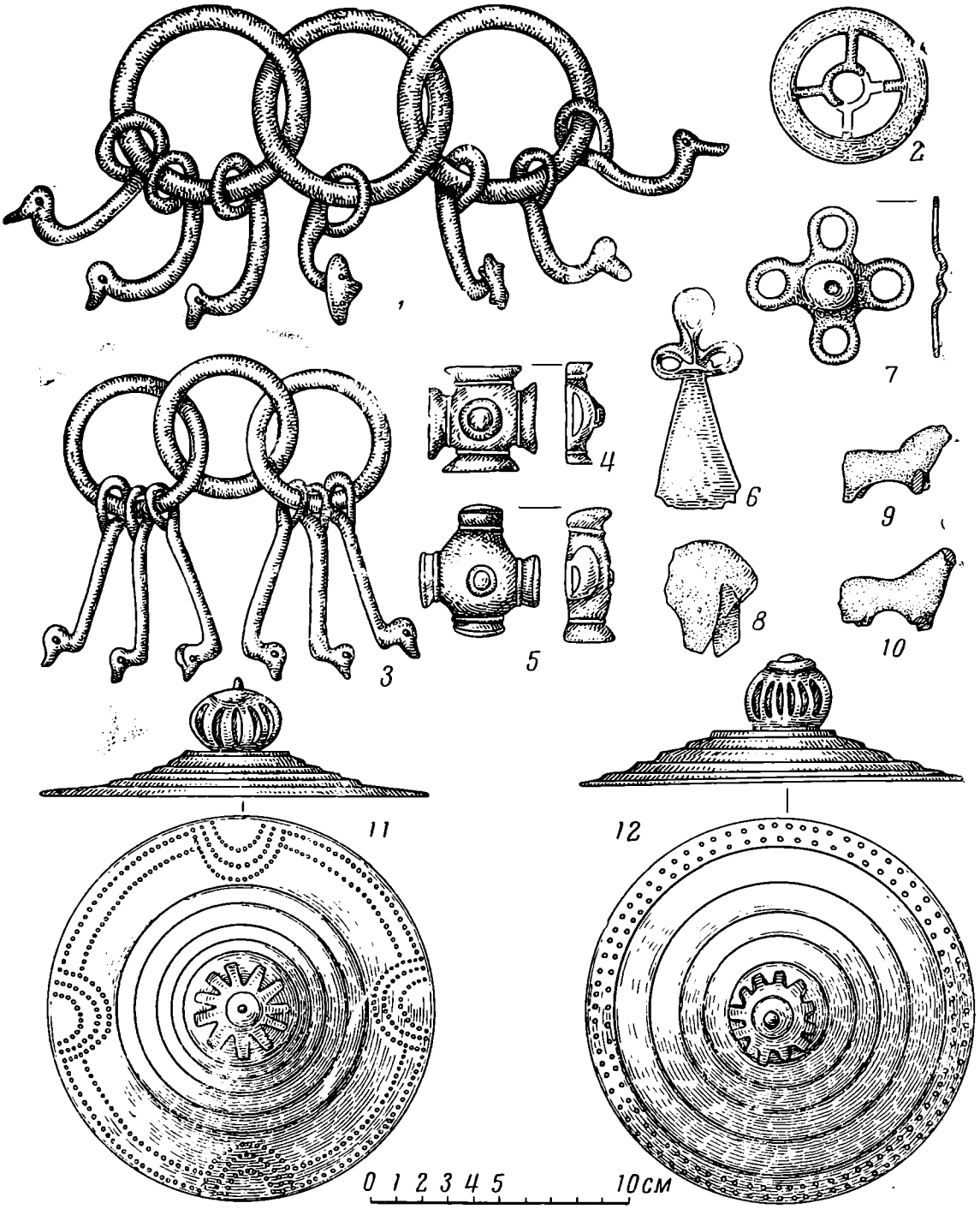


Рис. 3. Культовые предметы из Западной Подолии и Волыни

1—3, 6, 7 — бронзовые подвески (*1* — Смерековка, *2* — Неделиска, *3* — Кудринцы, *6* — Держев, *7* — Борисковичи); *4, 5, 11, 12* — крестовидные пряжки и бляхи из клада у с. Голиграды; *8—10* — глиняные фигурки коней (*8* — Федоровка; *9, 10* — Городница)

с круглой выпуклостью в центре из могильника у с. Чехи[46], бронзовая пуговица из Золочева[47], черпак из могильника у с. Ясенев с изображением вписанного в круг креста и мотива елочки[48]). Следует также упомянуть бронзовую подвеску, найденную у с. Борисковичи Волынской области[49], представляющую собой равносторонний крест с петельчатыми сторонами и круглой выпуклостью в центре (рис. 3, 7). Петельчатое

[46] T. Sulimirski, Ук. соч., табл. XXV,*51*.

[47] Л. І. Крушельницька. Могильник висоцької культури у м. Золочеві. «Археологія», XIX, 1965, рис. 10, *7*.

[48] T. Sulimirski. Ук. соч., табл. XIX, *27*.

[49] Хранится в Институте общественных наук Львовского университета.

оформление сторон этой подвески сближает ее с распространенными в конце бронзового века подвесками в виде креста, три стороны которого имеют вид петелек, четвертая (нижняя) — равнобедренного треугольника. Одна из таких подвесок была найдена у с. Держев Львовской области (рис. 3, *6*), фрагменты двух других происходят из поселений культуры ноа у сел Островец Ивано-Франковской области [50] и Магала Черновицкой области [51]. Подобные подвески известны также из Рамгани в Трансильвании [52], из погребения у с. Солонец Херсонской области [53] и из местности Ульми-Литени в Молдове (Румыния) [54].

Важно то обстоятельство, что упомянутые подвески по форме напоминают крест с ушком (анх) — сирийский и древнеегипетский символ и иероглиф жизни, который почти на всех изображениях египетские боги держат в руке (рис. 2, *4*) [55]. Нижние и боковые стороны некоторых египетских подвесок в виде анха с круглой выпуклостью в центре имеют форму треугольных петелек [56]. Антропоморфизированный египетский иероглиф жизни, несколько напоминающий наши подвески, был фетишем карфагенской богини плодородия Танит (рис. 2, *3*) [57].

Приведенные примеры, на наш взгляд, убедительно показывают культовый характер изображения равностороннего креста с кругом в центре как символа огня, солнца и жизни. Этим солярным знаком украшены и другие вещи из Михалковских кладов: ажурный браслет (рис. 4, *11*), навершия рукояток кинжалов (рис. 4, *9*) и пять фибул (рис. 1, *2, 4, 6, 7*; 5, *8*). Следует обратить внимание на то, что изображение креста по краю диадемы усложнено двумя парами бараньих рогов, в которые переходят раздвоенные вертикальные стороны крестов. Подобным образом оформлены концы четырех браслетов из Михалкова (рис. 4, *8, 10, 11*) [58].

Орнамент в виде бараньих рогов или головок этого животного на верхней части ручек сосудов известен в некоторых энеолитических культурах [59], где он, видимо, имел значение магического приема для оберегания содержимого сосуда от действия злых сил [60]. Следы культа барана в виде глиняных статуэток имеются также в трипольской культуре [61]. К началу железного века относится культовая бронзовая фигурка барана из Румынии [62]. Изображение символа верховного божества (а мы вправе рассматривать равносторонний крест с кругом в центре как символ бога солнца) с бараньими рогами указывает на то, что в понятии изготовившего михалковские предметы мастера магическая сила барана была одним из свойств верховного божества. Интересно, что в древнем Египте баран

---

[50] Е. А. Балагурі. Ливарні матриці з поселення пізньої бронзи біля с. Острівець Іваново-Франківської області. МДАПВ, 5, табл. II, *2*.

[51] Г. И. Смирнова. Сведения о работе Западноукраинской экспедиции 1956 г. СГЭ, XIII, 1958, рис. на стр. 68.

[52] M. Roska. Erdély regészeti repertóriuma. Kolozsvar, 1942, I, рис. 292.

[53] О. І. Тереножкін. Поховання епохи бронзи біля с. Солонець. «Археологія», XVI, 1964, рис. 2.

[54] M. Florescu. Depozitul de obiecte de bronz de la Ulmi — Liteni. «Archeologia Moldovei», I, 1961, рис. 3, *1, 4*.

[55] A. Erman. La religion des égyptiens. Paris, 1937, рис. 4, 7, 10, 15, 19, 21, 24, 31; табл. I.

[56] J. H. Breasted. Geschichte Aegyptens. Leipzig — Innsbruck, рис. 333.

[57] G. Perrotet Ch. Chipiez. Ук. соч., III, 1885, рис. 29, 232.

[58] Два из этих браслетов были парными (рис. 4, *8*). Третий (рис. 4, *10*) дошел до рук археологов, так же как и ажурный браслет, в единственном экземпляре.

[59] Z. Podkowińska. Spichrze ziemne w osadzie kultury pucharów lejkowatych na Gawrońcu — Pałydze w Ćmielowie, pow Opatów. AP, VI, 1, табл. I, XIV, XVI,— XVIII, *2*.

[60] Z. Podkowińska. Ук. соч., стр. 58, 59.

[61] H. Cehak. Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce. «Swiatowit», XIV, 1933, табл. XI; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, 10, 1949, стр. 193.

[62] V. Pârvan. Getica. Bucureşti, 1926, табл. IV, *3*.

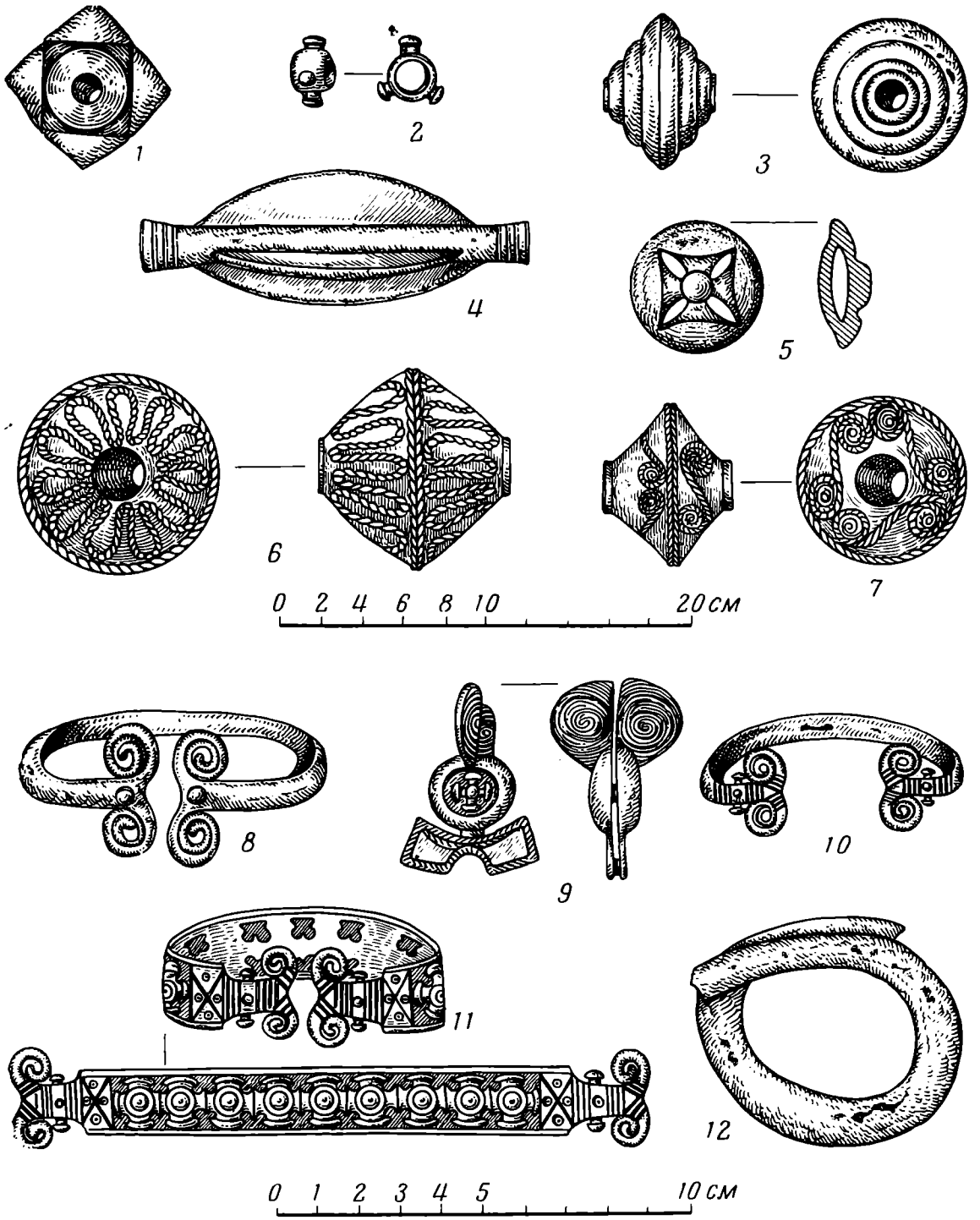


Рис. 4. Украшения из Михалкова и Золочева

1—4, 6, 7 — бусины из Михалкова; *5* — пуговица из Золочева; *8, 10—12* — браслеты из Михалкова; *9* — навершие рукоятки кинжала из Михалкова (*1—4, 6—12* — золото; *5* — бронза)

отождествлялся с Амоном [63]. Известны египетские и финикийские изображения Амона в виде человека с бараньими рогами [64]. Финикийским соответствием египетского Амона был Ваал-Хаммон — божество палящего солнца, изображавшееся в виде старца с бараньими рогами [65]. Можно добавить, что известные в сарматской культуре культовые фигурки барана, иногда украшенные солярными знаками в виде концентрических кру-

[63] J. G. Frazer. Złota gałąź. Warszawa, 1962, стр. 378, 391 (цитирую по польскому переводу).

[64] Ch. Daramberg et E. Saglio. Dictionaire des antiquités grecques et romaines, I. Paris, 1877, рис. 259; G. Perrot et Ch. Chipiez. Ук. соч., III, рис. 568.

[65] G. Perrot et Ch. Chipiez. Ук. соч., III, рис. 25.

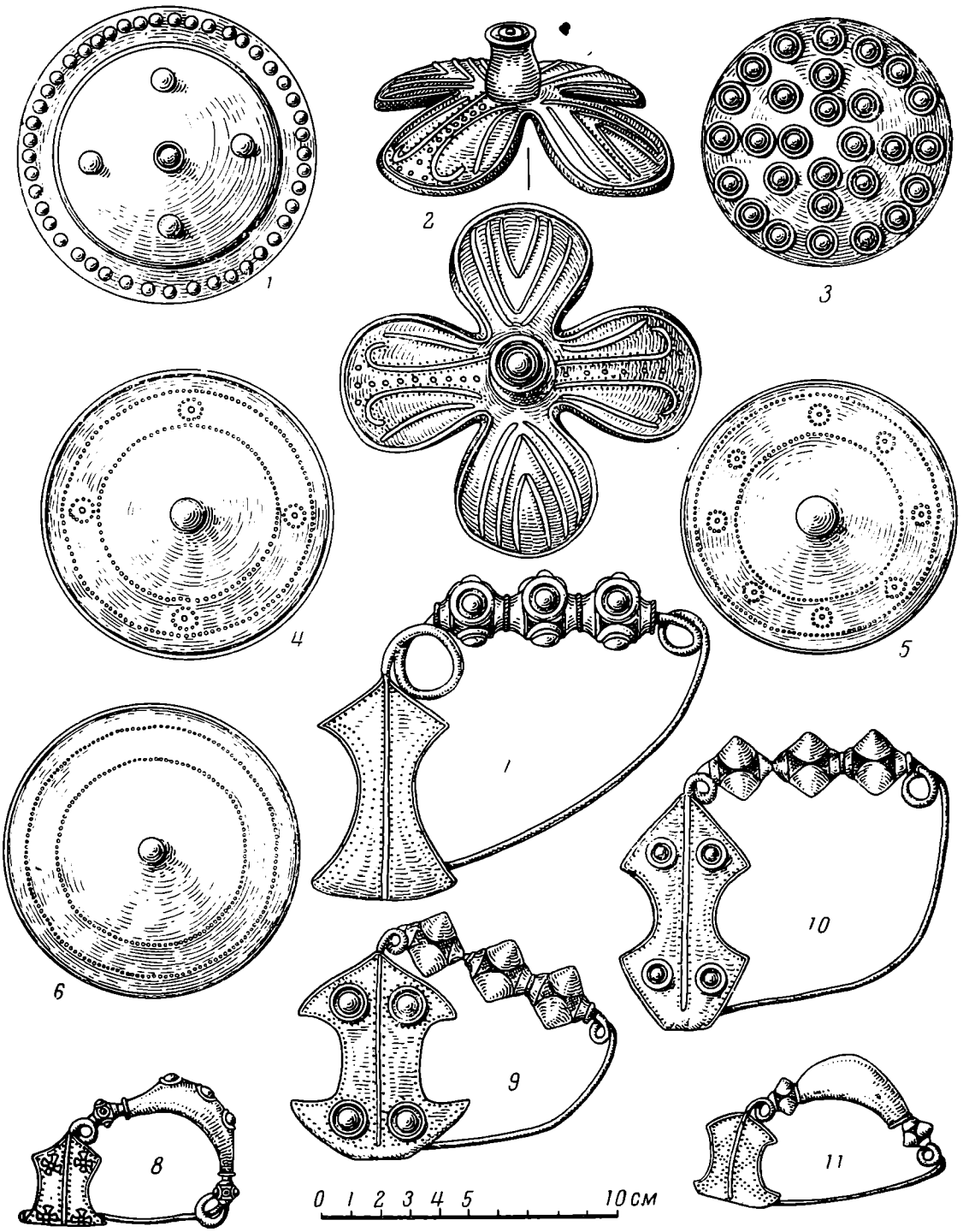


Рис. 5. Золотые бляхи и фибулы из Михалковских кладов

1—6 — бляхи; *7—11* — аркообразные фибулы

гов, рассматриваются исследователями как непосредственно связанные с культом солнца [66].

Основным мотивом орнамента полосы михалковской диадемы является знак из трех симметрично расположенных столбиков с полукруглыми концами. Круг с точкой в центре этой фигуры и окружающие ее концентрические линии свидетельствуют о том, что упомянутое изображение также является солярным знаком. Аналогичный знак украшает золотую бляху из клада у Фокору [67]. Бронзовая пуговица в виде этого знака из-

[66] М. І. Вязьмітіна. Золота Балка. Київ, 1962, стр. 212.

[67] M. Hoernes. Ук. соч., рис. 26.

вестна из кургана II у Балта-Верде в Румынии [68]. Мотив тройного солярного знака с кругом в центре широко распространен на глиняных пряслицах из I и II Трои [69], причем некоторые из этих изображений очень близки к знаку на вещах из Михалкова [70]. На троянских пряслицах встречается также орнамент в виде тройного симметричного расположения солнечных дисков, окруженных лучами [71]. Глиняная урна из Крита орнаментирована двумя рядами вписанных в завитки спиралей равносторонних крестов и тройных солярных знаков [72].

Можно напомнить также, что у ряда первобытных племен и древних народов цифра «три» считалась священной и обозначала тройственность [73]. В вавилонской религии существовала система тройного деления вселенной на землю и животный мир, высокое небо и небесный океан. Земной мир в этой системе также делился на три части — воздух, землю и океан. Соответственно с этим существовали две триады богов: космическая (боги Ану, Энлиль и Эа) и вторая, состоящая из бога солнца Шамаша, богини плодородия Иштар и бога луны Сина [74]. Триады богов были характерны также для древнего Египта и религии финикийцев. В состав такой триады входили верховный бог Ваал, богиня плодородия Астарта и юное божество природы, носившее в разных городах разные имена (Мелькарт в Тире, Эшмун в Карфагене и пр.) [75]. Трудно ответить на вопрос, можно ли привлечь в качестве отдаленных аналогий для расшифровки тройного солярного знака на михалковских вещах указанные триады богов.

Верхний ряд орнамента полосы михалковской диадемы состоит из круглых выпуклостей, обведенных двумя концентрическими кругами. Вторая диадема из Михалкова была украшена аналогичным орнаментом, расположенным в трех горизонтальных рядах (рис. 1, *3*). Солярный знак такого типа имеет очень широкий хронологический и территориальный ареал распространения. Достаточно сказать, что этот символ выступает на неолитических глиняных фигурках из Беотии [76], на энеолитической культовой керамике Средней Европы [77], в скандинавских наскальных изображениях бронзового века [78], в нижних слоях Трои [79], на финикийских изделиях из Кипра [80], на золотых диадемах и бляхах из микенских шахтовых гробниц [81], в Египте на золотых сосудах XIX династии [82], на браслете Рамсеса II [83], в этрусской культуре [84], в раннебронзовых и гальштатских культурах Чехословакии [85], Австрии [86], Венгрии [87], Румынии [88], западной

---

[68] D. Berciu. Ук. соч., рис. 4.
[69] H. Schliemann. Ук. соч., рис. 10—17, 24, 43, 46 и др.
[70] Там же, рис. 196, 202, 230.
[71] Там же, рис. 284, 338.
[72] G. Perrot et Ch. Chipiez. Ук. соч., VI, 1894, рис. 300.
[73] L. Keller. Dit heillige Zahalen. Leipzig, 1906; O. Jaremias. Ук. соч., стр. 146—148.
[74] A. Jaremias. Ук. соч., стр. 148.
[75] Б. А. Тураев, Ук. соч., II, стр. 17.
[76] M. Hoernes, O. Menghin. Ук. соч., рис. 1 на стр. 65.
[77] Там же, рис. 1 на стр. 323.
[78] Там же, рис. 1 на стр. 237.
[79] H. Schliemann. Ук. соч., рис. 280, 451, 478 и др.
[80] G. Perrot et Ch. Chipiez. Ук. соч., III, рис. 497, 602.
[81] Там же, VI, рис. 537, 545.
[82] G. Maspero. Ук. соч., рис. 303, 304.
[83] Там же, рис. 328.
[84] W. Ridgeway. The Early Age of Grece. Cambridge, 1931, I, рис. 97.
[85] M. Wankel. Bilder aus der Märischen Schweiz und ihrer Vergangenheit. Wien, 1882, стр. 407; A. Točik. Ук. соч., рис. 29, *3*; 31; M. Zapotocký. Bylanské kostrové hroby na Dolnim Poohri. PA, LV, 1, 1964, рис. 2, *26*.
[86] W. Ridgeway. The Early Age..., рис. 73; M. Hoernes. Goldfunde aus der Hallstattperiode..., рис. 66, 67, 69, 73.
[87] M. Hoernes. Ук. соч., рис. 36, 38; L. Márton, AÉ, XXIX, 1909, стр. 409; A. Száraz. AÉ, XI, 1891, стр. 321.
[88] A. Filimon. Le dépôt en bronze de Suseni. «Dacia». I, 1924, рис. на стр. 357; M. Русу. Ук. соч., рис. 4, *18*.

части Балканского полуострова [89], Западной Подолии [90], а также в памятниках скифского времени Северного Причерноморья и Кавказа [91], не говоря о многочисленных примерах распространения этого знака в более поздних памятниках. Содержание его хорошо раскрывают изображения солнца на пряслицах из I и II Трои, состоящие из круга с точкой в центре, окруженного лучами из коротких поперечных линий [92]. Ближайшие аналогии упомянутому орнаменту михалковских диадем известны на Кипре [93] и из Микен [94], несколько более отдаленные — из Гальштатского могильника [95].

Вторую группу вещей из Михалковских кладов составляют пять браслетов, из которых особого внимания заслуживает ажурный браслет, состоящий из двух горизонтальных полос и расположенных между ними девяти равносторонних крестов, прилегающих друг к другу горизонтальными сторонами. Пространство между крестами не заполнено металлом. Концы браслета раздвоены и завиты в бараньи рожки (рис. 4, *11*). Следующий тип представляют два браслета из полукруглой в сечении золотой полосы с завитыми в бараньи рожки концами. У основания рожек расположено по одной круглой выпуклости (рис. 4, *8*). Четвертый браслет близок описанным (рис. 4, *10*). На его концах у основания рожек расположено по три выступа в виде столбиков с полукруглыми головками. Аналогично оформлены концы браслета из Гайду-Шобошло (Венгрия) [96]. Пятый михалковский браслет из второго клада, попавший в частные руки, не орнаментирован. Он изготовлен из массивного круглого в сечении прута с ровно срезанными, далеко заходящими друг на друга концами (рис. 4, *12*).

Третью группу вещей из Михалкова составляют бляхи с петельчатыми ушками на обратной стороне, изготовленные из листового золота. Одна из них представляет неорнаментированный конусовидный диск с одной вогнутой поверхностью [97]. Выпуклая средняя часть второй бляхи орнаментирована пятью крестообразно расположенными круглыми выпуклостями и окружена широким ровным ободком, украшенным вдоль края крупным жемчужным орнаментом (рис. 5, *1*). Крестообразное расположение круглых солярных знаков встречаем на пряслицах и глиняных шаровидных изделиях из I и II Трои [98].

Три бляхи имеют центральную выпуклость, окруженную двумя концентрическими кругами из мелких оттиснутых изнутри точек (рис. 5, *4—6*). Выпуклая поверхность шестой бляхи украшена круглыми выпуклостями с рельефными ободками, образующими мотив равностороннего креста. Пространство между вертикальными и горизонтальными сторонами креста заполнено аналогичными знаками (рис. 5, *3*).

Особый интерес представляет седьмая бляха в виде четырех крестообразно расположенных лепестков и грушевидного вертикального выступа в центре (рис. 5, *2*). Бляха, очевидно, изображает чашечку цветка с отогнутыми лепестками и пестиком. Лепестки украшены выпуклыми полосками, имитирующими тычинки. На двух лепестках концы тычинок крючкообразно загнуты, а между ними расположен ряд штампованных

---

[89] W. Ridgeway. Ук. соч., рис. 78.

[90] W. Przybysławski. Skarb brązowy znaleziony na prawym brzegu Dniestru pod Uniżem. «Teka Konserwatorska», I, Lwów, 1892, стр. 30—39.

[91] В. А. Іллінська. Скіфська вузда, рис. 7, *1*; 10; 12, *1*; 13, *2*; 15, *6*; ее же. Про скіфські навершники. «Археологія», XV, 1963, рис. 1, *7*, *11*; 2, *9*, *11*.

[92] H. Schliemann. Ук. соч., рис. 280, 284, 338 и др.

[93] G. Perrot et Ch. Chipiez. Ук. соч., III, рис. 602.

[94] M. Hoernes, O. Menghin. Ук. соч., рис. на стр. 385; G. Perrot et Ch. Chipiez. Ук. соч., VI, рис. 537.

[95] M. Hoernes. Goldfunde aus der Hallstattperiode..., рис. 73.

[96] J. Hampel. AÉ, XVIII, 1898, рис. на стр. 52.

[97] K. Hadaczek. Ук. соч., табл. VI, *1*.

[98] H. Schliemann. Ук. соч., рис. 280, 478.

кружочков. Верх пестика украшен круглой выпуклостью, обведенной двумя концентрическими рельефными кругами. Некоторая стилизация изделия затрудняет точное определение цветка, изображением которого оно являлось. Несмотря на это, можно попытаться разгадать его значение. Наиболее близким нашему украшению по форме и отличительным признаком является цветок желтой кувшинки, состоящий, однако, из пяти лепестков. Форма чашечки, лепестков, пестика и тычинок кувшинковых очень близка к их воспроизведению на бляхе из Михалкова. Интересно, что в народной медицине желтая кувшинка считается лекарственным растением. Народное название этого растения «одолень» означает, по определению В. Даля, «приворотную траву, зелье ворожейное». Можно напомнить, что принадлежащий к семейству кувшинковых лотос в Древнем Египте считался священным цветком, из которого, согласно древнему мифу, родился бог солнца Амон. Связь кувшинковых с солнцем, заключающаяся в их свойстве раскрывать и закрывать чашечку в зависимости от солнечного света, видимо, давно обратила на себя внимание древних египтян. Распространенный в Азии и Юго-Восточной Европе индийский лотос считается также священным цветком в Индии и целебным растением в Китае.

Четвертую группу вещей из Михалкова составляют восемь аркообразных фибул. Их пластинчатые ножки имеют полукруглые или прямоугольные вырезы с боков и разделены по вертикали на две половины выпуклой линией. На проволочной спинке три бусины. Проволока между ножкой и бусинами и после них делает по одному спиральному обороту и переходит в иглу фибулы. Михалковские фибулы представлены четырьмя разновидностями. К первой из них относятся фибулы, ножки которых украшены четырьмя солярными знаками в виде круглых выпуклостей, окруженных рельефным ободком. Бусины, украшающие спинки фибул, состоят каждая из шести спаянных в местах соприкосновения конических колпачков, из которых верхние и нижние срезаны и продырявлены проходящей через них проволокой (рис. 5, *9*, *10*). Кроме круглых солярных знаков и бусин, воспроизводящих в плане форму равностороннего креста, особого внимания заслуживают ножки фибул, близкие по форме к бронзовым подвескам из Румынии, Венгрии и Чехословакии [99], что указывает также на определенную символику этого изображения.

Вторую разновидность составляют фибулы, спинки которых украшены бусинами, состоящими из четырех соединенных в местах соприкосновения дисков, изображающих солярный знак (окруженную ободком выпуклость). К дискам снизу и сверху прикреплены небольшие колпачки в виде усеченного конуса, составляющие основание бусин (рис. 5, *7*).

К третьей разновидности относится небольшая фибула, ножка которой украшена двойной линией из наколов, образующих ромб с расходящимися от него двумя косыми линиями. Бусины на спинке фибулы состоят из шести конических колпачков (рис. 5, *11*).

Четвертую разновидность составляет небольшая фибула с полукруглыми боковыми вырезами на ножке, украшенной четырьмя солярными знаками в виде равностороннего креста с круглой выпуклостью в центре. Крайние бусины на спинке фибулы состоят из четырех дисков с круглыми солярными знаками. Тремя такими же знаками украшена средняя крупная луновидная бусина (рис. 5, *8*). Аналогии двум последним разновидностям михалковских фибул известны из могильника у Киш-Косег в Венгрии [100].

Особую группу вещей составляют четыре зооморфных фибулы, представляющие два типа стилизованных изображений животных. К первому

---

[99] М. Русу. Ук. соч., рис. 3, 10. 11; Z. Fiedler. K významu závěsek s prohnutými stěnami. PA, XLIV, 2, 1953, стр. 329—339, рис. 1—3.

[100] M. Hoernes. Prähistorische Miszellen. WPZ, IV, 1917, стр. 41 рис. 9.

относится одна фибула, изображающая фигуру коня с обернутой назад головой, открытым ртом, поднятым хвостом и слегка согнутыми в коленях ногами. На ногах, челюстях, ушах и хвосте — продольные выпуклости, обведенные, как и весь контур животного, линией из точек. Концы челюстей условно отогнуты. На внутренней стороне фибулы находилась игла, отломанная до поступления фибулы в музей. Фибула украшена девятью солярными знаками: в средней части тела животного находится равносторонний крест, а на шее, на месте глаза, на корпусе и на колене задней ноги — тройные солярные знаки (рис. 1, *2*).

Глиняные фигурки коней относятся к обычным находкам на поселениях голиградского типа. Два фрагмента таких фигурок найдены на поселениях у сел Лисичники [101] и Федоровка (рис. 3, *8*) Тернопольской области. Две почти целые фигурки происходят из поселения у с. Городница Ивано-Франковской области (рис. 3, *9, 10*). Аналогичные находки известны из раннескифских памятников Поднепровья [102] и Молдавии [103] и гальштатского поселения Лехинца де Муреш в Румынии [104]. Бронзовые фигурки коня широко распространены в гальштатских памятниках Средней Европы. Из Гальштатского могильника, например, известна фибула в виде фигурки коня, украшенной у основания шеи и на крупе круглыми солярными знаками [105]. Из могильника у Киш-Косег происходят две бронзовые подвески в виде фигурок коня и такая же фибула [106]. Бронзовая гальштатская фигурка коня была найдена у с. Пересопница Ровенской области [107]. Многочисленные аналогии этой находке известны в Северной Италии [108]. Связь изображения коня с культом солнца неоднократно отмечалась в археологической литературе [109]. Общеизвестны изображения древнегреческой квадриги бога Гелиоса или фракийского конного божества — так называемого фракийского или дунайского всадника. Глиняная фигурка всадника была найдена в погребении III—IV вв. у с. Городница Ивано-Франковской области [110]. Девять солярных знаков, украшающих фибулу из Михалкова, также подтверждают связь этого изображения с культом солнца. Конь был также атрибутом неразделимо связанной с солнечным божеством великой богини Матери, что также отмечалось в археологической литературе [111].

Второй тип зооморфных фибул представлен тремя экземплярами, схематически изображающими животное с раскрытой пастью, длинным языком, стоящими ушами, опущенным вниз хвостом. Конец хвоста и концы челюстей отогнуты назад. Внешняя поверхность фибул украшена прикрепленными к ним заклепками крестообразными и тройными солярными знаками, а также медальонами из двух концентрических рельефных линий с равносторонним крестом в центре, вокруг которого как бы вра-

---

[101] І. К. Свешніков. Ук. соч., стр. 53.

[102] М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастерском городище в 1949 г. КСИИМК, XXXVI, 1951, рис. 44; І. В. Фабріціус. Тясминська експедиція 1947 р. АП, IV, 1952, табл. I, *1, 2*; М. Я. Рудинський. Мачухська експедиція інституту археології (1946). АП, II, 1949, табл. III, *1—3, 5*.

[103] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, 1959, стр. 84, стр. 28; О. Н. Мельниковская. Археологические разведки на поселении у с. Цахнауцы. КСИИМК, 56, 1954, рис. 36, *3*.

[104] K. Horedt. Hallstättische Tierfiguren aus Lechinţa de Mureş. «Dacia», VII, 1963, стр. 529, рис. 2, *2*.

[105] W. Ridgeway. Ук. соч., рис. 73.

[106] M. Hoernes. Ук. соч., рис. 8, 9.

[107] A. Szlankówna. Kilka importów staroitalskich i zachodnioeuropejskich z Południowo—Wschodniej Polski i Ukrainy. «Swiatowit», XVII, 1938, стр. 293—295, рис. 1.

[108] A. Szlankówna. Ук. соч., стр. 294, примеч. 3—5.

[109] В. А. Іллінська. Про скіфські навершники, стр. 55, 56; М. І. Вязьмітіна. Ук. соч., стр. 211—212.

[110] W. Przybysławski. Poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem, dokonane w roku 1877. ZWAK, II, 1878, стр. 56, табл. III, *C, 1*.

[111] М. І. Вязьмітіна. Ук. соч., стр. 212.

щаются три утиные головки. На фибулах изображены, видимо, фигуры бегущих собак. Они различаются по размеру, количеству медальонов и солярных знаков. У самой крупной из них внутренние края челюстей украшены косой насечкой, имитирующей зубы. Конец верхней челюсти обломан (рис. 1, *6*). Две другие фибулы меньшего размера. Они различаются незначительными деталями в контуре животного и размещении солярных знаков (рис. 1, *4, 7*).

Точные аналогии михалковским фибулам неизвестны. Близким к михалковскому изображению животного с раскрытой пастью и круглыми солярными знаками на теле является бронзовая позолоченная пластинка из клада у Далиа в Славонии [112]. Отдаленной аналогией являются фигуры четырех собак на золотой пластинке доэллинистического времени из Кипра [113]. По стилю михалковские изображения собак близки к фигуре свиньи на костяной рукоятке ножа из Трои II, характеризующейся такой же трактовкой согнутых и вытянутых вперед ног животного и острыми выступами на его хребте [114]. Изображение собаки, как священного животного богини плодородия Иштар, часто встречается в вавилонских древностях, где богиня обычно изображена сидящей или стоящей на собаке [115]. В этом плане очень интересна роль собаки, сопутствующей богине воскрешающей мертвого Таммуза и, таким образом, способствующей ежегодному воскресению природы.

Связь михалковских фибул с культом солнца подтверждена покрывающими их солярными знаками. Среди них особого внимания заслуживают медальоны с изображением утиных головок, размещенных вокруг крестообразного солярного знака. Следы культа водоплавающих птиц, в частности уток, засвидетельствованы в целом ряде гальштатских культур Средней Европы, откуда этот культ проникал также в Северное Причерноморье [116]. В. А. Ильинская рассматривает изображения водоплавающих птиц на скифских навершиях как стоящие в непосредственной связи с культом солнца. Кроме известной солнечной колесницы с впряженными в нее фигурами трех уток, происходящей из местности Дупляя в Югославии [117], и бронзовой колесницы с 12 стилизованными фигурками водоплавающих птиц из Венгрии [118], эта связь подтверждается такими находками, как фибула из Киш-Косег, ножка которой украшена солярными знаками и головками уток [119], бронзовые бляхи, подвески и сосуды из Венгрии с изображениями водоплавающих птиц и солярных знаков [120]. Изображения голов лебедей по сторонам солярного знака украшают один из бронзовых котлов из клада у с. Кунисовцы Ивано-Франковской области [121]. Бронзовые подвески из клада у с. Вицынь Львовской области и из с. Кудринцы Тернопольской области состоят из трех соединенных друг с другом колец и прикрепленных к крайним кольцам изогнутых бронзовых прутьев с утиными головками на концах (рис. 3, *1*, *3*). К среднему кольцу из Вицыня, прикреплен бронзовый стержень с круглым солярным знаком на конце. Подвески в виде колец с подвешенными к ним утиными головками известны в Трансильвании, а к одной из них прикреплено

---

[112] Ebert. Jahreshefte der österreichischen archeologischen Institut. XI, 1908, рис. 115.

[113] R. Dussaud. Les civilisations préhelleniques dans le bassin de la mer Égée. Paris, 1914, рис. 21.

[114] H. Schliemann. Troja. Leipzig, 1884, рис. 40.

[115] A. Jaremias. Ук. соч., рис. 164.

[116] В. А. Іллінська. Про скіфські навершники..., стр. 56, 57, рис. 7.

[117] D. Boškvić. Quelques observations sur le char cultuel de Dupljaja. «Archaeologia Jugoslavica», III, Beograd, 1959, стр. 41.

[118] J. Hampel. Alterthümer..., табл. LVIII, *2*.

[119] M. Hoernes. Prähistorische Miszellen..., рис. 8.

[120] J. Hampel. A bronzkor..., III, табл. CCXV, *1*; его же. Alterthümer..., табл. LXIII, *4*; LXV, *3*.

[121] W. Przybysławski. Skrab brązowy...

двойное изображение солярного знака того же типа, что и на подвеске из Вицыня [122].

Гальштатские изображения водоплавающих птиц были также, видимо, связаны с культом воды — составной частью культа растительности и плодородия. Известно, что богиня плодородия всюду была также богиней утренней росы и воды [123], без которой невозможно существование растительности. Траурные празднества в честь хтонического божества Адониса в Восточном Средиземноморье заканчивались сбрасыванием его изображения в реку или море. Празднества в честь Кибелы также заканчивались омовением водой изображения богини и воза, на котором ее везли [124]. Эти обычаи имели характер магического приема, рассчитанного на обеспечение влагой растительности. Поэтому, возможно, не случайно упомянутая подвеска из с. Кудринцы была выловлена со дна р. Збруч.

Следующую группу вещей из Михалковских кладов составляют свыше 2000 золотых бусин. Некоторые из них с интересующей нас точки зрения не представляют интереса, символика других пока не поддается расшифровке [125]. Рассмотрим следующие типы бусин, заслуживающие особого внимания.

1) Бусины, состоящие каждая из шести конических колпачков, образующих в плане мотив равностороннего креста (рис. 4, *1*). Они аналогичны описанным выше бусинам на спинках фибул (рис. 5, *9, 10*).

2) Две одинаковые бусины, состоящие из низкого цилиндра с тремя расположенными на его боках выступами, аналогичными по форме сторонам тройного солярного знака, который представляют собой эти бусины (рис. 4, *2*). Аналогии описанным бусинам на Северном Кавказе указал еще М. Гернес [126].

3) 16 бусин разной величины, состоящих каждая из трехгранной трубочки с припаянными к ней тремя полуовальными пластинами. Круглые, воронковидно расширяющиеся концы трубочек, украшены кольцевыми нарезами (рис. 4, *4*).

4) Три биконические бусины, состоящие из двух полушарий, на которых расположено по три оттиснутых изнутри ступенчатых концентрических круга (рис. 4, *3*). В. А. Ильинская рассматривает щитки со ступенчатым расположением концентрических кругов на раннескифских навершиях как изображение солнечного диска [127]. К подобной группе находок относятся две бронзовые бляхи из Голиградского клада, представляющие собой круглые ступенчатые щитки с подвижным ажурным шариком в центре (рис. 3, *11, 12*). Близкие аналогии этим шарикам встречаем на раннескифских навершиях [128], а бляхи со ступенчатым расположением концентрических кругов происходят из местности Мишка в Трансильвании [129].

5) Две бусины (биконическая и шаровидная), состоящие из двух спаянных вдоль краев частей, орнаментированных сканью: напаянные витые золотые проволочки на обеих половинках бусин образуют мотив соединенных спиралей (рис. 4, *7*). Солярный знак в виде спирали, настолько распространенный мотив орнамента в разных культурах, начиная с эпохи неолита, что нет необходимости перечислять аналогии орнаменту этих бусин. Из всех многочисленных аналогий можно остановиться на одной, близкой по технике выполнения этого орнамента: объединенные спирали,

---

[122] М. Русу. Ук. соч., рис. 1, 21, 24.
[123] W. H. Roscher. Ук. соч., I, стр. 330, 390, 650.
[124] J. G. Frazer. Ук. соч., стр. 295, 311.
[125] K. Hadaczek. Ук. соч., табл. XII, *2—4*, XIII, *4—9*.
[126] M. Hoernes. Goldfunde..., рис. 54, 55.
[127] В. А. Іллінська. Про скіфські навершники, рис. 3, *2*; 10, *1*, стр. 59.
[128] Там же, рис. 1, *2, 3, 11—13*; 2, *1*.
[129] М. Русу. Ук. соч., рис. 4, 9, 10.

украшающие золотой диск из Микен, выполнены техникой скани из золотых проволочек [130].

6) Три бусины (две биконические и одна шаровидная), отличающиеся от предыдущих мотивом орнамента: их половинки украшены сканью из витых проволочек, образующих зигзаг (рис. 4, *6*). Аналогичный орнамент встречаем на фаянсовых изделиях из Кносского дворца [131], а также на вазе из гробницы № 520 в Микенах [132].

Шейная гривна из Михалкова [133] и сохранившиеся в фрагментированном состоянии наручи (пластинки из листового золота с поперечной гофрировкой [134]) с точки зрения символики, видимо, не представляют интереса. Эти украшения являлись, очевидно, дополнением к парадному облачению собственника Михалковских кладов. Хранящаяся в Венском музее золотая пирамидальная подвеска из Михалкова не издана. Это затрудняет выяснение ее символики.

Два навершия рукояток кинжалов состояли из двух соединенных поперечным стержнем полушарий с круглым углублением в центре, прикрепленных к ним снизу трапециевидных пластин с полукруглыми вырезами в их нижней части и кружков, расположенных над полушариями и занимающих по отношению к ним поперечное положение. На поверхности кружков напаяны спирали из проволоки. Края трапециевидной пластинки утолщены и украшены косой насечкой. Внутри боковых углублений в полушариях расположены равносторонние кресты (рис. 4, *9*). Аналогией описанному предмету является золотое навершие из клада у Далиа, состоящее также из украшенных крестообразными солярными знаками двух соединенных друг с другом частей [135].

В состав первого Михалковского клада входила одна золотая чаша с отогнутым венчиком, вогнутым дном и выпуклыми стенками, на которых имеются девять оттиснутых изнутри овалов (рис. 1, *5*). Близкая аналогия этому предмету известна из античного города Олимпия в Греции [136]. Две помятых и одна фрагментированная без орнамента чаши из листового золота входили в состав второго клада и попали в частные руки [137].

Анализ вещей из Михалкова позволил нам установить, что форма и орнамент этих украшений имеют символический характер и связаны с культом солнечного божества и богини плодородия. К многократно повторяющимся на этих вещах солярным знакам относятся изображения равностороннего креста с кругом в центре, тройного знака, круглой выпуклости с рельефными концентрическими ободками, круга с точкой в центре, ступенчатого расположения концентрических кругов и мотива попарно соединенных спиралей. Самые ранние аналогии им находим на Древнем Востоке. Равносторонний крест с бараньими рогами на первой диадеме и бараньи рога на четырех браслетах — обстоятельство, сближающее рассматриваемые символы также с религиозными представлениями Древнего Востока.

С культом богини плодородия связаны знаки полумесяца на первой диадеме и изображения коня и собаки на фибулах — священных животных богини. Солярные знаки на фибулах подчеркивают культ солнечного божества. Знак лунного божества на диадеме близок к символике финикийских религий.

---

[130] G. Perrot et Ch. Chipiez. Ук. соч., VI, рис. 540.
[131] R. Dussaud. Ук. соч., рис. 42.
[132] A. J. Wace. Chamber tombs at Mycenae. «Archaeologia», LXXXII, Oxford, 1932, табл. XVI, *14*.
[133] K. Hadaczek. Ук. соч., табл. X, *3*.
[134] W. Przybysławski. Dwa złote skarby..., рис. 3, 7.
[135] M. Ebert. Ук. соч., стр. 259, рис. 114.
[136] J. B. Bury, S. A. Cook, F. E. Adcock. The Cambridge Ancient History. Cambridge, 1927, рис. на стр. 274.
[137] W. Przybysławski. Ук. соч., рис. 4, 5, 8, 11.

Особую группу символов и вещей из Михалкова следует рассматривать как связанную с культом солнца и воды — составной частью культа богини плодородия и божества растительности. Сюда относятся изображения утиных головок на зооморфных фибулах и бляха, представляющая цветок кувшинки. Таким образом, анализ вещей из Михалкова позволяет предположить существование у населения Западной Подолии в начале железного века характерных для всех земледельческих племен культов солнца, богини плодородия и божества растительности.

Многократное повторение отдельных элементов орнамента вещей из Михалкова на памятниках Карпато-Дунайского района, золотые клады из Венгрии и Славонии (Фокору, Далиа), характерный для Карпато-Дунайского района и соседней части Балканского полуострова культ водоплавающей птицы исключают возможность предположения, что вещи Михалковских кладов являются привозными из Восточного Средиземноморья. Они, видимо, сделаны мастерами Карпато-Дунайского района.

Аналогии символике вещей из Михалкова в религиях Древнего Востока отнюдь не свидетельствуют о распространении в Западной Подолии культа Ваала, Иштар, Танит или Таммуза — Аттиса — Адониса. В этом вопросе мы не можем согласиться с польским исследователем С. Якубовским, рассматривавшим лицевые урны раннежелезного периода как доказательство существования в низовьях Вислы финикийских торговых факторий и распространения среди их населения культа Иштар [138]. Эту концепцию опровергает прежде всего полное отсутствие археологических доказательств существования таких факторий.

Трудно также поверить в возможность распространения среди племен, живших первобытнообщинным строем, религий развитых рабовладельческих государств древнего Востока. Не следует, однако, забывать, что в основе этих религий лежал общий и понятный для всех земледельческих племен культ солнца, плодородия и растительности. Этой древнейшей общностью можно объяснить широкое распространение древневосточной религиозной символики, проникавшей в весьма отдаленные от Средиземноморья районы благодаря разнообразным межплеменным связям. С. Фольтини привел многочисленные доказательства связей Трансильвании с Микенами и Афинами и высказал предположение, что причиной этих связей были естественные богатства Трансильвании, снабжавшей Древнюю Грецию медью, золотом и серебром [139]. В Западной Подолии и соседних с ней районах эти связи прослеживаются с очень древних времен. С самого начала изучения трипольских памятников археологи обратили внимание на связи этой культуры с древними культурами Средиземноморья и Малой Азии. И хотя причины этих связей отдельными исследователями объяснялись по-разному, факт их существования не подлежит сомнению и находит подтверждение в ряде новых находок [140]. Особенно важны связи трипольских племен и населения Восточного Средиземноморья в области религиозных представлений и обычаев. К наиболее известным находкам в Западной Подолии и соседних с ней районах вещей средиземноморского происхождения относятся египетские пастовые бусы из кургана начала бронзового века у с. Колпец Львовской области [141], протоэтрусский шлем из с. Кременная Хмельницкой области [142], известный Бессарабский клад из с. Бородино на Днестре, упоми-

[138] S. Jakubowski. Kult Isztary a popielnice twarzowe. Kraków, 1937.

[139] S. Foltiny. Mycenae and Transilvania. Commercial and Cultural Interrelations during the Central European Middle Bronze Age. «Hungarian Quarterly», 3—4, New York, 1962, стр. 133—140; его же. Athens and the East Hallstatt Region: Cultural Interrelations at the Dawn of the Iron Age. AJA, 63, 3, 1961, стр. 283—297.

[140] Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуна. СА, 1963, 1, стр. 135—151.

[141] L. Kozłowski. Ук. соч., табл. XIV, *1*.

[142] W. Antoniewicz. Protoetruski helm brązowy, znaleziony w Krzemiennej na Podolu. «Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne», VIII, 10—12, 1919, стр. 127—131.

навшаяся выше бронзовая фигурка коня из с. Пересопница Ровенской области, бусы из стеклянной массы египетского или сирийского происхождения и ожерелья из раковин каури с берегов Индийского океана или с островов восточной части Средиземного моря, найденные в ряде погребений высоцкой культуры [143].

Магический характер украшений из Михалкова позволяет предположить, что они употреблялись во время каких-то магических действий или празднеств, связанных с культом солнца и плодородия.

Часть вещей из Михалкова (пастовые, янтарная, стеклянная и отдельные золотые бусины, шейная гривна, браслет с заложенными друг на друга концами и коническая бляха) не имеет символического характера и представляет собой обычные для раннежелезного периода типы украшений. Ценный металл, из которого они изготовлены, позволяет предположить, что они составляли часть богатства, накопленного племенным вождем. Это подтверждается также фактом находки во втором кладе мотка золотой проволоки и слитка золота с неровной поверхностью весом 150 *г*. [144]. Очевидно, в кладах собственник соединил свои ценности бытового характера с предметами культового обихода. Предположение, что он владел обеими группами этих вещей, представляется вполне правдоподобным, особенно если учесть совмещение функций вождя и верховного жреца, часто наблюдающееся у ряда первобытных племен и древних народов [145]. Исключительный характер и ценность вещей Михалковских кладов [146], возможно, указывает на существование в начале железного века в окрестностях современного с. Михалкова племенного культового центра голиградской группы культуры фракийского гальштата.

---

[143] В. И. Канивец. Памятники высоцкого типа как исторический источник. Автореф. канд. дис. Киев, 1953, стр. 11.

[144] W. Przybysławski. Ук. соч., рис. 10, *В*.

[145] J. G. Frazer. Lectures on the Early History of the Kingship. London, 1905, стр. 60—88.

[146] Общий вес известных золотых вещей из Михалковских кладов превышал 7 *кг*.

М. А. ДЭВЛЕТ

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ МЕТАЛЛУРГИИ ЖЕЛЕЗА НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Вопрос о времени освоения металлургии железа на Среднем Енисее является дискуссионным. Его решение затрудняется тем обстоятельством, что в тагарских погребальных комплексах железные вещи, как правило, отсутствуют вплоть до тагаро-таштыкского переходного этапа. Положение С. В. Киселева о том, что железо, выдержав упорную борьбу с бронзой, с начала второй стадии тагарской культуры медленно, но неуклонно вступало в свои права [1] в настоящее время оспаривается Н. Л. Членовой. Она пишет: «Достоверно не известно, умели ли тагарские люди сами изготовлять железные вещи» [2]. Констатируя факт, что в Минусинской котловине имеется ряд железных предметов тагарского времени, известных из случайных находок (кинжалы и чеканы), Н. Л. Членова замечает, что, судя по форме и технике изготовления, они скорее всего импортные. «Таштыкцы победили тагарцев,— пишет она,— по всей вероятности, потому, что владели железом, прежде всего железным оружием, преимущества которого перед бронзовым неоспоримы» [3]. Она полагает, что железо не получило хоть сколько-нибудь широкого распространения в Минусинской котловине вплоть до II и I вв. до н. э. В связи с необычайным богатством Минусинской котловины медью, у местного населения не было особого стимула искать какой-то другой металл. «Таким образом, сыграв столь положительную роль в развитии карасукской и ранне-тагарской культуры, медные запасы Минусинского края в дальнейшем явились тормозом в развитии тагарской культуры, причиной ее отставания от соседних культур Алтая, Тувы, Казахстана, уже в V в. до н. э. начавших производство железных орудий» [4].

Почти полное отсутствие олова в Хакасско-Минусинской котловине наводит Н. Л. Членову на мысль об импорте его из Восточного Казахстана, где известны Калбинское и Нарымское оловянные месторождения [5]. Если согласиться с этим предположением, то становится очевидным, что тагарские племена в воспроизводстве оружия должны были зависеть от соседей, что неминуемо подрывало бы их боевую мощь [6]. Надо полагать, желание устранить неожиданные затруднения с подвозом олова, всегда

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 193, 319; Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху. МИА, 90, 1960, стр. 180—181.

[2] Н. Л. Членова. Тагарская культура на Енисее. Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964, стр. 287.

[3] Там же, стр. 308.

[4] Там же, стр. 287, 288.

[5] Там же, стр. 285.

[6] Кандидат геолого-минералогических наук Л. В. Громов предполагает, что в древности олово добывалось непосредственно в Хакасско-Минусинской котловине или в окружающих ее горах. По его мнению, геологическое строение и геохимическая история Кузнецкого Алатау и Саян весьма благоприятны для нахождения здесь коренных оловорудных месторождений. Л. В. Громов. Историческое исследование на службу поиску полезных ископаемых. Уч. зап. Хакас. НИИЯЛИ, VIII, 1960, стр. 26.

возможные при столь дальних перевозках,— достаточный стимул для освоения нового металла.

Мнению об импортном характере железных изделий тагарского времени и о столь значительном отставании Хакасско-Минусинской котловины в деле освоения железа противоречит ряд фактов. Ниже мы попытаемся обосновать неправомерность отнесения всей тагарской культуры к эпохе бронзы, как это имеет место в «Материалах по древней истории Сибири» [7], где глава «Тагарская культура на Енисее» помещена в разделе «Бронзовый век».

Из всеобщей истории первобытной культуры мы знаем, что длительный период отделяет первое случайное получение мягкого железа от времени сознательного овладения древними мастерами нелегким металлургическим производством. Железо медленно завоевывало свое место, потому что первое железо было мягче бронзы, и требовалось время для накопления опыта плавки металла [8].

Широкие и планомерные полевые исследования последних лет Красноярской археологической экспедиции под руководством М. П. Грязнова привели к неожиданному открытию: древнее население Хакасско-Минусинской котловины познакомилось с железом еще на заре бронзового века. Как показали работы Карасукского отряда в 1964 г., уже в афанасьевскую эпоху железо на Среднем Енисее было известно и использовалось, как и в странах древней цивилизации, для декоративных целей. Драгоценные металлы: золото, серебро и железо — шли на изготовление украшений. Из золота и серебра люди афанасьевской культуры делали серьги, из железа изготовляли обоймицы «браслета» из кожи или другого мягкого материала, обшитого белыми аргиллитовыми пуговками-бляшками [9]. В лаборатории ЛОИА был произведен спектральный анализ железной обоймицы, показавший, что состав железа, из которого она иготовлена, близок к метеоритному [10]. Разумеется, в то время никакого металлургического значения железо иметь не могло. В погребениях, относящихся к последующим эпохам, вплоть до позднетагарского времени, железные изделия пока не найдены.

О постепенном распространении металлургии железа в местной тагарской среде, о длительном его сосуществовании с бронзой свидетельствует обилие предметов тагарского времени, изготовленных из двух металлов, среди которых не только оружие (кинжалы, чеканы), но и орудия труда (ножи). Нам известен 21 кинжал, в том числе девять экземпляров бронзово-железных: клинок бронзовый, рукоять железная (рис. 1), семь железно-бронзовых: клинок железный, рукоять бронзовая (рис. 2) и пять железных с перекрестьем, покрытым тонким бронзовым листом [11]. Эта серия кинжалов очень показательна для начального периода замены одного металла другим. Типология биметаллических кинжалов за исключением двух-трех экземпляров, возможно импортных, повторяет типологию бронзовых предшествующего времени.

---

[7] Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964.

[8] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 8, 322; Б. А. Колчин. Техника обработки металла в Древней Руси. М., 1953, стр. 20—23; С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1965, стр. 42; С. И. Вайнштейн. Тува в эпоху первобытнообщинного строя. История Тувы, I, М., 1964, стр. 24; Я. И. Сунчугашев. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве (канд. дис.), М., 1964, Архив ИА АН СССР, Р-2, д. 6, 1922, стр. 165; Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. ВМУ, 4, 1958, стр. 75.

[9] Афанасьева гора, мог. 26, раск. М. П. Грязнова в 1964 г. Отчет о раскопках Карасукского отряда в 1964 г. Архив ИА, Р-1, № 2955, стр. 16—17.

[10] Там же, стр. 31.

[11] Н. Л. Членова сообщает о 15 биметаллических кинжалах, которые она рассматривает как результат связей с западными и южными районами. Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 22—23.

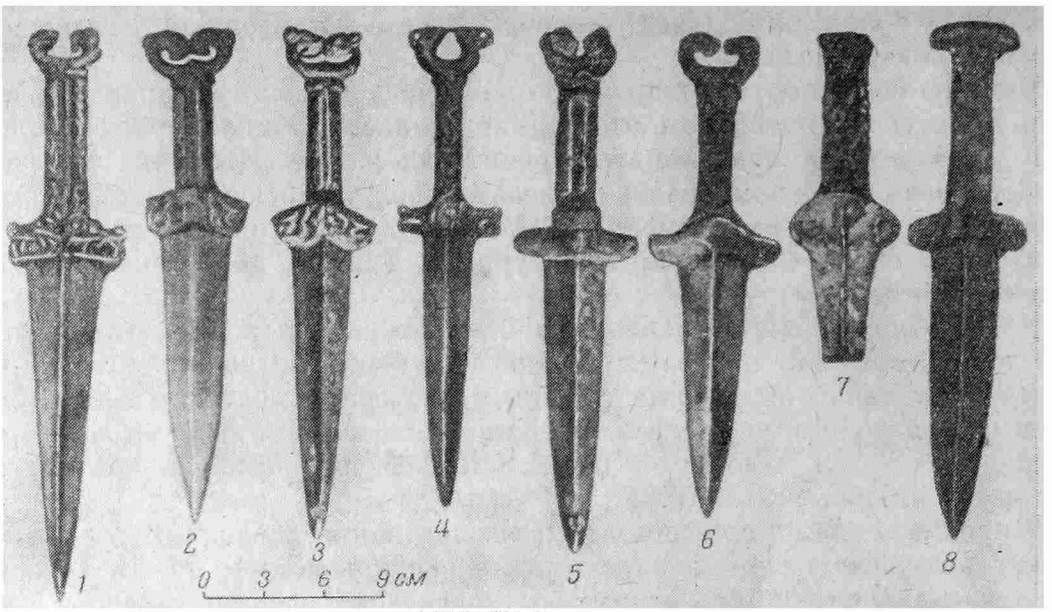


Рис. 1. Бронзово-железные кинжалы

1 — Батени, ГЭ, № 1343-1; 2 — место находки неизвестно, ГЭ, № 5531-338; *3* — Мальцева, ММ, № 6788; *4* — Абаканское, ГЭ, № 1124-16; *5* — Изых, ММ, инв. № нет; *6* — Тисуль, ГИМ, № 4939; *7* — Бирское, ГИМ, № 4939; *8* — Иджа, ММ, № 1210

Наиболее ранние биметаллические кинжалы, надо полагать, бронзово-железные, так как у них железо употребляется лишь для декоративных целей: из него сделаны рукояти. Очевидно, создатели бронзово-железных кинжалов, из которых шесть экземпляров с изображениями грифонов, еще не знали преимуществ нового металла, не оценили его прочности и твердости, а рассматривали железо лишь как красивый и ценный материал. Вряд ли прав Ю. С. Гришин, высказавший мнение, что железо при создании этой серии кинжалов заменяло высоко ценившуюся бронзу и медь [12]. Представляется более вероятным, что новый светлый материал применялся для украшения и кинжалы с железными рукоятями являлись, если уместно так выразиться, «модными» изделиями.

Кинжалы с железным клинком и бронзовой рукоятью появляются, как нам представляется, позднее, чем рассмотренные бронзово-железные. Они также имеют свои бронзовые прототипы или же занимают промежуточное положение между бронзовыми и железными образцами. Интересная особенность двух экземпляров железно-бронзовых кинжалов заключается в том, что их железные в основе рукояти по краям окованы бронзовой пластинкой точно так же, как позднее оковывались железной пластинкой края железных дисковых кинжалов.

Известны чеканы с бронзовой втулкой и железным острием и обушком. С. В. Киселев справедливо полагал, что это «современники» биметаллических кинжалов [13].

Среди тагарских древностей есть не только биметаллические кинжалы и чеканы, но и ножи, у которых ручки бронзовые, а лезвия железные. Они имеют обычные тагарские формы: однопетельные и кольчатые (рис. 3). Ножи этих типов сосуществовали, доказательством чему, в частности, служит имеющийся среди случайных находок интересный комплекс: тождественные по форме биметаллическим, но изготовленные из бронзы ножи, однопетельный и кольчатый, в древности надетые на одно общее кольцо с двумя шильями. Подобные ножи составляют обычный инвентарь погребений тагарской культуры. У всех пяти биметаллических ножей клинок железный, а ручка бронзовая, что также, по всей вероятности, было вызвано экономией ценного светлого металла. Как известно, именно ору-

[12] Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху, стр. 181.
[13] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 194, 274, 275.

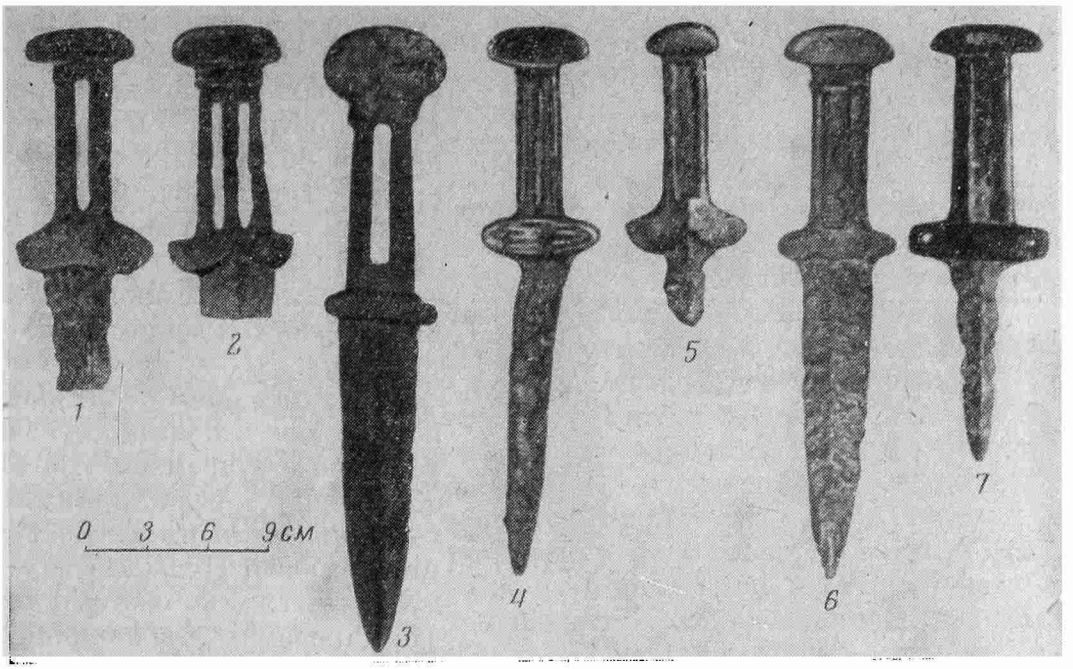


Рис. 2. Железно-бронзовые кинжалы

1 — Байкалово, ГЭ, № 5531-336; *2* — Белык, ГЭ, № 5531-335; *3* — Ладейская стоянка, ККМ, № 111-29; *4* — Сибирь, ГИМ, № 39165; *5* — Кавказское, ММ, инв. № нет; *6* — Устиново, ГЭ, № 5531-377; *7* — Минусинский край, МИМК ТГУ, № 3175

жие наиболее чутко реагирует на все технические нововведения, поэтому создание биметаллических ножей представляется возможным отнести к более позднему периоду, чем изготовление оружия. Обстоятельство, что не только предметы вооружения, но и повседневные орудия труда тагарское население начало делать из железа, свидетельствует о более широком распространении нового металла и показывает его освоение местным населением.

Кроме того, против мнения Н. Л. Членовой об импортном характере биметаллических кинжалов говорит тот факт, что на территории Казахстана и Памира [14], которые она рассматривает в качестве возможных мест их изготовления, а также в соседней Туве, находки изделий из двух металлов единичны, в то время как в Хакасско-Минусинской котловине их более двадцати. К тому же кинжалы Казахстана и Памира отличны по форме от минусинских.

Все сказанное позволяет заключить, что формы биметаллического оружия и орудий, во всяком случае в подавляющем большинстве, не заносились извне, а развивались на местной почве. Серии биметаллических изделий наглядно иллюстрируют собой происходивший здесь на заре железного века процесс постепенного превращения бронзового оружия и орудий труда в железные [15].

Далее о непрерывном и естественном процессе развития форм, о длительном сосуществовании и соперничестве двух металлов говорит значи-

[14] Б. А. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем в Индией в древности. XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, М., 1960, рис. 1—*17*, *18*; рис. 2—*12*; его же. Раскопки могильника на Восточном Памире в 1959 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, XXXI, Душанбе, 1961, стр. 58.

[15] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Уч. зап. Кабард. НИИ, V, Нальчик, 1950, стр. 263; его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 201—203; А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, 2, стр. 55; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. М., 1961, стр. 11; А. И. Шкурко. Скифский кинжал из Днепропетровского музея. Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 100; О. А. Даниелян. Железные мечи с бронзовыми рукоятками из грунтовых погребений Мингечаура. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965, стр. 59.

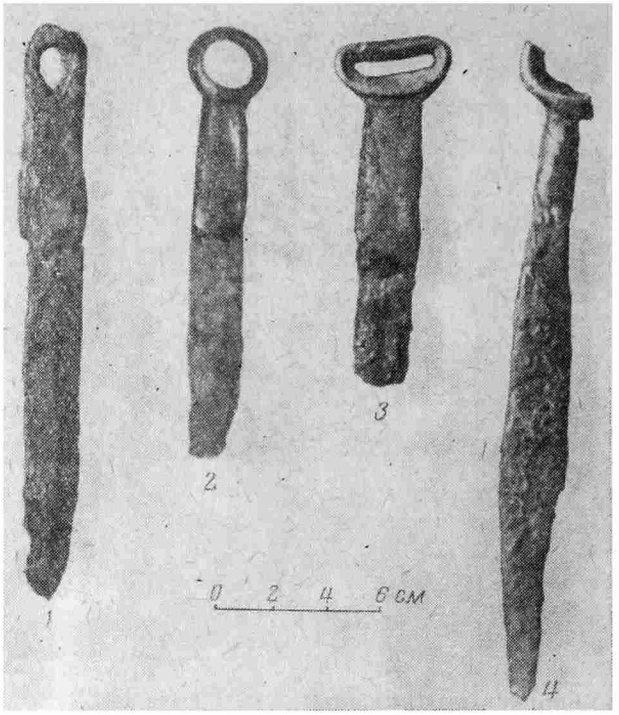


Рис. 3. Железно-бронзовые ножи.

1 — Минусинский край, ММ, № 600; *2* — место находки неизвестно, ГИМ, инв. № нет; *3* — Минусинский край, ММ, № 601; *4* — Калы, ММ, № 594

тельное количество тождественных по форме образцов бронзовых и железных предметов. Обратившись к рассмотрению серий железного оружия и орудий труда, мы можем проследить преемственность форм от соответствующих бронзовых и тем самым установить местное происхождение этих серий [16].

Сравнительно небольшое количество железных вещей тагарского времени находит объяснение, если принять во внимание условия их поступления в музеи. Прежде всего следует учитывать обстоятельства формирования коллекций из случайных находок. Археологические собрания минусинских древностей были составлены в подавляющем большинстве в последней трети прошлого века, когда в Сибирь хлынула волна русских крестьян-переселенцев. Идя за плугом, пахарь извлекал из земли каждую попавшуюся ему на пути древнюю вещь, которую, как было известно, он мог сбыть скупщикам, уполномоченным богатых коллекционеров, или же продать или пожертвовать в Минусинский музей. Железные вещи, помимо того, что они были менее древними, чем бронзовые изделия, имели более простые формы и были сравнительно худшей сохранности и поэтому редко привлекали внимание коллекционеров, а следовательно, и крестьян, собиравших их для продажи. Частных собирателей интересовали по преимуществу причудливые предметы из прекрасной золотистой бронзы, почти не подверженной губительному воздействию времени. В значительной массе железные вещи поступали в качестве пожертвований в Минусинский музей. Ныне, в эпоху тракторов и комбайнов, мелкие металлические изделия из случайных находок ускользают от внимания земледельцев и значительно реже поступают в музеи. В период освоения целинных и залежных земель, когда распахивались в Хакасско-Минусинской котловине тысячи гектаров, коллекции музеев пополнились, в основном, такими крупными предметами из случайных находок, как котлы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в коллекциях столичных музеев железные предметы, происходящие из случайных находок, относительно немногочисленны.

В последующие за тагарской эпохой два тысячелетия, время безраздельного господства железа, Хакасско-Минусинская котловина не пустовала: здесь обитало густое таштыкское население, затем сложилось мощное государство енисейских кыргызов, жили предки хакасов. Все они пользовались железными ножами и прочими железными предметами. И тем не менее в силу указанных обстоятельств даже в собрании Минусинского музея, где сосредоточена большая часть железных вещей окружающей территории, количество изделий из бронзы значительно превышает число железных. Соответственно этому, бронзовых кинжалов тагарского времени в музейных собраниях сотни, а железных десятки экземпляров. Пред-

[16] Н. Л. Членова относит к тагарскому времени 16 экземпляров железных кинжалов. Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен..., стр. 21—22.

ставляется очевидным, что количество бронзовых и железных предметов в музейных коллекциях может не соответствовать их реальному соотношению в тагарском обществе.

Рассмотрение соотношения количества однотипных бронзовых и железных кинжалов наводит на мысль, что чем значительнее относительное преобладание железных образцов над аналогичными бронзовыми, тем они моложе. Ряд железных кинжалов не находит себе бронзовых прототипов. В то же время аналогии им известны в сарматском мире. Это наиболее поздние из кинжалов Хакасско-Минусинской котловины.

Среди железных кинжалов, подражающих формой бронзовым, прежде всего следует отметить кинжалы с навершием в виде голов хищных птиц, обращенных друг к другу клювами, так называемые «грифоновые», затем с кольчатым и овально-кольчатым навершием и прямым перекрестием, кинжалы, аналогичные вышеуказанным, но имеющие прорезную рукоять, кинжалы с антенновидным навершием и др.

Особенно интересна группа железных грифоновых (15 экз.), отражающая затянувшийся на Среднем Енисее процесс перехода от бронзы к железу. В большинстве случаев они делались в точности по бронзовым образцам. Их производство представляло весьма сложный процесс. Если бронзовые отливались часто по уже имеющимся образцам, то железные выковывались. Изготовление наверший в виде тщательно исполненных голов птиц требовало большого мастерства и опыта и тем не менее некоторые железные кинжалы превосходят бронзовые по качеству разработки деталей. Со временем производство железных кинжалов начало упрощаться. Перекрестие древние мастера делали отдельно, а затем сваривали с самим кинжалом или прикрепляли путем насадки. Формы кинжалов становятся более лаконичными и незатейливыми. Однако типологическая трансформация еще не коснулась грифоновых кинжалов, тщательно подражающих бронзовым прототипам, она распространилась на более поздние группы железных кинжалов. Бронзовые грифоновые кинжалы несколько более многочисленны, чем железные (22 экз.).

О дате грифоновых кинжалов можно судить по многочисленным аналогиям в скифском и савроматском мире и на Алтае. Скифские параллели довольно отдаленны [17], к тому же головы грифонов не были характерным мотивом украшений наверший скифских мечей. Здесь известны всего три меча, навершия которых оформлены как головы птиц или грифонов [18]. Из них надежно датируется первой половиной V в. до н. э. лишь меч из кургана № 401 в с. Журавка, остальные экземпляры хронологическому определению не поддаются. Имеются бронзовые и железные мечи с подобными навершиями среди ананьинских древностей [19]. Сибирские изображения парных головок хищных птиц очень близки савроматским. Поразительное сходство наверший кинжалов из Южной Сибири и бронзовой пряжки VI—V вв. до н. э. из Ново-Кумакского могильника [20] справедливо отмечал К. Ф. Смирнов. Меч с грифоновым навершием из кургана № 7 могильника у с. Сара относится к рубежу VI—V вв. до н. э. [21] Имеется бронзовый крыловидноэфесовый кинжал, украшенный на навершии двумя головками грифонов, и среди древностей пазырыкской эпохи Алтая [22]. В районе Ордоса парные головки грифонов имеются на навершиях

---

[17] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д1-4, М., 1964, табл. 20, *13*, *14*.

[18] Там же, стр. 55.

[19] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952. табл. XXXII, *8*, *15*.

[20] К. Ф. Смирнов. Савроматы, М., 1964, стр. 220; М. Г. Мошкова. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. МИА, 115, 1962, стр. 222—226.

[21] К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 328, рис. 35 *А—1*.

[22] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, табл. XXX, *11*. О датировке пазырыкской эпохи Алтая: С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, стр. 162—172; 335—341; К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 279.

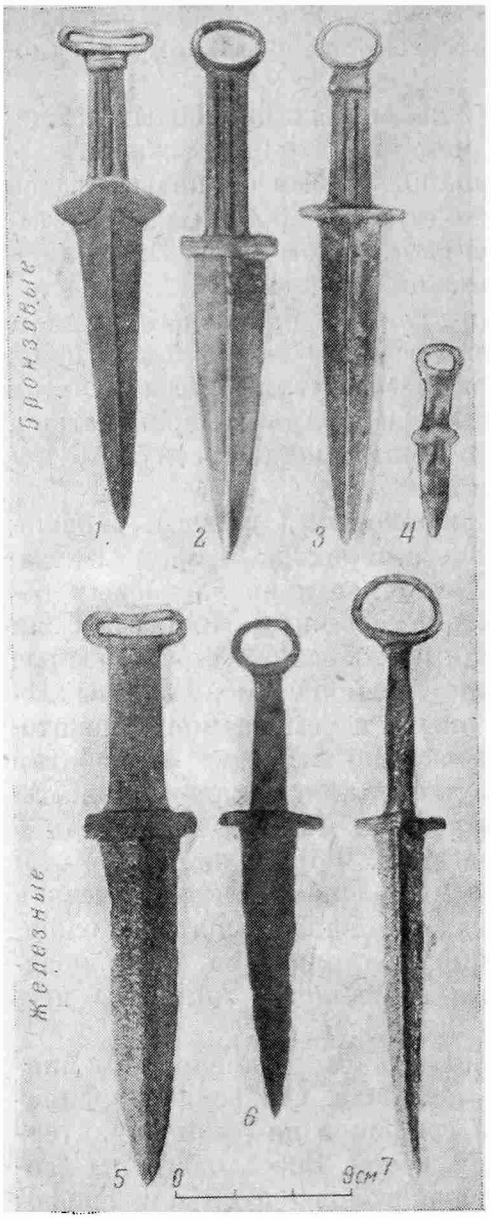


Рис. 4. Кинжалы с кольчатым или овально-кольчатым навершием и непрорезной рукоятью

Бронзовые: *1* — Минусинский край, ММ, № 12541; *2* — Перово, ГЭ, № 1293—21; *3* — Красноярск, ККМ, № 485; *4* — между Ачинском и Айдашинской пещерой, раскопки Проскурякова 1899 г., ГИМ, № 40212. Железные: *5* — окрестности Минусинска, ГЭ, № 5531—347; *6* — на р. Юсе, Божьем озере и В. Кие. Место находки неизвестно. ГЭ, № 1123—105; *7* — Бейское, ГЭ, № 5531—351

ножей [23] и кинжалов [24], происходящих из случайных находок и плохо поддающихся датировке. Останавливаясь на приводимых в работе Боровки «Scythian Art» трех экземплярах грифоновых кинжалов, М. Лёр указывал на отсутствие тождественных форм сибирских и монголо-китайских кинжалов с грифоновыми навершиями [25].

Среди железных кинжалов, подражающих по форме бронзовым, имеются два экземпляра с кольчатым и овально-кольчатым навершием, непрорезной плоской рукоятью и прямым, в одном случае, в другом,— слегка изогнутым под тупым углом перекрестием [26] (рис. 4, *5*, *6*). Они близки по форме бронзовым кинжалам с навершием в виде кольца, иногда уплощенного. Рукоять у бронзовых кинжалов, в отличие от железных, часто рубчатая, перекрестие крыловидное (рис. 4, *1—3*). Все бронзовые кинжалы данной группы, как и железные, происходят из случайных находок, за исключением одного миниатюрного [27] (рис. 4, *4*). В раннетагарское время также встречаются кинжалы с кольчатыми навершиями, но они по форме клинка, сужающегося к перекрестию, по форме перекрестия и рукояти существенно отличаются от рассматриваемых нами.

Известен еще один железный кинжал с навершием в виде кольца, происходящий из случайных находок [28], не имеющий аналогий в бронзе и относящийся к более позднему времени, чем предыдущие два,— вероятно, к таштыкской культуре (рис. 4, 7). Округлая в сечении, расширяющаяся к середине рукоять, узкий вытянутый треугольный клинок говорят о том, что если этот кинжал и не привозной с запада, то, во всяком случае, он изготовлен по сарматскому образцу. В пользу местного изготовления говорят небольшие размеры кинжала. Мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестием появляются в конце III—II вв. до н. э.

---

[23] M. Loehr. Ordos Daggers and Knives. Second part: Knives. «Artibus Asiae», XIV, 1—2, Ascona, 1951, табл. VIII, *53*.

[24] Его же. Ordos Daggers and Knives. First part: Daggers, «Artibus Asiae», XII, 1—2, Ascona, 1949, табл. IV, *13*.

[25] Его же. Chinese Bronse Age Weapons. Michigan, 1956, стр. 190.

[26] Окрестности Минусинска, ГЭ, инв. № 5531—347; на р. Юсе, Божьем оз. и В. Кие, ГЭ, инв. № 1123—105.

[27] Между Ачинском и Айдашинской пещерой, раск. Проскурякова в 1899 г. ГИМ, инв. № 40212.

[28] Бейское, ГЭ, инв. № 5531—351.

среди прохоровского оружия, на следующей средне-сарматской стадии развития они становятся ведущей формой мечей [29].

Более многочисленна группа железных кинжалов, аналогичных вышеописанным, но имеющих прорезную рукоять (рис. 5)). Часты случаи, когда в центре кольчатое навершие бывает сдавлено и имеет форму овала. Железных кинжалов (22 экз.) вдвое больше, чем бронзовых. Очевидно, кинжалы с овально-кольчатым или кольчатым навершием и прорезной рукоятью более поздние, чем с непрорезной плоской рукоятью. Такой вывод можно сделать не только на основании статистики соотношения количества бронзовых и железных экземпляров, но и по форме перекрестий бронзовых кинжалов, на которой отразилось влияние железных. Бронзовые кинжалы имеют узкие перекрестия крыловидные или прямые, сближающие их с железными образцами. У железных перекрестия всегда прямые, лишь у одного крыловидное [30]. Рассмотрение таблицы приводит к выводу, что железные кинжалы имеют свои местные бронзовые прототипы.

Аналогии бронзовым кинжалам с прорезной рукоятью имеются в Северном Китае в районе Ордоса. Это кинжал с овально-кольчатым навершием и прямым перекрестием [31], кинжал с таким же навершием и очень узким, опускающимся вниз под тупым углом перекрестием, слабо выступающим за пределы клинка [32]; кинжал с пластинчатым овальным навершием и крыловидным перекрестием [33]. Макс Лёр, описывая второй из перечисленных выше кинжалов, подчеркнул его близость кинжалам этого типа из Минусинской котловины и отметил, что на данном этапе датировать его трудно. М. Лёр ссылался на Г. Мерхарта, полагавшего, что подобные кинжалы одновременны грифоновым или относятся к более позднему времени [34].

Дисковые железные кинжалы (22 экз.), также ведут свое происхождение от бронзовых. Бронзовые прототипы железных дисковых кинжалов развились в свою очередь из так называемых крестовых, явившихся прямыми предшественниками дисковых, на что указывает ряд переходных форм. Интересно также отметить, что дисковый имеется среди биметаллических кинжалов (рис. 2, *3*). Рукояти дисковых кинжалов плоские, лишь в одном случае рукоять округлая, перекрестия насадные, иногда они отсутствуют. По большей части края рукоятей и дисков окованы железной пластиной, подобно тому, как бронзой окованы железные рукояти некоторых биметаллических кинжалов. Количество кинжалов из железа в несколько раз превышает число бронзовых. Это обстоятельство, а также то, что железные образцы никогда не имеют крыловидных перекрестий, позволяет считать железные дисковые кинжалы одними из наиболее поздних. Этот тип кинжалов сугубо местный, не встречается за пределами Хакасско-Минусинской котловины. Очень отдаленная аналогия дисковым кинжалам есть в Скифии [35]. Вероятнее всего, совпадение в форме навершия случайно, тем более, что навершие скифского меча вместе с обкладкой рукояти и перекрестием, почти не выходящим за пределы клинка, было вырезано из кости. То же можно сказать и о северокитайском кинжале [36], форма перекрестия которого не имеет аналогий на территории Хакасско-Минусинской котловины.

Наряду с предметами вооружения имеются железные ножи, копирующие бронзовые образцы. Прежде всего здесь следует указать на кольча-

[29] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д, 1—10. М., 1963, стр. 34; табл. 19, *23—27*.

[30] Место находки неизвестно, МИМК ТГУ, инв. № 6272—701.

[31] N. Egami, S. Mizuno. Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. «Archaeologia Orientalis». B., сер. I, Tokyo and Kyoto, 1935, Corpus II, рис. 31.

[32] M. Loehr. Ordos Daggers and Knives. First. part: табл. VI, *19*.

[33] M. Loehr. Chinese Bronze, табл. XXXVI, *90*.

[34] Там же, стр. 189.

[35] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, табл. 18, *9*, стр. 51.

[36] N. Egami, S. Mizuno. Ук. соч., рис. 37.

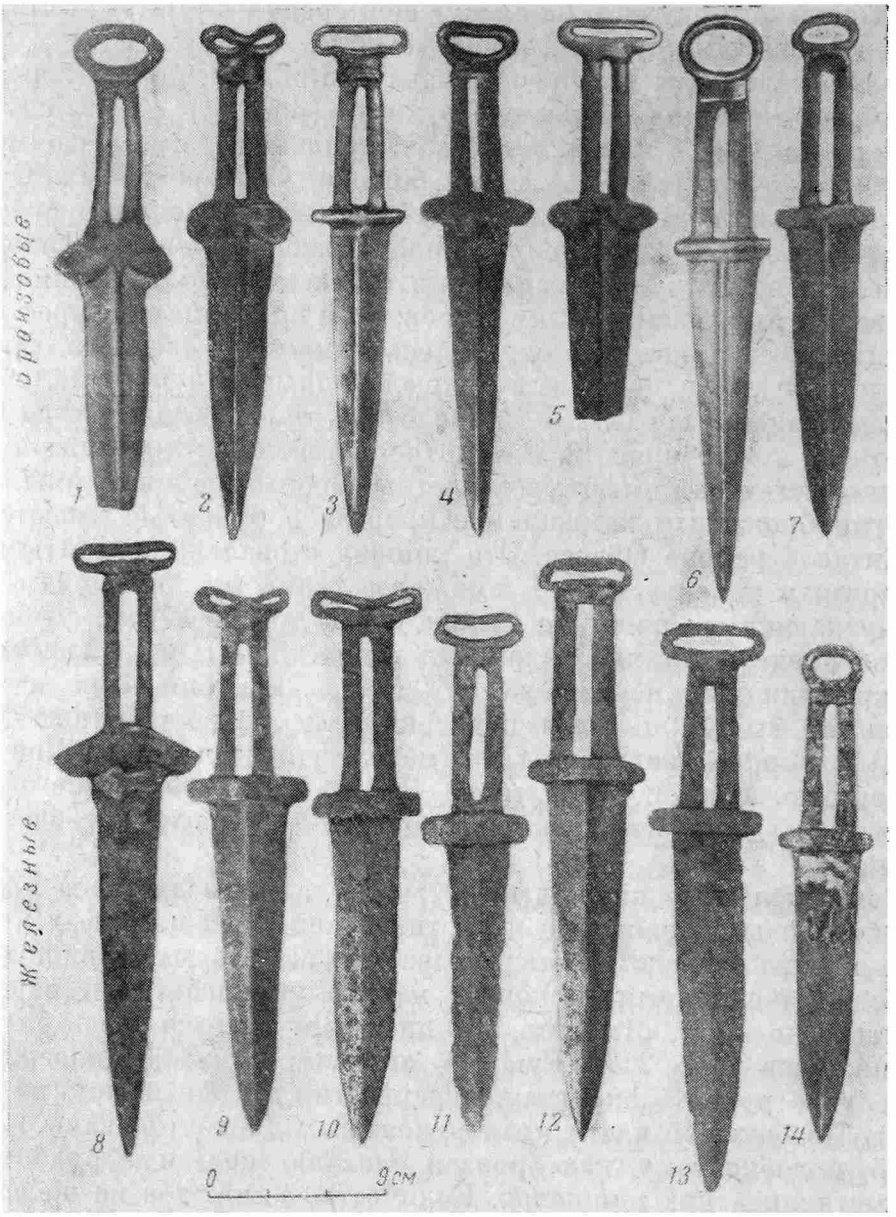


Рис. 5. Кинжалы с кольчатым или овально-кольчатым навершием и прорезной рукоятью

Бронзовые: *1* — Минусинский край, ММ, № 933; *2* — место находки неизвестно, ГЭ, № 5531—311; *3* — Минусинский уезд, ГИМ, № 49439; *4* — место находки неизвестно; ГЭ, № 5531—312; *5* — место находки неизвестно, ГЭ, № 5531—313; *6* — Минусинский уезд, ГИМ, № 49439; *7* — Частоостровская вол., ГЭ, № 5531—310. Железные: *8* — место находки неизвестно, МИМК ТГУ, № 6272—701; *9* — Минусинские степи (?), ГЭ, № 1670—10; *10* — место находки неизвестно, ГЭ, № 5531—343; *11* — Енисейская губ., ККМ, № 120—63; *12* — в 5 *км* от Минусинска, ГЭ, № 5531—342; *13* — Быстрая, ГЭ, № 1293—185; *14* — место находки неизвестно, ГЭ, № 1126—198

тые ножи. Ю. С. Гришин относит к тагарской культуре 137 кольчатых ножей, а также копытные, ажурные, дырчатые, петельные, крючковые. В самом конце тагарской эпохи появляются черешковые ножи, которые бытуют в таштыкскую эпоху [37].

На местное изготовление железных кинжалов указывает наличие в позднетагарских курганах бронзовых миниатюр, воспроизводящих образцы натуральных размеров. Начиная со второй стадии тагарской культуры, в могилы кладут не сами металлические предметы, не вещи, употреблявшиеся в быту, а их бронзовые копии, сначала уменьшенных, а затем и миниатюрных размеров. Первоначально миниатюры точно и правильно

[37] Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху, стр. 182.

копируют крупные вещи, затем становятся все более схематичными, детали их искажаются, но все же по ним мы можем судить о соответствующих формах нормальных размеров. Некоторые миниатюрные кинжалы воспроизводят в бронзе формы кинжалов, известные только по железным образцам (например, волютовые кинжалы известны лишь железные).

Г. Мерхарт отмечал связь антенных и грифоновых кинжалов [38]. А. Сальмони писал, что на всей территории распространения грифоновых кинжалов головы грифонов заменялись простыми антенными [39]. М. Лёр присоединился к мнению предыдущих исследователей, полагавших, что волютовые кинжалы развились из грифоновых [40], и останавливался на специфических особенностях минусинских и северокитайских образцов. Рассматривая кинжал с антенным навершием, М. Лёр отмечал, что форма лезвия ордосских кинжалов отличается от минусинских: нет широких треугольных лезвий и ярко выраженных ребер на них [41].

Наличие в погребальном инвентаре позднетагарского кургана дискового кинжала позволило Ю. С. Гришину значительную часть железных дисковых кинжалов отнести к тагарской эпохе [42]. До сих пор в тагарских курганах железных кинжалов обычных размеров не находили.

Отсутствие в погребениях предметов вооружения из железа вплоть до тагаро-таштыкского переходного этапа объясняется глубокой и устойчивой традицией. На основании изучения погребальных памятников Северного Кавказа Е. И. Крупнов пришел к выводу, что отсутствие в могилах железных вещей далеко не всегда является показателем ранней датировки могил [43]. Этот вывод целиком распространяется и на памятники раннего железного века Среднего Енисея.

Миниатюрные кинжалы, выкованные из железа, найдены в курганах третьей стадии [44] и среди случайных находок. Как справедливо отмечал С. В. Киселев, изготовление даже миниатюрных изображений из железа является показателем его полной победы над бронзой на Среднем Енисее [45].

В кургане у станции Камышта, раскопанном А. Н. Липским в 1949 г., наряду с бронзовыми ножами нормальных и уменьшенных размеров, миниатюрным проушным чеканом, двумя медалевидными зеркалами, каменным оселком, обломком бронзового псалия (?), сосудами плоскодонными и на поддонах был найден железный нож, сильно разложившийся [46]. К сожалению, мы не имеем рисунка или описания этого ножа, но представляет интерес уже сам факт его находки в кургане второй стадии. Железная лировидная пряжка с неподвижным шпеньком обнаружена А. Н. Липским на площадке Есинской МТС в кургане второй стадии [47]. Лировидные железные пряжки известны на сырском этапе таштыкской культуры, но сходство между ними лишь в лировидной форме рамки. У таштыкских лировидных пряжек подвижной язычок находится со стороны щитка, у тагарской неподвижный шпенек расположен со стороны передней округловыгнутой части рамки [48]. Аналогичная по форме есинской бронзовая

---

[38] G. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926, стр. 164.

[39] A. Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C. F. Loo. Paris, 1933, стр. 89.

[40] M. Loehr. Ordos Daggers and Knives. First Part..., стр. 190.

[41] Там же.

[42] Ю. С. Гришин. Производство в тагарскую эпоху, стр. 183.

[43] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 175.

[44] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 279.

[45] С. В. Киселев. Там же.

[46] А. Н. Липский. Археологические раскопки 1949 г. в Хакассии. Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 763, стр. 82.

[47] А. Н. Липский. Отчет об археологических раскопках 1952 г. на площадке Есинской МТС Аскизского района Хакасской области. Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 956, стр. 45, табл. 19, *1*.

[48] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха, М., 1960, рис. 8—*1*.

пряжка, оформленная в виде свернувшейся змеи, известна среди ордосской художественной бронзы [49].

К концу тагарской эпохи появляются формы железного оружия и орудий труда, которые характерны только для железа и не встречаются в бронзе (железные мечи, кинжалы, аналогичные сарматским, чеканы, черешковые ножи и, возможно, петельные, железные топоры, сходные с современными). Один такой топор был описан Л. Р. Кызласовым, 11 об-

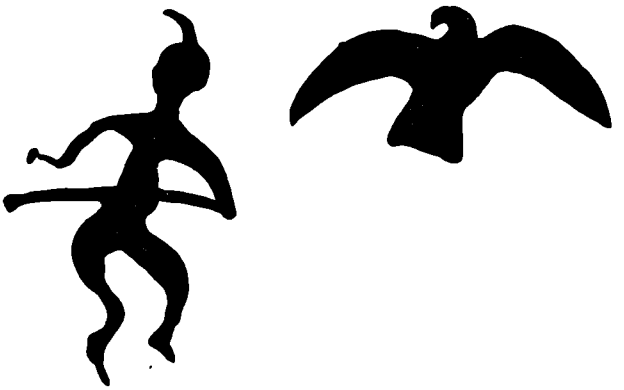


Рис. 6. Изображение человека с мечом на Кунинской писанице (по эстампажу А. В. Адрианова)

наружил А. Н. Липский в тагарском погребении у поселка Аскыровка.

Косвенным доказательством существования у тагарцев железных мечей служат наскальные изображения (рис. 6). Бронзовые мечи из Хакасско-Минусинской котловины неизвестны. В погребениях тагарской и таштыкской эпох железных мечей найдено не было, однако среди случайных находок они имеются, так что изображенные на писаницах мечи могут быть только железными. Наскальные изображения людей с мечами, прикрепленными к поясу, датируются второй половиной тагарской культуры фигурками оленей с подогнутыми ногами, напоминающими бронзовые бляшки, рисунками птиц с распростертыми крыльями и повернутой в сторону головой, стилистическими особенностями, техникой нанесения изображений, а также такой деталью, как головные уборы или прически людей на писаницах. Головные уборы людей на Кунинской писанице, где они изображены с мечами, характерны для наскальных рисунков тагарской эпохи.

Итак, значительное количество биметаллических изделий, обилие тождественных по форме бронзовых и железных предметов из случайных находок, наличие в позднетагарских курганах бронзовых миниатюр, воспроизводящих железные образцы натуральных размеров — все это свидетельствует об освоении металлургии железа тагарскими племенами. Железо на Среднем Енисее появилось не позднее чем в конце V в. до н. э. Первоначально железные изделия копируют бронзовые образцы, но затем вырабатываются специфические формы, свойственные только железным предметам. Выдержав длительную конкуренцию с бронзой, железо окончательно вытесняет ее на III стадии, то есть на тагаро-таштыкском переходном этапе. В это время оружие и орудия труда делаются из железа.

---

[49] J. G. Andersson. Hunting Magic in the Animal Style. BMFEA, 4, Stockholm, 1932, табл. XII, *2*.

Б. А. ТУРГУНОВ

ПРИЕМЫ ФОРТИФИКАЦИИ АНТИЧНОГО ЧАГАНИАНА [1]

Чаганиан, являвшийся одним из независимых среднеазиатских княжеств в доарабское время, занимал территорию верховьев и среднего течения реки Сурхан-Дарьи. В последние годы накопился значительный материал по истории прилегающих областей — Термеза и Кобадиана, развивавшихся исторически в одно время, под властью одних и тех же государств. Область Чаганиана оставалась малоизученной, и лишь недавно здесь начаты исследования, осуществляемые Сурхан-Дарьинским отрядом археологической экспедиции АН УзССР (начальник Л. И. Альбаум) и искусствоведческой экспедицией Института им. Хамзы (начальник Г. А. Пугаченкова). Работами искусствоведческой экспедиции обследован ряд городищ и открыт ряд выдающихся памятников материальной культуры.

В истории цивилизации древних государств большое место занимает история градостроительства, фортификации, уровень развития строительного дела и технические приемы строительных работ. Эта сторона жизни и деятельности населения, обитавшего в глубокой древности в той или иной области, отражает социально-экономическое развитие народа и ряд явлений его истории. Предметом данной статьи является попытка исследования приемов фортификации Чаганиана, что позволяет осветить уровень развития военного дела в этой стране и местные приемы строительства оборонительных сооружений.

Автор статьи принимал участие в исследовании двух больших городищ античного времени Дальверзин-Тепе и Карабаг-Тепе, лежащих в центре Чаганиана. Описание и анализ оборонительных сооружений, раскрытых при раскопках этих городищ, поможет составить представление о приемах фортификации всего древнего Чаганиана.

Первый из памятников — обширное городище Дальверзин-Тепе (площадь цитадели 7 *га*, собственно город — 1000 × 800 *м*) — является главным городским центром античного Чаганиана [2]. Расположено оно в 7 *км* к северу от районного центра Шурчи (рис. 1). Вокруг городища, за исключением южной и юго-восточной стороны, имеются гряды естественных холмов. Местоположение города было крайне удачным и позволяло его населению использовать для защиты естественный рельеф местности. Сам город также был воздвигнут на большом естественном холме, что выяснилось после раскопок в юго-западной части цитадели.

Высота многогранной цитадели Дальверзин-Тепе достигает 29 *м*, а грани ее, несмотря на значительный оплыв, очень круты; вокруг имеется ров. Первоначальная высота, несомненно, превосходила современную еще на 8—10 *м*. Цитадель и городище ориентированы по сторонам света с некоторым отклонением на северо-восток.

[1] Публикуемые здесь чертежи и фотографии взяты из материалов Узбекистанской искусствоведческой экспедиции.

[2] Г. А. Пугаченкова. К исторической топографии Чаганиана. Тр. Таш. ГУ, 200, Ташкент, 1963, стр. 63; Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, рис. 1.

Главные городские ворота с пандусом находились в юго-восточной части города. Судя по микрорельефу, крупные здания располагались в верхней части цитадели. Следы стены, окружавшей цитадель, сохранились в виде вала по всему краю холма. В юго-западном углу этого вала и на 20 *м* восточнее его, где наблюдается его наибольшая сохранность, был за-

Рис. 1. План городища Дальверзин-Тепе

ложен раскоп с целью выяснить характер фортификации цитадели и взаимосвязь стены с прилегающими изнутри постройками.

Раскопки выяснили, что стена эта имела сложную историю (рис. 2). Основная первоначальная стена, толщина которой достигает 5,20 *м*, построена из кирпича-сырца крупного размера (45 × 45 × 12—13 *см*), уложенного на глиняном растворе. Кладка велась с откосом до 80°. На внешней поверхности имеется глиняная штукатурка толщиной 4—5 *см*. По-видимому, позже, когда оборонная мощь первоначальной стены считалась уже недостаточной, цитадель была обведена вторым рядом стены, который послужил как бы дополнительным панцирем. Этот панцирь выведен из кирпича-сырца более мелкого размера (35 × 35 × 11—12 и 32 × 30—31 × 12 *см*), а толщина его равнялась 4,7 *м* (рис. 3). Таким образом, общая толщина стены достигала почти 10 *м*. Стены поставлены непосредственно на лёссовый материк.

Как и следовало ожидать, раскопки такого объекта, как стена, не дали обильного керамического материала. Весь комплекс керамического материала, выявленный нами в нижних слоях кладки стены, типичен для античного времени (последние века до нашей эры — первые века нашей эры). Наличие керамики кушанского времени на Дальверзин-Тепе отмечает и Л. И. Альбаум [3].

Таким образом, керамический материал и размеры необожженных кирпичей указывают на раннюю дату возведения первоначальной стены цитадели, по крайней мере III—II вв. до н. э. [4] (крупноразмерные кирпичи 44—46 *см* в стороне, 10—12 *см* толщины применялись, например, в Хорезмской крепости Акча-Гелин III—I вв. до н. э.) [5]. Реставрация ее, вероятно, имела место в эпоху Великих Кушан.

Строительным материалом оборонительных стен цитадели Дальверзин-Тепе, как мы уже отметили, служил необожженный кирпич, а на углу отчасти пахса. Кирпич-сырец изготовлен из лёса с добавкой соломы, не имеет трещин и обладает высокой прочностью. Через каждые 4—5 рядов кирпичей тонким слоем уложен песок. Песчаные прослойки толщиной до 15—20 *см* через 4—5 рядов кирпичей отмечаются также в античных городищах Хорезма Гяур-Кале [6] и Хазараспе [7].

На Дальверзин-Тепе через 5—6 рядов кирпичей встречается также тонкий слой камыша, который использовался в качестве меры против подтягивания солей. Почти на всех кирпичах имеются клейма, среди которых преобладает кольцевидный знак или две прочерченные посередине параллельные линии. Вообще клейма на сырцовых кирпичах весьма обычны для античного строительства Кобадиана, Хорезма, Мерва, Согда и значение их достаточно освещено в литературе [8].

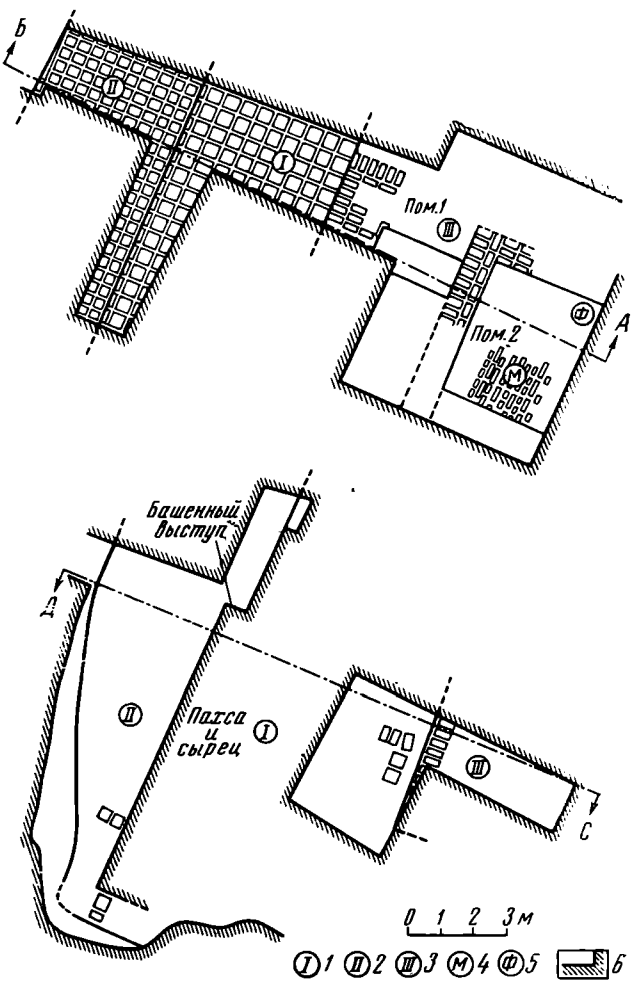


Рис. 2. Дальверзин-Тепе. Раскопки стены в юго-западной части цитадели (взаимное расположение раскопов на чертеже нарушено)

1 — античная стена первого периода; *2* — античная стена второго периода; *3* — раннефеодальные постройки; *4* — монета VI в.; *5* — терракотовая фигура; *6* — граница раскопа

[3] Л. И. Альбаум. Ук. соч., стр. 14.

[4] Г. А. Пугаченкова на основании наблюдений, сделанных на Дальверзин-Тепе, выдвигает такую же датировку. Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 53.

[5] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. ХЭ, II, М., 1958, стр. 26.

[6] Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Городище Гяур-Кала. Тр. ХЭ, II, стр. 354.

[7] М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазарапсе в 1958—1960 гг. МХЭ, VI, М., 1963, стр. 185.

[8] Г. А. Пугаченкова. К истории античной строительной техники Бактрии—Тохаристана. СА, 1963, 4.

В юго-западном углу цитадели в стене второго периода использована пахса, которая местами применена в комбинации с сырцовым кирпичем античного стандарта 41 × 40 × 11—12 *см*. Качество пахсовой кладки превосходное: трещины отсутствуют или совершенно незначительны, поверхность нештукатурена, так как пахса имеет однородную плотную массу.

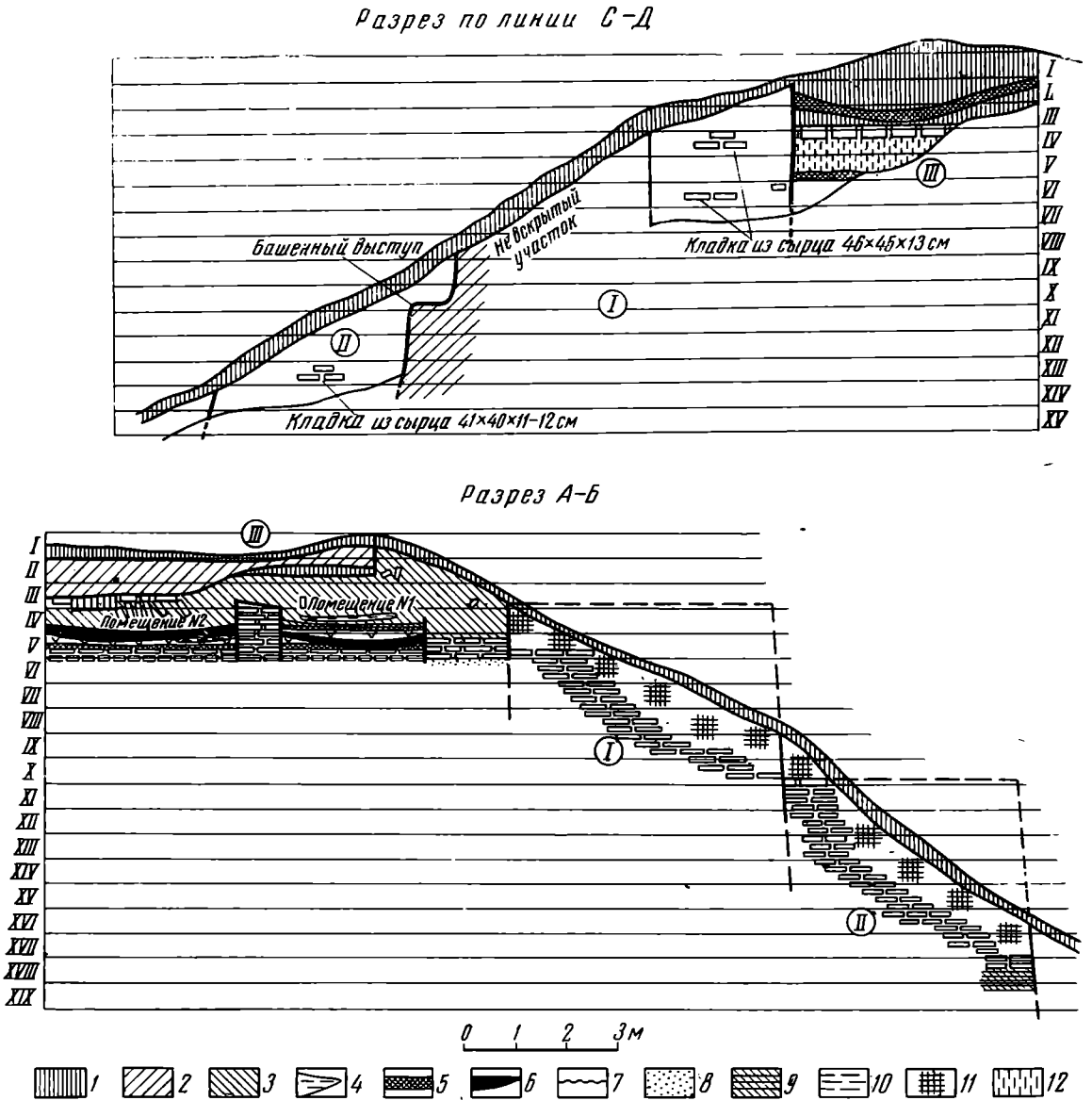


Рис. 3. Дальверзин-Тепе. Разрезы стены в западной части цитадели

1 — рыхлый слой земли; *2* — пахса; *3* — плотный завал с кусками кирпичей; *4* — зольный слой; *5* — обмазка пола; *6* — зеленоватый слой; *7* — истлевший камыш; *8* — песок; *9* — лёсс; *10* — слой средней плотности; *11* — оплыв стены; *12* — слой с органическими остатками

Пахса не разделяется на блоки, горизонтальные швы также незаметны. На этом участке располагались вздымающаяся над стеной угловая башня, выступавшая на 0,75 *м* за внешнюю линию (рис. 3). Внутрибашенного помещения обнаружено не было. Бойниц ни в стене, ни в башне на вскрытых участках нет, очевидно, они располагались выше, в несохранившихся верхних кладках. Вероятно, здесь были внутристенные стрелковые галереи, обведенные сравнительно тонкими стенками (для удобства стрельбы из бойниц), которые давно разрушились, в то время как нижележащий монолит отлично сохранился.

Итак, совершенно ясно, что первоначальные укрепления цитадели Дальверзин-Тепе представляют древний тип обороны, подобный раннепар-

фянским стенам городища Гяур-Кала, башни которых возвышались над стенами, но не были выведены за их линию [9].

Следует упомянуть обнаруженное нами треугольное глиняное ядро, которое использовалось как оружие против врага [10].

Оборонительные стены цитадели Чаганиана благодаря внушительной высоте и толщине (в общей сложности 10 *м*) представляли надежную защиту. Огромная высота не позволяла врагу преодолеть стену с помощью лестниц, толщина оказывала стойкое сопротивление таранам, а защитники располагались в стрелковых галереях и двигались свободно по верхнему краю, откуда бросали метательные снаряды на осаждающих.

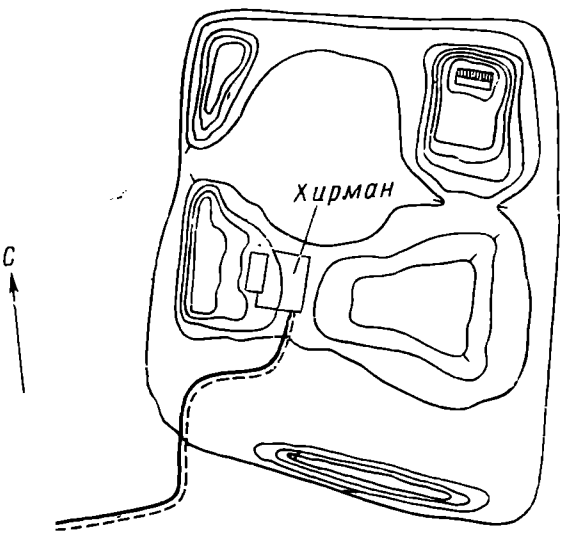


Рис. 4. Карабаг-Тепе. План городища

В верхних слоях раскопа к античной стене примыкает помещение, относящееся к V—VII вв., воздвигнутое из сырцового кирпича 50 × 25 × 12 *см*. Эта дата подтверждается и находкой монеты VI в. Таким образом, цитадель еще обживалась в предарабское время, но крепостная стена утратила свое оборонное значение, и новые постройки надвинулись сверху на нее. Очевидно, кризис рабовладельческой формации, начавшийся с IV—V вв., отразился на судьбе города, с приходом же арабов цитадель, так же, как и весь город, окончательно погибла.

Городище Карабаг-Тепе, расположенное в урочище Халчаян Денауского района, включает в себя оплывы крепости города, очевидно входившего в пору рабовладения в подчинение верховному правителю Чаганиана. Восточнее Карабаг-Тепе протекает р. Сурхан-Дарья (средневековый Чаган-Руд).

Карабаг-Тепе занимает сравнительно небольшую площадь размером 260 × 250 $м^2$ и ориентировано по сторонам света с небольшим отклонением на северо-восток (рис. 4). Самая возвышенная его часть находится в восточном углу. Здесь, по-видимому, сохранились остатки здания или, скорее всего, укрепленного бастиона. Разведочными раскопками были открыты строительные комплексы из нескольких комнат, стены которых примыкали к пахсовой крепостной стене. Направление этой стены соответствует направлению крепостной стены на западном участке. Остальные холмы, расположенные цепочкой, сконцентрированы в основном в непосредственной близости от стен. Остатки оборонительных стен имеют в настоящее время вид оплывших валов. Особенно сильно пострадал южный фас. Высота валов достигает 5—9 *м*. На углах стены видны контуры башен. Крепость имела только одни ворота, находились они в середине западной стены, где и сейчас виден проем шириной около 15 *м*. Рельеф внутри крепости несколько сглажен и представляет поверхность, слегка покатую от стен к середине. Внутри крепости возле ворот видна довольно значительная впадина: по-видимому, въезжая в крепость, сразу попадали на площадь.

Вся прилегающая к крепости территория ежегодно распахивается, что привело к уничтожению многих окружавших Карабаг-Тепе оплывов былых построек. Вокруг крепости по всем фасам проведены арыки, для ко-

[9] Ш. Ташходжаев. Разрез городской стены Гяур-Калы. Тр. ЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1963, стр. 103.

[10] З. И. Усманова. Эрк-Кала. Тр. ЮТАКЭ, XII, стр. 59—61.

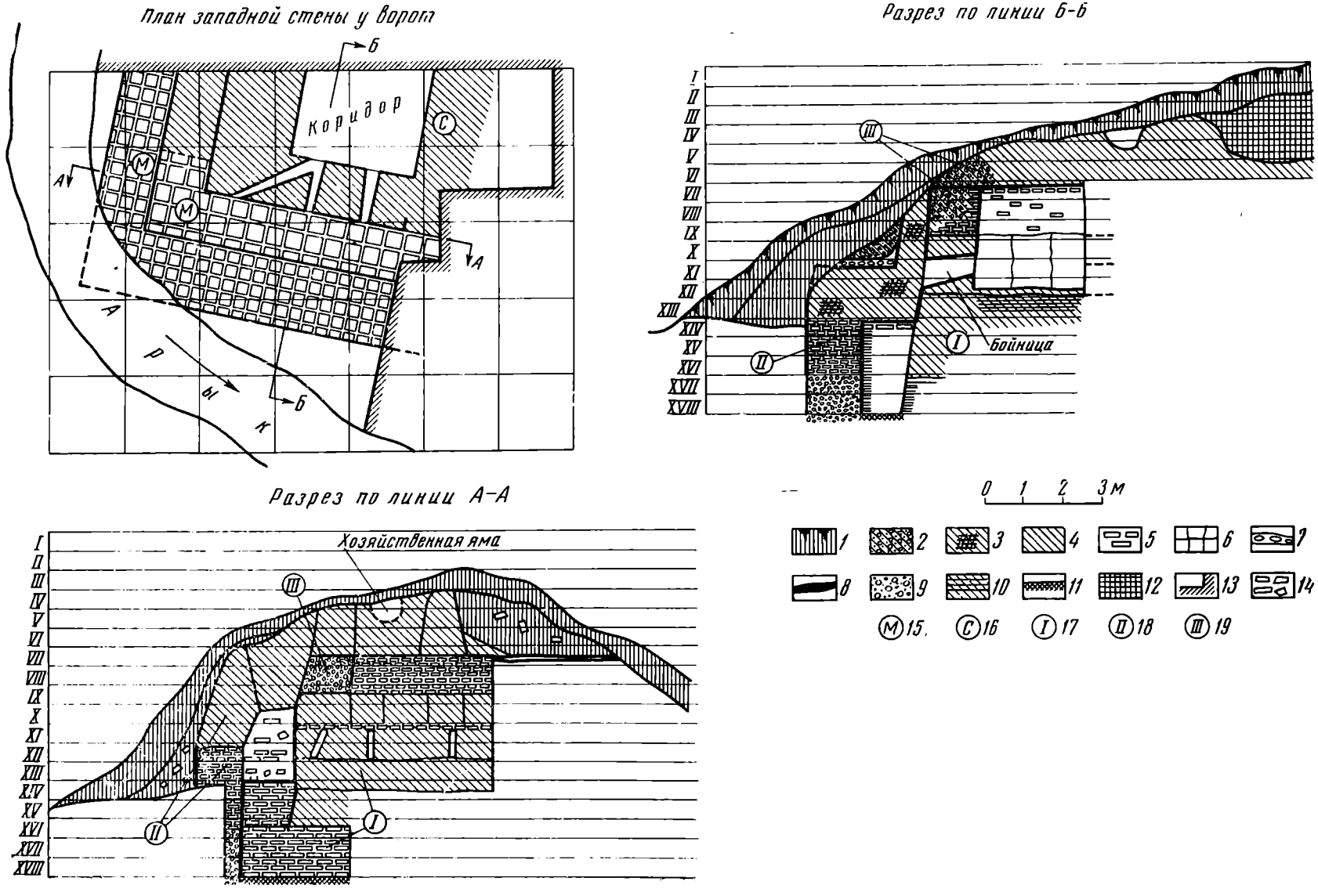


Рис. 5. Карабаг-Тепе

1 — рыхлый слой; *2* — пахса средней плотности с галечником; *3* — очень твердая пахса; *4* — пахса; *5* — сырцовый кирпич; *6* — пахсовые блоки; *7* — вымостка из галечника; *8* — вола; *9* — галечник; *10* — уплотненный слой земли; *11* — материк; *12* — пахса XVI в.; *13* — граница раскопа; *14* — забутовка из кирпичей; *15* — монеты; *16* — скелет; *17* — основная античная стена; *18* и *19* — перестройки кушанского времени

торых использованы остатки проходившего здесь в древности рва. Подъемный материал состоит преимущественно из античной керамики.

Раскопки у северо-западного угла крепости и у северного участка ворот дали следующую картину (рис. 5). Первоначальная оборонительная стена представляет собой комбинированную кирпично-пахсовую кладку на материке, состоящем из глины и песка. Пахса плотная, однородная, разделена на большие (70—95 *см*) блоки. Сырцовый кирпич изготовлен из глины, иногда с добавкой соломы, без трещин. Размеры кирпичей различны: нижние ряды сложены из кирпича-сырца размером 41 × 40 × 10—12 *см*, выше — из более мелкого от 30 × 30 до 35 × 35 *см* при толщине 9—10 *см*; барьерная стенка выстроена из кирпича-сырца 44 × 44 × 12—15 *см*. Почти на всех кирпичах имеются клейма, подавляющее большинство которых составляют отпечатки двух пальцев или же полукружий. Цокольная часть сложена из восьми рядов сырцового кирпича на высоту 1,10 *м*. Выше — четыре ряда пахсовых блоков (3,4 *м*). Потом уложены семь рядов кирпичей и снова следует пахса.

Аналогичный прием сооружения стен наблюдается в укреплениях ближайших к Карабаг-Тепе городищ: Хайрабад-Тепе [11], Кей-Кобад-Шаха [12], возникших в греко-бактрийское время (III—II вв. до н. э.), в позднекушанском памятнике Кум-Тепе [13], а также в укреплениях IV—II вв до н. э. Бабиш-Мулла и Хазараспа [14].

Подобный характер кладки прогрессивнее чисто кирпичной: он менее трудоемок и позволяет добиваться большей монолитности стен.

На южном фасе раскопанного участка стены Карабаг-Тепе, обращенного в сторону ворот, имеются бойницы (рис. 5). Их три, они расположены на одном уровне в третьем ряду (снизу вверх) пахсового блока. По верху бойниц уложен один ряд сырцового кирпича, а далее — опять пахса. Бойницы узкие (0,25 *м*), удлиненные (0,75 *м* высотою). Если проем бойницы с внутренней стороны узкий (высота 0,4, ширина 0,2 *м*), то в направлении внешней стороны он расширяется. Бойницам придан уклон с таким расчетом, чтобы было возможно обстреливать противника, находящегося вблизи от основания стены.

Одна бойница косая, обращенная на внешнюю сторону стены, и средняя, обращенная в сторону ворот, сходятся в одном месте; третья параллельна средней. В стене имеется коридор шириною 3,30 *м*. Из двух сходящихся бойниц мог вести обстрел один стрелок, причем из одной он мог поражать противника на дальних подступах к воротам, а из другой — непосредственно вторгшегося в ворота врага. Такую функцию выполняла и третья бойница. Если учесть, что все три бойницы находятся всего лишь на 1,8 *м* выше уровня древней поверхности и что внутристенный коридор не мог вмещать большого количества людей, то можно полагать, что в верхней несохранившейся части первоначальной стены существовал и второй ряд бойниц. Бойницы шли, по-видимому, по всем фасам стен.

Как известно, ворота представляют всегда самое уязвимое место крепости. Отсюда грозит массовый прорыв неприятеля и место это требует усиленной обороны. В эллинистических городах в участках стены, примыкающих к воротам, устраивали выступы, дававшие возможность атаковать отсюда приближающегося к воротам противника [15]. В ряде городов

---

[11] Л. И. Альбаум. Ук. соч., стр. 43.

[12] Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах. КСИИМК, 64, 1956, стр. 80.

[13] Б. А. Литвинский. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе). КСИИМК, 64, стр. 73; его же. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, XXXVII, 1956, стр. 84.

[14] С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. МХЭ, VI, 1963, стр. 60; М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик. Ук. соч., стр. 184.

[15] А. В. Болдырев, Я. М. Боровский. Техника военного дела. Сб. «Эллинистическая техника». М.— Л., 1948, стр. 312.

Парфии (Дурнали), Хорезма (Джанбас-Кала), Тохаристана (Кей-Кобад-Шах) городские ворота также укрепляются привратными сооружениями или же выносными башнями [16]. В фортификации Карабаг-Тепе все эти оборонные функции ворот выполняла сама стена (толщина 6,75 *м*), имеющая коридор и снабженная бойницами.

Фортификационные сооружения Карабаг-Тепе при кушанах ремонтировались дважды. Первые крупные ремонтные работы были проведены, очевидно, при царе Каншике (78—123 гг.). В это время первоначальная стена была охвачена дополнительным панцирем шириной 1,7 *м*. На высоту 1,4 *м* стена сложена из квадратного сырцового кирпича более мелкого стандарта (31—32 × 31—32 × 10—12 *см*), а выше — из пахсы. Этот панцирь увеличил оборонную мощь Карабаг-Тепе, но прикрыл собою все бойницы первоначальной стены. Они, по-видимому, утратили свое значение, так как функции их перешли на оборонительные сооружения, построенные поверх древней стены. Подошва внешней обкладки начинается на 1 *м* выше фундамента основной, первоначальной стены и лежит на слое галечника с песком, отложившимся на дне первоначального рва. В кладке панциря между кирпичами найдена медная монета Канишки. В его правление Кушанская держава достигает наивысшего расцвета. В эту пору отмечается рост экспансии на восток и на север, закрепление власти в Индии, сношения с западным миром. Вероятно, с этим периодом было связано сооружение дополнительного панциря на Дальверзин-Тепе: Канишка во время своего правления, заботясь о мощи державы, принимал меры по укреплению городов на территории своего государства.

Последние ремонты на укреплении Карабаг-Тепе производились в правлении царя Васудевы (III в.), что засвидетельствовано находкой его монеты в верхних забутовках панциря кушанского периода. В этот период даже не восстанавливали разрушенных участков стены, ограничившись лишь забутовками верхних частей их кладок. В ходе работы уже не применялись ни сырцовый кирпич, ни высококачественная пахса. Использовалась простая глина, то уплотненная, то со значительной примесью галечника.

Поскольку в I—II вв. уже проводились крупные ремонтные работы, можно полагать, что первоначальная крепостная стена Карабаг-Тепе была воздвигнута значительно раньше, скорее всего в III—II вв. **до н. э.** Подтверждением высказанному является керамический материал, который совпадает с датированной этим же временем керамикой на близлежащей группе бугров Ханака-Тепе: керамика красно-глиняная, имеет очень тонкие формы, бокалы и вазы на фигурной расширяющейся книзу ножке. В ту эпоху на Карабаг-Тепе применялся более крупный стандарт сырцового кирпича, о котором упомянуто выше.

На Карабаг-Тепе материала позднее IV в. почти не встречается. Исследование Халчаяна показывает, что после IV в. наступает не только полное запустение всех его обжитых пунктов, но также процесс долговременного заболачивания территории, что явилось результатом упадка ирригационной системы и ухода населения в пригодные для обитания места [17].

Громадные размеры Дальверзин-Тепе, его высокие и мощные стены, окруженные рвом, делали город неприступным для врага. Карабаг-Тепе, меньший по размерам, обладал также сильными укреплениями и использовал те же приемы фортификации. Памятники эти расширяют наши представления о методах обороны, характерных для бактрии — Тохаристана (сильные кладки, прямые и косые бойницы, внутристенные коридоры).

[16] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, VI, М., 1958, стр. 48; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 92, рис. 29; Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер. Ук. соч., стр. 77.

[17] Г. А. Пугаченкова. К исторической топографии Чагании, стр. 56.

Стены крепостей Дальверзин-Тепе и Карабаг-Тепе имеют в нижней части цоколь с крутым скосом грани (так же как в эллинистических городах), что имело большое значение для обороны города, так как цоколь уменьшал подстенное «мертвое пространство», тем самым препятствуя возможности подкопов и другим действиям, направленным на разрушение нижней части стен.

Сопоставление приемов фортификации Дальверзин-Тепе и Карабаг-Тепе с укреплениями двух других бактерийско-кушанских городов — Кей-Кобад-Шаха [18], возникшего в III—II вв. до н. э. и Беграма [19], основанного во II в. до н. э., выявляет большую близость к первому. Комбинированная кладка сырцовых кирпичей с пахсой, сходство стандарта кирпичей ($35 \times 35 \times 10$—12 *см*), клейм на них и даже керамического материала в соответствующих культурных напластованиях также подчеркивают эту близость. Следует, однако, отметить одну местную особенность устройства башен чаганианских крепостей: в отличие от башен на Кей-Кобад-Шахе и в Бегараме, выступавших на несколько метров за линию стен, они сильно возвышались над стенами, лишь слегка выступая вперед.

Результат исследования оборонительных сооружений двух больших городищ Чаганиана приводит к выводу, что уровень развития строительной техники и применявшиеся там строительные приемы не отличали крепости Чаганиана античной эпохи от исследованных к настоящему времени крепостей в других областях Средней Азии.

---

[18] Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер. Ук. соч., стр. 78—83.

[19] Р. Гиршман. Раскопки французской археологической делегации в Бегараме (Афганистан). КСИИМК, XII. 1946, стр. 13.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ САРМАТСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДКАВКАЗЬЯ III В. ДО Н.Э.— I В. Н. Э.

В прямой связи с локализацией по письменным источникам Ахардея и сиракского союза [1] стоит и определение этнической принадлежности сарматских памятников Предкавказья III в. до н. э.— I в. н. э., т. е. периода процветания объединения племен во главе с сираками.

Отождествление Ахардея с Манычем и его притоками давно уже породило мнение, что известные нам курганные сарматские погребения Приманычья с устойчивой западной ориентировкой костяков являются захоронениями сираков. Позднее К. Ф. Смирнов проанализировал сарматские памятники Прикубанья и пришел к весьма основательному выводу, что преимущественно впускные погребения III в. до н. э.— II в. н. э. с широтной (при господстве западной) ориентировкой покойников и сильными элементами меотской культуры в обряде и инвентаре, изученные в Закубанских степях, особенно между Лабой и Кубанью, нужно считать сиракскими гробницами. Эта точка зрения подкреплялась и письменной античной традицией, знающей сираков в Прикубанье [2]. Недавно оказалось возможным связать с сираками и еще одну группу погребальных комплексов III в. до н. э.— I в. н. э.— сарматские захоронения Терско-Сунженского бассейна (как правило, впускные, с западной и иногда восточной ориентацией и ощутимыми чертами сходства могильного инвентаря с меото-сарматскими памятниками Прикубанья). Правомерность такого этнического определения терско-сунженских сарматских захоронений подтверждается филологическими данными о пребывании сираков в бассейне р. Терек (Мермод) и об их соседстве с горскими племенами предков современных вейнахов [3]. Параллельно с интерпретацией собственно сарматских памятников в степях Предкавказья была проделана немалая работа по уяснению направления и характера контактов сарматов с аборигенными этническими группами (главным образом меотским миром и северодагестанскими племенами), и эта работа в значительной мере пополнила и уточнила представления о территории расселения сираков, границах их союза и чертах материальной культуры этой части сарматских племен [4].

Последние археологические исследования, специально посвященные характеристике сиракского союза или касающиеся сираков в связи с об-

[1] В. Б. Виноградов. Локализация Ахардея и сиракского союза племен. СА, 1966. 4.

[2] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 12; его же. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА, М., 1954, стр. 206 сл.

[3] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

[4] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951; его же. Племена Прикубанья в сарматское время. СА, XXVIII, 1958; К. Ф. Смирнов. Меотский могильник у станицы Пашковской. МИА, 64, 1958; его же. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки. МИА, 23, 1951; Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. Там же.

щей сарматской или северокавказской проблематикой, базировались на приведенных выше положениях, выглядевших достаточно основательными на теперешнем уровне знаний [5].

В. А. Кузнецов и И. С. Каменецкий, исходя из своих предпосылок о местонахождении Ахардея и границ сиракского союза, усомнились в правильности прежней интерпретации сарматских памятников III в. до н. э.— I в. н. э. в Предкавказье и подвергли беглому критическому разбору все три группы археологических комплексов, принадлежность к сиракам которых общепризнана (Приманычская, Кубанская и Терско-Сунженская группы) [6].

Первую из них (Приманычскую) авторы склонны отвергнуть, во-первых, потому, что она малочисленная, и, во-вторых, в соответствии с их гипотезой, что Ахардей — Кубань, а сиракские кочевья не достигали Маныча. В специальной статье я уже привел свои доводы в пользу общепринятого отождествления Ахардея-Охария с Манычем-Егорлыком. Замечание авторов о малочисленности изученных здесь памятников по меньшей мере не может служить аргументом. Погребений сарматского времени в окрестностях Маныча открыто и впрямь немного, но главное не в числе, а в том, что все они отличаются от обычных сарматских западной ориентировкой. Ведь хорошо известно, что исчисляемые несколькими сотнями сарматские погребения последних веков до нашей эры в Приуралье, Поволжье, Подонье и Приднепровье, т. е. на всех остальных сарматских территориях, дают полное господство южной ориентации костяков. Достаточно обратиться к недавним обобщающим работам М. П. Абрамовой, чтобы увидеть бесспорный факт: именно южная ориентировка могил является одним из основных признаков, определяющим как генетическую связь «сусловских» погребений с предшествующей «прохоровской» ступенью сарматской культуры в Северном Прикаспии [7], так и этническую отнесенность к сарматам захоронений бассейнов Дона и Днепра, «ярко прослеживающих сходство с собственно сарматскими памятниками Поволжья и Приуралья — как в инвентаре могил... так и в положении, и ориентировке костяков: почти во всех могилах... покойники лежат головой на юг, иногда с отклонением на восток и запад» [8]. Спорить с этими выводами не приходится.

Но именно указанное обстоятельство и позволило в свое время связать с сираками, живущими по Ахардею-Манычу, пусть единичные, но выразительные в своей специфике приманычские сарматские погребения с западной ориентировкой. Очевидно, что необходимо широкое изучение сарматских древностей Приманычья, но, поскольку никому неведомы заранее его результаты, пока более чем опрометчиво оспаривать очевидное различие (устойчивая западная ориентировка) даже этих немногих могил бассейна Маныча от массы погребений III—I вв. до н. э. в соседних (Северное Приазовье, Калмыкия) и отдаленных районах сарматского мира.

Отрицая связь манычских погребений с сираками, И. С. Каменецкий и В. А. Кузнецов склонны требовать и пересмотра этнической принадлежности сарматских памятников Терско-Сунженского междуречья. Причем,

---

[5] K. Smirnov. Repartition des tribus sarmates en Europe Orientale. Les rapports et les informations des archeologues de l'URSS. M., 1962; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964; В. Б. Виноградов. Сиракский союз племен на Северном Кавказе. СА, 1965, 1; Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии. СА, 1965, 2.

[6] В. А. Кузнецов. Рец.: В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Тр. Чечено-Ингуш. НИИ, VI, Грозный, 1963. СА, 1964, 4; И. С. Каменецкий. Ахардей и сираки. Материалы сессии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР (тезисы докладов). Баку, 1965.

[7] М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1959, 1.

[8] М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1961, 1; ее же. Культура сарматских племен Поволжско-Днепровских степей II в. до н. э.— I в. н. э. Автореф. канд. дис. М., 1962, стр. 9.

если В. А. Кузнецов осторожно оговаривает свои сомнения и оставляет решение «этого дела специалистам-сарматоведам», то для И. С. Каменецкого «автоматический пересмотр» терско-сунженской группы погребений очевиден, ибо, как он считает, их ориентировка, тождественная ориентации манычских захоронений, явилась «главным и единственным доказательством при их определении» как сиракских могил. У меня не создается впечатления столь простой очевидности. И дело тут не только в том, что изучение нарративных источников показывает заселенность терско-сунженских равнин до нашей эры именно сираками. Господствующая западная ориентировка сарматских погребений этого района опять выделяет их из остальной массы сарматских могил последних веков до нашей эры в Подонье, Поволжье и Приуралье и роднит их только лишь с сарматскими погребениями до нашей эры близ Ахардея-Маныча, да еще Восточного Прикубанья, где присутствие сираков никем не оспаривается (см. ниже). Но И. С. Каменецкий проявляет неосведомленность, называя западную ориентировку «главным и единственным доказательством» при определении могил бассейна Терека. Обращение к соответствующим работам [9] показывает, что кроме западной ориентировки (весьма важной самой по себе) для терско-сунженских сарматских погребений III—I вв. до н. э. постоянно отмечается значительное сходство погребального инвентаря (керамика, оружие, конская сбруя, украшения и пр.) с меото-сарматскими памятниками Прикубанья. Сходство это и само по себе показательное становится определяющим (наряду, а порою и независимо от западной ориентировки [10]), если помнить, что сиракские племена — ближайшие из всех сарматов соседи прикубанских меотов, а сиракский союз в пору своего расцвета (II в. до н. э.— I в. н. э.) — это объединение сарматов и части меотов, имеющее свой центр в Верхнем Прикубанье.

Следует заметить, что сейчас мы можем несколько пополнить количественно терско-сунженскую группу сарматских могил последних веков до нашей эры. К известным уже комплексам ныне следует прибавить еще полтора десятка впускных погребений с западной (в двух случаях — восточной) ориентировкой костяков, раскопанных в различных местах Притеречья (у с. Бамут — Р. М. Мунчаевым [11], у селений Терек, Этоко, Зольская — В. И. Горемыкиной [12], у селений Савельевская, Червленная и г. Грозного — В. Б. Виноградовым [13]). Они подкрепляют вывод о близости терско-сунженских могил памятникам Приманычья и Прикубанья и отличие их от остальных сарматских погребений конца I тысячелетия до н. э.

В этой связи более чем проблематичным выглядит мнение И. С. Каменецкого об интерпретации манычских и терско-сунженских погребений как аорских. Причем автор исходит из своего толкования этнокарты Страбона [14].

---

[9] В. Б. Виноградов. Продвижение сарматских племен на Северо-Восточный Кавказ по археологическим данным. Тезисы докладов на XXIII студенческой конференции Тбилисского университета. Тбилиси, 1961, стр. 124; K. Smirnov. Repartition des tribus sarmates..., стр. 4; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 68, сл. (ср.: рец. Б. Н. Гракова в СА, 1964, 4, стр. 237); его же. Сиракский союз племен..., стр. 110; К. Ф. Смирнов. Савроматы. стр. 290.

[10] Так, в терско-сунженской группе есть некоторое число могил с неизвестным обрядом, но с теми же чертами сходства с прикубанскими памятниками в инвентаре. Не замечать их нельзя.

[11] Р. М. Мунчаев. Ук. соч., стр. 174—179.

[12] В. И. Горемыкина. Памятники эпохи бронзы и раннего железа на территории Кабардино-Балкарской АССР. Краеведческие записки, 1, Нальчик, 1961, стр. 93, 94.

[13] В. Б. Виноградов. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1964 г. Археолого-этнографический сборник, Грозный, 1966, стр. 113—117.

[14] И. С. Каменецкий. Ахардей и сираки, стр. 99.

Но, во-первых, само это толкование вызывает серьезные возражения и представляется мне неприемлемым [15]. А во-вторых, даже оставляя в стороне эти наши разногласия, нужно признать, что мнение И. С. Каменецкого не подкрепляется археологическим материалом. Из совершенно бесспорных свидетельств Страбона вырисовывается основная территория обитания аорсов (собственно таковых и «верхних аорсов») — степи Нижнего Подонья и Северного Прикаспия. В этих районах известны весьма многочисленные сарматские памятники последних веков до нашей эры. Если исходить из тезиса И. С. Каменецкого, то следовало бы ожидать бóльшего, если не полного сходства предкавказских погребальных памятников с могильниками этих близких территориально и, несомненно, аорских областей сарматского мира. Ведь доказано, что сарматские памятники Нижнего Подонья характеризуются «полной тождественностью рядовых могил Дона с собственно сарматскими погребениями Поволжья и Приуралья (по обряду погребения, ориентировке, инвентарю могил)» [16]. Но ничего подобного мы не можем сказать о сарматских памятниках Предкавказья. Они, сохраняя архаические савроматские детали похоронного обряда (западная и реже восточная ориентировка впускных погребений) и многие общесарматские элементы культуры, демонстрируют тем не менее резкое отличие от памятников более северных районов, заметно тяготея (это особенно видно по составу погребального инвентаря) к древностям Прикубанья. Думается, что объяснение этому может быть лишь одно: манычские и терско-сунженские погребения представляют собой памятники иного, нежели аорсы Подонья и Прикаспия, сарматского этнического массива. В противном случае картина была бы иной, подобной той, которую мы наблюдаем в грунтовых могильниках Северного Дагестана — зоны контакта аборигенов и аорсов. Здесь налицо именно поволжский и североприкаспийский характер сарматских элементов, проникающих в местную среду [17] (Таркинский, Карабудахкентские и другие могильники).

Теперь о кубанской группе погребений. Ее связь с сираками полностью признает В. А. Кузнецов [18] и допускает И. С. Каменецкий, оговаривая, однако, что выделение конкретных сиракских памятников к востоку от р. Лабы «из массы других представляется в настоящее время невозможным из-за отсутствия надежных критериев» [19]. Подобный скептицизм может означать лишь одно: сомнение И. С. Каменецкого в сиракской принадлежности известных погребений так называемого «зубовско-воздвиженского типа» в междуречье Лабы и Кубани. Я лишен возможности судить о степени основательности этих сомнений, но полностью разделяю точку зрения К. Ф. Смирнова, согласно которой преимущественно впускные, довольно обширные могильные ямы с деревянными конструкциями, господствующей западной ориентировкой костяков (при прочих весьма выразительных деталях сарматского похоронного обряда) и смешанным сармато-меотским погребальным инвентарем — есть могилы прикубанской части сираков, более всех других сиракских племен воспринявших многие местные элементы материальной и духовной культуры в результате длительного и тесного соприкосновения (и даже частичного слияния) с меотами [20].

Из всех сарматских памятников Предкавказья, приписываемых сиракам, прикубанские (и в частности зубовско-воздвиженские курганы) — самые «видоизмененные» под влиянием меотов. Эту группу памятников, возможно, будет точнее именовать сирако-меотской, учитывая глубокое куль-

---

[15] В. Б. Виноградов. Локализация Ахардея...

[16] М. П. Абрамова. Культура сарматских племен..., стр. 9.

[17] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 225 сл.; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования..., стр. 265 сл.

[18] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 69—72.

[19] И. С. Каменецкий. Ахардей и сираки, стр. 99.

[20] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития..., стр. 14, 15.

турное и этническое взаимопроникновение двух этнических массивов И все-таки основа культуры тех племен, которые оставили нам зубовско-воздвиженские курганы,— сарматская. Это признанный факт. Тем более интересно и важно, что и в этой группе погребальных памятников мы встречаемся с господством западной ориентировки, постепенно распространяющейся и в грунтовых могильниках меотских племен.

Для И. С. Каменецкого появление и последующее доминирование западной ориентации могил у меотов есть следствие каких-то внутренних причин. Этот тезис автор готов подкрепить весьма скрупулезными подсчетами, произведенными в своей кандидатской диссертации. В автореферате ее читаем: «В Прикубанье в III—II вв. до н. э. повсеместно преобладает восточная и смежные с нею ориентировки. В I в. до н. э. — I в. н. э. выделяются два локальных варианта: западный и восточный... Граница проходит в районе станицы Усть-Лабинской... Во II—III вв. эти локальные варианты продолжают существовать, но граница между ними, насколько можно судить, теперь проходит западнее, где-то между станицами Воронежской и Пашковской. При этом, если судить по могильнику Ясеновая поляна, течение Лабы по-прежнему остается в границах западного варианта» [21]. Перед этим автор оговаривает, что вывод сделан на основании исследований материалов грунтовых могильников Прикубанья.

Действительно, в III—II вв. до н. э. в грунтовых могильниках Прикубанья преобладает восточная ориентировка [22]. Но ведь утверждение ее преобладания (в предшествующие века в Прикубанье примерно на равных правах сосуществовали южная и восточная ориентации с отклонениями) происходит параллельно и одновременно с четко прослеживаемым увеличением западной ориентации, до тех пор эпизодической, а с III—II вв. до н. э. (т. е. со времени появления в междуречье Лабы и Кубани сарматских погребений с западной ориентировкой) становится все более массовой и, наконец, основной для грунтовых могильников I в. до н. э.— III в. н. э. на значительном участке Среднего Прикубанья, выделяемого и И. С. Каменецким в локальный вариант меотской культуры. И если восточное направление могил в прикубанских памятниках последних веков до нашей эры закономерно связывать с эволюцией исконного меотского погребального обряда, то истоки западной ориентировки, несомненно, лежат вне Прикубанья. Она принесена в среду аборигенных племен и внедряется попутно с другими элементами сарматской культуры. Весьма показательно, что западную ориентировку восприняли те прикубанские племена, которые соседили на востоке и юго-востоке с населением междуречья Лабы и Кубани, оставившем зубовско-воздвиженскую группу впускных погребений, дающую господство западной ориентировки могил при наличии случаев восточной ориентации костяков. Возможно, что последнее (случаи положения погребенного головой к востоку) есть результат меотского влияния на сираков.

Следует отнестись с большой осторожностью к попытке противопоставить западную и восточную ориентировку в плане этнической интерпретации сарматских курганных могил Прикубанья. Обе ориентировки и вправду сосуществуют здесь и представлены в зубовско-воздвиженских курганах. Но ведь они мирно уживались и у савроматов в VII—IV вв. до н. э., когда значительный процент могил от общего числа (около 14%) имел восточную ориентацию покойников [23]. Известна восточная ориентировка и в

---

[21] И. С. Каменецкий. Население Нижнего Дона в I—III вв. М., 1966, стр. 10—12. Автореф. канд. дис.

[22] Хотя, по-видимому, и не повсеместно. Весьма многочисленная группа погребений III—I вв. до н. э. в Усть-Лабинском могильнике № 2 дает предпочтение южной ориентации покойников с отклонениями. Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, стр. 169 сл.

[23] К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 91. Западная и северо-западная ориентировка составляла 58%.

памятниках III—I вв. до н. э. Терско-Сунженского междуречья при полном господстве западной. В сарматских могильниках верховий Кубани это соотношение как будто бы несколько изменяется в пользу восточного направления, хотя сейчас и весьма затруднительно определить преобладающий обряд. Но нельзя эту локальную особенность, объяснимую здесь, очевидно, «встречей» широтной (с преобладанием западной) ориентации сарматов-сираков и восточной (тоже широтной и не чуждой сарматам) ориентации аборигенов-меотов, возводить в разряд доводов для противопоставления кубанской группы приманычским и терско-сунженским сарматским погребениям. Ведь как бы ни решился вопрос о преобладающей ориентировке в сарматских могилах Кубани, она все равно в целом будет широтной (так же, как и в Приманычье и в бассейне Терека и Сунжи), в отличие от меридиональной на остальных сарматских территориях. И если даже сарматские курганы зубовско-воздвиженского типа в междуречье Лабы и Кубани, а также сарматские памятники типа «Золотого кладбища» демонстрируют в последних веках до нашей эры необычно значительный удельный вес восточной ориентации, при преобладании все-таки западной, то не забудем мы и того, что в соседних грунтовых могильниках Среднего Прикубанья (Усть-Лабинский, Тахтамукаевский, Пашковский 2, Ясеновая поляна, Краснодарские и др.) со II в. до н. э. и ближе все ощутимее внедряются элементы сарматской культуры совместно с западной ориентировкой, до тех пор чуждой аборигенам. Последнее можно объяснить только влиянием сарматов-сираков.

В этой связи важно заметить, что известный Таркинский могильник 1 в. до н. э.— III в. н. э. в Северном Дагестане, оставленный местным, но сильно сарматизированным племенем, демонстрирует тяготение к южной ориентировке костяков, а по характеру сарматских элементов в нем прямо связывается с памятниками Северного Прикаспия[24]. Это и понятно, ибо могильник оставлен смешанным сармато-горским населением Прикаспия («утидорсами»), жившим на южной границе аорских владений, простиравшихся по побережью Каспия. Сами «утидорсы» произошли, по-видимому, от слияния албано-дагестанского племени «удинов» («утов») и части сармато-аорсов. Другие одновременные памятники Дагестана (Карабудахкентские, Мамайкутанский и другие могильники) также тяготеют к поволжскому варианту сарматской культуры, составляя вместе с Таркинским могильником исключение на фоне древностей остальной части Предкавказья.

Словом, нельзя игнорировать того бесспорного факта, что область распространения широтной (в массе своей западной) ориентировки и меотских черт в инвентаре (а для кубанской группы, самой ближней к меотам, и в обряде) сарматских могил Предкавказья последних веков до нашей эры удивительно точно совпадает с границами сиракских владений на рубеже нашей эры, обрисованными античными писателями и в первую очередь Страбоном. Именно поэтому вывод И. С. Каменецкого о невозможности выделения сиракских памятников из всей массы сарматских кажется мне излишне пессимистическим. Он противоречит результатам анализа всей суммы материалов.

Иной вопрос, только ли сиракам в Предкавказье были присущи в последних веках до нашей эры широтная (главным образом западная) ориентировка и прикубанские черты материальной культуры. Сейчас не место и не время освещать сложный вопрос об истоках тесных взаимосвязей племен Прикубанья с населением остальной части Предкавказья, а также анализировать динамику широтной ориентировки у аборигенных племен, для части которых она, возможно, являлась атрибутом собственного ритуа-

---

[24] Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана, стр. 208 сл.; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 50 сл.

ла или была заимствована от степняков еще в скифское время. Сейчас речь идет о другом: о западной ориентировке и прикубанских деталях инвентаря в курганных сарматских захоронениях и тут уже несомненно, что в обширном сарматском мире западная (и реже восточная) ориентировка, продолжающая погребальную традицию савроматов VII—IV вв. до н. э., на несколько веков прочно сохраняется лишь у сарматов Предкавказья. Больше того, именно при их содействии, наслаивавшемся на более ранние (скифо-савроматские) влияния, произошло утверждение этой ориентировки (вместе с вытянутым положением костяка, и, порою, обрядом сооружения курганов) в среде целого ряда автохтонных племен независимо от того, господствовала ли у них широтная ориентировка прежде или нет. Устойчивость и сила отмеченной погребальной традиции проявилась в Предкавказье и в первых веках нашей эры. Широтная ориентировка продолжает бытовать не только в «традиционно сиракских» древностях, но и воспринимается частью новых сарматских племен, появившихся в районах Сиракены. Особенно хорошо это видно на примере катакомбных и подбойных захоронений, связь которых в Предкавказье с аланами и аорсами общепризнана. Многие из них [25] дают западную и восточную ориентировку (неизвестную этим погребальным сооружениям на иных сарматских территориях). Прав К. Ф. Смирнов, объясняя этот факт разноплеменным составом населения, совместным бытованием сиракских и аланских племен, слиянием сиракской и аланской племенной аристократии [26].

К сказанному остается добавить, что обширный сиракский союз племен в разное время мог принимать в свой состав (и принимал, конечно) отдельные роды и небольшие племена выходцев из других сарматских конфедераций. Кроме того, должна учитываться более или менее постоянная мирная или сопряженная с военными действиями инфильтрация инородных сарматских этнических групп, столь естественная во взаимоотношениях соседей. Поэтому, оставляя за сираками, господствующими в Предкавказье, те критерии и эталоны, о которых шла речь выше, нужно признать вполне закономерное наличие в пограничных районах и центрах союза памятников иных сарматских типов-подбоев, катакомб, диагональных и меридиональных впускных захоронений и пр. Так, в районе Армавира известны поволжские типы погребений рубежа двух эр (диагональное погребение с юго-западной ориентировкой покойника, могилы с заплечиками с южной ориентировкой и с меловой подсыпкой дна, узкие могилы с подстилкой из луба с южной ориентировкой костяков и т. д.) [27]. Самые ранние курганы знаменитого «Золотого кладбища» [28] относятся ко времени еще до нашей эры. Весьма интересно, что эти катакомбные могилы, среди которых собственно сиракских типов погребений отмечено всего лишь несколько, дают на первых порах преобладание западной ориентировки и частные случаи восточной, и только в дальнейшем и, очевидно, в связи с массовым появлением в Прикубанье алан — выходцев из Прикаспия — здесь утверждают свое господство южная и северная ориентировки. Подобные примеры (правда, всего два) можно привести и за счет хуже изученных районов Терско-Сунженского междуречья (погребение III — II вв. до н. э. в подбое с западной ориентировкой костяка у г. Грозного и курганное захоронение III в. до н. э. у с. Кулары с западной ориентировкой покойников и приуральским похоронным обрядом) [29].

Все эти факты — доказательство разноплеменности и этнической неоднородности обширного союза племен во главе с сираками в пору его

---

[25] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития..., стр. 15; В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 71 сл.

[26] К. Ф. Смирнов. Основные пути развития..., стр. 16.

[27] ОАК за 1902 г., стр. 87, 88; ОАК за 1903 г., стр. 61—65.

[28] Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества. Тр. XII, АС. I, М., 1905.

[29] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 49—52.

расцвета. Едва ли можно сомневаться, что сиракский союз, как и все другие объединения сарматов, включал в себя и родственные сиракам сарматские племена. Но доминировали в союзе все же сираки-хранители савроматских традиций и прямые потомки геродотовых савроматов. Они, очевидно, и оставили нам основную массу сарматских погребений III в. до н. э.— начала нашей эры в Предкавказье, об отличительных чертах которых говорилось выше. Весьма важно, что теперь, после открытия подобных памятников в степных районах Центрального Предкавказья (у сел. Терек, Верхний Акбаш, Этоко, Зольская), ликвидируется прежний территориальный разрыв между всеми тремя группами археологических объектов, приписываемых сиракам. Вырисовывающаяся по данным письменных источников Сиракена, раскинувшаяся от Маныча до Лабы, кавказских предгорий и устья Сунжи, неуклонно заполняется характерными погребальными памятниками, отрицать связь которых с сираками очень трудно.

И последнее. Хорошо известно, что I в. до н. э.— I в. н. э.— время бурных военно-политических событий на Северо-Западном Кавказе. Митридатовы войны, включение Боспором в свои владения восточного побережья Меотиды вплоть до Танаиса, непрекращающийся натиск сарматов на границе Боспорского царства, длительные сирако-аорские неурядицы, завершившиеся крупным разгромом сираков в 49 г. союзным римско-аорским войском — все эти коллизии, участие в которых сираков было очень активным, нарушали изолированность и первоначальную стабильность сиракского союза племен. Они определили появление в Предкавказье выходцев из среды более северных сарматских племен. Они привели к перекройке границ сиракского союза, к потере сираками значительных районов, прежде контролируемых ими. Этот процесс нашел отражение и в письменных свидетельствах, и в археологических материалах[30].

В свою очередь подонско-поволжские сарматские племена потеснившие сираков Предкавказья, конечно, должны были испытать определенное воздействие их культуры. Вероятно, именно этим нужно объяснять заметное увеличение широтной (в основном западной) ориентировки в сарматских погребениях тех районов Нижнего Подонья и Калмыкии, которые соседили с традиционными землями Сиракены. В курганах конца I тысячелетия до н. э.— первых веков нашей эры на Дону и восточнее Маныча нередко фиксируется эта деталь похоронного обряда. Ее появление в пограничной зоне областей безраздельного и длительного господства меридиональных ориентировок можно связывать с влиянием сираков и их частичной инфильтрацией в среду местных сарматских племен.

Разработка конкретной истории сиракского союза племен, как и всей сарматской эпохи на Северном Кавказе, несомненно потребует еще многих усилий со стороны археологов, историков, филологов и лингвистов. Однако сейчас совокупность всех доступных источников позволяет надеяться, что изложенные соображения по сиракской проблеме соответствуют истине.

---

[30] В. Б. Виноградов. Сиракский союз племен на Северном Кавказе, стр. 118, 119.

С. М. ВАСЮТКИН

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ БАШКИРИИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ

Широкие археологические исследования, проведенные в последнее десятилетие в Башкирии, совершенно изменили наши прежние представления о характере культуры населения этого края в I тысячелетии. Археологические материалы свидетельствуют о том, что Башкирия в I тысячелетии была областью обитания племен различного происхождения и с разной материальной культурой. Кроме ранее известной бахмутинской, были выделены новые самостоятельные археологические культуры (Н. А. Мажитовым — турбаслинская [1], В. Ф. Генингом — мазунинская, кушнаренковская и салиховская [2], К. В. Сальниковым — романовская [3]). Но при этом исследователи отнесли многие памятники к совершенно разным культурам и разошлись во мнениях по таким важным вопросам как датировка, происхождение и этническая принадлежность, территория распространения и взаимоотношения этих культур. А между тем без правильного ответа на все эти вопросы нельзя более или менее ясно представить исторический процесс, протекавший в Башкирии в указанное время. В настоящей статье делается попытка уточнения культурной принадлежности отдельных памятников и рассматриваются некоторые вопросы, связанные с изучением каждой культуры в отдельности.

Турбаслинская культура V—VIII вв. выделена Н. А. Мажитовым на основании материалов курганных могильников. Для нее характерны: курганные могильники, иногда со следами жертвенных кострищ в насыпи; глубокие могильные ямы, часто с подбоями в узкой северной стенке и заплечиками по длинным стенкам; часто встречаются в насыпях курганов и могилах жертвенные кости лошадей; большие глиняные сосуды с высоким прямым горлом без орнамента, широко раздутым туловом, и округлым дном [4].

Выделение этой культуры вполне правомерно. Вызывает возражения лишь отнесение к ней Кушнаренковского грунтового могильника [5]. Основанием для этого Н. А. Мажитову послужила общность некоторых черт материальной культуры и погребального обряда Ново-Турбаслинского и Кушнаренковского могильников. Во-первых, сразу же следует отметить, что металлические предметы (поясные наборы, украшения), на которые ссылается Н. А. Мажитов, не могут служить основанием для определения культурной и этнической принадлежности могильников. Эти предметы

---

[1] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. Автореф. канд. дис. М., 1963, стр. 11.

[2] В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала. ВАУ, 1, Свердловск, 1961, стр. 40; его же. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры. АЭБ, II, Уфа, 1964, стр. 121.

[3] К. В. Сальников. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии. Тезисы докладов III Уральского археологического совещания в г. Уфе, Уфа, 1962, стр. 7.

[4] Н. А. Мажитов. Ук. соч., стр. 11, 12.

[5] Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры. АЭБ, II, стр. 106.

были широко распространены в рассматриваемое время не только на Южном Урале, но и далеко за его пределами от Алтая до Дуная и поэтому связывать их с определенным этносом никак нельзя. Во-вторых, Н. А. Мажитов пишет, что Кушнаренковский и Ново-Турбаслинский могильники близки по обилию костей лошадей и по формам могил. В действительности же, в Кушнаренковском могильнике кости лошадей найдены лишь в трех из 30 погребений, в то время как в Ново-Турбаслинском могильнике они найдены почти во всех погребениях. Могилы с заплечиками и нишами в изголовье составляют лишь $^1/_3$ общего числа могил. Кушнаренковский могильник обязан происхождением оседлому населению соседнего селища. Одним из признаков, определяющих этническое лицо любого населения, является керамика, а в Кушнаренковском могильнике турбаслинский тип керамики представлен лишь тремя сосудами. На соседнем селище она вообще не найдена. В Кушнаренковском могильнике, как и на селище, господствует керамика романовского типа (18 из 23) [6].

Н. А. Мажитов на основании отдельных находок плоскодонных сосудов в Ново-Турбаслинском могильнике и турбаслинской керамики в Кушнаренковском могильнике считает романовскую керамику разновидностью турбаслинской. Правомерно ли безоговорочное отнесение романовской керамики к турбаслинской культуре? Мы считаем, что нет.

Во-первых, плоскодонные сосуды из Ново-Турбаслинского могильника отличаются от романовской керамики почти по всем основным признакам. Они имеют вытянутую форму, высокую отогнутую наружу шейку, раздутое тулово и маленькое плоское дно. На переходе шейки к тулову имеется маленький уступчик. В составе глины встречаются песок, блестки слюды, тесто иногда рыхлое. Темно-красная, темно-коричневая и темно-серая поверхность сосудов — гладкая, без следов сглаживания. Никакого орнамента нет. А для керамики романовского типа характерны приземистые плоскодонные горшки с широкой горловиной и короткой, иногда высокой шейкой, изготовленные из глины с примесью дресвы, иногда песка. Часто на венчиках сосудов встречаются насечки. [7]. Эта керамика настолько своеобразна и так резко отличается от турбаслинской, что вполне правомерно выделение ее в самостоятельный тип.

Если романовскую керамику считать разновидностью турбаслинской, то невольно возникает вопрос: почему турбаслинская керамика никогда не встречается на романовских поселениях, расположенных рядом с ново-турбаслинскими курганами? Явление это вполне закономерно объяснить неродственностью турбаслинских и романовских племен, различием в образе их жизни (мощные культурные слои романовских поселений свидетельствуют о прочной оседлости романовцев, в то время как турбаслинцы вели кочевой образ жизни). Сосуды Кушнаренковского и Ново-Турбаслинского могильников следует рассматривать в качестве самостоятельных типов керамики и связывать с разными этническими группами Башкирии середины I тысячелетия.

Большинство элементов обряда Кушнаренковского могильника (отсутствие насыпей над могилами, расположение могил рядами, северо-восточная, северо-западная и южная ориентировка погребенных, случаи трупосожжения) не соответствует погребальному обряду населения, оставившего памятники типа ново-турбаслинских курганов. Поэтому включать Кушнаренковский могильник в круг памятников турбаслинской культуры никак нельзя. Кушнаренковский могильник и поселения, для которых характерна своеобразная плоскодонная керамика, следует выделить в самостоятельную романовскую культуру. Что же касается нали-

---

[6] Название происходит от села Романовки под Уфой, где расположены наиболее исследованные поселения с комплексом керамики этого типа.

[7] П. Ф. Ищериков, Н. А. Мажитов. Городище Уфа-II. АЭБ, I, Уфа, 1962, табл. 1; В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе..., стр. 118, рис. 5; стр. 119, рис. 6.

чия некоторых общих черт в материальной культуре и погребальном обряде групп населения, оставивших Кушнаренковский и Ново-Турбаслинский могильники, то оно может быть объяснено одновременным существованием этих групп на одной территории и связями между ними.

К романовской культуре мы относим поселения около с. Романовка под Уфой[8], Кушнаренковское селище[9], городище Уфа -II[10], селище Ново-Турбаслинское-II[11].

Здесь следует сказать несколько слов о городище Уфа-II и селище Ново-Турбаслинское-II. Основную массу керамического материала городища Уфа-II составляют сосуды романовского типа (несколько сот экземпляров) и лишь в незначительном количестве здесь присутствуют сосуды бахмутинского (30 экз). и кушнаренковского (35 экз.) типов. Среди материалов из других поселений центральной Башкирии имеется обычно несколько типов керамики, но обязательно со значительным преобладанием одного из них. На этом основании каждое поселение связывается только с носителями господствующего на нем типа керамики. Так должен решаться вопрос и в отношении городища Уфа-II. Этот памятник оставлен носителями керамики романовского типа.

К числу памятников бахмутинской культуры Н. А. Мажитов безоговорочно отнес и поселение Ново-Турбаслинское-II. В действительности же это поселение представляет собой памятник не однородный в культурном отношении. На поселении преобладает керамика бахмутинского типа. Значительную часть (около 50% черепков) составляет керамика романовского типа. Кроме того, на поселении исследованы жилища, совершенно аналогичные жилищам Кушнаренковского селища, на котором господствует романовская керамика. На романовских поселениях в большом количестве находят пряслица биконической формы, которые встречены и на поселении Ново-Турбаслинское-II. Таким образом, керамика, жилища, пряслица позволяют нам говорить о том, что на поселении Ново-Турбаслинское-II жили, кроме бахмутинцев, еще и романовцы, и включить его в круг памятников романовской культуры. Пребывание романовцев на этом поселении налицо. Труднее решить вопрос хронологического порядка: одновременно или в разное время жили бахмутинцы и романовцы на этом поселении.

Памятники турбаслинской и романовской культур, а также некоторые другие памятники по левобережью среднего течения р. Белой В. Ф. Генинг объединил в так называемую кушнаренковскую культуру[12], с чем нельзя согласиться. Как видно из изложенного выше, турбаслинская и романовская культуры резко отличаются друг от друга и объединять их в одну культуру никак нельзя. По нашему мнению, если и выделять особую кушнаренковскую культуру, то к ней должны быть отнесены лишь те памятники, для которых характерны сосуды кушнаренковского и чермасанского (кара-якуповского) типов[13], отличающиеся от сосудов турбаслинской и романовской культур. Керамика кушнаренковского типа — это круглодонные сосуды с прямой шейкой, украшенной чрезвычайно сложным, изящным орнаментом. Глиняное тесто хорошо отмучено, содержит незначительные примеси песка. Большинство сосудов тонкостен-

---

[8] Г. Н. Матюшин. Археологические исследования в окрестностях города Уфы. ВАУ, 2, Свердловск, 1926, стр. 63, 64; его же. Новые археологические памятники в окрестностях г. Уфы. АЭБ, I, стр. 133—139.

[9] М. С. Акимова, В. Ф. Генинг. Отчет об исследованиях археологических памятников у с. Кушнаренкова Башкирской АССР в 1959 г. Архив ИА, Р—I, 1953.

[10] П. Ф. Ищериков, Н. А. Мажитов. Ук. соч., стр. 140—150.

[11] Н. А. Мажитов. Поселение Ново-Турбаслинское-II. АЭБ, I, стр. 151—162.

[12] В. Ф. Генинг. Проблемы изучения..., стр. 40; его же. К вопросу об этническом составе..., стр. 122.

[13] Названия происходят от с. Кушнаренково и р. Чермасан, где впервые найдены сосуды этих типов.

ные (3—4 *мм*), с тщательно заглаженной поверхностью [14]. Керамика чермасанского (кара-якуповского) типа — круглодонные сосуды чашевидных или шаровидных форм из глины с примесью шамота и песка. Орнаментация по шейке и плечикам состоит из взаимопересекающихся насечек, горизонтальной елочки, наклонных отпечатков мелкозубчатого штампа, резных горизонтальных линий и ряда ямочных наколов с бугорками («жемчужинами») как по внутренней, так и по внешней стороне сосудов [15].

У сосудов кушнаренковского и чермасанского типов имеется много общего в форме, составе глиняного теста и орнаментации, возможно, они представляют разновидности одного типа. Кушнаренковская керамика не имеет ничего общего с сосудами турбаслинского типа, как считает В. Ф. Генинг. Турбаслинские сосуды отличаются от кушнаренковских большими размерами, толщиной стенок (5—10 *мм*) и отсутствием орнамента. Кроме того, турбаслинская керамика происходит исключительно из курганных могильников, на поселениях она не встречается. Кушнаренковская керамика представлена в Ново-Турбаслинском могильнике лишь одним сосудом. Совершенно ясно, что перед нами разные типы керамики, связанные с различными группами населения Башкирии. Объединение В. Ф. Генингом кушнаренковской и турбаслинской керамики в один тип объясняется тем, что он решительно выступает против мнения о сармато-аланском происхождении носителей керамики турбаслинского типа. Все памятники, дающие круглодонную керамику, В. Ф. Генинг связывает с уграми. С таким решением вопроса трудно согласиться. В действительности в угорских памятниках Зауралья и Западной Сибири находят аналогии лишь сосуды кушнаренковского, чермасанского и бахмутинского типов, а турбаслинской керамике невозможно найти там даже самые отдаленные аналогии.

К настоящему времени известно около двадцати памятников кушнаренковской культуры и распространены они в междуречье Камы, Ика и Белой. К ним относятся: Стерлитамакский [16], Ишимбайский могильники [17], Кара-Якуповское, Таптыковское, Кушнаренковское, Калмашевское городища [18], селище Тюляково-II, Ихтисатовское и Куштеряковское погребения и др.

В среднем течении р. Белой у г. Стерлитамака В. Ф. Генинг выделил самостоятельную салиховскую культуру (этнический район) на основании материалов совершенно разновременных и разнокультурных памятников. В этом районе мы имеем: 1) курганный могильник II—IV вв. у с. Салихово; 2) поселения и могильники с керамикой кушнаренковского типа (Ишимбаевский и Стерлитамакский могильники, селища Тюляково-II, Михайловское); 3) поселения (Куш — Тау Южное, Урняк-II, Пасечное, Воскресенское), для которых, как и для многих других поселений правобережья среднего течения р. Белой (Имендяшевское, Кузнецовское городища, Устиновское, Кумырлинское, Беисовское, Ихтисатовское, Таш-Башское селища) [19], характерны сосуды так называемого имендяшевского типа, изготовленные из глины с примесью песка, дресвы и шамота,

[14] Н. А. Мажитов. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. БАС, Уфа, 1959, стр. 126, рис. 3; П. Ф. Ищериков, Н. А. Мажитов. Ук. соч., табл. II, III, *1*, *2*, *3*; В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе..., рис. 3, *1—6*.

[15] В. Ф. Генинг. Ук. соч., рис. 4, *6—10*.

[16] Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXII, 1955.

[17] В. Д. Викторова. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в южной Башкирии. ВАУ, 1, стр. 170.

[18] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, 58, 1957, стр. 30.

[19] В. Д. Викторова. Ук. соч., стр. 167—169; Г. В. Юсупов. Отчет археологической экспедиции Башкирского филиала АН СССР 1956 г., стр. 1—3; Архив ИА, Р-I, 1246; О. Н. Бадер. Очерк работ Камской археологической экспедиции в 1955 и 1956 гг. Труды КАЭ, вып. III, Пермь, 1960 г., стр. 11; С. М. Васюткин. Научный отчет об археологических разведках в Архангельском и Иглинском районах БАССР летом 1961 г. Архив ИА, Р-I, 2247.

круглодонные и плоскодонные чаши с уступчиком на месте перехода шейки к тулову, на котором иногда имеются один или два ряда треугольных ямок, вертикальных или наклонных насечек, пальцевых вдавлений, резных ломаных линий. Из этих памятников первый может быть связан с сарматами, вторые — с уграми зауральского происхождения, а третьи —

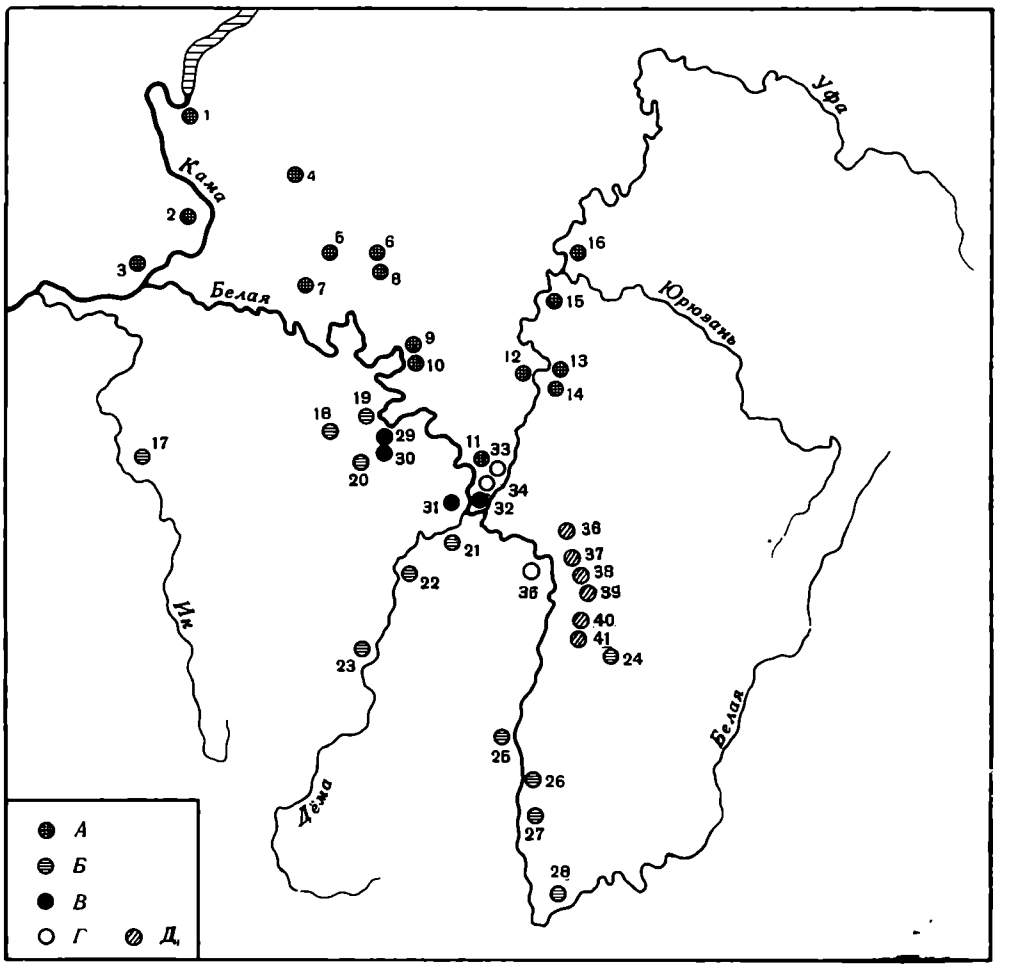


Рис. 1. Карта основных памятников археологических культур Башкирии середины I тысячелетия нашей эры

А. Памятники бахмутинской культуры: *1* — Сайгатский могильник; *2* — Мазунинский могильник; *3* — городище Чеганда; *4* — Куединское городище; *5* — Краснохолмское городище; *6* — Кодашевское городище; *7* — Юмакаевское городище; *8* — Кара-Тамакский могильник; *9* — Бирское городище; *10* — Бирский могильник; *11* — селище Ново-Турбаслинское-II; *12* — Бахмутинский могильник; *13* — городище Соколиный камень; *14* — Чандарское селище; *15* — Айдосское селище; *16* — Усть-Юрюзанское селище. *Б.* Памятники кушнаренковской культуры: *17* — Куштеряковское погребение; *18* — Старо-Калмашевское городище; *19* — Кушнаренковское городище; *20* — селище Чатра; *21* — Таптыковское городище; *22* — Кара-Якуповское городище; *23* — Давлекановское поселение; *24* — Ихтисатовское погребение; *25* — Стерлитамакский могильник; *26* — Ишимбаевский могильник; *27* — Михайловское селище; *28* — селище Тюляково-II. *В.* Памятники романовской культуры: *29* — Кушнаренковский могильник; *30* — Кушнаренковское селище; *31* — Романовские селища (I—IV, VIII); *32* — городище Уфа-II. *Г.* Памятники турбаслинской культуры: *33* — Ново-Турбаслинский могильник; *34* — могильник в Орджоникидзевском районе г. Уфы; *35* — Шареевский могильник. *Д.* Памятники имендяшевской культуры: *36* — Кузнецовское городище; *37* — Кумырлинское селище; *38* — Устиновское селище; *39* — Беисовское селище; *40* — Имендяшевское городище; *41* — Ташбашское селище.

оставлены населением, генетически связанным с племенами, жившими в правобережье среднего течения р. Белой на рубеже новой эры на поселениях типа Убалар. Керамика этих поселений хорошо выводится от керамики поселений типа Курмантаевского и Табынского городищ IV—III вв. до н. э. происхождение и этническая принадлежность которых пока еще не поддается определению.

Как видно, никакой особой археологической культуры (этнического района), за которой скрывалась бы одна определенная родственная племенная группа, на юге Башкирии в I тысячелетии не существовало. Поэтому и не удивительно, что В. Ф. Генинг не дает ответа на вопрос, с каким же конкретным племенным объединением Башкирии следует связывать салиховскую культуру. Последняя выделена искусственно, игнорирован имеющийся фактический археологический материал из этого района.

Далее следует также отметить неправомерность выделения самостоятельной мазунинской культуры в среднем течении р. Камы и в нижнем течении р. Белой. Памятники этого района оставлены племенами, по своему происхождению родственными с племенами соседнего бахмутинского района. Общностью происхождения этих групп населения древней Башкирии обусловлена общность их материальной культуры и погребального обряда. Для них характерны: захоронения в небольших простых могильных ямах, на спине, с вытянутыми ногами, жертвенные комплексы, расположенные рядом с костями; височные подвески в виде знака вопроса с напускной бусиной; поясные ремни, украшенные металлическими накладками; круглодонные сосуды с ямочным орнаментом и др. Поскольку группы населения, оставившие мазунинские памятники на Каме и бахмутинские в северной Башкирии имеют общее происхождение и одинаковую материальную культуру, постольку нет необходимости в выделении на Каме самостоятельной мазунинской археологической культуры или самостоятельного этнического района. Будет правильнее, если мы в междуречье Уфы — Белой и по Каме выделим один обширный район расселения многочисленных родственных племен бахмутинской культуры.

Таким образом, по нашему мнению, в Башкирии в середине I тысячелетия н. э. жили пять групп населения, оставившие соответственно пять отличающихся друг от друга характером материальной культуры групп памятников. Это — бахмутинская, турбаслинская, романовская, кушнаренковская и имендяшевская культуры (рис. 1).

А теперь перейдем к рассмотрению некоторых спорных вопросов, связанных с изучением каждой культуры в отдельности, кроме имендяшевской.

Бахмутинская культура

История бахмутинских племен является наиболее известной. Обширный материал, полученный в последние годы, дал возможность подтвердить генетическую связь бахмутинских и пьяноборских племен, а также выделить два хронологических этапа в развитии бахмутинских племен. Ранний этап их истории охватывает III—IV вв., поздний — V—VIII вв. По мнению Н. А. Мажитова, бахмутинская культура возникла исключительно на базе предшествующей пьяноборской культуры [20]. Генетическая связь между пьяноборскими и бахмутинскими племенами доказывается многочисленными данными, но нельзя и отрицать мнения В. Ф. Генинга об участии племен зауральского происхождения в формировании бахмутинских племен [21].

Бахмутинская культура во многом отличается от пьяноборской. Прежде всего следует отметить появление в погребениях III—IV вв. жертвенных комплексов из предметов украшений в берестяных коробочках рядом с костями. Во-вторых, в состав жертвенного комплекса входит характерная для бахмутинских племен височная подвеска в виде знака вопроса, с напускной бусиной. Такие подвески в позднепьяноборских погребени-

[20] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 10.

[21] В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Тр. Казанского ФАН СССР, сер. 2. Казань, 1959, стр. 201.

ях не встречены. В-третьих, в раннебахмутинских погребениях, в отличие от пьяноборских, появляется керамика. В-четвертых, круглодонные, изготовленные из глины с примесью песка и мелких камешков и сплошь украшенные ямками бахмутинские сосуды отличаются от чашевидных, с раковиной и песчаной примесями, с орнаментом из круглых и овальных ямок по венчику пьяноборских сосудов [22]. Относить такие резкие изменения в материальной культуре и погребальном обряде пьяноборского населения на рубеже II—III вв. только за счет внутреннего развития едва ли можно. При решении вопроса о происхождении бахмутинской культуры нельзя не учитывать и такой факт, как несовпадение территорий пьяноборской и бахмутинской культур; последняя занимает часть территории пьяноборской культуры. К западу от р. Белой, где раньше обитали пьяноборские племена, бахмутинские памятники неизвестны. На рубеже IV—V вв. н. э. в этих районах появляются племена кушнаренковской культуры. Если признать, что бахмутинская культура возникла только на основе пьяноборской, то не понятно, почему в междуречье Белой и Ика отсутствуют памятники хотя бы раней бахмутинской культуры III—IV вв. Видимо, все-таки прав В. Ф. Генинг, который считает, что в III в. имело место переселение сибирского и зауральского населения в Западное Приуралье и вытеснение им части пьяноборского населения на запад [23].

Уход пьяноборцев из междуречья Белой и Ика налицо. И в то же время в междуречье Камы, Белой и Уфы число памятников увеличивается почти в два раза по сравнению с пьяноборским временем. В III—VIII вв. н. э. заселяются даже мелкие притоки Уфы, Таныпа и Буя. Все эти факты говорят о притоке в междуречье Белой — Уфы и на Среднюю Каму населения извне и участии его в формировании бахмутинских племен. Но в то же время преувеличивать роль пришлого населения в формировании бахмутинских племен, как делает В. Ф. Генинг, было бы неправильно. Гораздо большее влияние на местное население оказали племена, появившиеся в Центральной и Северной Башкирии на рубеже IV—V вв. и оставившие после себя памятники типа Ново-Турбаслинского курганного могильника. Н. А. Мажитов совершенно справедливо отмечает, что турбаслинские племена оказали сильное воздействие на культуру и образ жизни пьяноборских (теперь уже бахмутинских) племен [24]. Это доказывается появлением в бахмутинских могильниках с V в. захоронений в ямах со ступеньками или нишами в северных узких стенках, с глиняными сосудами и с костями лошадей в них, захоронений ног, хвоста и черепа лошади в почвенном слое между могилами, что было характерно для турбаслинских племен. Но появление в погребальном обряде бахмутинских племен некоторых черт обряда турбаслинцев является, видимо, следствием установившихся между ними брачных связей, а не простого заимствования, как считает Н. А. Мажитов.

В пользу нашего предположения говорит тот факт, что в одном из погребений курганного могильника в Орджоникидзевском районе г. Уфы вместе с сосудами, характерными для турбаслинских племен, был найден один сосуд бахмутинского типа. Вероятно, между бахмутинскими и турбаслинскими племенами происходило смешение, и поэтому вряд ли можно говорить о полном этническом единстве носителей ранней и поздней бахмутинской культуры, как это делает Н. А. Мажитов. На втором этапе развития бахмутинских племен в их состав, кроме турбаслинцев, вошла также небольшая часть племен — носителей керамики кушнаренковского типа, о чем свидетельствуют находки сосудов этого типа в поздних погребениях бахмутинской культуры.

---

[22] Н. А. Мажитов. Ранние памятники бахмутинской культуры. ВАУ, 2, стр. 65—71.

[23] В. Ф. Генинг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. ВАУ, 4, стр. 47.

[24] Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии..., стр. 108.

В этническом отношении бахмутинские племена были неоднородными. Они сформировались в результате смешения потомков местного пьяноборского населения с уграми, переселившимися из Зауралья в III в. На рубеже IV—V вв. в их состав влились отдельные турбаслинские племена сарматского происхождения, а также новые группы угорских племен — носителей керамики кушнаренковского типа.

Н. А. Мажитов, который отрицает роль угорского населения Зауралья и Западной Сибири в формировании бахмутинских племен и связывает последних с венграми, считает, что угорские племена обитали в Приуралье еще в эпоху раннего железа и что в бассейне р. Белой угорскими являются памятники пьяноборской культуры [25]. Это мнение, на наш взгляд, находится в противоречии с некоторыми фактами из истории племен Приуралья в послепьяноборское время. Наследниками культуры пьяноборских племен, кроме бахмутинского населения, были древние удмурты, которые, как известно, не относятся к уграм.

Романовская культура

К настоящему времени открыто более десяти памятников романовской культуры. Все они расположены по р. Белой двумя компактными группами в окрестностях с. Кушнаренково и города Уфы и представлены в основном поселениями. Изучены они пока еще слабо и вызывают среди исследователей много споров. Исследователи расходятся во мнениях по таким важным вопросам, как датировка, происхождение и этническая принадлежность памятников. Попытаемся рассмотреть здесь все эти вопросы.

Основным материалом для датировки памятников романовской культуры служит характерная для них грубая плоскодонная керамика. Время ее бытования среди населения Башкирии разными исследователями определяется по-разному: В. Ф. Генинг — III—VIII вв. [26], Н. А. Мажитов и К. В. Сальников второй половиной I тысячелетия [27].

С такими датировками трудно согласиться.

Керамика романовского типа хорошо датируется находками ее в могильниках середины I тысячелетия: Кушнаренковском V—VII вв. [28] и в могильнике IV—V вв. в Орджоникидзевском парке г. Уфы [29]. В могильниках III—IV вв. она не встречается. В настоящее время можно говорить о существовании романовской керамики лишь с конца IV в.

У нас нет большой уверенности в том, что она просуществовала до конца I тысячелетия, как считают Н. А. Мажитов и К. В. Сальников. Н. А. Мажитов и П. Ф. Ищериков, определяя время бытования керамики романовского типа, пишут, что она найдена на городище в слое, непосредственно прикрывающем слой с керамикой бахмутинской культуры III—VIII вв. [30] Однако они, характеризуя бахмутинскую керамику, указывают, что она залегала вместе с романовской и кушнаренковской в средних отложениях культурного слоя на глубине от 1 до 2 *м*. Кроме того, как отмечают авторы, бахмутинские сосуды найдены, хотя и в небольшом количестве, в верхних и нижних слоях, т. е. опять вместе с романовскими и кушнаренковскими. Следовательно, фактически керамический материал городища Уфа-II не поддается стратиграфическому расчленению и поэто-

---

[25] Н. А. Мажитов. Ук. соч., стр. 110.

[26] В. Ф. Генинг. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тысячелетии н. э. ВИОДВ, Новосибирск, 1961, стр. 334; его же. Проблемы изучения железного века Урала, стр. 42.

[27] П. Ф. Ищериков, Н. А. Мажитов. Ук. соч., стр. 146; К. В. Сальников. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии. АЭБ, II, стр. 13.

[28] М. С. Акимова, В. Ф. Генинг. Отчет об исследованиях археологических памятников у с. Кушнаренково Башкирской АССР в 1959 г. Архив ИА, Р—I, 1953.

[29] К. В. Сальников. Итоги и задачи...,

[30] П. Ф. Ищериков, Н. А. Мажитов. Ук. соч., стр. 146.

му говорить о залегании романовской керамики над бахмутинской не приходится. Городище Уфа-II, по нашему мнению, не многослойный памятник, как считают П. Ф. Ищериков и Н. А. Мажитов, а однослойный. В пользу нашего мнения можно привести данные о количественном соотношении сосудов разных типов. Основную массу керамического материала поселения составляют сосуды романовского типа (несколько сот экз.); лишь в качестве незначительной примеси к ним присутствуют сосуды бахмутинского (30 экз.) и кушнаренковского (35 экз.) типов. На этом основании мы сделали выше вывод, что на городище жили только носители керамики романовского типа, и отнесли этот памятник к романовской культуре. Как данные о количественном соотношении сосудов разных типов, так и данные об их стратиграфическом залегании противоречат мнению П. Ф. Ищерикова и Н. А. Мажитова об обитании на городище Уфа-II вначале носителей керамики бахмутинского, а потом романовского типов и что романовская керамика пережила бахмутинскую.

Если даже допустить, что городище Уфа-II многослойное поселение и что культурный слой его не потревожен и точно отражает хронологическую последовательность отложения остатков материальной культуры, то и в этом случае мы не можем уверенно говорить о существовании романовской керамики после VIII в., так как вполне допустима смена обитателей данного городища еще в период существования бахмутинской культуры; это событие могло иметь место и в V, и в VI, и в VII вв.

Кроме всего сказанного, при датировке романовской керамики следует учитывать такой немаловажный факт, как отсутствие её в могильниках конца VIII—X вв. К настоящему времени в разных районах Башкирии исследовано около десяти могильников этого времени, но ни в одном из них не найден сосуд романовского типа. Поэтому включение в их хронологические рамки IX—X вв. исключено. Таким образом, на основании имеющихся фактов мы может говорить о бесспорном существовании керамики романовского типа и, следовательно, памятников с характерным комплексом этой керамики лишь в пределах IV—VIII вв.

Вопрос о происхождении и этнической принадлежности памятников романовской культуры в настоящее время не может быть решен окончательно. Пока мы можем говорить уверенно лишь о том, что они не связаны генетически с памятниками предшествующего периода: пьяноборскими, кара-абызовскими и сарматскими. Об этом свидетельствует прежде всего керамический материал. Памятники романовской культуры находят ближайшие аналогии среди одновременных памятников Среднего Поволжья, где также известны многочисленные поселения и могильники с грубой плоскодонной керамикой [31]. Но до сих пор неясен вопрос о происхождении самих памятников Среднего Поволжья. Они, по мнению А. П. Смирнова и Н. Ф. Калинина, оставлены потомками городецких племен, занявших в эпоху переселения народов восточные районы Мордовии и всю современную Татарию [32].

Точки зрения указанных авторов придерживался в своих ранних работах и В. Ф. Генинг [33]. Но так как с течением времени места находок грубой плоскодонной керамики именьковско-романовского типа все увеличивались и территория ее распространения вышла далеко за пределы Среднего Поволжья и стало трудно предполагать столь далекое продвижение городецких племен на восток, то В. Ф. Генинг стал связывать ее

---

[31] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Именьковское городище. МИА, 80, 1960, стр. 226; В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов и др. Археологические памятники у с. Рождествено. Казань, 1962; Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, 42, 1954.

[32] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 16; его же. Железный век Чувашского Поволжья. МИА, 95, 1961, стр. 153; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1952, стр. 55.

[33] В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья..., стр. 208.

с другим этносом. Он высказал мысль о сибирском происхождении и принадлежности ранним тюркам носителей плоскодонной керамики романовско-именьковскоего типа [34]. Эта мысль высказана и в других сочинениях В. Ф. Генинга [35]. В подтверждение ее приводится ряд случаев находок плоскодонной керамики в Западной Сибири и Казахстане.

Но нам кажется, что нельзя выводить керамику памятников Башкирии и Среднего Поволжья из Западной Сибири и Казахстана, основываясь на сомнительном ее сходстве с керамикой этих областей. Различий между керамикой восточных и западных областей значительно больше, чем черт сходства. Например, казахстанские сосуды, изготовленные из глины с примесью песка и толченого гранита, имеют тщательно сглаженную поверхность бледно-красного цвета и характеризуются однообразием форм. Они имеют очень короткие вогнутые или отогнутые шейки, слабо раздутое тулово, одинаковый диаметр устья и днищ [36]. А романовско-именьковская керамика характеризуется чрезвычайным разнообразием форм сосудов и среди последних нельзя найти ни одного, который можно было бы сопоставить с казахстанскими. В качестве характерной особенности казахстанских сосудов середины I тысячелетия до н. э. М. К. Кадырбаев отмечает наличие небольшого валика на внутренней стороне венчика. В последующий период валик получает широкое распространение на казахстанских сосудах, чего мы не находим на романовско-именьковских. Ничего общего, кроме плоских днищ, не имеют романовско-именьковские сосуды также и с сосудами с городища Большой Лог у г. Омска [37]. Что же касается находок плоскодонных сосудов на жертвенном месте Сузгун-II эпохи бронзы [38] и в Фоминском могильнике верхнеобской культуры [39], то они единичны и не находят подкрепления в других подобных памятниках Сибири и поэтому естественно рассматривать их как явления случайные.

Но В. Ф. Генинг при решении вопроса о происхождении романовско-именьковских памятников опирается не только на керамику, но еще и на погребальный обряд. В настоящее время известны два могильника, относящихся к кругу памятников романовско-именьковского типа (Кушнаренковский в Башкирии и Рождественский в Татарии). Некоторые элементы погребального обряда этих могильников (могильные ямы с заплечиками вдоль длинных стенок и нишами в узкой стенке, туши коня в могиле, трупосожжения) В. Ф. Генинг связывает с сибирским населением. Обряд трупосожжения возникает у разных племен и народов с различным типом хозяйства, на разных ступенях общественного развития. Он был известен в эпоху бронзы у андроновских племен в Южном Зауралье, Центральном и Южном Казахстане, у сармато-аланов Поволжья в IV—V вв., у славянских племен. Поэтому трудно связывать обряд трупосожжения с каким-либо одним этносом или определенным географическим районом. Что же касается могил со ступеньками вдоль длинных стенок, то гораздо больше оснований связывать их с сарматами. Они встречаются еще в раннесарматское время [40]. В V—VIII вв. среди сарматского населения Нижнего Поволжья был широко распространен обычай класть кости лошади на ступеньки могилы [41].

[34] В. Ф. Генинг. К вопросу о продвижении сибирского населения..., стр. 329—335.

[35] В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала, стр. 42; его же. К вопросу об этническом составе населения Башкирии..., стр. 128.

[36] М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1959, стр. 167, рис. 3.

[37] В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская. Городище Большой Лог. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 84.

[38] В. И. Мошинская. Сузгун-II. МИА, 58, 1957, стр. 121, табл. II, *3*.

[39] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. МИА, 48, 1956, табл. L, *30*, *31*.

[40] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1-10. М., 1963, табл. 2, *11*.

[41] Е. К. Максимов. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. Тр. СОМК, 1, 1956, стр. 70.

При решении вопроса о происхождении романовско-именьковских памятников следует иметь в виду наличие между ними и сибирскими памятниками хронологического разрыва в 500 лет и более. Нам пока еще неизвестны памятники, которые могли бы послужить связующими звеньями между ранними и поздними памятниками. Но даже существование преемственности между сибирскими и романовско-именьковскими памятниками не может служить основанием для утверждения о принадлежности последних древним тюркам, так как неизвестна этническая принадлежность первых.

Однако В. Ф. Генинг пытается обосновать свое мнение, ссылаясь на данные не только археологии, но и других наук. Так, в частности, он опирается на мнение А. П. Ковалевского о том, что язык волжских булгар отличался от чувашского и чуваши к числу булгарских племен не принадлежали [42]. Поскольку чувашский язык считается самым древним тюркским языком, а его носители не относятся к числу булгарских племен, постольку, по мнению В. Ф. Генинга, их (носителей чувашского языка) можно считать древними тюрками, проникшими в Среднее Поволжье в эпоху переселения народов [43]. «Но для добулгарского населения Среднего Поволжья,— пишет В. Ф. Генинг,— как раз весьма характерна плоскодонная, горшковидная керамика, аналогичная той, которую мы находим и в бассейне р. Белой» [44].

Действительно, чувашский язык является древнетюркским и занимает особое место среди тюркских языков, не входя ни в одну из существующих в настоящее время групп этих языков. Но, во-первых, до сих пор еще неясен вопрос, был ли чувашский язык самостоятельным с самого начала или был диалектом булгарского. Во-вторых, даже признание чувашского языка древнетюркским и существование его самостоятельно с самого начала еще не может служить основанием для утверждения, что носители этого языка появились на средней Волге раньше булгар. Древность языка какого-либо народа, живущего в окружении других народов, язык которых считается более молодым, не обязательно предполагает появление на данной территории носителей древнего языка раньше, чем народов с более молодым языком. Исходя из всего изложенного, трудно согласиться с мнением В. Ф. Генинга о сибирском происхождении и тюркской принадлежности памятников романовской культуры в Башкирии и именьковской в Среднем Поволжье.

Хронологически и территориально именьковская культура смыкается с городецкой. Для нее и соседней дьяковской культуры — культур поволжских финно-угров — как раз была характерна плоскодонная керамика. Вполне возможно, что именьковская культура своим происхождением связана с городецкой.

Турбаслинская культура

С выделением из круга памятников Башкирии середины I тысячелетия особой турбаслинской культуры следует согласиться, но вопрос об ее этнической принадлежности требует некоторого уточнения. Данная культура выделена на основании материалов Ново-Турбаслинского курганного могильника, могильника в Орджоникидзевском районе г. Уфы и отдельных уфимских погребений. Эти памятники разными исследователями связываются с разными племенами: сармато-аланами, тюрками и уграми. Мнение об их сарматской принадлежности впервые высказал Р. Б. Ахмеров [45], а затем развил А. П. Смирнов [46]. Эту точку зрения раз-

[42] А. П. Ковалевский. Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954, стр. 49.

[43] В. Ф. Генинг. К вопросу о продвижении сибирского населения..., стр. 335.

[44] Там же.

[45] Р. Б. Ахмеров. Древние погребения в г. Уфе. КСИИМК, XXV, 1947, стр. 113—117; его же. Уфимские погребения VI—VIII веков нашей эры. КСИИМК, X, 1951, стр. 134—137.

[46] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии. МИА, 58, 1957, стр. 62.

делял в своих первых работах и Н. А. Мажитов [47], но потом под влиянием В. Ф. Генинга, высказавшего мнение о тюркской принадлежности носителей плоскодонной керамики романовского типа, и на основании находок в Ново-Турбаслинском могильнике нескольких плоскодонных сосудов он стал связывать турбаслинскую культуру с тюрками. Он пишет, что хотя сарматские черты в культуре турбаслинских и уфимских могильников значительные, однако считать их полностью памятниками сармато-алан, по-видимому, нельзя [48]. Поскольку в передвижениях народов в IV—V вв. основную роль сыграли гунны, то, по мнению Н. А. Мажитова, можно предположить, что в культуре и языке этого пришлого населения преобладали тюркские элементы.

Во-первых, сразу же следует отметить, что нет никаких данных судить о том, какие элементы, сарматские или гуннские, преобладали в языке этого населения. При этом необходимо иметь в виду еще то обстоятельство, что до сих пор не решен вопрос, на каком языке, тюркском или монгольском, говорили сами гунны. Во-вторых, Н. А. Мажитов не уточняет, какие элементы материальной культуры пришлых племен он связывает с тюрками, да это и невозможно, так как собственно древнетюркские комплексы нам неизвестны. В-третьих, не исследован антропологический материал Ново-Турбаслинского могильника и мы не имеем возможности судить о физическом типе населения, оставившего этот могильник. Таким образом, ни антропологическими, ни лингвистическими данными по интересующему вопросу мы не располагаем. В нашем распоряжении имеются лишь данные по материальной культуре и погребальному обряду, а они, как признает и сам Н. А. Мажитов, свидетельствуют о большой близости турбаслинских племен к аланам Приуралья и Нижнего Поволжья.

Точка зрения о сарматской принадлежности курганных могильников Прикамья середины I тысячелетия (Харинский, Качкинский, Ново-Турбаслинский и др.) в последнее время подверглась критике со стороны В. Ф. Генинга, который считает, что эти памятники оставлены угорским населением, переселившимся в Прикамье из Зауралья и Западной Сибири в III в.

Аргументацию В. Ф. Генинга можно свести к двум пунктам. Первый — культуры, развивающиеся в Прикамье с III в., не имеют близких аналогий в сармато-аланских памятниках ни в керамике, ни в погребальном обряде [49]. В. Ф. Генинг при решении вопроса о происхождении и этнической принадлежности населения, принесшего в Прикамье курганный обряд захоронения, не видит различий между отдельными группами этого пришлого населения. На самом деле курганные могильники Верхнего Прикамья (Харинский, Качкинский) и Башкирии (Ново-Турбаслинский и др.) резко отличаются друг от друга как по погребальному обряду, так и по керамике. Для первых характерны неглубокие могильные ямы под насыпью, срубы в один венец бревна, перекрытые сверху толстыми плахами, берестяная подстилка дна ямы, следы огня, ориентировка костяков на юг и северо-запад [50], а для вторых — глубокие могильные ямы часто с заплечиками по длинным стенкам, а также нишами в узкой северной стенке; широкое распространение в насыпях курганов и могилах жертвенных костей лошади; следы кострищ; преобладание ориентировки костяков на север и северо-восток [51].

У половины сосудов харинских памятников «в составе глиняного теста имеется растительная примесь и отсутствует раковина. Появляется

---

[47] Н. А. Мажитов. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы, стр. 142.
[48] Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии..., стр. 105.
[49] В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала, стр. 41.
[50] В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур Прикамья..., стр. 185.
[51] Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии..., стр. 104.

особая остроребериая форма чаши с высоким горлом. Сосуды часто орнаментируются по наружной стороне венчика насечками и защипами. Все сосуды в харинское время продолжают оставаться круглодонными. В орнаментации преобладают узоры из гребенки, разных вдавлений и шнура» [52]. Керамика турбаслинской культуры представлена большими глиняными сосудами без орнамента, с высоким прямым горлом, широко раздутым туловом и округлым дном, примесь к глине — песок [53]. Кроме того, курганные могильники Верхнего Прикамья связаны с поселениями, а башкирские — нет. Население Верхнего Прикамья было оседлым и занималось скотоводством и земледелием, а турбаслинцы были кочевниками.

В. Ф. Генинг вопреки этим фактам пишет, что во всем Прикамье появилось оседлое население, прекрасно знакомое не только со скотоводством, но и высокоразвитым земледелием [54]. Это утверждение справедливо лишь относительно Верхнего Прикамья. По нашему мнению, В. Ф. Генинг прав, связывая харинские памятники с уграми. Что же касается памятников турбаслинского типа, отличающихся от харинских и не находящих аналогий в угорских памятниках Зауралья и Западной Сибири, то их следует считать сармато-аланскими. Как уже было сказано выше, могилы со ступеньками вдоль длинных стенок встречались еще в прохоровской культуре. В V—VIII вв. среди сарматского населения Нижнего Поволжья был широко распространен обычай класть на ступеньки могилы кости лошади. Северная ориентировка погребенных является одним из элементов погребального обряда сармато-алан во II—IV и V—VIII вв. Керамику турбаслинских курганов Н. А. Мажитов прямо связывает с сарматской керамикой [55].

Разберем второй пункт доказательства В. Ф. Генинга. Он пишет, что продвижение сармато-аланов к северу исключено также потому, что развитие культур раннего средневековья Прикамья начинается до того времени, как сармато-аланы после разгрома гуннами в 370 г. должны были покинуть Приазовье [56]. Во-первых, как было показано, с сармато-аланами можно связывать только курганные могильники Башкирии, но не всего Прикамья, как это делал А. П. Смирнов [57]. Во-вторых, В. Ф. Генинг, решая вопрос об этнической принадлежности курганных могильников Прикамья, исходит из своей неправильной точки зрения о начале развития всех, без исключения, археологических культур средневековья в Прикамье именно в III в.

В действительности картина сложения, развития и взаимоотношений культур Прикамья гораздо сложнее, чем это кажется В. Ф. Генингу. В настоящее время мы можем более или менее уверенно говорить о III в. как о времени начала существования только таких культур, как бахмутинская, ломоватовская и, возможно, поломская. А именьковская культура в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, турбаслинская и романовская в Башкирии датируются не с III, а с V в. Но В. Ф. Генинг прав в том отношении, что нельзя связывать турбаслинскую культуру с племенами, якобы переселившимися, как считает А. П. Смирнов, из Северного Приазовья в конце IV в. Навряд ли в действительности имело место столь далекое переселение, да и нет необходимости искать где-то далеко на юге первоначальное место обитания тех племен, которые расселились в Центральной и Северной Башкирии на рубеже IV—V вв. Есть основания предполагать, что это население продвинулось сюда из Оренбургской области и южных районов Башкирии.

---

[52] В. Ф. Генинг. Очерк этнических культур..., стр. 187.

[53] Н. А. Мажитов. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы, табл. III, *1, 2, 5, 6*.

[54] В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала, стр. 41.

[55] Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии..., стр. 105.

[56] В. Ф. Генинг. Ук. соч., стр. 41.

[57] А. П. Смирнов. Ук. соч.

Нельзя забывать, что сарматские племена жили в Башкирии еще до нашей эры, о чем свидетельствуют могильники у с. Старые Киишки и отдельные находки прохоровской культуры [58]. Правда, В. Ф. Генинг ставит под сомнение сарматскую принадлежность Киишкинского могильника [59]. Он, не отрицая большого сходства киишкинских курганов с курганами прохоровской культуры, преувеличивает черты, отличающие их от южноуральских памятников. Действительно, при наличии многих черт, общих с прохоровскими, старокиишкинским погребениям присущи и некоторые особенности, выделяющие их из круга прохоровских погребений Приуралья и Нижнего Поволжья. Так, для нежинских курганов характерны каменные кучи под насыпью, утрамбованные глиняные площадки. Могилы либо закладывались сверху бревнами или жердями, либо покрывались плетнем из осокоревых или тальниковых веток. Таким же плетнем облицовывались стенки могильных ям [60].

Ничего подобного не встречено в киишкинских курганах. В Поволжье преобладают катакомбы с большими камерами и узкими подбоями и простые неширокие, прямоугольные или овальные ямы. Следует отметить и такой факт, как наличие под одной курганной насыпью нескольких типов погребений. В киишкинских курганах преобладают узкие прямоугольные ямы. Особенностью поволжской группы прохоровской культуры являются погребения в дощатых гробах и в долбленных колодах [61]. В Киишках только некоторые погребения совершены на досках и на берестяной подстилке. Все это в какой-то степени отличает киишкинские курганы от южноуральских и поволжских курганов прохоровской культуры, но не должно вызывать у нас сомнений относительно принадлежности их к указанной культуре. Основные черты обряда свидетельствуют о родстве его с прохоровским [62].

Своеобразие, характерное для киишкинских курганов, вполне допустимо в пределах обширного сарматского мира. Сарматы жили на Южном Урале и позже II в. до н. э., о чем свидетельствуют погребения средне- и позднесарматского периодов [63]. Видимо, какая-то часть сарматского населения осталась на Южном Урале и продолжала кочевать здесь до тех пор, пока на рубеже IV—V вв. не продвинулась в более северные районы. Потомки этих племен и оставили в Центральной и Северной Башкирии памятники типа Ново-Турбаслинского курганного могильника. Между ними и племенами бахмутинской и романовской культур установились, видимо, связи брачного характера, что вызвало включение в комплексы материальной культуры и погребального обряда вторых некоторых черт материальной культуры и погребального обряда первых (большие круглодонные сосуды без орнамента, могилы с заплечиками, кости лошади в могилах).

Кушнаренковская культура

Памятники кушнаренковской культуры известны в междуречье Камы, Ики и Белой, а также на правобережье р. Белой в районе г. Стерлитамака. Датируются они исследователями по-разному. В. Ф. Генинг считает,

---

[58] М. Г. Мошкова. Ук. соч.

[59] В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии..., стр. 112.

[60] Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского... Тр. СА РАНИОН, IV, 1928, стр. 146.

[61] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 13.

[62] М. Х. Садыкова. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки. АЭБ, I, Уфа, 1962.

[63] К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, 22, 1948; К. В. Сальников. К вопросу об этническом составе населения Южной Башкирии в I тысячелетии нашей эры. СА, 1959, 4.

что они появились в III в., но ничего не говорит о том, как долго они существовали. В одном случае он говорит о памятниках III—V вв., в другом III—VIII вв., в третьем — III—IX вв.[64] Н. А. Мажитов, который не признает кушнаренковскую культуру, датирует характерную для нее керамику в одном случае V—VII вв., в другом VI—IX вв.[65] Второй половиной I тысячелетия датирует керамику кушнаренковского типа и К. В. Сальников[66].

Между тем время существования памятников кушнаренковской культуры определяется легко и достаточно точно. К настоящему времени известны многочисленные находки кушнаренковской керамики в хорошо датируемых погребениях. В 1961 г. около г. Ишимбая на правом берегу Белой обнаружено древнее погребение, в котором вместе с другими вещами оказалось несколько черепков кушнаренковского типа. В. Д. Викторова датировала погребение V—VI вв.[67] В 1965 г. около дер. Куштеряк на р. Ик были найдены вместе с черепками кушнаренковского типа следующие вещи: бронзовая литая подвеска с выпуклинами, бронзовый проволочный браслет, наконечники ремней, несколько подвесок в виде медведя (свиньи?), круглая плоская литая фибула с круглыми шишечками по краю и др. Все они имели широкое распространение в VI—VII вв.[68]

В музее археологии Башкирского государственного университета хранятся вещи из древнего погребения, обнаруженного в дер. Ихтисат Стерлитамакского района БАССР. Костяк лежал на глубине 1,2—1,3 *м*, головой к юго-западу, при нем вместе с черепками кушнаренковского типа оказалось много металлических предметов: шесть бронзовых колесообразных подвесок, шесть колоколовидных подвесок, два бронзовых проволочных браслета, бронзовая поясная пряжка, обломки серег, перстень со щитком, стеклянные пастовые бусы, железные удила, железный нож и обломок бронзового зеркала. По колесовидным подвескам, встречающимся в большом количестве в погребениях V—VII вв. и на поселениях бахмутинской культуры[69], серьгам и перстню, аналогичных стерлитамакским VIII—IX вв.[70], Ихтисатовское погребение следует отнести к VII—VIII вв. В начале 50-х годов недалеко от г. Стерлитамака во время земляных работ были найдены, а потом исследованы сотрудниками Башкирского, республиканского и Стерлитамакского музеев более двух десятков богатых погребений, которые по монетам хорошо датируются VIII—IX вв. В некоторых погребениях вместе с металлическими предметами встречались обломки сосудов, очень близких к сосудам кушнаренковского и чермасанского типов. Сосуды из стерлитамакских погребений орнаментированы мелкими ямками, горизонтальной елочкой, резными горизонтальными линиями, взаимопересекающейся насечкой, наклонными отпечатками мелкозубчатого штампа, которые являются характерными элементами орнамента кушнаренковской и чермасанской керамики.

Следовательно, известные в настоящее время погребения кушнаренковской культуры датируются разным временем в пределах V—IX вв. Также следует датировать связанные с ними поселения. Но если учесть, что несколько сосудов кушнаренковского типа известны из Танкеевского могильника IX—X вв. в Татарии, то в хронологические рамки кушнаренковской культуры можно включить и X в.

---

[64] В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала, стр. 40—44; его же. К вопросу об этническом составе населения Башкирии..., стр. 115—123.

[65] Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 12; его же. Поселение Ново-Турбаслинское II, стр. 160.

[66] К. В. Сальников. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии, стр. 12—13.

[67] В. Д. Викторова. Ук. соч., стр. 170.

[68] А. П. Смирнов. Ук. соч., табл. VI, *1—9*; Н. А. Мажитов. К изучению археологии Башкирии..., рис. 2, *5*; 3, *4*.

[69] Н. А. Мажитов. Поселение Ново-Турбаслинское-II, табл. II, *5*.

[70] Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXXII, 1955.

О происхождении племен-носителей кушнаренковской культуры впервые высказал мнение В. Ф. Генинг, который связывает их с уграми зауральского происхождения [71]. С мнением В. Ф. Генинга, пожалуй, следует, согласиться. Вызывает возражение лишь отнесение времени появления этих племен в Башкирии к III в. Как было показано выше, памятники кушнаренковской культуры датируются не с III в., а с V в. Материалы позволяют предположить, что имело место двукратное переселение зауральского населения. Впервые в III в. в Южное Приуралье проникают те угорские племена, которые, смешавшись с местным пьяноборским населением, дали начало бахмутинской культуре. Затем, видимо, на рубеже IV—V вв. переселились племена — носители керамики кушнаренковского и чермасанского типов.

Поскольку Стерлитамакский могильник мы относим к кушнаренковской культуре, необходимо коснуться вопроса об его этнической принадлежности. Р. Б. Ахмеров, опубликовавший материалы могильника, приписал его аланам [72]. Впоследствии А. П. Смирнов, обосновав предложенную Р. Б. Ахмеровым датировку могильника VIII—IX вв., также связал памятник с аланами, якобы продвинувшимися в лесостепные районы Южного Приуралья из Приазовья [73]. Основанием для этого ему послужило сходство металлических вещей могильника с материалами позднесарматских погребений в Саратовской области и салтовской культуры. Однако погребальный обряд и керамический материал Стерлитамакского могильника противоречат выводу Р. Б. Ахмерова и А. П. Смирнова. Стерлитамакские погребения имеют северо-западную, западную и юго-западную ориентировки, а позднесарматские — северную и северо-восточную. Керамика могильника находит аналогии в угорских памятниках Зауралья, но не в сарматских.

* *
*

Таким образом, в настоящее время в Башкирии известны пять групп археологических памятников середины I тысячелетия, соответствующие пяти племенным группам разного происхождения. Из них самой многочисленной была группа бахмутинских племен, занимавших обширную территорию в междуречье Уфы — Белой и на Средней Каме. В этническом отношении они были смешанными и включали потомков местного пьяноборского населения, угров, переселившихся из Зауралья в III в. и на рубеже IV—V вв., и племен сармато-аланского происхождения (турбаслинцы). Междуречье Белой, Камы и Ика, а также правобережье р. Белой в районе г. Стерлитамака занимали племена кушнаренковской культуры — угры, переселившиеся из Зауралья на рубеже IV—V вв. В среднем течении р. Белой в районах с. Кушнаренково и города Уфы обитали с конца IV в. племена романовской культуры, происхождение и этническая принадлежность которых не установлена. Мнение об их тюркской принадлежности пока ничем не аргументировано. Возможно, что они относятся к поволжским финно-уграм. По Центральной и Северной Башкирии кочевали племена турбаслинской культуры — потомки сармато-алан, продвинувшихся сюда из Оренбургских степей и Южной Башкирии на рубеже IV—V вв.

Провести четкие границы между культурами невозможно, так как в одном и том же районе встречаются памятники разных культур. Подобная картина наблюдается особенно в Центральной Башкирии, где имеются памятники всех указанных культур.

---

[71] В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала, стр. 40—44.
[72] Р. Б. Ахмеров. Ук. соч.
[73] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 50.

Бахмутинская, турбаслинская, романовская и имендяшевская культуры прекратили свое существование в VIII в. Этот факт, видимо, следует поставить в связь с вторжением в конце VIII в. в Южное Приуралье многочисленных тюркских племен [74]. Возможно, основная часть племен бахмутинской, романовской, турбаслинской и имендяшевской культур покинула Южное Приуралье, а часть осталась здесь и была ассимилирована тюрками. Определенно можно говорить об обитании здесь в конце I тысячелетия лишь племен кушнаренковской культуры, о чем свидетельствует Стерлитамакский могильник. Среди пришлых тюркских племен, видимо, уже были башкиры, первое письменное известие о которых относится к X в. [75]

---

[74] Н. А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир. АЭБ, II, стр. 148—157; М. Х. Садыкова. Тюрко-язычные кочевники на территории Южной Башкирии. БАС, стр. 152—169.

[75] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.— Л., 1939, стр. 66.

И. Ш. ШЕВЕЛЕВ

СТРОИТЕЛЬНАЯ МЕТРОЛОГИЯ И ПОСТРОЕНИЕ ФОРМЫ ХРАМОВ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА КОНЦА XII в.

Правильное понимание смысла древней строительной метрологии и знание методов применения мер длины в процессе строительства позволяет проследить простую картину создания древнерусского храма — от определения соразмерностей основных объемов сооружения до задания толщины стен, размеров окон и высоты аркатурного пояса. Наши отрывочные представления о геометрических взаимосвязях, которые всегда при желании можно найти в чертежах храма на плане, разрезе и на фасаде, сменяются представлением о ходе строительного процесса, в котором зодчий располагает профессиональным языком, доступным пониманию каждого подмастерья, плотника и каменщика. Языком этим служит указание меры. Вопрос о применении строительных мер длины, сопряженных геометрически, имеет отношение не только к археологии и этнографии. Он глубоко связан с проблемой композиции архитектурных сооружений. Он связан и с методом возведения архитектурной формы древними зодчими и с самой сущностью архитектуры как искусства гармонической организации пространства.

Скульптурная пластика стен древних новгородских храмов, живость и кривизна линий, отсутствие в плане прямых углов и неправильность в кладке стен по вертикали предполагают неизбежную приблизительность размеров. Вместе с тем изучение показывает, что план разбивался с большой точностью, что зодчим точно указывались размеры проемов и деталей, толщина стен, ширина и вынос лопаток. Правда, вслед за точной разбивкой по осям стены могли уклониться от намеченной линии, изменить толщину, но в ответственных местах, где производятся измерения, размеры соблюдаются достаточно точно. Соединение в одной постройке точной разметки и свободного, небрежного исполнения формы составляет характерную черту древнерусского зодчества. Показателен в этом смысле пример, приводимый П. Покрышкиным в отчете об исследовании церкви Спаса на Нередице в 1904 г. Он обнаружил в этой церкви древнее кружало — процарапанную точную циркульную кривую, которая определяла форму сводчатого перекрытия, но отесано это кружало «грубо, угловато»: скупые удары топора свободно следуют вдоль точно прочерченной линии.

Хорошая сохранность церкви Спаса на Нередице вплоть до Великой Отечественной войны, прекрасные точные обмеры П. Покрышкина, натурные исследования В. Суслова, С. Давыдова и Л. Шуляк и глубокое заключительное исследование архитектора Г. Штендера, осуществившего в 1956—1958 гг. восстановление церкви из руин,— все это позволило на прочной основе исследовать соразмерности церкви в ее первоначальных формах и проследить метод ее возведения.

Параллельное рассмотрение Нередицкой церкви и церкви Петра и Павла на Синичьей горе [1], которая построена на 13 лет раньше, делает

[1] Обмеры Анисимовой под руководством Г. Штендера. Реставрация Г. Штендера.

очевидной картину творческих приемов новгородских мастеров конца XII в. Третьим примером служит церковь Рождества в Перынском скиту, строительство которой обычно относят к первой половине XIII в.[2]

Правило применения меры. Новгородские мастера возводили храмы, пользуясь парными мерами. Величина принятых мер связана с ростом человека, и это позволяет определить масштаб сооружения, его отношение к человеку. При построении крупной формы зодчий применяет два простых приема. Первый состоит в том, что размеры назначаются как в длину, так и в ширину (или высоту) в одинаковое число мер одним и тем же эталоном. Таким образом строятся квадратные формы и кубические объемы. Второй прием состоит в том, что ширина и длина (или высота) назначаются также в одинаковое число мер, но отсчитанных разными эталонами. Таким образом строятся уже не квадраты, а прямоугольники, или прямоугольные призмы с отношением сторон, равным отношению длин эталонов. Эти два формальных приема подчинены общему правилу: форма, описывающая общие размеры сооружения, определяет и его части.

Использование двух мер длины одновременно позволило зодчему представить себе заранее с отчетливой ясностью размеры будущего сооружения, установить связь объемов друг с другом так же, как позволяло оно установить отношение размеров внутри каждой формы.

Все главные объемы и членения храмов описываются двумя типами фигур: квадратами и прямоугольниками М : Б, которые могут располагаться и вертикально, и горизонтально. При этом отношение М : Б есть отношение двух примененных в строительстве храма саженей: отношение меньшей меры (М) к большей мере (Б). Размеры главных масс сооружения, определенные как основные размеры построения, назначаются в целое число саженей. Крупные детали назначаются, как правило, в одну сажень, полусажень, в полторы сажени, в три и пять локтей. Толщина стен определяется в сажень, полусажень или три локтя.

Имея перед собой две меры длины, две сажени, зодчий наглядно представляет себе пропорцию будущего сооружения и, пользуясь этими мерами, может набросать в произвольном масштабе чертеж на земле, в котором массы сооружения взаимосвязаны между собой подобно тому, как это будет осуществлено в натуре. Пропорция будущего сооружения уже как бы заключена в двух жезлах и, при всей каноничности приема, которым пользуется зодчий, он обладает достаточно большим простором композиционных возможностей. Каждый зодчий в каждой новой постройке по-новому подчиняет объемно пространственное решение той цели, которую ставит перед собой в соответствии со значением постройки, традицией, собственной интуицией и приобретенным опытом.

Сопоставление близких по формам, но различных по образу сооружений (церкви Спаса на Нередице и церкви Петра и Павла на Синичьей горе, а также церкви Рождества Перынского скита) раскрывает и преемственность композиции, и ясную тенденцию к улучшению формы в сторону повышения стройности, и более цельной последовательной гармонизации масс здания, образующих единую форму храма.

Установление соразмерностей крупной формы

Церковь Петра и Павла на Синичьей горе построена в 1185 г. Она задумана и осуществлена с помощью двух мер длины. В качестве меньшей меры применена малая сажень, равная 146,5 *см*, двойной шаг, мера, широко распространенная в метрологии разных народов. В качестве большей меры применена мера в 182 *см*, т. е. размах рук или

[2] Обмеры Р. Кацнельсон и Л. Красноречьева. Проект реставрации и исследования Л. Красноречьева.

рост человека. Поэтому соразмерности церкви Петра и Павла определяются квадратами и прямоугольниками с отношением сторон М : Б = 0,805, которые, как уже говорилось, располагаются вертикально, либо горизонтально (рис. 1, *1*).

Весь план церкви (рис. 2) образует прямоугольник М : Б, вытянутый с запада на восток, а главный фасад церкви вписан в этот же прямоугольник М : Б, поставленный вертикально. План без алтаря вписан в квадрат,

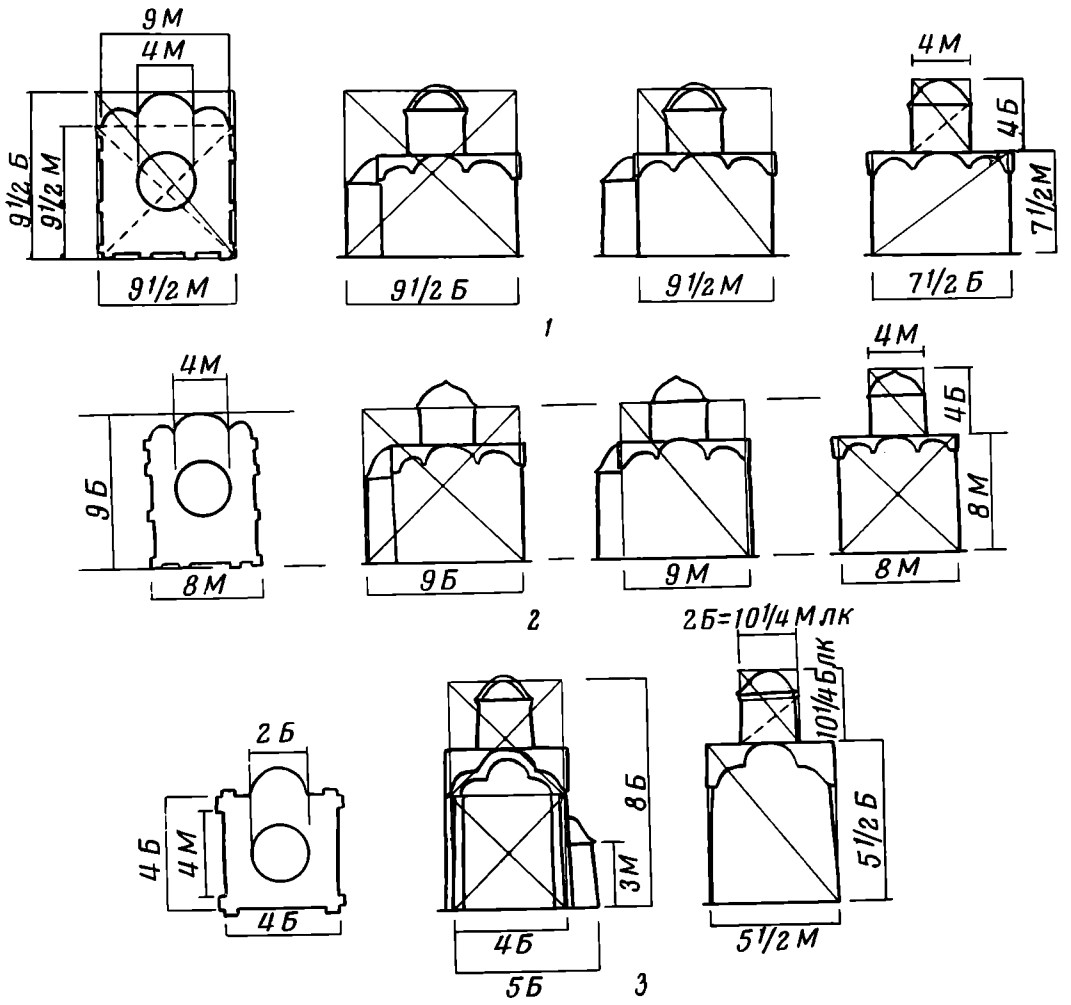


Рис. 1. Соразмерности крупных форм новгородских церквей конца XII в.:
1 — Петра и Павла на Синичьей горе; *2* — Спас Нередица; *3* — Рождества Перынского скита

и весь храм по боковому фасаду также вписан в квадрат. Боковой фасад, взятый без алтаря, повторяет главный фасад — прямоугольник М : Б, поставленный вертикально. Та же логика, что определила силуэт главного фасада храма, определила и соразмерность образующих его частей: кубического основания и стоящего на нем круглого барабана (рис. 3). Четверик образует прямоугольник М : Б, расположенный горизонтально, а барабан с главой образует по силуэту прямоугольник М : Б, расположенный вертикально (рис. 1, *1*).

Основные размеры церкви: ширина ее по наружным линиям стен 9 М саженей и диаметр барабана 4 М сажени. Эти два размера плана устанавливаются во взаимосвязи как результат уже определившейся общей соразмерности храма. Их назначение составляет, по-видимому, особую заботу зодчего и особую трудность,— ведь они предопределяют во многом образ сооружения. Вместе с тем сопряжение цилиндрического барабана с кубическим основанием составляет и главную конструктивную заботу мастера. Этим двум исходным размерам храма подчинены все остальные размеры.

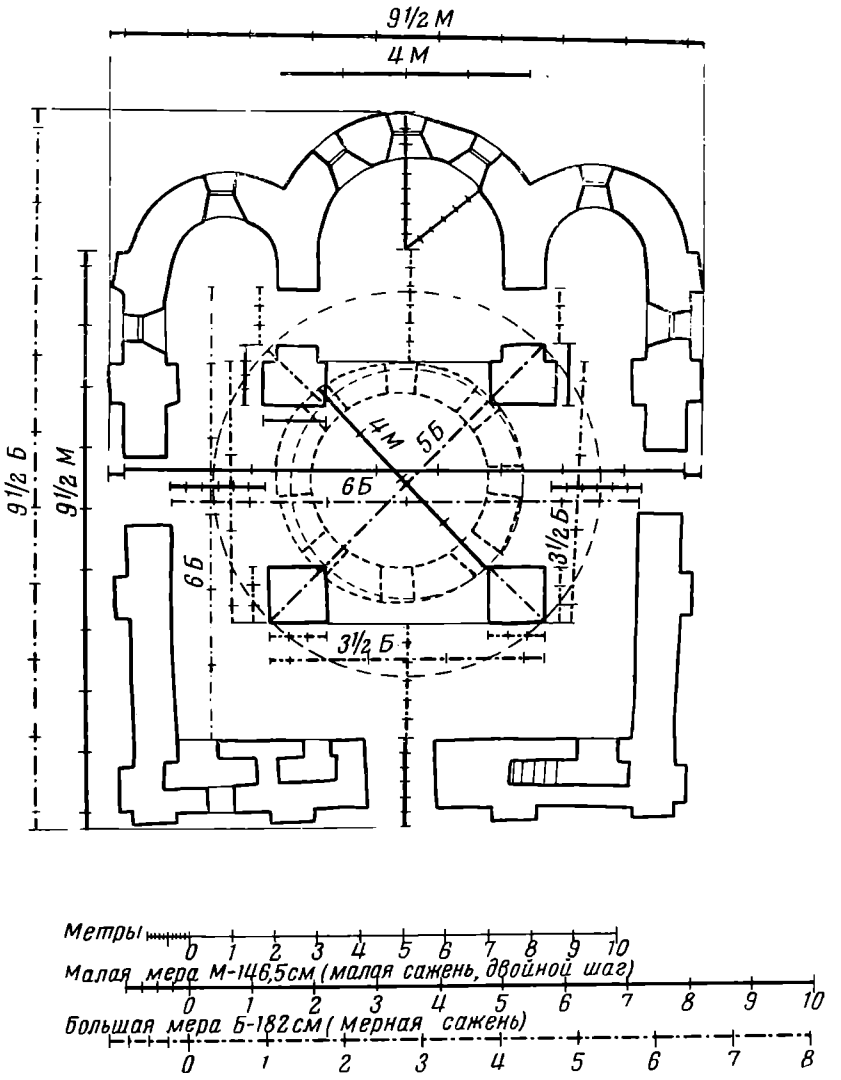


Рис. 2. План церкви Петра и Павла на Синичьей горе

Меры использованы следующим образом. Общий размер церкви определен ее шириной по наружным линиям стен в 9 М саженей. Ширина ее вместе с лопатками принята в 9,5 М саженей, поэтому длина церкви в плане, включающая на востоке алтарь и на западе лопатки, назначена в 9,5 Б саженей. Высота от уровня древнего пола до макушки кирпичного купола принята также в 9,5 Б саженей, а длина церкви в плане (без алтаря) — в 9,5 М саженей. Ширина основания (9,5 М саженей по разбивочной оси) на фасадах составила, взятая в большей мере, от 7,25 (запад) до 7,5 (восток) Б саженей. Высота основания по средним повышенным сводам равна соответственно 7,25 и 7,5 М саженям. Ширина барабана равна 4 М саженям и высота его (до верхней точки покрытия) равна 4 Б саженям.

Так определена соразмерность крупной формы церкви Петра и Павла. Несмотря на педантичное соблюдение правила применения парных мер, гармония объемов зодчим не достигнута. Причина этому выявляется в сравнении с методом применения парной меры в церкви Спаса на Нередице. Становится достаточно очевидной механистичность приема, недопонимание существа метода. Остановимся на главной погрешности композиции церкви Петра и Павла.

Главный фасад образован двумя прямоугольниками М : Б, горизонтально и вертикально поставленными. При избранной паре мер (отношение 0,805) сопряжение горизонтального и вертикального прямоугольников создает резкий контраст, нарушающий связь частей. Несоответствие в размере ширины основания и ширины завершения вполне понятно: ведь

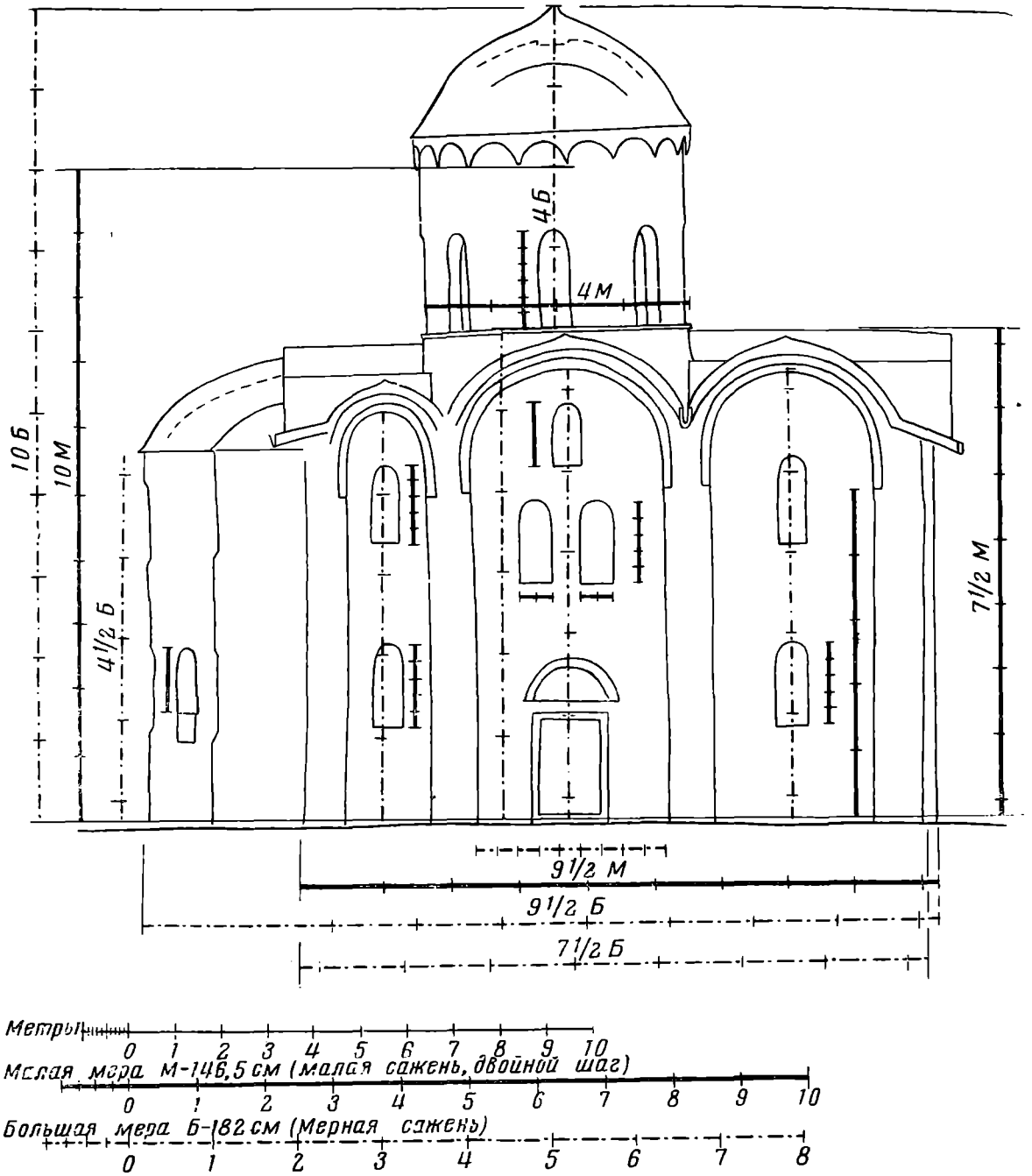


Рис. 3. Разрез церкви Петра и Павла на Синичьей горе

отношение диаметра барабана (4 М сажени) и ширины основания храма (9 М саженей, а фактически 9,5 М саженей, потому что объем четверика воспринимается в ширину вместе с лопатками) является случайным, нигде больше не встречающимся в членениях главных масс здания. Введение случайной связи в самом ответственном соединении двух основных формообразующих размеров храма разрушило гармонию объемов. Церковь Петра и Павла идеально соблюдает соразмерности частей, но нарушает пропорциональность целого. Пропорция — это закономерная связь частей внутри целого и недостаточно сделать так, чтобы целое и его части были подобны друг другу. Главный секрет гармоничности формы состоит в соблюдении связи при переходе от одного основного размера к другому основному размеру. Этот переход должен быть подчинен основной математической закономерности, которая свойственна данной постройке. Такова логика древнего зодчества, которую выявляет исследование лучших образцов архитектуры прошлого.

Летом 1198 г. строится церковь Спаса на Нередице. Зодчий, построивший этот храм, хорошо знает прием, использованный строителем

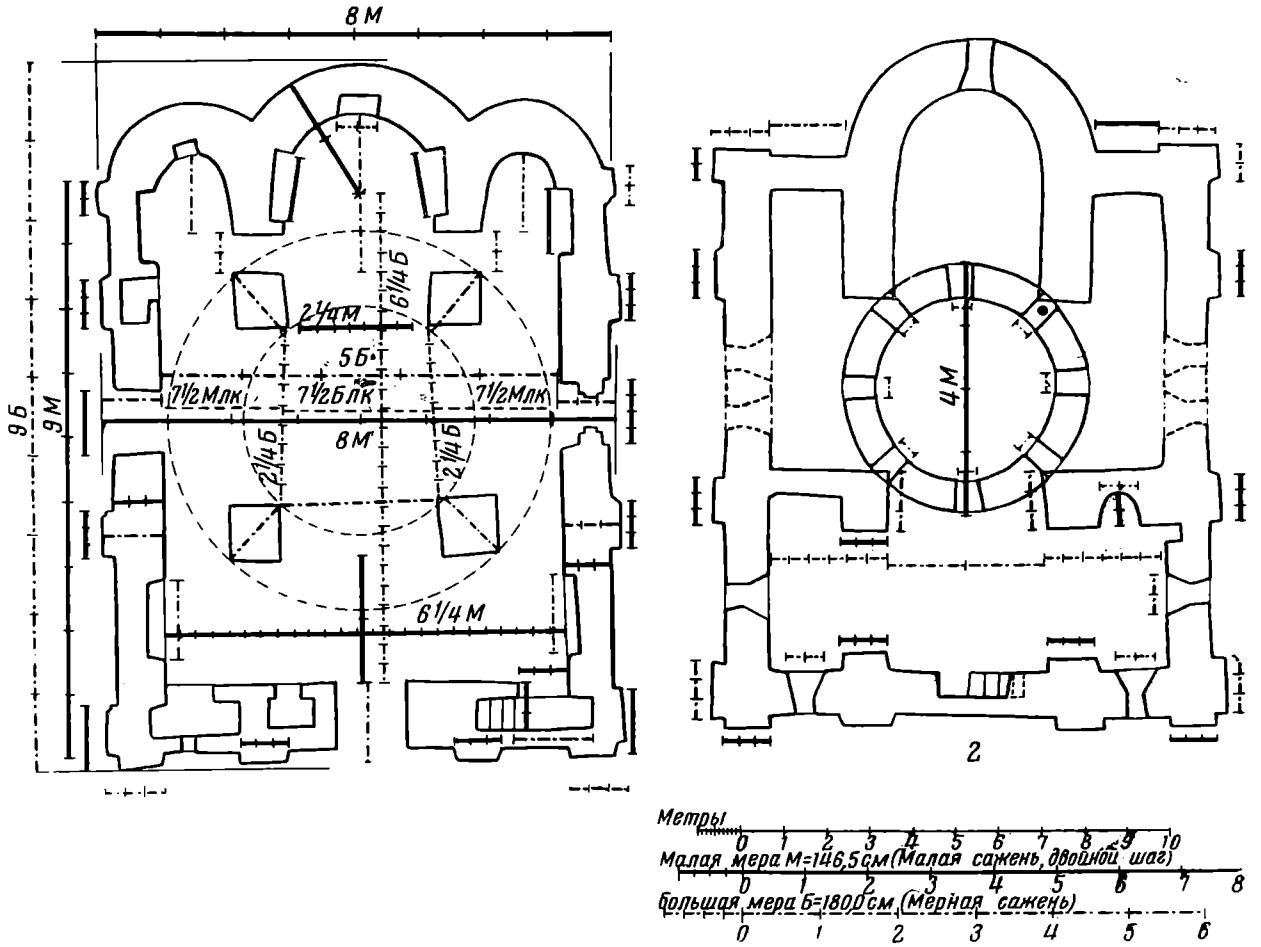


Рис. 4. План первого этажа (*1*) и план по уровню хор (*2*) Спас Нередицы

церкви Петра и Павла, и ее размеры. Вполне возможно, что между этими постройками находились другие, нам не известные, послужившие школой мастерства новгородцам.

Церковь Спаса применяет те же меры, что и церковь Петра и Павла. Ее композиция исправляет допущенные в церкви Петра и Павла промахи. Основные размеры церкви Петра и Павла (10 Б саженей для высоты, 9 Б саженей для плана и 4 М сажени для барабана) повторяются в тех же значениях высоты, плана и барабана, что и в церкви Спаса, но применительно к новой композиционной схеме (рис. 1, *2*). В новой композиции устанавливается четкая связь между диаметром барабана и шириной храма простым удвоением — прием, который последовательно применяется зодчим и не выходит из рамок повторения размера. Прием повторения размера, как мы уже видели, составляет одну из двух главных закономерностей связи частей внутри целого. Завершение церкви (вертикальный прямоугольник М : Б) ставится уже не на горизонтальный прямоугольник М : Б, а на квадрат, что создает более мягкий и гармоничный переход от основания к завершению (рис. 1, 2).

Меньшая мера церкви Спаса (малая сажень 146,5 *см*), возможно, и есть тот же буквальный эталон, которым пользовался строитель церкви Петра и Павла. Большая мера в 180 *см* по замыслу тождественна мерной сажени церкви Петра и Павла в 182 *см*. Это та же мерная сажень, которая равна росту человека или размаху рук и воспроизведена антропометрически. Таким образом, большая и малая меры взаимосвязаны как 0,814 (146,5 *см* : 180 *см*). В церкви Петра и Павла отношение М : Б = 0,805. Отношение $0{,}809 = \frac{1}{\sqrt{5-1}}$ (точное отношение системы двух квадратов) лежит как раз посредине между 0,805 и 0,814, и это дает право считать,

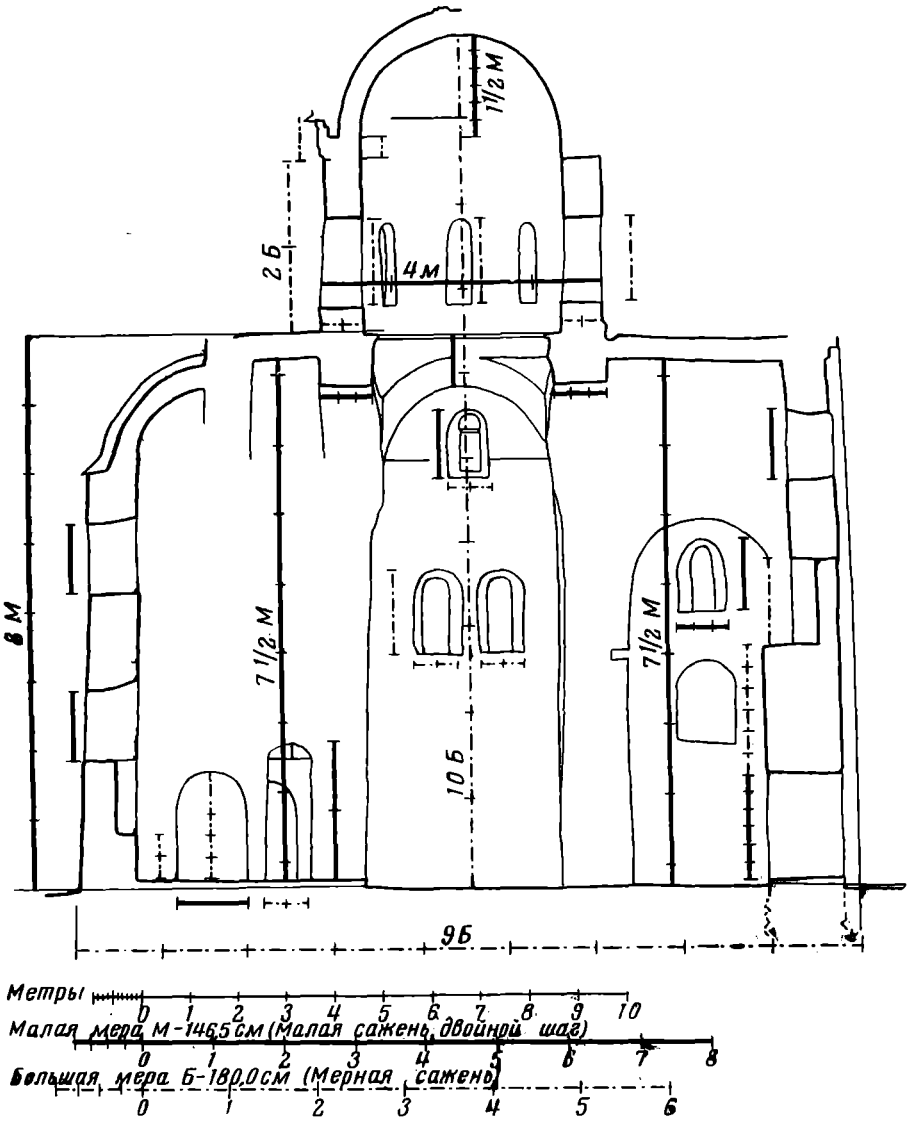


Рис. 5. Разрез церкви Спас Нередица. Реконструкция Г. М. Штендера

что парные меры церквей Спаса и Петра и Павла есть меры системы двух квадратов [3].

Церковь Спаса отличается большей стройностью, компактностью ядра (столбы, несущие барабан) со стенами храма (рис. 4, *1*). Высота четверика церкви Петра и Павла по наружному размеру (7,5 М саженей) и вся высота по наружному размеру (10 Б саженей) становятся высотой четверика изнутри (от древнего пола до верха среднего свода) и высотой внутреннего пространства от древнего пола до центра купола над барабаном.

Композиция масс сооружения определена следующими соразмерностями (рис. 1, *2*), 9 Б саженей определили полную длину плана, включая лопатки на западе и алтарь на востоке (в церкви Петра и Павла этот размер определил ширину храма без лопаток). Ширина храма, включая лопатки, принята в 8 М саженей. Так установлена связь диаметра барабана и ширины основания. Диаметр барабана повторил тот же размер, что и в церкви Петра и Павла — 4 М сажени и, следовательно, равен половине ширины храма. Боковой фасад церкви Спаса, как и боковой фа-

[3] И. Ш. Шевелев. Геометрическая гармония в архитектуре. Архитектура СССР, 3, 1965. Меры, точно связанные отношением 0,809, применены строителем Успенской Елицкой церкви в Чернигове.

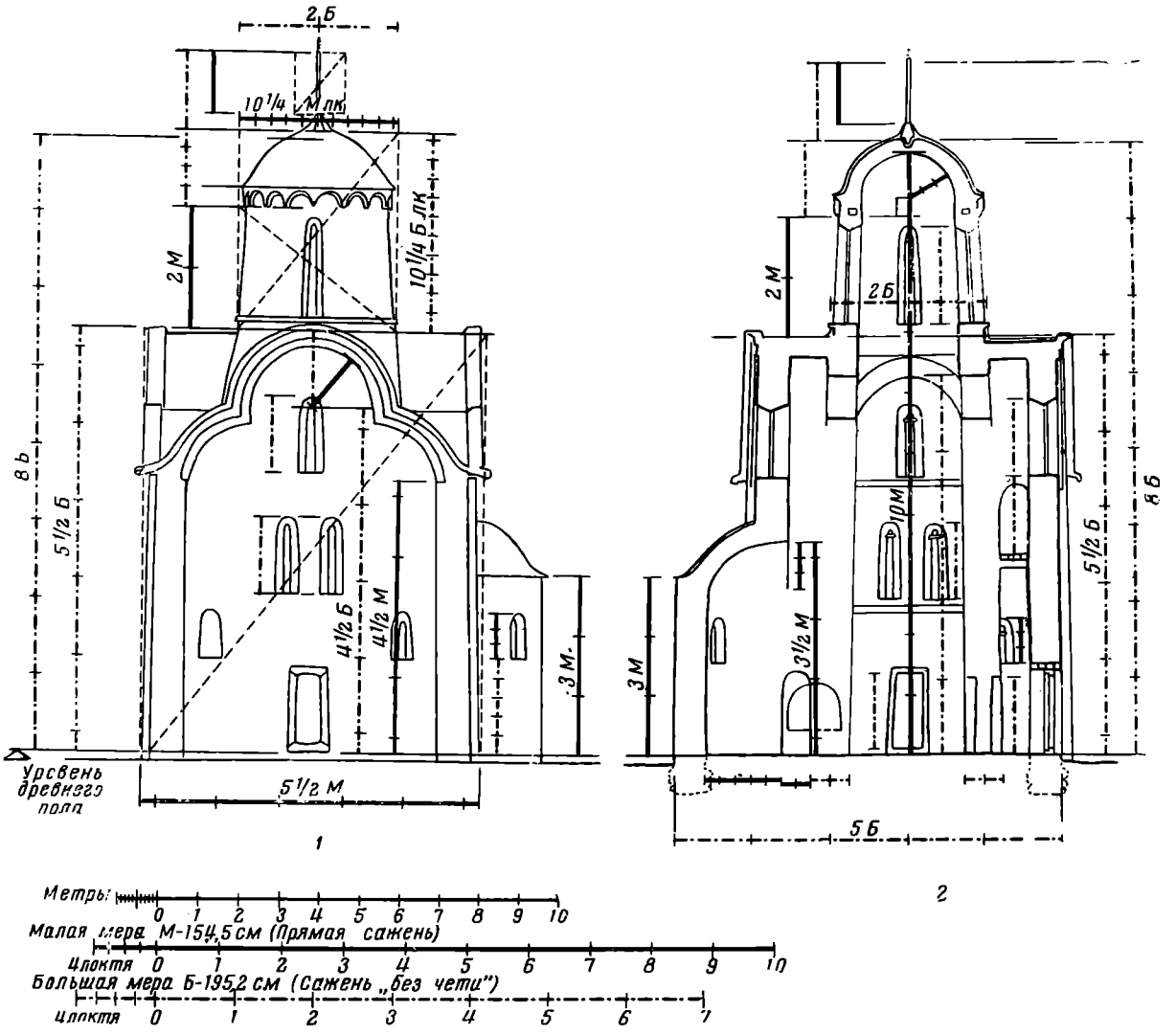


Рис. 6. Фасад (*1*) и разрез (*2*) церкви Рождества Перынского скита. Реконструкция Л. Красноречьева

сад церкви Петра и Павла, вписан в квадрат с той разницей, что этот квадрат имеет сторону 9 Б саженей и не включает покрытия главы, определяя верх стены барабана. Боковой фасад без алтаря и главы — прямоугольник М : Б, поставленный вертикально со сторонами 9 М и 9 Б саженей. Аналогичный фасад церкви Петра и Павла тоже прямоугольник М : Б, но включая главу (ср. рис. 1, *1* и *2*). Прямоугольник завершения точно повторяет прямоугольник завершения церкви Петра и Павла. Это прямоугольник М : Б со сторонами 4 М и 4 Б саженей, поставленный вертикально. Но поставлен он в данном случае не на горизонтально расположенный прямоугольник М : Б, а на квадрат со сторонами 8 × 8 М саженей, а это создает спокойный переход от основания к завершению. Ширина церкви по внутренним стенам 5 Б саженей, высота столбов до пят подпружных арок — 5 Б саженей и полная высота от пола до верхней точки свода купола в интерьере — 10 Б саженей.

Церковь Рождества в Перынском скиту отличается от остальных новгородских храмов конца XII в. значительно меньшими размерами, одной абсидой вместо трех, трехлопастным завершением гладких стен, не расчлененных на части лопатками. Простота и ясность ее композиционного строя предельны. Квадрат в плане, два квадрата в разрезе, а по членению фасада на основание и завершение — два вертикально расположенных прямоугольника М : Б, поставленные один на другой. Связь основных величин — ширины церкви и диаметр барабана — определена так же, как и в церкви Спаса на Нередице, отношением 1 : 2. Ма-

тематическая ясность, простота и гармоническое единство пропорции церкви воспринимается сразу, с первого взгляда на ее стройный и легкий объем, единственный в ряду новгородских кубических храмов (рис. 1, *3*).

Поскольку лопатки имеются только в углах церкви, ширина ее определена по внешним линиям стен и принята равной 4 Б саженям. Диаметр барабана равен 2 Б саженям, высота от уровня древнего пола до макушки купола — 8 Б саженей. Ширина внутреннего пространства церкви — 4 М сажени, а высота его от пола до верхней точки купола — 10 М саженей. Алтарь выступает из плоскости стены на 1 Б сажень. Прямоугольники М : Б очерчивают основание и завершение по внешнему контуру. Ширина фасада с лопатками равна 5,5 М саженям, высота основания приравнена 5,5 Б саженям. Диаметр барабана (2 Б сажени), измеренный малой мерой, составит 10,25 М локтей, поэтому высота барабана до верхней точки покрытия составила 10,25 Б локтей.

Если стены церквей Спаса и Петра и Павла свободно отклоняются от отвесных линий внутрь или наружу храма, то стенам церкви Рождества придан систематический и значительный уклон внутрь, чтобы подчеркнуть стройность формы (рис. 6). Зодчий, по-видимому, придает особенное значение выразительности внешнего объема, его точному определению. В натуре уклоны стен кажутся чуть утрированными, а весь храм, прекрасно в массах гармонизованный, излишне утонченным, словно случайно попавшим на Новгородскую землю. Ему недостает уверенной простоты, весомости, и это ощущение, по-видимому, стало бы более очевидным при срезе грунта до древнего уровня.

Причину следует видеть не только в уклонах стен, излишне крутых, но и в самих мерах. Церковь Рождества, столь обособленная по образу, построена другими мерами, чем рассмотренные два храма. Ее малая мера — сажень, равная 154,5 *см*,— близка к прямой сажени, а большая мера — 195,2 *см* близка сажени без чети [4]. Меры связаны отношением 0,791, что почти на 0,02 контрастнее, острее, чем отношение системы двух квадратов 0,809. Решение композиции церкви Рождества геометрически более точно сопряженными мерами и более умеренные уклоны стен, по-видимому, сообщили бы ее формам уверенное спокойствие, ничуть не умаляя достигнутых зодчим стройности и гармонии.

Возведение храма

Исследователь пропорциональности сидит перед готовым планом сооружения с линейкой и циркулем, и это решает судьбу исследования: он приходит к выводу о геометрическом начертании формы храмов. Между строителем и стенами возводимого им сооружения имеются исполнители замысла, живые посредники, рабочие, которыми нужно руководить. Общение с ними без ясного и простого строительного языка было бы невозможно.

Применение двух мер длины одновременно характерно для самых древних и самых высоких цивилизаций именно потому, что парные меры дают простой способ гармонизации масс в процессе выработки архитектурного замысла, и коль скоро такой замысел определился, то перевод его в камень, в натуру, не представляет уже методической сложности. Облегчается задача древнего зодчего, обходящегося без чертежа: достаточно простой схематической памятки, нацарапанного на камне рисунка, чтобы с помощью парных мер точно осуществить задуманные взаимосвязи в натуре. Там, где композиционная задача усложняется, опыт строительства парными мерами порождает специальные инструменты — пропорциональные циркули. Характерно, что четыре известных нам пропорциональных циркуля античности относятся к системе двух квадратов,

[4] Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV в. СЭ, 1949, 1, стр. 85—86.

а три из них производны от самой распространенной в строительстве меры — парного шага [5]. Длина ножек этих циркулей определена в 146 *см*, т. е. малой саженью в 146 *см*, взятой в масштабе 1 : 10. Это был инструмент, облегчающий зодчему творческий процесс, поиск пропорции на чертеже, от которого переход в камень был простым и ясным.

Зодчий располагает доступным пониманию каждого подмастерья способом осуществить замысел в натуре. Он не пускается в трудные разъяснения, не выполняет мелочных работ, не осуществляет лично разбивку каждого столба и проема в натуре. Ему достаточно указать рабочему каменщику место, где следует ставить столб или устроить окно, и сказать, во сколько малых или больших локтей вывести его ширину и во сколько саженей — высоту. Плотнику зодчий указывает, сколько кружал и какой мерой следует заготовить: сколько в одну и сколько в полторы сажени.

Использование парных мер замечательно тем, что оно устанавливает подлинное единство творческого процесса (формирование замысла) с ходом строительного процесса,— драгоценное и утраченное современной архитектурой качество. Строительство благодаря этому могло быть четко организовано, и это сильно влияло на его сроки. Церковь Спаса на Нередице была построена за 3,5 летних месяца.

Решая объемно-пространственную композицию, зодчий устанавливает взаимосвязь частей храма, определяет соразмерность каждой части, входящей в композицию. Мы видели, что если для храмов на Синичьей горе и на Нередице квадрат и прямоугольник М : Б очерчивают силуэты фасадов и планов в целом, то членения их на отдельные части и объемы подчинено этим же отношениям. В исследовании все выглядит до примитивного просто. Но следует знать, что эта простота является результатом долгого поиска. Вписать, например, в квадрат два прямоугольника М : Б (вертикальный и горизонтальный) так, чтобы основные размеры образующих целое частей составили целые меры и главное — соблюдали закономерность связи друг с другом — не так-то просто. Зодчий Петра и Павла так и не смог найти такого решения: он пожертвовал связью, но сохранил целые меры. Законченная гармоническая последовательность связи частей наблюдается лишь в редких случаях, на совершенных образцах. Поэтому удачные решения взаимосвязи главных частей храма становятся традицией, которую без надобности не нарушают. В первую очередь это относится к связи общего размера четверика с размером барабана. В остальных действиях, при назначении второстепенных размеров свободы больше. И, по-видимому, не случайно основные меры барабана церкви Петра и Павла повторены в Нередицкой церкви применительно к новой композиции, а удачно определенное отношение диаметра барабана к ширине храма 1 : 2, установленное для Нередицкой церкви, повторено в церкви Рождества Перынского скита.

Построение храма начинается с проведения продольной и поперечной осей по странам света. Это подтверждено не только ориентацией храмов, но и прямым свидетельством известного византийского историка VI в. Прокопия Кессарийского [6]. Проведя ось запад — восток, направленную на восходящее солнце в день патрона храма, т. е. в день закладки, зодчий определяет на поперечной оси ширину храма по стенам, внешним и внутренним, так как наперед задается толщиной стен.

В церкви Петра и Павла ширина храма по оси север — юг равна 9 М саженям, ширина по внутренним стенам — 6 Б саженей, толщина стен (с лопатками) — 3 Б локтя.

В церкви Спаса на Нередице ширина храма по оси север — юг (включая лопатки) равна 8 М саженям. По внутренним стенам ширина храма —

---

[5] О пропорциональных циркулях см. И. Ш. Шевелев. Ук. соч., стр. 41 и 42.
[6] A. Heisenberg. Grabes Kirche und Apostelkirche. Leipzig, 1908, стр. 118.

5 Б саженей, толщина стен — 3 М локтя и толщина стен с лопатками — 3 Б локтя.

В церкви Рождества Перынского скита ширина по оси север — юг по внешним стенам равна 4 Б саженям, по внутренним — 4 М саженям. Толщина стен — одна М полусажень, а с лопатками — одна Б полусажень.

Затем зодчий определяет место четырех опорных столбов, предназначенных нести своды и купол. Он подчиняет их положение в первую очередь заранее установленному размеру барабана — его диаметру. Однако в расстановке столбов имеется достаточно свободы: подпружные арки, соединяющие столбы, можно по-разному сомкнуть парусами в световое кольцо, служащее основанием дня стены купола.

Свобода зодчего при расстановке столбов ограничена только двумя конструктивными условиями: 1) наружный диаметр барабана не должен выходить за пределы подпружных арок (для внутреннего диаметра благодаря парусам и опорному кольцу такого жесткого условия не существует); 2) столбы должны быть равномерно расставлены относительно центра храма в пересечении осей. Тогда нагрузка от сводов и купола воспримется равномерно.

Как правило, зодчие соблюдают оба условия. Прямоугольник, очерчивающий столбы, является проекцией на землю внешних границ подпружных арок. Значит, им ограничен максимально возможный размер барабана. Поэтому организацию внутреннего пространства зодчий начинает определением этого прямоугольного ядра, который византийцы называли μεσομφαλον — «средопупие».

Если зодчий решил расставить столбы симметрично в отношении центра, по правильному прямоугольнику, то он сразу наносит на оси длину и ширину ядра, увязав меньший размер с диаметром барабана. Если какие-либо соображения диктуют ему неправильную расстановку столбов, например из условий создания зрительной перспективы, то положение столбов легко контролируется окружностью, очерченной из точки пересечения осей; за ее пределы столбы не должны выходить. Итак, подчинив меньший размер ядра μεσομφαλον заданному диаметру барабана, он может теперь расставлять столбы в пределах окружности в соответствии со своим замыслом организации интерьера. Как учтены конструктивные требования в рассматриваемых храмах?

В церкви Петра и Павла восточная линия ядра приближена к центру, так как восточная подпружная арка на локоть у́же остальных. Расстояние от центра до восточной границы ядра (наименьшее расстояние) определено в 2 М сажени, т. е. равно внешнему радиусу барабана. Этим соблюдено условие несвешиваемости. Углы столбов лежат на окружности, описанной из центра диаметром в 5 Б саженей. Этим достигнута равномерная передача нагрузки на опоры (рис. 7, *1*).

В церкви Спаса Нередицы ширина ядра по оси север — юг равна 4 М саженям — диаметру барабана по внешним линиям стен. Так как расстановка столбов в плане преследует цель создать зрительную перспективу, положение столбов, сдвинутых на востоке и раздвинутых на западе, контролируется описанной из центра окружностью диаметром 6 М саженей.

В центричном плане церкви Рождества в Перыне диаметр барабана по наружным линиям стен, равный 2 Б саженям, свободно вписан в прямоугольник ядра. С внутренним диаметром барабана связана ширина среднего нефа: они равны между собой, т. е. 5 Б локтям.

Рассмотрим композицию внутреннего пространства церкви Петра и Павла и Спаса Нередицы. Каким образом в рамках конструктивно установленной связи ядра с диаметром барабана пользовался зодчий свободой, как он с помощью парной меры организовывал внутреннее пространство? Зодчий церкви Петра и Павла в основном повторял размеры. Не выделяя среднего нефа, он делил ширину храма (6 Б саженей) на три равные части по 2 Б сажени. Стороны ядра — западная, южная и северная — равны

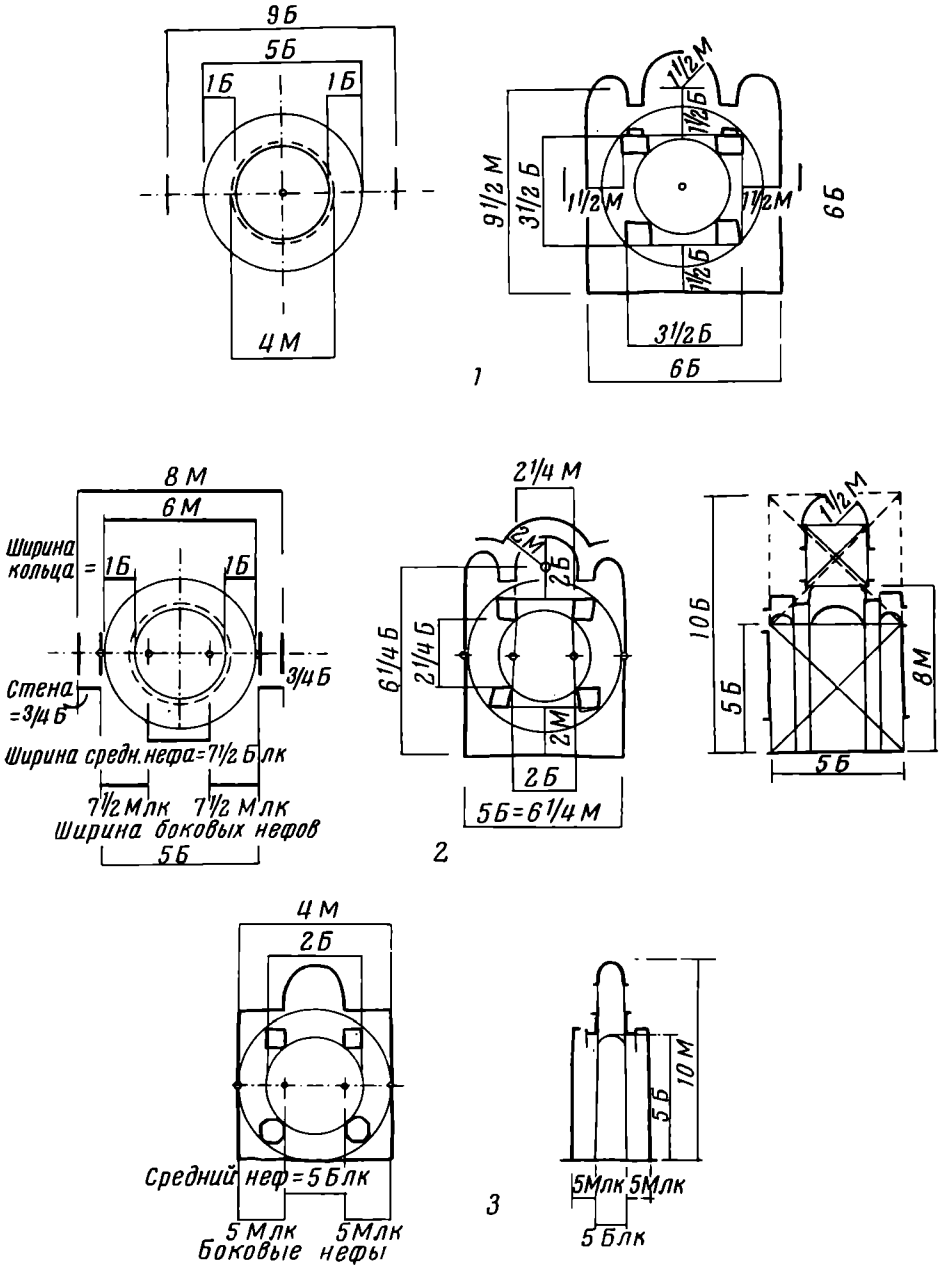


Рис. 7. Определение внутреннего пространства и связи ядра храма с размером купола новгородских церквей конца XII в.:

1 — Петра и Павла; *2* — Спас Нередица; *3* — Рождества Перынского скита

между собой и имеют по 3,5 Б сажени. Западные столбы квадратные. Их размеры — 3 × 3 Б локтя. Восточные столбы, включая раскреповку, тоже вписываются в квадраты со стороной в одну М сажень.

Итак, установив положение столбов и деление пространства на нефы приемом повторения размеров, зодчий приступал ко второй важной задаче организации пространства интерьера: устанавливал связь ядра со стенами храма. Здесь он пользовался отношением мер М : Б. Расстояние от ядра до стен по оси север — юг имеет 1,5 М саженей, расстояние от ядра до западной стены и на восток до центра абсиды — 1,5 Б сажени. Радиус средней абсиды — 1,5 М сажени, толщина стены абсиды — 3 М локтя, толщина западной стены, включающей лестницу на хоры,— 5 М локтей.

Организация пространства интерьера Спасо-Нередицкой церкви обнаруживает больше последовательности, больше мудрой творческой зрелости. Зодчий подчеркнул значение среднего нефа, соединяющего вход и алтарь и включающего пространство купола. Поэтому он разделил ширину храма по внутренним стенам (5 Б саженей) на три неравные части,

выделив средний неф в отношении М : Б. По оси север — юг ширина среднего нефта — $7^2/_3$ Б локтя, а ширина боковых — $7^2/_3$ М локтя.

Далее зодчий создал пространственную перспективу, сблизив удаленные от входа восточные столбы и увеличив расстояние между западными. Поправка размера на оси север — юг равна $^1/_3$ локтя. Расстояние между восточными столбами — $7^1/_3$ Б локтя, расстояние между западными столбами — 2 Б сажени. Так же в отношении М : Б зодчий установил связь продольного и поперечного средних нефов, придав ядру храма вытянутую по главной оси форму, что увеличивает глубину храма. Расстояние между восточными столбами равно 9 М локтя. Поэтому расстояние между северными (южными) столбами определено в 9 Б локтей. Так зодчим Нередицкой церкви гармонизованы реально воспринимаемые объемы и пространства, отношением мер М : Б.

Столбы ядра неправильной формы, их стороны не равны между собой, а направления плоскостей несогласованы друг с другом. Зато диагонали столбов равны 1 Б сажени (северо-восточного и юго-западного столбов — точно, юго-восточного и северо-западного — с ошибкой в 10 *см*). Заметим, что диагонали столбов церкви Петра и Павла также равны 1 Б сажени. Возможно, что зодчий, уточняя размеры пространства, пожертвовал кратностью меры столба, а при расстановке столбов центрировал их не только описанной, но и вписанной окружностью, отстоящей на 1 Б сажень к центру построения.

Связь ядра Нередицкой церкви со стенами также подчинена зависимости мер (рис. 7, *2*). От ядра до западной стены — 2 М сажени, а до восточной (алтарной) — 2 Б сажени. Центр среднего алтаря отстоит от ядра на 1 Б сажень. Радиус внешней линии алтаря — 2 М сажени. Внутренний диаметр абсиды равен 9 М локтям, т. е. расстоянию между восточными столбами. По этой причине, по-видимому, центр абсиды смещен к востоку относительно центра построения внешней алтарной кривой.

Высота столба до пят арок равна 5 Б саженям, т. е. ширине храма по внутренним стенам, а высота от пола до замка купола — 10 Б саженям. Западная стена, в которой размещена лестница, вместе с лопатками равна 1 Б сажени, а без лопатки (по оси храма и в южной части) — 1 М сажени. Вход на лестницу в ширину и в глубину — 3 М локтя; 1 локоть приходится на толщину стены проема, а 2 локтя — на ширину марша. При подъеме лестница сужается. На уровне хор основные размеры снова приравнены мерам (рис. 4, *2*).

Особый интерес представляют соразмерности частей барабана. Кладка стен барабанов новгородских храмов XII в. имеет ту особенность, что высота стены в ее конструктивном значении не совпадает с видимой на фасаде. Кладка стены заканчивается в пяте аркатурного пояса; дальше идет уступ и продолжается внутренняя поверхность стен барабана в виде купола толщиной в кирпич или в два переката. Кладка аркатурного пояса опоясывает основание купола и конструктивно со стеной не связана. Это обстоятельство отчетливо выражено мерами, так как конструктивная стена четко определялась зодчим. Так, в церкви Петра и Павла диаметр барабана в основании — 4 М сажени. Высота конструктивной стены — 2 Б сажени и высота аркатурного карниза — полусажень М. В Спасо-Нередицкой церкви диаметр барабана в основании — 4 М сажени, высота конструктивной стены — 2 Б сажени, высота аркатурного карниза — полусажень М. Внутренний радиус купола в обоих храмах имеет 3 М полусажени. Разница в том, что центр построения купола в Спасо-Нередицкой церкви поднят выше обреза конструктивной стены на 1 локоть, в то время как в церкви Петра и Павла центр лежит в этой же горизонтальной плоскости. В церкви Рождества Перынского скита диаметр барабана равен 2 Б саженям, высота стены — 2 М саженям, высота купола — 1 М сажени, из которой один локоть приходится на аркатурный пояс и три — на открытую часть купола.

Построение плана церкви Рождества Перынского скита еще проще, так как церковь центрична по композиции. Проведя оси и определив центр храма, зодчий окружностью диаметром в 4 Б сажени определил положение внешних линий стен, а окружностью в 4 М сажени — положение внутренних линий стен и одновременно определил условие центричности в расстановке столбов (рис. 7, *3*). Соотношение среднего и бокового нефов аналогично Нередицкой церкви: ширина храма разделена в отношении М : Б на неравные части. Ширина среднего нефа — 5 Б локтей, ширина боковых — 5 М локтей, глубина абсидки — 5 Б локтей. О толщине стен и барабана сказано выше. Западные столбы на высоту в 1 Б сажень имеют срезанные углы. В плане они — квадраты с стороной в полусажень Б. Восточные столбы прямоугольны. Их длинные стороны — полусажень Б, при ширине граничащего проема в полусажень М. Высота от древнего пола до замка подпружной арки — 5 Б саженей; высота от пола до замка купола — 10 М саженей.

Строительство не может существовать без применения меры. Исследования архитектуры древнего Египта, античной Греции и Рима, а также древнерусской архитектуры выявляют применение парной меры различными народами и в разное время. К этой всеобщности метода определения формы историки относятся с недоверием, а между тем применение парных мер так же естественно для строительного процесса в древности без чертежа, как естественно то, что все народы объясняются с помощью языка. Парная мера дает зодчему не только путеводную нить в определении формы разумным, логически обоснованным действием, но и дает профессиональный язык строительству, объединяя различных людей в одном трудовом процессе, делает возможным общение людей с камнем и друг с другом — посредством меры. Основу строительной меры составили размах рук человека и его двойной шаг — производные членов человеческого тела, хорошо приспособленные для согласования размеров.

Архитектура геометрична по своей природе, но даже ее древнейшие задачи, чисто геометрические, как ни парадоксально, не могли быть решены геометрическим способом, без применения парной меры — двух эталонов длины, двух палок. Чтобы сомкнуть пирамиду в ее вершине высоко над землей, зодчий должен был подчинить одному отношению связь высоты ряда кладки с его отступом от края ниже лежащего ряда — отношению М : Б, где М — задуманная высота пирамиды, а Б — половина ее основания. Только при этом условии пирамида, сложенная из отдельных камней, насчитывающая в высоту свыше 200 ступеней, возводимая сотнями и тысячами рабов одновременно как на строительной площадке, так и в каменоломнях, могла стать тем, что она есть: правильным геометрическим объемом, с вершиной на высоте 146,6 *м* (высота пирамиды Хеопса принята в 100 парных шагов). Палка в руках мастера, ответственного за укладку камней в тело пирамиды, и палка в руках каменотеса в карьере решали эту задачу. Две меры в руках зодчего давали ему орудие простого расчета всех величин пирамиды, ее ходов и внутренних помещений и простой способ определить связь между М и Б — высотой камня и его отступом, а также служили для построения прямого угла.

Парные меры хорошо привились на русской почве. Метод применения парных мер новгородскими мастерами конца XII в. совсем не похож ни на метод древнего египтянина, ни на метод строителя Парфенона. У египтян метод подчинен чисто геометрической задаче: сложению 300 000 каменных блоков в одну геометрическую поверхность. У древнего грека, понимавшего под гармонией связь частей в целое, парные меры использовались для перевода из меры в меру, причем один исходный размер давал начало всему и невидимая связь соединяла все части организма в одно целое. Единая и стройная логическая система последовательно и без нарушений доводилась до конца: в этом секрет удивительной гармо-

нической ясности Парфенона[7]. У новгородского мастера конца XII в. применение парной меры служило не столько установлению связи, сколько определению соразмерностей; он открыто подчинял все объемы двум отношениям: используя меры, раздельно строил квадраты (М : М = Б : Б), а применяя их одновременно,— строил прямоугольники М : Б. На первое место здесь выступает простота языка — целостность меры. Сажень, разделенная на четыре локтя, дает грубую палитру размеров, и новгородский зодчий сплошь да рядом жертвует связью главных частей и подчиняется простоте размера, которую диктует ему сажень. Зодчий церкви Петра и Павла отказался от связи между шириной четверика и шириной барабана, чтобы, назначив их в целое число саженей, придать им соразмерность М : Б.

Новгородскому мастеру привлекательна в парных мерах и возможность получать близкие друг другу размеры. Назначая высоту окна в 3 Б локтя и в 1 М сажень, или в 5 М локтей и 1 Б сажень, он получает незначительные расхождения в их высоте, сообщая стене впечатление живости, произвольности и свободы.

От мастера к мастеру передавалось знание канонической формы храма, понимание его конструктивной и образной сущности. От мастера к мастеру переходили парные меры как инструмент построения формы, а в случае надобности они всегда могли быть воспроизведены антропометрически. Так же передавалось и знание простых приемов их использования: повторением размера или переводом из меры в меру, а также и главное правило соразмерности, которое состояло в том, что общая форма храма является в то же время и формой его частей.

За этим скромным запасом канонических правил лежат сложные взаимоотношения образа, конструкции, смысловое значение постройки в ряду других сооружений подобного типа, ее отношение к пейзажу, а также определение значимости отдельных элементов храма в отношении к целому и друг к другу. Парные меры никогда не становились чем-то самодовлеющим, они только инструмент, пользуясь которым зодчий следовал своему художественному чутью и традиции. Образ сооружения определяется не мерой, а зодчим. В нем сказывается и понимание зодчим структуры сооружения, ибо применение меры подчинено этому пониманию. Изучение лучших образцов мирового зодчества показывает, что красота находится в самой тесной зависимости от метода гармонизации формы. Вершинам зодчества, на которых определенные типы строений находят идеальное гармоническое решение, всегда предшествует опыт, вырабатывающий четкие художественные и конструктивные схемы. Лишь после того, как тот или иной тип сооружения определится как логическое единство всех его сторон, начиная от идеи, которую несет в себе,— лишь после этого может случиться действительно полная гармонизация частей внутри целого, ибо пропорция не существует сама по себе, а служит математической связью, цементирующей в единый блок пространственную композицию, конструкцию, функцию и определенную образную идею, даже масштаб и окружение постройки. Поэтому хорошая пропорция требует от зодчего глубочайшего и всестороннего понимания всех внутренних логических взаимосвязей, исторически сложившегося конструктивного и функционального организма — во всех его гранях.

Поверхностны суждения о том, что коль скоро эстетика формы обнаруживает зависимость от математически точной пропорции, то знание набора формальных приемов и шаблонных вариантов связи частей в рамках системы «двух квадратов» сделает всех равнозначными мастерами. Знание математических закономерностей построения формы только поможет

---

[7] О методе определения размеров Парфенона см. И. Ш. Шевелев. Ук. соч., стр. 44—45.

мастеру, создающему новое, гармонизовать тот образ, который он способен создать в своем воображении — и не больше.

Гений художника позволяет приблизиться к совершенству интуитивно. Знание освобождает от слепого поиска, экономит время, делает светлым творческий путь. От постройки к постройке, проверяя гармонию опытом, грамотный зодчий формирует свой почерк и овладевает искусством композиции в меру своих природных способностей, но стоя на твердой почве. Для древнего зодчего на Руси парные меры служили надежной опорой. Зодчие строят, «как мера и красота скажет» [8]. И чем глубже постигал мастер существо гармонии формы, скрытое за заветами и традициями, тем естественнее возникало в нем желание создать новое, не бывалое прежде. Только глубокие знания традиции, хорошая школа могли освободить от необходимости следовать установившимся канонам: смелость решений, уверенная простота древнерусских храмов покоятся на культуре и знании.

---

[8] В рядной записи на постройку церкви Усть-Кулуйского погоста (1687 г.) зодчий Федор Конемаз оговаривает размеры храма словами: «рубить, как мера и красота скажет».

Т. В. НИКОЛАЕВА

ИКОНА-СКЛАДЕНЬ 1412 г. МАСТЕРА ЛУКИАНА

Среди немногочисленных датированных произведений древнерусского прикладного искусства известна икона-складень (триптих) 1412 г. мастера Лукиана [1]. Складень хранился в ризнице Благовещенского собора Московского Кремля вместе со многими другими историческими реликвиями, попавшими в Москву из разных феодальных центров [2]. Исследователи давно обратили внимание на большую художественную ценность этого произведения и отвели ему достойное место в истории русского искусства [3].

При дополнительном изучении складня Лукиана можно было убедиться, что он относится к памятникам столь выдающимся и необычным, что заслуживает самостоятельного исследования. Складень нужно отнести к числу тех редких не канонических художественных изделий, которые выполнялись лишь по индивидуальному заказу и были связаны с малоизвестными теперь народными верованиями и представлениями.

Складень выполнен в технике чеканки с применением позолоты и черни. Икона была рассчитана на ближайшее рассмотрение, а поэтому каждая деталь изображений, орнамент и надписи сделаны с большой тщательностью, имеют определенное смысловое и эстетическое значение.

В закрытом виде складень имеет киотообразную форму, слегка суженную кверху. К среднику при помощи штыря и четырех петель прикреплено оглавие трапецевидной формы со скошенными углами.

На среднике складня помещено изображение Спаса на престоле под килевидной аркой, опирающейся на прорезные колонны с базами в виде львиных морд (рис. 1). Искусной чеканкой высокого рельефа выполнены лик Христа, многочисленные складки мягко падающих одежд, крестчатый нимб, крест на переплете Евангелия, орнаментированная подушка, престол и подножие. На втором плане вокруг Христа вычеканены напроем крутопзогнутые ветви древа и над главой — два круга с золоченой обронной надписью: $\widehat{\text{IC}}$ $\widehat{\text{XC}}$

Характерен эстетический прием в трактовке фигуры Христа. Мастер дает его как полихромную скульптуру, где цветовой эффект усилен еще и сложной игрой света и тени. И несмотря на то, что в распоряжении художника был всего лишь разного цвета металл, он достиг этого впечатления полихромности. Так, лик Христа, руки и обнаженные ступни ног даны в чистом серебре, а волосы, борода и гиматий вызолочены. Благодаря игре света и тенп чеканки высокого рельефа и ажурному фону изображения, в свою очередь подсвеченному позолоченной основой самой коробочки средника, это впечатление полихромности усиливается еще более. Как на

[1] Оружейная палата Московского Кремля, № 228-Бл. Благодарю сотрудников Оружейной палаты Н. Н. Захарова, А. С. Аверину и Л. В. Писарскую, предоставивших возможность работать над этим произведением.

[2] «Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее». М., 1875, 6—10, стр. 48, 49 приложений к протоколам.

[3] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 625 и 654; его же, Прикладное искусство великокняжеской Москвы. История русского искусства, III, М., 1955, стр. 225 и 228; А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.— Л., 1952, стр. 127, № 208.

древних иконах с изображениями Спаса, мастер Лукиан дает изображение Христа с золотыми волосами.

Арка и колонны ажурные. Основным мотивом орнамента являются круги, соединенные между собою плетенкой или столбиками. На вершине

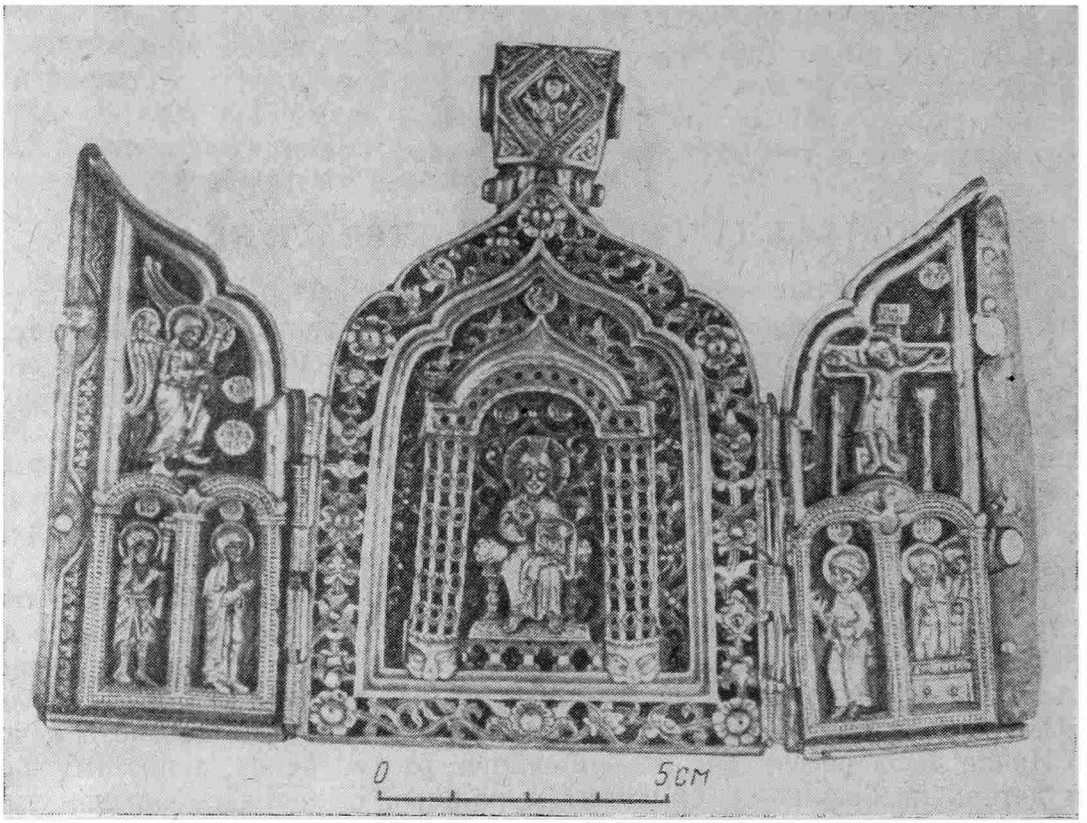


Рис. 1. Икона-складень 1412 г. мастера Лукиана в раскрытом виде. Оружейная палата, Москва

арки помещен круг, в котором вычеканено рельефное изображение голубя. Вся эта центральная композиция вписана в перспективно углубляющийся трехступенчатый киот, повторяющий общую форму средника. Пространство между аркой с колоннами и киотом заполнено ветвями древа с цветами, бутонами и листьями. В верхней части на стеблях древа изображены птицы.

По внешнему краю средник обрамлен как бы венком из ажурно вычеканенных цветов, волнистых стеблей с бутонами и листьями и опять же птиц. Весь этот цветочный орнамент размещен живописно, без строгого соблюдения симметрии и повторения определенных раппортов. Мастер блеснул здесь виртуозной техникой чеканки, которую он оживил местами искусно использованной позолотой, а также вкраплениями хорошо подобранного окатного жемчуга, закрепленного в центре широко раскрытых многолепестковых цветов. Вся композиция средника многоплановая, отчего изображение Христа и орнаментального убора приобрело особую художественную выразительность.

Средник иконы закрывается двумя створками. Каждая из них с внутренней стороны разделена на две части, верхнюю и нижнюю. В верхней части левой створки вычеканено изображение архангела Михаила, несущего жезл в сторону Христа. Рядом с ним в двух неравных золоченых кругах вычеканены в глубь надписи: МІ/ХАІ/ЛЪ, а ниже — НБ/СНХЪ/СЇЛЪ

В верхней части правой створки изображен семиконечный крест с распятым Христом и по сторонам — копье и трость. На верхней перекладине креста — надпись: ІС НАZ/АРѦНІ. В верхнем правом углу отдельно в круге надпись: $\widehat{\text{ІС}}$ $\widehat{\text{ХС}}$

В нижней части обеих створок, в четырех самостоятельных отделениях, огражденных шестью колоннами, соединенными у основания и перекинутыми между ними четырьмя арками, изображены фигуры святых в рост, обращенные в сторону Спаса. На левой стороне — Богоматерь и Иоанн Предтеча, а на правой — апостол Петр и жены мироносицы у гроба Господня. Над ними в кругах помещены надписи (слева направо): ІС̄Ѳ̄, М̂Р (в виде монограммы), ПЄ/ТРЪ, МЮ/РОНО/СИ. На гробу имеется надпись, в отличие от других исполненная оброном: ГРОБЪ ГНЬ.

Рис. 2. Икона-складень 1412 г. мастера Лукиана в закрытом виде

Все фигуры на створках даны теми же художественными средствами, что и изображение Спаса. Лики, руки и ноги везде оставлены в незолоченом серебре, а одежды и волосы вызолочены. Эффект этих изображений подчеркнут темным фоном, залитым чернью.

Виртуозной мелкой чеканкой мастер подчеркнул такие реалистические детали, как орнаментированный край мафория Богоматери, ключи в руках у апостола Петра, сосуды у жен мироносиц. В передаче лиц не наблюдается ремесленного штампа. Мастер сумел изобразить аскетический образ Иоанна, суровость лика Богоматери, плачущие лица мироносиц.

По внешнему краю створки обрамлены полуваликом, огибающим форму створок, а по нижнему краю положен ложновитой жгут, выполненный чеканкой. По краю левой створки по вертикали расположен крестчатый орнамент и орнамент в виде вьюна на фоне, залитом чернью.

На внешних сторонах створок вычеканены шесть кругов (рис. 2), образованных перекрученным жгутом, состоящим из трех полос. Круги соединены между собой лентой, образующей плетеный орнамент в пространстве между кругами. В кругах представлены поясные изображения святых на фоне золоченого серебра.

На левой створке изображен ангел-хранитель, держащий в руках перед собой развернутый свиток с надписью; ЯНГЛЪ ХРѦНІТЄЛ. Ниже — Никола в омофоре, с евангелием перед грудью и благословляющей правой рукой. По сторонам в кругах помещены надписи: НІ/КО ЛѦ/СТ В третьем круге изображен Дмитрий Солунский в кольчуге и плаще, с копьем в правой руке и круглым щитом в левой. На щите изображен шестиконечный крест. Справа помещена надпись в круге: ДМ/ЄТР/І

На правой створке верхнее изображение не закончено мастером, и для него сделана лишь чеканная подготовка с двумя кругами для надписей. В среднем круге изображен Илья Пророк с руками перед грудью. Правой рукой он благословляет, а в левой держит свиток. По сторонам в кругах надписи: І/ЛЬѦ/ ПР/РК. В нижнем круге изображен целитель Козьма в плаще, скрепленном на правом плече. В левой руке он держит ковчег, а в правой — ложечку. У изображения надписи в кругах КЬ/ЗМѦ ЬРѦ/VЬ . Сверху над кругами помещены личины Луны и Солнца, а выше, на гладком поле створок в кругах вычеканены буквы Ѳ и Л.

Все изображения выполнены с той же виртуозной тщательностью и отличаются индивидуальной характеристикой лиц. Все телесное здесь также оставлено не золоченым, в отличие от одежды, волос и тех аттрибутов, которые они держат в руках. Пространство между кругами и плетеным орнаментом заполнено чернью. Гладкое внешнее поле створок вызолочено.

Композиционное решение внешней стороны створок, где изображения святых помещены в кругах, образованных перекрученными полосами, с заполнением пространства между ними орнаментом, исполнено в традиции владимиро-суздальского искусства. Подобную композицию мы видим на барабане купола Дмитриевского собора во Владимире [4] и на пилястрах порталов Георгиевского собора в Юрьеве-Польском [5]. Известна подобная композиция даже в археологических тканях [6].

Рис. 3. Оборотная сторона иконы-складня 1412 г.

У соединения створок, к левой половине, припаян полувалик с плетеным орнаментом посредине и львиными масками сверху и снизу. К полувалику прикреплена петля с кольцом для открывания створок.

На гладкой вызолоченной оборотной стороне складня, в киотчатом обрамлении, изображен архангел Сихаил перед Сисинием (рис. 3). Сисиний представлен бородатым старцем, сидящим на камнях скалы, в мантии, с посохом. У подножия скалы изображено дерево. Обращенный к Сисинию архангел держит в левой руке жезл, а правую он вытянул вперед, как в композициях вещающего ангела. На нем обычная в таких случаях одежда — хитон. Сверху помещены два круга с надписями: СІ/ХАЇ/ЛЪ (слева) и СИ/СѢН/НІ.

Вокруг киота с Сисинием и архангелом изображены семь спящих отроков эфесских. Характерны их одежды. Это — короткие кафтанчики до колен, подпоясанные, с круглым орнаментированным воротом, таким же подолом и обшлагами рукавов. У всех у них рукава спущены ниже кистей. Кроме того, рукава у них как бы перехвачены в двух местах, несколько выше локтя и у кистей (может быть, это изображение браслетов, поддерживавших рукава?) [7]. Рядом с отроками с реалистической точностью воспроизведены топоры, корзины, кувшин. У изображений в кругах помещены надписи [8]:

СА	ДІ	ПР	А	ДІ	КУ	СТЄ
ВАтъ	ѠНІ	АВА	НДР	ѠНЇ	РЬІА	ФАН
	ДЪ	ТЪ	ѢІ	СЪ	КЪ	Ъ

[4] А. А. Бобринский. Резной камень в России, 1, М., 1916, табл. 18.

[5] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964, табл. XXIX, XXX.

[6] Б. А. Рыбаков. Ремесло. ИКДР, I, М.— Л., 1951, рис. 72.

[7] В восточных легендах о семи спящих отроках говорится, что они были сыновьями богатых родителей, одевались в дорогие одежды и носили ожерелья и браслеты. См. Семь спящих отроков эфесских. Сб. «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков», 41, М., 1914, стр. 42.

[8] Их имена в святцах значатся так: Максимилиан, Иамвлих, Мартиниан, Диони-

Обе композиции обрамлены жгутовым орнаментом из двух полос.

На лицевой стороне оглавия в ромбе, образованном скошенными углами, изображен Спас Эммануил, благословляющий обеими руками. Справа и слева в углах ромба помещены круги с надписями: І͡С Х͡С (рис. 2).

На оборотной стороне оглавия в ромбе изображен шестиконечный крест с концами, как бы сплетенными из ремней, а по сторонам креста — копье и трость с надписями в кругах: К ТР. Кроме того, в углах ромба помещены буквы в кругах: вверху — В, внизу — Г, слева — Ш, справа — Д, т. е. «высота», «глубина», «широта», «долгота» [9]. Скошенные углы оглавия заполнены орнаментом в виде плетенки, а боковые стороны — в виде вьюна.

Интересно изображение на верхнем торце оглавия. Здесь вычеканены две личины, соединенные между собой плетеным орнаментом. Одна личина, по-видимому, женская, с разобранными на прямой пробор волосами. Около нее надпись — ЖИВОТЪ; другая личина, очевидно, мужская, лысая, безбородая. Рядом надпись — СМЕРТЬ.

На верхнем торце створок, по килевидному изгибу вычеканена вглубь историческая надпись (рис. 4, 5) [10]:

В ЛѢТ ·҂Ѕ͡·Ц͡·К͡· НАПІСАНА Б͡Ж͡И ІКОНА СІ(А) РУКОЮ РАБ͡А Б͡ЖІЯ ЛУКІЯНА

Таким образом, икона датируется 1412 г. и имеет имя мастера — художника Лукиана [11].

Подробное рассмотрение этой иконы-складня убеждает в том, что перед нами выдающееся произведение искусства, в которое вложен большой идейный замысел. Талантливый мастер-профессионал следовал давно сложившимся художественным традициям, не допуская ничего дисгармоничного ни в общем решении предмета, ни в его детальной разработке. Он с большим мастерством создает композиции на разных плоскостях, умело размещает орнамент, круги с надписями. Изображения святых для него не просто отвлеченное каноническое понятие, а живые образы, с индивидуальными лицами, с одеждами, как бы взятыми с натуры, что подчеркивается детализацией покроя, орнамента. Желая приблизить их к реальной действительности, он с большой точностью изображает бытовые предметы — ключи, сосуды, корзины, топоры и копье.

Попытаемся прежде всего раскрыть смысловое значение изображенных здесь святых и сюжетов. Наиболее характерными с точки зрения символики являются сюжеты, изображенные на обороте — «явление архангела Сихаила святому Сисинию» и «семь спящих отроков». Первый сюжет относится к числу весьма распространенных и устойчивых в народе апокрифов, который не сумели уничтожить в иконографии прикладного и изобразительного искусства никакие официальные постановления православной церкви. Сисиния считали главным избавителем от всякого рода болезней (от двенадцати лихорадок). Это представление о нем как о целителе восходит к глубокой древности и сохранилось почти до наших дней.

сий, Антонин, Ексакустодиан (или Константин), Иоанн. Предполагают, что при крещении они получили имена: Ахиллид, Диомед, Евгений, Стефан, Проватий, Савватий и Квириак. Семь спящих отроков..., стр. II, VII, VIII. Надписи на складне Лукиана, по-видимому, сильно русифицированы.

[9] Эти понятия обозначают четырехсоставность креста из разных пород дерева: кипариса, финика, кедра и маслины. См. Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. Тр. VIII АС, I, СПб., 1892, стр. 350.

[10] Кроме исторической надписи, на нижнем торце средника имеется и другая надпись XVII в., исполненная резцом: К͞А ЗОЛОТ (21 золотник).

[11] Дата, приведенная Г. Филимоновым (1414 г.), ошибочна, так как надпись была им, по-видимому, не понята, «Вестник общества древнерусского искусства»..., стр. 48.

Рис. 4. Начало надписи на иконе-складне 1412 г.

Рис. 5. Окончание надписи на иконе-складне 1412 г.

Источник заговоров от 12 трясовиц (или лихорадок) возводят к суевериям древнего Востока, к представлениям о 12 знаках зодиака, которые ставили в ближайшую связь с жизнью человека. Дальнейшее развитие легенда о женщине-дьяволе Гилло, у которой 12 демонических имен, об ее свойстве губить новорожденных детей и о борьбе с нею святых Синиия и Синодора получила на византийской почве [12].

В числе отреченных книг, не признававшихся восточной церковью, были прежде всего молитвы против трясовиц и нежитей, одну из которых приписывали болгарскому попу Иеремии Богомилу [13]. Считают, что болгарский вариант этой легенды получил наибольшее распространение в русских суевериях [14]. На русской почве в результате слияния различных вариантов легенд выработался, по-видимому, свой тип апокрифа,

[12] И. Д. Мансветов. Византийский материал для сказания о двенадцати трясавицах. «Древности», IX, 1, М., 1881.

[13] А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1883, стр. 40; А. Пыпин. Для объяснения статьи о ложных книгах. «Летопись занятий археографической комиссии», 1861 год, 1, СПб., 1862.

[14] Ф. И. Буслаев. О народной поэзии в древнерусской литературе, II, СПб., 1861, стр. 46; П. Сырку. Славянские земли. ВВ, II, 4, СПб., 1895, стр. 713, 714.

центром которого стал Сисиний [15]. Содержание этой легенды легло на подготовленную почву более древних языческих верований, по которым всякую болезнь считали делом враждебного демона. Произнесение молитв и заклинаний признавалось в народе самым целительным средством [16]. Среди этих заклинаний наибольшее распространение получила отреченная молитва, по которой Сисиний является главным гонителем семи (или двенадцати) трясовиц, дочерей Ирода, творящих зло роду человеческому. На помощь Сисинию господь посылает архангела Михаила (по другим вариантам — Сихаила) [17]. Иногда в качестве помощников выступают четыре евангелиста, Егорий Храбрый, Иоанн Креститель и Святитель Николай [18]. Каждому трясовичному недугу, который представлялся в виде простоволосой женщины-дьявола, было дано свое наименование: Трясея, Огнея, Ледея, Гнетея, Пухнея, Желтея и др. [19]

Иногда местом действия является гора Фавор, где дочерей Ирода поражают Сихаил и Михаил и все силы небесные, по другим вариантам — берег Черного моря, из волн которого выходят трясовицы — «злые жены зверообразны» [20].

Столь распространенное поверье о помощи Сисиния и небесных сил против лихорадок нашло свое отражение и в народном календаре, и в изобразительном искусстве. И хотя не с одним из известных в христианском месяцеславе девяти Сисиниев невозможно прямо связать апокрифического Сисиния, прообразом этого святого считают епископа Лаодикийского [21]. По церковно-народному месяцеслову целителем от лихорадок признается Сисиний — один из сорока мучеников [22].

В данном случае для нас важны не столько легендарные прототипы апокрифического Сисиния, сколько сама легенда, порожденная страхом перед болезнями, и ее отражение в изобразительном искусстве.

Иконография Сисиния и Сихаила в той композиции, как она представлена на складне Лукиана, была, по-видимому, нередкой в русской пластике. Об этом можно судить потому, что она известна в медном литье — искусстве, наиболее распространенном. Так, подобный вариант этой композиции находим на медной литой иконке XIV в. [27] Здесь со складнем Лукиана сходны не только иконография Сихаила и Сисиния, но и сама форма иконки в виде арки с перехватами, а орнамент по краю иконы аналогичен орнаменту на складне вокруг изображения Спаса на престоле. На литой иконке из собрания Уварова изображение Сихаила и Сисиния имеет ту же композицию и сочетается, как и на складне Лукиана, с изображениями семи спящих отроков [24].

В иконописи эта тема была также распространена [25]. Особенно много икон с изображением Сисиния было известно во Владимирской губер-

---

[15] Е. Л я ц к и й. К вопросу о заговорах от трясовиц. ЭО, 4, М., 1894.

[16] А. Н. А ф а н а с ь е в. Поэтические воззрения славян на природу, 3, М., 1869.

[17] Там же, стр. 86; А. Н. В е с е л о в с к и й. Ук. соч., стр. 48, 49.

[18] А. Н. А ф а н а с ь е в. Ук. соч., стр. 86.

[19] Д. У с п е н с к и й. Народные верования в церковной живописи. ЭО, LXVIII—LXIX, М., 1906, стр. 7. О вариантах названий трясовиц см.: Н. В. К а л а ч е в. Названия лихорадок в заговорах. Сб. «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым», М., 1854, стр. 56, 57.

[20] А. Н. В е с е л о в с к и й. Ук. соч., стр. 49; А. Н. А ф а н а с ь е в. Ук. соч., стр. 85, 86.

[21] Месяцеслов святых, всею русскою церковью или местно чтимых и указатель празднеств в честь икон Божьей Матери и св. угодников божиих в нашем отечестве, III, Тамбов, 1880, стр. 128, 129.

[22] И. П. К а л и н с к и й. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877, стр. 109—111; П. Х а в с к и й. Месяцесловы, календари и святцы русские, в трех книгах, 1—2, М., 1856.

[23] Горьковский историко-архитектурный музей, № 5572.

[24] Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова, отд. VIII—XI, М., 1908, стр. 60, 61, рис. 35.

[25] Ф. И. Б у с л а е в. Ук. соч., 1861, стр. 50; Д. У с п е н с к и й. Ук. соч., стр. 7.

нии [26]. Они размножались и варьировались в таких иконописных центрах, как Хóлуй и Мстёра, где изготовлялись иконы так называемого «суздальского пошиба» [27]. Иконы XVIII—XIX в. с изображениями Сисиния и трясовиц известны и в Московской губернии [28].

Устойчивость в изобразительном искусстве не признанного церковью апокрифического сюжета, распространившегося под влиянием народных верований, весьма красноречива, если учесть, что борьба с неистинными отреченными книгами в русских, сербо-болгарских и византийских вариантах велась на Руси митрополитом Киприаном еще в конце XIV — начале XV в. [29]. Последние редакции статей о ложных книгах относятся уже к XVIII в. [30].

К числу сюжетов, получивших широкое распространение в иконах, монументальной живописи и пластике, относятся семь спящих отроков. Интересно как их присутствие на складне Лукиана в сочетании с изображениями Сисиния и Сихаила, так и их иконография.

Исследователи давно обратили внимание на то, что изображения семи спящих отроков являются не случайными на змеевиках [31]. Значение же змеевиков как оберегов от различных болезней нужно считать доказанным. Символическими изображениями трясовиц на змеевиках, по-видимому, и являлись семь или двенадцать змей, исходящих из головы медузы [32]. По народным верованиям, из трясовиц «всех проклятее» считается Глядея, т. е. та, которая не дает людям спать. «Та буди всех проклятие: в нощи спать не дает, многи беси к тому человеку приступаются, и с ума его сбрасывают, и спать не дают: на месте не сидит» [33]. Надпись на известном суздальском змеевике содержит обращение к Христу о даровании «сна живого и мирного» как семи отрокам в Эфесе [34]. Предполагают, что подобные змеевики назначались для больных лихорадкой, страдавших вследствие болезни бессонницей [35]. Многие апокрифические молитвы предназначались для предохранения от напастей во сне. А в сербских и греческих молитвах были даже обращения к семи спящим отрокам [36].

Характерно, что изображения семи спящих отроков совместно с Сисинием и архангелом, имевшие, по-видимому, то же смысловое значение, что и на складне Лукиана, были настолько распространены, что перешли и на дорогие панагии из золота, одна из которых хранилась в сокровищнице московских государей [37]. Таким образом, изображение семи спящих

---

[26] И. Д. Голышев. Памятники русской старины Владимирской губернии. Голышевка, 1882.

[27] А. Веселовский. Заметки к истории апокрифов. ЖМНП, СПб., 1886, июнь.

[28] Например, в церквах с. Косина и в с. Пушкине. А. И. Успенский. Древние иконы из разных церквей и частных собраний. Тр. Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии, 3, М., 1905; Ф. И. Буслаев. Ук. соч., стр. 50.

[29] Смесь христианства с язычеством и ересями в древнерусских народных сказаниях о мире. Сб. «Православный собеседник», Казань, 1861, стр. 281.

[30] А. Пыпин. Для объяснения статьи о ложных книгах. «Летопись занятий археографической комиссии», I, СПб., 1862, стр. 7.

[31] М. Н. Сперанский. О змеевике с семью отроками. АИЗ, I, М., 1893.

[32] М. Соколов. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками. ЖМНП, 1889, июнь.

[33] Е. Ляцкий. К вопросу о заговорах от трясовиц. ЭО, 4, М., 1894, стр. 124.

[34] Г. Филимонов. Змеевик Суздальского Рождественского собора. «Вестник общества древнерусского искусства», стр. 73—75; М. Н. Сперанский. Ук. соч., стр. 53—58.

[35] А. И. Успенский. Ук. соч., стр. 6.

[36] М. Соколов. Ук. соч., стр. 359.

[37] «Понагея золота, а в ней семь отрок спящих, чеканные, вверху Спасов образ, по краям подпись именам их, позади Михайло архангел да святый Сисиний, во главе образ Спаса нерукотвореннаго резной, а на другой стороне херувим». Церковно-археологическое хранилище при Московском дворце в XVII веке. С предисловием А. И. Успенского. ЧОИДР, 3, М., 1902, стр. 41.

отроков как бы дополняет и еще более раскрывает смысл первой композиции с изображением Сисиния.

Иконография семи спящих отроков на складне Лукиана имеет аналогию прежде всего в рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Здесь, так же как и в рельефах собора, отроки изображены в одеждах со спущенными рукавами, с перехватами у локтя и у кистей. И в том и в другом случае рядом с отроками изображены корзины и другие орудия труда [38]. Кроме того, одежды отроков на складне Лукиана похожи на одежды сыновей Всеволода III, изображенных в рельефах Дмитриевского собора во Владимире [39]. Это — еще один штрих, свидетельствующий о владимиро-суздальских традициях в иконе Лукиана.

Основную идею складня как оберега от различных бед и болезней последовательно раскрывают и другие изображения. Архангел Михаил — представитель небесных сил — и распятие являются также символом борьбы с дьяволом. С первых же дней существования мира архангел Михаил низвергает дьявола в бездну. В народе сохранилось поверье, что архангел Михаил, посланец божий, сойдет с небес и замкнет «всеё вражью силу темную накрепко и тведро» [40]. Кроме этого общехристианского представления об архангеле Михаиле, ему приписывается еще и особая роль прогонителя многоименного беса [41].

Охранительное от смерти и нечистой силы значение имеет и изображение креста [42]. Недаром в заговоре против трясовиц больному дают пить воду с креста, произнося следующие слова: «Крест — христианом хранитель, крест — ангелом слава, крест — царем держава, крест — недугом, бесом и трясовицем прогонитель, крест — рабу божию (имярек) ограждение» [43].

В апокрифических молитвах был использован с некоторыми вариантами канонический текст похвалы кресту. Этот текст известен на памятниках владимиро-суздальской эпиграфики XII в., на Нерльском кресте и на плите из белого камня, вставленной в восточный фасад суздальского Рождественского собора [44].

Изображения Богоматери, Иоанна Предтечи, апостола Петра и жен-мироносиц, обращенных к центральной фигуре Спаса, имеют, несомненно, символическое значение. Они здесь представлены не так, как в канонических композициях деисуса (Иоанн Предтеча изображен не справа, а слева), да и подбор изображений здесь не имеет обычной деисусной иконографии, так как к ней не имеет отношения изображение жен-мироносиц у гроба господня.

В Греции молитвы против дьявола были обращены не только к Сисинию и Синодору, но и к Христу и Богоматери [45]. В некоторых вариантах молитв ангел повелевает сатане именем Христа и Богоматери, чтоб сатана не приблизился «к дому Господню, ни к нему (имярек), ни к его отрокам, ни к его скоту, ни к его имуществу, ни ко всему тому, что считается ему принадлежащим во веки» [46]. Кроме того, известно, что и культ

---

[38] Г. К. Вагнер. Ук. соч., стр. 68, 69, табл. XXI, XXV.

[39] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. I, М., 1961, стр. 433, 436, 437.

[40] А. А. Коринфский. Народная Русь. М., 1901, стр. 471.

[41] М. Соколов. Ук. соч., стр. 360.

[42] Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. СПб., 1892, стр. 352.

[43] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, 3, М., 1869, стр. 89; Н. Тихонравов. Памятники отреченной русской литературы. II, М., 1863, стр. 352.

[44] Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII в. СА, VI, 1940; Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964, стр. 33, № 28; стр. 34, № 32.

[45] А. И. Успенский. Ук. соч., стр. 5.

[46] П. Сырку. Славянские земли, стр. 714.

семи спящих отроков был связан с культом Богоматери[47]. На складне Лукиана Богоматерь является главной фигурой, молящей о заступничестве перед «всемилостивым Спасом».

Что же касается изображения Иоанна Предтечи, то оно могло отвечать народным представлениям именно в том смысле, в котором помещены уже описанные сюжеты. В легендах о Сисинии орудием дьявола прежде всего считается дочь Ирода, потребовавшая голову Иоанна Предтечи[48]. Иногда и ее называют Невея (мертвящая) — «всем лихорадкам сестра старейшая»[49]. Иоанн Предтеча является одной из главных фигур, помогающих небесным силам в борьбе с дьяволом. Считают, что в день рождества Иоанна Предтечи особую целебную силу приобретают цветы и травы, употреблявшиеся против навождения нечистой силы[50].

В борьбе жизни со смертью побеждает жизнь, триумфом которой является воскресение. Об этом должно свидетельствовать и пробуждение спящих отроков и воскресение Христа (гроб господен). Изображения жен-мироносиц у гроба господня и апостола Петра являются передачей первой евангельской вести о воскресении[51]. Этот сюжет как утверждение основной христианской идеи был весьма распространен в древнерусской пластике XIII—XIV вв.[52].

Изображения на лицевых сторонах створок не менее примечательны. Как представитель тех же небесных сил здесь выступает ангел-хранитель. По народным представлениям, за душу умирающего спорят ангел-хранитель и дьявол. Если добрые дела человека превышают злые, то ангел прогоняет дьявола, а если наоборот — то ангел удаляется с плачем[53]. Ангел-хранитель часто выступает победителем демонических существ по молитвам Сисиния[54].

Далее на складне представлены два персонажа, наиболее популярные в искусстве, в народной поэзии и обрядах. Это — святитель Николай и Илья Пророк. Оба они воспринимались как гонители злых духов. Среди многих чудес об исцелениях слепых, немых и хромых в «Житии» Николы упоминаются и избавления от «лукавого беса»[55]. Святителю Николаю полагалось особая молитва «о заступлении от всяких бед и несчастий»[56]. Грозным гонителем демона является и Илья Пророк[57]. В некоторых южнорусских преданиях в роли громовержца вместе с Ильей выступают св. Юрий, архангелы Михаил и Гавриил или просто ангелы[58].

В нижнем ряду на складне изображены воин и целитель. Дмитрий Солунский признавался одним из покровителей воинов. Иконы-складни типа складня Лукиана могли предназначаться как обереги в военные походы. Вполне возможно, что изображение Дмитрия было патрональным для заказчика иконы.

В свете уже сказанного совершенно закономерно помещение на складне Лукиана святого Козьмы, надпись у которого указывает на его прямое назначение — «Козьма врачь». В «Житии» о Козьме и Демьяне говорится,

---

[47] Г. К. Вагнер. Легенда о семи спящих эфесских отроках и ее отражение во владимиро-суздальском искусстве. ВВ, XXIII, М., 1963, стр. 98.

[48] А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха. 5, 1889, стр. 324, 325.

[49] А. Н. Афанасьев. Ук. соч., 3, стр. 88.

[50] И. П. Калинский. Ук. соч., стр. 150.

[51] Н. Покровский. Ук. соч., стр. 398.

[52] Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. Загорск, 1960, стр. 34—39 и 122—124.

[53] А. Н. Афанасьев. Ук. соч., 3, стр. 57.

[54] Ф. И. Буслаев. О народной поэзии в древнерусской литературе, стр. 50.

[55] Великие минеи четии. Декабрь, дни 6—17, II, 1904, стлб. XI.

[56] И. П. Калинский. Ук. соч., стр. 68, 69.

[57] П. И. Из области малорусских народных легенд. ЭО, 3, год 5, кн. XVIII, М., 1893, стр. 109.

[58] А. Н. Веселовский. Разыскания..., СПб., 1883, стр. 323 и 327.

что они «навыкнуста же от святого духа врачевны хитрости, исцелити... всяк недуг и всяку язю, ...во имя Иисуса Христово дарующе хромым ходити, бесы отгоняющая...». А в похвальном слове говорится: «Радуйся, Козмо прогониче бесом!» [59]. По-видимому, верхнее незаконченное изображение предназначалось для целителя Демьяна [60].

О жизни и смерти свидетельствуют и личины Луны и Солнца, которые обычно сопровождают изображения распятия или оплакивания Христа во гробе (на плащаницах). Они как бы свидетельствуют об изменениях в природе в момент умирания — Солнце в это время померкло, а Луна стала багряной [61]. Луна и Солнце в данном случае могут быть и олицетворением дня и ночи (жизни и смерти), о которых напоминает грешникам ангел-хранитель [62].

Рис. 6. Медная литая икона XIV в. Рыбинский музей

Все перечисленные изображения приводят нас к центральной фигуре Спаса, главного «защитника рода человеческого». Спас здесь представлен дважды — поучающий Спас на престоле занимает центральное место складня, Спас Эммануил, благословляющий обеими руками, изображен на лицевой стороне оглавия. Обращение к Христу, как главному защитнику человека, является наиболее распространенным и вылилось в обычную формулу — «господи помози». Именно в этом охранительном значении изображение Спаса помещалось на змеевиках и на нагрудных иконах.

Праздник Спаса имел особое значение во Владимирской земле [63]. Несколько раз Спас Нерукотворный был изображен в рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Здесь же воспроизведены и изображения благословляемого обеими руками Спаса Эммануила [64]. Причем, они были помещены на вершине закомар. На складне Лукиана Спас помещен в ромбовидной фигуре оглавия. Таким образом, с рельефами собора здесь перекликается даже композиционное решение.

Изображение Спаса на среднике складня Лукиана имеет себе аналогию на литой иконе XIV в. [65] (рис. 6). Здесь не только близка иконография Спаса (хотя изображение на литой иконке поясное), но и такие детали, как одинаковый орнамент нимба, одинаковая форма креста на переплете евангелия, одинаковое положение евангелия перед грудью благословляющей руки. Характерно, что орнамент на литой иконе в виде

---

[59] Великие минеи четии. Ноябрь, дни 1—2. СПб., 1897, стлб. 7, 36.

[60] Впервые это предположение было высказано Б. А. Рыбаковым, что вполне оправдывается общим идейным замыслом складня Лукиана, тем более что среди божественных сил, помогающих прогонять беса ночью, кроме Христа и Богоматери, упоминаются Козьма и Демьян. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, стр. 654; М. Соколов. Ук. соч., стр. 359.

[61] Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии, стр. 343, 346.

[62] Каталог древностей графа А. С. Уварова. Отд. IV—VI, М., 1907, стр. 87, № 1, стр. 119, № 50.

[63] Н. Н. Воронин. О некоторых рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. СА, 1962, 1.

[64] Г. К. Вагнер. Скульптура..., стр. 81, табл. XII.

[65] Рыбинский музей, № 4947.

вьюна с отростками буквально повторен Лукианом на боковых сторонах оглавия. Это еще раз свидетельствует о том, что автор складня пользовался хорошо известными в русском искусстве образцами, из которых лишь немногие дошли до наших дней.

Не менее интересна орнаментика на складне Лукиана. Изображение Спаса он окружает ветвями древа, с цветами, бутонами и листьями, с птицами на его ветвях и, наконец, целым венком из цветов. Древо жизни — излюбленный и наиболее распространенный мотив в древнем искусстве славян. Он перешел в христианское искусство как его органическая часть, сохраняя за собой весь смысл древней символики. У славян души умерших предков представлялись в образе птиц [66]. Древо с поющими птицами толковалось и как прообраз древа-креста, стоящего в вертограде христианства [67]. Венок и птицы могли означать и воскресение Иисуса Христа (победу над смертью) и вознесение его на небо [68]. Вполне возможно, что здесь нашли отражение и народные суеверия, в которых особая целебная сила приписывалась травам и цветам, освященным в день рождества Иоанна Предтечи [69].

Если учесть, что изображения на складне Лукиана помещены в значении оберегов от различных бед и болезней, представлявшихся результатом действий враждебных демонов, то вполне естественно придать этот же смысл и изображенной здесь богатой растительности.

Следует отметить также и наличие на складне Лукиана звериных изображений. Это — львиные маски в базах колонн в центральной части триптиха и на валике левой створки.

Для прикладного искусства Москвы начала XV в. этот изобразительный мотив является необычным. Он целиком и полностью взят из искусства Владимиро-Суздальской Руси. Во владимиро-суздальских рельефах, кроме эмблематического значения, изображение льва признается и как охранительное [70]. По-видимому, здесь изображение львиных масок замышлялось и как охранительное (на валике створки) и как символ «расторжения уз смерти» [71] (у центрального изображения Спаса).

Таким образом, икона-складень Лукиана была задумана прежде всего как оберег от различных бед и болезней. Здесь силы добра побеждают зло, жизнь побеждает смерть. Образы Спаса, Богоматери, небесных сил, Николы и Ильи, целителей Козьмы и Сисиния призваны оградить от вражьей силы, от многоликого беса. И как бы подтверждением этого смысла является символическое изображение жизни и смерти на вершине оглавия в виде противостоящих человеческих личин. Вопреки распространенному в средневековье мировоззрению о неотвратимой силе смерти [72], икона Лукиана утверждает более гуманное и оптимистическое представление о торжестве жизни, о воскресении.

Анализ иконографии — раскрытие смысла изображений, композиционного построения — приводит нас к выводу, что складень Лукиана сохраняет владимиро-суздальские традиции в искусстве. По сравнению с известными нам произведениями медного и серебряного литья, чеканки, резьбы по дереву и камню XIV—XV вв. московского происхождения икона Лукиана отличается заметным архаизмом. Для московского искусства пластики этой поры уже не характерна столь подробная детализация и

---

[66] С. Шестаков. Смерть и демоны смерти в представлениях древних и новых греков. ИОАИЭКУ, XXXII, 2, Казань, 1923, стр. 103, 104.
[67] А. Н. Веселовский. Разыскания..., СПб., 1881, стр. 55, 60.
[68] Н. Покровский. Ук. соч., стр. 318.
[69] И. П. Калинский. Ук. соч., стр. 150, 151.
[70] Г. К. Вагнер. Скульптура..., стр. 109.
[71] Н. Покровский. Ук. соч., стр. XXXIII.
[72] Повести о споре жизни и смерти. Исследование и подготовка текстов Р. П. Дмитриевой. М.— Л., 1964, стр. 4, 11.

реализм изображения. Изображения птиц, зверей, многообразной и пышной растительности также не типичны для искусства Москвы.

Характерно, что единственной близкой по смыслу изображений и форме предмета аналогией этой иконе, хотя и отдаленной по стилю изображения, является икона-складень (диптих) XIV в., хранящаяся во Владимире. Икона происходит из Покровского Суздальского монастыря[73] (рис. 7, 8).

Она имеет киотообразную форму, очень близкую к складню Лукиана, такой же перспективно углубляющийся внутренний киот (лицевое изоб-

Рис. 7. Лицевая сторона иконы-складня XIV в. Владимирский музей

Рис. 8. Оборотная сторона иконы-складня XIV в. Владимирский музей

ражение внутри киота утрачено). По краю икона украшена пышным венком из трав и цветов, а на обороте, в переплетенных между собою кругах — гравировкой по серебру на фоне, залитом чернью, изображены святые, значение которых нам легко распознать при сличении их со складнем Лукиана. Сверху изображен архангел Михаил в композиции уже известного нам ангела-хранителя. По сторонам изображены Георгий и Иоанн Богослов, внизу — Никола Зарайский, а вне кругов, в нижних углах, в коленоприклоненных позах моления изображены (без нимбов) две человеческие фигуры, мужчины и женщины, как бы молящие о защите.

В молитвах сисиниевского типа Георгий и евангелисты часто выступают гонителями дьявола[74]. Что же касается Николы типа Зарайского, то на мощевиках XIV в. он прямо назван «защитником рода христианского»[75].

[73] В. Георгиевский. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927, стр. 27, табл. XXI, *1*.

[74] А. Веселовский. Молитва св. Сисиния и верзилово коло. ЖМНП, май, СПб., 1895, стр. 233.

[75] Т. В. Николаева. Ук. соч., стр. 28, рис. 3.

Судя по стилистическим и эпиграфическим признакам, икона Покровского Суздальского монастыря должна быть датирована временем не позже середины XIV в. Следовательно, подобного типа иконы-складни (они могли служить и мощевиками) не были единичными и могли быть известны мастеру Лукиану.

Кто мог быть заказчиком иконы, исполненной Лукианом? Среди представленных на иконе святых только изображение Дмитрия Солунского можно рассматривать как патрональное. Исторические источники о происхождении складня нам неизвестны. В то же время естественно думать, что такая дорогая и высокохудожественная вещь, исполненная выдающимся мастером-профессионалом, подписавшим на ней свое имя, не могла иметь простого заказчика. А если учесть, что изображение Спаса во владимиро-суздальском искусстве часто трактовалось как покровительственное княжескому дому[76], то вполне возможно, что икона принадлежала кому-либо из суздальско-нижегородских князей, фамильные сокровища которых перешли в великокняжескую казну при Василие Дмитриевиче[77].

Большое мастерство ювелира, сумевшего передать в сложной технике чеканки разнообразие изображений и орнамента, идеальных по рисунку и композиционным решениям, ставит это произведение в ряд наиболее выдающихся образцов древнерусского прикладного искусства. Этот замечательный шедевр не уступает по мастерству лучшим произведениям Западной Европы и Византии.

---

[76] Н. Н. Воронин. О некоторых рельефах..., стр. 141.

[77] Б. А. Рыбаков. Из истории московско-нижегородских отношений в начале XV в. МИА, 12, 1949.

В. Г. БРЮСОВА

О ДАТИРОВКЕ ДРЕВНЕЙШИХ ФРЕСОК СОФИЙСКОГО СОБОРА В НОВГОРОДЕ (XI — НАЧАЛА XII вв.)

Первое достоверное летописное сообщение о росписи Софии новгородской относится к 1108 г.: «В лето 6616. Преставися архиепископъ новъгородьскый Никита, месяца генваря в 30; а на весну почяшя пьсати святую Софию, стяжанием святого владыки» [1]. Новгородские летописи XVII в. начало росписи Софии относят к более ранней дате, к 1050—1052 гг., т. е. ко времени ее построения. Сообщение о закладке Софии в 1045 г. князем Владимиром Ярославичем дополнено в НЗЛ «Сказанием о св. Софии новгородской», в котором повествуется: «а делаша ю 7 лет... и устроив церковь приведоша иконных писцов из Царяграда, и начаша подписывати во главе, и написаша образ господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа со благословящею рукою...» [2].

В исторической литературе Новгорода XIX в. оба свидетельства принимались как достоверные: роспись 1108 г. рассматривалась как продолжение работ, начатых в 1051—1052 гг. [3]. Древние фрески тогда не были известны. Они находились под записями.

В 90-х годах XIX в. акад. В. В. Сусловым была открыта роспись центральной главы с изображением архангелов и пророков, стенопись в проемах алтарных арок — святители Анатолий, Карп, Поликарп и Герман, фреска Константина и Елены на пилоне Мартирьевской паперти и ряд более мелких фрагментов древней стенописи. Роспись купола Софии В. В. Суслов датировал XII в., фреску Константина и Елены — XI в. [4].

В 1915 г. В. К. Мясоедов опубликовал фрески Софийского собора. Для росписи барабана он принял дату В. В. Суслова; полагая, что показания летописей XVII в. о росписи Софии в 1052 г. принадлежат источнику позднему и недостоверному, он отдает предпочтение сообщению Н1Л о начале работ по росписи Софии в 1108 г. [5]. Появление фрески Константина и Елены в Мартирьевской паперти Мясоедов поставил в связь с указанием новгородских летописей под 1144 г.: «Въ то лето испьсаша честно притворы вся въ святей Софии Новегороде, архиепископъ Нифонтъ» [6]. Впоследствии дата росписи центральной главы — 1108 г.— была принята и другими авторами [7]. Что касается фрески Константина и Елены, мнение

[1] Н1Л, М.— Л., 1950, стр. 19.

[2] Н2Л; Н3Л; СПб., 1879, стр. 145—146, примеч. 181, 182.

[3] Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. I, М., 1860, стр. 42—46; П. Соловьев. Описание Новгородского Софийского собора. СПб., 1858, стр. 89.

[4] В. В. Суслов. Новгородский Софийский собор. Тр. X АС, III, М., 1900, Протоколы, стр. 71.

[5] В. К. Мясоедов. Фрагменты фресковой росписи св. Софии новгородской. ЗОРСА РАО, X, 1915, стр. 15—34.

[6] Н1Л, стр. 27.

[7] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.— Л., 1947, стр. 23, 24; Ю. Н. Дмитриев. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование. Сб. «Практика реставрационных работ», М., 1950, стр. 136—139.

В. К. Мясоедова о времени ее возникновения было пересмотрено, и ее стали датировать серединой XI в.[8].

Работы, проведенные в Софийском соборе в 1961—1966 гг., сопровождавшиеся архитектурно-археологическим исследованием памятника и реставрацией фресок, дали новые материалы для изучения стенописи Софии. Все открытые в раскопах in situ фрески были тщательно обследованы. Зафиксирована стратиграфия их по отношению к уровню древнейшего пола и последующих повышений его[9]. Классификация фрагментов фресок по типам штукатурного грунта и технике выполнения стенописи позволила установить несколько видов росписей домонгольского периода. Их оказалось больше, чем считали до сих пор: не три вида стенописи — середины XI в., 1108 и 1144 гг.[10], а шесть-семь. При этом было установлено, что фрески главы по техническим признакам занимают совершенно обособленное место по отношению ко всем другим выявленным видам росписей. Это заставляет вернуться к вопросу о датировке сохранившихся фрагментов стенописи Софии.

Настоящее сообщение является кратким изложением исследования о древнейших росписях Софийского собора, возникших в первое шестидесятилетие после построения памятника.

Наиболее ранняя роспись Софии, бесспорно, представлена фресками, выполненными на розовой цемянке. Фрагменты этого вида стенописи с остатками орнаментальных росписей и отдельных композиций открыты частью еще В. В. Сусловым, а затем А. Л. Монгайтом в 1946 г.[11], М. К. Каргером в 1955 г.[12] и Г. М. Штендером в 1963 г. На южном простенке восточного отсека южного нефа М. К. Каргером была открыта часть композиции с изображением позема и следами горок. В. В. Суслов отмечал, что на заплечниках северного столба в середине собора, рядом с западным пилоном храма, были открыты изображения двух святых. Сохранившиеся фрагменты росписей по цемянке позволили высказать предположение, что непосредственно после построения Софии на некоторых простенках и столбах были написаны отдельные, иконного типа композиции[13].

К древнейшему периоду принадлежит и фреска Константина и Елены. Однако по технике выполнения эта фреска отличается от других росписей по цемянке: она была написана по просохшей штукатурке, по тонкому слою известковой подгрунтовки. Это вид стенописи, неизвестный в древнерусской монументальной живописи, распространен в странах Восточной Европы и в литературе получил название «фреско-секко»[14].

---

[8] Новая датировка фрески была предложена Н. Г. Порфиридовым (Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. М.—Л., 1947, стр. 287) и подкреплена исследованием Ю. Н. Дмитриева (Ю. Н. Дмитриев. Заметки по технике русских стенных росписей X—XII вв. Ежегодник Института истории искусств. М., 1954, стр. 238—278).

[9] Материалы к отчетам о работах в Софии Новгородской научно-реставрационной мастерской и Центральной научно-реставрационной мастерской. Архитектурно-археологические работы производились под наблюдением руководителя проектной группы НСНРПМ Г. М. Штендера и архитектора Л. М. Щуляк. Реставрация фресок произведена художниками-реставраторами ЦНРМ с 1961 по 1963 гг. под моим руководством как заведующего сектором монументальной живописи ЦНРМ.

[10] С росписью 1144 г. в настоящее время связывают фрески Мартирьевской паперти — Деисуса и других фрагментов. Эта дата не подтверждается исследованиями. Стенопись южной паперти возникла, как это установлено автором, при архиепископе Мартирии около 1195—1196 гг. Со стенописью 1144 г. ныне можно связать отдельные фрагменты в раскопках Корсунской паперти, на пилоне западного входа в Софию.

[11] Ю. Н. Дмитриев. Стенные росписи Новгорода, стр. 153, 154.

[12] М. К. Каргер. Отчет об археологических раскопках в новгородском Софийском соборе в 1955 г. Архив ИА АН СССР. Р-1, дело № 1217.

[13] В. Н. Лазарев. Живопись Новгорода. ИРИ, III, М., 1955, стр. 74.

[14] Б. Сланский. Техника живописи. М., 1962, стр. 327, 328. Особенности техники выполнения фрески Константина и Елены отмечены Ю. Н. Дмитриевым, см. «Заметки по технике русских стенных росписей X—XII вв.», стр. 271—276.

Сухая штукатурка смачивалась и на нее наносилось два-три тонких слоя извести. В краски, растертые на воде, добавлялась гашеная известь «ибо количество связующего, которое они получают снизу из грунта, является недостаточным... вся живопись после высыхания значительно высветляется и приобретает пастельный, мутный характер» [15]. Тонкий слой подгрунтовки быстро высыхал и требовал быстроты выполнения, исключающей возможность тщательной проработки живописи путем наложения нескольких слоев краски. Этим в значительной степени объясняется подчеркнуто графическая манера письма и эскизная легкость живописи в этой фреске. Учитывая особенности выполнения, едва ли правомерно говорить о ее исключительности в отношении стиля и рассматривать изображение Константина и Елены как своего рода «феномен» [16]. По основным стилистическим признакам оно без труда найдет себе место в ряду памятников русской монументальной живописи XI в. так же, как и в византийском искусстве этого времени.

Фигуры Константина и Елены статичны и бесплотны. Все внимание художник обратил на роскошь царских одеяний, щедро украшенных драгоценностями, схематическое выполнение которых подчиняет изображение плоскостному узору. Более живо написаны лица. Близкие аналогии этой фреске можно найти в произведениях византийской миниатюры, и это закономерно, поскольку техника выполнения фрески приближается к живописи акварелью. В качестве примера можно привести, например, миниатюру с изображением императора Никифора Вотаниата и императрицы Марии из рукописи «Слова Иоанна Златоуста» 1078—1081 гг. в Парижской Национальной библиотеке [17], а также в миниатюре из евангелия Пармской Палатинской библиотеки с изображением Рождества Христова и Константина и Елены конца XI в. [18]. Д. В. Айналов отметил сходство фрески Константина и Елены с изображением Адриана и Наталии в северном притворе киевского Софийского собора [19]. Близки этой фреске и некоторые изображения в барабане Софии новгородской, как, например, архангелы и царь Соломон [20].

По мнению В. Н. Лазарева, присутствие на фреске Константина и Елены русской надписи «Олена» (ныне утраченной) и ее диалектологические особенности «рассеивают всякие сомнения относительно принадлежности росписи местному новгородскому мастеру [21]. Согласиться с этим трудно. Считать фреску работой русского мастера только на том основании, что она имела русскую надпись, с моей точки зрения, является доводом не вполне достаточным [22]. Этому противоречит не только такая характерная особенность, как «чисто восточный тип» лица Елены [23]. Утонченная изысканность трактовки художественного образа, блестящее мастерство живописи, корни которых следует искать в самых высоких достижениях восточнохристианского искусства, едва ли могли проявиться с таким совершенством на почве местного новгородского искусства в самый начальный его период. Все это заставляет предполагать, что фреска написана византийским художником, по крайней мере им написаны лица. Тема

---

[15] Б. Сланский. Ук. соч., стр. 328.

[16] В. Н. Лазарев. Живопись Новгорода. ИРИ, II, М., 1954, стр. 74.

[17] В. Н. Лазарев. История византийской живописи. II, М., 1948, табл. 138.

[18] Там же, I, М., 1947, табл. XXVI (вкл. между стр. 108 и 109).

[19] D. Ainalov. Geschichte der Russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Berlin — Leipzig, 1932, стр. 42.

[20] Фреска воспроизведена В. Мясоедовым; см. В. К. Мясоедов. Ук. соч., рис. 10, стр. 27.

[21] В. Н. Лазарев. Живопись Новгорода. ИРИ, II, стр. 74.

[22] В таком случае следовало бы признать, что купольная роспись Спасо-Преображенского собора в Новгороде выполнена не Феофаном Греком, а новгородским мастером, так как надписи в ней тоже русские.

[23] В. Н. Лазарев. Живопись Новгорода. ИРИ, II, стр. 74.

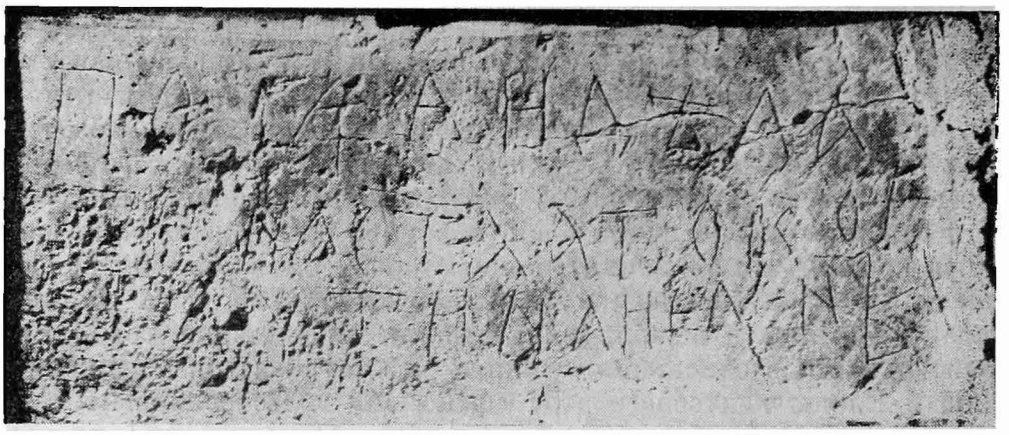


Рис. 1. Графитти в башне Софийского собора в Новгороде

фрески стоит в непосредственной связи с датой начала строительства Софии и его завершением. Графитти в башне Софийского собора с текстом: «почали делати на стааго Костянтина и Елены» (рис. 1) [24] отмечает, несомненно, начало построения Софии — 21 мая 1045 г. Освящение Софии, как отмечают летописи, состоялось на праздник Воздвижения креста господня, 14 сентября [25]. Основная тема службы на Воздвижение — явление креста царю Константину и обретение креста матерью его, царицей Еленой. Предпразднование Воздвижению — праздник Обновления храма Воскресения (13 сентября), установленный в память о построении Константином и Еленой храма над гробом господним. Иконографическое содержание фрески Константина и Елены представляло собою историческую параллель между сооружением храма Воскресения, построенным Константином и Еленой в период утверждения христианства как государственной перкви, и построением христианских храмов на Руси, в частности Софии новгородской как символа торжества христианства и «освобождения русской земли от тьмы язычества». Фреска Константина и Елены размещенная в непосредственной близости от главного входа в Софию — южного, со стороны площади, могла быть написана специально к обряду освящения Софии.

Эта фреска, как и фрагменты стенописи на цемяночном грунте, связаны, таким образом, со временем построения собора в 1050—1052 гг. Тем самым получает подтверждение сообщение НЗЛ о росписи Софии в 1051—1052 гг., не зафиксированного древнейшими новгородскими летописями. Запись Н1Л под 1108 г. «почяшя пьсати святую Софию» тем самым имеет в виду не начало работ по росписи Софии вообще [26], но начало работ 1108 г., которые, по-видимому, затянулись на несколько лет.

Стенопись 1108 г. представлена многочисленной группой фрагментов, открытых in situ в раскопках главного помещения храма и его приделов. Штукатурный грунт этого вида росписи — одно- и двухслойный, толщи-

[24] Графитти найдена Г. М. Штендером, предоставившим мне ее фотографию, за что я приношу ему благодарность.

[25] Н1Л старшего извода дату освящения Софии не отмечает. В новгородских летописях XVI—XVII вв. встречаются две даты: 1050 и 1052 гг. Исследование вопроса позволяет признать достоверность второй даты — 1052 г.

[26] Так полагает В. К. Мясоедов. Ук. соч., стр. 32.

ною в среднем около 2 *см*, а в местах неровностей кладки достигает 4—5 *см*, плотный по консистенции, тяжелый по весу, желтоватого цвета, содержит в себе в умеренном количестве растительные добавки в виде волокон тонкорезаной соломы. При увлажнении плотность штукатурки увеличивается, что указывает на его высокие гидравлические свойства. Поверхность штукатурной массы уплотнена и заглажена, но имеет матовый вид.

Стенопись в раскопках представлена преимущественно орнаментальными росписями с растительными мотивами, или в виде мотива «городков» с крупными уступами[27]. Встречаются также и фрагменты композиций или однофигурных изображений, от которых сохранились нижние части фигур на светло-зеленом поземе[28].

Живопись исполнена смешанной фресково-темперной техникой. Фон перекрыт ультрамарином по рефтяной подготовке. Одежды различных оттенков розового, зеленого и красно-коричневого цвета. Пробелы на одеждах часто утрачены до цветной подготовки, открывая прорисовку контура и складок в технике аль-фреско.

К этому же виду росписи принадлежат фрески проемов алтарных арок с изображением святителей[29]. Фрески написаны в широкой обобщенной манере. Святители стоят в спокойных, неподвижных позах, в торжественном предстоянии. Рисунок фигур подчинен общему ритму, плавному и несколько однообразному. Наиболее близкую аналогию этим изображениям представляют фрески в башне Георгиевского собора Юрьевского монастыря 20-х годов XII в. Головы святителей написаны по основному коричневатому тону постепенным высветлением розоватой разбеленой охрой, с зеленоватыми притенениями. Нимбы — охряные, с черной и белой обводкой.

В раскопках штукатурный грунт этого вида росписей лежит на потемневшей от времени, местами закопченной и покрытой графитти цемянке, что указывает на известный промежуток времени между построением Софии и росписью. Живопись, вместе с тем, доходит повсеместно до древнейшего уровня пола, который, как установлено исследованиями Г. М. Штендера, приходится на отметке 140—180 *см*. Позднейшие повышения уровня пола, относящиеся к домонгольскому времени,— трех- и четырехкратные, частично закрывают ее. Местонахождение фресок в раскопках доказывает, что роспись выполнена в 1108 г.

Присутствие фрагментов стенописи 1108 г. не только в главном помещении Софийского собора, но и в трех приделах — Рождества Богородицы, Иоанна Богослова и Иоанна Предтечи является бесспорным свидетельством того, что приделы существовали изначально, что подтверждается и архитектурно-археологическим исследованием Г. М. Штендера. Установление первоначального вида приделов и последующих перестроек требует специального рассмотрения.

Установление технических особенностей стенописи начала XII в. имеет важное значение для проверки основательности принятой в настоящее время датировки купольной росписи Софии, как стенописи 1108 г. Роспись центральной главы заключает в себе изображения архангелов[30] и

---

[27] Наиболее значительные фрагменты орнаментальной росписи открыты на южном пилоне главного алтаря и в Рождественском приделе — на южной стороне западного дверного проема и на южной стене, в нише.

[28] Фрагменты с остатками фигур открыты на южном пилоне главного алтаря, в Рождественском приделе — на южном алтарном пилоне и на южном простенке западной стены, в приделе Иоанна Богослова — в простенке южной стены, а также в приделе Иоанна Предтечи, в западной части северной стены, в нише аркосолия.

[29] Технические особенности живописи проемов алтарных арок были обследованы мною при реставрационных работах в 1946 г.

[30] Между фигурами архангелов обнаружены следы изображений четырех херувимов, восходящие к первоначальному времени.

пророков, и фрагменты фона и нимба утраченной фрески Вседержителя [31]. Штукатурный слой этой росписи нанесен толстым наметом от 6 до 12 *см*, в несколько слоев и содержит много добавок крупнорезаной соломы и зерен [32]. Штукатурка ярко выраженного желтовато-розоватого оттенка из-за примесей цемянки, легка на вес, крошится; при увлажнении ее прочность значительно уменьшается. Поверхность штукатурки отполированная.

Совершенно иные, чем в стенописи 1108 г., пигменты, среди которых преобладают темно-красная краска сизовато-пурпурного оттенка, глубокий темно-синий цвет, темно-желтая охра, белила, слегка подцвеченные розовым, зеленым или желтым цветом (например, в одеждах пророков). В определении принадлежности росписи тому или иному виду стенописи первостепенное значение имеют такие элементы цветового построения, как фон, поземы, нимбы. Эти элементы обычно едины во всем ансамбле росписей, что является одним из основных принципов монументально-декоративной живописи. Однако в росписи купола и в стенописи 1108 г. они совершенно различны. Фон купольной росписи прокрыт одним тоном черно-синего цвета, местами с приплесками охры, тогда как в росписи начала XII в. фон двуслойный и состоит из рефтяной подготовки, прокрытой ультрамарином [33]. Нимбы и прокладка под волосы — не желтого цвета, а темно-красного. Иная красочная палитра росписей: краски фресок купола неяркие, и в них шире диапазон от темных к светлым тонам. Иная и живописная система: мастер идет не от постепенного наложения высветлений по основной подготовке, как в стенописи 1108 г., в его живописных приемах равнозначны и светлые, сильно разведенные белилами цвета, и темные описи в тенях. В письме лиц лепка формы достигается не постепенным наслоением карнации, но смешением плотных сплавов краски в процессе письма, таким образом, что один цвет постепенно переходит в другой. Плотная корпусная поверхность живописи напоминает энкаустику.

Роспись купола была, конечно, выполнена не одним мастером, как полагал Ю. Н. Дмитриев [34]. В стенописи центральной главы сосуществуют рядом изображения, различные по уровню художественного исполнения и характеристике художественного образа.

Единственное сохранившееся почти полностью изображение архангела в куполе (остальные три фигуры утрачены в верхней части по грудь) принадлежит, несомненно, византийскому художнику — представителю царьградской школы. Монументальная фигура архангела широко задрапирована в царский далматик, в стиле ее то же тяготение к подчинению

---

[31] Фрески главы пострадали в 1942 г., некоторые из них, например изображение царя Давида, полностью утрачены.

[32] Присутствие добавок соломы в двух типах штукатурного грунта — купольной росписи и в раскопах позволил исследователям объединять оба типа штукатурки в один, который принято называть «мякинным». (В. В. Суслов. Краткое исследование новгородского Софийского собора. «Зодчий», XXIII, 9, 1894, стр. 87—88; А. Л. Монгайт. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 95; Ю. Н. Дмитриев. Стенные росписи Новгорода, стр. 145). Такое представление следует считать ошибочным. Соломистые добавки в штукатурном грунте купола и барабана гораздо крупнее и многочисленнее, чем в росписи 1108 г. Кроме того, при установлении типа грунта следует исходить из комплекса всех других показателей, которые в обоих видах росписи совершенно различны.

[33] Мною обследованы участки живописи в росписи барабана на стыках «линии дня», где один слой штукатурки перекрывает собою другой, уже покрытый росписью. Никаких следов ультрамарина на нижележащем слое не обнаружено, поэтому можно определенно утверждать, что его и не было изначально.

[34] Ю. Н. Дмитриев отмечает разницу между купольной росписью и алтарных арок: «краски в арках легче и ярче... Фигуры в арках не так грузны и тяжеловесны, как пророки в куполе. Их лица одухотвореннее и наделены более тонкими чертами» (Ю. Н. Дмитриев. Стенные росписи Новгорода, стр. 147). Эту разницу Ю. Н. Дмитриев объясняет различием манеры исполнения отдельных мастеров, одним из которых, по его мнению, написана купольная роспись, а другим — алтарные арки.

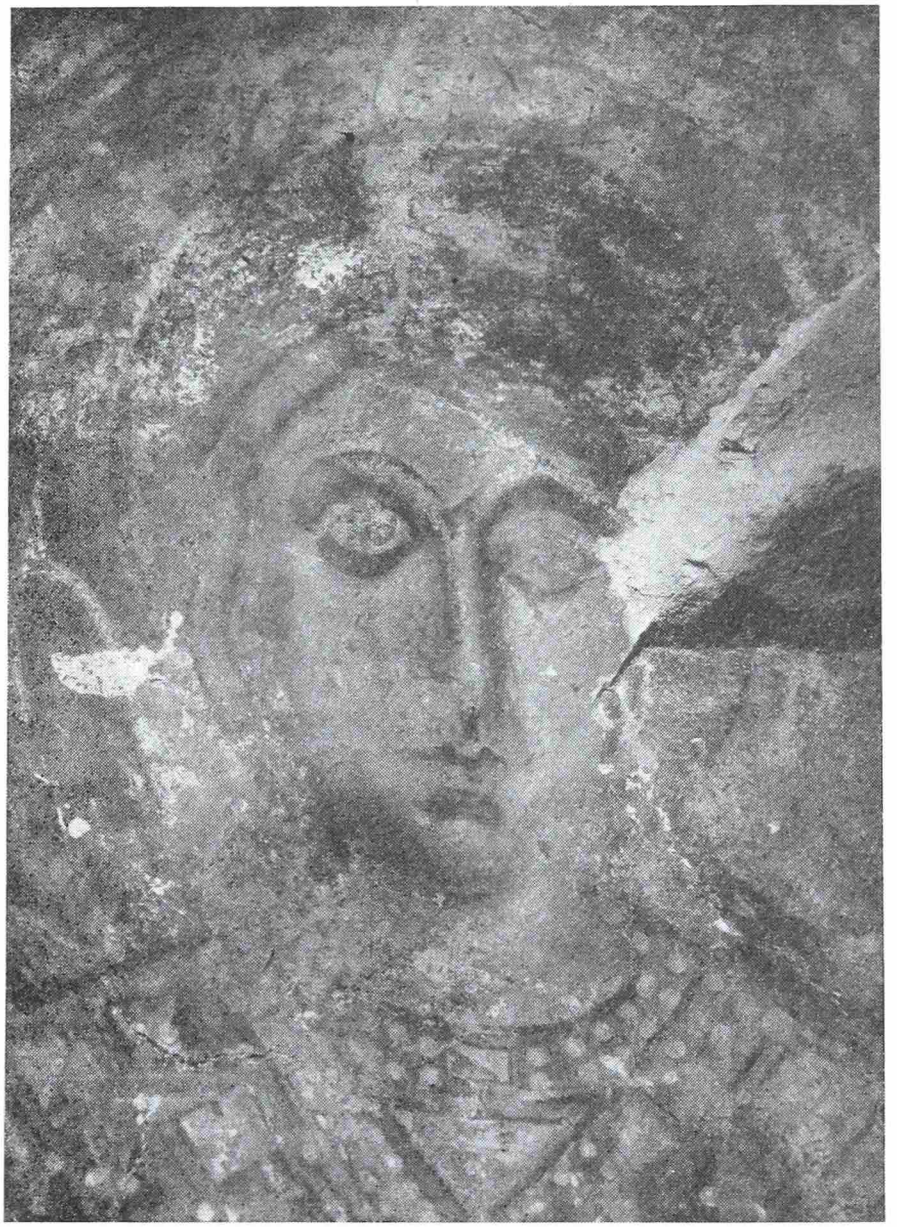


Рис. 2. Архангел. Фрагмент купольной росписи Софии новгородской. 1052 г.

изображения плоскости, что и во фреске Константина и Елены[35]. Лицо архангела прекрасно строгой, почти суровой красотой (рис. 2). Правильный, несколько удлиненный овал лица, полукруглые дуги бровей, сходящиеся к переносью, верно поставленные, хотя и в асимметрии, открыто смотрящие глаза с необычной для русской иконописи круглящейся формой глазного яблока, узкий и прямой, выступающий сильным рельефом нос, красиво очерченный рот с изящно поднятыми краями губ. Голова написана легко, как бы несколькими взмахами уверенной кисти, на том уровне художественного обобщения, которое рождается как синтез многовековых традиций и хранит еще живые отголоски блестящего знания художественной формы античных мастеров. Наряду с этим строгость и целомудренность образа, его идеальная возвышенность — все это носит на себе несомненную печать византийского искусства Македонской эпохи.

По-иному выглядят фигуры пророков-старцев, написанные в энергичной манере, восходящей, как отмечает В. Н. Лазарев, к восточнохристианским традициям. Ближайшие стилистические аналогии В. Н. Лазарев

[35] В. Г. Брюсова. Фреска Вседержителя новгородского Софийского собора и легенда о Спасовом образе. Тр. ОДРЛ, XXII, 1966, стр. 57—64, рис. 1.

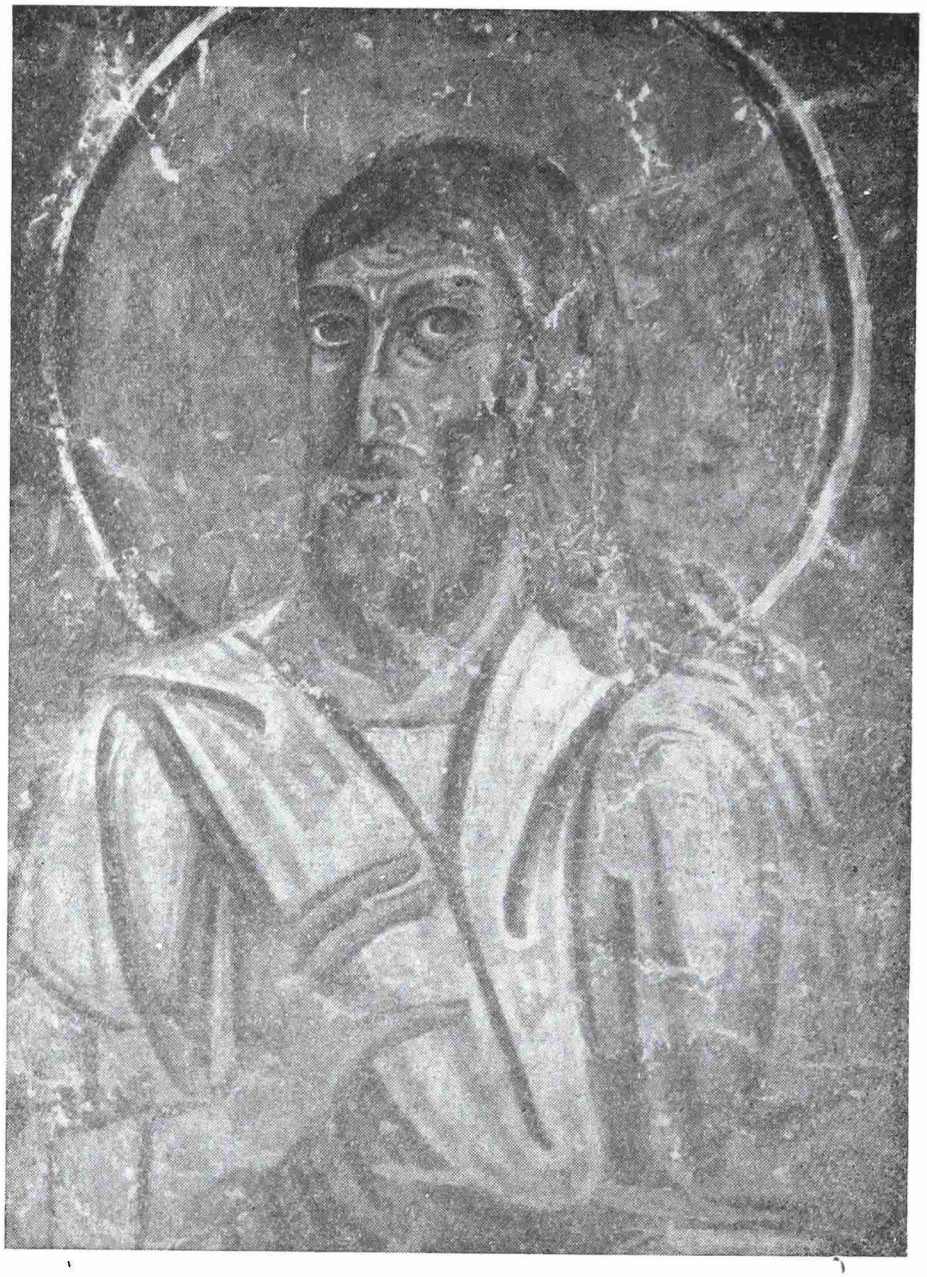


Рис. 3. Пророк Исайя. Деталь. Фреска барабана Софии новгородской. 1052 г.

усматривает в мозаиках Хозиас Лукас в Фокиде и наиболее архаической группе мозаик и фресок Софии киевской [36]. Крепкие и коренастые фигуры с крупными конечностями, энергичная прорисовка складок одежды, характерно написанные головы старцев с резко выраженными надбровными дугами, густыми бровями, рельефно написанными морщинами (рис. 3) — все это характеризует фрески как произведения скорее правдивые, чем возвышенные.

В иной манере написаны фигуры молодых пророков — Даниила (рис. 4), Соломона и Аввакума. Общий рисунок всей фигуры отмечен тенденцией к упрощению. В изображении голов заметно стремление передать правильный греческий тип лица, но овал более округлый, глаза поставлены несколько шире, менее плотно сжаты губы, сильнее подчеркнуты белки глаз. Наслоения краски более плотные, силуэт очерчен контуром. Ярко выраженное стремление к подражательности и неуловимая печать простодушия в лицах — все это заставляет предполагать, что эти изображения принадлежат кисти русских мастеров, пополнивших собою

[36] В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. стр. 23.

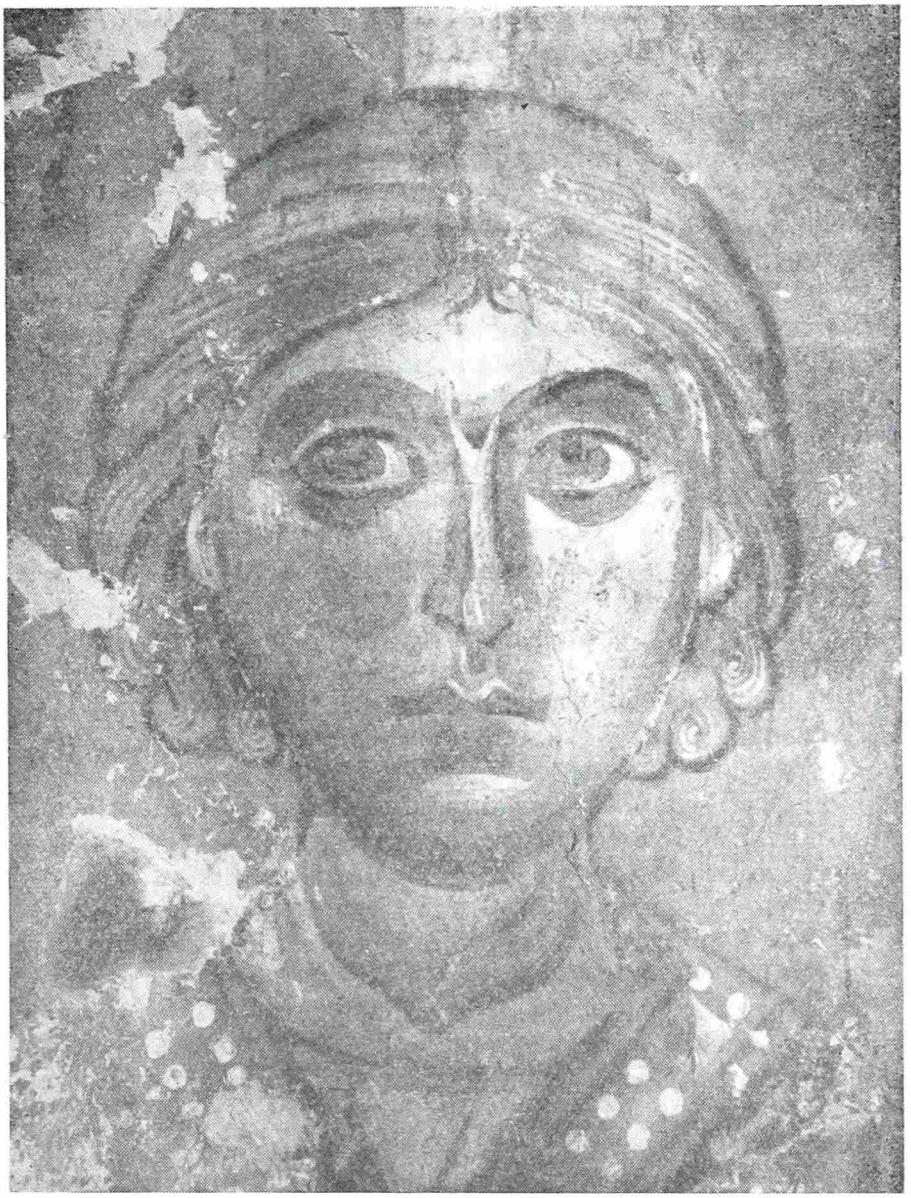


Рис. 4. Пророк Соломон. Деталь. Фреска барабана Софии новгородской. 1052 г.

группу приезжих греческих художников. Однако эта живопись смело выдерживает соседство с уверенным письмом византийских мастеров прекрасным чувством стиля и художественным тактом. Перед нами, таким образом, живая иллюстрация тех первых шагов, которые суждено было сделать новгородским художникам на самом раннем этапе под руководством греческих мастеров. В этих фресках, таким образом, выявляются первоистоки русского монументального искусства, занявшего впоследствии одно из первых мест в искусстве стран Восточной Европы.

Особенности стиля и техники выполнения росписей в центральной главе и в алтарных арках Софии исключают возможность их одновременного выполнения, заставляя предполагать разрыв во времени между появлением той и другой росписи. Естественно в этом случае предполагать, что фрески купола были написаны раньше фресок алтаря. «Если бы не летописное свидетельство,— пишет В. Н. Лазарев,— ... фрески Софии новгородской можно было бы приписать XI веку, настолько они еще связаны с ранними традициями» [37].

Отмеченные соображения заставляют внимательно отнестись к письменному источнику, согласно которому роспись главы Софии была выпол-

[37] В. Н. Лазарев. Живопись Новгорода. ИРИ, II, стр. 76.

нена непосредственно после построения Софии, в 1051—1052 гг.,— «Сказанию о св. Софии новгородской».

Исследование автором «Сказания» в более чем ста списках XVI—XVIII вв. показывает, что уже к XVI столетию оно прошло длительный путь развития как в летописях, так и в сборниках. «Сказание» было включено в летописи не позднее, чем в начале XV в.[38]. Наличие большого количества разночтений в датах и именах, иногда ошибочных, но стойко закрепившихся в отдельных видах и группах «Сказания», отдельные текстологические приметы (сохранение редуцированных в графике написания, юсов больших и малых), анализ лексики — все это заставляет отнести время возникновения «Сказания» к древнему времени, не исключая возможности появления его в домонгольское время. Присутствие в «Сказании» некоторых реалий, как-то: сообщение о том, что Софию «строили семь лет, а в то время служили в церкви Иоакима и Анны», и что Спасов образ «писали годишное время и боле»,— заставляют предполагать, что в основу «Сказания» были взяты живые воспоминания современников.

Ценные выводы дает анализ статьи, сопутствующей «Сказанию» в целом ряде списков — «Меры Спасову образу», которая содержит в себе промеры фигуры Спаса, архангелов и пророков, промер барабана («около шеи») и высоты храма «от лба до мосту церковнаго». Исследованием установлено, что в качестве единицы измерения принята домонгольская мера длины — «тмутораканская» сажень — 152 см[39]. Промер производился от уровня первоначального пола до его повышения. В «Мере» произведен промер только изображений центральной главы и не названы другие изображения, например, Богоматери в конхе алтаря. Это может быть объяснено только тем, что снятие меры отражает тот момент в истории стенописи Софии, когда существовала только купольная роспись, и весь храм еще не был расписан. Но промер мог быть произведен только с лесов. Все указанные соображения приводят к выводу о том, что промер купольной росписи был, по-видимому, произведен в 1108 г., когда в соборе были установлены леса для продолжения работ по росписи храма. Промер образа Спаса, по-видимому, связан с тем, что к этому времени образ получил признание как «чудотворный» и легенда о Спасовом образе к этому времени получила литературное оформление.

Древность возникновения легенды заставляет признать историческую достоверность отраженных в ней реальных событий, облеченных народной фантазией в оболочку «чудесного». Правдоподобность рассказа о вызове греческих мастеров подтверждается анализом иконографии, стиля и техники живописи. Иконография купольной росписи свидетельствует о том, что художники отталкивались не от мозаик киевской Софии, а от другого направления в восточнохристианском искусстве. В барабане Софии новгородской изображены не апостолы, как в Софии киевской, а пророки, как, например, в купольной мозаике храма в Дафни XI в. Изображение Спаса со «сжатой» десницей известно в мозаике Вседержителя храма в Дафни, в Кахрие-Джами (XIV в.) и других памятниках византийского искусства[40]. Тем самым приобретает черты исторической реальности спор епископа Луки с иконописцами, пожелавшими воспроизвести в изображении Вседержителя вид перстосложения, незнакомый русской иконографии.

---

[38] На одном из списков «Сказания» имеется приписка о том, что оно списано по указу митрополита Корнилия в 1683 г. «из старых летописцев книги болшие харатейные в десть». ЦГАДА, ф. 181, № 646. Сборник, XVII в., л. 267 об.

[39] Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV вв. СЭ, 1949, 1, стр. 67—92. Единица меры, применяемая в Софии, установлена автором на основании наиболее достоверных списков «Меры», натурных промеров и обмеров Софии методом засечек в архиве Музея архитектуры.

[40] В. Г. Брюсова. Фреска Вседержителя новгородского Софийского собора..., стр. 57—64.

О работе греческих мастеров в Софии в середине XI в. свидетельствует и фреска Константина и Елены, а также икона Петра и Павла из Софийского собора (Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник), которая, как это убедительно доказано Н. Е. Мневой и В. В. Филатовым, была написана византийскими художниками в середине XI в. в Новгороде [41].

Применение незнакомой русской стенописи технологии с толстым слоем штукатурки получает разъяснение в привычных для южных стран средствах предотвращать быстрое высыхание грунта в условиях жаркого и сухого климата, а также в обычном для византийского искусства комбинировании мозаической и фресковой живописи.

Исследование фресок купола и барабана Софийского собора, таким образом, подтверждает правильность сведений в «Сказании о св. Софии новгородской» о вызове греческих мастеров и о росписи главы Софии в 1051—1052 гг., восстанавливая тем самым достоверность «Сказания» как исторического источника.

Как могло случиться, однако, что первоначальная роспись Софии ограничилась только ее главой? Причины этого следует искать в обстоятельствах политической жизни Новгорода начала 50-х годов XI в.

Окончание строительства Софии совпало со смертью княгини Анны в 1050 г., а 4 октября 1052 г. умер строитель собора, князь Владимир Ярославич. В Новгороде княжеский стол занял Изяслав Ярославич. В ожидании близкой кончины отца, Ярослава Мудрого, и перехода на великокняжеский стол в Киеве Изяслав не был заинтересован в проведении крупных работ по благоукрашению Софии. Эти события вызвали ряд политических неурядиц в Новгороде, жертвой которых стал и епископ Лука, пробывший по доносу в заключении в Киеве три года. И только после стабилизации политической обстановки в Новгороде в конце XI — начале XII вв., при Мстиславе Владимировиче, работы по росписи Софии были продолжены [42].

Исследование стенописи Софийского собора Новгорода древнейшего периода позволяет установить следующий порядок проведения работ.

При построении собора, около 1050 г., стены Софии в главном помещении храма и притворах были расписаны на отдельных участках по розовой цемянке орнаментально-декоративными мотивами и несколькими иконного типа композициями. Роспись была выполнена, по-видимому, местными новгородскими мастерами.

По завершении строительства, около 1051 г., была начата роспись центральной главы. Для этой работы были приглашены греческие мастера, которые работали вместе с русскими, новгородскими иконописцами. В это время была произведена только роспись купола и барабана. Работа была прервана из-за смерти князя Владимира Ярославича. Ввиду тяжелой болезни Владимира Ярославича, надо полагать, было ускорено освящение Софии, которое состоялось за три недели до его смерти. К обряду освящения Софии на день Воздвижения креста была написана в Мартирьевской паперти фреска Константина и Елены, по-видимому, одним из мастеров, участвовавших в росписи главы.

Работы по росписи Софии были возобновлены в 1108 г., при Мстиславе Владимировиче. В это время были украшены стенописью центральное помещение храма и его приделы. Стиль и техника выполнения этой росписи занимают прочное место в ряду русских и новгородских стенописей начала XII в., что позволяет считать ее работой русских мастеров.

[41] Н. Е. Мнева, В. В. Филатов. Икона Петра и Павла новгородского Софийского собора. Сб. «Из истории русского и западноевропейского искусства», М., 1960, стр. 81—102.

[42] Аналогичный случай отмечен в Ипатьевской летописи под 1289 г., когда роспись церкви Георгия в Любомли была прервана из-за смерти строителя храма князя Владимира Васильевича: «почалъ же бяше писати ю и списа все три олтаре, и шия вся съписана бысть но не скончана, зайде бо и болесть». ПСРЛ, II, М., 1962, стлб. 927.

Вместе с работами по росписи притворов Софии при епископе Нифонте в 1144 г. и архиепископе Мартирии в 1195—1196 гг. (южный притвор) Софийский собор получил в домонгольский период ансамбль росписей всего интерьера, исключая второй ярус галерей.

Древние стенописи Софийского собора, несомненно, имели важнейшее значение для последующего развития монументальной живописи Новгорода, одного из крупнейших художественных центров Руси. Сохранившиеся до нашего времени лишь фрагментарно, они, тем не менее, заслуживают самого пристального изучения. В особенности ценной в историко-художественном отношении является роспись центральной главы Софийского собора, приобретающая в результате исследования дату 1052 г.; наряду с мозаиками и фресками Софии киевской, она является одним из древнейших памятников русской монументальной живописи середины XI века.

К 60-летию БОРИСА БОРИСОВИЧА ПИОТРОВСКОГО

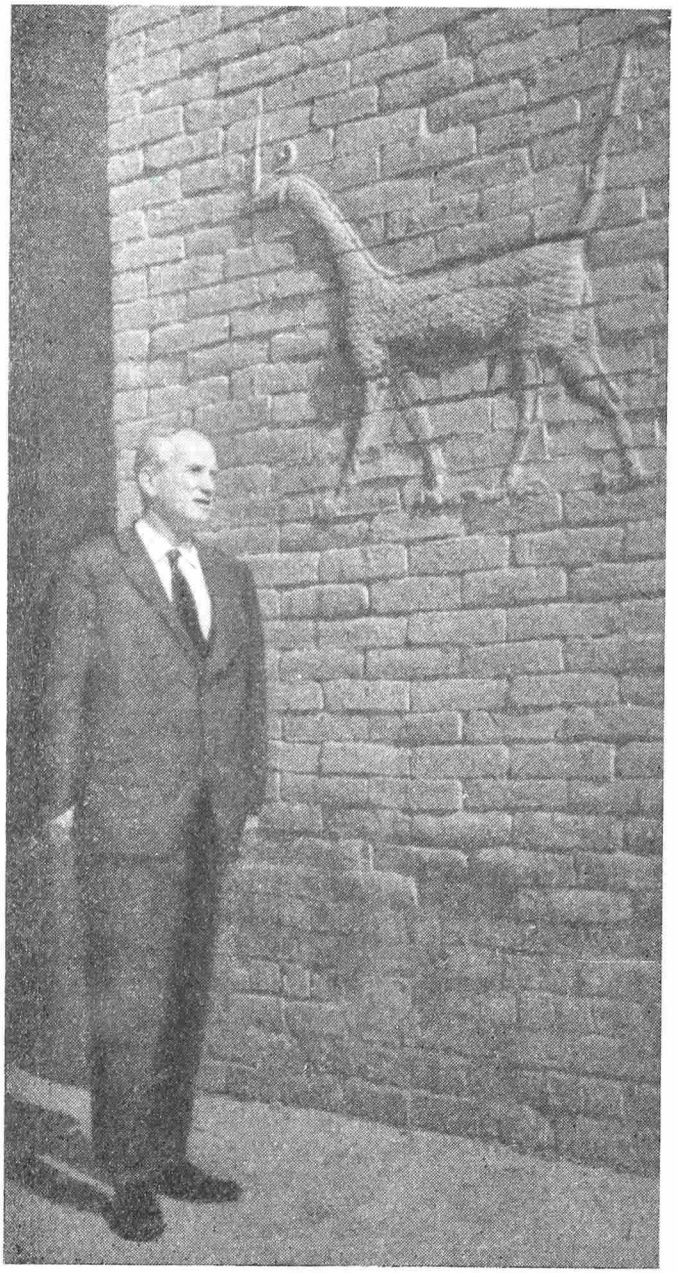
14 февраля 1968 года исполнилось 60 лет одному из ведущих советских археологов-востоковедов, директору Государственного Эрмитажа, заслуженному деятелю искусств РСФСР, члену-корреспонденту Академии наук и заслуженному деятелю науки Армянской ССР, заведующему кафедрой Древнего Востока ЛГУ, доктору исторических наук Борису Борисовичу Пиотровскому. Имя Б. Б. Пиотровского очень популярно и уважаемо в советских исторических кругах и за рубежом, так как с этим именем связано одно из самых значительных достижений советской исторической науки — подлинно историческое освещение первого рабовладельческого государства на территории нашей страны — Урарту или Ванского царства.

Родился Б. Б. Пиотровский в Петербурге в семье преподавателей высшей и средней школ. С 1915 по 1920 г. жил в Оренбурге. По возвращении в Ленинград учился в 200-й средней школе, которую и окончил в 1925 г. В том же году поступил в Ленинградский государственный университет, где первые два года занимался преимущественно египтологией у акад. Б. В. Струве и Н. Д. Флиттнер. Содержательные лекции проф. А. А. Миллера по археологии вызвали у студента Пиотровского большой интерес к древностям Кавказа, а последующее участие, начиная с 1927 г., в полевых работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в Кабардино-Балкарии и на Дону содействовало окончательному выбору его будущей специальности археолога-кавказоведа.

Пользуясь постоянной консультацией по общему языкознанию у акад. Н. Я. Марра, в частности по вопросам семантики по материалам древнеегипетского языка, молодой Пиотровский подготовил, а в 1929 г. опубликовал свою первую научную работу «О древнеегипетском термине „железо“» (Доклады АН СССР, 1929, № 1). По существу она и открывает большой список научных статей и монографий юбиляра, общий счет которых в настоящее время превысил уже 150.

В 1930 г. Борис Борисович успешно оканчивает историко-лингвистический факультет ЛГУ и продолжает работать под руководством акад. Н. Я. Марра в разряде языка Гос. академии истории материальной культуры, куда был принят еще в 1929 г. Не без влияния акад. Н. Я. Марра и акад. И. А. Орбели Б. Б. Пиотровский оставил увлечение египтологией и серьезно заинтересовался проблемой сложения, историей и культурой Урарту.

Для расширения источниковедческой базы по изучению Урарту, начиная с 1930 г. совместно с А. А. Аджяном и Л. Т. Гюзальяном, Борис Борисович осуществляет поисковое обследование ряда районов Армении, в целях обнаружения памятников урартского времени. Одновременно в течение ряда лет, вплоть до 1939 г., Пиотровский участвует в ряде экспедиций на Тамани (1931 г.), в зоне строительства Сухумской ГЭС (1935). на Дону (1934) и в Средней Азии (в Термезе и в Мерве — 1936—1937). Им были самостоятельно проведены раскопки курганов эпохи бронзы и могильника скифского времени под Моздоком (1933. 1936), ознаменовав-



шиеся интересными результатами. Работая в Армении, он участвовал в экспедиции акад. И. А. Орбели по изучению средневекового Анберд-ского замка на г. Арагац и осуществил обследования побережья озера Севан, бассейна р. Раздан и других районов.

Таким образом, обладая уже солидным опытом в проведении полевых археологических изысканий, Б. Б. Пиотровский в 1939 г. избрал своим основным объектом и приступил к комплексному исследованию холма Кармир Блур близ Еревана, где в 1936 г. была найдена надпись урартского царя Русы II (VII в. до н. э.). Теперь все мы знаем, что раскопки Кармир Блура, на котором им была открыта и исследована урартская крепость Тейшебаини, стали основным делом жизни и творческой деятельности юбиляра. Начавшись в 1939 г., они ведутся и ныне, а в настоящее время уже близки к завершению. Нельзя не упомянуть и о блестящих результатов его раскопок кургана в г. Кировакане (1948), давшего великолепные образцы прославленной триалетской культуры эпохи средней бронзы (золотая чаша со львами, серебряные сосуды и пр.).

Сравнительно недавно Борису Борисовичу пришлось перенести свой полевой опыт археолога в ОАР и вернуться к египтологии. В 1960 г., в связи с разработкой мероприятий ЮНЕСКО по сохранению памятников Нубии, он представлял Советский Союз в Консультативном комитете экспертов ЮНЕСКО при Правительстве ОАР, а в 1961—1963 гг. руководил археологической экспедицией АН СССР в Нубии, в зоне затопления Ассуанской плотины, завершившейся исключительно ценными, опубликованными в отдельном томе, научными достижениями.

Но научная деятельность юбиляра не замыкалась только рамками ГАИМК — ИИМК — Института археологии АН СССР. С 1931 г. Б. Б. Пиотровский работает и в Гос. Эрмитаже, сначала в Отделе истории первобытной культуры, а позднее в Отделе Древнего Востока. Имея тесный научный контакт с акад. И. А. Орбели, Б. Б. Пиотровский всегда был помощником этого выдающегося руководителя Эрмитажа, занимая с 1948 по 1953 г. пост заместителя директора музея по научной части. Только заведование Ленинградским отделением Института археологии АН СССР (1953—1964) заставило Бориса Борисовича временно оставить работу в Эрмитаже. В 1964 г. он назначается директором Эрмитажа, оставшись научным консультантом ЛОИА на общественных началах, не порывая

связей по научной работе с головным археологическим учреждением страны.

В течение ряда лет, начиная с 1947 г., юбиляр эпизодически читает специальные курсы по археологии Закавказья и Древнего Востока на историческом и восточном факультетах ЛГУ, а с 1966 г. он стал возглавлять кафедру Древнего Востока на восточном факультете. Итогом его университетских лекций явился ценный учебник «Археология Закавказья» (1949).

Годы целеустремленной работы в сильных научных коллективах, личное общение с такими выдающимися и разносторонне образованными учеными, как академики Н. Я. Марр, И. А. Орбели, В. В. Струве, И. И. Мещанинов и др. наконец, личные незаурядные способности юбиляра рано помогли Б. Б. Пиотровскому превратиться в хорошо подготовленного и вдумчивого исследователя с широким кругозором и оригинальным научным мышлением. Именно эти качества сказались на его ранних работах еще довоенных лет, как «Вишапы», «Урарту Древнейшее государство Закавказья», «История техники Двуречья» и в отдельных статьях «Урарту и Закавказье» «Скифы и Закавказье» и других.

Конечно, основным объектом его специального интереса была и остается история и культура древнейшего государства Закавказья — Урарту. Разработке этой важнейшей научной проблемы Б. Б. Пиотровский и посвятил лучшие годы своей жизни и вдохновенного труда. Над этой темой он работал в самом начале войны даже в осажденном Ленинграде. Но судьбе было угодно, чтобы его монография «История и культура Урарту» была завершена в Ереване, куда автор был командирован в апреле 1942 г. Изданная Академией наук Армянской ССР в 1944 г. монография была им успешно защищена в качестве докторской диссертации. Это бесспорно было крупным вкладом в историю Древнего Востока, в древнюю историю нашей страны. Этот труд автора был высоко оценен советской наукой и общественностью и в 1946 г. Б. Б. Пиотровскому за его книгу была присуждена Государственная премия 2-й степени. Второе дополненное и переработанное издание этого труда под названием «Ванское царство» вышло в свет в 1962 г.

В процессе систематических раскопок Кармир Блура — Тейшебаини Борис Борисович обрабатывает новый материал и публикует обстоятельные отчеты с первыми научными выводами и заключениями в виде специальных выпусков («Кармир Блур», I—IV, Ереван, 1950—1960). А в 1962 г. он издает новую монографию «Искусство Урарту». Это оригинальное исследование хорошо было встречено востоковедной общественностью и у нас, и за рубежом.

Однако его научные интересы не ограничиваются одной урартской проблематикой. Хорошо известны его интересные работы и отдельные этюды по археологии и древней истории всего Закавказья, Северного Кавказа, Средней Азии и по скифской тематике. Очень важный раздел его научного творчества составляют исследования по такой сложной и актуальной проблеме, как происхождение армянского народа.

Но, конечно, венцом его научно-исследовательской деятельности является капитальное исследование «Ванское царство», написанное на основе комплексного изучения самых различных исторических источников. Ряд его работ и докладов переведен и опубликован за рубежом на английском, французском. немецком, итальянском, польском и японском языках (например, JI. Regno di Van-Urartu, Roma, Editioni dell'Ateneo, 1966).

Во всех исследованиях Б. Б. Пиотровского проявились прекрасная теоретическая подготовка, огромные знания, широта научных интересов и смелость научной мысли. Многим знакома его склонность к постановке и оригинальному решению теоретических вопросов нашей науки.

Но значение научной деятельности юбиляра определяется не только его печатной продукцией. Оно гораздо шире и разнообразнее. Хорошо из-

вестна общественная и научно-организаторская деятельность этого ученого-патриота. С 1945 г. он член КПСС. Ряд лет он активно выполнял обязанности члена Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся X и XI созывов. В настоящее время Б. Б. Пиотровский является председателем Совета Ленинградского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Он также состоит членом Президиума Общества дружбы «СССР — ОАР», «СССР — Франция» и «СССР — Италия». Он бессменный член редколлегии журнала «Советская археология».

Б. Б. Пиотровский достойным образом представлял советскую историческую науку на ряде международных конгрессов и симпозиумов: в Риме (1955), в Мюнхене (1957), в Лондоне (1963—1966), в Нью-Дели (1964), Нью-Йорке (1965), где выступал с докладами об основных достижениях советской археологии и востоковедения. Во время своих заграничных командировок в ОАР (1956, 1959—1963), в Судан (1956, 1963), в Ирак (1959, 1966), в ГДР (1965), во Францию (1965), в Японию (1966) и в Италию (1967), он всюду знакомил своих зарубежных коллег и научную общественность этих стран с развитием исторической науки в СССР.

40 лет творческого целенаправленного научного труда Б. Б. Пиотровского — это целая жизнь, отданная науке. Его научная, педагогическая и общественная деятельность получила широкое признание в СССР и за границей. В 1945 г. он был избран членом-корреспондентом АН Армянской ССР; в 1946 г. удостаивается звания лауреата Государственной премии; в 1960 г. он получает звание заслуженного деятеля науки Армении; а в 1964 г.— почетное звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

За успешную научную деятельность и за подготовку научных кадров он был награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями Советского Союза.

Одновременно Б. Б. Пиотровский состоит членом Международного комитета музеев. В 1964 г. он избран почетным доктором Делийского университета (Индия); в 1967 г. членом-корреспондентом Британской Академии. С 1966 г. он член-корреспондент Германского археологического общества; почетный член Египтологического института Карлова университета в Праге и Каире (с 1965 г.), а также почетный член Флорентийского общества доистории и протоистории (с 1961 г.).

Все коллеги знают Б. Б. Пиотровского как одного из ведущих археологов Советского Союза, авторитетнейшего специалиста по истории и культуре Древнего Востока и Кавказа, многолетними трудами которого советское урартоведение превратилось почти в самостоятельный раздел востоковедной науки. Нельзя не сказать и о том, что этот крупный ученый и общественный деятель обладает и чертами большого личного обаяния.

Отмечая славный юбилей своего уважаемого коллеги, все советские археологи шлют Борису Борисовичу Пиотровскому свои сердечные поздравления и пожелания душевной бодрости, полного благополучия и новых успехов.

Е. И. Крупнов

К 60-летию АНАТОЛИЯ ЛЕОПОЛЬДОВИЧА ЯКОБСОНА

В 1966 г. исполнилось 60 лет крупному исследователю средневекового Крыма и Закавказья доктору исторических наук, старшему научному сотруднику Института археологии Академии наук СССР Анатолию Леопольдовичу Якобсону.

А. Л. Якобсон родился 22 августа 1906 г. в г. Луге Ленинградской области, в семье лесовода. После окончания в 1922 г. средней школы он поступает на физико-математический факультет Московского государст-

венного университета, но уже в 1924 г. переходит на археологическое отделение этнологического факультета. В 1927 г. А. Л. Якобсон переезжает в Ленинград, где и продолжает учебные занятия уже в Ленинградском государственном университете на факультете истории, языка и материальных культур, который и заканчивает в 1929 г. Поступив сразу же после его окончания в Дворец-музей Детского Села (ныне г. Пушкин), А. Л. Якобсон в 1930 г. переходит на работу в Государственную академию истории материальной культуры (ныне Институт археологии АН СССР), где и протекает вся его научная жизнь.

Еще в студенческие годы четко определились научные интересы и устремления А. Л. Якобсона, направленные на изучение средневековья юга нашей страны, сначала памятников архитектуры, а затем и археологии Северного Причерноморья, особенно Крыма и Армении. С 1925 г. он принимает участие в ряде археологических экспедиций, изучавших средневековую культуры древней Руси, Крыма и Армении, неизменно сочетая интересы к архитектурным памятникам Крыма (первоначально Херсонеса и Крымского юго-западного нагорья) с интересами к памятникам средневековой Армении. Это дало ему возможность в дальнейшем рассматривать историко-культурные явления в Таврике на широком фоне Северного и Восточного Причерноморья и прилегающих к нему районов Закавказья и Передней Азии.

С первых лет полевой и научно-исследовательской работы А. Л. Якобсон целеустремленно работал по двум основным линиям, определившим его профиль как исследователя истории архитектуры, с одной стороны, и историка-керамиста, с другой. Он начал с изучения отдельных архитектурных памятников и их декоративного убранства. Его первая еще студенческая работа в 1929 г. посвящена одной из византийских капителей VI в. из Херсонеса. Последующие годы он собирал материалы по архитектуре средневекового Херсонеса, обобщенные в его кандидатской диссертации «Архитектура средневекового Херсонеса», которую он защитил в осажденном немецкими фашистами Ленинграде 4 октября 1941 г.

В дальнейшем Анатолий Леопольдович перешел от исследования отдельных архитектурных комплексов юго-западного Крыма (Мангупская базилика, церковь у сел. Лаки) и архитектурных памятников Херсонеса к исследованию жилых кварталов последнего. А. Л. Якобсон, принимавший активное участие в раскопках города (1935, 1941, 1946, 1948 гг.), берет на себя сложнейшую и ответственнейшую задачу дать на основе всего добытого раскопками археологического материала историю средневекового Херсонеса — основного политического и культурного центра средневековой Таврики. Начав с более известного, освещенного достоверным археологическим материалом периода XII—XIV вв., он углубился в менее освещенный источниками раннесредневековый период. Результатом этих многолетних изысканий явились два тома истории средневекового Херсонеса: первый опубликован в 1950 г. («Средневековый Херсонес XII—XIV вв.»), второй — в 1959 г. («Раннесредневековый Херсонес V—X вв.»). Они объединены единой исторической концепцией, получившей в основном широкое признание научной общественности не только в нашей стране, но и за ее рубежами.

Чрезвычайно интересна попытка А. Л. Якобсона установить численность населения средневекового Херсонеса и сопоставить его с другими

городами византийских районов Северного Причерноморья, сделанная им в статье «О численности населения средневекового Херсонеса» (ВВ, XIX, 1961). А. Л. Якобсон не ограничивался исследованием Херсонеса и юго-западного Крыма (Мангупский дворец, раскопанный им в 1938 г. и опубликованный в 1953 г. в МИА, 34), но охватывает и всю Таврику в целом (ряд работ посвящен исследованию ее юго-восточных районов — «Разведочные раскопки поселения Горзувиты», 1954 г., «Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму», 1954, 1960, «Ранние средневековые поселения восточной Таврики», 1958), но также касается и общеисторических вопросов («Византия и история раннесредневековой Таврики», 1954). Многолетние исследования А. Л. Якобсона в Крыму получили широкое обобщение в книге «Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры» (1964), осветившей всю многовековую историю Крыма от V до XVIII в.

Как уже говорилось, А. Л. Якобсон наряду с постоянным изучением средневековой Таврики и Северного Причерноморья занимался и историей архитектуры Армении. Еще студентом в 1929 г. Якобсон в составе археологической экспедиции ГАИМК посетил Армению, и с этого времени его научный интерес навсегда был прикован к этой стране. В 1936 г. А. Л. Якобсон участвовал под руководством акад. И. А. Орбели в раскопках средневековой армянской крепости Анберд. В дальнейшем в течение многих лет он планомерно, с особой тщательностью изучал и обмерял средневековые архитектурные памятники в Армении и Крыму.

Небольшие исследования о монастырях Тгера, Татева стали прелюдией его монографического труда «Очерки по архитектуре Армении V—XVII вв.», вышедшем в 1950 г. Эта книга А. Л. Якобсона была должным образом оценена научной общественностью, так как являлась одной из сводных работ по истории армянской архитектуры, в то время еще немногих. Дальнейшие его работы в этой области были посвящены изучению монастырских комплексов Мшкаванка, Хоракерта, Гандзасара и армянских памятников в Крыму. Они явились значительным вкладом в историю изучения армянской архитектуры.

В течение нескольких лет А. Л. Якобсон участвовал в археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории АН АзССР в Оран-Кале. Археологические исследования этого важного экономического центра средневековья в Закавказье были отражены в ряде статей о раскопках, стеклоделии и керамике этого городища.

Вся научная работа А. Л. Якобсона построена на основе прекрасного знания источников, глубокого анализа материала, умения сочетать археологический материал с данными письменных источников. А. Л. Якобсон не ограничивал круг своих интересов, его привлекала также тема городов Киевской Руси, материал вотчинного текстильного производства, легший в основу изданной в 1934 г. книги «Ткацкие слободы и села XVII в.».

А. Л. Якобсон встретил свое 60-летие в полном расцвете творческих сил. Друзья и товарищи желают ему еще многих лет плодотворной работы и новых успехов и достижений.

М. А. Тиханова, Р. М. Джанполадян

Публикации

А. А. ЩЕПИНСКИЙ

О НЕОЛИТЕ И ЭНЕОЛИТЕ КРЫМА

В Крыму среди памятников первобытной археологии первое место по количеству занимают памятники эпохи неолита и энеолита.

К неолиту относятся пещерные и, в особенности, многочисленные открытые стоянки в горном, предгорном и степном Крыму. Погребения этого времени здесь не известны.

В изучении неолита особо следует отметить работу С. Н. Бибикова, впервые выделившего четкие признаки Крымского неолита [1], и Д. А. Крайнова, который, основываясь на материале Таш-Аира I, членит его на ранний и поздний этапы [2]. Вопросам периодизации неолита Крыма посвящены также работы А. А. Формозова [3] и Ю. Г. Колосова [4].

К сожалению, культурные слои некоторых многослойных памятников этого времени разделены незначительными стерильными прослойками, что вызывает известные трудности в их изучении [5] и не исключает случаев смешивания слоев и содержащегося в них материала [6], а следовательно, мешает выделению чистых комплексов. Поэтому в изучении неолитических культур Крыма остается ряд спорных и нерешенных проблем [7].

К энеолиту, как и большинство советских археологов, мы относим памятники древнеямной культуры III — самого начала II тысячелетия до н. э. [8]. В степном и предгорном Крыму эта культура представлена, главным образом, хорошо выраженными подкурганными погребениями [9]. Помимо типичного погребального обряда, характерного для раннего этапа этой культуры [10], они хорошо датируются типом горшков и кремневым инвентарем, в котором прочно сохраняются микролитические традиции — ножевидные пластинки, часто с микроретушью, миниатюрные концевые

---

[1] С. Н. Бибиков. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, IV, 1940, стр. 26—31.

[2] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I, как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, 1960, стр. 29, 31.

[3] А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА. 102, 1962, стр. 92—123.

[4] Ю. Г. Колосов. Дослідження пам'яток неолітичного часу на Керченському півострові. «Археологія», XIV, 1962, стор. 165.

[5] Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир..., стр. 10.

[6] Ю. Г. Колосов. Некоторые вопросы истории неолита Крыма. СА, 1963, 3, стр. 265; Д. А. Крайнов. Ук. соч., стр. 133; Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. II Междунар. конференции АИЧПЕ, V, Л.— М., 1934, стр. 165.

[7] Ю. Г. Колосов. Некоторые вопросы истории..., стр. 257—265; А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 97, 116—117.

[8] А. В. Арциховский. Основы археологии, М., 1954, стр. 68; Б. А. Шрамко. Древности Северного Донца. Харьков, 1962, стр. 74 и др.

[9] П. Н. Шульц, А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. КСИИМК, 71, 1958, стр. 62; А. А. Щепинский. Культ животных в погребениях эпохи бронзы в Крыму. КСИА, 9, 1960, стр. 69; его же. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму. СА, 1963, 3, стр. 44.

[10] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 12.

скребки на отщепах и пластинках, вкладыши и т. д. Не противоречат этой датировке и небольшие треугольные стрелки с выемкой в основании. Появляясь в памятниках III тысячелетия до н. э. в Крыму, на юге Украины [11], на Кавказе [12] и т. д., они продолжают существовать и в памятниках начала II тысячелетия до н. э. Наконец, энеолитический возраст древнеямных погребений Крыма хорошо подтверждается наличием при них медномышьяковых изделий [13]. Близкие по своему химическому составу изделия весьма типичны для энеолитических культур Закавказья, Северного Кавказа [14] и т. д.

К сожалению, достоверные стоянки древнеямной культуры в Крыму не известны, и она характеризуется здесь только погребениями. Кроме того, в горных и предгорных районах полуострова к энеолиту относятся наиболее ранние подкурганные погребения в деревянных и каменных ящиках, которые выделяются в особую кеми-обинскую культуру. Она хорошо представлена на этой территории стоянками и поселениями, расположенными на речных террасах и под скальными навесами [15].

В литературе вопросы о культурах энеолита и ранней бронзы Крыма почти не ставились.

При характеристике памятников неолита и энеолита Крыма основное внимание уделяется кремневому материалу, так как незначительная глубина залегания культурных слоев отрицательно сказывается на сохранности керамики, весьма не прочной для этого времени. Как правило, она или совсем не сохраняется, или попадает в руки археологов в очень плохом состоянии, что не позволяет установить форму и орнамент сосуда.

В связи со всем сказанным относительно неолита и энеолита Крыма известный интерес могут представлять «останцы» неперемешанного, довольно хорошо сохранившегося культурного слоя, исследованного нами под насыпями курганов. Контрольные шурфы показали, что здесь он представлен значительно полнее и лучше, чем на остальных участках древнего поселения. Раскопки этих памятников не только несколько дополняют и уточняют ранее выдвинутые периодизации Крымского неолита, но и позволяют поставить вопрос о выделении из числа неолитических памятников стоянки, относящиеся к энеолиту.

Стоянка «Курцы 1» располагается на западной окраине с. Украинка (бывш. Курцы) на небольшом всхолмлении в 100—120 *м* от правого берега ручья. Культурный слой выявлен при раскопках кургана высотой 1,7 *м* и диаметром 28 *м*. Под насыпью кургана находилось округлое в плане каменное сооружение высотой до 1,6 *м* и диаметром 9,5—10 *м*, сложенное из небольших рваных камней местного диорита и известняка (рис. 1, *1*). Под этим сооружением, на уровне древней поверхности, выявлены останки человеческого скелета, лежавшего головой на восток. В насыпи кургана вскрыты два впускных погребения со следами охры на костях. Одно из них, сильно разрушенное, обнаружено близ центра кургана, среди камней. Второе находилось в 6,5 *м* к северо-востоку от центра кургана. Погребенный лежал скорченно, на левом боку, головой на северо-восток

---

[11] А. А. Щепинский. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя. СА, XXVII, 1957, стр. 180, рис. 1; А. А. Формозов. Ук. соч., стр. 93, 100; О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення Київ, 1962, стор. 126, мал. 36.

[12] Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и Кавказская этническая общность. СА, 1964, 1, стр. 29, рис. 5, *8*.

[13] И. Р. Селимханов. К химической характеристике ножей, шильев и бусин из некоторых памятников лесостепной полосы Восточной Европы III—II тысячелетий до н. э. СА, 1962, 1, стр. 59—61.

[14] И. Р. Селимханов. К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа. СА, 1960, 2, стр. 89—102; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, 100, 1961, стр. 8.

[15] А. А. Щепинский. Памятники искусства..., стр. 38 сл.

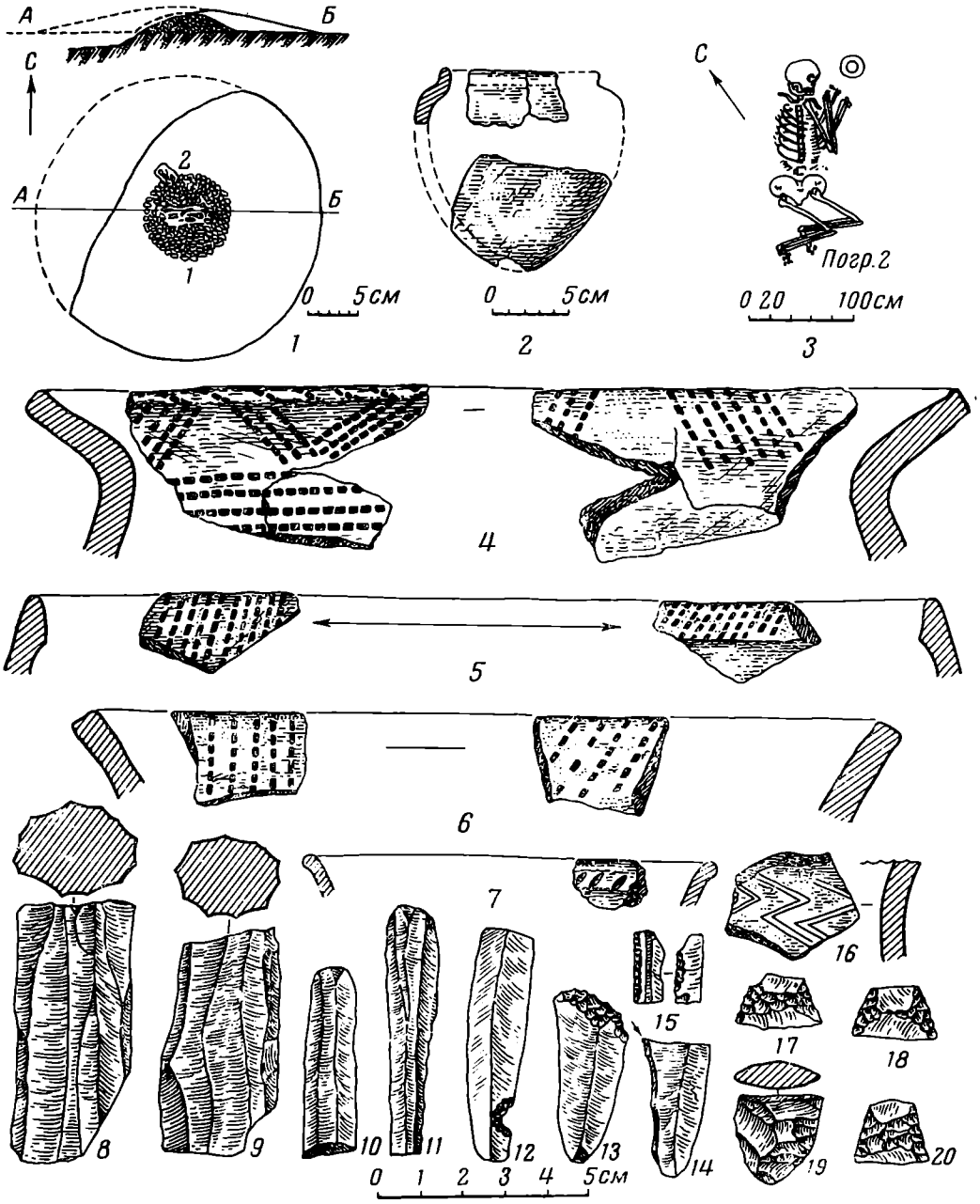


Рис. 1. Курган у с. Украинка и инвентарь стоянки Курцы I

(рис. 1, *3*). Около черепа стоял лепной круглодонный сосуд со следами гребенчатого заглаживания на внутренней и внешней сторонах (рис. 1, *2*).

Каменные сооружения, аналогичные основному погребению данного кургана, в Крыму встречались неоднократно [16]. Обряд погребения и сопровождающий инвентарь позволяют датировать их III — началом II тысячелетия до н. э. и связывать с кеми-обинской культурой [17]. В данном случае такую дату подтверждает и впускное погребение с горшком, ближайшие аналогии которому имеются в позднеямных погребениях курганов Симферопольского водохранилища (первая четверть II тысячелетия до н. э.) [18].

При снятии насыпи кургана выяснилось, что она перекрывает более древнюю стоянку. Для исследования последней был заложен небольшой

[16] ОАК за 1890 г., стр. 9; ОАК за 1895 г., стр. 15; П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира, стр. 53, 57, рис. 14.

[17] Краткая характеристика этой культуры дана в нашей статье: А. А. Щепинский. Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму, стр. 38—46.

[18] П. Н. Шульц, А. Д. Столяр. Ук. соч., стр. 54, рис. 13, *г*.

раскоп в 20 *м*. Культурный слой стоянки достигал 0,10—0,15 *м* толщины, он залегал на глубине 0,20 *м* от уровня древней поверхности, в слое серой, слегка карбонизированной почвы. На площади раскопа найдено: отходов и изделий из кремня 130, фрагментов лепных сосудов 100, небольших расколотых костей животных 125. Больше всего находок было в северо-восточной части раскопа. Судя по скоплению древесных угольков, где-то здесь находился очаг. Наибольший интерес представляют найденные около «очага» трапеция (рис. 1, *18*), массивный карандашевидный нуклеус (рис. 1, *8*), обломки орнаментированных сосудов (рис. 1, *4—6*), а также кремневый резец на ножевидной пластинке (рис. 1, *14*).

За пределами кургана культурный слой стоянки отсутствует. Учитывая, что некоторое количество инвентаря было встречено в насыпи кургана, допускаем, что для его сооружения частично был использован культурный слой стоянки. В материалах стоянки имеются конические (карандашевидной формы) нуклеусы с почти ровными площадками (5 экз.) и один массивный подцилиндрической формы (рис. 1, *8*, *9* и 2, *39*). Ножевидных пластинок (рис. 1, *10*, *11*) и обломков от них — 46. Шестнадцатью экземплярами представлены разнообразные ножевидные пластинки с подретушированными краями (рис. 1, *12*, *15*). Скребков и скребловидных орудий — 7, из них 3 — на концах ножевидных пластинок с прямым рабочим краем (рис. 2, *37*) и 1 с косым (рис. 1, *13*), 3 скребка на отщепах. Резцов 6, из них 3 — на углах ножевидных пластинок и 3 на отщепах (рис. 2, *36*). Геометрические орудия представлены тремя трапециями, из которых две с пологой ретушью, частично заходящей на спинку (рис. 1, *17*, *18*), и одна со струганой спинкой (рис. 1, *20*). Реберчатых сколов —3. Двусторонне обработанное орудие 1 — обломок кремневого дротика (рис. 1, *19*).

Керамика представлена многочисленными обломками лепных, тонкостенных, плохо обожженных сосудов серого или коричневато-серого цвета с хорошо заглаженной или подлощенной поверхностью. В глине содержится примесь мелко толченого известняка или ракушки, черепки очень рыхлые, в воде рассыпаются; этим, по-видимому, в значительной степени объясняется отсутствие или малочисленность их на стоянках. Среди собранных обломков — 14 с зубчатым орнаментом (рис. 1, *4—6*) и две с короткими продавленными полосками (рис. 1, *7*). Орнамент нанесен по верхней части сосуда — венчику и шейке. Иногда он заходит на срез венчика или даже на его внутреннюю сторону.

Несмотря на фрагментарность обломков, здесь хорошо выделяются два типа сосудов: первый с сильно отогнутыми наружу венчиком, образующим раструб диаметром 10—20 *см* (рис. 1, *4*, *6*, *7*), и второй — с почти прямым венчиком, диаметром до 22 *см*. В верхней части с внутренней стороны они несколько утолщаются (рис. 1, *5*).

Остатки стоянки выявлены и под насыпью кургана № 5, исследованного нами в 1962 г. в 0,5 *км* к юго-западу от с. Константиновки Симферопольского района. Стоянка находится на небольшом водоразделе в 150—200 *м* от ручья. На размытой поверхности грунта изредка попадаются кремневые отщепы и ножевидные пластинки; здесь же найден вкладыш кремневого серпа. Под насыпью кургана на уровне древней поверхности выявлены два больших каменных ящика кеми-обинской культуры со скорченными окрашенными костяками.

Аналогичные погребальные сооружения в курганах Крыма хорошо датируются концом III — первой половиной II тысячелетия до н. э.[19].

---

[19] Н. Романченко. Раскопки кургана в дер. Кояш Симферопольского уезда Таврической губернии. ИТУАК, 13, 1891, стр. 62—77; ОАК за 1896 г., стр. 159—169; ОАК за 1895 г., стр. 8—9; А. А. Щепинский. Памятники искусства..., стр. 39—41, рис. 2 и 3.

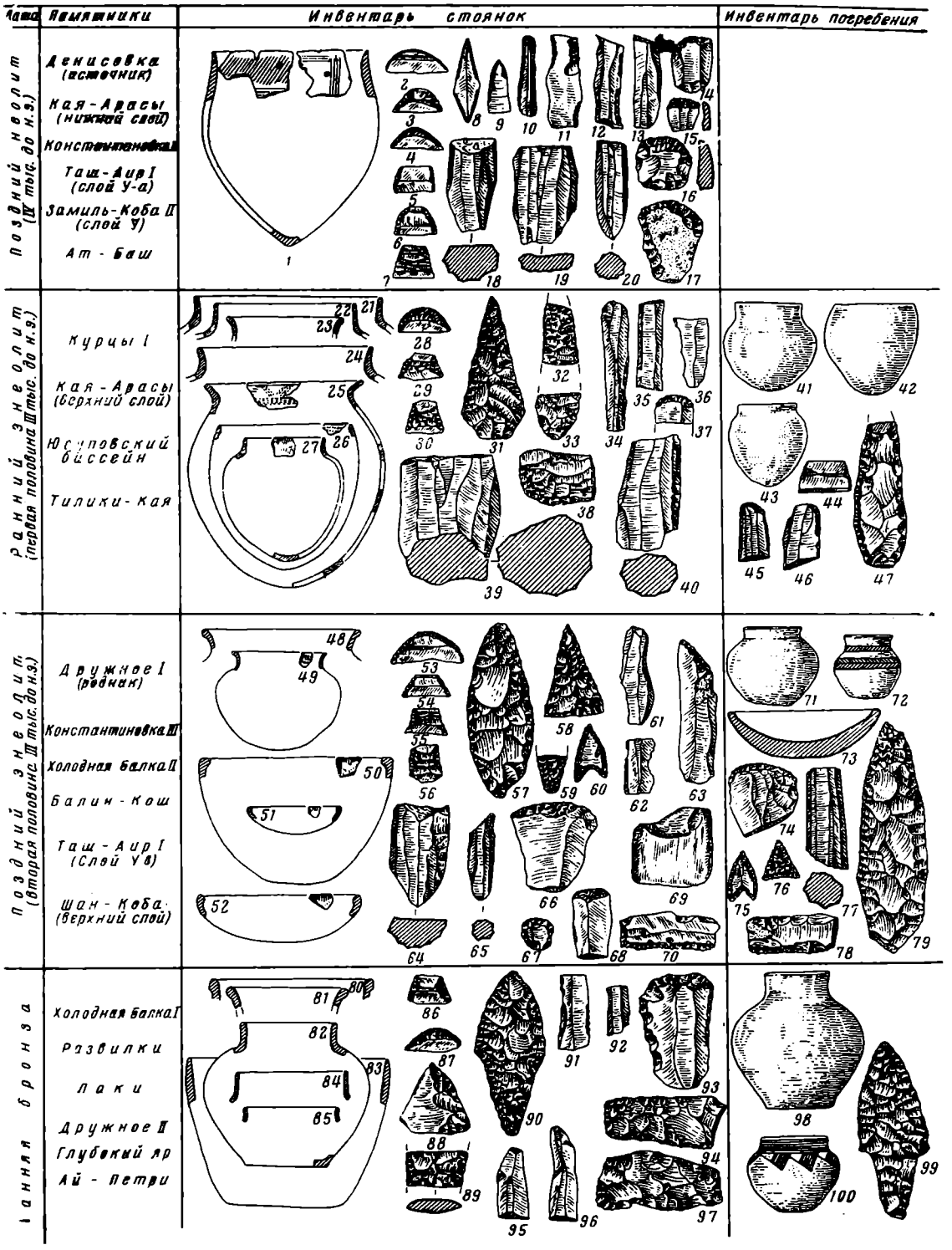


Рис. 2. Наиболее типичный инвентарь памятников неолита, энеолита и ранней бронзы Крыма

Культурный слой стоянки, сохранившийся под насыпью кургана, достигал 0,30 *м*; на остальной площади водораздела он полностью уничтожен.

Небольшой раскоп (10 $м^2$) показал, что археологический материал приурочен здесь к нижней части погребенного слоя. На вскрытой площади найден один уплощенный нуклеус (рис. 3, *2*), два нуклевидных кремня, две ножевидные пластинки и четыре отщепа (рис. 3, *5—7*). Керамика представлена 25 небольшими обломками лепных неорнаментированных сосудов со сглаженной или подлощенной поверхностью серого цвета. Собранные фрагменты очень хрупкие, легко размокают в воде. Среди них

имеются обломки больших лепных сосудов с венчиками, отогнутыми в виде раструба (рис. 3, *3, 4*), и сосуд типа неглубокой миски (рис. 3, *1*).

Значительная по площади и материалу стоянка обнаружена и в долине р. Малый Салгир у родника близ с. Дружное. На распаханном участке стоянки собран обильный кремневый инвентарь.

Доследование расположенного здесь полуразрушенного кургана высотой в 1 *м* и диаметром до 30 *м* показало, что культурный слой стоянки сохранился только под его насыпью. В кургане находилось впускное погребение кизил-кобинской культуры (VII — VI вв. до н. э.) и большой каменный ящик. Последний содержал очень плохо сохранившийся человеческий скелет и лепной горшок эпохи бронзы. Здесь же выявлено погребение в катакомбе; судя по вытянутому положению погребенного, наличию охры и южной ориентировке, захоронение можно датировать временем не позже середины II тысячелетия до н. э.

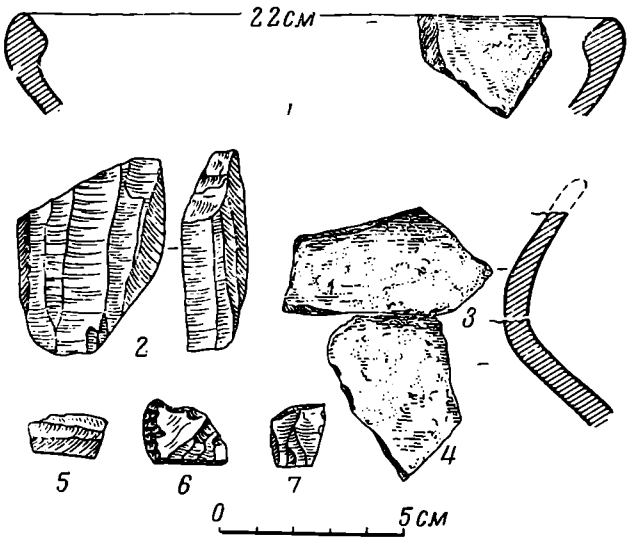


Рис. 3. Инвентарь стоянки Константиновка III

Раскоп общей площадью в 23 *м*^{2}, заложенный на месте снятого кургана, показал, что культурный слой стоянки находится на глубине 0,50—0,70 *м* от древней поверхности. Он приходится на нижнюю часть сильно карбонизированного подпочвенного слоя и, главным образом, на поверхность нижележащего гравийного слоя.

Материал из раскопа и материал, собранный на поверхности, совершенно аналогичны. В раскопе только значительно больше керамики, на отдельных квадратах собрано до 200 обломков. Такое скопление керамики наблюдалось в северо-западной части раскопа; здесь же помимо отходов кремня найдены два скребка на концах ножевидных пластинок (рис. 4, *24*), трапеция с ретушью, заходящей на спинку (рис. 2, *12*), а также кремневый наконечник стрелки с глубокой выемкой в основании (рис. 4, *18*). В восточной части раскопа, на светлом фоне гравия выявился небольшой ровик, образующий дугу длиной в 3,5 *м*, шириной 0,30—0,60 *м* и глубиной до 0,10—0,15 *м*. К западу от него прослеживался выброс. Всего на площади раскопа найдено около 200 кремневых изделий и около 500 обломков лепной керамики. Вся она принадлежит тонкостенным сосудам с хорошо заглаженной или подлощенной поверхностью серого или коричневато-серого цвета. Есть несколько обломков с круглыми двусторонними отверстиями (рис. 4, *3*), а также обломки сосудов с елочным орнаментом (рис. 4, *5—7*). Венчики сосудов высокие, прямые или несколько отогнутые наружу (рис. 4, *1—5*). Иногда они в верхней части утолщаются или имеют слабо выраженный воротничок.

Кроме керамики и кремневых изделий в материалах раскопа имеются 23 обломка костей животных.

Среди подъемного материала наблюдается совсем иное процентное соотношение кремня и керамики: на 1743 кремня приходится всего 116 невыразительных обломков керамики. Костей животных нет совсем.

В числе кремневого инвентаря этой стоянки: геометрических орудий — 14, из них сегментов с ретушью, заходящей на спинку,— 6 (рис. 4, *8, 9*), трапеций, с частично заходящей на спинку ретушью,— 2 (рис. 4, *10*), трапеций со струганой спинкой — 6 (рис. *3, 11*). Нуклеусы и обломки от

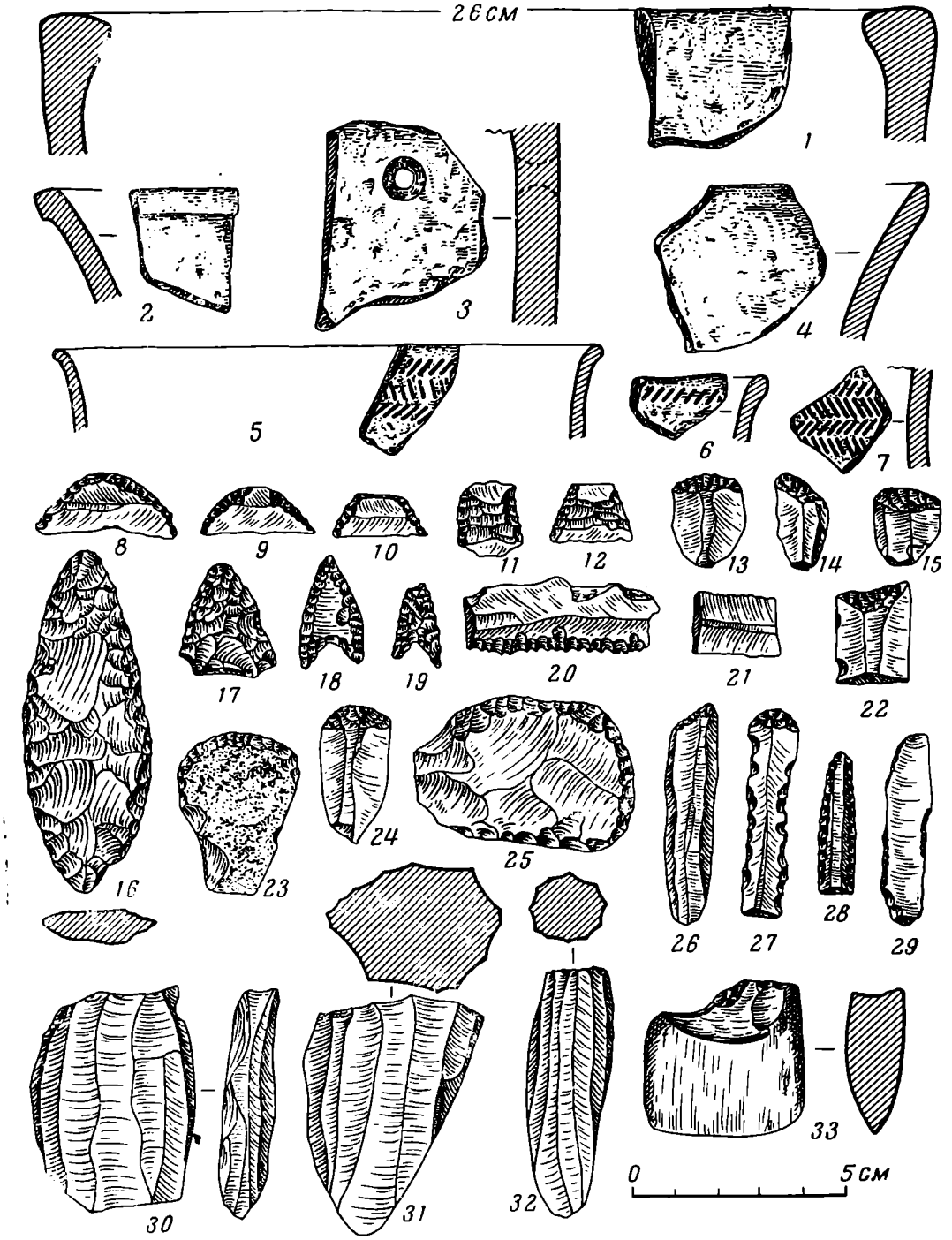


Рис. 4. Инвентарь стоянки Дружное I

них представлены 75 экземплярами, в том числе массивных, односторонних — 17 (рис. 2, *64*), плоских — 11 (рис. 4, *30*), подцилиндрической формы — 2 (рис. 4, *31*); конических односторонних — 2, карандашевидных — 3 (рис. 4, *32*). Ножевидных пластинок и обломков от них около 400: обрубленных с двух сторон ножевидных пластинок (вкладыши) — 120 (рис. 4, *21*), ножевидных пластинок с подретушированными краями, концами и прочих — 43 (рис. 4, *28, 29*). Резцы представлены двумя экземплярами; один на отщепе и один на ножевидной пластинке. Скребков 51, в том числе на конце ножевидных пластинок — 23 (рис. 4, *13, 15, 24, 27*), с косым рабочим краем — 8 (рис. 4, *26*), концевых на отщепе — 8 (рис. 4, *23*), овальных и полукруглых — 10 (рис. 4, *25*), округлых — 2. Из прочих находок отметим лавролистный двусторонне обработанный наконечник копья (рис. 4, *16*), обломок дротика, три наконечника стрел, два с глубо-

кой выемкой в основании (рис. 4, *19*) и один с прямым основанием (рис. 4, *17*) и серп с пильчатым рабочим краем (рис. 4, *20*). Особо следует отметить обломок каменного полированного теслица, очень редкого для Крыма (рис. 4, *33*). Подобрана также одна раковина устрицы.

В 1,5 *км* к северо-западу от Дружнинской стоянки, в излучине верховьев р. Малый Салгир, у источника близ с. Денисовки находится еще одна стоянка с микролитическим кремневым инвентарем. Большая ее часть распахана. Здесь собран большой подъемный материал. Наблюдались отдельные участки, наиболее насыщенные находками. Таких пятен размером 7—8 *м* насчитано пять, возможно, они отражают границы больших жилищ легкого типа. На стоянке было заложено несколько шурфов и раскоп размером 5 × 5 *м*. Общая вскрытая площадь равняется 30 $м^2$. Раскоп располагался у реки в том месте, где стоянка не распахивалась. Стратиграфия ее следующая: 1) дерновый слой 0,00—0,20 *м*, 2) почвенный слой 0,20—0,60 *м*, 3) подпочвенный слой 0,60—0,80 *м*, 4) светло-желтый суглинок 0,80—1,00 *м* и ниже. Культурный слой залегал на глубине от 0,50 до 0,70 *м* в нижней части почвенного слоя и, главным образом, в подпочвенном слое.

Материал, собранный на поверхности, в шурфах и раскопе, однороден и совершенно определенно свидетельствует об однослойности памятника, если не считать отдельных обломков стекла и гончарной керамики, найденных в дерновом слое. Однослойность памятника подтверждается и стратиграфией раскопа.

Всего на стоянке было собрано изделий из кремня и отходов от него $^{2206}/_{693}$ [20], мелких обломков лепной керамики — $^{109}/_{40}$. В числе кремневого инвентаря геометрических орудий $^{36}/_{22}$. Среди них сегментов с ретушью, почти перпендикулярной брюшку,— $^{2}/_{1}$ (рис. 5, *2*, *3*), сегментов с ретушью, заходящей на спинку, и с подработанной вершиной — 5 (рис. 5, *4*, *5*); трапеций с ретушью, почти строго перпендикулярной к брюшку,— 3 (рис. 5, *6*, *7*); трапеций с ретушью, частично заходящей на спинку,— $^{18}/_{11}$ (рис. 5, *8*, *9*), трапеций со струганой спинкой — $^{8}/_{5}$ (рис. 5, *10*, *11*).

Нуклеусы представлены 27 экземплярами, среди которых массивных односторонних — $^{18}/_{2}$ (рис. 5, *35*), подцилиндрической формы — 3 (рис. 5, *34*), плоских — $^{5}/_{2}$ (рис. 5, *37*), карандашевидных — 1 (рис. 5, *36*). Кроме того, имеются 9 обломков нуклеусов и столько же реберчатых сколов.

Скребков — $^{16}/_{8}$, из них концевых на ножевидных пластинках — $^{6}/_{5}$ (рис. 5, *26—28*, *31*, *32*), концевых на отщепах — 2 (рис. 5, *30*); полукруглой и овальной формы на отщепах — 6 (рис. 5, *33*). Один скребок на конце ножевидной пластинки с косым рабочим краем (рис. 5, *29*). Обрубленные с двух сторон пластинки-вкладыши представлены $^{225}/_{75}$ экземплярами (рис. 5, *12—14*). Ножевидных пластинок и обломков от них — $^{601}/_{173}$. Ножевидных пластинок с подретушированными краями, концами, выемками и т. д.— $^{30}/_{8}$ (рис. 5, *15—20*). Резцов — $^{7}/_{1}$; из них на углу ножевидных пластинок — $^{4}/_{1}$ (рис. 5, *21—23*), на отщепах 3. Найден 1 наконечник стрелы на толстой ножевидной пластинке (рис. 5, *24*). Отщепов собрано $^{450}/_{77}$, чешуек, осколков и мелких обломков кремня — $^{833}/_{280}$.

Обломков керамики найдено $^{109}/_{40}$ фрагментов. Это небольшие обломки стенок грубых лепных сосудов коричневато-серого цвета. В изломе они черные, довольно прочные, толщиной не менее 0,7 *см*. В глине примесь крупных зерен кварца или известняка. Орнаментированных фрагментов нет. Один обломок принадлежит нижней части остродонного сосуда (рис. 5, *1*).

Наличие в материале рассматриваемого памятника немногочисленных обломков лепных остродонных неорнаментированных сосудов, трапеций и сегментов с ретушью, частично заходящей на спинку, и, в особенности,

[20] Как здесь, так и в последующих местах текста цифра в знаменателе показывает, какое количество инвентаря из общей суммы происходит из раскопа.

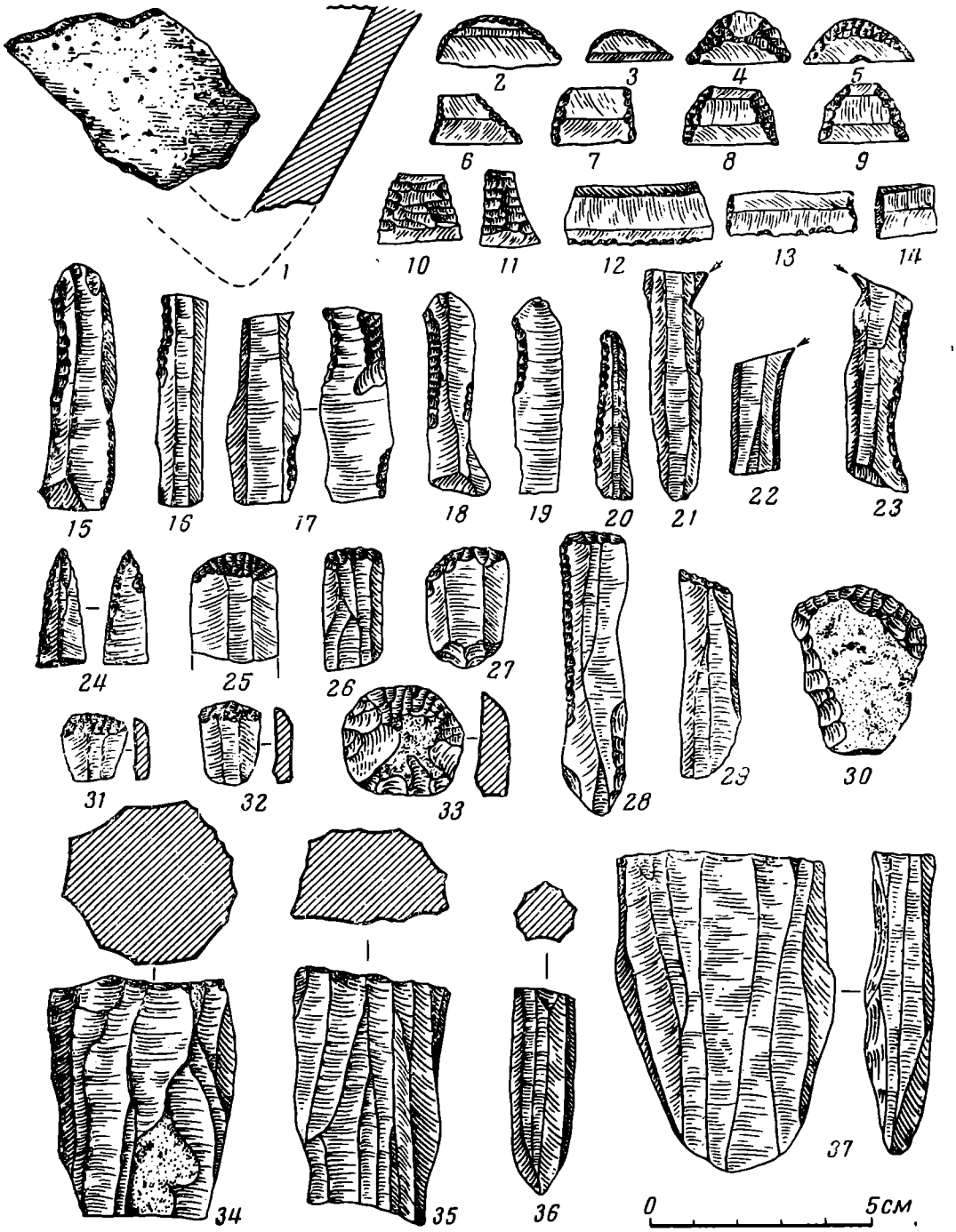


Рис. 5. Инвентарь стоянки у с. Денисовка

трапеций со струганой спинкой, а также односторонних, уплощенных и карандашевидных нуклеусов не вызывает сомнения в неолитическом возрасте этой стоянки. Присутствие же здесь единичных трапеций и сегментов с почти вертикальной по отношению к брюшку ретушью, которая характерна скорее для памятников предшествующего времени, свидетельствует об ее сравнительно ранней дате. На это же указывает наконечник стрелы на ножевидной пластинке, типичный для крымского мезолита. По данным Н. О. Бадера, листовидные наконечники стрел встречены в Фатьме-Кобе (5-й слой), в 3-м слое Шан-Кобы, в Сюрене II и в навесе Буран-Кая[21]. Мезолитический облик сохраняют здесь и массивные односторонние нуклеусы.

---

[21] Н. О. Бадер. О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа. СА, 1961, 4, стр. 19, табл. 1, 2.

В целом, ближайшими аналогиями нашей стоянки являются такие памятники, как нижний слой Кая-Арасы[22], Таш-Аир I (слой V-а), Замиль-Коба II (слой V)[23], Ат-Баш[24], Константиновка II и др. По периодизации Д. А. Крайнова, нашу стоянку, по-видимому, следует отнести к самому началу позднего этапа крымского неолита[25]. Датируется она в пределах IV тысячелетия до н. э.

Несколько иначе обстоит дело с первыми тремя стоянками, а именно Курцовской, Константиновской и Дружнинской.

Геометрические орудия на этих стоянках представлены трапециями и сегментами только с ретушью, заходящей на спинку, и трапециями со струганой спинкой. Геометрические орудия с вертикальной, по отношению к брюшку, ретушью здесь не встречены. Наряду с односторонними и плоскими нуклеусами здесь значительно больше, чем на стоянке у Денисовки, нуклеусов поддилиндрических, конических и карандашевидных. Нет наконечников стрел листовидной формы на ножевидных пластинках, но хорошо представлены двусторонне обработанные наконечники стрел, дротиков и копий. Имеется одно полированное теслице. Как уже отмечалось, здесь обильно представлена керамика. Характерно, что отсутствуют обломки остродонных или плоскодонных сосудов. Последнее обстоятельство дает нам основание предполагать, что основная масса сосудов имела здесь округлое дно (рис. 2, *21—27*).

Все это свидетельствует о более позднем, по сравнению со стоянкой близ Денисовки, возрасте Курцовского, Константиновского и Дружнинского комплексов.

Для датировки Курцовской стоянки большое значение имеют фрагменты сосудов с зубчатым орнаментом. В Крыму он появляется еще в эпоху позднего неолита (в слое V-а Таш-Аира I и, в особенности, во 2-м слое Таш-Аира II)[26]. но особенно большое распространение получает в энеолите (Симферопольская стоянка[27], стоянка в Ореанде и Яйлинская стоянка Тилки-Кая[28] и др.). На Симферопольской стоянке и на стоянке Алексеевская засуха[29] керамика с подобным орнаментом встречена вместе с керамикой, характерной для раннекатакомбной культуры. Широкое распространение получает зубчатый орнамент в энеолитической керамике Надпорожья и Приазовья.

Сосуды из Курцовской стоянки имеют хорошо выраженные отогнутые раструбом венички, чем отличаются от известной неолитической посуды Крыма (рис. 5, *1*, *4* и 2, *1*). Аналогии им находим в энеолитическом слое Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа[30]. К энеолиту, по-видимому, следует отнести и нашу стоянку. Не противоречат этому и наличие лощеной керамики, типичной для этого времени, в предгорном и горном Крыму, обломок двусторонне обработанного наконечника дротика и карандашевидные нуклеусы. Последние, как отмечает Д. А. Крайнов, особо широкое распространение получают в памятниках эпохи энеолита[31].

---

[22] А. А. Формозов. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа, стр. 112; его же. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 87.

[23] Д. А. Крайнов. Ук. соч., стр. 36—46, 98—104.

[24] Б. С. Жуков. Раскопки и обследования стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской яйле в июле 1927 г. «Крым», 2 (4), 1927, стр. 99—107.

[25] Д. А. Крайнов. Ук. соч., стр. 98.

[26] Д. А. Крайнов. Ук. соч., стр. 102.

[27] А. А. Щепинский. Раскопки многослойной стоянки в долине р. Салгир. КСИА, 7, 1957, стр. 18, рис. 12.

[28] А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 102, рис. 5, *4*.

[29] Ю. Г. Колосов. Разведки памятников неолита и бронзы в степном Крыму. КСИА, 6, 1956, стр. 25, табл. II, *5*.

[30] Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. Тр. Абхаз. ИЯЛИ, XXIX, Сухуми, 1958, табл. V, *2*.

[31] Д. А. Крайнов. Ук. соч., стр. 105.

Карандашевидный нуклеус, 3 отщепа и 5 ножевидных пластинок (одна с микроретушью по краю) были обнаружены Н. И. Репниковым в расписном каменном ящике одного из курганов Байдарской долины (рис. 6, *3*, *4*, *6*) [32]. Найденные здесь медный нож копьевидной формы и браслет позволяют датировать погребение III — началом II тысячелетия до н. э.

Аналогичный кремневый инвентарь неоднократно встречался и в других подкурганных погребениях этого времени (рис. 6 и 2, *41—47*).

Таким образом, Курцовскую стоянку на основании всего комплекса инвентаря следует отнести к раннему энеолиту. Она является дальнейшим развитием неолитических памятников типа нижний слой Кая-Арасы, Денисовка и т. д.

К памятникам, аналогичным Курцовской стоянке, мы относим Яйлинские стоянки, Юсуповский бассейн и Тиликикая, а в предгорном Крыму — верхний слой Кая-Арасы.

Приведем данные для датировок стоянок у сел Константиновка и Дружное. На первой из них материала собрано мало, однако он достаточно выразителен. Керамики здесь значительно больше, чем кремня, и она не типична для неолита. Найденные фрагменты неглубокой чашки (рис. 2, *52*) аналогичны сосуду из подкурганного погребения начала II тысячелетия до н. э. у с. Украинка (рис. 2, *73*). Об энеолитическом возрасте этого памятника свидетельствует и двусторонне обработанный вкладыш серпа на пластинке. Совершенно аналогичный вкладыш был найден в том же кургане у с. Украинка (рис. 2, *78*). В неолите Крыма подобные вкладыши не известны. Как отмечает Д. А. Крайнов, их функции в это время исполняют пластинки-вкладыши [33].

Более обильный материал дает Дружнинская стоянка. Здесь, наряду со значительным количеством керамики, представлены такие изделия из кремня, как двусторонне обработанные отжимной ретушью наконечники стрел, дротиков и копий, а также тесло и т. д. Сосуды, судя по обломкам, имели хорошо выраженные венчики, выпуклые бока и округлое дно (рис. 2, *48—52*). Их поверхность сглажена или подлощена. На некоторых обломках встречается орнамент из горизонтальной елочки. В Крыму ближайшие аналогии подобной керамике имеются в материалах энеолитического слоя Таш-Аира I [34], Балин-Коше [35], а также в инвентаре из наиболее ранних подкурганных каменных и деревянных ящиков (рис. 2, *72*) [36]. Они дают тонкостенную подлощенную керамику и кремневый материал микролитического облика (рис. 2, *1—13*). Здесь прежде всего следует назвать такие памятники кеми-обинской культуры, как деревянные ящики кургана Кеми-Оба (рис. 2, *5*, *10*), каменные ящики из курганов Симферопольского водохранилища (рис. 2, *1*, *8*, *9*), уже упоминавшийся расписной каменный ящик из Байдарской долины и др. (рис. 2, *2*, *7—13*). Большое значение для датировки Дружнинской стоянки имеют кремневые наконечники стрел подтреугольной формы с глубокой выемкой в основании, одна из них найдена в раскопе рядом с трапецией. Как известно, подобные наконечники стрел весьма типичны для памятников III — первой половины II тысячелетия до н. э. В Крыму, как и в других местах, они неоднократно отмечались в подкурганных погребениях ямной, кеми-обинской и катакомбной культур (рис. 2, *11*, *12*, *19*, *20*). Еще чаще они встречаются на поселениях этого времени. На Богатинском поселении близ Белогорска и Ярмурчинском у Симферополя [37] такие наконечники были найдены в

---

[32] Н. И. Репников. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. ИАК, 30, СПб., 1909, стр. 119—122.

[33] Д. А. Крайнов. Ук. соч., стр. 101—104.

[34] Д. А. Крайнов. Ук. соч., стр. 164, табл. L, *4*, *5*.

[35] А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 104.

[36] П. Н. Шульц, А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы..., стр. 55, рис. 13, *9*.

[37] А. А. Щепинский. Памятники неолита, бронзы и раннего железа..., стр. 180, рис. 1.

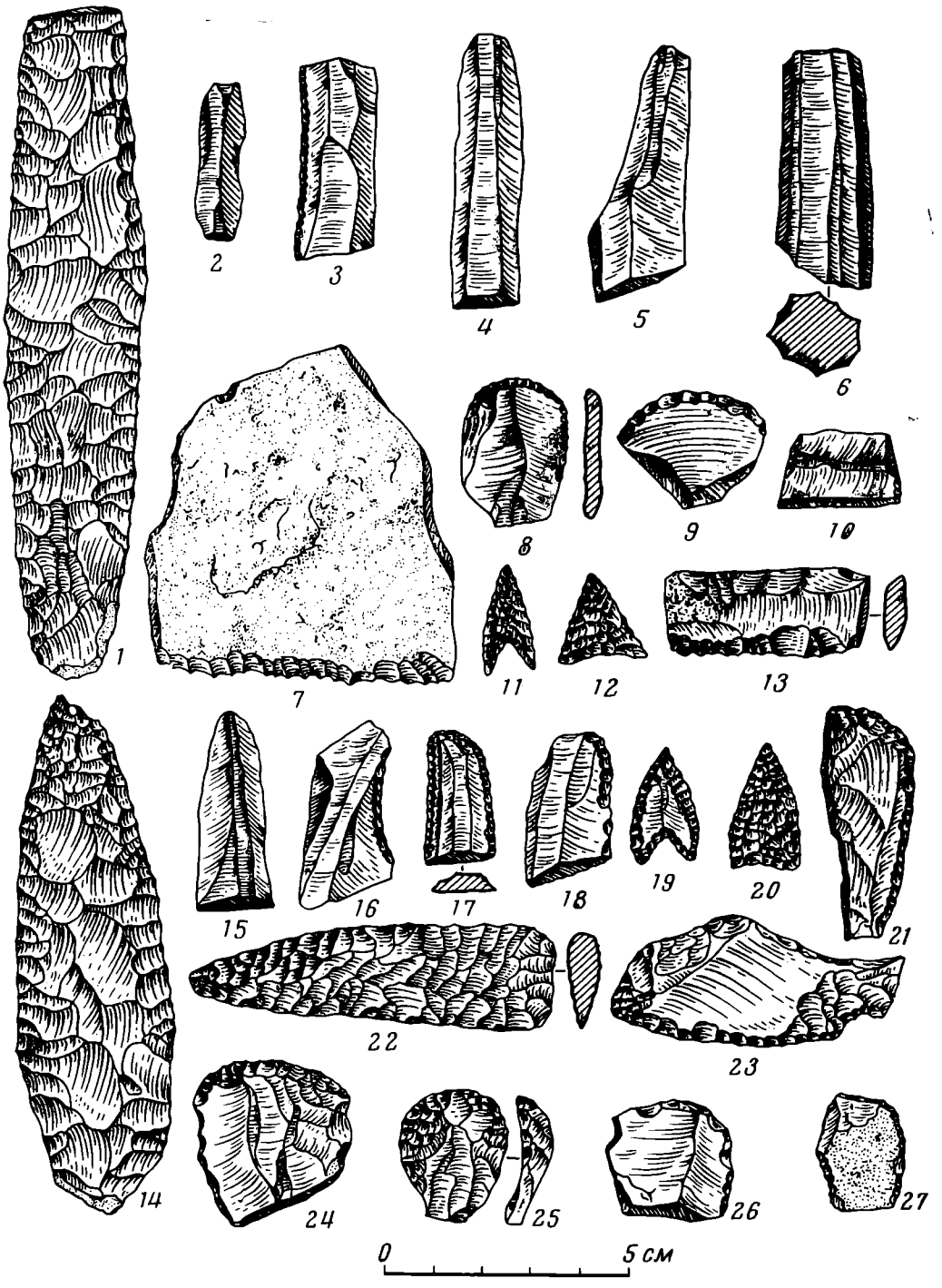


Рис. 6. Кремневый инвентарь погребений эпохи энеолита и ранней бронзы (древнеямная и кеми-обинская культуры)

комплексах апалогичных Дружнинской стоянке. К III — самому началу II тысячелетия до н. э. смело могут быть отнесены и остальные двусторонне обработанные орудия нашей стоянки, так как они весьма типичны для этого времени и в том числе для древнейших подкурганных погребений (рис. 2, *14—27*). К этой группе памятников следует отнести стоянку Холодная балка II (раскапывалась нами в 1961 г.), Богатинскую, Ярмурчинскую, Таш-Аира I слой Vd, и, по-видимому, верхний слой, с керамикой и наконечниками стрел, Шан-Кобы, Балин-Кош, Бешуйскую стоянку.

Все эти энеолитические памятники, вероятнее всего, датируются серединой и началом второй половины II тысячелетия до н. э.

Дальнейшее развитие энеолита Крыма прослеживается в таких памятниках эпохи ранней бронзы, как стоянка Холодная балка I близ Симферополя. Заложенный здесь в 1961 г. раскоп показал, что в культурном

слое преобладает лепная, в основном неорнаментированная керамика. Имеются обломки сосудов с плоским дном (рис. 2, *80—85*), поверхность горшков хорошо заглажена, но изредка попадаются фрагменты от сосудов со следами гребенчатой штриховки на внутренней стороне. По-видимому, здесь сказывается влияние степных культур юга Украины, в частности катакомбной.

Кремневый инвентарь этой стоянки беден, геометрические орудия единичны (рис. 2, *86, 87*), ножевидных пластинок мало, нуклеусы невыразительны. В большом количестве представлены отщепы, осколки и обломки кремня. Законченные кремневые орудия довольно крупные, с двусторонней обработкой. Часто попадаются наконечники дротиков (рис. 2, *88—90*) и вкладыши серпов (рис. 2, *94—97*).

Стоянки с аналогичным инвентарем были нами выявлены в предгорном и горном Крыму у сел Лаки, Глубокий яр, Дружное II, Доброе и т. д. К ним же, исходя из характеристики А. А. Формозова [38], следует отнести и Яйлинскую стоянку Ай-Петри, исследованную Б. С. Жуковым в 1928 г. Сюда же, по-видимому, следует включить наиболее позднюю группу подкурганных погребений позднеямной и кеми-обинской культур. Все они датируются самым концом III — первой половиной II тысячелетия до н. э. (рис. 2).

Раскопки остатков культурных слоев стоянок, хорошо сохранившиеся под насыпями курганов, дают возможность наметить пути развития послепеолитической культуры Крыма. Они наглядно показывают, что энеолит Крыма возникает непосредственно на базе неолитической, а возможно, и мезолитической культур. Здесь еще прочно сохраняются такие типичные неолитические формы кремневого инвентаря, как трапеции со струганой спинкой, сегменты и трапеции с ретушью, заходящей на спинку, всевозможные скребки, резцы, пластинки с ретушью, а также односторонние, плоские, конические и, в особенности, карандашевидные нуклеусы и т. д. Столь долгое бытование микролитических кремневых орудий, по-видимому, объясняется отдаленностью и известной изолированностью Крымского полуострова от района месторождения медных руд. Медные изделия в это время в Крыму являлись большой редкостью.

В энеолите микролитический кремневый инвентарь сопровождается весьма своеобразной и обильной керамикой и двусторонне обработанными кремневыми орудиями. Последние имеют аналогии в древнейших подкурганных погребениях, которые нередко сопровождаются очень ранними металлическими изделиями. Керамика этого времени очень хрупкая.

Достаточно было подобрать на такой стоянке с микролитическим кремневым инвентарем несколько геометрических изделий, как она безоговорочно считалась неолитической. Неоднократно же отмечавшиеся случаи совместного нахождения материалов, типичных для неолита и энеолита или бронзы, обычно объяснялись перемещенностью двух разновременных культурных слоев, что вызывало недоверие к этим памятникам.

Не исключено, что при тщательном просмотре собранного материала, его критическом анализе и дополнительных сборах окажется, что часть «неолитических» стоянок Крыма в действительности является энеолитическими или даже времени ранней бронзы. Возможно, этим и объясняется то, что в Крыму, где известно не менее 150 «неолитических» поселений, нет ни одного неолитического погребения и, наоборот, при наличии более 200 подкурганных энеолитических погребений здесь нельзя назвать достоверных поселений этого времени. Это тем более странно, что среди памятников палеолита и мезолита Крыма, которых значительно меньше, известны и поселения и погребения. То же отмечается и для эпохи бронзы, где соотношение погребений и поселений примерно равно.

Вряд ли причина только в том, что неолитические погребения и энеолитические поселения еще не обнаружены археологами.

[38] А. А. Формозов. Неолит Крыма..., стр. 103.

Ю. А. САВВАТЕЕВ

ПЕТРОГЛИФЫ НОВОЙ ЗАЛАВРУГИ

В 1964 г. поиски наскальных изображений на Залавруге возобновились [1]. С этой целью были продолжены раскопки стоянки Залавруга I, снимался подстилающий слой в старом раскопе, расчищались скалистые уступы на дне карьера. Обнажались скалы и за пределами поселения, в частности прибрежный склон протоки, покрытый более поздними пойменными отложениями (рис. 1) [2]. И повсюду появлялись новые группы петроглифов. Пять из них (X—XIV) найдены на прибрежном склоне, у границы с открытой частью скалы, обрамляющей протоку. VI группа выявлена при раскопках восточного угла стоянки, довольно далеко от современного берега. Эти находки значительно увеличили перспективную на петроглифы площадь и показали необходимость сплошной расчистки скалистого массива Залавруги. Она началась на следующий год и велась в двух направлениях от раскопа: в сторону Старой Залавруги и в противоположном, юго-восточном направлении.

Новую Залавругу от Старой в прибрежной части отделяла широкая ложбина, покрытая толстым слоем пылевидного глинистого песка (скрывающего большую впадину, заполненную мореной). Выше тянулась почти плоская, постепенно сужающаяся скала с сильно разрушенной бугристой поверхностью, прикрытая дерновым слоем. Лишь местами, особенно в складках скалы, под ним встречался слой серого песка с единичными осколками кварца и чешуйками кремня. И здесь, на подступах к Старой Залавруге, всего в 12—13 *м* от нее, встретились два скопления, XV и XVI (одно в прибрежной, а другое в верхней, возвышенной части). Но основная часть петроглифов была найдена под юго-восточной окраинной стоянки, в районе VI группы (XVIII—XXII).

Всего в 1963—1965 гг. на Залавруге удалось выявить 22 группы рисунков (около 900 фигур). С юга на север, вдоль протоки, они тянутся на протяжении 85 *м*, с запада на восток, от берега — на 60 *м*. Каждая из групп отстоит друг от друга на расстоянии от 3 до 30 *м* и имеет некоторые отличия по числу рисунков и их сохранности, занятой ими площади, тематике, стилю и мастерству исполнения (рис. 2).

Описание новых петроглифов удобнее начать со скоплений прибрежного склона (правда, при таком «экскурсионном» описании будет нарушена цифровая последовательность групп) (табл. 1).

X группа. Входящие в нее рисунки разместились узкой полосой вдоль края первого от берега уступа в южном углу Залавруги, где берег особенно крутой. Лишь присмотревшись, можно заметить на фоне светло-серой скалы расплывчатые белесые фигуры, в основном лодки. В центральной части полотна от края уступа вниз по склону тянется вереница фигур:

[1] Ю. А. Савватеев. О новых петроглифах Карелии. СА, 1967, 2.

[2] Пылевидный песок, резко отличный и по структуре, и по цвету от песка, покрывающего более высокие участки скал. По-видимому, он отложился уже в период существования поселения, когда протока была спокойной и полноводной.

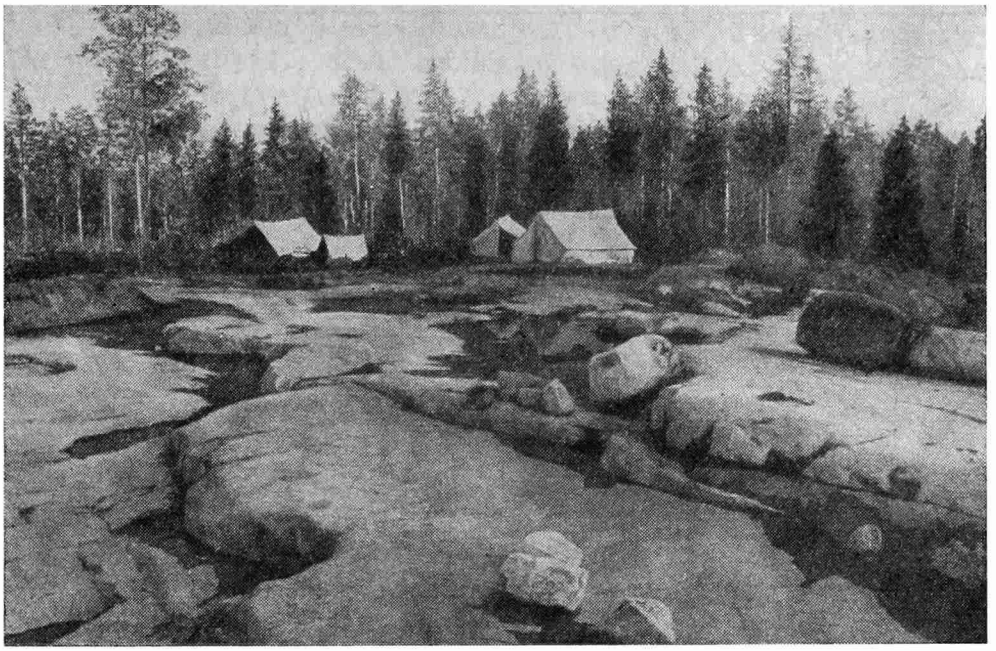


Рис. 1. Залаврyга после раскопок

два человека, обращенных лицом друг к другу, а под ногами у них три пары лодок с гребцами (две пары плывут в сторону протоки, а третья движется им навстречу). Из одной лодки загарпунили белуху. Рядом помещена еще одна сцена морской охоты.

XI группа. Она находится в 5 *м* к северо-западу, южнее крупных валунов. К сожалению, и здесь фактура скалы не плотная, рисунки «расплылись», стали плохо заметны. Легче читается нижняя часть полотна, где

Таблица 1

Краткая характеристика открытых в 1964—1965 гг. групп петроглифов

Номера групп	Количество		Сохранность	Площадь, занятая рисунками, $м^2$	Высота над уровнем моря, *м*
	фигур	композиций			
VI	32	3	Хорошая	12	16,43
VII	8	3	»	0,6	16,44—16,49
VIII	71	5	Плохая	35	15,79—15,89
IX	31	3	»	6	16,76
X	32	5	»	6,7	15,92—16 37
XI	57	3	»	30	15,74—16,28
XII	56	3	Хорошая	7	15,01—15,24
XIII	42	2	Плохая	16,5	15,25—15,65
XIV	44	3	Хорошая	13	15,26
XV	44	2	Плохая	15	15,05—15,28
XVI	21	2	Хорошая	1,2	15,24
XVII	66	2	»	12	15,96—16,25
XVIII	16	—	»	1,5	16,45—16,51
XIX	5	1	»	0,3	16,42—16,50
XX	66	5	»	31,5	16,60—16,75
XXI	16	1	»	4	16,69
XXII	25	2	»	10	16,66—16,72

имеется редкий для наскального искусства сюжет — отряд из 13 человек (рис. 3). Пять человек идут в голове его, держа короткие «шесты» с утолщением на верхнем конце. Через интервал, в котором показан лишь один человек, движется другая группа из семи человек. Руки у них вытянуты вперед, не заняты, и только двое замыкающих шествие держат «шесты».

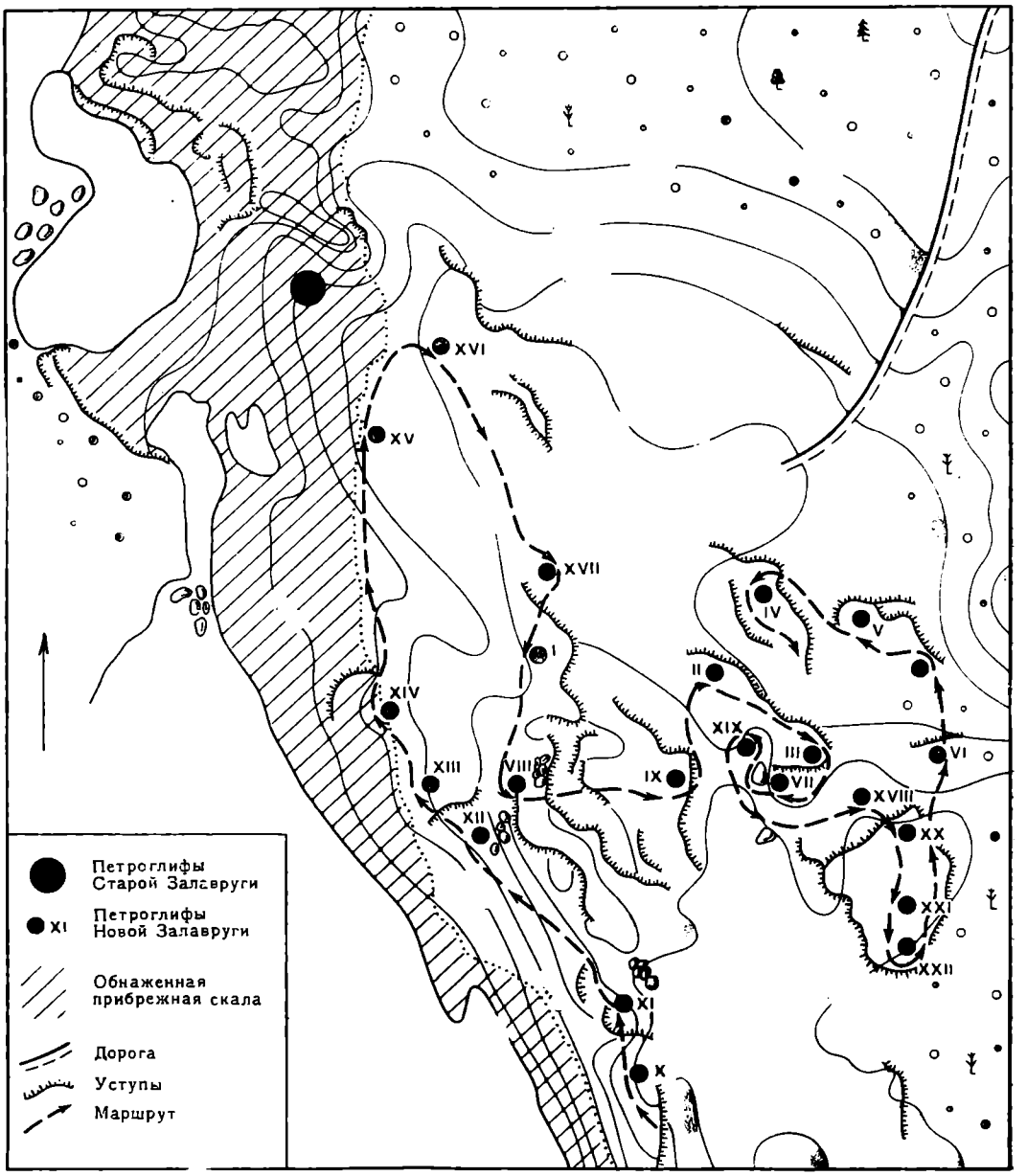


Рис. 2. План Залавруги

Крайний из них касается ногой гребца, стоящего на корме большой лодки, экипаж которой состоит из четырех человек, показанных во весь рост. Чуть выше отряда можно разглядеть две фигуры, напоминающие птиц, и три идущих друг за другом медведя, обращенных к отряду спиной. По-видимому, все эти рисунки имеют композиционную связь и представляют собою сложную многофигурную сцену, рассказывающую о каком-то «военном» или промысловом походе.

Выше по скале, вплоть до валунов, выбито много лодок, разных по величине и очертаниям. В их числе две «каркасных». Одну из них как будто «переносят» два человека. Выделяются полуразрушенные лодки больших размеров.

XII группа[3]. Далее прибрежная скала постепенно расширяется и становится все более пологой. Через 16 *м*, у нового скопления крупных валунов, на покатом склоне имеется довольно компактная группа изображений. Сохранность их неплохая, но на сероватого цвета скале рисунки слабо заметны. Композиционно они четко делятся на две части: верхнюю

[3] Ю. А. Савватеев. Некоторые вопросы изучения наскальных изображений Карелии. Сб. «Новые памятники истории древней Карелии». М.— Л., 1966, стр. 91. рис. 11 (копия).

и нижнюю. Снизу полотно обрамляет полукруг из 15 небольших кружочков. Внутри полукруга — семь мужских фигур. Похоже, что все они — участники загонной охоты на стадо оленей, показанных выше идущими друг за другом. Над одним из оленей выбита лодка с тремя гребцами.

Центральное изображение верхней части (возможно, и всей группы) — крупная, мастерски выбитая семга. В ней можно видеть эмблему рода (рис. 4). По левую сторону от нее рисунки сохранились очень плохо. С трудом удается рассмотреть лишь пешего человека, соединенного с лодкой, еще одну лодку, соприкасающуюся с непонятным предметом, и не-

Рис. 3. Отряд (XI группа петроглифов)

сколько одиночных изображений. Но правая сторона уцелела, она состоит из нескольких одиночных фигур, примыкающих к семге (лосенок, две широкие полоски, человек, как будто стреляющий из лука, несколько лодок), и необычной сцены, включающей три странные, соприкасающиеся друг с другом человеческие фигуры, преследующие четвертую. Идущий впереди (от него отходит огромный выступ, соединенный с необычным корзинообразным предметом) стреляет в убегающего из лука. Этот человечек, пораженный уже двумя стрелами, касается рукой корзинообразного предмета, аналогично предыдущему, но соединенного еще и с лосем. Ниже лося вытянулись четыре изображения четырехугольной формы. Композиционная связь всех перечисленных фигур очевидна.

Похоже, что перед нами графическое воспроизведение легенды или мифа о похищении необычного промыслового орудия и о наказании преступника. Сюжет о добывании — похищении тех или иных культурных благ широко представлен в фольклоре северных народов. Вспомним хотя бы цикл рун карело-финского эпоса «Калевала» [1] о похищении Сампо. Подобные сцены особенно ярко свидетельствуют, что за рисунками скрывается куда более интересное содержание, чем натуралистическое воспроизведение отдельных сцен охотничьей жизни для магических надобностей.

VIII группа. Чуть выше, на первом от берега скалистом уступе разместились рисунки VIII группы, тоже тяготеющие к скоплению крупных валунов. Они почти сливаются с фоном светло-серой, неровной скалы. Внимание привлекает белуха, загарпуненная с пяти-шести многовесельных лодок (рис. 5). Рядом с нею имеется несколько одиночных фигур: лосенок, два гуся и др. Ниже выбиты символические фигуры — два копья, нацеленных в сторону реки и наделенных, видимо, сверхъестественными свойствами. Правее можно рассмотреть двух человек, трех

[1] Е. М. Мельтинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963, стр. 121—124.

медведей, идущих друг за другом, «пляшущего» человечка, большую лодку и непонятную, сложную фигуру над нею.

Выше по склону имеется много одиночных изображений лодок и полуразрушенных фигур (отряд лыжников, лось и др.).

XIII группа (рис. 6) находится за невысоким уступом в 2 *м* от XII группы. Поверхность скалы становится здесь почти горизонтальной. Верхняя часть полотна светлая, сплошь покрыта выбоинами и шрамами. На ней удалось рассмотреть лишь отдельные фрагменты изображений. Ос-

Рис. 4. XII группа петроглифов Новой Залавруги

новная часть рисунков сосредоточена внизу, на границе с открытой темной скалой, но и здесь они почти не заметны, так как сливаются с фоном скалы. В центре скопления — сцена промысла белух с участием большого числа лодок. Неподалеку показан пеший человек с длинным шестом на плече, три стилизованные человеческие фигурки и редкое для первобытного искусства изображение дерева.

Далее тянутся одиночные фигуры (белуха, олень, люди и др.), за которыми начинается следующее скопление рисунков, частично заходящее на открытую, почти черную скалу.

XIV группа (рис. 7—8). В ней большинство фигур объединены в композиции. Вот стадо разбегающихся оленей (к двум из них тянутся цепочки следов). Сбоку показан виновник смятения животных — миниатюрный человечек с вытянутой рукой. Немного севернее выбита сцена, повествующая об охоте на медведя, с участием нескольких человек. Один из них поразил медведя стрелами, другой колет его копьем. Еще две миниатюрных человеческих фигурки показаны перед мордой зверя, но они не вооружены. За зверем тянутся три пары медвежьих следов. Такая детализация композиций еще больше подчеркивает их повествовательный характер.

Несколько почти незаметных одиночных лодок и небольших сцен морского промысла удалось рассмотреть на открытой скале.

XV группа (рис. 9). Она разместилась на том же выступе прибрежной скалы, что и петроглифы Старой Залавруги, справа от них. Пожалуй, самое необычное в ней — трехметровая извилистая линия, шириной в 2,5—3,5 *см*, спускающаяся по склону. Вдоль нее по обеим сторонам тянутся лодки, встречаются люди, а в нижней части к ней подходит и цепочка человеческих следов. Линию можно принять за условное обозначение речного пути («топографический» знак). Любопытна и другая композиция, в которой в одинаковых позах, почти вплотную, лицами друг к другу, изображены две похожие, по-видимому, женские фигурки, соединенные линией. Над ними показаны три идущие друг за другом олененка. Выделяются три одиночные фигуры: лодка с округлым корпусом и великолепные по мастерству исполнения лось и олень (стилистически переходные к изображениям в Старой Залавруге).

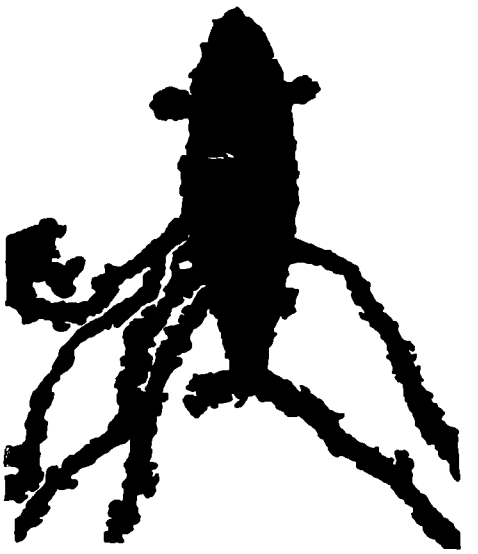


Рис. 5. Загарпуненная белуха (VIII группа петроглифов

Пока мы двигались вдоль берега протоки. Тяготение фигур к урезу воды — характерная особенность размещения карельских петроглифов. Но на Залавруге они довольно далеко отходят от берега.

XVI группа (рис. 10). Она расположена в 13 *м* северо-восточнее предыдущей группы, на дне неглубокой ложбинки, где среди совершенно выветрившихся, неровных скал уцелел очень небольшой кусочек гладкой скальной поверхности. В центре крошечного полотна в окружении одиночных фигур выбита лодка с гребцами, которую снизу поддерживают три человека. В этой сцене можно видеть графическое воспроизведение культового обряда с использованием лодки или мифологический сюжет, повествующий о путешествии душ умерших.

XVII группа (рис. 11, 12). Она найдена рядом с известной уже I групной рисунков, в 6 *м* севернее, на светло-серой скале, то совершенно гладкой, то шероховатой. Здесь преобладают одиночные изображения: великолепная лодка с 12 гребцами, лыжник, как бы падающий на спину, гусь, пораженный стрелой, олененок, две короткие извилистые линии (змеи?), контурный полуовал и др. Композиции представляют два отряда, идущих плотным строем и показанных один над другим. В каждом насчитывается не менее десяти человек (к сожалению, фигуры полуразрушены).

IX группа расположена на верхнем уступе, образующем плоскую вершину, «крышу» Залавруги, примерно в 20 *м* к юго-востоку от рисунков I группы. В ней привлекает внимание большая лодка, от которой сохранилась лишь кормовая часть с тремя гребцами. По-видимому, это была центральная фигура композиции, в которую входили и люди, показанные выше и соприкасающиеся с гребцами, а также две маленькие лодочки за ее кормой. Далее, вдоль края уступа выбито несколько лодок, медведь, пораженный копьем (фрагмент не сохранившейся сцены), непонятные знаки и, наконец, белуха, загарпуненная с нескольких лодок.

VII и XIX группы находятся немного выше III группы по обеим сторонам от плоской гранитной плиты. VII группа состоит из трех небольших похожих композиций (загарпуненная с лодки белуха, а рядом — изолированное изображение лодочки) [5]. В XIX группе имеется очень ред-

[5] Ю. А. Савватеев. Некоторые вопросы изучения..., стр. 90, рис. 10.

Рис. 6. XIII группа петроглифов Новой Залавруги

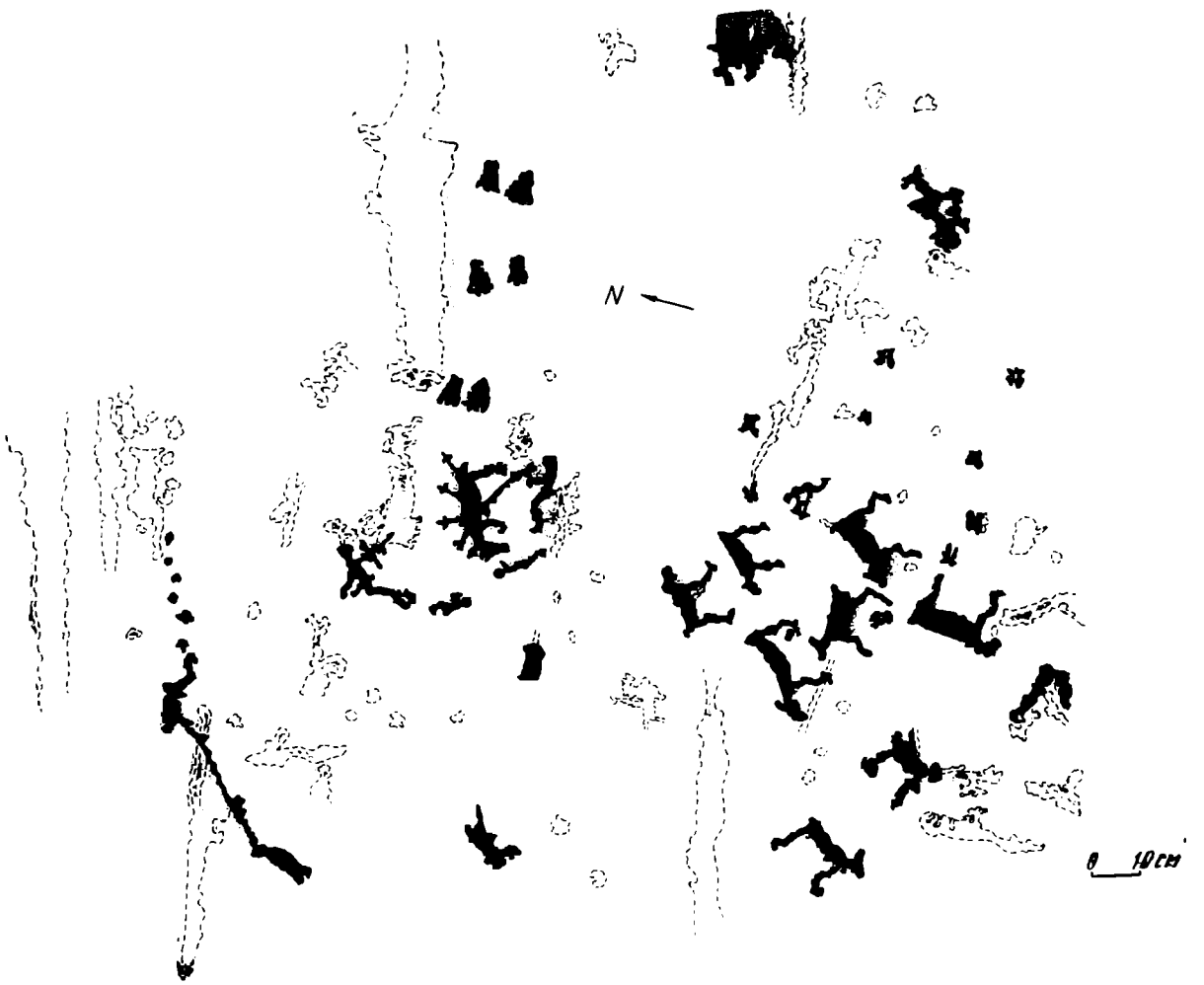


Рис. 7. XIV группа петроглифов Новой Залавруги

Рис. 8. Разбегающиеся олени. Фото (XIV группа петроглифов)

кая для наскального искусства Карелии сцена рыбной ловли (семга, загарпуненная с лодки). Поодаль выбиты две одиночные лодки. На поверхности гранитной плиты, лежащей на следующем уступе, высечена еще одна лодка.

XVIII группа. Входящие в нее фигуры выбиты правее VII группы, на самом краю того же уступа. Они отличаются более глубоким, чем обычно, рельефом и хорошо заметны на фоне коричневатой скалы. Преобладают здесь изображения лодок с гребцами, один раз показан лось. Существует ли между рисунками какая-нибудь смысловая связь, неизвестно. Но по стилю и по технике исполнения в них можно видеть одновременный комплекс (рис. 13).

XX группа (рис. 14). Рядом, в 5 *м* юго-восточнее, находится широкий, вытянутый с севера на юг и сужающийся в этом направлении уступ с высоким, отвесным краем. По нему одна за другой на протяжении 15 *м* тянутся три группы рисунков. XX группа начинается в северной части уступа, где скала окрашена в розовато-охристый цвет (не исключено, что ее раскрасили творцы рисунков). Фигуры вытянулись неширокой, семиметровой полосой, но не вдоль края уступа, как обычно, а почти перпендикулярно ему, на всю его ширину.

У кромки уступа (верхняя часть скопления) высечены пять человеческих фигур. Двое как будто в поединке, третий бьет из лука птицу. За его спиной — небольшая лодочка с двумя непропорционально большими гребцами, показанными во весь рост (один из них с луком). У четвертого человека в руках «шест», у пятого — лук. Возможно, все эти рисунки входят в одну композицию. Ниже — хорошо сохранившееся изображение дерева с птицей, пораженной стрелой. С двух сторон показаны охотники, ведущие «перекрестную» стрельбу из луков. Оба находятся на уровне вершины дерева (один — вверх ногами по отношению к ней).

За полосой нетронутой скалы рисунки размещены особенно густо: тут и лодки, плывущие в разных направлениях, и две очень похожие сцены преследования оленей, две птицы, «бородатый» охотник, убивающий птицу. На голове одной из птиц — скорченная фигурка человека, от руки которого тянется линия. Снизу эти рисунки как бы обрамляют семь лодок, олень и человек с шестом в руке.

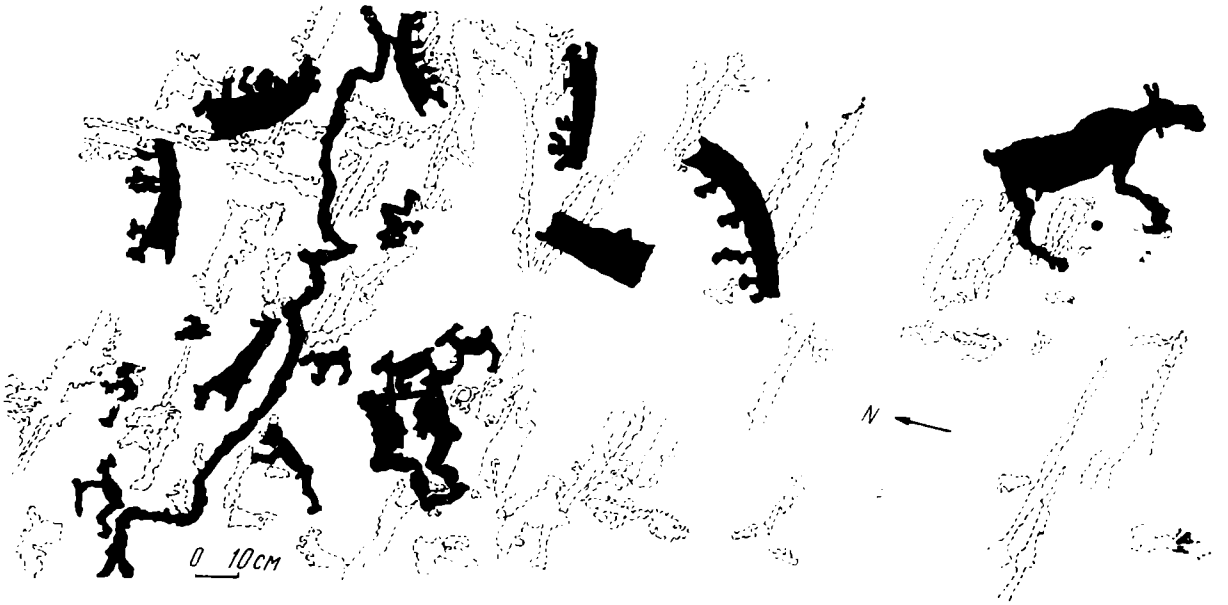


Рис. 9. XV группа петроглифов Новой Залавруги

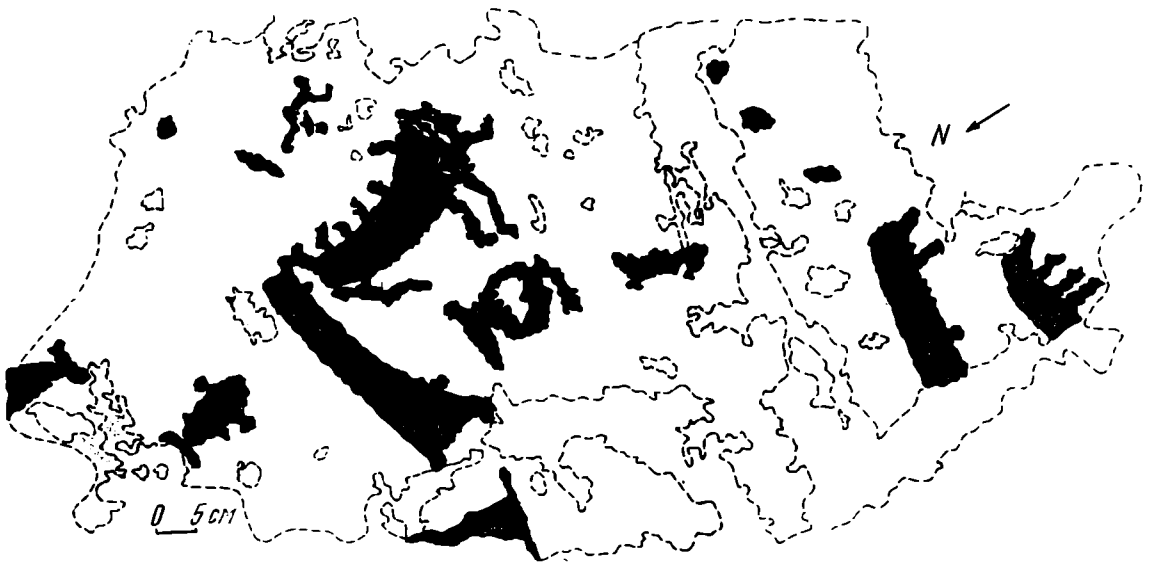


Рис. 10. XVI группа петроглифов Новой Залавруги

В основании всей группы — необычная сцена: от гребца, стоящего на носу лодки, тянется длинная (220 *см*) линия, примыкающая к морскому зверю. Вдоль нее плывет несколько лодок. По-видимому, это ремень гарпуна. Если художник выдержал пропорции, то ремень примерно в семь раз длиннее лодки.

XXI группа (рис. 15). В 3—4 *м* к югу, за малопонятными одиночными фигурками находится небольшое компактное скопление петроглифов хорошей сохранности. Основная часть их объединена в оригинальную сцену морского промысла. Вокруг нее тянутся одиночные фигуры: лодочка с двумя гребцами, показанными во весь рост, лось (?), пара птиц, лодка без гребцов и изогнутая на конце линия.

XXII группа (рис. 16). Еще в 2 *м* южнее, где уступ как бы выклинивается, имеется новое, несколько большее по числу фигур и занятой площади скопление. Поверхность скалы здесь также очень гладкая, рисунки сохранились отлично. Почти половина из них — одиночные лодки (стилистически выделяется одна из них — контурная). Бесспорных композиций две: в одной — белуха, загарпуненная с трех лодок, а в другой — че-

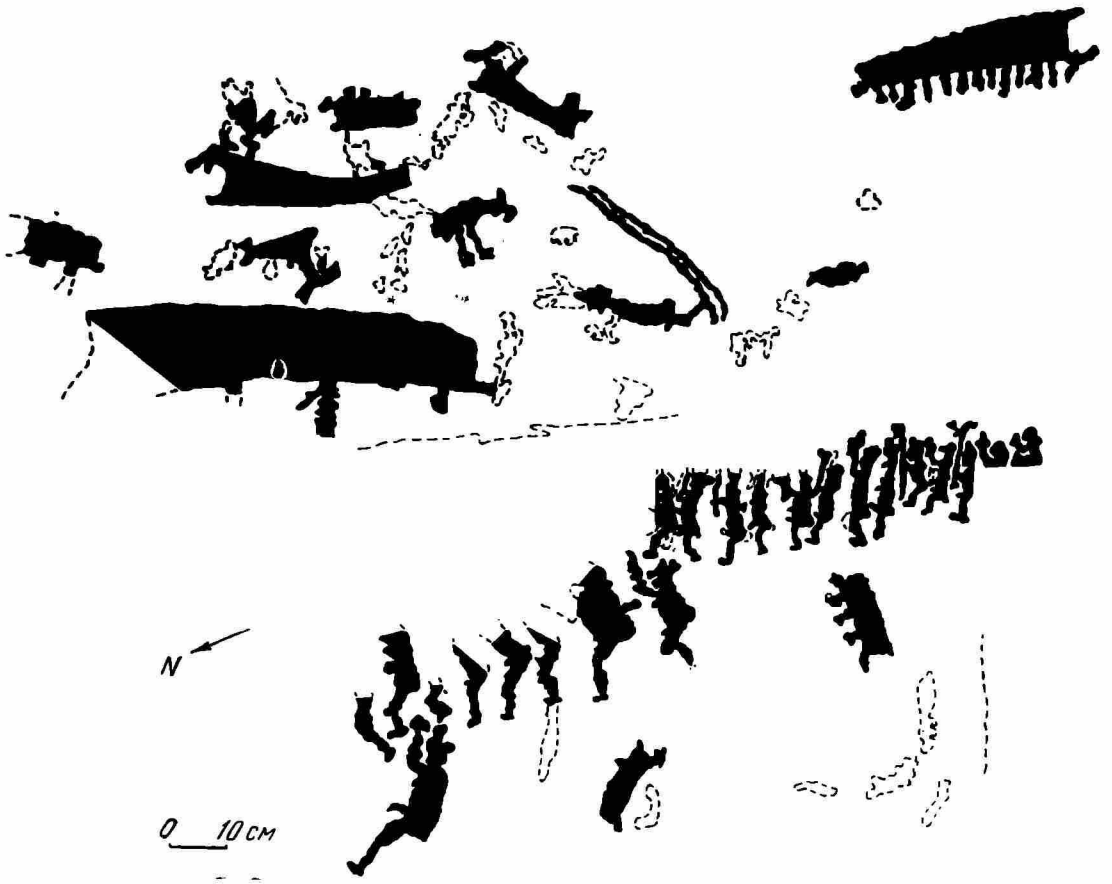


Рис. 11. XVII группа петроглифов Новой Залавруги

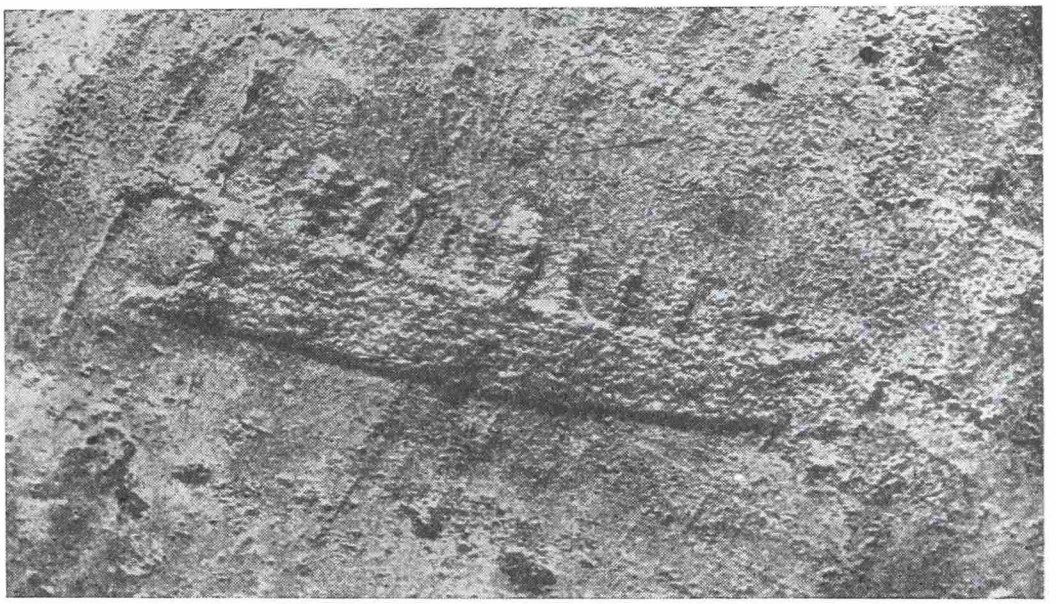


Рис. 12. Лодка с 12 гребцами. Фото (XVII группа)

ловек (замаскированный под зверя), колющий медведя рогатиной или копьем (рис. 16).

VI группа (рис. 17). С высокого северного угла уступа видны белесые пятна рисунков VI группы, расположенной в 3 *м* к северо-востоку. Они разместились довольно свободно тремя небольшими скоплениями. Самое крупное из них — сцена охоты на гусей (скорее всего в период их линьки). Стаю птиц бьют с лодки из лука. Почти все птицы уже поражены стрелами. Подобный сюжет — охота на птиц с лодок — встречается здесь еще дважды. На самом краю уступа, поодаль от других фигур, выбит

крупный человек, а за его спиной небольшая лодочка. Маленькой сценкой представлена и «военная» тема. Кажется, в ней показаны лишь «пострадавшие» (раненый и убитый).

Так выглядят петроглифы Новой Залавруги, о составе которых более полное представление дает табл. 2.

Приступая к осмыслению нового петроглифического материала, мы прежде всего сталкиваемся с необходимостью разобраться в технике на-

Рис. 13. XVIII группа петроглифов Новой Залавруги

несения, стиле и составе изображений, их художественных достоинствах, выяснить датировку памятника и, наконец, понять древний смысл и назначение наскальных гравюр.

По стилю и технике исполнения новые группы петроглифов аналогичны описанным ранее. Они также состоят в основном из небольших (20—60 *см*) фигур, углубленных в скалу на 2—3 *мм* по всему силуэту (но иногда встречаются контурные и даже «скелетные» рисунки). Наскальные изображения Новой Залавруги реалистичны, отличаются композиционной сложностью, имеют картинно-повествовательный характер.

В рассматриваемых группах несколько шире круг сюжетов, но по-прежнему наблюдается устойчивое преобладание лодок, много изображе-

Таблица 2

Состав новых петроглифов Залавруги (по группам)

Сюжеты изображений	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	Всего
Лодки	5	5	21	8	14	11	4	9	4	10	4	18	4	4	16	3	11	151
(Число людей в лодках)	7	11	55	11	48	44	10	29	8	29	14	51	10	10	39	7	22	405
Изображения людей	1	—	10	8	—	14	15	7	10	5	4	28	—	—	11	—	2	115
Лодки без гребцов	—	—	7	4	2	8	1	2	3	2	—	4	2	—	4	1	2	42
Лодки (?)	—	—	1	—	3	—	2	3	—	7	—	1	3	—	1	—	—	21
Лыжник	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Следы людей	—	—	2	—	1	—	4	2	6	1	—	2	—	—	7	—	—	25
Морские звери (белухи)	—	3	5	—	—	—	—	5	1	—	2	—	—	—	1	1	1	19
Лоси	—	—	—	—	—	—	5	—	—	4	—	1	1	—	1	1	—	13
Олени	—	—	6	—	—	1	6	—	8	1	—	1	—	—	3	—	—	26
Медведи	—	—	8	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	13
Мелкие лесные звери	—	—	1	1	—	—	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	5
Птицы (гуси и лебеди)	20	—	2	—	2	—	—	1	—	—	—	1	—	—	5	3	2	36
Следы медведя	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Непонятные изображения	6	—	3	—	7	9	4	6	3	5	1	—	1	—	2	1	1	49
Кружки и др. геометрические фигуры	—	—	3	6	1	8	7	5	4	3	9	5	5	—	12	3	4	75
Рыбы (семга)	—	—	—	3	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	5
Линии	—	—	—	—	2	3	3	1	4	3	—	2	—	—	2	1	—	21

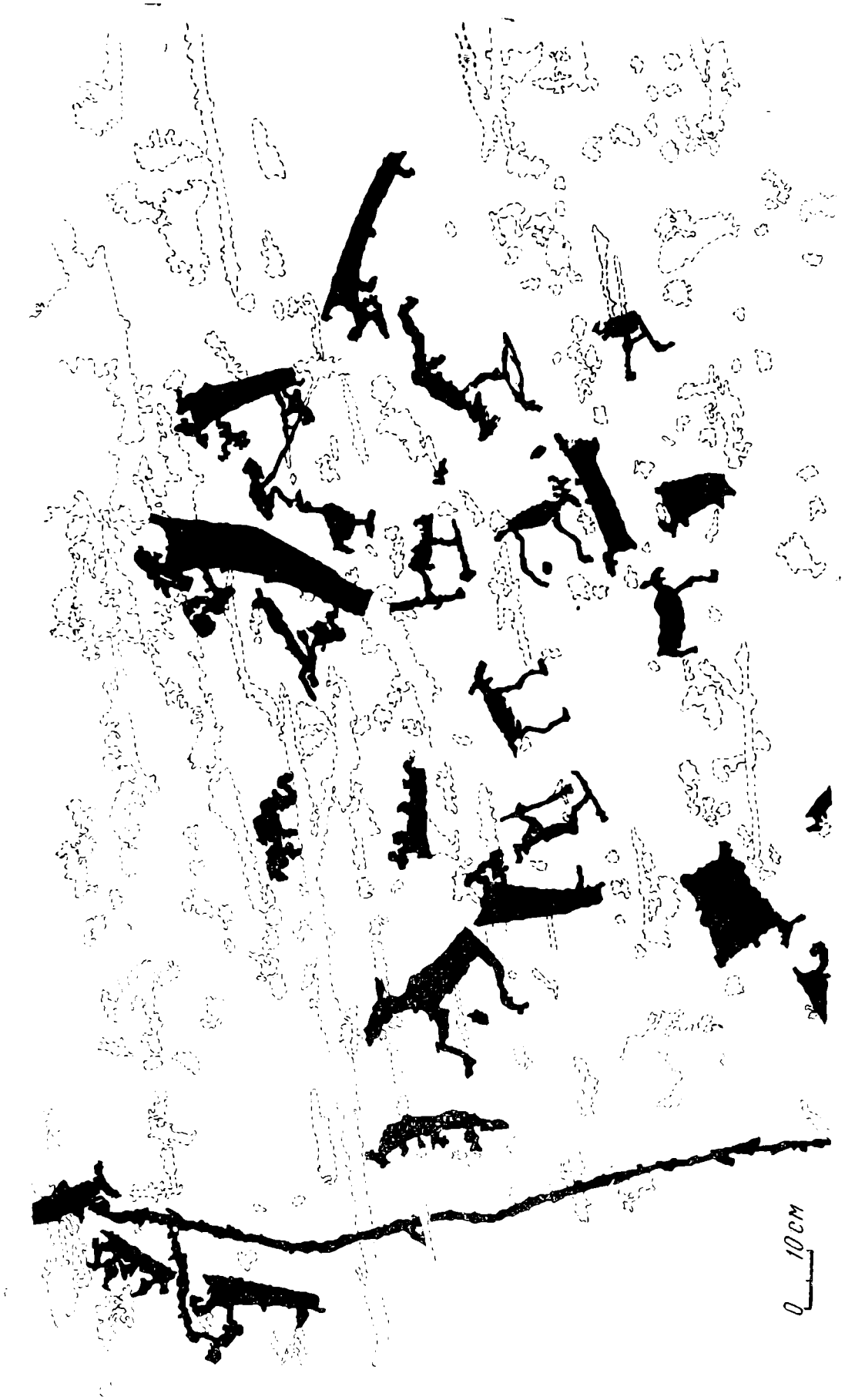


Рис. 14. XX группа петроглифов Новой Залавруги. Фрагмент

ний людей. Числовой анализ сюжетов Новой и Старой Залавруги в целом показывает, что из 1084 фигур лодки составляют 274, или 25%, люди — 203, или 19% (не считая 520 гребцов, показанных в лодках). Промысловые звери встречаются значительно реже: лоси и олени — 74 раза, медведи (и прочие лесные звери) — 27, морские звери — 30, птицы — 43 раза. Все они вместе взятые составляют всего 16% общего числа фигур [6]. Остальная часть рисунков приходится на фигуры геометрических очертаний (кружки, линии и т. д.) и непонятные, порой полуразрушенные изображения, а также на одиночные оригинальные фигуры (в их числе такие редкие для первобытного наскального искусства, как деревья, лыжники и лыжни, звериные и человеческие следы и тропы, топографические знаки, рыбы, корзинообразные предметы и др.).

Рис. 15. XXI группа петроглифов Новой Залавруги

Главным объектом творчества создателей гравюр Залавруги становится человек и его деятельность (по преимуществу трудовая). Такие крупные изменения в тематике петроглифов, особенно ощутимые при сравнении их с группой Бесовы Следки, свидетельствуют о существенных изменениях в миропонимании древних людей. Отражением перемен в духовной жизни является уже само появление петроглифов Залавруги. Ведь группа Бесовы Следки была совсем рядом, она почти всегда оставалась открытой и доступной, но, видимо, перестала удовлетворять людей (хотя и не была «забыта» вовсе).

Давно уже исследователей карельских петроглифов интересовал вопрос: как и какими орудиями «рисовали» древние художники? [7] До сих пор эти «каменотесные» работы квалифицировались как очень тяжелые и трудоемкие. А отсюда следовал вывод о сугубо практическом, утилитарном назначении рисунков. Но даже противники такого излишне прямолинейного заключения призывали учитывать трудоемкость выбивания рисунков при их определении и истолковании. По их мнению, сама техника нанесения фигур исключала возможность наделения персонажей второстепенными и случайными деталями [8]. Весьма неопределенными были суждения об используемых для этих работ орудиях труда.

Скорее всего, «кистью» древнему художнику служили довольно грубые на вид кварцевые орудия округлой или угловатой формы величиной с кулак. Верхняя часть их, как правило, имеет «пятку», плотно прилегающую

---

[6] На петроглифы Залавруги никак нельзя распространять, таким образом, те обобщающие характеристики состава карельских петроглифов, которые нередко встречаются в литературе (А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стд. 56; А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 94, 95).

[7] **В. И. Равдоникас.** Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. 2, М.— Л., 1938, стр. 21, 22; Я. Доманский, А. Столяр. По бесовым следам. Л., 1962, стр. 146, 147.

[8] К. Д. Лаушкин. Онежское святилище. «Скандинавский сборник», V, Таллин, 1962, стр. 242.

Рис. 16. XXII группа петроглифов Новой Залавруги

Рис. 17. VI группа петроглифов Залавруги. Фото

к ладони, нижняя (а иногда и боковые) — острые углы и грани, выкрошившиеся в процессе работы. Кварц — самый доступный материал для древних жителей Беломорья. И по твердости это единственная порода, пригодная для «каменотесных» работ (крупные кремневые орудия здесь отсутствуют). Такие орудия были найдены на ближайших стоянках и, что особенно показательно,— в русле, у скалы с петроглифами, называемыми Бесовы Следки.

Два из них мы использовали в экспериментальных целях, ими было выбито изображение белухи. На работу, выполненную человеком, не имеющим навыков в рисовании и гравировке, затрачено всего 30 минут. Стало ясно, что выбивание рисунков на твердых гранитных скалах требовало не столько физического напряжения, сколько определенных художественных способностей и навыков в рисовании. Первобытные мастера приобретали их, рисуя на другом, более легком материале: коже, бересте, песчаных пляжах, снегу. Сама идея выбивания рисунков могла появиться как стремление навечно закрепить нарисованный на покатой скале, но постоянно стираемый вешними водами образ.

Не совсем понятно размещение петроглифов Новой Залавруги изолированными группами. Одна из очевидных, но все же не главных причин,— хронологическая. Ведь здесь много и явно одновременных или почти одновременных групп. «Сосуществование» их можно объяснять двумя причинами: или принадлежностью разным родовым группам, или различным содержанием и назначением отдельных групп, с каждой из которых был связан особый цикл преданий и обрядов.

Любопытно, что на Залавруге крайне редко встречается перекрывание фигур, явление, широко распространенное в других районах наскального искусства. Значит, каждая из групп функционировала и сохраняла в основном свое первозданное содержание. Обновление святилища, в котором рисунки играли роль «иконостаса», шло в основном за счет создания новых полотен. И все же некоторые из групп, по-видимому, дополнялись новыми фигурами, а порой даже переосмыслялись. В трех мифологических фигурах из XII групп и сейчас прослеживаются контуры лодок.

Особо следует остановиться на художественных достоинствах петроглифов Залавруги. Некоторым исследователям они кажутся слабыми с эс-

тетической точки зрения[9], другие вовсе не замечают в них эстетического начала. Выбивание рисунков нередко расценивают лишь как частный момент в материально-трудовой деятельности, как искусствоподобную деятельность. С такими взглядами согласиться трудно[10].

Надо иметь в виду, конечно, что перед нами искусство младенческого возраста, наивно-первобытное. Очевидны его «изъяны». И тем не менее это искусство, все более выкристаллизовывающееся в особую форму общественного сознания. Картины повествования Залавруги ярко свидетельствуют, что понимание прекрасного было уже свойственно человеку, что он уже начинает постигать «законы красоты».

Искусство Залавруги обладает своими достоинствами, не лишено выразительности и обаяния. Оно правдиво, реалистически отражает и оценивает в художественных образах важнейшие стороны первобытной действительности (что, как известно, и является одним из основных свойств искусства). Художник оперирует уже не одной-двумя, а несколькими фигурами, умело, с соблюдением разумных масштабов, компануя их в композиции. С чутьем истинного художника выбирал древний мастер скальные полотна для своих «картин». В них появляется уже «земля» (линии следов, лыжни), элементы перспективы, чувствуется динамизм и даже объемность. Уже без труда можно определить, где верх, где низ композиций (задача не из простых для других скоплений). Исчезла каноническая, шаблонная манера нанесения рисунков, на смену ей пришла более свободная творческая манера «письма». Теперь гораздо отчетливее стала видна работа воображения, не раз используются чисто художественные приемы для придания графическим повествованиям большей выразительности.

Необходимо еще раз вернуться и к вопросу о хронологии петроглифов Беломорья. Датировать рисунки Залавруги — значит выяснить, когда освободились из-под воды пригодные для гравировок скальные полотна, когда и как долго гравированные уже скалы были затоплены вновь и, наконец, когда они, уже покрывшиеся слоем речных наносов, вновь обнажились. Оказалось, что все три «события» имели место во II тысячелетии до н. э. Попытаемся датировать их более точно.

Нижнюю хронологическую границу Залавруги можно выяснить посредством сопоставления ее высотных отметок с отметками береговых стоянок. Особый интерес для такого сопоставления представляет группа поселений, расположенных в километре выше по течению, на левом берегу р. Выга, на окраине пос. Золотец. Они цепочкой тянутся в глубь современного берега, почти перпендикулярно ему и находятся на разной высоте над уровнем моря (Золотец VIII — 12,7—13,1 *м*; Золотец XV — 14,0—14,1 *м*; Золотец X — 14,6—15,6 *м*; Золотец XI — 16,4—17,3 *м;* Золотец VI — 17,4—18,8 *м;* Золотец XX — 19,5—20,4 *м;* Золотец XXII — 22—23 *м*). Эта «лестница» древних стоянок наглядно демонстрирует постепенный процесс сокращения размеров Выга перед впадением его в залив Белого моря. Вслед за отступанием воды на новые берега перемещались и стойбища. Петроглифы Залавруги имеют высотные отметки в пределах 14,9—16,7 *м* над уровнем моря. Река обмелела до такого уровня лишь во время существования поселений Золотец XI — Золотец X (типичные стоянки эпохи бронзы, которые типологически датируются не ранее чем серединой II тысячелетия до н. э.). Это и есть время появления первых петроглифов Залавруги.

Спустя несколько сотен лет, скорее всего в связи с очередным трансгрессивным явлением Белого моря, уровень воды в низовье Выга поднялся, и на некоторое время рисунки оказались под водой, их покрыл слой песка толщиной до метра. Возможно, произошел случай, аналогичный от-

[9] А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства. М., 1966, стр. 75.

[10] Высокие художественные достоинства Залавруги неоднократно отмечал и ее первооткрыватель В. И. Равдоникас (В. И. Равдоникас. Наскальные изображения, ч. 2, стр. 12, 23, 31).

меченному А. Я. Брюсовым при раскопках «Святилища», в котором было выявлено два культурных слоя, разделенных метровой стерильной прослойкой песка [11].

К концу II тысячелетия до н. э. Залавруга уже безусловно обнажилась и была заселена. Возникшее здесь поселение довольно твердо датируется концом II тысячелетия до н. э.[12].

Из сказанного вытекает, что наскальные изображения Залавруги «жили» сравнительно недолго, в основном в середине II тысячелетия до. н. э. В условиях Карелии — это рубеж каменного и бронзового веков.

Для установления возраста поселения Залавруга I использован и метод радиоуглеродного датирования (C^{14}). Определения возраста углей, собранных в кострище поселения, проведены в Геологическом институте АН СССР, в лаборатории профессора В. В. Чердынцева [13] (аналитики В. С. Форова и И. В. Форликова) и дали дату 4010±70 лет. Правда, она не согласуется с чисто археологической датировкой, поскольку значительно удревняет и поселение, и перекрытые им петроглифы. Можно предположить, что кострище, из которого взяты угли, возникло до поселения (оно действительно найдено уже под культурным слоем стоянки) и оставлено творцами рисунков. Но и в этом случае пришлось бы удревнять дату возникновения петроглифов Залавруги до начала II тысячелетия до н. э.

Новые возможности появились и для датировки петроглифов Бесовы Следки. Скала, покрытая ими, круто обрывается и уходит в воду. Чтобы навечно сохранить уникальные рисунки, над нею решено было возвести здание типа домика-павильона. И вот, когда рабочие в обсохшем русле стали рыть траншею для фасадной стены домика, им стали попадаться черепки ямочной керамики. Они появились на глубине 40—50 *см* и распространялись вплоть до гранитного основания русла (почти на метр). Небольшие раскопки, проведенные нами, дали еще более неожиданные результаты. Оказалось, что в речном иле прекрасно сохранилось дерево (ветки, сучки, палки, иногда со следами обработки, расщепленная на брусочки сосна). Была собрана значительная коллекция каменных орудий и керамики, среди которой преобладала ранняя ямочная (в небольшом количестве встречались черепки более позднего времени). Скорее всего эти вещи принадлежали тем, кто выбивал и почитал рисунки (рис. 18, 19, 20).

Для датировки находок также использован метод C^{14}. Прекрасный материал для анализа дал хорошо сохранившийся ствол березы, захороненный в русловых осадках, почти на самом дне. Над стволом и под ним найдены черепки древнеямочной керамики и другие находки. По данным той же лаборатории В. В. Чердынцева, возраст древесины составляет 5430±50 лет. Однако и эта дата, кажется, занижает возраст находок, которые по археологическим данным можно относить не ранее чем к первой половине III тысячелетия до н. э.

Анализ ископаемой пыльцы из русловых отложений под скалой с петроглифами Бесовы Следки, проведенный в Петрозаводском институте геологии Э. И. Девятовой, также показал, что захороненные в русле находки относятся ко времени послеледникового климатического оптимума, т. е. к III тысячелетию до н. э. Тогда в окрестных лесах преобладали хвойно-березовые виды древесной растительности, но в них произрастали и широколиственные породы: липа, вяз, дуб, орешник, которые в настоящее время в Беломорье не встречаются. Значит, физико-географические условия тогда были гораздо мягче и благоприятнее современных.

Таким образом, хронологическое соотношение петроглифов Беломорья теперь установлено довольно твердо, оно опирается на совокупность фактов и наблюдений (высотные отметки, типологический и стилистический

[11] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Тр. ГИМ, М., 1940, стр. 277—281.
[12] Ю. А. Савватеев. О новых петроглифах Карелии. СА, 1967, 2.
[13] За что мы приносим проф. В. В. Чердынцеву и его сотрудникам глубокую благодарность.

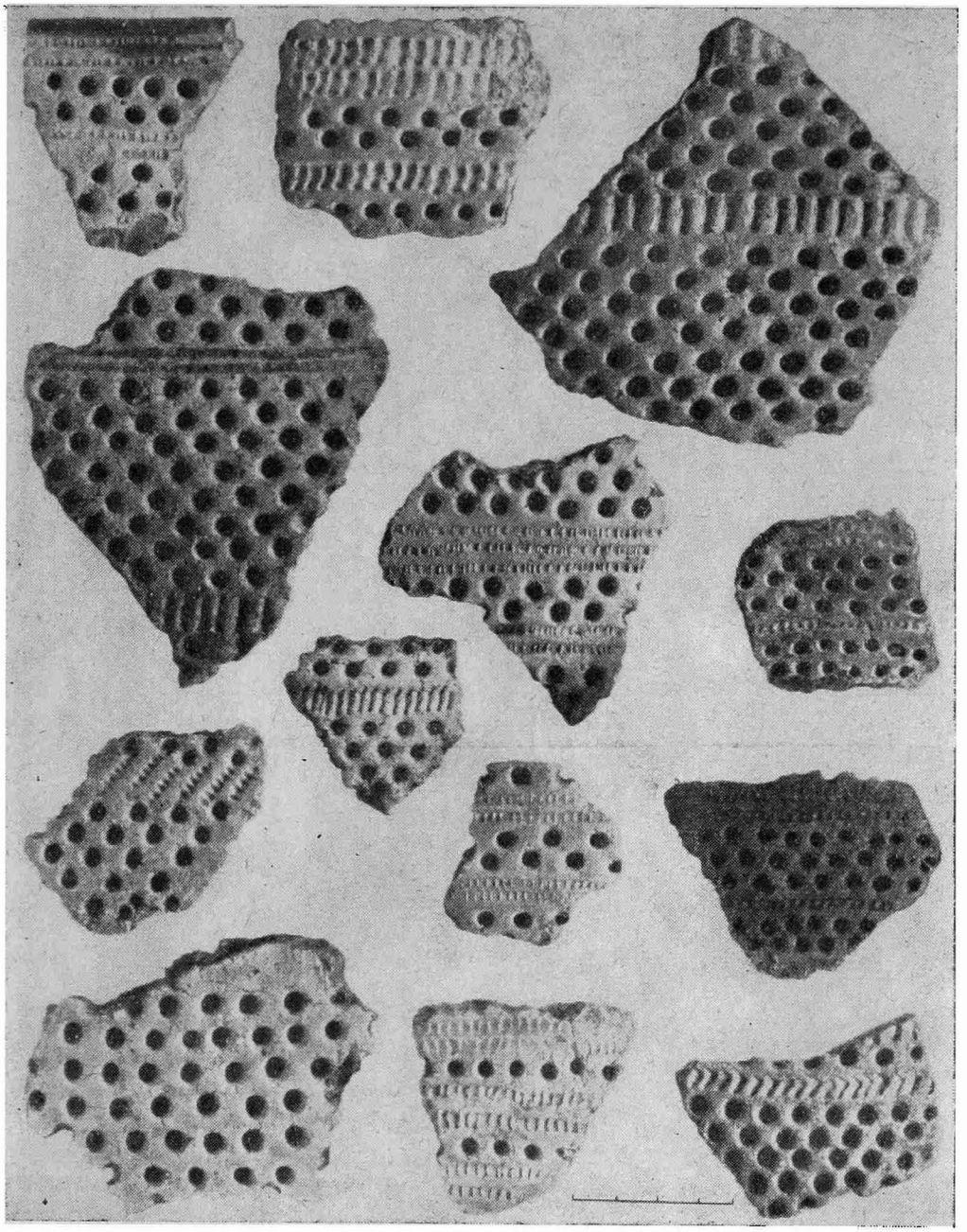


Рис. 18. Керамика, найденная в русле реки, у Бесовых Следков

анализ, датировка по C^{14} и др.). Петроглифы Бесовы Следки и расположенные недалеко от них более мелкие группы значительно древнее Залавруги (хотя в них имеется и несколько сходных, возможно одновременных сюжетов). Что касается петроглифов Старой Залавруги, то стилистический и топографический анализ и сопоставление их с рисунками Новой Залавруги наводят на мысль, что она — заключительный этап в заполнении скальных полотен Залавруги [14].

До сих пор дискуссионным остается вопрос о хронологическом соотношении беломорских и онежских петроглифов [15]. Согласно последним ис-

[14] Но и грандиозные композиции Старой Залавруги нельзя рассматривать как акт единовременного творения. Они созданы далеко не одним художником, представляют собой плод неоднократных дополнений и даже переосмыслений (А. М. Линевский. Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 1940, стр. 164—189).

[15] Широко распространено мнение В. И. Равдоникаса, что петроглифы Беломорья древнее онежских. К. Д. Лаушкин придерживается противоположного взгляда, считая онежские рисунки более древними. По датировке А. М. Линевского и А. Я. Брюсова онежские рисунки появились позднее группы Бесовы Следки, но раньше Зала-

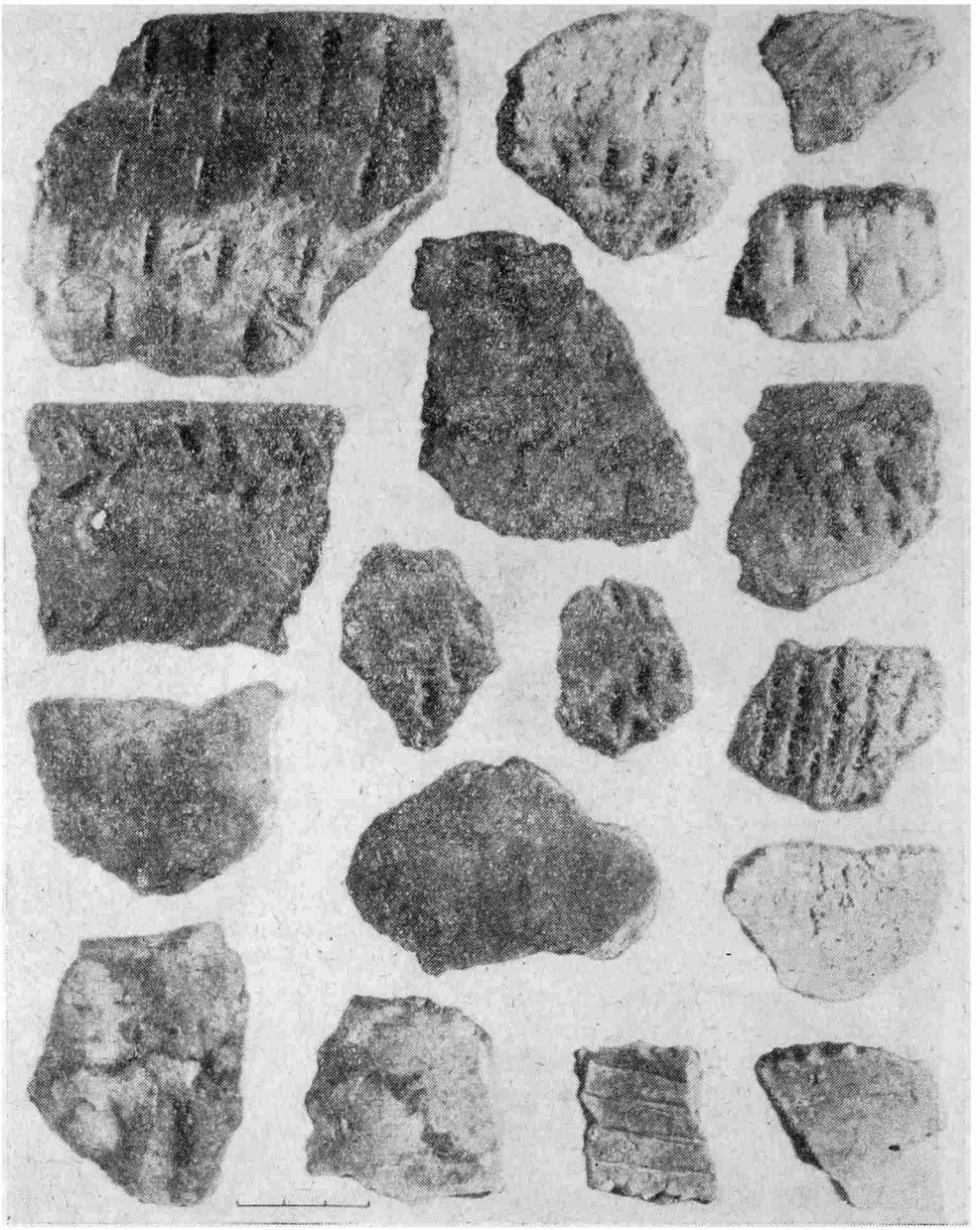


Рис. 19. Керамика, найденная в русле реки, у Бесовых Следков

следованиям Г. А. Панкрушева по использованию данных неотектоники для датировки древних поселений Карелии, онежские гравюры могли появиться лишь в короткий промежуток времени между концом III и началом II тысячелетия до н. э.[16]. До этого и долгое время после гранитные мысы находились под водой. Таким образом, общепринятая датировка онежских рисунков (середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.) должна быть удревнена. Выходит, что они появились раньше петроглифов Залавруги (хотя стоят к ней ближе, чем к Бесовым Следкам). Если эта дата подтвердится, то еще более явным станет стилистическое и тематическое отличие онежских и беломорских петроглифов, которое раньше объяснялось прежде всего хронологическими различиями.

Причины своеобразия наскального искусства двух районов Карелии остается искать в особенностях местонахождения, различии занятий и

вруги. Подробнее о существующих датировках карельских петроглифов см. Ю. А. Савватеев. Некоторые вопросы изучения наскальных изображений Карелии, стр. 73—78.

[16] Г. А. Панкрушев. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений. Сб. «Новые памятники истории древней Карелии», стр. 5—43.

Рис. 20. Орудия, найденные в русле реки, у Бесовых Следков

быта, духовной культуры древнего населения. Это своеобразие — отражение племенной замкнутости населения.

Не менее интересно выяснить стилистическое, хронологическое и смысловое соотношение карельских петроглифов и аналогичных памятников Швеции, Урала, Сибири, Средней Азии, Кавказа. Все чаще исследовате-

Таблица 3

Сопоставление петроглифов Онежского озера и Белого моря по основным сюжетам

Сюжеты изображений	Онежские петроглифы	Беломорские петроглифы		
		Бесовы Следки	Старая Залавруга	Новая Залавруга
	общее число фигур			
	570	300	216	868
Лодки	26	23	23	251
Люди и антропоморфные фигуры	51	11	63	140
Лоси	29	8	—	21
Олени	28	46	24	29
Медведи, волки и пр.	3	7	2	25
Морские звери	—	38	—	30
Рыбы	5	—	—	5
Кашканы	61	—	—	—
Птицы	178	14	1	42

ли отмечают большое, до полного тождества сходство некоторых наскальных изображений перечисленных районов. На основании стилистической близости отдельных рисунков (надо сказать, формальной) устанавливается наличие в эпоху карельских петроглифов очень широких культурных связей.

Ощутимое влияние на наскальные изображения Скандинавии, Карелии и Сибири земледельческой мифологии Переднего Востока отмечает А. П. Окладников [17]. К аналогичным выводам пришел А. А. Формозов, считающий, что во II тысячелетии до н. э. в Карелии скрещивались и переплетались местные предания каменного века и мифы, заимствованные из передовых культур юга и юго-запада [18].

Однако, на наш взгляд, подмеченные черты сходства не дают достаточных оснований для столь тесного сближения их смыслового содержания. Скорее они отражают сходство материального мира обширных районов Севера и Сибири, известную общность миропонимания древних племен. Не отрицая петроглифов как важного документа для выявления культурных связей, мы вслед за В. Н. Чернецовым считаем, что первоначально нужно установить «... единство стилистических закономерностей, общность в композициях и близость культурных комплексов в целом» [19].

Но самое сложное в проблеме петроглифов Карелии — выяснить древнее содержание отдельных рисунков, композиций, а также те причины, которые побуждали людей создавать их. На этот счет высказано несколько гипотез.

А. М. Линевский считает, что «магическое значение громадного большинства изображений... не подлежит сомнению» [20]. Его расшифровки выдержаны в духе промысловой магии и культа духов-хозяев.

Взгляды А. М. Линевского во многом разделял А. Я. Брюсов. Он был согласен, например, с его «чтением» группы Бесовы Следки. Петроглифы Старой Залавруги исследователь также расчленял на две разновременные группы (сцену магической охоты на лосей загоном при переправе их через реку и мемориальную сцену враждебного столкновения местных жителей — «лыжников» с чужеземцами — «мореходами»). Но несколько по другому истолковывал он онежские рисунки, видя в них «иллюстрации к мифологическим рассказам», изображения разнообразных религиозно-мифологических сцен [21].

Иначе понял карельские петроглифы В. И. Равдоникас, считающий подход Линевского — Брюсова к изображениям наивно-рационалистическим. По его мнению, фигуры, выбитые на скалах, «не снимки с натуры», а символические образы, преломленные и переосмысленные в призме первобытного мышления с его будто бы специфическими, отличными от современного мышления нормами. Поэтому прежде чем использовать петроглифы как исторический источник, в частности для изучения хозяйственной жизни, он считал необходимым выяснить значение отдельных изображений и сцен в первобытном сознании [22].

Но и В. И. Равдоникас связывает наскальные изображения Беломорья с магическими представлениями. В Бесовых Следках, по его мнению, «запечатлелся тотемизм с вытекающими из него представлениями и с соответствующим культом тотемическая охотничья магия...» [23]. В композиции загона оленей из Старой Залавруги он увидел «...особо выдающийся, поис-

[17] А. П. Окладников. Олень золотые рога. М., 1964, стр. 236.

[18] А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства, стр. 37—43, 73.

[19] В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. САИ, В4-12, М., 1964, стр. 31.

[20] А. М. Линевский. Петроглифы Карелии, стр. 56.

[21] А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 115; его же. История Карелии с древнейших времен до середины XVII в. Макет. Петрозаводск, 1952, стр. 20, 23, 33.

[22] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. 1, М.— Л., 1936, стр. 18.

[23] В. И. Равдоникас. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. СА, III, 1937, стр. 31.

тине грандиозный памятник магического мышления и магического искусства»[24]. Отчетливее разночтения выступают в конкретных расшифровках и разительными становятся при рассмотрении онежских петроглифов.

В. И. Равдоникас считает, что они отразили мировоззрение более высокой стадии, когда едва ли не большинство фигур приобретает космическую значимость, а олень становится по преимуществу солнечным божеством[25].

Надо сказать, что и А. М. Линевский, и А. Я. Брюсов тоже считали онежские рисунки памятником более высокой культурно-исторической ступени, чем Бесовы Следки[26]. И они находили на скалах несколько знаков солнца и луны (и даже солнечные и лунные божества), но все же содержание онежских рисунков связывали в основном с земной жизнью. Суть расхождений, таким образом, в степени развития космогонических представлений у творцов и почитателей онежских гравюр, а точнее —даже в понимании кругов и полукружий с отходящими от них 2—3 «рукоятями». Являются ли они символическими знаками солнца и луны (В. И. Равдоникас) или самоловами-капканами (А. М. Линевский)? От ответа на этот вопрос в значительной мере зависело и осмысление всего памятника. Обе концепции («капканная» и «солярная») получили широкое распространение и до сих пор как бы противостоят друг другу.

А. М. Линевский и В. И. Равдоникас стремились прежде всего выяснить основные причины, вызвавшие появление петроглифов, раскрыть их общую идею. На их выводы, как и на конкретные расшифровки, заметное влияние оказали существующие уже теории: «магическая» (ее развивал А. М. Линевский) и учение о языке Н. Я. Марра (его использовал при интерпретации петроглифов В. И. Равдоникас). Смысл многих сцен и одиночных фигур оставался не ясен.

Ныне взгляды В. И. Равдоникаса развиваются К. Д. Лаушкиным[27]. Он тоже склоняется к мифологическому объяснению рисунков в духе «солярной» концепции В. И. Равдоникаса. Самое интересное и новое в его работах — конкретные расшифровки многих композиций с онежских скал. Справедливо считая, что расшифровка, основанная только на рисунке, всегда сомнительна, он попытался выяснить истинный смысл изображений с помощью древних мифов и преданий. Чтобы восстановить мифы, скрывающиеся за наскальными композициями, исследователь предлагает вернуться к идее двуязычной надписи. Ею будет служить наскальная композиция и дошедший до наших дней рассказ-миф (предание, легенда и т. д.), в основе которых лежат два одинаковых сюжета, переданных лишь разными художественными средствами. Таким образом, необходимо отыскать в фольклорном материале (прежде всего в карело-финском и саамском) адекватные петроглифам сюжеты. Чем сложнее наскальная композиция, чем больше в нее входит фигур, чем оригинальнее они связаны друг с другом, тем легче можно опознать такое же оригинальное сочетание персонажей в фольклорном тексте (мифе)[28]. Живое слово фольклорной записи вернет рисунку то древнее содержание, которое «вложили» в него его творцы. Используя этот далеко не новый метод, К. Д. Лаушкин добился весьма значительных результатов.

Но некоторые моменты, касающиеся как расшифровок, так и выводов, сделанных на их основе, все же вызывают сомнения[29]. К. Д. Лаушкину

[24] **В. И. Равдоникас.** Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. 2, стр. 17.

[25] В. И. Равдоникас. К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря, СА, I, 1936, стр. 46; его же. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений. СА, IV, 1937, стр. 11—32.

[26] А. М. Линевский. Петроглифы Карелии, стр. 147; А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 95—124.

[27] К. Д. Лаушкин. Онежское святилище, ч. 1, «Скандинавский сборник», IV, Таллин, 1959, стр. 83—111; его же. Онежское святилище, ч. 2, стр. 177—298.

[28] К. Д. Лаушкин. Онежское святилище, ч. 2, стр. 222, 223, 268.

[29] Рец. Ю. А. Савватеева: К. Д. Лаушкин. «Онежское святилище». СЭ, 1964, 5, стр. 157—162.

не удалось представить веских аргументов, позволяющих считать круги и полукружия с «рукоятями-рычагами» символами солнца и луны. В работах же В. И. Равдоникаса их явно недостаточно, что впрочем признавал и сам исследователь, предполагавший дать «подробную, детально обоснованную расшифровку подлинного значения этих образов» [30]. Больше оснований вслед за А. М. Линевским считать их изображениями «капканов», но скорее всего они действительно символические образы, оберегп.

Еще трудно сказать, соответствуют ли найденные фольклорные сюжеты содержанию наскальных рисунков. В северном фольклоре едва ли сохранились сюжеты с такими же оригинальными сочетаниями персонажей, какие мы видим в наскальных рисунках. Речь может идти лишь об очень глухих отзвуках в нем мировоззрения III—II тысячелетия до н. э. Ведь наскальное искусство Карелии «умерло» чрезвычайно рано, уже во II тысячелетии до н. э., скорее всего в связи со значительными этническими изменениями в крае. Пришлому же населению наскальные гравюры были чужды и малопонятны.

На основании своих расшифровок К. Д. Лаушкин реконструирует многие стороны духовной культуры. Он устанавливает, что у древних жителей Заонежского края существовал развитый культ солнца, культ мертвых, имелась сложная мифология с довольно развитыми представлениями о мироздании, с пантеоном различных божеств, духов и мифологических героев. При ознакомлении с его увлекательными реконструкциями миропонимания древних онежцев невольно возникает вопрос, не переносит ли автор незаметно для себя на творцов петроглифов довольно сложные представления о мироздании, свойственные «шаманской» мифологии сибирских народов (явления более позднего).

Естественно, мы далеки от мысли умалить заслуги работы К. Д. Лаушкина. По-видимому, за наскальными рисунками действительно скрывается мир древних легенд, мифов и преданий. Несомненно также, что мышление людей той эпохи имело сильнейшую мифологическую окраску [31]. Возможно даже, что развиваемое К. Д. Лаушкиным направление приведет к достоверным расшифровкам не только онежских, но и всех карельских петроглифов. Но для этого требуется более глубокая разработка самого метода, новые достоверные научные факты и наблюдения [32]. По-видимому, в «билингву» должны входить и этнографические параллели и аналогии, которые будут служить и основным «критерием правдоподобия» расшифровок. Понятно, что этнографический материал, привлекаемый для интерпретации петроглифов, нуждается в самом тщательном историческом анализе [33].

В расшифровке нуждаются и новые петроглифы Залавруги, но выполнить их до завершения полевых работ на Выге вряд ли удастся. Однако уже сейчас становится все более очевидным, что их трудно будет объяснить с позиций магической теории, не признающей за рисунками никакого скрытого смысла, рассматривающей их как долговечный объект заклинаний в промысловой магии.

---

[30] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения..., ч. 1, стр. 17.

[31] Ф. Х. Кесседи. Миф и его отношение к познанию, религии и художественному творчеству. «Вопросы философии», 1966, 5, стр. 96—106.

[32] Возможности получения которых еще далеко не исчерпаны. Их принесут: пристальное полевое изучение известных уже петроглифов, широкие археологические раскопки окружающих их стоянок, поиски новых скоплений рисунков, изучение норм мышления неолитической эпохи по другим источникам. Чем лучше мы будем знать сами рисунки, время их создания, общественно-трудовую практику их творцов, тем понятнее будут и сами петроглифы. Естественно, что все эти работы не приведут автоматически к их расшифровке. Ведь перед нами памятник духовной культуры, не прямо, а опосредствованно отразивший реальную действительность, хотя и теснейшим образом с нею связанный.

[33] С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. Тр. ИЭ, нов. сер. XXII, М.— Л., 1954, стр. 747.

Запечатленные на скалах сцены зимней жизни никак не могли непосредственно предшествовать акту охоты или заключать его, они не могли использоваться круглогодично, как требует промысловая магия. Новую Залавругу отличает композиционная сложность, картинно-повествовательный характер гравюр. Они обладают ощутимыми эстетическими свойствами. Главное действующее лицо этих необычных картин не зверь (объект промысла), а человек и его трудовая деятельность. Отпали и такие аргументы магического объяснения, как трудоемкость выбивания фигур и следы «ранений» рисунков.

Не отрицая магической окраски памятника вовсе, мы склонны считать, что наскальные изображения Залавруги вызваны к жизни все же не желанием добиться ближайшего практического успеха в производственной деятельности, а важными общественными, социальными надобностями. Они использовались в течение года непродолжительное время, лишь летом, так как в другое время скалы покрывал снег или вешние воды, скапливающиеся в складках гранитных уступов, и связаны были, по-видимому, с наиболее сокровенными проявлениями общественной жизни, возможно с инициациями, «иллюстрируя» многие из этих обрядов.

Известно, что в жизни человека, да и всего родового коллектива, посвящение в число взрослых — важнейшее событие, которое по значению можно сопоставить лишь с рождением и смертью. Надо думать, что инициации имели место и у племен древней Карелии. Наиболее яркая, эмоционально окрашенная часть этих обрядов совершалась скорее всего как раз летом и включала в себя «знакомство» с рисунками.

Общественно-познавательное значение наскальных гравюр вряд ли можно оспаривать. В них в неразрывном единстве выступало и познавательное, и воспитательное, и социально-организующее начало. В наскальных полотнах нашли зримое выражение обычаи и порядки рода, их «истоки», сокровенные рассказы — мифы, легенды, предания. Эмоционально окрашенные рассказы по этим «картинам» их древних толкователей оставляли, надо думать, у посвящаемых глубокое впечатление, накладывали определенный отпечаток на все последующее мироощущение.

Конечно, древние люди смотрели на петроглифы иначе, чем мы, они не делили их на «составные части» (петроглифы как памятник изобразительного искусства, как памятник первобытной религии, как источник изучения сознания и мышления, как источник для изучения хозяйственной деятельности и культурных связей). Для них рисунки были выражением нерасчлененного, точнее слабо расчлененного на отдельные сферы, во многом синкретичного сознания, в котором соединялись рациональные знания и религиозные представления, зародыши философского миропонимания, гражданской истории, эстетических представлений, искусства и морали. Это были центры общественной жизни.

Хотя смысл новых петроглифов еще не выяснен, они уже на данной стадии изучения способны рассказать многое о материальной культуре и хозяйственной деятельности их творцов. «Бытовое начало» в Новой Залавруге выражено очень ярко. Активные действующие лица здесь — люди, рядовые охотники-рыболовы. Но даже если это герои и божества, показаны они «по-земному», их подвиги связаны прежде всего с лесом и охотой, морем и зверобойным промыслом, с защитой своей территории. Рисунки Новой Залавруги — яркий палеоэтнографический источник.

Освоение большого петроглифического материала, недавно добытого из-под земли, еще только начинается. Большой интерес к нему будет способствовать его активному и плодотворному осмыслению. В изучении новых сокровищ первобытного искусства должны принять участие не только археологи и этнографы, но и социологи, фольклористы, языковеды. Неоценимую помощь могут оказать зоологи, геологи, почвоведы, натуралисты и охотники — те, кто знает и любит Северный край, его природу и животный мир.

А. М. ЛЕСКОВ

БОГАТОЕ СКИФСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ ВОСТОЧНОГО КРЫМА

В 1964 г. Керченская экспедиция Института археологии АН УССР начала раскопки курганов у с. Ильичево Ленинского района Крымской обл. На северо-западной окраине села (на абсолютно ровном поле) была курганная группа, состоявшая из 10 насыпей, в которых при раскопках открыто около 40 погребений разного времени. Самая богатая скифская могила оказалась в кург. № 1 [1].

Курган № 1, наиболее высокий в этой группе, имел высоту 2,3 *м* при диаметре 20 *м*. В насыпи кургана, особенно в центре, часто попадались обломки античных амфор и отдельные крупные камни. На глубине 1,5 *м*, на расстоянии 10—16 *м* от центра кургана [2] залегли крупные дикарные камни и среди них особенно часто встречались обломки амфор. Выяснилось, что в насыпи кургана был создан мощный кромлех высотой до 0,5 *м*, шириной до 2 *м*. Кромлех имел слегка вытянутую форму с северо-востока на юго-запад с максимальным диаметром 29 *м*.

В кургане открыто 10 погребений. Шесть из них — эпохи энеолита (одно центральное) — были спущены с уровня древней дневной поверхности и перекрыты каменными плитами (№ 1—5, 8); три погребения впускные, неопределенные, ибо они были почти полностью разрушены и не имели вещей (№ 7, 9—10), и одно погребение — скифское (№ 6), которому и посвящена настоящая публикация.

На глубине 1,5 *м* возле бровки, к югу от нее, были зачищены два участка, покрытые вымосткой из мелкого камня. На одной из них хорошо сохранилась южная стена каменной гробницы (погр. № 6) длиной 1,9 *м*, составленная из трех плит. Очевидно, к ее восточной (поперечной) стене относились несколько сдвинутых с места плит. Здесь же обнаружены следы камыша (быть может, остатки подстилки), обломки амфор и костей человека. Это все, что осталось от погр. № 6.

Изучение профиля бровки (рис. 1) показало, что курган насыпан в два приема. Первая насыпь над погр. № 8 высотой около 1 *м* относится к эпохе энеолита. Судя по ее диаметру, четко фиксируемому в профиле бровки, она должна была перекрыть погр. № 1—5. Дальнейший рост насыпи кургана связан со скифским погр. № 6. Каменная гробница и вымостки были сооружены на поверхности уже существующего кургана. Тогда же его обнесли кромлехом; в профиле хорошо видно, что камни кромлеха перекрывают полы первой насыпи. Затем все сооружение было перекрыто второй и последней насыпью. Когда было разрушено погр. № 6, остается неясным,

---

[1] В раскопках кургана принимали участие А. В. Оськин, Н. М. Бокий, С. И. Круц. Работами экспедиции руководит автор настоящей статьи.

[2] Все замеры велись от нулевой точки, взятой на вершине кургана. Насыпь кургана, поврежденная в годы Отечественной войны, снималась бульдозером. При этом через центр кургана по линии запад — восток была оставлена контрольная бровка шириной в 1 *м*.

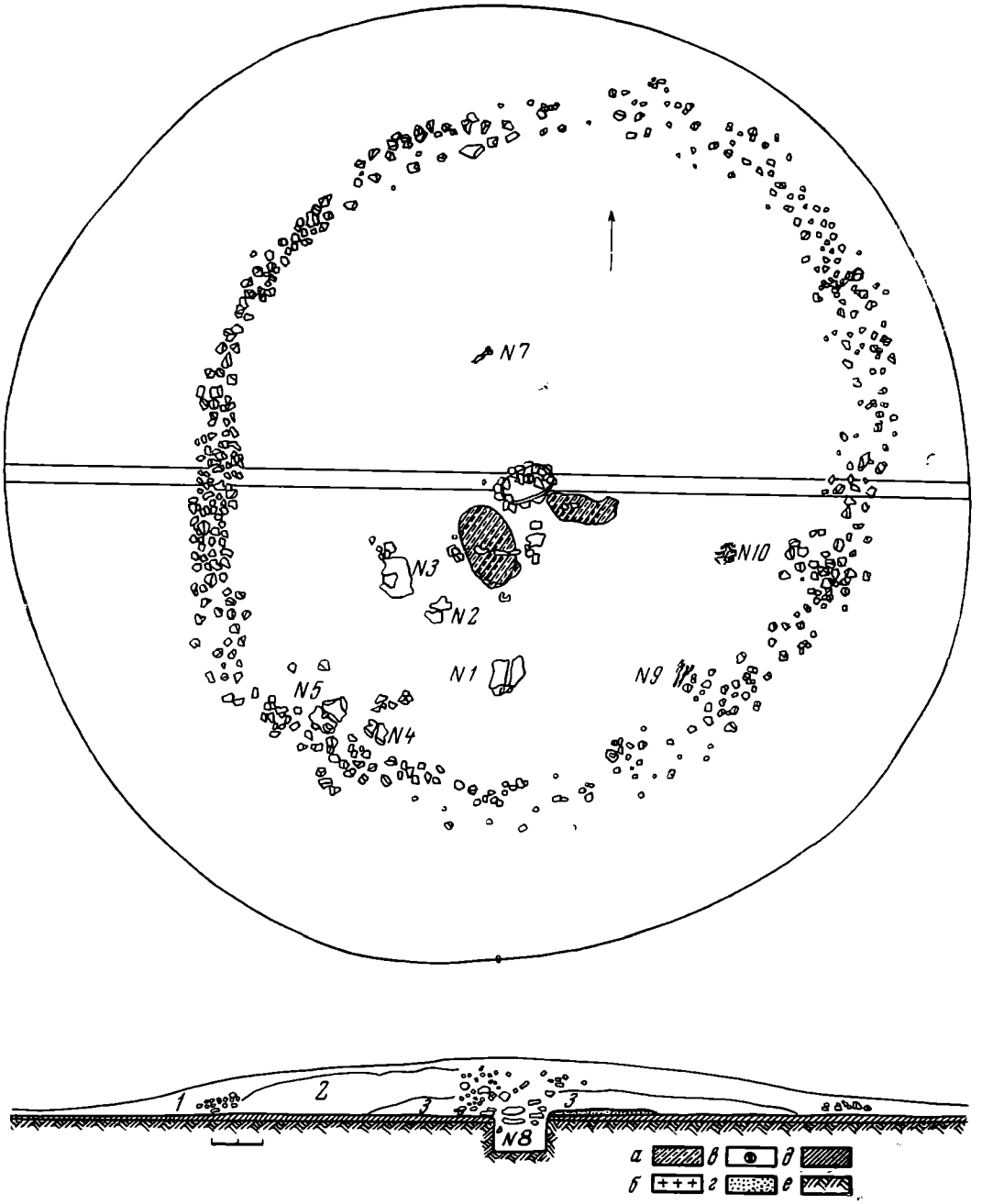


Рис. 1. План и разрез (вид с юга) кург. № 1 у с. Ильичево. № 1—10 — погребения

1 — дерновый слой; *2* — вторичная насыпь; *3* — первая насыпь: *а* — каменная вымостка; *б* — следы камыша; *в* — место находки золотых вещей; *г* — материковый выкид; *д* — уровень древней дневной поверхности; *е* — материк

скорее всего в годы Отечественной войны. Во всяком случае, при снятии верхних слоев центральной части курганной насыпи вплоть до глубины 1,5 *м* земля была явно перекопана. Именно в такой земле, в 1,5 *м* к востоку от центра кургана, при снятии бровки на глубине всего 20 *см* был обнаружен сильно помятый золотой предмет в виде «ведерка» с отверстием в центре «дна». Изнутри торчала какая-то четырехгранная в сечении «дужка» с отверстием на уплощенном конце (рис. 2).

Эта находка может быть связана только с единственным в этом кургане скифским погр. № 6, ибо никаких других погребений в центре кургана больше не было. Остается неясным, почему золото не было унесено с кургана — ведь грабитель сделал свою ношу максимально компактной. Когда отогнули края «ведерка», внутри оказались свернутая в восьмерку шейная гривна и более десятка обрывков золотых пластин разного размера. Рестав-

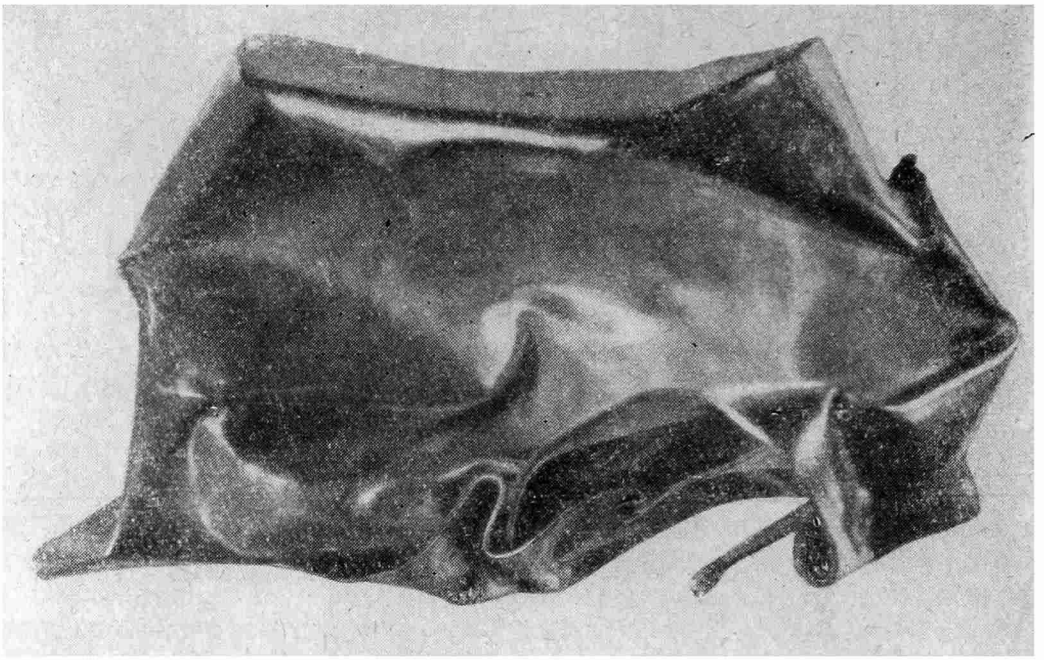


Рис. 2. Золотые вещи до реставрации

рация вещей была проведена в Государственном Эрмитаже, где О. В. Васильевой удалось восстановить все четыре скифских золотых предмета.

1. Золотой полый предмет, имеющий форму усеченного конуса (инв. № 226, ф. ИА АН УССР). В центре плоской вершины (диаметром 10,2 *см*) имеется небольшое круглое отверстие диаметром 0,7 *см*. Высота 13,3 *см*, диаметр основания 16 *см* (рис. 3). Хотя подобные массивные золотые изделия неоднократно встречались в богатых погребальных комплексах скифского времени, назначение их остается неясным. Так, аналогичный предмет, только вдвое меньший, найденный в Острой Томаковской могиле, исследователи считают «очень крупной ворворкой», которая, по мнению М. И. Артамонова, служила для большой кисти, подвешивавшейся к шее лошади [3]. Подобный предмет происходит также из Журовского кург. № 400. А. А. Бобринский, описывая эту находку, отмечает сходство ее формы с шапкой или большой феской [4] (заметим, что журовская находка также меньше ильичевской). А. П. Манцевич обратила наше внимание на ажурный золотой шлем из Ак-Бурунского кургана, на уплощенной вершине которого также имеется небольшое круглое отверстие, и высказала предположение, что ильичевская находка является частью сложного головного убора [5]. Не исключая возможности использования ильичевского конуса в качестве ворворки или части парадного головного убора, выскажем еще одно предположение о назначении подобных предметов. Думаем, что столь крупная массивная вещь, укрепленная на металлическом стержне, вполне могла служить основой жезла — символа власти его хозяина. В таком случае не исключено, что на вершине стержня укреплялось какое-то металлическое навершие.

2. Золотая шейная гривна (инв. № 227) в сечении четырехгранная; постепенно утоньшается к несомкнутым, расплющенным концам, на которых сделаны отверстия. Диаметр гривны 17,5 *см* (рис. 4). Шейные гривны, ви-

---

[3] М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов. Л., 1966, стр. 28.

[4] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии. ИАК, 14, СПб., 1905, стр. 11—12, рис. 19.

[5] Из выступления А. П. Манцевич при обсуждении доклада автора статьи на юбилейной сессии в честь 200-летия Гос. Эрмитажа в октябре 1964 года.

тые или круглые в сечении, часто встречаются среди скифских украшений. Гривны, подобные ильичевской, сделанные из четырехгранной массивной проволоки, встречаются крайне редко. Единственная известная нам аналогия происходит из кургана близ с. Коровинцы Сумской обл. А. П. Манцевич считает ее западным импортом [6]. Так как комплекс находок из Коровинец не содержит надежно датированных вещей [7], то в дальнейшем представляется правомерным синхронизировать их с описываемым ильичевским погребением.

Рис. 3. Конусовидный предмет

3. Золотая нашивная пластина (инв. № 228). Хотя верхняя часть не сохранилась, видно, что пластина постепенно суживалась к вершине (рис. 5). По ее краям через 1,6—1,7 *см* пробиты маленькие отверстия для нашивки. Второй ряд отверстий для нашивки пробит несколько выше основания пластины. Все поле пластины заполнено тисненными фигурами. Вдоль правого продольного края (в нижней части) имеются две 8-лепестковые розетки. Остальная часть пластины орнаментирована в скифском зверином стиле. Внизу помещены схематические птичьи головки, расположенные в два ряда (по четыре в ряд). Центральную часть пластины занимает голова оленя, хотя горбатый профиль морды более характерен для лося. Рога изображены в виде спирально согнутых птичьих головок. Подобная трактовка рогов обычна для изображения оленя. Схематические птичьи головки украшают также шею и нижнюю челюсть оленя. Выше, судя по сохранившейся части пластины, располагался ряд профильных головок птиц (?) с широко открытым клювом (?). Исходя из ширины пластины и размеров птичьих головок, можно сделать вывод, что в ряду их было не более четырех. Выше узкой, незаполненной орнаментом полосы сохранилась лишь часть морды оленя, нижняя челюсть которого украшена схематической птичьей головкой. Судя по этой части изображения, видимо, в верхней части пластины также была помещена головка оленя в

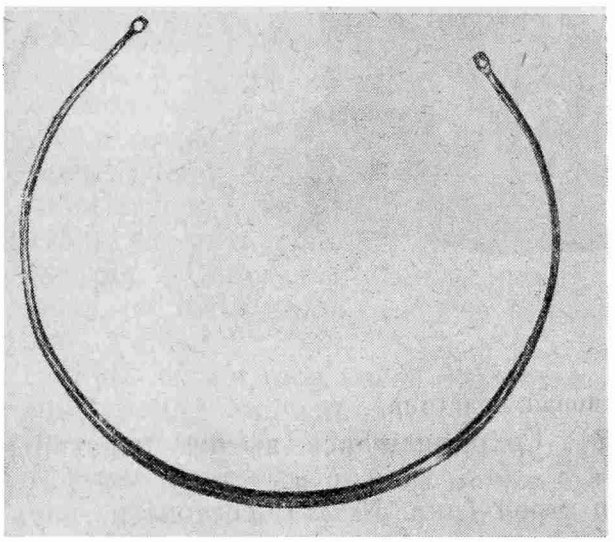


Рис. 4. Шейная гривна

[6] А. П. Манцевич. Золотой венец из кургана на р. Калитве. ИАИ, кн. XXII, 1959, стр. 66.

[7] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 203; Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 годов. ИАК, 43, СПб., 1911, стр. 120.

Рис. 5. Нашивная пластина

профиль (такая же, как и в центре). Сохранившаяся высота пластины 13,6 *см*, ширина в основании — 7,5 *см*.

4. Золотая обкладка колчана для стрел (инв. № 229) состоит из двух частей — нижней и верхней. Нижняя — в виде гладкой пластины длиной 23,5 *см* закрывала большую часть колчана со скругленным дном. Ширина ее 12,5 *см*. Верхняя часть обкладки представляет собой пластину с фризом, выполненным тиснением. Снизу и сверху края пластины окаймлены накладными рельефными полосками, закрепленными на ней с помощью 10 золотых заклепок (по 5 вдоль верхнего и нижнего края). Высота верхней пластины 10 *см*, ширина 12,5 *см* (рис. 6).

Таким образом, общая длина обкладки всего 33,5 *см*. Если учесть, что длина скифских колчанов колебалась от 50 до 70 *см*[8], то можно сделать вывод, что или золотая обкладка покрывала не весь колчан, а лишь

[8] А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, Д., 1—4, М., 1964, стр. 33.

его верхнюю и нижнюю части, или еще одна пластина, примерно равная по длине нижней, не сохранилась. Способ крепления пластин обкладки на основу точно не известен. Видимо, загнутые края пластин плотно прижимались к основе, которая смазывалась какой-то клейкой массой.

Особый интерес представляет рельефный фриз, занимающий всю центральную часть верхней пластины. На фризе изображен олень, которого терзают лев, змея и орел. Хотя сцена терзания оленя широко распространена в скифском искусстве, ильичевский фриз оригинален, ибо знакомит с неизвестными доселе участниками этого сюжета (орел, змея) (рис. 7).

В центре композиции изображен рухнувший на колени олень с вытянутой шеей и несколько откинутой назад головой. Морда оленя устремлена вперед и вверх, челюсти стиснуты, ноздри раздуты, тонкие уши напряженно застыли. Взбугрившиеся мышцы четко выступают под шкурой; лишь ноги, переданные мастером в традиционной позе, выглядят застывшими. Сбоку на оленя напал лев и, обхватив его передними лапами, впился в грудь. Видимо, задними лапами лев упирался в хребет оленя (центральная часть пластины с фризом не сохранилась). Перед мордой оленя изображена змея с широко раскрытой пастью. Головка змеи почти на уровне морды оленя, глаза ее уже гипнотизируют свою жертву. Сзади на оленя налетел орел, он готов вонзиться в тело оленя.

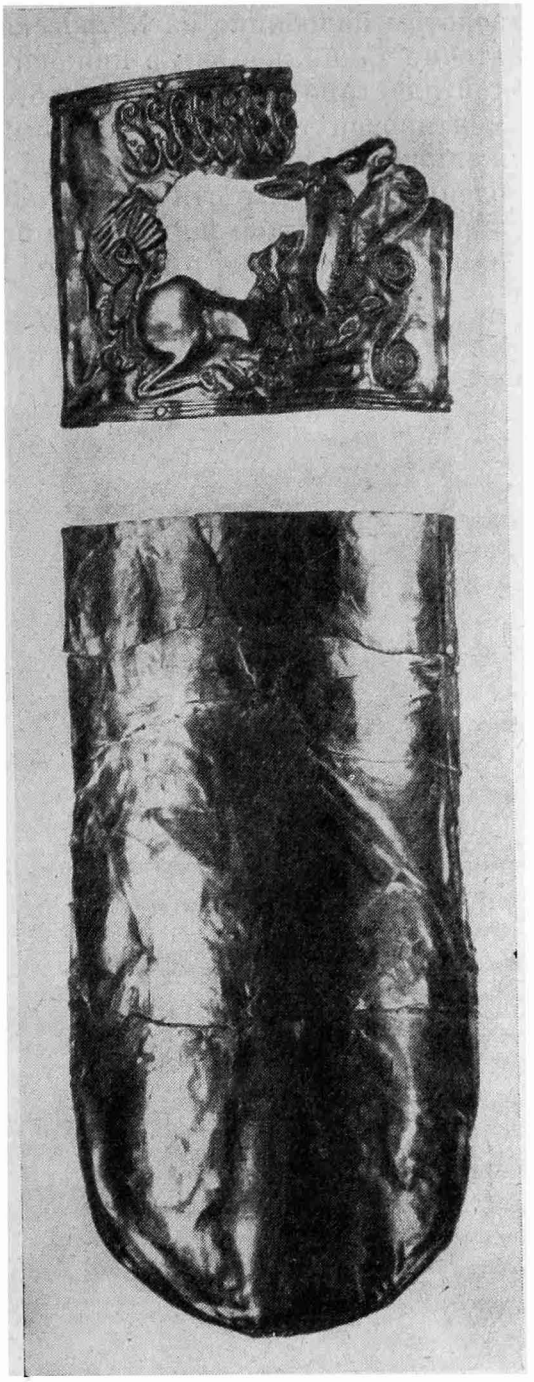


Рис. 6. Обкладка колчана для стрел

Как видим, вся сцена тщательно продумана композиционно и выполнена с подлинным художественным мастерством. Фриз из Ильичевского кургана с полным правом может быть отнесен к числу лучших уникальных произведений скифского искусства.

Как же датируется описанное погребение и золотые изделия, с ним связанные? Как уже отмечалось, золотой конус имеет ближайшие аналогии среди находок Острой Томаковской могилы конца VI или начала V в. до н. э.[9] и в Журовском кург. № 400, который относится к первой половине V в. до н. э.[10].

Изображения на ильичевской пластине также имеют близкие параллели в памятниках первой половины V в. до н. э. Это наиболее очевидно при сравнении по-разному стилизованных головок хищных птиц. Так, на

[9] И. В. Яценко. Скифия VII—V вв. до н. э. Тр. ГИМ, 36, 1959, стр. 53.
[10] М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 32—33.

золотом налобнике из Журовского кург. № 401 нанесены птичьи головки (точно такие же, как в нижней части ильичевской пластины) [11]. На золотой пластине — оббивке из этого же Журовского кургана рог оленя орнаментирован такими же птичьими головками [12], как и рога оленя, изображенного в центре ильичевской пластины. Шея и нижняя челюсть этого оленя украшены птичьими головками, выполненными в другой манере, хорошо известной по золотым бляхам Ак-Мечетского кургана [13] и по ножнам Елизаветовского кург. № 1 [14].

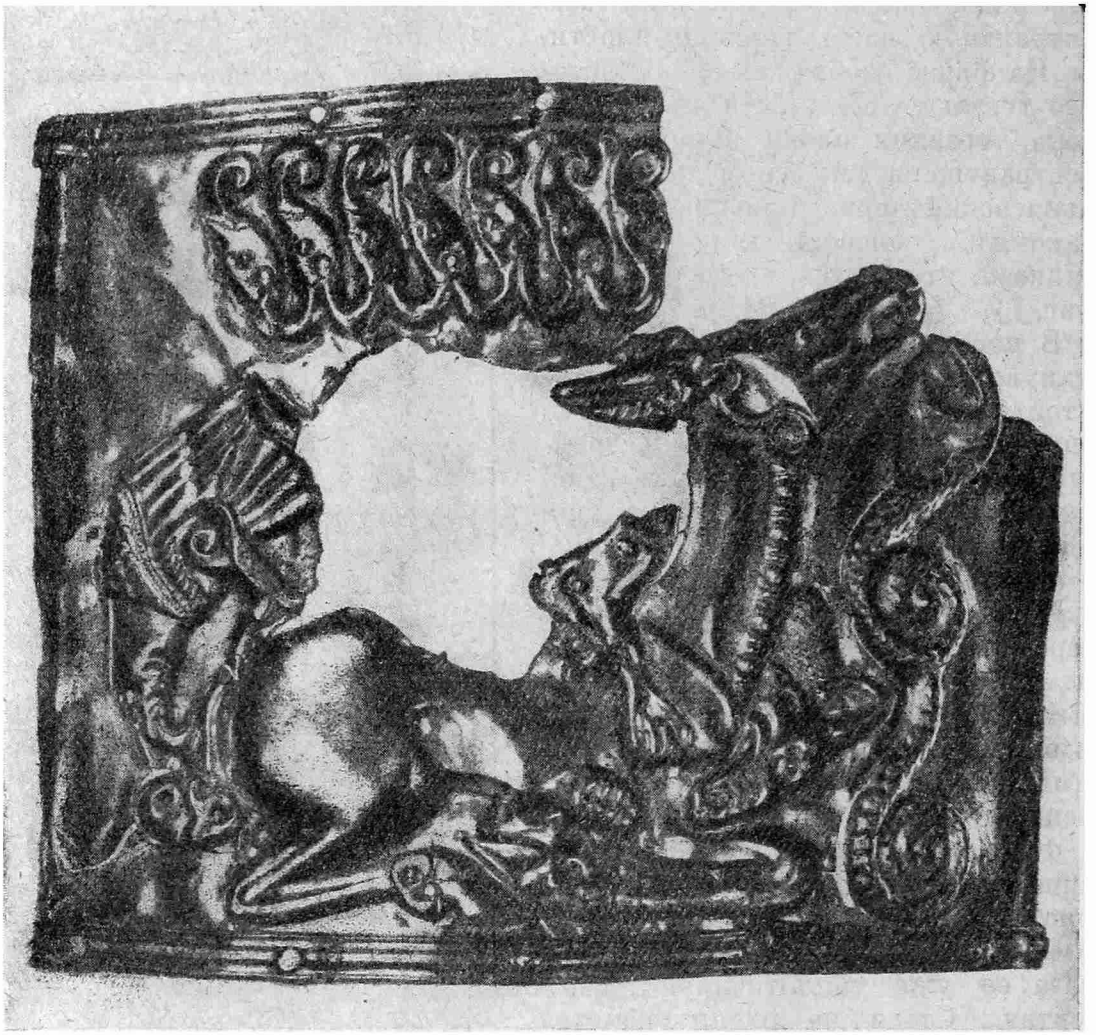


Рис. 7. Рельефный фриз

Хотя, как уже отмечалось, сюжет ильичевского фриза оригинален и не имеет полных аналогий, сходство в изображении животных и в передаче отдельных деталей позволяет ильичевский фриз сопоставить с рядом известных памятников и также датировать первой половиной V в. до н. э. Действительно, олень, изображенный на ильичевском фризе, имеет много общего с изображениями оленя на бляшке из Журовского кург. № 401 [15] (поза, орнаментальная полоска на шее, стилизация рогов), на бляхе из Ак-Мечетского кургана (поза, орнаментальная полоска на шее, вырази-

[11] А. А. Бобринский. Ук. соч., стр. 16, рис. 38.
[12] Там же, стр. 15, рис. 35.
[13] М. И. Артамонов. Ук. соч., табл. 72.
[14] ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 145, рис. 210.
[15] А. А. Бобринский. Ук. соч., стр. 16, 17, рис. 41.

тельная трактовка мощного оленьего тела) и на ножнах меча из Елизаветовского кург. № 1 [16] (стилизация рогов, трактовка уха).

Прямые аналогии изображениям орла и льва на ильичевском фризе нам неизвестны, однако ряд общих деталей в трактовке этих образов встречается в скифском искусстве первой половины V в. до н. э. Так, в центре золотого налобника из Журовского кург. № 401 изображен орел, у которого голова, клюв и оперение [17] аналогичны ильичевскому. Эти же детали сближают ильичевского орла с орлом, терзающим ягненка, помещенным на золотой пластине из четвертого Семибратнего кургана [18]. Из этого же кургана происходит золотая пластина с изображением сцены терзания оленя львом, у которого грива выполнена в той же манере, как у льва ильичевского фриза [19].

Сложнее найти аналогии изображению змеи на ильичевском фризе. Змеи, как известно, сравнительно редко встречаются на предметах торевтики из Северного Причерноморья. Из находок в Причерноморье можно назвать лишь золотой браслет из плетеной проволоки со змеиными головками на концах, найденный в том же четвертом Семибратнем кургане [20]. Здесь змеиная чешуя передана так же натуралистически точно, как и у змеи ильичевского фриза. Однако наиболее сходные изображения змей встречаются на древнегреческих бронзовых поножах. Например, из Олимпии известны бронзовые поножи V в. до н. э., на которых изображены змеи с открытой пастью и четко выделенным жалом [21].

Все приведенные аналогии предметам из ильичевского погребения позволяют датировать его первой половиной V в. до н. э.

Учитывая, что большинство изображений, стилистически близких ильичевским, встречено на предметах торевтики, происходящих из курганов Крыма, Прикубанья, Нижнего Подонья — районов, особенно тесно связанных с античным Боспором,— можно считать, что и ильичевские находки были изготовлены где-то на Боспоре. Пытаться определить сейчас более точно центр, откуда могли бы происходить ильичевские изделия, преждевременно — ведь скифские памятники V в. до н. э. (в особенности первой его половины), дающие образцы скифского искусства, очень немногочисленны.

Ильичевское погребение (так же как и погребения в Ак-Мечетском и Золотом курганах у Симферополя) является древнейшим среди богатых скифских могил Крыма. В Причерноморских степях к этому времени относятся лишь три богатых погребения: Острая Томаковская могила, курган Бабы и курган близ Херсона [22]. Только детальное, всестороннее изучение всех перечисленных памятников скифской родоплеменной знати даст возможность выяснить многие важнейшие вопросы истории Скифии в конце архаического и начале классического периодов.

---

[16] А. И. Артамонов. Ук. соч., табл. 72 и 324.
[17] А. А. Бобринский. Ук. соч., стр. 16, рис. 38.
[18] М. И. Артамонов. Ук. соч., табл. 118.
[19] Там же, табл. 120.
[20] Там же, табл. 133.
[21] E. Curtius, F. Adler. Olympia. Tafelband IV. Berlin, 1890, LXI, 990.
[22] И. В. Яценко. Ук. соч., стр. 51 сл.

О. Д. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

СУХУМСКАЯ СТЕЛА

(К вопросу о датировке)

Летом 1953 г. в Сухуми (недалеко от устья р. Беслети, в море [1], примерно на расстоянии 7 *м* от берега) случайно была найдена мраморная прямоугольная плита, оказавшаяся надгробным памятником. Она в настоящее время выставлена в Сухумском государственном музее.

Несмотря на то, что прошло уже более десяти лет со времени открытия этого чрезвычайно интересного памятника, он еще, можно сказать, не изучен. Отдельные замечания, высказанные в специальной литературе относительно датировки сухумской стелы, довольно противоречивы. Так, М. М. Трапш, впервые опубликовавший сухумскую стелу, отмечает только лишь, что «композиция (представленная на сухумской стеле.— *О. Л.*) в большинстве случаев встречается в надгробных памятниках античного искусства [2] в конце V в. и особенно в IV в. до н. э. К этому времени, надо полагать, относится и рассматриваемый нами мраморный барельеф» [3]. На сообщение М. М. Трапша откликнулся известный французский археолог и искусствовед Ш. Пикар, который, опубликовав изображение стелы с кратким описанием, в заключение отмечает: «Я еще не нашел ничего для непосредственного сравнения» [4].

И. Н. Цицишвили, опубликовавший краткую заметку о находке стелы, пишет: «Перед нами блестящее произведение античного искусства второй половины V в. до н. э.» [5].

Специальный доклад, к сожалению еще не опубликованный, был посвящен сухумской стеле С. В. Барнавели. Выводы автора изложены в печатных тезисах: «...стела очень близка к памятникам греческой скульп-

---

[1] Как известно, в античную эпоху на территории г. Сухуми был расположен город Диоскурия, бóльшая часть которого в настоящее время погружена в море. В районе р. Беслети находилась, по-видимому, одна из основных частей античного города (в Сухумском государственном музее хранятся материалы, найденные в этих местах). В этом же районе часто находят отдельные предметы (обломки амфор, чернолаковой керамики, монеты и др.), выброшенные морем. См. М. М. Иващенко. К вопросу о местонахождении Диоскурии. Изв. Абх. научного общества, IV, 1926, стр. 101.

[2] Автором дается ссылка лишь на работу: В. Метакса. Идеализация земной жизни на древнегреческих надгробных рельефах. Вестник археологии и истории, изданный Петербургским археологическим институтом, XIV, СПб., 1900.

[3] М. М. Трапш. Мраморный барельеф из Сухуми. Тр. Абхаз. ИЯЛИ АН Груз ССР, Сухуми, XXV, 1954, стр. 372—374; та же работа была опубликована в ВДИ, 1954, 1, стр. 163—165; его же. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми 1951—1953 гг. СА, XXIII, 1955, стр. 224, рис. 13.

[4] Ch. Picard. La stèle grecque de Soukhumi en Kolchide (Caucase). RA, XLVIII, 6 сер. 1956, стр. 81—82.

[5] И. Н. Цицишвили. Замечательный памятник искусства. «Дроша» («Знамя»), 9, 1954, стр. 20 (на груз. яз.).

туры середины V в. как по сюжету, так и в отношении выполнения. Рассмотрение рельефа в связи с греческой скульптурой дает возможность заключить о близости рельефа к восточногреческому искусству. Некоторые свойства рельефа указывают на участие местного мастера в выполнении рельефа» [6].

В 1960 г. вопроса о датировке сухумской стелы коснулся Т. К. Микеладзе, по мнению которого «сухумский надгробный памятник как по материалу, так и по содержанию, характеру, композиции и стилю изображения повторяет стелу из Амиса, датированную концом IV в. до н. э.» [7]. Однако названные памятники сильно отличаются друг от друга не только стилистически, но и «по композиции и содержанию» [8].

Таким образом, относительно датировки сухумской стелы нет единого мнения; все высказывания по этому поводу главным образом основаны на общем облике памятника и характере сюжета изображений. Данная работа ни в какой мере не претендует на всестороннее изучение этого чрезвычайно интересного, но очень сложного памятника; мы хотим обратить внимание лишь на некоторые особенности, имеющие значение для его датировки.

Сухумская стела представляет собой массивную мраморную плиту высотой 157 и шириной 91 *см*; толщина плиты 12 *см*, мрамор мелкозернистый, белый (скорее телесного цвета). В настоящее время средняя часть плиты покрыта желтоватым налетом. У стелы отбита нижняя часть левого угла [9].

На сухумской стеле высечена трехфигурная сцена (рис. 1): в правой части изображена женщина, сидящая в кресле со спинкой и гнутыми ножками [10], покрытом звериной шкурой [11]. Тонкий льняной (?) хитон переданный врезанными и несколько сухими линиями, мягко облегает фигуру женщины. Поверх хитона накинут плащ, вертикальные складки которого подобраны на колени. Перекинутый через плечо гиматий свисает тяжелыми складками над спинкой кресла. Верхняя часть фигуры развернута в три четверти, голова дана в профиль. Черты лица довольно крупные, нос прямой, пухлые губы переданы пластично. Слегка выпуклый глаз, очерченный миндалевидным рельефным ободком, дан в фас. Волосы спадают к ушам волнистыми прядями в три ряда.

---

[6] С. В. Барнавели. Мраморная стела со дна Черного моря. Тезисы докладов XI научной сессии Института истории грузинского искусства АН ГрузССР, Тбилиси, 1956, стр. 9.

[7] Т. К. Микеладзе. К генезису взаимоотношений между грузинскими племенами и греческим миром. Вестник ООН АН ГрузССР, 1960, 2, стр. 195 (на груз. яз.).

[8] На стеле из Амиса, так же как и на сухумской, трехфигурная композиция, но совершенно другого содержания: изображен сидящий в кресле юноша (на колени и левую руку накинут плащ). В правой руке он держит яблоко, к которому тянется маленький мальчик, сзади же стоит старший мальчик с сумкой в руке. См. G. Mendel. Catalogue des Sculptures, I. Musees imp. ottomans, Constantinople, 1912, стр. 15—16, № 7; М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, стр. 115—116.

[9] По описанию М. М. Трапша (М. М. Трапш. Ук. соч.), «в плите перпендикулярно плоскости верхней грани проделано шесть круглых отверстий, расположенных друг от друга на расстоянии от 11,5 до 16,5 *см*. Они служили, несомненно, для укрепления на штырях фронтона, завершавшего надгробную плиту». К сожалению, в настоящее время стела так вмонтирована в стену, что нет возможности рассмотреть указанные «отверстия». Следует отметить, что на греческих надгробиях фронтон обычно высекался вместе с рельефом. Но, хотя и очень редко, известны случаи находок отдельно изготовленного фронтона и рельефа: см. K. Blumel. Katalog der griechischen Skulpturen des V und IV Jahrbunderts. Katalog der Sammlung antiker Skulpturen, III. Berlin, 1929, K 35, K 36.

[10] Аналогичные кресла (κλισμός) были широко распространены в греческом мире во второй половине V в. до н. э.; G. M. A. Richter. Ancient Furniture. A history of Greek, Etruskan and Roman Furniture. Oxford, 1926, стр. 45 сл.

[11] A. Conze. Die attischen Grabreliefs, I—IV, 1893—1922, № 59, табл. XXVI.

Рис. 1. Сухумская стела

На греческих надгробных рельефах классического периода сидящим обычно изображается умерший [12]; следовательно, и на сухумской стеле сидящая в кресле женщина изображает умершую. Она правой рукой обнимает обнаженного мальчика, взор которого обращен к ней, по-видимому, к матери. Сидящая женщина и мальчик выполнены плоскостным рельефом, высота которого варьирует от 0,5 до 1,5 *см*.

На левой части стелы (на заднем плане) изображена в фас молодая девушка, облаченная в аттический пеплос (низкий рельеф, высотой 1,5—2 *см*). Голова девушки обращена налево (в профиль). У девушки, так же как и у мальчика, коротко остриженные волосы (знак траура). Лицо мо-

[12] K. Friis Johansen. The Attic Grave-Reliefs of the Classical Period. Copenhagen, 1951, стр. 37; единственное исключение — так называемая стела Аристилы: A. Conze. Ук. соч., № 115, табл. XXIV; K. Friis Johansen. Ук. соч., стр. 37.

лодой девушки проникнуто скорбью, что подчеркивается особым наклоном головы; левой рукой девушка поддерживает ларец.

Обычай сооружать надгробные памятники — стелы, как известно, широко практиковался в греческом мире [13], особенно же с последних десятилетий VII в. до н. э. Самые ранние греческие надгробия (610—525 гг. до н. э.) представляли собой высокие узкие и плоские плиты, слегка суживающиеся кверху и заканчивающиеся небольшим изгибом для поддержки перекрытия со статуей сфинкса или льва. Стелы украшались росписями и барельефами. С последней четверти VI в. до н. э. (530—500 гг. до н. э.) распространяются узкие высокие плиты, увенчанные пальметкой с изображением, как правило, одной фигуры [14].

С конца VI в. до н. э. в развитии погребальной архитектуры наступает резкий упадок, что объясняется запрещением в Афинах роскоши в погребальных обрядах; в частности, там запрещалось воздвигать дорогие частные надгробные памятники [15]. В течение почти полустолетия в Афинах надгробные рельефы не изготовлялись. В тот же период (в первой половине V в. до н. э.) надгробные рельефы широко были распространены в других греческих центрах, особенно же на ионийских островах и малоазийском побережье. Весьма интересно, что в указанных областях, наряду с рельефами чисто ионийского стиля, встречаются также стелы аттические по форме и стилю. Изготовлялись они, видимо, аттическими мастерами, которые вынуждены были работать за пределами своей родины [16].

Новый расцвет аттического надробного рельефа начинается с 30-х годов V в. до н. э. [17] При этом известно, что частных надгробных рельефов было в V в. несравненно меньше, нежели в IV в. до н. э. [18]; объясняется это в какой-то мере ростом имущественного неравенства [19].

В этот начальный период нового развития аттического надгробного рельефа все еще прослеживаются архаические традиции и влияние островного искусства: изготовляются узкие и высокие стелы с изображением стоящих фигур с птицами или животными [20]. Но уже совсем скоро (по-видимому, с конца третьей четверти V в. до н. э.) вырабатываются новые формы надгробных рельефов — широкие стелы, часто с многофигурными композициями, увенчанные фронтонами, а с IV в. обрамленные боковыми пилястрами. В дальнейшем, благодаря этому внешнему архитектурному оформлению, стелы становятся более глубокими, а изображение принимает характер почти круглой скульптуры [21].

В указанный начальный период (т. е. после 30-х годов) аттический надгробный рельеф быстро развивается под сильным и благотворным воздействием аттического искусства высокой классики и, в первую очередь,

---

[13] M ö b i u s. Stele, PWK, 1929, VI, стр. 2307 и др.; ср. K. F r i i s J o h a n s e n. Ук. соч., стр. 73 сл.

[14] G. R i c h t e r. The Archaic Gravstones of Attica. London, 1961, стр. 2—4.

[15] На основе сообщений Цицерона этот закон приписывается Клисфену. См. К. М. К о л о б о в а. Древний город Афины и его памятники. М.— Л., 1961, стр. 305 сл. (там же лит.); G. R i c h t e r. The Archaic Gravstones..., стр. 53.

[16] G. R i c h t e r. The Archaic Gravstones..., стр. 4.

[17] G. R o d e n w a l d t. Das Relief bei den Griechen. Berlin, 1923, стр. 62; E. K j e l l b e r g. Studien zu den attischen Relifs des V Jahrhunderts v. Chr. Uppsala, 1926, стр. 125 сл.; G. R i c h t e r. The Archaic Gravstones..., стр. 54.

[18] G. L i p p o l d. Die griechische Plastik. HA, V, 1950, стр. 195.

[19] К. М. К о л о б о в а. Ук. соч., стр. 307.

[20] E. K j e l l b e r g. Ук. соч., стр. 125 сл. (дается перечень ранних аттических надгробий, по мнению автора, времени Парфенона); ср. A. C o n z e. Ук. соч., № 821, табл. CLVIII; № 843, табл. CLVIII, а также № 822, 865; G. L i p p o l d. Ук. соч., стр. 195; G. R i c h t e r. The Archaic Gravstones..., стр. 54, прим. 12 — к аттическим стелам эпохи Перикла относятся: стела Аристилы и девушка с пиксидой.

[21] См. G. R i c h t e r. The Sculpture and Sculptors of the Greeks. New Haven, 1950, стр. 132—133; G. R i c h t e r. Catalogue of Greek Sculptures in the Metropolitan Museum of Art, 1954, стр. 47—48.

скульптур Парфенона. Некоторые надгробные рельефы изготовлялись даже в мастерских выдающихся скульпторов [22]. В этот период торжества аттического искусства влияние аттических надгробных и вотивных рельефов широко распространяется повсюду, и не всегда легко бывает определить местное начало и аттическое влияние [23].

Аттические надгробные рельефы классического периода характеризуются исключительным разнообразием сюжетов [24], среди которых довольно часты и наиболее типичны сцены прощания с умершей. Наиболее близкую аналогию с сухумской стелой по сюжету (изображение сидящей в кресле умершей женщины с прислонившимся к ее коленям ребенком и стоящей рядом фигуры молодой женщины, держащей обычно шкатулку) представляют собой так называемые стелы Фрасиклея [25] и Архистрата [26].

Так же как и сухумская стела, названные выше и некоторые аналогичные по композиции рельефы [27] объединяют широко распространенные в греческих надгробиях сцены, когда в одних случаях умершая изображается вместе с ребенком (знаменитая эрмитажная стела Филострата и др. [28]) или же, как в других случаях, в паре с молодой женщиной, которая преподносит умершей ларец с украшениями. Среди рельефов подобного содержания [29] наиболее выдающимся является знаменитая стела Гегесо, датированная около 400 г. до н. э. [30] Изображение на стеле Гегесо (аналогичная сцена является частью изображения на сухумской стеле) обычно было интерпретировано так, будто умершая была представлена так же, как и при жизни: она рассматривает драгоценности, которые ей принесла служанка — рабыня. Такое объяснение основывалось главным образом на характере одежды молодой женщины, держащей шкатулку: длиннорукавной хитон (χειριδωτὸς χιτών) на молодой женщине безоговорочно принимался за одеяние рабыни. Однако недавно Юрген Тимме, в специальной работе рассмотревший смысл изображения на стеле Гегесо, убедительно показал, что в подобном одеянии часто изображались представители самых разнообразных слоев греческого общества и что длиннорукавной хитон играл исключительно важную роль в древнегреческом культе [31].

Изображение на сухумской стеле девушки со шкатулкой в подпоясанном аттическом пеплосе (без рукавов) также исключает возможность видеть в ней рабыню или служанку. Несомненно, это ближайшая родственница покойной, которая преподносит умершей особый погребальный по-

---

[22] G. Lippold. Ук. соч., стр. 195.

[23] E. Pfuhl. Attische und Jonische Kunst des V Jahrhunderts. JDJ, XLI, 1926, стр. 128 сл.

[24] G. Lippold. Ук. соч., стр. 196; K. Friis Johansen. Ук. соч., стр. 13 сл.

[25] A. Conze. Ук. соч., № 289, табл. LXVI.

[26] A. Conze. Ук. соч., № 290, табл. LXVI. В отличие от нашего рельефа здесь вместо мальчика изображена девочка, которая протягивает матери птичку.

[27] A. Conze. Ук. соч., № 280 (табл. LXV), 283, 284 (табл. LXVI), 285, 288, 292. Интересно отметить, что изображения с аналогичным сюжетом в это время встречаются и в керамической живописи, в частности, на одном из белых лекифов (W. Riezler. Weissgrundige attische Lekythen. München, 1914, стр. 120, табл. 50), который Дж. Бизли (G. D. Beazley. Attic Red-Figure Vase-Painters. Oxford, 1942, стр. 782, № 72) считает работой мастера «мюнхенской амфоры 2335» (около 430 г. до н. э.) — CVA, Deutschland B_6, München B_2, стр. 13 (к табл. 67).

[28] A. Conze. Ук. соч., № 72, табл. XXIV; № 59, табл. XXVI, № 61—64.

[29] A. Conze. Ук. соч., № 69, табл. XXXI; № 70, табл. XXXII; № 74, табл. XXXV; № 77, 79, 81—82, табл. XXXVI.

[30] Стела Гегесо издавалась неоднократно: В. Д. Блаватский. Греческая скульптура. М.— Л., 1934, стр. 105—106, рис. 92; А. И. Вощинина. Античное искусство. М., 1962, стр. 176, рис. 59; A. Conze. Ук. соч., № 68, табл. XXX; G. Lippold. Ук. соч., табл. 41; A. Richter. The Sculpture..., стр. 133, 164, рис. 429; K. Friis Johansen. Ук. соч., стр. 17, рис. 5 и др.

[31] J. Thimme. Die Stele der Hegeso als Teugnis des attischen Grabkultes. AK, 7 Jahrgang, 1, 1964, стр. 19 сл.

дарок — шкатулку[32] с различными украшениями (главным образом тенией) магического назначения[33].

Таким образом, на сухумской стеле представлена сцена прощания с умершей, изображенной в кругу своих родных — ребенка и девушки, провожающей покойную в последний путь со специальным подарком. Обращаясь к аналогичным по содержанию греческим надгробиям с трехфигурной композицией (упомянутые выше стелы Фрасиклея, Архистрата и др.), следует отметить, что последние от сухумской отличаются как по стилю изображения, драпировке и постановке фигур, так и по форме. Имея архитектурное обрамление в виде боковых пилястров и с изображениями, выполненными в довольно высоком рельефе, они датируются не ранее IV в. до н. э.

Рис. 2. Родосская стела Крито и Тимаристы

Изучение развития форм греческих стел и сюжетов рельефа может дать некоторые предварительные хронологические рамки для датировки сухумской стелы: увенчанная фронтоном широкая плита с многофигурной композицией (с тремя действующими лицами) могла появиться не ранее 30-х годов V в. до н. э. С другой стороны, очень низкий рельеф, порой сочетающийся с плоскостным изображением, и отсутствие бокового архитектурного обрамления исключают ее датировку периодом позднее начала IV в. до н. э., когда архитектурное оформление греческих стел, как правило, имеет сложную профилировку, а изображение носит форму почти круглой скульптуры.

Стилистически сухумский рельеф наиболее близок к так называемой стеле Крито и Тимаристы (рис. 2), найденной в 1930 г. на Родосе[34]. Совершенно аналогична трактовка голов стоящей фигуры на сухумском рельефе и Крито на родосской стеле: тот же овал лица, манеры трактовки волос, форма уха, легкий наклон головы к левому плечу. Только глаз у Крито дан почти в профиль, почти так же, как у мальчика на сухумской

[32] Весьма интересно, что наличие деревянной шкатулки среди погребального инвентаря засвидетельствовано при раскопках афинского Керамейкона (J. Thimme. Ук. соч., стр. 18, прим. 14); на одном из белых лекифов (W. Riezler. Ук. соч., табл. 80) имеется изображение стоящей перед Хароном умершей, которая держит в руках, наряду с алебастром и другими предметами, также шкатулку.

[33] См. подробнее J. Thimme. Ук. соч., стр. 18 сл. Нам кажется малоубедительным заключительный вывод этого автора: якобы на стеле Гегесо представлено посещение умершей после ее похорон. Такое заключение противоречиво и затрудняет объяснение целого ряда моментов, оригинально и интересно трактованных самим автором. По нашему мнению, на стеле Гегесо, так же как и на большинстве надгробий с аналогичным сюжетом, изображается сцена прощания с умершей.

[34] G. Jacopi. Scavi nelle necropoli Camiresi. CR, IV, 1931, стр. 37—42, рис. 10—11, табл. 1; его же. La stele di Crito e Timarista. CR, V, 1931, стр. 31—35, рис. 17, табл. IV—VII.

стеле. В той же очень близкой манере переданы лица Тимаристы и умершей женщины на сухумском рельефе (линия лба и носа, губы, округленный подбородок, глаз, шея). Очень близки эти два рельефа и по моделировке одежды и даже по постановке фигур: подпоясанный аттический пеплос, в который одета стоящая девушка со шкатулкой на сухумском рельефе, совершенно аналогичен пеплосу Тимаристы (рис. 2, справа) даже в передаче отдельных линий складок. Можно с большой долей вероятности предположить, что и поза стоящей фигуры на сухумском рельефе была сходной с позой Тимаристы, т. е. она опиралась на левую ногу, слегка отставив назад и согнув в колене правую незадрапированную ногу. Наконец, также очень близко одеяние сидящей женщины сухумского рельефа с одеждой Крито (рис. 2, фигура слева); тот же льняной хитон, складки которого на груди переданы резными линиями, и накинутый сверху плащ, округленные складки которого подобраны у Крито на бедра, а у сидящей женщины на сухумском рельефе — на коленях (в силу различной постановки фигур). Непонятные (на первый взгляд) тяжелые складки, свисающие на спинке кресла на сухумской стеле, также повторяют линии складок плаща, перекинутого через левое плечо Крито. Здесь сказалось неумение мастера сухумского рельефа показать перспективу, из-за чего свисающие над креслом складки плаща кажутся отделенными из общей драпировки.

Родосскую стелу Крито и Тимаристы итальянский археолог Г. Якопи, которому принадлежит честь ее открытия и первой публикации, определил как аттическую работу около 460 г. до н. э. При этом Г. Якопи основывался главным образом на характере прически Крито и ее хитоне [35]. Однако вскоре после опубликования этого очень интересного во многих отношениях памятника датировка Г. Якопи (так же как и мнение об аттическом происхождении стелы) была почти единогласно [36] отвергнута, так как совершенно аналогичный характер трактовки хитона и волос был отмечен на многих памятниках более позднего времени (фриз Парфенона, памятник Немесиды в Рамнунте и т. д. [37]). Почти все исследователи родосскую стелу Крито и Тимаристы относят к последней четверти V в. до н. э. или даже к несколько более позднему времени. Карл Леманн-Хартлебен датирует ее около 430 г. до н. э. [38]; по мнению Якобшталья, стела создана скорее после 420 г. до н. э. [39]; Эрмина Шпейер стелу Крито и Тимаристы датирует началом IV в. до н. э. [40]; Маргарит Риккерт — 425—420 гг. до н. э. [41]; а Ернст Пфуль — 420—410 гг. до н. э. [42]. Именно эти две последние датировки в основном приняты в настоящее время в специальной научной литературе, и родосская стела Крито и Тимаристы датируется около 420 г. до н. э. [43].

Основу для такой датировки исследователи родосской стелы видят, в первую очередь, в наличии сильных влияний скульптур Парфенона (глав-

---

[35] G. Jacopi. La stele di Crito e Timarista, стр. 34.

[36] Лишь Г. Каро, который первым откликнулся на публикацию этой стелы, была принята датировка Якопи. Но вместе с тем Г. Каро отметил. что Г. Якопи «недооценил ионийский характер надписи». См. Georg Karo. Archäologischee Funde vom Sommer 1930 bis juni 1931. Arch. Anz. 46, Berlin, 1931, стр. 307.

[37] Даются ссылки на Smith. Sculptures of the Parthenon, табл. 35, № 32 (это издание осталось нам недоступным); E. Kjellberg. Ук. соч., рис. 1—12; G. Rodenwaldt. Ук. соч., табл. 70, 72; см. подробнее M. Rickert. A Rhodian Stele. AJA, XXXVII, 1933, 3, стр. 407.

[38] K. Lehmann-Hartleben. Ein griechische Grabrelief. Die Antike, VII, 1931, стр. 331—336.

[39] См. GGA, 1933, № 1/2, стр. 15—16.

[40] H. Speier. Zweifiguren-Gruppen in 5. und 4. Jhds. v. Chr. R. M., 47, 1931, стр. 51 сл.

[41] M. Rickert. Ук. соч., стр. 411.

[42] E. Pfuhl. Spätionische Plastik. JDJ, 50, 1/2, 1935, стр. 24.

[43] G. Lippold. Ук. соч., стр. 206; G. Richter. A Handbook of Greek Art. London, 1960, стр. 190.

ным образом в постановке фигуры и характере одежды Крито [44]). С этой точки зрения, как нам кажется, особый интерес представляет изображение в центре восточного фриза той арреофоры [45], которая передает «диф-рос» супруге архонта-басилевса. Несмотря на некоторую поврежденность верхней части изображения, оно, несомненно, является прямой аналогией фигуры Крито (рис. 2, слева) на родосской стеле (совершенно одинаковы поза и построение обеих фигур, одинакова и моделировка одежды: перекинутый через левое плечо плащ, плотно облегающий тело; под плащом ионийский хитон с изящными тонкими складками). Созвучные мотивы в постановке фигуры и в трактовке одежды Тимаристы (на родосской стеле: рис. 2, справа), а также стоящей девушки на сухумской стеле (рис. 1) можно усмотреть в изваянии Ириды на том же восточном фризе Парфенона [46]. Влияние скульптур Фидия отчетливо проявляется и в трактовке лиц, особенно ярко это видно в изображении лица сидящей в кресле женщины: нежный овал лица, почти без изгиба переходящая к носу линия лба, крупный пластично очерченный рот, крутой подбородок.

Таким образом, можно полагать, что родосская стела Крито и Тимаристы (так же как и сухумская стела) созданы под влиянием рельефов восточной части ионийского фриза Парфенона [47] (драпировка одежды и позы фигур). Восточный фриз Парфенона, как известно, датируется 442—432 гг. до н. э.

Исследователи, занимавшиеся определением родосской стелы Крито и Тимаристы, подчеркивая влияние скульптур Парфенона, вместе с тем [48] находят стилистическую близость с такими памятниками, как рельефы Архандроса [49], Ксенократея [50] и, особенно, такими, как посвятительный рельеф из Элевсина с изображением Афины, датированный 421—420 гг. до н. э. [51]. К этому же кругу следует отнести и аттический вотивный рельеф Луврского музея, датированный 410—409 гг. до н. э. [52].

На всех этих памятниках, относящихся главным образом к началу последней четверти V в. до н. э., мы находим (так же как и на сухумской и родосской стелах) почти канонизированный тип стоящей женщины в простом аттическом подпоясанном пеплосе с параллельными линиями складок, опирающейся на одну ногу и со слегка отставленной назад, согнутой в колене другой (не задрапированной) ногой. Г. Липпольд высказал мысль, что родосская стела Крито и Тимаристы была создана под влиянием аттических памятников, относящихся к кругу так называемой

---

[44] M. Rickert. Ук. соч., стр. 409.

[45] D. E. L. Hayhes, Werner Formann. Der Parthenon fries, Prag, 1958, рис. 48 (первая фигура слева).

[46] G. Rodenwaldt. Akropolis..., табл. 49; ср. E. Kjellberg. Ук. соч., стр. 46—50.

[47] Датировка родосской (следовательно, и сухумской) стелы временем, предшествующим рельефам Парфенона, исключается и при сравнении с характерными чертами стиля дофидиевского времени: ср. метопы олимпийского храма, рельеф так называемой скорбящей Афины и др., см. G. Richter. The Sculpture..., стр. 105—106, рис. 206, 319, 320.

[48] Трудно согласиться с мнением М. Риккерт (ук. соч., стр. 410) о якобы полной аналогии в постановке фигуры и в деталях драпировки в изображениях Афины (?) на фризе храма Афины Ники (ср. K. Blümel. Der Fries des Tempels der Athena Nike. Berlin, 1923, табл. I—III, *14*) и Тимаристы на родосской стеле. При этом фигуру Тимаристы М. Риккерт считает «дальнейшей стилизацией» фигуры Афины на фризе храма Афины Ники. Однако фигура Афины (?) на фризе храма Ники Аптерос по драпировке и постановке фигур скорее напоминает фигуры Кориатидов в храме Ерехтеиона (G. Riclter. The Sculpture..., стр. 101, рис. 502) и тем самым заметно отличается от изображения Тимаристы на родосской стеле.

[49] A. Heckler. Miszellaneen zur griechischen Plastik. JDJ, 1927, стр. 72, рис. 11; автор рельеф Архандроса датирует 420—410 гг., а E. Kjellberg. Ук. соч., стр. 82 около 430 г. до н. э.

[50] A. Heckler. Ук. соч., стр. 72, табл. 3*в*.

[51] Там же, стр. 71, табл. 2; H. Speier. Ук. соч., стр. 8.

[52] G. Richter. The Sculpture..., стр. 103, рис. 307.

Деметры из Элевсина [53]. «Деметру из Элевсина» Г. Липпольд [54] предположительно считает работой Агоракрита — известного паросского скульптора, ученика и подражателя Фидия. Действительно, можно найти очень близкие черты в драпировке и постановке фигуры на сухумской и родосской стелах с упомянутым выше торсом «Деметры», но еще ярче эта близость проявляется при сравнении с рельефами памятника Немезиды в Рамнунте, творцами которых были Агоракрит и его ученики [55]. Даже в весьма фрагментарных обломках можно усмотреть очень близкие мотивы трактовки волос, характер одежды, стремление подчеркнуть отдельные части тела [56].

Постановка фигуры и характер одежды стоящей женской фигуры на сухумском рельефе, а также Тимаристы на родосской стеле, таким образом, повторяют почти традиционный тип женских изваяний, созданных, возможно, в мастерской Агоракрита (под непосредственным влиянием скульптур Парфенона) и получивших широкое распространение в надгробных и вотивных рельефах в последней четверти V в. до н. э.

При сравнении сухумской стелы с указанными выше рельефами последней четверти V в. до н. э., которые отражают уже вполне сложившийся стиль этого времени [57], отчетливо выступают черты некоторой схематичности и архаичности. Это и дает основание для ее датировки ранним временем: между восточным фризом Парфенона 442—432 гг. до н. э. и указанными выше вотивными рельефами Архандроса, Ксенократея и т. д., т. е. сухумская стела должна быть датирована около 430—420 гг. до н. э.

Вопрос о месте изготовления сухумского рельефа является чрезвычайно сложным, хотя и сильное аттическое влияние и в общем ее аттический по стилю облик несомненны. Однако с 40-х годов V в. до н. э. влияние аттического искусства, как известно, распространяется почти повсюду в античном мире, особенно же в ионийской Малой Азии и на островах. Для этого времени бывает очень трудно, почти невозможно, отличить местное начало от аттического [58]. Поэтому было бы правильнее вопрос о месте изготовления сухумской стелы пока что оставить открытым. Вместе с тем хочется обратить внимание на некоторые особенности сухумского рельефа.

Плоскостные изображения сидящей женщины и мальчика, с одной стороны, и изваяние стоящей женской фигуры, выполненное в низком рельефе,— с другой настолько отличаются друг от друга, что кажутся даже работой двух мастеров.

Следует также подчеркнуть ряд явно архаических черт в передаче отдельных деталей: данный в профиль глаз [59] у сидящей в кресле женщины, ее прическа, напоминающая прическу одной из харит на аттическом вотивном рельефе 470 г. до н. э., приписываемом Сократу [60]; свисающие над висками локоны у стоящей девушки со шкатулкой, т. е. манера передачи волос, характерная еще для скульптуры строгого стиля (Дельфийский возничий, Аполлон с западного фронтона храма Зевса в Олимпии, а также

---

[53] G. Lippold. Ук. соч., стр. 206.

[54] Там же, стр. 191.

[55] Храм Немезиды в Рамнунте был построен в 436 г. до н. э.; однако рельефы изготовлены позднее — 421 г. до н. э.

[56] E. Kjellberg. Ук. соч., стр. 105 сл., табл. V, *16, 17*. Очень интересно, что на кипрских монетах IV в. до н. э., на которых, как полагают, изображена Немезида Агоракрита, мы находим задрапированную в простом аттическом подпоясанном пеплосе женскую фигуру, поза которой (G. Richter. The Sculpture..., стр. 242, рис. 634) напоминает изваяние стоящей девушки на сухумской стеле, Тимаристы на родосском рельефе и т. д.

[57] H. Diepolder. Die attischen Grabreliefs des 5. und 4. Jhds. Berlin, 1931, стр. 21.

[58] E. Pfuhl. Ук. соч., стр. 24; E. Langlitz. Zur Deutung der «Penelope», JDJ, 76, 1961, стр. 97—98.

[59] Аналогичная трактовка глаза встречается и на рельефах Парфенона, ср. G. Rodenwaldt. Akropolis..., табл. 45, 48.

[60] G. Lippold. Ук. соч.., стр. 112, табл. 35, *4*.

бронзовая статуя юноши из Марафона второй половины V в. до н. э.) [61]. Однако наличие отдельных архаических черт ни в коей мере не может служить основанием для более ранней датировки сухумской стелы (так же как оно не является решающим для определения места изготовления этого памятника): архаические черты свойственны аттической скульптуре второй половины V в. до н. э. (знаменитый элевсинский рельеф с изображением Деметры, Персефоны Триптоломея — датированный в настоящее время около 430 г. до н. э. [62] и даже IV в.) [63].

При изучении сухумского рельефа обращают на себя внимание отдельные погрешности: явно неудачное построение сидящей фигуры, большая (совсем мужская) рука у мальчика; неловкий, грубоватый рисунок рук и очень небрежное изображение пальцев. Однако едва ли все это может служить свидетельством неаттического и, следовательно, «провинциального» происхождения сухумской стелы. Ведь надгробные стелы (за редким исключением) изготовлялись далеко не выдающимися мастерами, а отдельные погрешности были свойственны, конечно, и аттическим мастерам.

Рис. 3. Афина из Лептис

Можно предположить, что столь близкие, как мы уже видели, во многих отношениях сухумский и родосский надгробные рельефы близки не только по времени, но, несомненно, являются произведениями одной и той же художественной школы. Вопрос о месте изготовления родосской стелы Крито и Тимаристы также нельзя считать вполне ясным, хотя почти все исследователи (Г. Каро, К. Леман-Хартлебен, М. Риккерт, Е. Пфуль, Г. Липпольд) отмечают неаттический характер отдельных деталей (характер надписи, форма стелы с округленной верхней частью [64], мотив обнимающих друг друга фигур). М. Риккерт находит сходство в изображении Тимаристы со статуей Афины из Лептис (рис. 3): одинаковые пропорции — высокая стройная талия и довольно маленькая голова; грубая внешняя трактовка волос; стиль драпировки — простой аттический пеплос, вертикальные складки которого контрастируют с кривыми линиями, использование линии складок для передачи эффекта светотени целиком для декоративных целей — чуждое для чисто аттического искусства этого време-

---

[61] G. Richter. Ук. соч., стр. 74—75, рис. 162, 163, 164, 166, 172.

[62] A. Ross Holloway. The Date of the Elusis Relief. AJA, 62, 4, 1958, стр. 403—408.

[63] R. Ross Holloway. Ук. соч., стр. 403.

[64] Аналогичная по форме стела происходит из Беотий. G. Richter. Catalog of Greek Sculptures..., стр. 73, № 74, табл. LX, *в*.

ни» [65]. Статуя Афины из Лептис считается ионийской работой около 420 г. до н. э. [66]. Тем не менее М. Риккерт оставляет открытым вопрос о том, изготовлена ли найденная на Родосе стела Крито и Тимаристы на самом Родосе или привезена из Аттики? [67].

Е. Пфуль видит «провинциальное» (т. е. ионийское) происхождение родосской стелы Крито и Тимаристы «в общем облике, а главным образом в передаче глаз» [68]. По стилю аналогичной считает он найденную также на Родосе сильно поврежденную стелу, по-видимому, с двухфигурной композицией (сохранилось изображение сидящей в кресле женщины и части фигуры от второй, возможно, пожимающей ей руку) [69].

Г. Липпольд, подчеркивая сильное аттическое влияние, стелу Крито и Тимаристы включает в ряд произведений родосской художественной школы [70]. Если это предположение подтвердится, то тогда можно будет предположить, что и сухумская стела изготовлена, скорее всего, на Родосе [71].

---

[65] M. Rickert. Ук. соч., стр. 410.

[66] E. Pfuhl. Attische und Jonische Kunst des V Jahrhunderts. IDI, XLI, 1926, стр. 128.

[67] M. Rickert. Ук. соч., стр. 410—411.

[68] E. Pfuhl. Spätionische Plastik..., стр. 24.

[69] Там же, стр. 24, рис. 12.

[70] К этому кругу Г. Липпольд (G. Lippold. Ук. соч., стр. 206) относит упомянутый надгробный рельеф, найденный на Родосе (E. Pfuhl. Spätionische Plastik, рис. 12), а также надгробие с о. Косс (ст. CR, I, 22).

[71] С этой точки зрения исключительно важное значение имеет детальное изучение памятников, найденных на ионийских островах, в Малой Азии и в Юго-Восточном Причерноморье.

Ю. С. ГРИШИН

О ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛАХ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Наиболее известные забайкальские памятники I тысячелетия до н. э.— плиточные могилы — распространены на очень широкой территории к югу и западу от Забайкалья. По данным Н. Н. Дикова, собравшим все опубликованные сведения о них, они занимают почти всю Монголию: с запада на восток — от верховий рек Кобдо до оз. Далай-Нор и с севера на юг от Байкала до Гобийской пустыни [1]. Кроме того, он отмечает и другие, очевидно, обособленные районы их распространения на юге (в предгорьях Нань-Шаня, в Суйюане к северу от Хуанхэ и, вероятно, даже в Тибете) и на севере (в прибайкальских степях) [2]. Таким образом, Забайкалье и в особенности его восточная часть, отделенная от западной труднопроходимым Яблоновым хребтом, является крайней северо-восточной областью их распространения.

К сожалению, памятники этого типа еще довольно слабо изучены в археологическом отношении. Хотя в Забайкалье раскопано около 250 плиточных могил, но вследствие ограбленности (за отдельными редкими исключениями) материалы, происходящие из них, известны в сравнительно небольшом количестве. В Монгольской Народной Республике количество раскопанных плиточных могил также очень невелико, хотя в последнее время их исследования начинают вызывать все больший интерес у монгольских археологов [3].

В Восточном Забайкалье до 50-х годов были известны сведения приблизительно только о 40 раскопанных плиточных могилах, в Западном — около 160, лишь небольшая часть из них была издана [4]. Здесь были найдены очень редкие золотые и медно-бронзовые изделия, близкие по форме к карасукско-тагарским из Минусинской котловины (ножи, скобчатые обоймы, украшения), а также какие-то отдельные железные перержавевшие предметы и отпечаток железной пряжки на куске глины. Кроме того, в некоторых случаях были обнаружены фрагменты керамики, сердоликовые и «костяные» бусы и каменные изделия явно энеолитического облика: дисковидное скребло глазковского типа и нефритовое кольцо. Если некоторые из них и известны пока только из плиточных могил Восточного Забайкалья, то поскольку отмечаются в них лишь в единичных случаях, нет оснований делать какие-либо заключения о принадлежности их только к восточнозабайкальским памятникам этого типа. Особенности восточнозабайкальских плиточных могил, в отличие от западнозабайкальских, уже отмечались исследователями. Они касались только их расположения, устройства и положения покойника в них. Н. Н. Диковым было отмечено несколько таких особенностей [5]: 1) они в основном располага-

[1] Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, стр. 25.
[2] Там же, стр. 25.
[3] Н. Сэр-Оджав. Археологические исследования в Монгольской Народной Республике. Монгольский археологический сборник. М., 1962, стр. 8.
[4] Н. Н. Диков. Ук. соч., прилож. 2, стр. 94—103.
[5] Там же, стр. 26, 28, 31, 32.

ются цепочками или рядами, нередко параллельными, вытянутыми с севера на юг, в то время как западнозабайкальские большей частью образуют беспорядочные скопления или же в зависимости от конфигурации местности опоясывают склоны возвышенностей; 2) наиболее крупные по размерам могилы и могилы с высокими угловыми камнями наиболее часто встречаются в Восточном Забайкалье; 3) фигурных могил (т. е. с вогнутыми стенками и плоской насыпью) здесь не обнаружено; 4) в восточнозабайкальских могилах отсутствуют поперечные перегородки, в то время как они изредка встречаются в западнозабайкальских и, наконец, 5) вытянутое на спине положение покойников не является типичным для них, поскольку был зафиксирован только один случай обнаружения скелета в полусидячем, скорченном положении.

Не со всеми из этих особенностей можно в настоящее время согласиться, тем более что некоторые из них основаны на единичных фактах.

После значительных работ, проведенных в Восточном Забайкалье двумя экспедициями под руководством С. В. Киселева [6] и А. П. Окладникова в 50-х и начале 60-х годов, общее количество раскопанных плиточных могил увеличилось здесь приблизительно вдвое и составляет в настоящее время свыше 80. Существенно возросло и количество материалов, происходящих из них, в особенности керамики. Благодаря этим последним исследованиям начинают намечаться и некоторые новые их особенности, отличные от западнозабайкальских плиточных могил.

Плиточные могилы Восточного Забайкалья, так же как и западнозабайкальские, занимают в основном степные районы южной части Читинской области и располагаются чаще всего у крупных и мелких рек и речушек, а также у озер, т. е. близ источников воды (некоторые из них сейчас уже пересохли). Наибольшее их сосредоточение наблюдается в междуречье Аги и Онона, в то время как в других районах они встречаются значительно реже [7]. Наряду с высокими местами они нередко располагаются и в долинах рек. Были зафиксированы даже случаи их нахождения в долине Онона у самых его протоков, так что во время большого подъема воды они могут затопляться в настоящее время. Довольно редко встречаются одиночные могилы, как правило же, известны могильники в виде отдельных цепочек, нередко параллельных в несколько рядов, вытянутых с севера на юг, из которых некоторые могилы иногда выступают в стороны. Сами же могилы почти всегда вытянуты с запада на восток, часто с небольшими отклонениями, причем возле восточной стороны некоторых из них находятся так называемые сторожевые камни, т. е. каменные столбы или плиты [8]. Вопреки мнению Н. Н. Дикова, некоторые из них имеют поперечные перегородки (могильники у райцентра Дульдурга и в долине р. Онона между с. Усть-Лиски и совхозом «Большевик») [9]. В отдельных местах с большими выходами на поверхность скального камня наблюда-

[6] Л. А. Евтюхова и Н. Н. Терехова. Плиточные могилы Кондуйской долины. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965.

[7] Интересно отметить, что на значительном участке левого берега Аргуни, обследованном в 1961 г. Ононским отрядом Монгольской археологической экспедиции и расположенном недалеко от г. Забайкальска и далее вниз по течению приблизительно на 150 *км*, не было обнаружено плиточных могил. Возможно, на самой Аргуни или хотя бы части ее в течение длительного времени жили какие-то племена, основу хозяйства которых составляло рыболовство. Во всяком случае об этом как будто свидетельствуют материалы с открытой здесь стоянки на высоком мысу у дер. Дурой. Из культурного слоя, хорошо прослеживающегося здесь в стенках старых окопов, и со дна их были собраны фрагменты толстостенных заштрихованных сосудов сравнительно позднего облика и каменный инвентарь, обычный по формам для забайкальских стоянок эпохи неолита и бронзового века, совместно с находками только рыбьих костей и раковин.

[8] В Агинской степи недалеко от Кункура нами обнаружен могильник из пяти могил, вытянутых цепочкой с севера на юг, и параллельного им ряда «сторожевых камней».

[9] Ю. С. Гришин. Древние памятники среднего течения р. Онона. Монгольский археологический сборник, стр. 95—96.

Рис. 1. Плиточная могила с подпорками для угловых камней (р. Онон, Малый Батор)

ются скопления нескольких десятков групп плиточных могил, образующих гигантские кладбища.

Такое скопление было обнаружено на берегу Онона на горе Малый Батор, где находятся большие выветренные скальные выступы, один из которых напоминает по форме гигантскую чашу и известен у местного населения как святилище, называемое «чашей Чингиз-Хана» [10]. В западной части этой горы, где находился наиболее крупный скальный выступ, имеющий в результате выветривания в значительной мере плитчатое строение, были произведены в 1960 г. раскопки 19 плиточных могил. Камень для их сооружения брали отсюда же, причем интересно отметить, что одна из могил с каменными столбами по углам, располагающаяся почти у самого скального выступа, была обставлена наиболее крупными плитами, так что на каждую сторону приходилось по одной большой плите. Все могилы, раскопанные здесь, как обычно обставленные по краям стоящими на ребре плитами, имели четырехугольно-подпрямоугольную форму, нередко с более высокими угловыми камнями. Их внутреннее устройство было также обычным для могил этого типа: заполнение состояло из смешанных камней и плиток разных размеров, идущих до самого дна или же до горизонтального плитчатого покрытия над могилой, на дне которой иногда делалось специальное углубление для покойника. Лишь в одном случае заполнение могилы состояло только из земли без камней и плит. Вкопанные на ребро боковые плиты часто достигали дна могилы: высокие угловые камни иногда имели боковые упоры (рис. 1). В одной из могил, в центре у самого дна, было обнаружено скопление угольков, но среди них жженых костей не было. Остатки костяков, сохранившихся в анатомическом порядке, были обнаружены в трех случаях. Погребенные лежали головой на восток, частично с небольшим отклонением. В двух случаях погребенный лежал в вытянутом положении на спине и лишь в одном случае — на правом боку. Интересно отметить, что в одной из раскопанных плиточных могил, имеющей своеобразную зубчатую форму плит (с заострением кверху), покойник лежал в углубленной в материк овальной ямке на подсыпке из земли. В одном случае рядом с покой-

[10] Ю. С. Гришин. Ук. соч., стр. 96—97.

ником были обнаружены остатки сопровождавшей его пищи — кости барана. Вследствие разграбленности могил, сохранившийся в них инвентарь очень невелик (рис. 2, *1—5*). Это — обломок, по-видимому, от створки литейной формочки из очень мягкого камня, сердоликовые бусины (цилиндрическая, биконическая и боченковидная), а также пастовые цилиндрические бусины. Пастовые цилиндрические и сердоликовые цилиндрическая и биконическая бусы совершенно аналогичны бусам, найденным в западнозабайкальских плиточных могилах [11]. Кроме того, в выше-

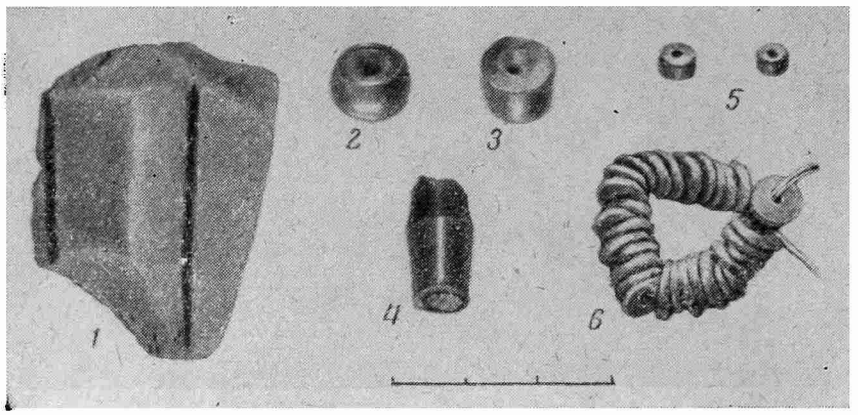


Рис. 2. Погребальный инвентарь из плиточных могил, раскопанных на горе Малый Батор (*1—5*) и у дер. Будалан (*6*):

1 — мог. № 12; *2* — мог. № 17; *3* — мог. № 13; *4* — мог. № 16; *5* — мог. № 10; *6* — могила в 1 *км* к востоку от дер. Будалан

описанной плиточной могиле с костяком на подсыпке были обнаружены многочисленные фрагменты, судя по венчикам, от двух сосудов (рис. 3). Наличие среди них фрагмента с характерными расходящимися стенками, некоторые фрагменты от ножек свидетельствуют о том, что по крайней мере один из них являлся триподом.

Этот факт весьма примечателен. По данным А. П. Окладникова, специально изучавшего триподы Забайкалья и определившего время их бытования здесь с конца II тысячелетия до V—IV вв. до н. э. [12], можно заключить, что в западнозабайкальских плиточных могилах зафиксирован только один случай обнаружения трипода, в то время как в восточнозабайкальских — семь. Учитывая данный случай, а также находку трипода в 1959 г. при раскопках плиточной могилы в пади Карымской у дер. Усть-Иля на Ононе [13], мы можем говорить уже о девяти экземплярах. И это несмотря на то, что общее количество плиточных могил, раскопанных в Восточном Забайкалье, намного меньше, чем в Западном. При этом и общее число случаев обнаружения триподов в Восточном Забайкалье, считая последние находки [14], возросло почти вдвое по сравнению с данными, приведенными в 1959 г. А. П. Окладниковым [15], и составляет в настоящее время не менее 25, а в Западном Забайкалье — только 18. По-видимому, более широко триподы были распространены в Восточном Забайкалье.

Бытующее объяснение распространения триподов в Забайкалье как результат связей с Китаем не позволяет понять, почему же все-таки мест-

[11] Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. Тр. ОПКЭ, 1, Л., 1941, рис. 16, *6—8*; Л. А. Евтюхова и Н. Н. Терехова. Ук. соч., стр. 245.

[12] А. П. Окладников. Триподы за Байкалом. СА, 1959, 3, стр. 126.

[13] Ю. С. Гришин. Ук. соч., стр. 89.

[14] Во время работ Ононского отряда Монгольской археологической экспедиции в Восточном Забайкалье в 1958—1961 гг. было девять случаев находок триподов. О двух-трех случаях их находок в районах, примыкающих к Онону, в 1964 г. было сообщено мне геологом Шамсутдиновым.

[15] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 124, рис. 7.

ными племенами была воспринята столь широко только эта своеобразная форма посуды. Почему тогда не были восприняты другие формы посуды, хотя фрагменты типично китайской сероглиняной керамики с веревочно-штриховым орнаментом иногда встречаются на стоянках эпохи бронзы в Восточном Забайкалье [16]. В Китае треноги были связаны с земледельческим культом [17], тогда как в Забайкалье в эпоху бронзы жили племена, основу хозяйства которых составляло скотоводство. Состав стада населения, оставившего плиточные могилы, судя по находкам в них костей животных, главным образом лошади и овцы, свидетельствует о подвижном образе его жизни [18]. Приходится предполагать, что сама форма триподов, в основном типа «ли» (с тремя большими полыми ножками-резервуарами) и отчасти типа «дин» (на трех сплошных ножках) была воспринята как наиболее удобная для быстрого приготовления пищи благодаря большой поверхности нагрева с небольшими затратами топлива, что могло иметь большое значение в степных условиях, где, надо полагать, в значительной степени ощущался недостаток топлива. Показательна в этом отношении находка А. П. Окладниковым на древнем стойбище трипода типа «ли» со следами нагара от пищи на его внутренней поверхности [19]. Вполне возможно, что после широкого распространения триподов в быту они в дальнейшем могли стать культовыми сосудами у забайкальского населения [20].

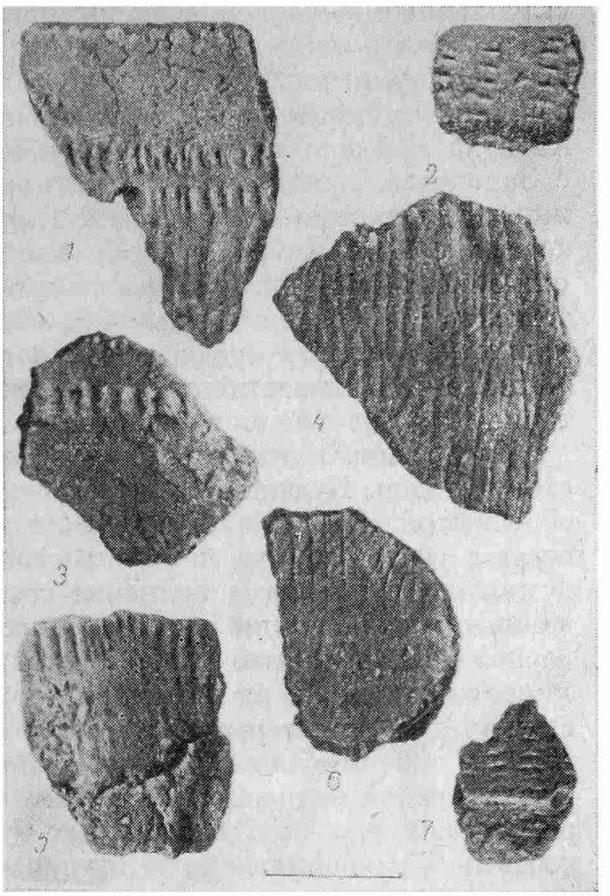


Рис. 3. Обломки сосудов из плиточной мог. № 6 на горе Малый Батор

Значительный интерес представляет и орнаментация сосудов из вышеописанной плиточной могилы на горе Малый Батор (рис. 3). В ней были найдены обломки по крайней мере от двух сосудов с частично заштрихованной поверхностью. Они были украшены в верхней части у венчика либо наклонными оттисками широкозубого гребенчатого штампа, либо горизонтальными рядами скобчатых насечек, заканчивающихся сплошь углубленными ступенчатыми оттисками штампа, также расположенными в одном горизонтальном ряду под ними. Горизонтальные ряды оттисков такого штампа имеются также на некоторых фрагментах стенок. Иногда стенки украшены вертикальными рядами углубленных насечек, а также валиковыми налепами с попарными углубленными широкими рассечками. Большинство из отмеченных орнаментов находит себе аналогии в орнаментике керамики Забайкалья еще эпохи неолита и ранней бронзы [21]. Особенно много сходства с материалами из раскопанной нами в Восточном Забайкалье стоянки у дер.

[16] Ю. С. Гришин. Ук. соч., рис. 23, *6*, *10* и рис. 36, *20*, *21*.
[17] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 130—131.
[18] Н. Н. Диков. Ук. соч., стр. 58.
[19] А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 117.
[20] Там же, стр. 130—131.
[21] А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии. ИАН СССР, сер. ист. и филос., VIII, 5, М., 1951, рис. 2.

Будалан на Ононе, по основному инвентарю синхронной серовско-китойским и глазковским забайкальским памятникам типа Улан-Хады и Шилкинской пещеры [22]. Но в отличие от обычно тонкостенных сосудов с мелкозернистыми примесями из этой стоянки, рассмотренная посуда из плиточных могил имеет более толстые стенки; в глине много крупнозернистых примесей. Очень немногочисленная по находкам другая известная по публикациям керамика из плиточных могил Восточного Забайкалья, в основном триподы, также часто сохраняет ранние типы орнаментов. Кроме уже описанных, можно указать и другие: параллельные ряды горизонтальных углубленных желобков, оттиски прямоугольно-гребенчатого и дугообразного гребенчато-пунктирного штампа, а также налепные выступы, рассеченные широкими насечками [23]. Они также в основном имеют аналогии среди керамики стоянки у дер. Будалан и отчасти в материалах стоянки Улан-Хада на Байкале [24]. По-видимому, в Восточном Забайкалье по сравнению с Западным более устойчиво на протяжении всего бронзового века удерживаются ранние черты орнаментации, так как на западнозабайкальской керамике из плиточных могил, известной в гораздо большем количестве, они отмечаются лишь в отдельных случаях и то почти всегда только в виде оттисков гребенчатого штампа [25]. На разрушенных обычно восточнозабайкальских стоянках среди подъемного материала эпохи бронзы и раннего железа также известны находки фрагментов сосудов с описанной орнаментацией, в том числе и от триподов [26].

Интересная плиточная могила была раскопана в 1961 г. в 1 *км* к востоку от дер. Будалан. Она была одиночной и располагалась на вершине обрывистой к берегу Онона сопки, причем ориентированная продольной осью с северо-запада на юго-восток она была обставлена небольшими камнями ограды. Ее заполнение состояло из суглинка и камней. Обнаруженные здесь остатки костяка, сохранившегося в анатомическом порядке, располагались по диагонали могилы, головой к востоку. При этом покойник лежал вытянуто на спине, что вместе с другими уже отмеченными случаями не подтверждает мнения Н. Н. Дикова о нетипичности такого групоположения для восточнозабайкальских плиточных могил (см. выше). Вдоль правой бедренной кости костяка и под ней был обнаружен целый ряд тонких плоских дисковидных бусин, очень напоминающих по форме известные раковинные бусы из прибайкальских глазковских погребений [27] (рис. 2, *6*).

Мы не будем останавливаться на характеристике других 12 плиточных могил, раскопанных в том же году близ дер. Будалан, так как они по устройству и расположению не отличаются от основной массы описанных. Следует лишь обратить внимание на те могилы, которые в чем-то дополняют наши представления о памятниках этого типа. Вместе с тем необходимо отметить и могилы, сохранившие, несмотря на ограбление, кое-что из инвентаря.

Небольшой могильник из четырех могил, расположенный в затопляемой части долины Онона (во время большого подъема воды в реке), дал только несколько мелких неорнаментированных обломков стенок темно-серого сосуда и челюсть жеребенка, найденные совместно в одной из могил. Большое зольное пятно было зафиксировано в другой могиле этого же могильника, у восточной ее стороны, но никаких остатков жженых костей там не было.

---

[22] Л. П. Хлобыстин. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале. КСИА АН СССР, 97, 1964; А. П. Окладников. Шилкинская пещера-памятник древней культуры верховьев Амура. МИА, 86, 1960.

[23] А. П. Окладников. Триподы за Байкалом, стр. 117—119, рис. 2.

[24] Л. П. Хлобыстин. Ук. соч., рис. 8.

[25] Н. Н. Диков. Ук. соч., табл. XII—XIII.

[26] Ю. С. Гришин. Ук. соч., стр. 79, 98, 108, рис. 23, 36.

[27] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 43, 1955, рис. 73, *2*, *4*.

Интересные наблюдения были сделаны при исследованиях плиточных могил близ северо-восточной окраины дер. Будалан, на месте упомянутой стоянки. Три могилы располагались на поверхности почвы в один ряд, с севера на юг; средняя могила (№ 2) несколько выступала из него к западу. Вместе с соседней, южной могилой (№ 3) она была ориентирована с запада — северо-запада на восток — юго-восток, в то время как северная (№ 1) совместно с обнаруженной при вскрытии слоя стоянки еще одной могилой (№ 4) (или же просто значительной по глубине каменной выкладкой у южной ее стороны) [28] — строго на восток. Обращает на себя внимание и различие между ними в строительном материале: плиты ограды мог. № 1 и 4 преимущественно гранитные, снаружи серовато-красноватой и темной окраски, а для устройства мог. № 2 и 3 были использованы плиты синевато-серого сланца. По-видимому, первоначально были сооружены две последние могилы (№ 2 и 3), так как сваленная угловая плита мог. № 2 была в некоторой части перекрыта камнями примыкающей к ней с северо-восточной стороны мог. № 4. В мог. № 1 отдельные плиты ограды сланцевые, они, по-видимому, были использованы здесь уже после выброса их из соседних разграбленных плиточных могил.

Вскрытие значительной площади стоянки к западу от этих плиточных могил позволило выявить ряд каменных плиток, отходящих от северо-западного угла мог. № 2, с небольшими промежутками между ними. Часть из них еще оставалась врытой стоймя на ребре, но большая часть, видимо, упала. Они тянулись в западном направлении, с некоторым отклонением к югу, на расстояние около 18 *м* и пересекали остатки одного из очагов стоянки, так что возможность связи их с последней очень маловероятна. Вполне возможно даже, что они направлялись не к углу плиточной мог. № 2, а судя по общему направлению ряда,— к мог. № 4, которая, как уже отмечалось, могла быть просто каменной выкладкой, тем более что в ней не прослеживалось обычной для всех остальных могил этой группы специальной ямки, углубленной для покойника ниже уровня могилы. Известно, что в более позднее время, в VII—IX вв., в Южной Сибири и Монголии у тюрков существовал обычай: от поминальных памятников, расположенных вблизи курганов, или же от самих могил нередко отходили вереницы вертикально врытых в землю камней — «балбалов», поставленных по количеству убитых покойником врагов. Л. А. Евтюхова предположила, что этот обычай может оказаться и более древним [29]. Не исключена возможность, что такое же назначение имел в данном случае и отмеченный ряд камней и что, следовательно, зародился такой обычай еще в эпоху плиточных могил в степях Забайкалья и Монголии.

В заполнении рассматриваемых могил на территории Будаланской стоянки (относящейся, как уже отмечалось выше, ко времени позднего неолита и ранней бронзы), а также среди грабительских выбросов вокруг них были обнаружены отдельные находки: оббитое орудие из гальки типа скребла, нуклеусы, пластины и др., не отличающиеся от другого инвентаря со стоянки. Лишь в мог. № 1 была найдена цилиндрическая красноватая сердоликовая бусина, обычная для памятников этого типа, в частности аналогичная по форме одной из обнаруженных на горе Малый Батор при наших раскопках плиточных могил (рис. 2, *3*). Кроме того, в мог. № 1 и 2 были найдены отдельные мелкие кусочки древесного угля.

Материалы, полученные при исследовании описанных нами плиточных могил в Восточном Забайкалье, не вносят, к сожалению, никаких новых данных, способствующих уточнению их датировки. Если в настоящее вре-

---

[28] Плиточная могила совместно с каменной выкладкой той же ориентировки была зафиксирована нами при раскопках в 1959 г. у дер. Усть-Иля на Ононе. Ю. С. Гришин. Поселения эпохи бронзы и раннего железа на Ононе. ВИСДВ, стр. 317—319.

[29] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952, стр. 114—116.

мя хорошо аргументирована конечная дата их существования в Забайкалье III—II вв. до н. э., то относительно начальной даты между исследователями имеются большие расхождения. В свое время Г. П. Сосновский датировал их с VI по II в. до н. э.[30]. После него Н. Н. Диков несколько углубил эту датировку до VIII—VII вв. до н. э.[31], а вслед за тем А. П. Окладников еще более значительно удревнил ее, допустив даже возможность существования некоторых из них во второй половине II тысячелетия до н. э.[32].

При этом оба последних исследователя включили в число плиточных могил и так называемые гробничные погребения, особо выделенные Г. П. Сосновским лишь только по наличию в них изделий карасукских форм[33]. Хотя имеющиеся сведения об устройстве этих малочисленных погребений очень скудны, судя по ним, не исключено, что они являются наиболее ранним типом плиточных могил. Но и в этом случае кажется пока более предпочтительным не углублять их датировку за пределы I тысячелетия до н. э. Ведь изделия карасукского и даже более раннего глазковского типа встречаются иногда совместно в одном и том же погребении с изделиями более позднего раннетагарского типа[34]. При этом сейчас среди изделий карасукского типа из гробничных захоронений (обоюдоострые шилья, спирально-проволочные кольца и др.) нельзя выделить ни одной формы, которая бы определенно свидетельствовала о ранней их дате, предложенной А. П. Окладниковым. Нож с навершием в виде головы барана, на который ссылается этот исследователь[35], также скорее всего позднекарасукский, так как он украшен на рукояти рядом последовательных вертикальных фигур, т. е. совершенно так же, как и целый ряд медно-бронзовых ножей уже тагарских форм, происходящих из ближайших областей Монголии, Ордоса и Суйюани[36].

Лишь только дальнейшие широкие исследования плиточных могил по всей обширной территории их распространения помогут уточнить датировку этих интересных памятников.

---

[30] Г. П. Сосновский. Ук. соч., стр. 308.
[31] Н. Н. Диков. Ук. соч., стр. 42.
[32] А. П. Окладников. Триподы за Байкалом, стр. 126.
[33] Г. П. Сосновский. К истории добычи олова на востоке СССР. ПИМК, 9—10, 1933, стр. 16.
[34] Н. Н. Диков. Ук. соч., стр. 37—38.
[35] А. П. Окладников. Триподы за Байкалом, стр. 126.
[36] Н. Н. Диков. Ук. соч., табл. XVIII, *13—17*. Целую группу монгольских ножей тагарского типа с подобными изображениями демонстрировал В. В. Волков на докладе в секторе неолита и бронзы 13 марта 1965 г.

Т. Н. ВЫСОТСКАЯ

ПОЗДНЕСКИФСКИЕ ГОРОДИЩА И СЕЛИЩА ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

За послевоенные годы накоплен большой фактический материал по истории скифов юга СССР, однако многие вопросы, связанные с проблемой скифского государства, являются еще спорными. Если относительно времени возникновения государства есть различные точки зрения, то сам факт его существования у скифов с III—II вв. до н. э. не вызывает сомнений ни у советских [1], ни у зарубежных ученых [2].

После гибели царства Атея, как известно, продолжает существовать сокращенная, но единая Малая Скифия Страбона. В Приднепровье территория Каменского городища сокращается до площади акрополя, возникают малые городки [3]. Начинается новый этап в развитии скифского общества. Связи с античными городами Северного Причерноморья способствуют развитию торговли и ремесла, что в свою очередь ведет к дифференциации скифского общества, к образованию новых общественных отношений.

Для интенсификации торговли хлебом, который был главным источником обогащения скифов, возникла необходимость создать в Крыму экономическую базу, производящую хлеб, т. е. освоить пустовавшие ранее земледельческие районы полуострова. Археологические данные и письменные источники свидетельствуют о переселении части скифов на полуостров, об оседании кочевых племен и возникновении здесь больших и малых укрепленных поселений и селищ. Центр общественной и политической жизни скифов переносится в Крым, в то время как Нижнее Приднепровье, по мнению некоторых исследователей [4], становится северной и, в какой-то мере, автономной окраиной скифского царства. Процесс освоения плодородных речных долин Крыма был длительным и постепенным. В связи с новым натиском сарматов на скифский мир в первые века нашей эры в Крыму возникают новые городища и селища, просуществовавшие вплоть до готских и гуннских походов.

Поздний этап истории скифского государства в связи с малой изученностью городищ еще далеко не разработан, между тем для решения многих вопросов общественно-политических и экономических отношений, существовавших у скифов, чрезвычайно важно изучение позднескифских городищ Нижнего Днепра и Крыма.

В данной статье мы рассматриваем некоторые неопубликованные ранее материалы раскопок и разведок городищ и селищ юго-западного Крыма.

---

[1] В настоящий момент эту точку зрения разделяют Б. Н. Граков, М. А. Артамонов, В. Д. Блаватский, Э. И. Соломоник, Д. Б. Шелов и др.

[2] Ch. Danoff. Pontos Euxeinos PWK, примеч. IX, 1962, стлб. 1027 сл., там же см. литературу вопроса.

[3] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 172, 173.

[4] Н. Г. Елагина. Нижнее Поднепровье в эпоху позднескифского царства. ВДИ, 1958, 4, стр. 56.

В юго-западном Крыму еще с дореволюционного времени были известны несколько городищ и селищ. Сведения о них мы находим у Дюбуа де Монпере [5], П. Кеппена [6] и Ю. А. Кулаковского [7]. Работы послевоенного времени, и особенно последних лет, значительно расширили сведения об этой территории. В настоящее время здесь известно более 18 городищ и селищ; они, как правило, располагались по долинам рек вблизи источников с питьевой водой, на возвышенных холмах (рис. 1).

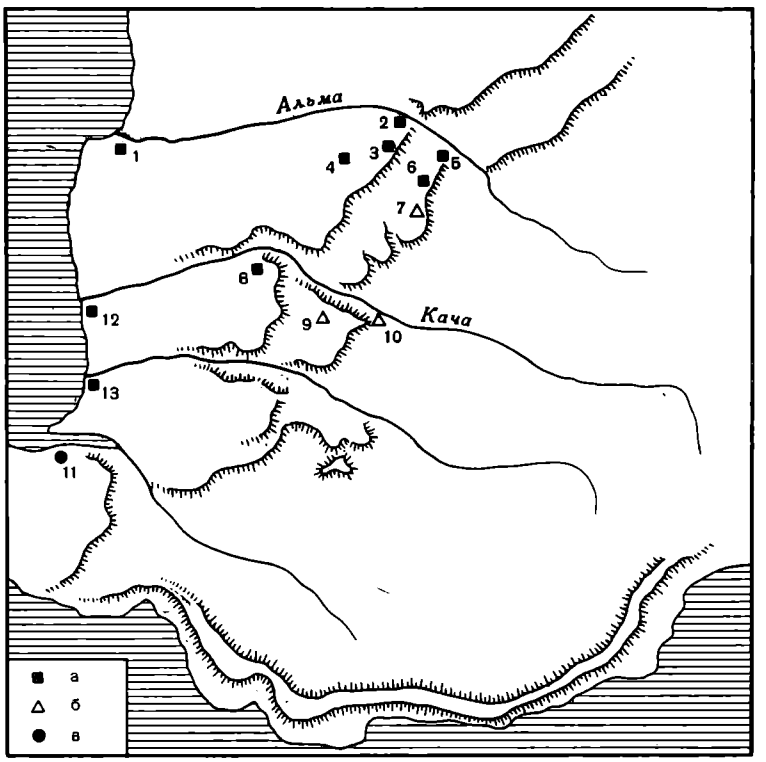


Рис. 1. Карта позднескифских городищ и селищ юго-западного Крыма

(*а* — скифские городища, *б* — селища, *в* — античные города)
1 — Устьальминское; *2* — Алма-Кермен; *3* — на г. Чабовского; *4* — Заячье; *5* — Карагач; *6* — Балта-Чокрак I; *7* — Балта-Чокрак II; *8* — Краснозоринское; *9* — Тибертинское селище; *10* — Старосельское; *11* — Херсонес; *12* — городище в устье р. Качи; *13* — городище в устье р. Бельбек

Известные нам городища юго-западного Крыма можно разделить на несколько групп на основании изучения размеров памятников, мощности культурного слоя, характера оборонительных сооружений, остатков ремесленного производства и пр. К первой группе относятся поселения городского типа. К ним принадлежит Устьальминское городище. Это определяется его размерами (общая площадь 6 *га*), толщиной культурного слоя (2,80 *м*), остатками ремесленного производства. Во вторую группу мы выделяем городища-убежища. К ним относятся Краснозоринское, Заячье, Карагач, г. Чабовского, Балта-Чокрак I. Для убежищ характерно наличие небольшого укрепления — собственно убежища с незначительным культурным слоем и отсутствием жилых построек и прилежащих селищ, где сосредотачивалась жизнь. Появление такого рода укреплений, по-видимому, свидетельствует о социальных переменах в жизни скифского общества.

---

[5] П. Кеппен. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837, стр. 248.

[6] Там же, стр. 5 и 347.

[7] Ю. А. Кулаковский. Отчет об археологической деятельности в Крыму. ОАК за 1895 г., стр. 120.

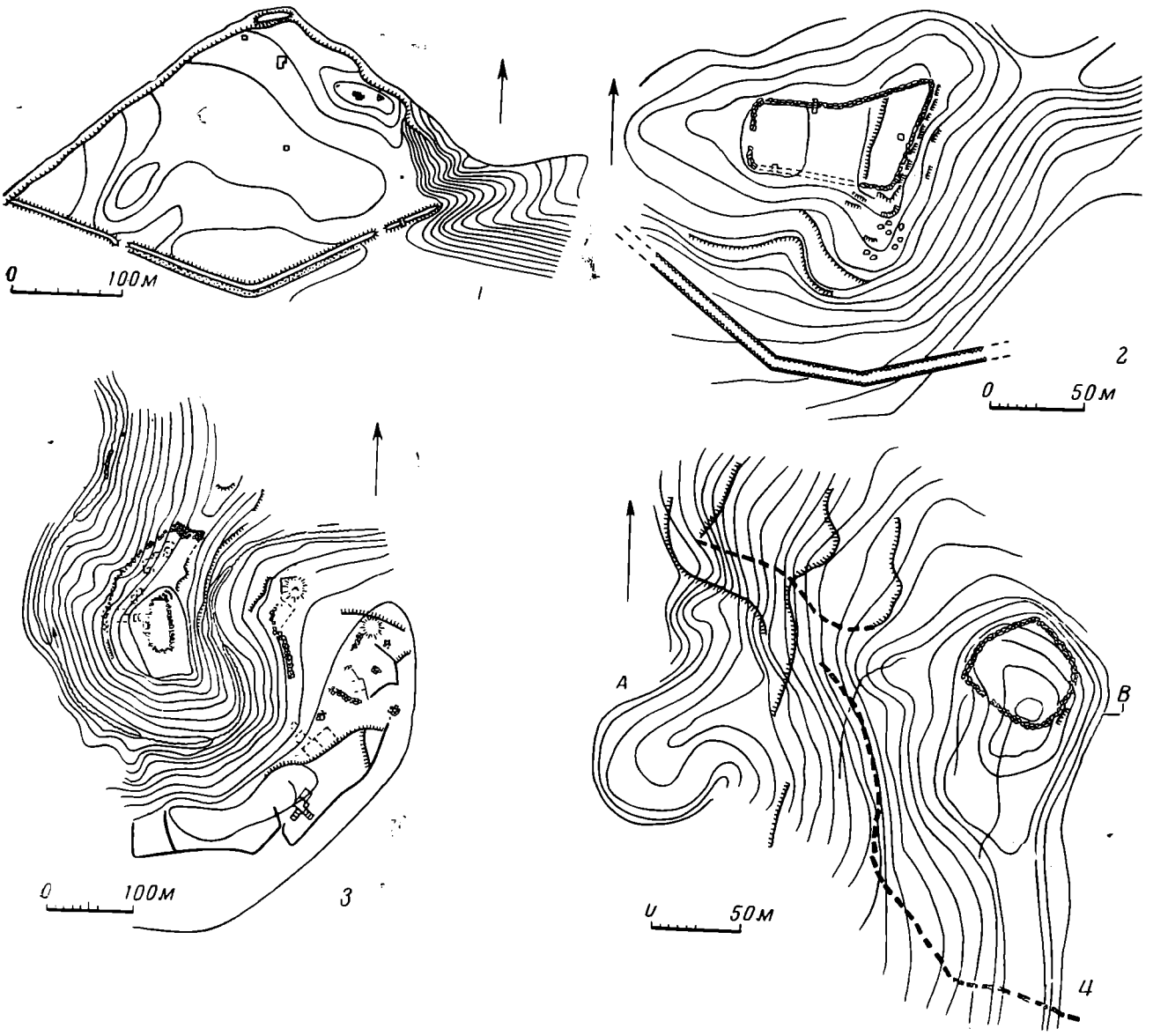


Рис. 2. Планы городищ

1 — Устьальминское; *2* — Краснозоринское; *3* — Заячье; *4* — Карагач

Третью группу составляют укрепленные поселения с селищами. К таким относится городище Алма-Кермен и, может быть, городище в устье рек Качи и Бельбек.

Кроме того, в юго-западном Крыму известны открытые поселения-селища (Тибертинское, Старосельское, Алма-Тамак, Балта-Чокрак II и др.).

Разведочные работы последних лет позволяют дать предварительную характеристику этих памятников.

Городище Устьальминское впервые упоминается П. Н. Шульцем в отчете о работах Тавро-скифской экспедиции 1946 г.[8].

В последующие годы (1948, 1959) разведочные работы здесь проводили П. Н. Шульц и А. Н. Щеглов[9], а в 1960 г.— автор статьи. Городище расположено на левом берегу р. Альмы, в ее устье, на крутом обрывистом мысу, поднятом над уровнем моря на 30 *м* (рис. 2, *1*). С напольной юго-восточной и юго-западной сторон оно защищено валом и рвом.

Это единственное в юго-западном Крыму городище с такой системой обороны. В северо-восточной и юго-западной частях плато возвышаются

---

[8] П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция в 1946 г. «Советский Крым», 5, Симферополь, 1947, стр. 67.

[9] А. Н. Щеглов. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма. СХМ, II, Симферополь, 1961, стр. 79, 80.

два зольника. Близость пресной воды, неприступность обрывистых склонов создавали благоприятные условия для жизни на городище, а прибрежный путь из Херсонеса в Керкинитиду, лежащий мимо устья р. Альмы, и сухопутная дорога, которая, по-видимому, шла вдоль реки, делали его важным стратегическим пунктом.

В 1960 г. на городище в центральной части плато были открыты остатки прямоугольного помещения. Каменные стены его сложены на глине, толщина их 0,50—0,60 *м*. Сохранился нижний ряд камней. В центре помещения находилась печь, сложенная из поставленных на ребро песчаниковых плит, обмазанных глиной. Свод ее не сохранился. В основании печи лежала половина круглого жернова диаметром 0,32 *м*. Подобные печи известны на позднескифском городище Гавриловка [10] и в Неаполе скифском [11].

В доме найдены обломки амфор, фрагменты лепной посуды, лепная овальная миска, обломки краснолаковых сосудов, свинцовые грузила, игла от фибулы. Весь комплекс находок позволяет отнести это здание ко II—III вв.

К западу от помещения в пределах раскопа обнаружены многочисленные обломки красноглиняных кувшинов с плоскими ручками, по-видимому сделанных из местной глины. Вместе с ними найден керамический шлак. Это дает основание предполагать существование поблизости от раскопа гончарной мастерской. Такое предположение тем более вероятно, что О. И. Домбровский видел в 1951 г. на поверхности городища следы керамических печей [12].

В шурфе, заложенном на северном мысу, открыты остатки каменной крепиды высотой 0,80 *м*. В этой части городища культурный слой достигал мощности 2,80 *м*. Нижние слои датировались находками эллинистических амфор — это наиболее ранняя керамика городища, позволяющая предполагать, что оно возникло на рубеже III—II вв. до н. э. Особенно интенсивной жизнь на городище была в первые века нашей эры. Зачистка земляного вала в юго-восточной части дает возможность считать, что он был сооружен на рубеже нашей эры, первоначальная высота его была не менее трех метров.

Таким образом, размеры городища, толщина культурного слоя, зольники и остатки ремесленного производства позволяют считать его поселением городского типа.

А. Н. Щеглов высказал предположение о размещении на городище римского лагеря [13], однако судить об этом можно будет лишь по результатам будущих раскопок.

Рассмотрим ряд городищ, которые принадлежат к убежищам. 1. Краснозоринское городище, открытое Е. В. Веймарном в 1954 г. [14] Оно расположено на левом берегу р. Качи, в нижнем ее течении, на плато возвышенности, поднятой на 36 *м* над уровнем пашни, находящейся у подножья.

Убежище со всех сторон обнесено оборонительной стеной, прекрасно сохранившейся почти по всему периметру. Стены ограничивают неправильный прямоугольник, вытянутый с запада на восток площадью 92,5 × × 35 *м*^{2} (рис. 2, *2*). Зачистка одного из участков показала, что стена сохранилась на высоту 2,10 *м*, толщина ее достигла 2,80 *м*. Она была сложена из крупных дикарных камней, образующих панцири, и забутована

---

[10] Н. Н. Погребова. Позднескифские городища. МИА, 64, 1958, стр. 188, рис. 36, *1*.

[11] П. Н. Шульц. Отчет о раскопках Неаполя скифского за 1957 г. Архив ОАСА ИА АН УССР, инв. А — № 31/35, рис. 5, *б*.

[12] О. И. Домбровский. Керамическая печь на скифском городище «Красное». ИАДК, Киев, 1957, стр. 209.

[13] А. Н. Щеглов. Ук. соч., стр. 80.

[14] Е. В. Веймарн. Отчет о работах горного археологического отряда Крымского филиала АН СССР за 1954 г. Архив ОАСА ИА АН УССР, № 23.

камнями меньших размеров. С запада, по-видимому, был въезд в убежище. У подножья плато с южной стороны проходила дорога, ее следы сейчас отчетливо видны. К подножью холма с юго-восточной стороны примыкает селище, которое, огибая соседнюю возвышенность, тянется на несколько десятков метров к юго-востоку. На склоне северо-восточного холма, над селищем, в 1954 г. была открыта давильня для винограда, вырубленная в материковой скале [15].

Разведочные шурфы, заложенные в разных местах на укрепленной части поселения, свидетельствуют о том, что жизнь здесь не была продолжительной. Культурный слой достигал всего 0,40 *м*. Остатков жилых построек не прослеживается. Находки из шурфов представляют собой обломки лепной и гончарной посуды, большинство которых относится ко II—III вв. Фрагменты светлоглиняных амфор с двухстволыными ручками рубежа нашей эры определяют время возникновения городища.

2. Городище Заячье открыто Н. П. Кацуром в 1954 г. [16], находится между реками Альмой и Качей, вдоль балки между дер. Заячье и Балки. Укрепленная часть городища расположена на каменистом мысу, вытянутом с севера на юг и окруженном с трех сторон глубокой балкой. Цитадель со всех сторон окружена каменной стеной, раскат которой отчетливо прослеживается по всему периметру (рис. 2, *3*).

К северо-западу от укрепления видны развалины построек и остатки дополнительной каменной стены. По южному и юго-восточному склонам балки в различных местах заметны остатки каменных построек, оград, крепид, возвышаются два зольника. На юго-запад и на восток от селища на сотни метров тянутся каменные полевые межи.

В 1960 г. Альминский отряд провел на Заячьем небольшие разведочные раскопки. Шурф, заложенный на укреплении, выявил культурный слой в 0,3 *м*, очень бедный материалом. На северо-восточном склоне балки, в шурфе у зольника I зачищена каменная крепида, сохранившаяся на высоту 1,40 *м*, очень близкая по характеру кладки крепиде Устьальминского городища. В 1963 г. на южном селище защищены остатки каменного дома, стены которого лежали на материковой скале и имели кладку, разную по характеру и толщине.

Юго-восточная стена является общей для целого ряда соседних построек, к ней примыкающих, ее толщина доходит до 1,20 *м*, другие стены тоньше, сохранившаяся высота стен 0,50 *м*. Размеры дома 8,20 × 6 *м*. Крыша и пол его были земляные.

Находки внутри дома незначительны, они ограничиваются небольшим количеством обломков реберчатых амфор III в., фрагментами лепной и краснолаковой посуды, среди которой есть обломок края блюда с рельефным орнаментом. Такие блюда Т. Н. Книпович датирует II—III вв. [17] На основании находок дом можно отнести ко II—III вв. Этим же временем датируется культурный слой убежища.

3. Городище Карагач расположено на левом берегу р. Альмы, в среднем ее течении, на плато холма, поднятого над уровнем реки примерно на 40—50 *м*. С юга плато городища обрывается крутыми склонами, остальные склоны его пологие (рис. 2, *4*). Наиболее возвышенная часть занята укреплением, которое имеет в плане форму неправильной трапеции размером 47,5 × 52,5 *м*. Каменная стена укрепления сохранилась на высоту 0,70 *м*, толщина ее равна 3,30 *м*. Стена сложена из необработанных известняковых камней, наиболее крупные из них образуют панцирь, более мелкие — забутовку. Стена была сооружена на культурном слое мощностью в 0,30 *м*, датированном первыми веками нашей эры.

---

[15] Е. В. Веймарн. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму. КСИА, 10, 1960, стр. 111, рис. 2.

[16] Там же.

[17] Т. Н. Книпович. Краснолаковая керамика первых веков н. э. МИА, 25, 1952, стр. 307.

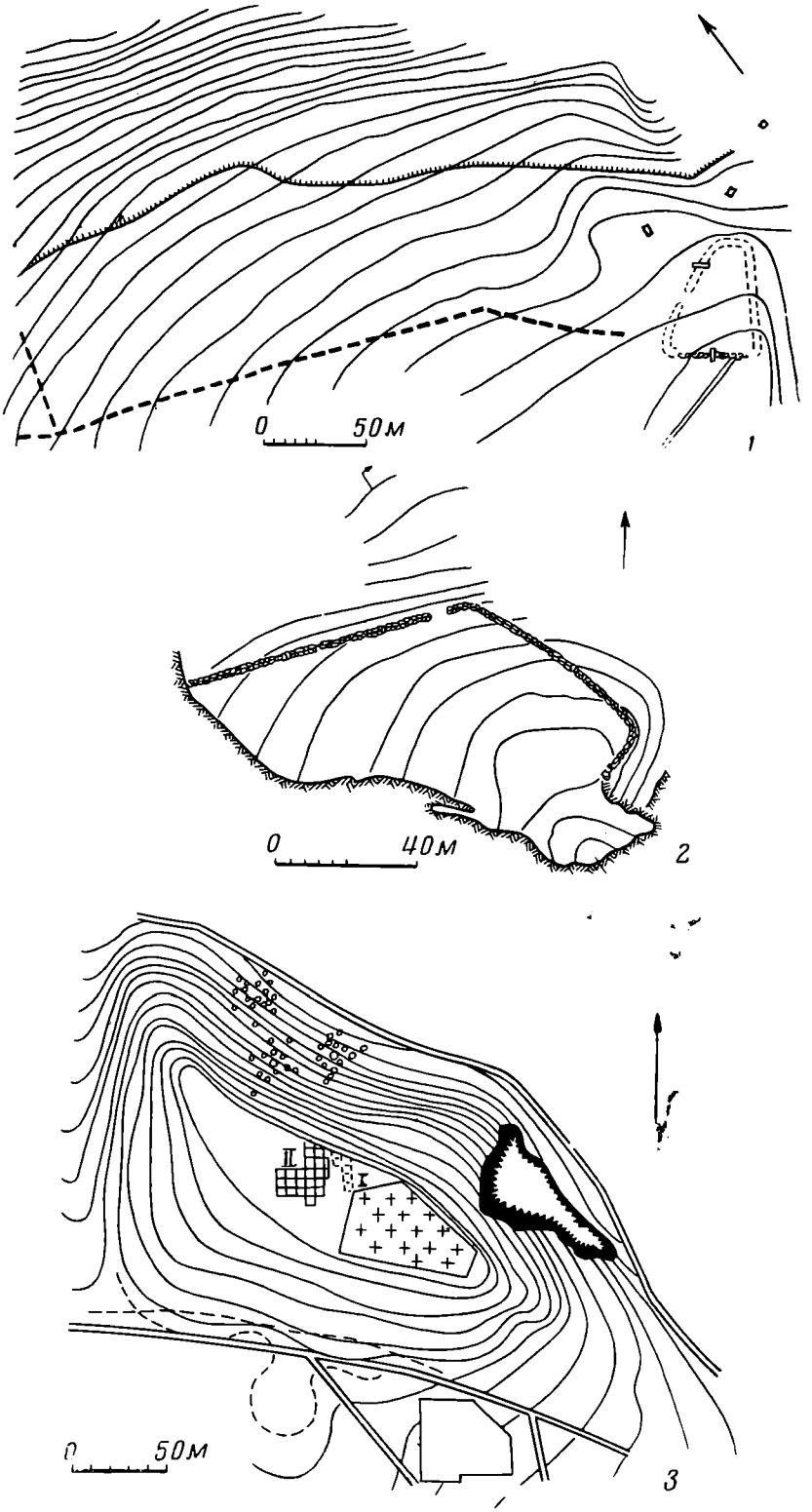


Рис. 3. Планы городищ

1 — на г. Чабовского; *2* — Балта-Чокрак I; *3* — Алма-Кермен

Шурф, заложенный внутри укрепления, выявил культурный слой в 0,30 *м* с небольшим содержанием обломков лепной посуды и амфор II—III вв.

4. Городище на горе Чабовского расположено на левом берегу р. Альмы, в среднем ее течении, на юго-запад от с. Заветное, на плоской возвышенности с крутыми восточными и более пологими юго-западными склонами. На наиболее высокой части находится обнесенное стеной укрепление, судить о размерах которого до раскопок трудно. В юго-западном направлении тянется стена из поставленных на ребро камней (рис. 3, *1*). В северо-западной части плато находится небольшой зольник. Городище открыто в 1960 г. В. М. Маликовым, обнаружившим на зольнике позднеэллинистический материал. Зачистки стены укрепления, проведенные в 1963 г., позволяют предположить, что оно возникло в первые века нашей эры, так как керамика из шурфов относится ко II—III вв. Выявлен один пояс стены толщиной около 2 *м*, сложенной из необработанных камней. Проведенные разведочные работы в настоящее время до раскопок не дают возможности решить ряд неясных вопросов о характере памятника.

5. Городище Балта-Чокрак I, открытое в 1946 г., расположено на одном из обрывистых мысов второй гряды Крымских гор, в 3 *км* на юго-восток от альминского карьера. Скалистый мыс поднят над дорогой, проходящей у его подножья примерно на 30 *м*.

Обрывистые южный и западный склоны служили естественной защитой от неприятеля, в то время как с северной и восточной сторон убежище было защищено оборонительной стеной. С северной стороны к убежищу примыкает небольшое селище. Второе селище расположено у подножья скалистого обрыва (рис. 3, *2*).

Разведочные шурфы, заложенные в 1963 г. на площади убежища и на селищах, не выявили культурного слоя, большая часть которого, по-видимому, смыта. Среди подъемного материала встречено довольно много обломков амфор II—III вв. Оборонительная стена убежища хорошей сохранности. Ее толщина достигает 3 *м*, сохранившаяся высота — 0,95 *м*. Стена имеет внешний и внутренний панцири из крупных бутовых камней и забутовку из мелких камней и скальной крошки. В этом отношении она напоминает древнейшую оборонительную стену Неаполя скифского. Время сооружения стены определяется амфорным материалом II—III вв.

Третий тип городищ — укрепленные поселения. К ним принадлежит городище Алма-Кермен (рис. 3, *3*), расположенное в среднем течении р. Альмы. На северо-восточной окраине плато городища обнаружены остатки оборонительной стены, которая, по-видимому, защищала его со всех сторон. У подножья холма с юго-востока и северо-запада находились селища. Судя по материалу раскопок последних лет, городище Алма-Кермен возникло во II в. до н. э. и погибло в конце III в. н. э. Одновременны ли городищу селища, или они появляются позднее, пока судить трудно, можно лишь говорить о синхронности верхних слоев.

Помимо перечисленных городищ, в юго-западном Крыму известно несколько открытых поселений — селищ. Они появляются на рубеже II—III вв. в отрогах второй гряды Крымских гор — это Тибертинское, Старосельское селище и Балта-Чокрак II. Все они отличаются тонким культурным слоем в 0,20—0,30 *м*, позволяющим предполагать, что жизнь на этих поселениях была не продолжительной. Исключение составляет селище Алма-Тамак на правом берегу р. Альмы, расположенное недалеко от ее устья. Судя по подъемному материалу, оно возникло в III в. до н. э. и существовало в первые века нашей эры.

Находки на городищах обломков и целых жерновов (на Алма-Кермен было найдено восемь круглых жерновов), обуглившихся зерен злаков, мотыги и двух железных серпов (Алма-Кермен), а также остатки полевых межей на Заячьем позволяют считать земледелие основой хозяйства

населения речных долин в этот период. Наряду с ним немаловажную роль играло скотоводство: кости домашних животных встречены на каждом городище. Находки тарапанов (Алма-Кермен, Краснозоринское), виноградного ножа (Алма-Кермен) свидетельствуют о занятии жителей виноградарством и виноделием.

Оборонительные стены названных городищ сложены из рваного камня насухо. Более крупные камни служили для возведения панциря стен, мелкие — для забутовки. Стены разнятся между собою лишь по толщине, однако они не превышают 3,30 *м* (Карагач). О высоте стен судить трудно, можно предполагать, что они были не выше 3 *м*. По характеру кладки оборонительные стены юго-западного Крыма близки стенам нижнеднепровского городища Золотая Балка [18], Неаполя скифского, а также некоторых античных поселений Северного Причерноморья: нижнему ряду Ольвийских стен римского времени [19], оборонительным стенам Илурата [20]. По-видимому, эту общность оборонительных сооружений можно объяснить строительными приемами, наиболее распространенными в этот период.

Изменения в социальной структуре общества вызвали изменение и оборонительной системы городищ. В эллинистический период неотъемлемой принадлежностью нижнеднепровских городищ и некоторых городищ Крыма (Кермен-Кыр) [21] был акрополь. На памятниках первых веков нашей эры его уже нет. С одной стороны, это можно объяснить малыми размерами появившихся укреплений (в Крыму лишь крупные городища имели акрополь — Кермен-Кыр и, возможно, Неаполь), а также изменением в социальной структуре общества этого времени. Наиболее ярким примером такого изменения может служить богатая усадьба III—IV вв. с домом владельца на туфовой площадке в урочище Кизил-Коба [22]. Подобных примеров в юго-западном Крыму мы не знаем. Однако здесь, как мы видели, очевидно, в связи с децентрализацией власти и большей самостоятельностью сельской общины появляется новый тип укреплений — убежища — прообраз будущих феодальных замков. Рассматриваемые городища юго-западного Крыма отличаются от городищ северо-западного побережья. Как известно, в северо-западном районе полуострова существует не менее восьми городищ. Большинство из них возникло в III—II вв. до н. э. на местах греческих поселений [23] Херсонесской хоры и просуществовало до II—III в. н. э. Они представляют собой укрепленные каменными стенами поселения, расположенные на возвышенных, выдающихся в море мысах; площадь их колеблется от 1500 до 10 000 *м*^{2}. Городища-убежища здесь не известны. Это еще раз подтверждает предположение о том, что убежища возникают в более позднее время, на грани разложения рабовладельческого способа производства.

На рубеже нашей эры новый приток сарматов в Приднепровье приводит к упадку и разрушению ряда позднескифских городищ Нижнего Днепра. Например, резкий упадок наблюдается на Знаменском городище, где разрушаются укрепления, и были заброшены старые жилые кварталы [24]. Вполне возможно, что часть жителей нижнеднепровских городищ под натиском сарматов переселилась в Крым. Много общего можно найти, сравнивая позднескифские городища Крыма и Нижнего Днепра. Для

---

[18] М. І. Вязмітіна. Золота Балка. Киев, 1962, стр. 25—105.

[19] Сб. «Ольвия», I, Киев, 1940, стр. 51.

[20] И. Б. Зеест. Разведочные работы в Киммерике. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 54.

[21] О. Д. Дашевская. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). КСИИМК, 70, 1957, стр. 109, рис. 41.

[22] О. И. Домбровский. Пещеры и урочище Кизил-Коба в позднеантичный период. Труды комплексной карстовой экспедиции АН УССР. I, Киев, 1963, стр. 152—163.

[23] А. Н. Щеглов. Ук. соч., стр. 74—78.

[24] Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 164.

нижнеднепровских, так же как и для крымских, городищ характерно наличие зерновых ям грушевидной формы [25], зольников (из семи рассмотренных городищ Крыма — лишь на двух — Карагач и Балта-Чокрак I — зольники нам не известны). Много общего в приемах строительной техники: наличие оград из поставленных на ребро камней [26] и особенностей кладки оборонительных стен. Как мы уже указывали выше, общие черты наблюдаются в инвентаре и хозяйстве, основными формами которого было земледелие и скотоводство.

Все отмеченные факты убеждают нас в том, что нижнеднепровские городища, так же как и крымские, составляют единый круг памятников позднескифской культуры, сильно сарматизованной в первые века нашей эры.

На основании проведенного анализа мы относим возникновение Устьальминского городища к III—II вв. до н. э., городища Алма-Кермен — ко II в. до н. э., Краснозоринское — к I в. до н. э., остальные возникают в первые века нашей эры. Прекращают свое существование городища, по-видимому, в III—IV вв., во время готских и гуннских походов. С III—IV вв. начинается процесс передвижения населения речных долин в горные районы полуострова, в места, малодоступные кочевникам. Аналогичная картина наблюдается на Северном Кавказе, где аланские племена были вытеснены гуннами в горные районы страны [27].

В отрогах второй гряды Крымских гор во II—III вв. возникают селища Тибертинское, Старосельское, Балта-Чокрак II, которые, очевидно, служили местами временных поселений.

В верховьях крымских рек, на второй гряде, в IV—V вв. появляются могильники и поселения, культура которых тесно связана с сарматизованной позднескифской культурой предшествующих столетий [28]. К таким могильникам принадлежат Баклинский, Сахарная головка и др. В это же время возникают такие поселения, как Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Родниковое и др. Существование их обусловлено новой эпохой — возникновением феодальных отношений.

Дальнейшие исследования городищ Крыма дадут возможность решить выдвинутые вопросы о хозяйстве, экономике и общественных отношениях позднескифского государства, а также помогут локализации крепостей, указанных Страбоном. Результаты разведочных работ последних лет дают лишь возможность определить, что большинство городищ юго-западного Крыма возникает, по-видимому, после Диофантовых войн, они не могут быть названы крепостями в Страбоновском понимании этого термина.

---

[25] В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ИАК, 47, СПб., 1913, табл. V.

[26] М. І. Вязьмітіна. Ук. соч., стр. 108.

[27] В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 14.

[28] В. В. Кропоткин. Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья. Автореф. канд. дис., М., 1953, стр. 15.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ПУШКАРЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА р. ДЕСНЕ

Близ с. Пушкари Новгород-Северского района Черниговской обл. на правом берегу р. Десны находятся два городища юхновской культуры — Пушкаревское и «Песочный ров». Городище «Песочный ров», давшее интересный и важный материал для характеристики этой культуры, шурфовалось М. В. Воеводским в 1940 г., а в 1946 г. под его руководством исследовалось Л. В. Артишевской [1]. Пушкаревское же городище шурфовалось сотрудником Деснинской экспедиции Ф. В. Лучицким в 1938 г. [2], а в 1939 г. раскапывалось Б. А. Рыбаковым (работы были продолжены А. А. Попко) [3]. Полевые записи и отчет о работах не сохранились. Материал, полученный из шурфа 1939 г., длительное время хранился в Музее антропологии МГУ, откуда он поступил в ГИМ.

При небольшом числе исследованных памятников юхновской культуры он представляется важным и заслуживает публикации, тем более что обследования М. В. Воеводского 1946—1947 гг. показали, что городище сильно попорчено в 1941—1942 гг. траншеями и ходами сообщения. Пушкаревское городище расположено на высоком коренном мысу берега р. Десны северо-восточнее деревни Пушкари в 300 *м* от нее. Площадка городища овальная в плане, размером 75×45 *м*. Западнее его сниженная площадка размером 70×30 *м* [4], на которой тоже есть культурный слой. Памятник этот известен давно и впервые в литературе упомянут Д. Я. Самоквасовым [5]. Шурф, заложенный на городище Деснинской экспедицией в 1939 г., был квадратным, размером 8×8 *м*. Он был разделен на четыре квадрата, обозначенные буквами А, Б, В, Г. Культурный слой в шурфе золистый с многочисленными угольными пятнами (кострищами), толщина его до 2 *м*. В слое и в материке прослежены многочисленные ямы от вертикально зарытых столбов. В культурном слое много типично юхновской керамики с примесью в тесте дресвы, а чаще песка. Керамика была преимущественно тонкостенная. Часть керамики была орнаментирована отпечатками косопоставленной палочки, расположенными по горизонтали или собранными в группы; меньше керамики с защипным орнаментом, были сосуды и с прочерченным орнаментом (рис. 1, *1—5*, *7*, *8*). Профилировка сосудов была разнообразной. Встретились как сосуды с прямым обрезом, который тоже украшался защипами или отпечатками косопоставленной палочки, так и сосуды с округлыми обрезами венчиков, хорошо профилированные. Наряду с большемерными сосудами, были и миниатюр-

[1] М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949; его же. Важнейшие итоги Деснинской экспедиции. КСИИМК, XX, 1948.

[2] Материал поступил в Институт археологии АН УССР.

[3] Приношу глубокую благодарность Б. А. Рыбакову, разрешившему опубликовать этот материал.

[4] Б. А. Рыбаков. Ред. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра. САИ, Д 1—12, М., 1962, табл. 8, *2*.

[5] Д. Я. Самоквасов. Северянская земля и северяне по могилам и городищам. М., 1908, стр. 111.

ные сосудики, в тесте которых обычно была примесь песка. Как и на других юхновских городищах, во всей толще культурного слоя встречались обломки рогатых кирпичей в виде сравнительно высоких овальных в сечении глиняных блоков высотой в 12—13 *см* и шириной до 14 *см* с округлыми и выступающими вверх рогами. Толщина кирпичей была до 4—5 *см*. Для них довольно характерен орнамент, располагавшийся обычно на уровне сквозного канала, состоявший из группы отпечатков, нанесенных пальцем. Из глиняных изделий самые многочисленные — грузики

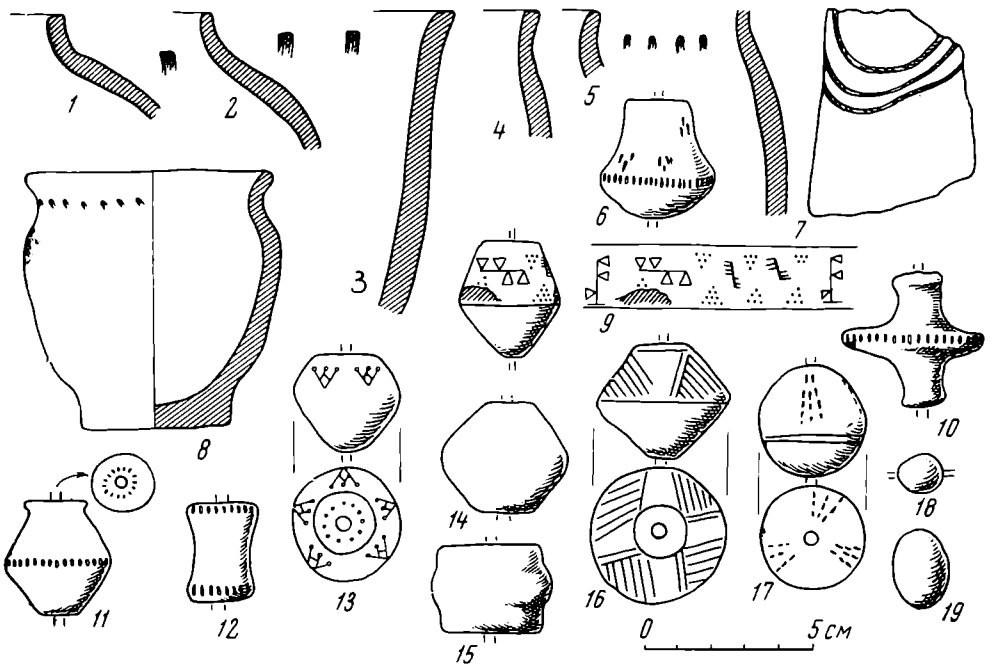


Рис. 1. Находки с Пушкаревского городища

1 — 5, 7, 8 — образцы керамики; *6, 9—17* — глиняные пряслица; *18* — глиняная бусина; *19* — глиняный шарик

различной формы (рис. 1, *6, 9—17*). Одни из них битрапециевидные, другие — горшкообразные, третьи — в виде катушки с насечками по верхнему и нижнему основаниям, шаровидно уплощенные, цилиндрической формы с раздутием в средней части. Встретился и колосовидной формы грузик с насечкой по «ободу». Этот грузик имеет ближайшую аналогию среди находок на Троицком городище Подмосковья[6]. Грузик цилиндрической формы с раздутой серединой по форме схож с подобными, встреченными на городищах начала нашей эры в Белоруссии. Многие из найденных грузиков орнаментированы точечным орнаментом, соединенным в тамгообразные знаки прочерченными линиями. Особо интересен грузик, происходящий с глубины 80 *см* из слоя светло-серой супеси, на боковой поверхности которого сложный узор из точек, собранных в пирамидки, и прочерченных тамгообразных знаков четырех начертаний (рис. 1, *19*). Один из знаков узора сходен с тамгообразными знаками на Юхновском и Горкинском городищах Подесенья[7]. На другом шаровидной формы грузике — узор из тройных штрихов, расходящихся в виде лучей от центрального отверстия (рис. 1, *17*). Горшковидной формы грузики характерны для городищ Десны, и орнамент на них сходен с орнаментом на бытовой керамике юхновской культуры. На одном из них отпечатки косопоставленной палочки, объединенные в группы по три отпечатка (рис. 1, *6*). Встретился и грузик, поверхность которого украшена

---

[6] А. Ф. Дубынин. Результаты работ Можайской экспедиции. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 58, рис. 15, *23*.

[7] М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны, стр. 71, рис. 17*б*, *1*, *2*.

заштрихованными треугольниками (рис. 1, *16*). Диаметр центрального отверстия грузиков обычно около 3 *мм*. Юхновские грузики хорошо обожжены, иногда до розового цвета, поверхность их тщательно заглажена. Тамгообразные знаки на них — это несомненно знаки владельцев. Обычный размер таких грузиков не более 3—3,5 *см*. В шурфе на Пушкаревском городище встретилось и несколько глиняных бус. Они шаровидной формы с внутренним каналом в 1—2 *мм* и диаметром в 1—1,5 *см* (рис. 1, *18*). Встретились и глиняные шарики от пращей (рис. 1, *19*). Как

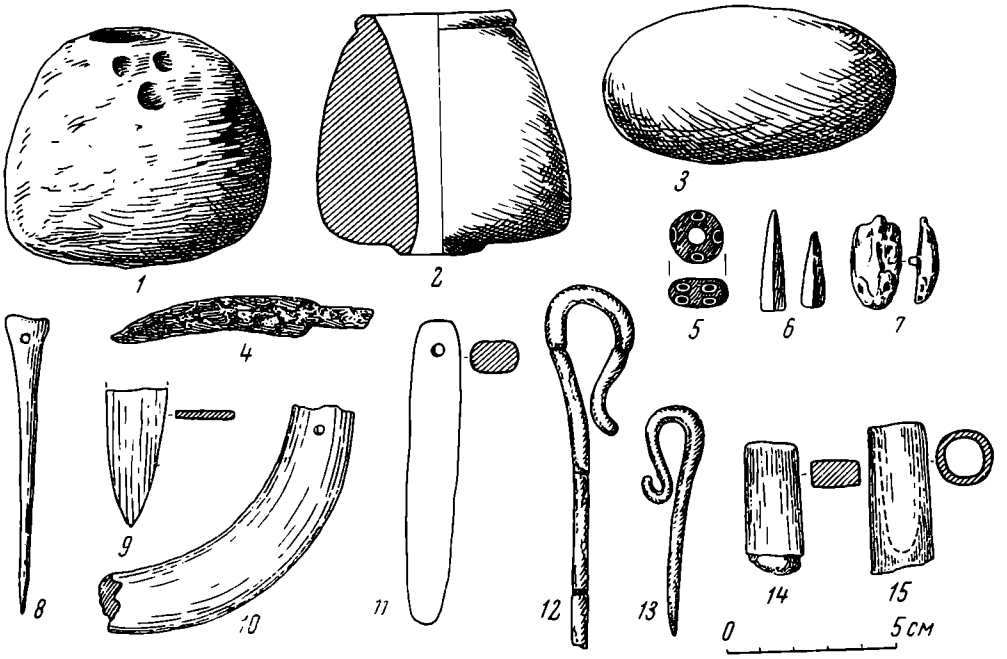


Рис. 2. Находки с Пушкаревского городища

1—3 — грузила глиняные; *4* — нож железный; *5* — пастовая бусина; *6* — стрелы бронзовые; *7* — бронзовая бляшка; *8* — костяная проколка; *9, 14, 15* — костяные поделки; *10* — клык кабана со сверлиной; *11* — точильный брусок; *12, 13* — бронзовые булавки

и на других юхновских городищах Подесенья, многочисленную группу находок составляют грузила. Они здесь нескольких типов. Наиболее распространенными были грузила шаровидной формы или шаровидно-уплощенные со сквозным или несквозным центральным каналом диаметром в 1—1,5 *см* (рис. 2, *1*) при максимальном диаметре до 8—9 *см*. Не менее распространенными были и грузила усеченно-конической формы таких же размеров. Среди них выделяется одно, изготовленное тщательно, с заглаженной поверхностью и с «воротничками» у концов сквозного канала (рис. 1, *2*). Остальные же грузила изготовлены неряшливо и плохо обожжены. В них грубые примеси, реже следы выгоревших примесей растительного характера. Большая часть этих грузил не орнаментирована. Однако встретились и экземпляры с узором из отпечатков пальцев, собранных в верхней части изделия или расположенных вокруг конца центрального канала. На исследованных городищах юхновской культуры грузила эти находятся обычно в виде скоплений в культурном слое городища. Кроме них, на Пушкаревском городище встретились и грузила яйцевидной формы без отверстий (рис. 1, *3*) диаметром до 6 *см* и длиной до 12 *см*. Это характерный предмет для памятников юхновской культуры. Их много в Подесенье, есть они на городищах Среднего Сейма, на городищах верхнего течения р. Оки. Область распространения их хорошо укладывается в границы распространения юхновской культуры, заходя в область зольничной культуры. Изделия из камня на Пушкаревском городище представлены гранитными курантами от зернотерок. Встретился и точильный брусок с утонченными

концами и отверстием в конце для подвешивания (рис. 1, *11*). В слое на глубине 110—150 *см* были найдены две раковины каури, которые говорят о дальних связях населения городищ Подесенья в раннем железном веке.

Сравнительно многочисленными оказались изделия из кости и рога. Здесь была серия проколок и острий (рис. 1, *9*), и среди них изготовленные из грифельных костей лошади. Встретились и костяные иглы с круглым отверстием в головке (рис. 2, *8*). Было очень много кусков кости и рога со следами пиления, строгания и сверления (рис. 2, *14*, *15*). На глубине 150 *см* встретился клык кабана с отверстием для подвешивания (рис. 2, *11*), который, по-видимому, использовался в качестве амулета. Изделия из железа, найденные в шурфе,— плохой сохранности. Лучше других сохранился небольшой черешковый ножичек с горбатой спинкой (рис. 2, *4*). В шурфе было найдено и несколько изделий из бронзы. Среди них две булавки (рис. 2, *12*, *13*) с петлевидными навершиями, концы которых отогнуты от стержня. Одна из них была найдена на глубине 140, а другая — на глубине 160 *см*. Булавки этого типа встречены на Окских городищах железного века, на городищах Подесенья. Наиболее многочисленные находки их на городищах Смоленщины и Белоруссии начала нашей эры. Встречены в шурфе две бронзовые трехгранные втульчатые стрелы скифского облика (рис. 2, *6*), которые относятся к наиболее поздним их разновидностям. Втулки у них не выделены, они относительно малого размера. Одна из них встретилась на глубине 135 *см*, а другая — на глубине 150 *см*. Эти стрелы датируют культурные напластования этой глубины IV—III вв. до н. э. К этому же времени относятся и две пастовые бусины, найденные на глубинах в 160 и 135 *см* (рис. 2, *5*), желтого цвета с голубыми глазками, окруженными белыми колечками. В шурфе была найдена бронзовая бляшка со стилизованным изображением львиной морды (рис. 2, *7*). Всего при работах на городище в 1939 г. было найдено около 300 фрагментов керамики и несколько десятков вещей. Судя по этим находкам, городище Пушкари должно быть датировано V—IV вв. до н. э. — первыми веками нашей эры и является одним из интереснейших памятников этой культуры с культурным слоем относительно хорошей сохранности. По сведениям краеведов, на этом городище при наблюдениях встретились отдельные фрагменты роменской керамики. В имеющейся с городища коллекции они не представлены.

М. Р. ПОЛЕССКИХ

БОЕВОЕ ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ АРМИЕВСКОГО ТИПА

В 1960 и 1962 гг. нами были проведены новые раскопки известного Армиевского могильника (в Пензенской обл.) V—VI вв. Раскопки 108 погребений, с одной стороны, подтвердили основные выводы первооткрывателя этого могильника П. С. Рыкова [1], с другой — дали новый ценный материал, освещающий материальную культуру и быт мордвы мокши в начальный период ее этнического формирования. К армиевскому типу относятся и 94 поздних погребения в составе Селиксенского могильника, датирующиеся VI—VII вв. [2]

Среди множества вещей из Армиевского могильника особое значение имеют предметы вооружения и снаряжения, найденные в большом количестве и свидетельствующие о сильной военной организации у древнейшей мокши в середине I тысячелетия.

При раскопках этого могильника нами найдено 10 мечей, а всего, с двумя мечами из раскопок П. С. Рыкова, там было найдено 12 мечей.

Таким образом, мечи из Армиевского могильника делятся на два типа: 1) двулезвийные, 2) с однолезвийной полосой и напущенной перекладиной удлиненно-овальной формы (рис. 1, 2). Исходной формой первого типа являются мечи позднесарматского времени. Аналогий можно привести много, из них ближайшие территориально — мечи из Сусловского [3], Новиковского [4] и Калиновского [5] могильников; из курганов Южного Приуралья [6]. Характерна деталь меча из погр. № 191: напущенное перекрестие, состоящее из двух соединенных по концам пластинок. Двулезвийные мечи с подобным перекрестием можно считать переходной формой — от сарматских мечей без перекладины к однолезвийным мечам раннего средневековья. Мечи с похожей перекладиной, без навершия, встречаются в сарматских памятниках Нижнего Поволжья [7] и в Прикамье [8]. Большое сходство с армиевскими имеет меч (обоюдоострый, с перекладиной), хранящийся в фондах Керченского музея (1961 г.) и датирующийся по комп-

[1] П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930. Коллекции из 128 погребений хранятся в Саратовском музее краеведения, инв. № 766.

[2] Предварительная датировка Младшего Селиксенского могильника VIII в. не подтвердилась. М. Р. Полесских. Могильник «армиевского типа» в Пензенской области. КСИИМК, XXXV, 1954.

[3] А. Кушева. Материалы для изучения культуры Сусловского могильника. Нижне-Волжское общество краеведения, 35, ч. 1, Саратов, 1926, стр. 25, табл. I, II.

[4] В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, стр. 493, 498.

[5] А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, МИА, 58, 1957, стр. 55, 57.

[6] К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 86.

[7] И. В. Синицын. Археологические исследования заволжского отряда (1951—1959). МИА, 60, стр. 150.

[8] В. Ф. Генинг. Удмуртская археологическая экспедиция. КСИИМК, 74, 1950, стр. 95.

Краткие данные об армиевских мечах

№ п/п	Погребение, №	Ритуал	Описание меча	Размеры
1	182	Трупосожжение	Меч короткий, обоюдоострый, наличие перекладины не выяснено; ребра жесткости нет	Длина — 68 *см*, дл. полосы 56,5 *см*; наиб. ширина полосы — 39 *мм*
2	191	Трупоположение	Меч обоюдоострый с напущенной перекладиной овально-удлиненной формы; ребра жесткости нет	Длина — 88,5 *см*, дл. полосы — 75 *см*; наиб. ширина 43 *мм*
3	133	Трупосожжение	Меч однолезвийный с напущенной перекладиной той же формы. Рукоять на конце имеет выступ под прямым углом; сохранился шпенек	Длина — 62,5 *см*, дл. полосы — 53,5 *см*; ширина полосы у перекладины — 32 *мм*, в 10 *см* от острия — 28 *мм*
4	148	Трупоположение	Меч такой же формы	Длина — 76 *см*, дл. полосы — 64 *см*; ширина у перекладины — 31 *мм*, в 10 *см* от острия — 20 *мм*
5	150	Трупосожжение	Меч такой же формы, перекладина не сохранилась, относительно широкая рукоять (20 *мм*)	Длина — 76,5 *см*, дл. полосы — 68,5 *см*; ширина у перекладины 30 *мм*; в 10 *см* от острия — 23 *мм*
6	153	Трупосожжение	Меч такой же формы	Длина — 78,5 *см*, дл. полосы — 70,5 *см*; ширина у перекладины — 29 *мм*, в 10 *см* от острия — 25 *мм*
7	177	Женское, трупоположение	Меч такой же формы, с тщательно обработанной полосой	Длина — 80,5 *см*, дл. полосы — 70 *см*; ширина у перекладины — 33 *мм*, в 10 *см* от острия — 24 *мм*
8	178	Трупосожжение	Меч такой же формы, сохранились металлические части ножен	Длина — 67 *см*, дл. полосы — 57 *см*; ширина у перекладины—31 *мм*, в 10 *см* от острия — 28 *мм*
	202	Трупоположение	Меч такой же формы, с тщательно обработанной полосой, на рукояти сохранился шпенек	Длина — 79 *см*, дл. полосы— 60 *см*; ширина у перекладины—30 *мм*, в 10 *см* от острия — 25 *мм*
10	206	Трупосожжение	Меч такой же формы, но более узкой полосой; перекладина — напущенное кольцо удлиненно-овальной формы (не сохранилась)	Длина — 79,1 *см*, дл. полосы — 69 *см*; ширина у перекладины — 25 *мм*, в 10 *см* от острия — 21 *мм*
11	33	Трупоположение	Меч такой же формы, перекладина вышла из гнезда и прикипела к рукояти под острым углом	Длина — 65 *см*, дл. полосы — 55 *см*; наибольшая ширина полосы — 35 *мм*
12	72	Трупоположение	Меч такой же формы, перекладина, если была, не сохранилась, сохранилась часть полосы	Длина оставшейся части полосы — 57 *см*, наибольшая ее ширина — 35 *мм*

Примечание. Мечи из погр. № 33 и 72 находятся в Саратовском музее краеведения.

лексу сопровождающих предметов III—IV вв. Такой же меч найден в некрополе в Фанагории [9]. Находки мечей подобных форм подтверждают вывод, сделанный Н. Я. Мерпертом, о том что сарматский обоюдоострый меч дал начало однолезвийному мечу [10].

[9] Н. И. Сокольский. Боспорские мечи. МИА, 33, 1954, стр. 163.

[10] Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 163.

Однолезвийные мечи-палаши Армиевского могильника различаются между собой размерами (сравнительно в небольших пределах) и, возможно, качеством обработки [11].

Мечи № 7 и 9 отличаются гладкой поверхностью полос, у которых сохранилась ровность и острота лезвий. К особенностям конструкции надо отнести прямизну утолщенного края полос, их малую ширину и относительно небольшую длину.

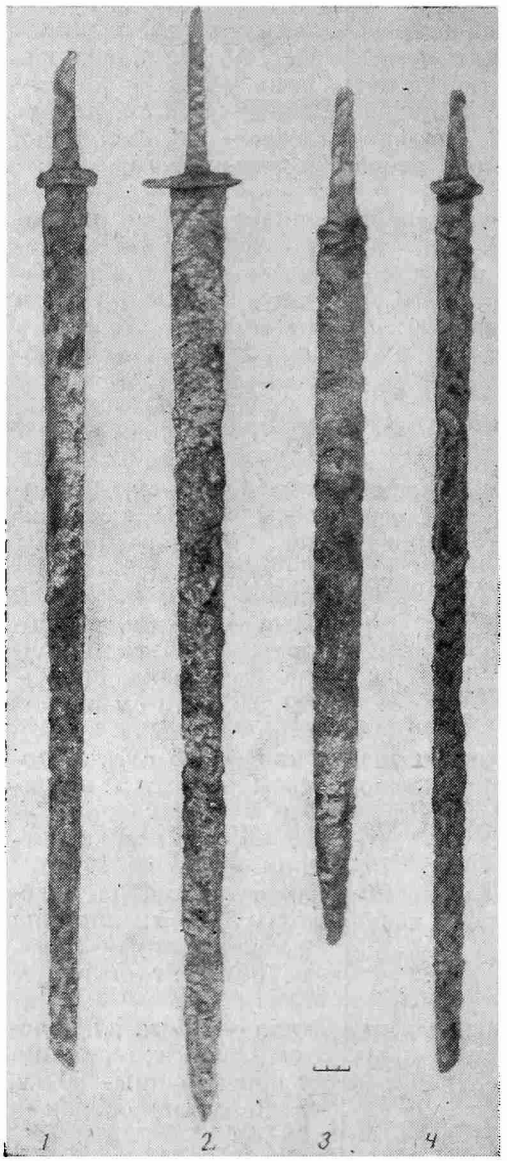


Рис. 1. Мечи из Армиевского могильника

1 (№ 7) — погр. № 177; *2* (№ 2) — погр. № 191; *3* (№ 1) — погр. № 182; *4* (№ 6) — погр. № 153

В течение V—VII вв. подобные мечи распространились среди многих племен Восточной Европы и, по определению Н. Я. Мерперта, являлись переходной формой от меча к сабле [12]. Однолезвийные мечи с незначительной кривизной полосы оказались устойчивой формы. Они сохранились на вооружении местных племен и в последующую историческую эпоху. Н. Я. Мерперт, пользуясь данными по первой группе погребения Борисовского могильника, относит появление однолезвийного меча к IV—V вв.,[13] что в общем согласуется с находками в пензенских могильниках.

По данным А. А. Спицына, в Борковском могильнике было найдено пять однолезвийных мечей (погр. № 41, 54, 63, 71, 101) [14]. В комплексах вещей из этих погребений были такие предметы, как круглая бляха с крышкой, гривна с коробочкой, крупные кольцевые застежки с выпущенными завертками. Это соответствует по времени позднему этапу Армиевского могильника. Другим хорошим аналогом может служить однолезвийный меч, фрагменты которого найдены в кургане с трупосожжением у г. Покровска, датирующийся IV—V вв.[15]. В комплексах этих находок есть вещи, близко напоминающие пензенский инвентарь, таковы трапециевидные подвески, бронзовые мундштуки удил (Ново-Григорьевка), наконечники стрел. Здесь уместно отметить и совпадение ритуала, имея в виду, что половина армиевских погребений с мечами происходит из погребений с обрядом трупосожжений (новые раскопки) [16].

[11] Меч № 3 (А-133) был подвергнут металлографическому исследованию. Шлиф изготовлен на поперечном сечении клинка. Микроструктура состоит из зерен феррита. В сечении шлифа зерна феррита перерезаны по различным кристаллографическим плоскостям. На макрошлифе видна коррозия; неметаллических включений не наблюдается (рис. 3).

[12] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 29; А. В. Арциховский. Основы археологии, М., 1955, стр. 195.

[13] Н. Я. Мерперт. Ук. соч.

[14] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, стр. 32, 41, 79—81, 85, табл. XII.

[15] Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ Покровска. Уч. зап. СГУ, VI, Саратов, 1927, стр. 92, табл. 1.

[16] Приведем описание одного из 14 трупосожжений, встреченных в обоих рас-

Нельзя не провести параллели между армиевскими мечами из Верхне-Салтовского могильника, в котором найдено 12 сабель, еще во многом напоминающих мечи. Особенно показательна сабля из раскопок С. А. Семенова-Зуссера (камера № 3, 1948 г.); ее полоса почти прямая, перекладина по виду одинакова с перекладинами армиевских мечей [17]. Такая же, со слабой кривизной, сабля найдена нами в новых раскопках могильника мокши VIII—IX вв. у пос. Красный Восток (Пензенская обл.) в погр. № 10. Длина сабли 90 *см*. С остатками деревянных ножен сохранились две крупные скобы. Сабля эта, по-видимому, имеет салтовское происхождение, о чем говорят другие специфически салтовские вещи, встреченные в этом могильнике. В Армиевском могильнике совершенно отсутствуют стремена, и уже это одно указывает на хронологическое различие сопоставляемых памятников.

Мечи, как отмечает А. П. Смирнов, не были продуктом местного производства, а поступали от южных соседей путем обмена [18]. Судя по составу инвентаря пензенских могильников, можно полагать, что исходными экспортерами могли быть два торгующих центра — на Северном Кавказе и в Крыму. О первом из них напоминает состав большей части военной экипировки из обоих могильников и, как было отмечено выше, многие женские украшения. Вещи из погр. № А-191 повторяют крымские древности: меч, поясной набор из пряжек со своеобразным рисунком и т-образных застежек, браслет с орнаментированными концами и др. [19]

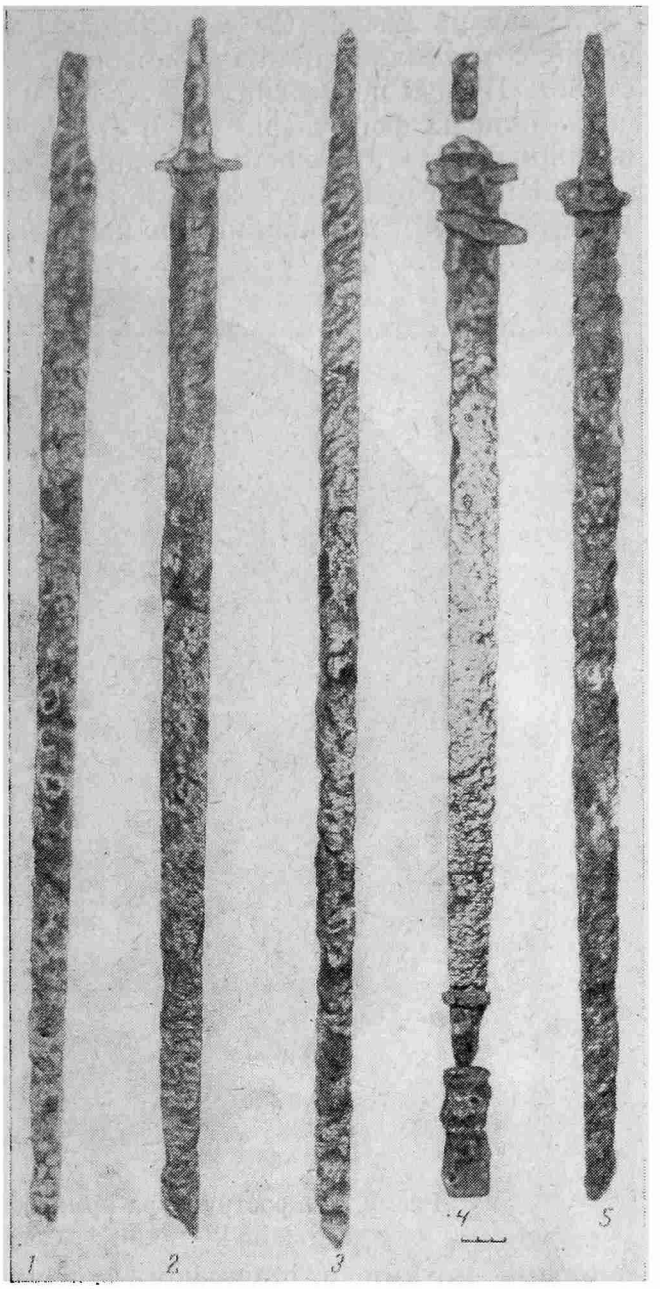


Рис. 2. Мечи из Армиевского могильника

1 (№ 5) — погр. № 150; *2* (№ 9) — погр. № 202; *3* (№ 10) — погр. № 206; *4* (№ 8) — погр. № 178; *5* (№ 4) — погр. № 148

сматриваемых могильниках — А-133. «Могильная яма, размером 2,15 × 0,6 *м*, глубиной 1,08 *м*, имела подпрямоугольную форму, вертикальные стенки, прямое дно. Остатки от сожжения покойника — груда кальцинированных костей — находились в центре могилы. Погребение повторяет традиционный обряд трупоположения: умерший символически был положен в вытянутом положении, головой на юг. Кремация совершалась за пределами могилы. Положение вещей отражает этот символический ритуал. Наконечник копья — «в головах», нож — «у правого бока», остатки наборного пояса — на месте пояса, меч однолезвийный — «у левого бока», горшок и набор для высекания огня — «в ногах». Погребение мужское».

[17] Длина сабли 85 *см*, полосы — 76 *см*, ширина полосы — 28 *мм*, по Н. Я. Мерперт. Из истории оружия..., стр. 131, 137.

[18] А. П. Смирнов. Волжские Булгары, Тр. ГИМ, XIX, 1951, стр. 19, 20.

[19] Н. И. Репников. Некоторые могильники крымских готов. ИАК, 19, СПб., 1906, табл. V, *4*, стр. 54—72, табл. IX, *5*.

Арматура мечей. От деревянных ножен мечей из армиевских погребений сохранились остатки оковок в виде бесформенных железных пластинок. В двух погребениях — № 177 и 178 — металлические части ножен сохранили их форму (рис. 4, *3, 4*). Ножны из погр. № 177 имели две ножевидные пластины-обоймы (одна — верхняя — с двумя шпеньками для скрепления с планкой ножен, другая — нижняя, несколько меньшего размера,— с тремя шпеньками), наконечник в виде сквозной муфты со скле-

Рис. 3. Микроструктура армиевского меча из погр. № 133

панными краями и шпеньком для прикрепления к ножнам. Остается невыясненным способ крепления верхнего конца ножен [20]. Аналогичное наконечнику ножен устройство имеет наконечник рукояти меча. Это овальное в разрезе кольцо длиной 32 *мм* с сохранившимся сквозным шпеньком (рис. 4, *1*). Судя по наконечнику, рукоять, очевидно, деревянная, имела округлую в сечении форму и толщину 23 × 15 *мм*.

Ножны из погр. № 178 имеют: 1) оковку в виде трех пластинчатых скоб — верхней с расширением средней части и двух нижних меньшего размера, 2) наконечник размером 82 × 28 *мм* в виде плоского футляра со щелевидным отверстием на одном конце (рис. 4, *5*). В этом погребении встречено пластинчатое кольцо в виде муфты размером 24 × 24 *мм* (возможно, металлическая часть эфеса меча). Оковки, подобные описанной, можно встретить в публикациях, посвященных Салтовскому могильнику.

Мы не будем подробно описывать наконечники копий и стрел, найденных в Армиеве в двадцати, а в Селиксе в семи погребениях, так как они имеют общераспространенные для того времени форму и величину. Типично перо копья подтреугольной формы со слабо выраженным ребром жесткости.

[20] Представление об этом дает рисунок меча с эфесом и двумя наконечниками ножен, опубликованный В. Ф. Генингом. В. Ф. Генинг. Удмуртская археологическая экспедиция..., стр. 95.

Часто при одном погребении мы находили по два копья, при этом совершенно одинаковых, иногда копье сопровождалось другим оружием: копье и бронебойный наконечник-дротик найдены в Младшей Селиксе, в погр. № 128. Наконечники стрел во множестве сопровождают погребения армиевских воинов (в Младшем Селиксенском могильнике стрелы — единичные находки). В большинстве случаев это трехперые наконечники,

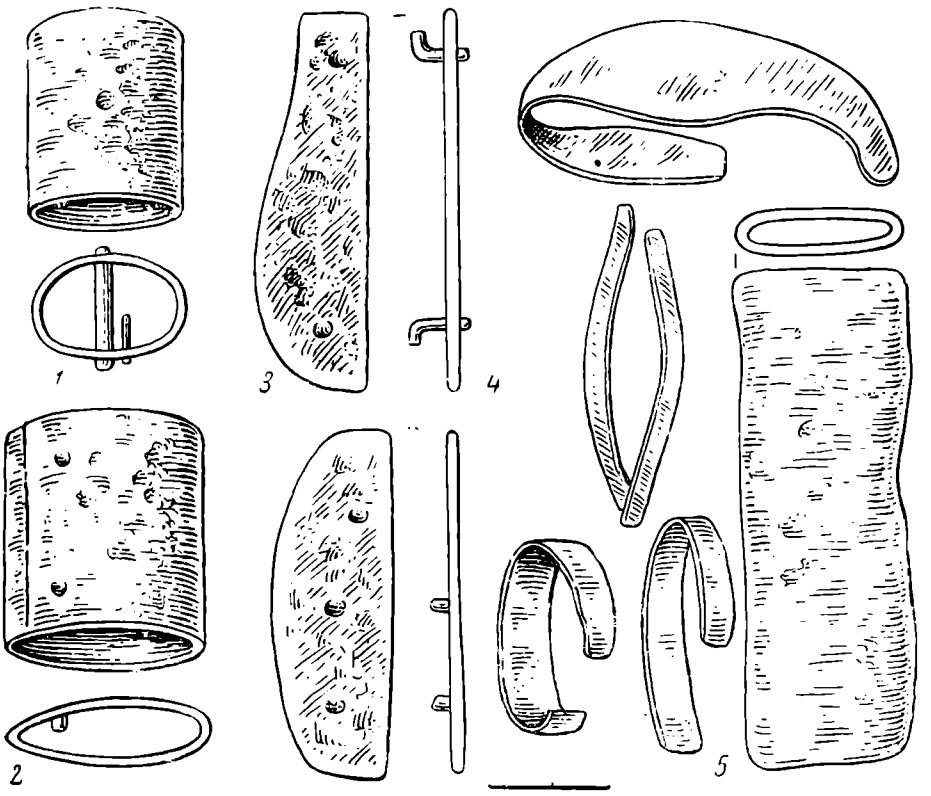


Рис. 4. Арматура мечей из Армиевского могильника.

1, 2 — наконечники эфеса и ножен; *3, 4* — скобы ножен; *5* — наконечник ножен (*1—3* — погр. № 177; *4, 5* — погр. № 178)

повторяющие сармато-аланские образцы, реже — листовидные железные и единично — костяные.

Портупеи, наборные украшения. В женском погр. № 177 вместе с мечом найден наборный пояс-портупея. Приведем описание этого весьма своеобразного погребения женщины-воина.

Костяк лежал в узкой яме подтреугольной формы на глубине 1,4 *м*. По углам ямы заметны ямки от столбиков. Положение умершей — вытянутое, на спине, головой на юго-запад, руки — полусогнуты, предплечья находились на месте живота. При погребении обнаружены: глиняный сосуд в форме крынки, стоявший в изголовье; височные подвески с грузиком и спиралькой; кольцевые застежки — россыпью; гривна с напущенными бусами (бусы красные, пастовые); накосник из спиралей и бутыльчатых подвесок; браслеты и перстни — бронзовые; два копья (в изголовье); трехперые наконечники стрел, следы лука; меч (на левом боку), портупейный наборный пояс; набор для высекания огня; удила (в ногах). Основу портупеи составляет кожаный ремень (60 × 3 *см*) с искусно выполненным украшением, состоящим из четырех продольных рядов мелких прорезей, перпендикулярных полосе ремня (рис. 5, *1*). В каждом ряду прорезей в длину ремня продето по паре тонких бронзовых проволок. Подобная техника украшения кожаных изделий бытует и поныне, но археологические аналогии мне не известны. На ремень-основу наклепаны продолговатые выпуклые бронзовые бляшки, имеющие по две рельефные полоски в середине и округло-выпуклые концы. Бляшки были приклепа-

ны двумя шпеньками к ремню, при этом на обратной стороне шпеньки удерживались квадратными бронзовыми шайбочками. На одном конце ремня укреплена железная овальная пряжка с квадратной бронзовой обоймой, окаймленной мелкими насечками; на другом конце — бронзовый пластинчатый наконечник. Наборные бляшки, подобные описанным, встречались в раскопках мерянских [21], мещерских [22] могильников. Поясные ремни с набором продолговатых бляшек известны по раскопкам Борковско-

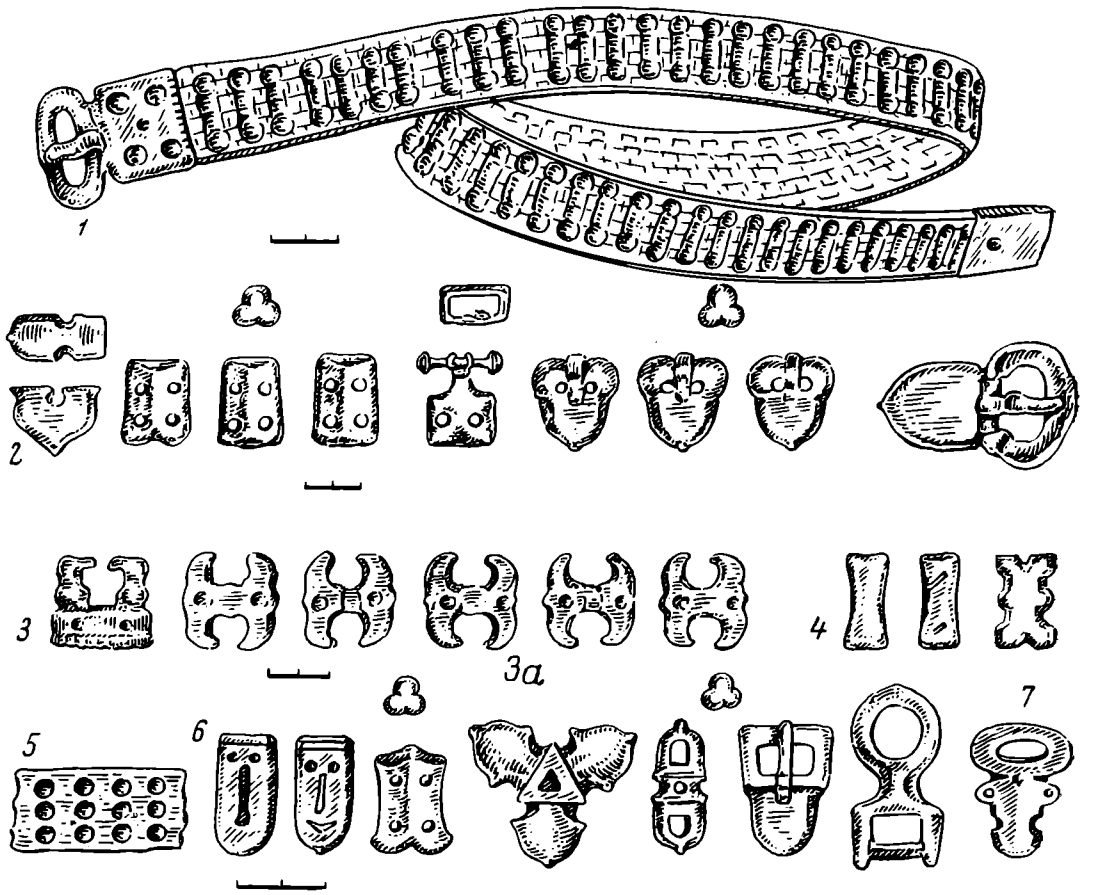


Рис. 5. Поясные наборы.

1 — портупейный ремень; *2—4, 6* — наборы поясных ремней; *5* — часть портупеи; *7* — пряжка (*1—5, 7* — Армиевский могильник; *6* — Младший Селиксенский могильник)

го [23] и Поломского [24] могильников. Все названные памятники датируются серединой I тысячелетия. Пряжка портупейного пояса с квадратной обоймой повторяет образцы пряжек из Борковского [25] и Холуйского [26] могильников. Все эти пряжки (как, очевидно, и рассматриваемый пояс) имеют аланское северокавказское происхождение, где пряжки разных форм представлены в комплексах. Таковы, например, пряжки с квадратной орнаментированной обоймой, с фигурной подтреугольной обоймой из Аланского могильника у с. Гжигит, экспонируемые в Нальчикском краеведческом музее.

Набор бронзовых фигурных бляшек найден в погр. № А-226 (пол захоронения не определен). Это — одинаковые бляшки с четырьмя симмет-

[21] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 123.

[22] В. А. Городцов. Дубровический финский могильник. Рязань, 1925, стр. 14, 15.

[23] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. XVI, *10*.

[24] В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 97.

[25] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. XXII, *1*.

[26] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 123, рис. 57.

ричными, загнутыми в виде рожков концами, с двумя шпеньками на обороте (рис. 5, *3а*). В памятниках второй половины I тысячелетия на территории Волго-Окского междуречья аналогичные бляшки единично встречались, например, в Борковском [27] и Хотимльском [28] (мерянском) могильниках. Возможно, такие фигурные бляшки связаны своим происхождением с древними культурами Северного Кавказа [29].

В наборе из погр. № А-116 была еще одна бронзовая бляшка иного образца — прямоугольная рельефная пластинка с двумя зооморфными выступами (рис. 5, *3*). Очень похожая бляшка с «птичьими головами» (отдельная находка в Борковском могильнике) опубликована А. А. Спицыным [30]. Богатый серебряный набор портупейного пояса найден в мужском погребении с мечом — № А-191 (рис. 5, *2*). В составе его — поясная пряжка с овальным приемником; три пряжки для пристегивания к поясу ремней, удерживающих меч, одинаковые с поясной, но меньших размеров и имеющие обойму щитовидной формы; т-образная портупейная застежка с прямоугольным основанием и двумя отверстиями; поясные бляшки, из которых одна прямоугольная, две подпрямоугольные, одна щитовидная,— первые три с отверстиями; наконечник узкого ремня и небольшая пряжка к нему; две трехлепестковые бляшки. Весь набор отличается массивностью и тщательностью отделки. Типом прямоугольных бляшек и особенно форм т-образной застежки он в какой-то мере отличается от северокавказских поясных наборов типа борисовского, совпадая в то же время с наборами из так называемых готских могильников, в частности могильника «Суук-Су» [31], датированного медными византийскими монетами V—VI вв. Однако в то же время (и несколько позднее) в крымских могильниках и склепах — Инкерман II, Бакла, Керчь — бытовали поясные наборы, ничем не отличающиеся от борисовских. Поэтому замеченную выше разницу в форме отдельных бляшек и застежек, очевидно, следует отнести за счет разных мест их изготовления, а может быть, и за счет известного хронологического несовпадения.

Значительно более скромными наборами поясных бляшек сопровождались другие погребения Армиевского могильника. Здесь фигурируют железные бляшки, то продолговатые с вогнутыми или прямыми краями (А-170, 206), то с четырьмя рожками, как будто подражающие медным фигурным бляшкам (А-33, 49, 89, 170, 213) (рис. 5, *4*). Подобные железные или бронзовые бляшки известны в литературе по Борковскому [32] и Холуйскому [33] могильникам, где они входят в комплексы вещей VI—VII вв.

Интересен пояс из мужского погр. № 132, происходящий из новых раскопок Армиевского могильника. Широкий кожаный ремень украшен мелкими грибовидными бляшками-рядами по три штуки (рис. 5, *5*). Совершенно такой же пояс найден в аланском поселении Архон [34] (Северная Осетия). Найдены подобные бляшки и в Младшем Селиксенском могильнике. В нем наборные украшения поясов уже полностью напоминают наборы из северокавказских могильников. Так, в погр. № С-38 находился богатый поясной набор аланского типа, состоящий из двенадцати брон-

---

[27] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. XVI, *11*.

[28] Е. И. Горюнова. Ук. соч., стр. 121.

[29] П. Г. Акритас. Вновь открытые подземные склепы в Баксанском ущелье. Уч. зап. Каб. БНИИ, XI, Нальчик, 1957, стр. 410; чрезвычайно похожий на пензенский портупейный экземпляр или боевой наборный пояс экспонируется в краеведческом музее Сухуми, в вырезке кремированного погребения воина из Цебельдинского некрополя, раскопки М. М. Трапша.

[30] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 42, табл. XIV, *18*.

[31] Н. И. Репников. Ук. соч., табл. V, *10*, *14*; X, *27*.

[32] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. XII, *22*.

[33] Там же, табл. XVI, *10*.

[34] Орджоникидзевский краеведческий музей, экспозиция, инв. № 3609.

зовых предметов, куда входят пряжка с овально-вогнутым приемником и округлой обоймицей, две портупейные (т-образные) застежки с фигурным отверстием, щитовидные и удлиненно-щитовидные с дырочками. Обращают на себя внимание бляшки, у одной из которых прорези явно воспроизводят черты человеческого лица (рис. 5, *6*).

К поясу с левой стороны был подвешен мешочек, содержащий набор для высекания огня, длинная цилиндрическая подвеска, шило, костяной гребешок, наконечник ремня в виде зажима или пинцета, обвитый узким ремешком — концом кожаного ремня. Мешочек скреплялся с поясом при помощи округлой обоймицы. Этот наконечник-зажим, получивший в литературе неправильное название пинцета, по-видимому, имеет кавказское происхождение [35], а во второй половине I тысячелетия получил распространение вместе с аланскими наборными вещами среди племен Поволжья [36].

Найденные в погр. № С-38 наборные бляшки принадлежали уздечному набору. Из них отметим две соединительные пряжки, налобную (?) фигурную бляшку из белого металла, легкий изящный наконечник ремня — тоже из белого металла и, наконец, мелкие строенные лепестковидные бляшки (рис. 5, *6*). Налобные бляшки, подобные селиксенской, найдены в Молдавии [37], в бассейне р. Суры на городище Ош-Пандо [38], в Башкирии [39], в Крыму [40], трех-четырехлепестковые бляшки известны по находкам на Алтае [41], в Подболотьевском могильнике [42] и т. д. Соединительные бронзовые пряжки с двумя приемниками ведут свое начало, по-видимому, от савроматских пряжек [43].

Укажем также на некоторые отдельные бронзовые пряжки (железные — круглые или овальные — встречаются часто). Для Армиевского могильника характерны пряжки с хоботовидным язычком (в Селиксе их нет). Интересны небольшие бронзовые пряжки с треугольной обоймой, оформленной по краям округлыми выступами с отверстиями на них — А-8, 48, 168 (рис. 5, *7*). Подобные пряжки или обоймы от них есть в коллекции из Инкерманского могильника [44], в Суджанском кладе [45], в азербайджанском могильнике Хыныслы. Показательно, что в гробнице Хыныслы вместе с пряжкой находился однолезвийный меч-палаш. По найденной здесь серебряной сассанидской монете могильник датируется V—VI вв. [46] В Аланском могильнике у с. Гунделен подобные пряжки находятся в комплексе с соединительной уздечной пряжкой, зеркальцами, глазчатыми и полосатыми бусами [47].

В погр. № А-186 и в женском погр. № А-198 встретились обрывки кольчуги; в первом случае — обрывок из 80—90 плоских колец диаметром

[35] Бронзовый пинцетовидный зажим можно видеть в коллекции из могильника Мцхети, нижний ярус, I тысячелетие до н. э., экспозиция Тбилисского исторического музея.

[36] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 42.

[37] Э. А. Рикман. Могильник первых столетий новой эры у с. Будешты в Молдавии. СА, 1958, 1, стр. 199.

[38] Саранский республиканский краеведческий музей, № оп/35.

[39] Р. Б. Ахмеров. Уфимские погребения VI—VIII веков нашей эры. КСИИМК, XL, 1951, стр. 132.

[40] Коллекции Баклинского могильника, раскопки Е. В. Веймарна. Бахчисарайский музей, инв. № 59/1914.

[41] С. И. Руденко, А. Н. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, III, 2, Л., 1927.

[42] В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году. «Древности», 24, М., 1914, погр. № 186.

[43] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, МИА, 101, 1961, табл. 55.

[44] Бахчисарайский историко-археологический музей, инв. № 5799.

[45] Б. А. Рыбаков. Новый суджанский клад антского времени. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 76.

[46] Д. А. Халилов. Раскопки на городище Хыныслы, памятнике древней Кавказской Албании. СА, 1962, 1, стр. 218, рис. 6, *12*.

[47] Республиканский краеведческий музей в г. Нальчике, экспозиция.

16—17 *мм*, во втором — 8 колец диаметром 14 *мм*. Кольца как будто склепаны, между собой переплетены. Обрывки, возможно, происходят от двух кольчуг. Кольчужные доспехи появились в Восточной Европе уже в сарматское время [48]. В. Ф. Генингом в Суворовском и Азелинском могильниках Прикамья, относящихся к V в., найдены обрывки кольчуг в комплексе с боевыми шлемами и мечами (диаметр колечек 6—8 *мм*) [49]. Этот же автор упоминает о находках различного вооружения, в том числе кольчуги в Тураевском курганном могильнике с обрядом трупосожжения — III—IV вв. [50] Обрывки кольчуги из Борисовского могильника (погр. № 134 с остатками сабли и стременами) [51] относятся к более позднему времени — VII—VIII вв.

Наши находки частей кольчужной брони в комплексах V—VI вв. совпадают по времени с уфимскими находками кольчужных колечек [52]. Несомненно, что они не местного происхождения, может быть, являются боевым трофеем.

Таким образом, проникновение на территорию Верхней Суры предметов воинского вооружения и снаряжения, имеющего южное, вероятнее всего аланское, происхождение, относится к V—VI вв., т. е. ко времени, которым датируются многочисленные и совершенно аналогичные находки в Крыму, на Северном Кавказе, на левобережье Сейма [53], на Кубани [54], в Заволжье, в Башкирии, на средней Оке и т. д. Важно отметить, что в это время древние мокшанские племена находились в орбите культурного воздействия юга, осуществлявшегося, по-видимому, в мирных условиях и посредством торговых связей, о чем красноречиво свидетельствует обилие некоторых женских украшений южного происхождения. В то же время сильная военная организация заставляет предполагать существование военных столкновений, возможно, межплеменных войн.

Не исключено, что в среду древней пензенской мокши могли вселяться сармато-аланы. Например, погр. № 191 и 215 (мужское и женское) Армиевского могильника, совершенные по местному ритуалу, сильно выделяются иноземным обликом могильного инвентаря, хотя в нем, конечно, есть вещи и чисто местного происхождения.

Другим примером аланского погребения может служить впускное погребение, открытое в кургане у с. Зиновьевки (ныне Пензенской области), исследованном П. С. Рыковым [55]. Это погребение, имеющее в своем погребальном инвентаре прямые аналогии с Армиевским и Младшим Селиксенским могильниками, должно быть датировано не VIII в., как это сделал П. С. Рыков, а VI—VII вв.

---

[48] А. Ф. Медведев. К истории кольчуги в древней Руси. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 27.

[49] В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии, стр. 85.

[50] В. Ф. Генинг. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье. ВАУ, 2, Свердловск, 1962, стр. 76.

[51] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 годах. ИАК, 56, Пгр., 1914, стр. 118, 119, рис. 27 на стр. 145.

[52] Р. Б. Ахмеров. Ук. соч., стр. 126.

[53] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 85.

[54] Т. М. Минаева. Находка близ станицы Преградной, на р. Урупе. КСИИМК, 68, 1957.

[55] П. С. Рыков. Позднесарматское погребение близ с. Зиновьевки Саратовской губернии. Саратов, 1926.

Т. Н. СЕНИГОВА

ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ ПРИБОРЫ ТАРАЗА И ИХ СВЯЗЬ С КУЛЬТОМ ОГНЯ

Большой материал, накопившийся в результате археологических исследований Тараза и его округи, позволяет в настоящее время восстановить значительное число форм осветительных приборов, как генетически связанных между собой, так и единичных типов, бытовавших в период с VI в. до н. э. по XIV в. н. э.

Некоторые из них служили не только для освещения, но и в качестве жертвенников, курильниц, а также употреблялись для обрядов, связанных с культом огня. В связи с этим первая часть статьи, построенная на новых археологических материалах, посвящается типологии и хронологии осветительных приборов Тараза [1], вторая — выявлению связи светильников с культом огня.

По материалу светильники Тараза разделяются на бронзовые и глиняные. Бронзовые светильники можно подразделить на два типа: 1 — открытые с неподвижно связанными частями и скульптурными украшениями; 2 — закрытые, разъемные.

Глиняные светильники можно разделить на следующие семь типов: 1 — открытые цилиндрические высокие; 2 — открытые разъемные на цилиндрической подставке; 3 — открытые чашевидные на цилиндрической ножке; 4 — открытые чашевидные на трех-четырех ножках; 5 — закрытые фигурные (а, б); 6 — открытые ладьевидные — чираги, среди них варианты: а — неполивные; б — поливные; в — поливные с орнаментированной «пятой»; г — поливные с высоко поднятой «пятой», полузакрытые; д — фигурные; 7 — подсвечники поливные.

Бронзовые светильники

К 1-му типу мы относим жертвенники со скульптурными украшениями. Чтобы оценить значение находок из Таразского оазиса, связанных с самыми ранними этапами существования города, напомним, что широко известные у кочевого населения Семиречья в VI в. до н. э. светильники представляют собой круглое или квадратное блюдо, стоящее на ажурной конусовидной ножке высотой 20—30 *см.* В центре его закреплены две, реже одна, вертикальные или изогнутые трубочки для фитиля (рис. 1, *2*, *3*). По бордюру располагались скульптурные фигурки зверей [2] (рис. 1, *1*).

[1] Добыты археологической экспедицией под руководством А. Н. Бернштама в 1936—1938 гг. и стационарными исследованиями Института истории, археологии и этнографии АН КазССР в 1958—1965 гг. Кроме того, использованы коллекции бронзовых светильников, происходящие из Тараза, хранящиеся в Джамбулском областном музее и в Детской туристической станции г. Джамбула.

[2] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 40—50. В коллекции кабинета археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР имеется бронзовая фигура козлика, представляющая собой часть обрамления подобного светильника.

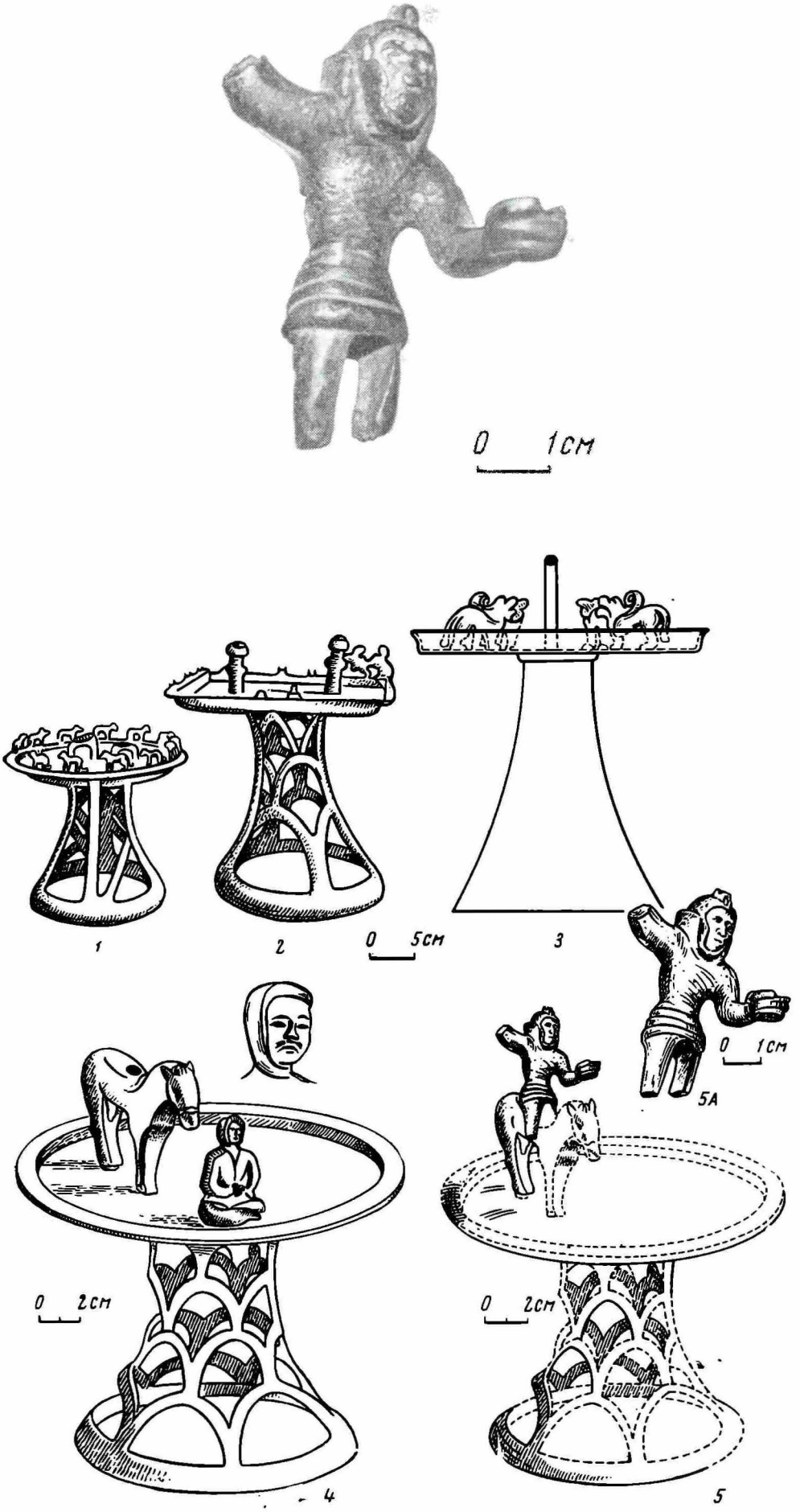


Рис. 1

1—4 — бронзовые светильники Семиречья; *5* — опыт реконструкции светильника с бронзовой фигуркой из Таразского оазиса

К наиболее редким относится украшение блюда с фигурой спешившегося всадника с монголоидным типом лица, в мягком головном уборе, в халате, сидящего с поджатыми под себя калачиком ногами; возле него стоит фигурка лошади [3] (рис. 1, *4*).

В Джамбулский областной музей была недавно доставлена бронзовая скульптурка воина [4], несомненно являющаяся деталью бронзового светильника вышеописанной формы (рис. 1, *а*). На голове воина цельнолитой шлем горшковидной формы с прямоугольным волнистым гребнем на макушке (рис. 1, *5*, *5а*). От шлема спускаются вниз нащечники, плотно смыкающиеся в кольцо под подбородком; видимо, они делались из мягкой кожи или войлока. Судя по найденному в Семиречье космычинскому шлему [5], нащечники к шлему прикреплялись при помощи отверстий в его нижней части.

Подобный прием крепления нащечников широко известен как древнейший не только в Казахстане [6], но и в Самарканде с VI в. до н. э. [7]

Форма плотно облегающего голову горшковидного головного убора с гребнем на макушке восходит к единому войлочному прототипу [8] и является традиционной для древних сакских племен. Еще Геродот писал: «Саки, скифское племя, имели на головах остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо» [9], они прикрывали не только голову, но и шею, уши и щеки от сильных степных ветров. Плотно облегающие голову войлочные уборы, распространенные у саков Семиречья [10] и традиционно продолжающие свое существование в зимней одежде скотоводов-казахов до сего дня [11], позволяют присоединиться к высказанному в литературе мнению о том, «что шлемы являлись имитацией в бронзе сако-скифского колпака, подобно тому, как раннефракийские шлемы воспроизводили форму распространенных фракийских головных уборов» [12].

Нижняя часть куртки всадника как бы покрыта крупными металлическими пластинами. Подобные пластины сохранились на одежде воина в погребении IV—III вв. до н. э. в низовьях Сыр-Дарьи [13]. Судя по тому, что правая рука воина из Джамбулского музея была поднята над головой, а в вытянутой на уровне пояса левой руке был какой-то предмет (на что указывает круглое отверстие внутри сомкнутой кисти), следует думать, что скульптура изображала всадника с луком в руках.

Описываемая фигурка воина несомненно представляет собой произведение древнесакского искусства, имеющее широкие аналогии в памятниках сакско-скифского искусства Алтая, Кавказа и Семиречья с VI в. до н. э. Она является древнейшей в коллекции бронзовых светильников Таразского оазиса.

Тип 2-й. В коллекции Джамбулского музея имеется значительное число предметов в виде полого круглого стержня или шестигранника, расчлененного массивными фигурными базами, на подставке высотой от 85 до 1,60 *см* (рис. 2). Некоторые базы и подставки украшены прорезными узорами, другие сплошные [14] (рис. 2, *3*). В нижней части подставки иногда имеются фигурные ручки (рис. 3, *1*, *2*). Интересна шестигранная подставка, сплошь украшенная ажурным орнаментом из чередующихся ром

---

[3] Г. С. Мартынов. Иссыкская находка. КСИИМК, 59, 1955, стр. 150—156.
[4] Коллекция Джамбулского областного музея, инв. № 1272.
[5] Хранится в Джамбулском областном музее, инв. № 362.
[6] Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. Тр. ОИПК, ЭI, Л., 1941, стр. 114.
[7] Е. Е. Кузьмина. Бронзовый шлем из Самарканда. СА, 1958, 4, стр. 120.
[8] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, 101, 1961, стр. 76.
[9] Геродот. История, VII, 64.
[10] Г. С. Мартынов. Ук. соч.
[11] И. Захарова, Р. Ходжаева. Казахская национальная одежда. Алма-Ата, 1965, см. также Экспозиции Кабинета археологии и этнографии АН КазССР.
[12] Е. Е. Кузьмина. Ук. соч., стр. 125.
[13] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 149.
[14] Коллекция Джамбулского областного музея. «Казахстанская правда» от 14 апреля 1965 г., № 87 (12155).

бов (рис. 2, *3*). База этой подставки также орнаментирована сквозными арочками с треугольным завершением. Почти все подставки укреплены на полусферическом основании, опирающемся на три ножки, которые иногда сделаны в виде лап хищных животных. В верхней части подставок

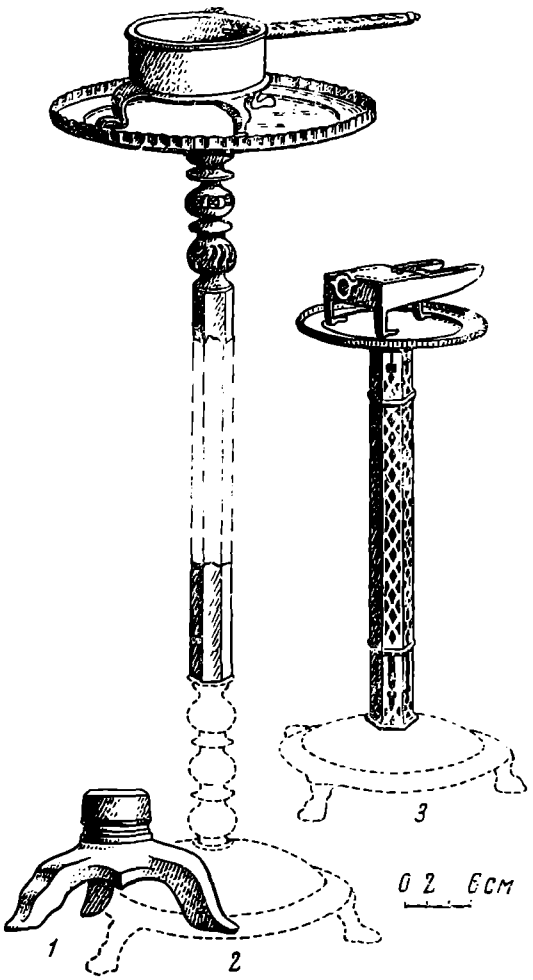


Рис. 2

1 — поливное керамическое основание под светильник; *2—3* — бронзовые составные светильники

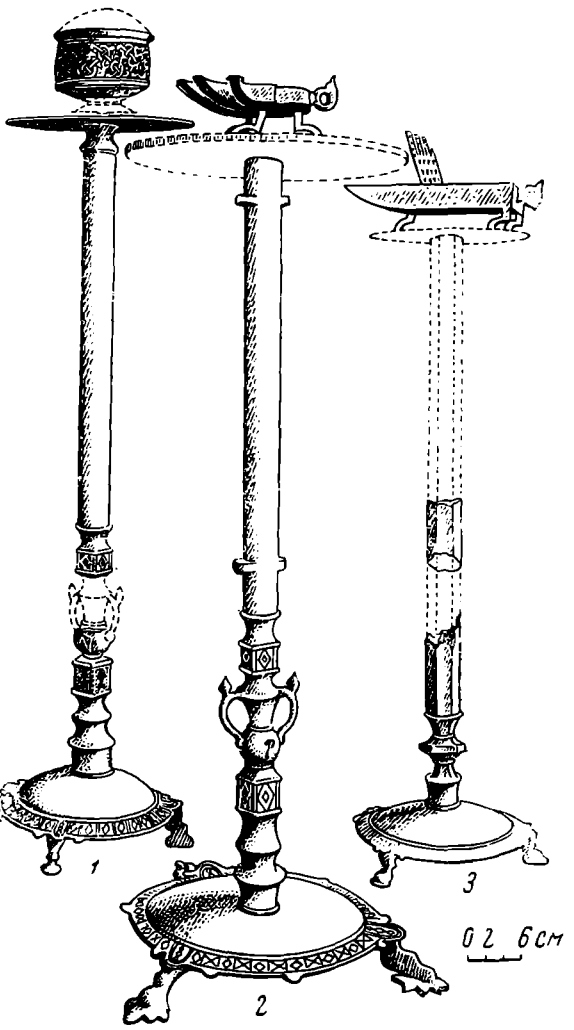


Рис. 3

1—3 — бронзовые составные светильники

укреплены плоские круглые блюда, диаметром 12—25 *см*, иногда с приподнятыми бортами, украшенными рубчиками.

Нетрудно заметить, что прототипом этих светильников являются рассмотренные выше сакские бронзовые светильники с архитектурными ножками и плоскими блюдообразными завершениями.

Однако, в отличие от сакских светильников, у которых все отдельные части, в том числе и фигурки, укреплены неподвижно путем спайки, на описываемых нами подставках в верхней части помещались съемные курильницы и светильники различных форм. Наиболее простой и распространенной формой является закрытый прямоугольный двухрожковый светильник с петлеобразной ручкой (рис. 4, *3*).

Великолепным художественным произведением является закрытый четырехрожковый светильник с петлеобразной ручкой (рис. 6). Его высокие ножки заканчиваются выступами, имитирующими лапы животного. Ажурная крышка состоит из двух частей: первая припаяна к корпусу, вторая поднимается на двух петельках и прикрывает не только корпус светильника, но и рожки. Крышка украшена сложным орнаментом, состоящим из сердцеобразных заостренных виноградных листьев, перепле-

тающихся с лозою. Этот мотив восходит своими корнями как к местному орнаменту, так и к Пенджикентской орнаментике VI—VIII вв.[15] Этот же узор характерен для таразской керамики, в частности для пят глиняных светильников X—XII вв.

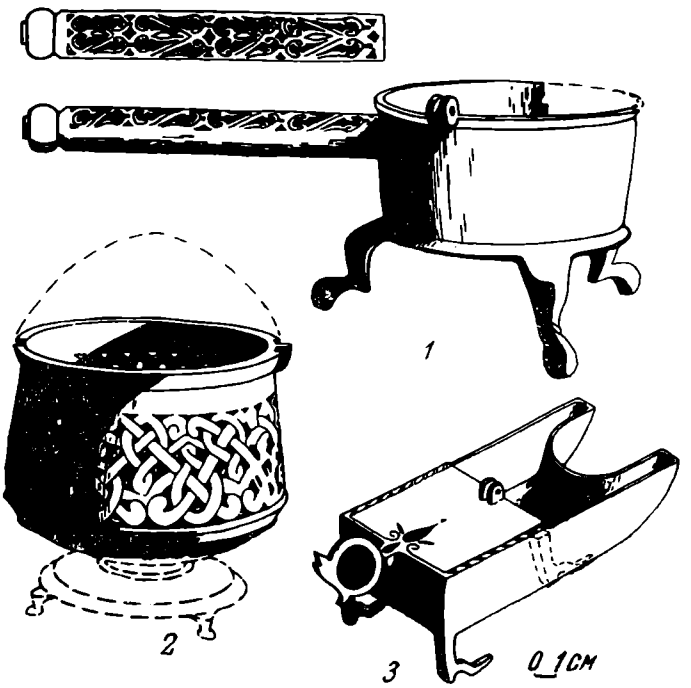


Рис. 4

1 — деталь ручки жаровни; *2—4* — светильники

Не менее интересна и округлая ажурная курильница (рис. 4, *2*), основание и верхняя часть которой утрачены.

У цилиндрической жаровни на трех ножках (рис. 4, *1*) эффектна полая литая ручка, украшенная сверху ажурным узором в виде виноградной лозы с листьями.

Наибольшее впечатление производит пятирожковый светильник на трех ножках (рис. 5). Верхняя часть его резервуара украшена тем же классическим орнаментом виноградной лозы и листьев.

Техника изготовления этих светильников хорошо известна. Подставка, подножия, блюда изготовлены отдельно путем отливки. После отливки некоторые детали предметов дополнительно обрабатывались, очевидно на токарном станке[16], а потом покрывались орнаментом. Основание подножек украшалось геометрическими гравированными поясками. Особый эффект производит ажурный орнамент, выполненный сложнейшим ювелирным приемом выемки фона по предварительно намеченному резцом узору[17].

Все описанные бронзовые светильники Тараза, отнесенные нами ко 2-му типу, происходят из случайных сборов, поэтому их датировка представляет известные трудности. На основании отдельных аналогий по форме и орнаменту с подобными же предметами, происходящими из Герата XIII в.[18], городища Ани X—XI вв.[19], из Керчи[20], Пенджикента[21], городища Ахсыкета XI в.[22], из коллекций Британского музея XII—XIII вв.[23], Кировской области[24], Семиречья XIII—XIV вв.[25], Сайрама[26]

[15] В. Л. Воронина. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента. Сб. «Скульптура и живопись древнего Пянджикента». М., 1959, стр. 134.

[16] А. А. Иванов. О первоначальном назначении Иранских подсвечников XVI—XVII вв. Сб. «Исследования по истории культуры народов Востока». М.—Л., 1960, стр. 340.

[17] Там же.

[18] Государственный Эрмитаж, зал № 384.

[19] И. А. Орбели. Баня и скоморох XII века. Сб. «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, стр. 165.

[20] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. ИАК, XXV, СПб., 1907, стр. 40, рис. 15*б*.

[21] Считаю долгом выразить свою признательность А. М. Беленицкому, предоставившему мне фотографию светильника из раскопок в Пенджикенте в 1959 г.

[22] А. И. Смирнов. Находки в Средней Азии. «Декоративное искусство», 1963, 5, стр. 38.

[23] Doyglas Barrett. Islamig Metal Work in the Britisch Museum. London, 1949, рис. 3, 4, *9*.

[24] ОАК за 1897 г. СПб., 1900, рис. 224.

[25] А. Н. Бернштам. Тр. Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, 14, 1950, табл. XCI, XCII.

[26] Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР. Фотоархив Отдела археологии, № 400.

и Талгарского городища [27], мы относим данный комплекс светильников к X—XIII вв. Судя по тому, что за пределами Таразской округи не встречены светильники, полностью повторяющие таразские, и учитывая, что при раскопках в Таразе найдена трехногая керамическая поливная подставка под светильник, воспроизводящая подставку под бронзовые светильники (рис. 2, *1*), можно предположить местное производство светильников данного типа.

Следует отметить, что описываемый тип бронзовых светильников был, видимо, распространен только в среде зажиточного городского населения. Рядовые горожане, как и сельское население Таразской округи, издавна пользовались глиняными светильниками. Массовость находок последних позволяет гораздо отчетливее проследить эволюцию, выявить типологию и уточнить датировки.

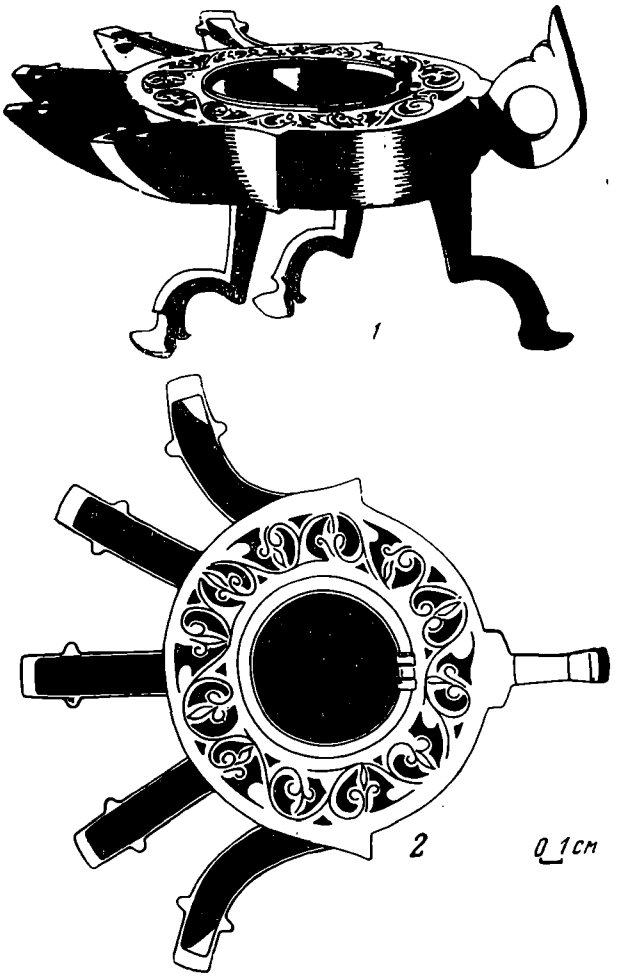


Рис. 5

1 — четырехрожковый светильник; *2* — вид сверху. Фото и зарисовка детали бронзовой фигурки воина

Глиняные светильники

Развитие производительных сил положительно сказалось на переходе к оседлости некоторой части сакских племен Таразского оазиса. В непосредственной связи с изменением образа жизни стоит и переход от бронзовых легко переносимых светильников первого типа к массивным глиняным осветительным приборам.

В коллекции, происходящей из Таразского оазиса, имеется около 20 древнейших массивных светильников, которые легко подразделить на два типа.

К 1-му относится до 10 светильников цилиндрической формы около 0,5 *м* высоты с раструбами в верхней и нижней частях (рис. 7, *1*). Они сделаны из серого, рыхлого в изломе глиняного теста, содержащего слюду, придававшую изделию металлический блеск [28]. Поверхность светильников орнаментирована вертикальными извилистыми валиками, благодаря которым мастер не только создал имитацию серебряной посуды, но и отразил особую нарочитость изделия, имевшего не только утилитарное, но и культовое назначение.

Ко 2-му типу относятся полые подцилиндрические красноглиняные стержни с раструбами (рис. 7, *2*) высотой до 0,4 *м* с более узкой верхней частью. Наличие сквозного отверстия свидетельствует о том, что данные предметы являются подставками под светильники.

---

[27] Коллекция Педагогического института им. Абая. Алма-Ата; И. И. Копылов. Отчет о работе Талгарской археологической экспедиции, 1965 г., стр. 70.

[28] А. И. Терешкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 162.

Массивная подставка с чашечной курильницей наверху была найдена в погребении I—II вв.[29] в районе Ташкента (рис. 7, *3*). В таких чашечках-плошках[30] могли сжигаться веточки смолистого дерева или ароматические смолы[31], а судя по варахшинским росписям, и какие-то бело-розовые шарики. Судя по аналогичным светильникам из погребений Алтая[32], дата светильников 1-го и 2-го типов — VI в. до н. э.— I в. н. э.

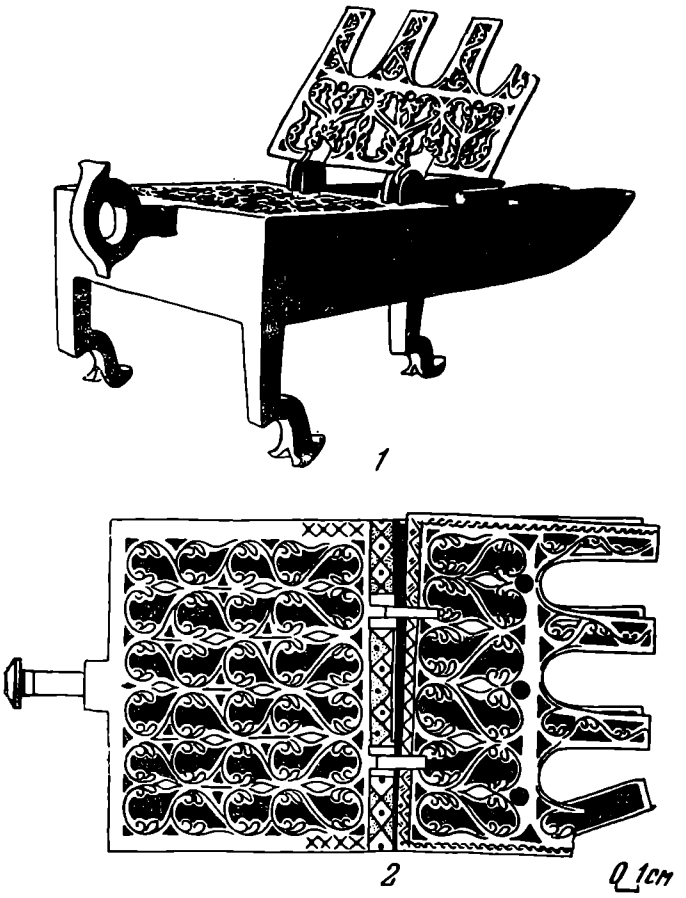


Рис. 6

1 — пятирожковый светильник; *2* — вид сверху

Светильники 3-го типа имеют открытый резервуар и массивную цилиндрическую ножку с раструбом (рис. 8). У большинства из них резервуар округлой чашевидной формы с круглым плоским бортиком, но известны также экземпляры с бортиком квадратной формы. Есть также светильники с углубленным чашевидным ободком (рис. 8, *5*). Некоторые светильники этого типа найдены в жилых комплексах цитадели и шахристана Тараза, причем в одном случае вместе с кушанской монетой Васудевы[33]. Светильники с валиками по краям резервуара имеют некоторые аналогии среди глиняных чаш (светильников?) из согдийского здания V в., исследованного в долине Кашка-Дарьи[34].

Таким образом, этот тип светильников получает дату в пределах I—VI вв. и, несколько видоизменяясь, продолжает существовать в последующее время. Генетическая связь их с предшествующим типом светильников ощущается очень ясно, но они — меньше и имеют более портативную форму, в которой угадывается некоторое сходство с формой зороастрийских алтарей.

Отдельные экземпляры светильников 3-го типа, характеризующиеся более глубоким чашевидным резервуаром, встречаются и в более позднее время. Таков светильник (рис. 8, *7*), найденный в 1961 г. при раскопках Таразского шахристана в слоях V—VII вв. Оттуда же происходит све-

---

[29] М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН Узбекской ССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вревская, 1947. Тр. Музея истории народов Узбекистана. I, Ташкент, стр. 49, рис. 2.

[30] Там же, стр. 50, рис. 3.

[31] Там же, стр. 151.

[32] С. И. Руденко. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961, стр. 16, рис. 6.

[33] Определение А. А. Быкова и Е. Зеймаля.

[34] С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. в долине р. Кашка-Дарьи. СА, 1958, 3, рис. 7, *7—9*.

тильник на массивной подквадратной ножке с треугольными зубчиками по бортику (рис. 8, *8*).

К V—VIII вв. относится также массивный светильник с чашеобразным резервуаром, украшенным по краю округлыми выемками (рис. 8, *6*). Он найден в жилом помещении крепости Жикиль, расположенной в юго-восточной части Таразского пригорода, и сопровождался тюргешской монетой (определена О. И. Смирновой).

Подобного типа светильники широко известны на довольно значительной территории в низовьях Сыр-Дарьи[35] и на более широкой территории Таласской долины[36]. 4-й тип светильников характеризуется глубоким чашевидным резервуаром с небольшим бортиком и основанием в виде трех или четырех ножек (рис. 9). У некоторых экземпляров этого типа чашевидный резервуар приподнят над основанием, а ножки согнуты (рис. 9, *4*, *5*). Светильники этого типа датируются по находкам в

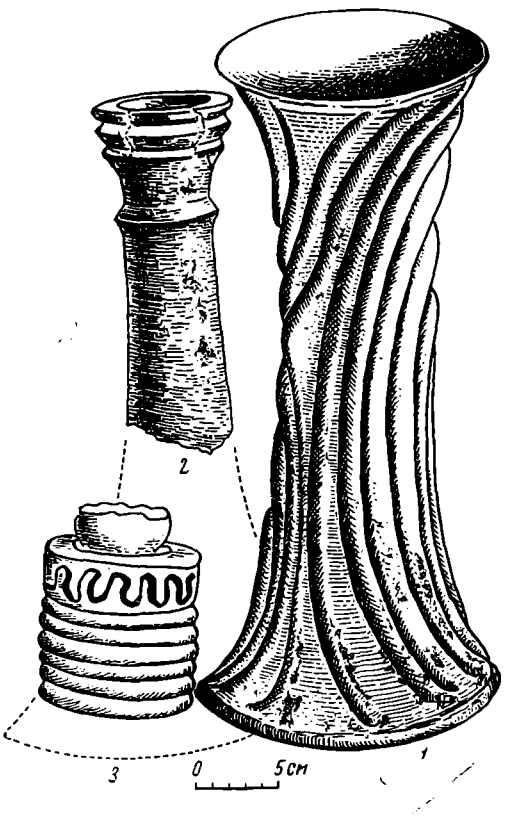


Рис. 7

1 — глиняный светильник; *2* — подставка под светильник; *3* — светильник с подставкой из кургана в районе Ташкента

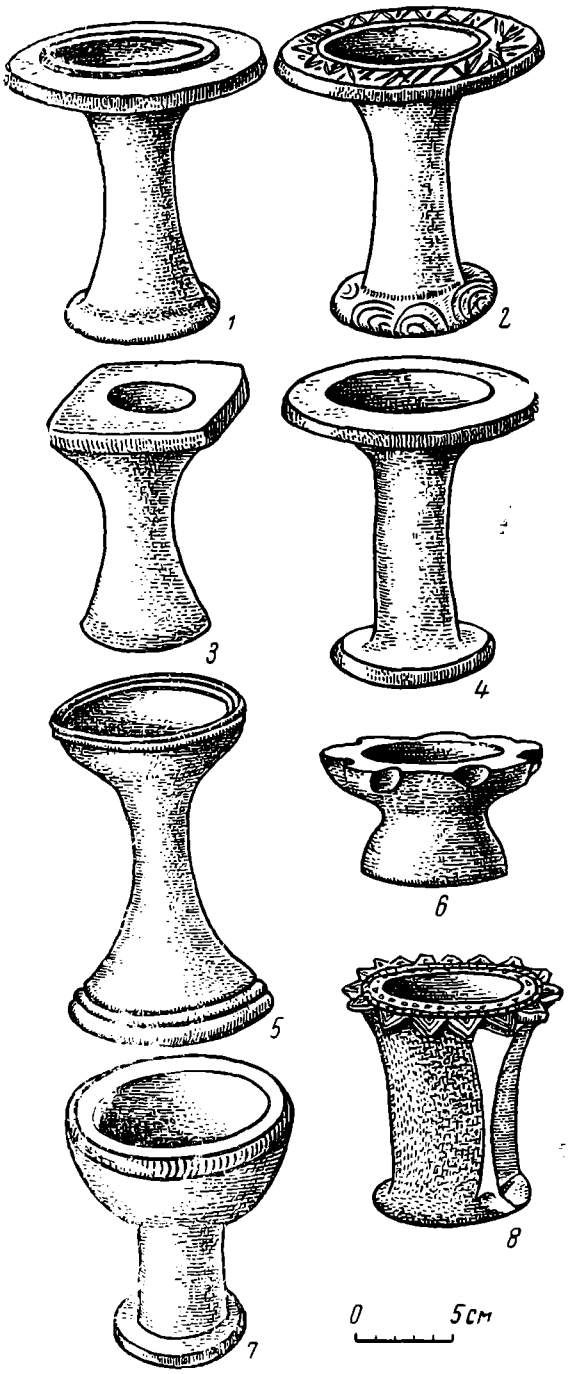


Рис. 8

1—6 — глиняные светильники на цилиндрической ножке; *7*, *8* — светильники с фигурными краями резервуара

[35] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, стр. 110, рис. 80, *3*; его же. Города гузов. СЭ, 1947, 3, стр. 67, рис. 14, 15; Т. Н. Сенигова. Керамика городища Алтын-Асар. (Автореф. канд. дис.), 1953, стр. 12; Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966, стр. 56.

[36] И. Кожомбердыев. Катакомбные памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 65, рис. 16, *6*.

культурном слое V—VII вв. таразского шахристана. Для них есть также многочисленные аналогии V—VIII вв. из Южного Семиречья[37].

В 5-й тип нами выделены два светильника.

а) Светильник в виде небольшой плошки, куда наливался жир. Сверху его покрывал «абажур» (или фонарь) в виде юрты[38] (рис. 10, *1, 2*). В этой миниатюрной модели юрты очень искусно переданы реальные черты жилища: его стенки и верхняя часть были как бы обтянуты кошмами и опоясаны тремя рядами веревок, дверной проем — арочного типа. На поверхности этой юрты ангобом нанесены поперечные коричневые полосы, возможно изображающие расшитые орнаментами полотнища из грубой домотканной материи, которыми покрывалась сверху кошма юрты. О нарядном внешнем виде юрт мы знаем по письменным источникам[39] и этнографическим материалам. Образцы орнаментов дошли до нас в настенных росписях мавзолея XIX в. из Таразского оазиса[40].

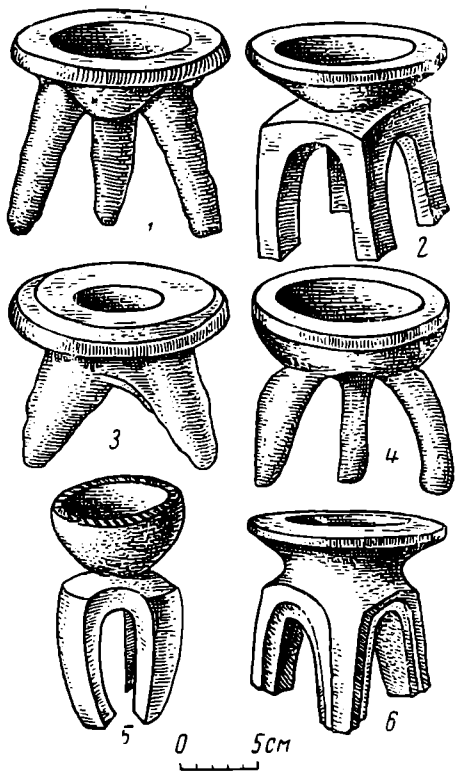


Рис. 9

1—6 — светильники на трех ножках

Купольное перекрытие модели юрты имеет четыре крест-накрест выступающие детали шанграка и сквозные отверстия. Последние могли служить для продевания шнурка, предназначенного для переноса светильника с места на место и одновременно имитировать отверстия для выхода дыма из очага. Модель юрты найдена в шахристане, рядом с ней находилась тюргешская монета, что позволяет датировать этот оригинальный футляр для светильника V—VIII вв. Среди находок в Средней Азии (в Мерве) есть фонари, но они иной формы[41]. Модели юрт, подобные нашей, известны в Туркмении в V—VII вв.[42]. На территории Азербайджана глиняные модельки юрты известны с XI—IX вв. до н. э.[43]

б) Светильник в форме грибка, перевернутого вниз шляпкой (рис. 10, *3*). Отверстия в ножке предназначались для наливания жира, а также для фитилей, которые делались из крученой шерсти. Пепел от сгоревшей части шнурка спадал на углубление у бортиков края «шляпки». Светильник найден в северо-восточной части пригорода Тараза (на крепости Нижний Барсхан). Возможно, что этот тип светильников следует связывать с пришедшим из степей тюркским кочевым населением, принесшим с собою в городскую среду своеобразные виды бытовой утвари.

---

[37] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции..., табл. XI, рис. 2, 3.

[38] А. П. Попов. Керамическая юрта. «Огонек», 16, 1965, стр. 30; Т. Н. Сенигова. Открытие в древнем Таразе. «Простор», 6, 1966.

[39] Иоанн де Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. СПб., 1911, стр. 52, 53.

[40] А. Тереножкин. Казахские фрески XIX в. Из материалов экспедиции ГАИМК. «Искусство», 1938, 2, стр. 160.

[41] С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—XIII вв. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962, стр. 357, 358.

[42] С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе Байрам Али. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, 5, 1959, табл. 4, *15*.

[43] М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, стр. 17, рис. 13.

К 6-му типу относятся ладьевидные открытые светильники с вытянутым носиком и петлеобразной ручкой, имеют местное название — чираги. В датированных слоях Тараза и крепостей их найдено 40 экземпляров.

I вариант: красноглиняный массивный светильник с вытянутым носиком и петлеобразной ручкой, без поливы (рис. 10, *4*). Найден в жилом помещении одной из крепостей Жикиль; дата — VII—VIII вв.

Рис. 10

1 — светильник-плошка; *2* — юртообразный футляр к светильнику; *3* — грибкообразный светильник; *4* — красноглиняный светильник; *5* — желтополивной светильник; *6—11* — молочнополивные светильники с эпиграфическим орнаментом

II вариант: светильники (12 экз.) более изящных форм и пропорций с округлым резервуаром (рис. 10, *5, 11*). Покрыты снаружи бело-кремовой поливой, поверх которой коричневой краской нанесены точки, полосы и зигзаги. Найдены в верхних слоях Тараза IX—XII вв. и в Жолпак-Тобе.

III вариант: светильники (30 экз.) отличаются вполне сложившейся устойчивой формой, изяществом пропорций. Покрыты однотонной поливой, чаще всего темно- или светло-коричневой, темно- или светло-зеленой, зеленовато-бирюзовой, реже зеленой с коричневыми пятнами. Их петлеобразные ручки у основания имеют приподнятую пяту, как правило, богато орнаментированную, служившую для упора большого пальца (рис. 11, *1—25*). В некоторых случаях корпус светильников имеет канелюры, придающие ему сходство с металлическим сосудом (рис. 11, *1*).

Центром художественного оформления чирага являлась пята ручки, как правило, орнаментированная растительными, реже геометрическими узорами. Несмотря на вводимые феодальной знатью религиозные каноны ислама, мастер-керамист умело использовал крошечную площадку пяты, чтобы украсить ее традиционным узором, в ряде случаев связанным с почитанием огня. К ним относится, например, парное рельефное изображение фазанов по сторонам дерева (рис. 11, *4*). Парные изображения птиц у

виноградной грозди (рис. 11, *3*) [44], а также павлинов известны на широкой территории в I—VII вв. [45]. В Семиречье мотив фазанов по сторонам дерева известен на предметах из Суклукского городища [46] и, по мнению некоторых исследователей, своими корнями восходит к VI—VII вв. [47] Что же

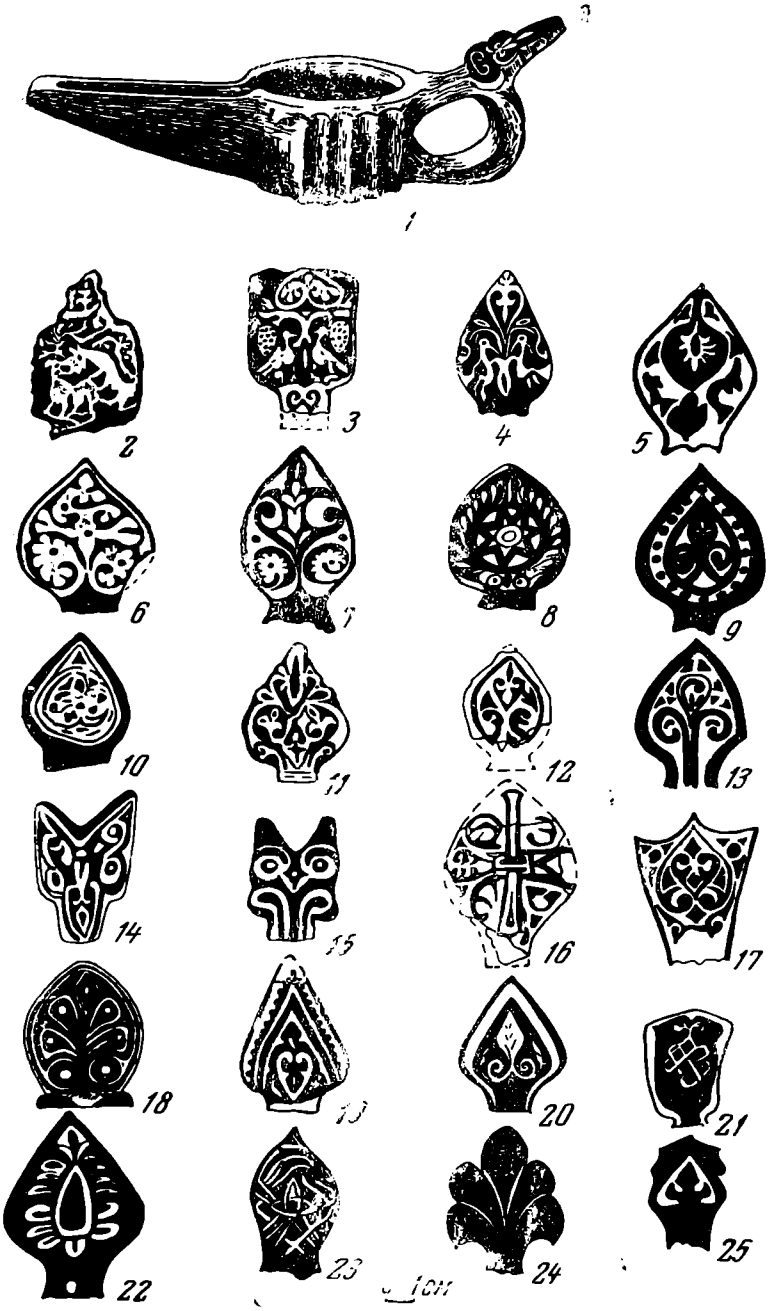


Рис. 11

1 — коричневополивной чираг; *2—25* — орнаментированные пяты чирагов

касается религиозной семантики самих изображений, то мы присоединяемся к мнению о том, что павлины и фазаны представлялись священными птицами, символизирующими огонь [48].

[44] Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. Хатанские древности. Л., 1960, рис. 85.
[45] М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. Ук. соч., стр. 35.
[46] Отчет VI отряда. Отчеты начальников археологических отрядов (I—X) экспедиции по археологическому обследованию подгорной части Чуйской долины. МИА, 14, стр. 96.
[47] А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, стр. 14.
[48] К. Иностранцев. Записки восточного отделения, XVIII, стр. 146—203; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 137.

Об очень большой древности некоторых изображений на чирагах свидетельствует и сцена борьбы зверей (рис. 11, *2*), выполненная в традициях скифо-сакского звериного стиля. Хищник (снежный барс?) терзает травоядное животное (оленя?).

На большинстве чирагов встречается традиционный, хотя и очень усложненный, мотив виноградной лозы с листьями; есть и геометрический орнамент.

IV вариант представляет собой наиболее поздние формы ладьевидных светильников (5 экз.). Корпус их более объемен, пята значительно подня-

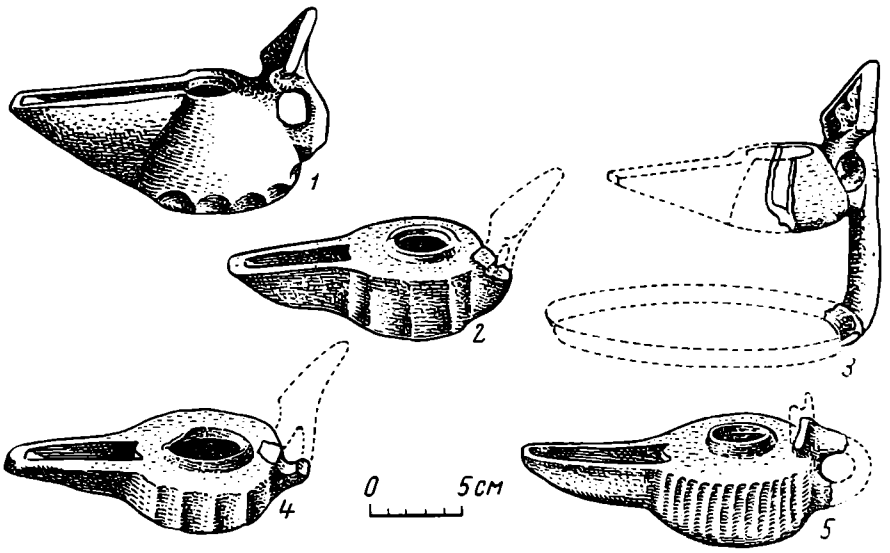


Рис. 12

1, 2, 4 — светильники с бирюзовой поливой; *3* — светильник на стержне с чашеобразным основанием

та вверх (рис. 12, *1*); между носиком и резервуаром появляется перемычка (рис. 12, *2, 4, 5*), что приближает их к типу закрытых светильников. Некоторые экземпляры имеют отходящий от нижней части ручки стержень, соединяющий тулово светильника с поддоном (рис. 12, *3*). Полива однотонная бирюзовая. По находкам в Таразе и аналогиям из культурных слоев XI—XII вв. [49] и XIII в. из Новой Нисы этот вариант светильников датируется XII—XV вв.

V вариант (2 экз.): корпус светильника поливной, граненый, объемистый; закрыт полусферическим завершением с пятью отверстиями. Рожков два, массивная ручка завершается изображением птичьей головы (рис. 13, *1*), которая сверху имеет воронкообразное отверстие, предназначенное для вливания жира. Светильник, вероятно, соединялся с прикрепленным к его основанию блюдцем, в которое осыпался нагар с фитилей. Один такой светильник добыт нами в крепости Нижний Барсхан, другой из коллекции А. Н. Бернштама (хранится в Эрмитаже). Прямых аналогий этим светильникам нет. Некоторое сходство с ними имеет иранский фаянсовый сосуд XII—XIII вв. в форме птицы с женской головой [50]. В Средней Азии мифологические изображения в этот период встречаются часто [51].

К числу фигурных светильников можно отнести и некоторые другие единичные экземпляры поливных светильников XI—XII вв.

1. Закрытые четырехрожковые светильники (2 экз.) в центре имеют корпус, заканчивающийся вверху трубочкой, предназначенной для вли-

[49] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции..., табл. LXXXII; его же. Историко-археологические очерки..., стр. 165.

[50] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана. М., 1965, стр. 213.

[51] Б. Веймарн, В. Чепелев. Государственный музей восточных культур. «Искусство», 2, стр. 174.

вания жира. С двух сторон от основания корпуса отходят по два рожка (рис. 13, *2*).

2. Закрытые ладьевидные светильники (2 экз.) имеют корпус с прорезным отверстием в верхней части и возвышающуюся над корпусом округлую головку (как бы являвшуюся имитацией головки птицы). Головка и корпус орнаментированы подтреугольными углублениями (рис. 13, *3*).

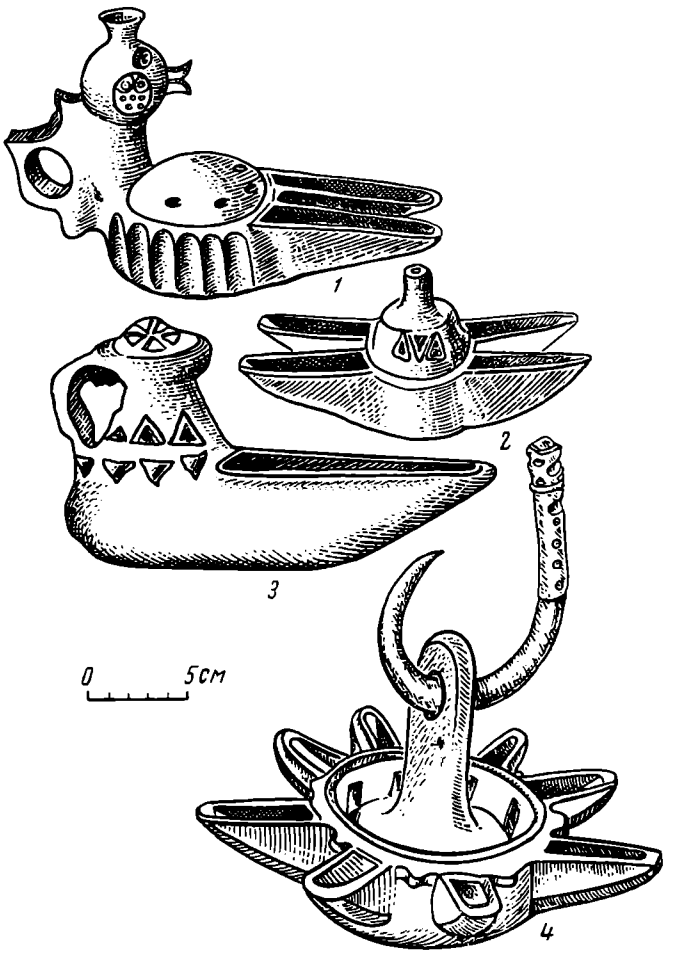


Рис. 13

1 — двухрожковый светильник с птичьей головкой; *2* — четырехрожковый коричневополивной чираг; *3* — чернополивной однорожковый светильник; *4* — девятирожковая белополивная с зелеными пятнами люстра с бронзовым крюком

3. Девятирожковый светильник (1 экз.) имеет округлый корпус, от которого отходят девять рожков (рис. 13, *4*). Со дна центральной части корпуса поднимается стержень со сквозным отверстием для подвешивания. В отверстие вдет бронзовый крюк, орнаментированный кружковым орнаментом. При помощи двух косых сквозных отверстий в верхней части он прикреплялся к потолку. Поверхность светильника покрыта белой поливой с растекшимися зеленоватыми пятнами. Светильник найден в центральной части шахристана, где были дома феодальной аристократии Тараза. Насколько мне известно, это первая находка древней люстры.

В 7-й тип входят глиняные подсвечники-чирагдоны (2 экз.) в виде высокого конусовидного стержня с дисковидным основанием. Верхняя часть имеет закраину, в центре которой находится горловина подсвечника с цилиндрическим углублением для свечи. Высота подсвечников до 20 *см*, диаметр основания 14—18 *см*; он покрыт зеленой поливой (рис. 14, *1*).

Подобные чирагдоны широко известны в поливной керамике Самарканда XIV—XV вв. [52]. В Таразе встречаются в слоях XIII—XV вв.

* * *

Известно, какое огромное значение для истории человеческого общества имело покорение человеком огня.

Процесс добывания огня обожествлялся и связывался в сознании человека со времен глубокой древности с культовыми религиозными действиями [53]. Со временем огонь превратился в объект родовой, а позже семейной собственности. У многих народов, в том числе и у племен, населявших со II тысячелетия до н. э. территорию Казахстана, культ домашнего «священного очага» связывался с культом предков. От XII в. до н. э. сохранились оставленные племенами Центрального Казахстана надмогильные сооружения в виде вертикально поставленных в круг каменных

[52] Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV в. Тр. САГУ, XI, 1950.
[53] Д. Н. Анучин. Открытие огня и способ его добывания. М., 1922.

плит. Центр круга, соответствующий «месту очага в жилом помещении», был занят каменным склепом, предназначенным для сжигания тела и хранения пепла умершего [54].

С культом огня, существовавшим среди племен Таразского оазиса еще с эпохи бронзы, следует связывать кольцевые и квадратной формы оградки с могильными ямами в центре, обнаруженные на северных склонах

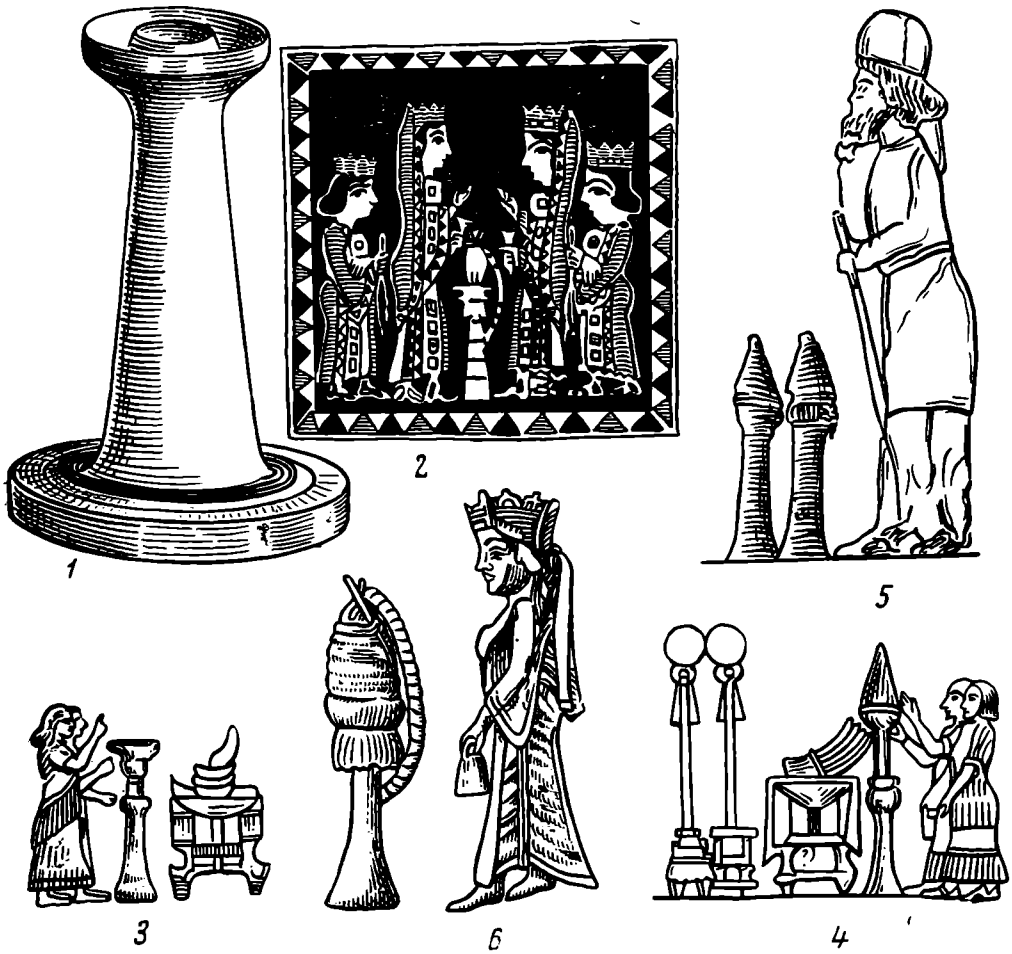


Рис. 14

1 — зеленополивной светильник; *2* — молитвенная сцена у светильника, деталь Пазырыкского ковра; *3, 4* — молитвенная сценка у светильников и алтарей (рис. со 2 по 6 взяты из работы С. И. Руденко «Искусство скифов Алтая и Передней Азии»)

Кара-Тау [55]. В них находят кучки сожженных костей умерших со следами красной охры, являвшейся символом огня.

Культ огня был известен и у скифов-саков. Своим верховным божеством они почитали богиню очага Табити [56]. В одном из принадлежавших оседлым сакам архитектурном памятнике IV—II вв. до н. э.— Бабиш Мулле — имелось «культовое помещение, почти всю площадь которого занимал большой очаг» [57].

Этот культ был широко известен племенам, обитавшим западнее Тараза с III в. до н. э. по III в. н. э. [58], и как кочевому, так и оседлому населе-

---

[54] А. Маргулан. Архитектура древнего периода. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, стр. 33, рис. 27. В работе данной экспедиции принимал участие автор статьи.

[55] В. Каллаур. Древности в низовьях реки Таласа. Пр. ТКЛА, 4, Ташкент, 1899; А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары. Тр. ИИАЭ АН КазССР. 14, Алма-Ата, 1962, стр. 52—53.

[56] А. И. Тереножкин. Об общественном строе скифов. СА, 1966, 2, стр. 35.

[57] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 83, 84.

[58] Т. Н. Сенигова. Поселение Ак-Тобе. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 14, Алма-Ата, 1962, стр. 60. 61.

нию Таразского оазиса. О наличии этого культа в среде кочевого населения свидетельствуют древнейшие бронзовые светильники.

Сами по себе формы светильников на их ажурных подставках с блюдцами были необычны и прекрасны. Дополняющие их скульптуры всадников-воинов, лошадей, козлов можно истолковать как родовые тотемы [59] или изображения родовых предков, или особо отличившихся и ставших легендарными героями [60] воинов-победителей. Известный иссыккульский клад, состоящий из жертвенных котлов, жертвенника и бронзового светильника со скульптурами, был зарыт на жертвенном месте [61] со следами пепла, что позволяет связать предметы клада с культом огня.

Не остается сомнения в том, что все вышеописанные светильники (жертвенники, алтари, курильницы, жаровни, как бы они ни назывались), сопровождавшиеся обожествленными фигурами, предназначались для поклонения священному огню. Судя по тому, что на территории других среднеазиатских саков не найдено подобного рода предметов, можно говорить о развитом местном культе, присущем лишь сакским кочевым племенам Семиречья вообще и Таразского оазиса в частности.

О наличии этого же культа у оседлых сакских племен в среде городского населения свидетельствуют находки массивных керамических светильников 1-го и 2-го типов. В этой связи чрезвычайно интересны высокие подставки под курильницы, вытканные на пазырыкских коврах (?). Там изображены женщины в молитвенных позах, стоящие перед курильницей на высокой подставке; коричневый цвет этих курильниц позволяет предполагать, что они глиняные (рис. 14, *2*).

Высокие светильники изображены и на ассирийских рельефах VI в. до н. э. со сценами молений [62] (рис. 14, *3*, *5*, *6*). Наряду с высокими там есть и небольшие светильники, служившие, очевидно, просто для освещения помещения (рис. 14, *4*).

Судя по значительным размерам глиняных светильников, напоминающих ассирийские, следует предположить, что, видимо, и они служили для ритуальных целей. Но в то же время наличие у кочевых саков Семиречья бронзовых ажурных алтарей, жертвенных столов, не имеющих ничего общего с алтарями, применявшимися при совершении обрядов, связанных с маздеизмом и религией «добра и света» [63], заставляет нас искать корни культа поклонения огню в среде местного населения, связанного с кочеванием в тяжелых суровых зимних условиях, и присоединиться к мнению А. Н. Бернштама о том, что «у кочевников-саков этот комплекс был связан с местным культом огня и шаманистскими ритуалами» [64].

В то же время оседлое население Тараза, расположенного на великом торговом пути, соединившем Переднюю Азию и Китай, испытывало и некоторое воздействие со стороны древнеиранского маздеизма [65], в котором так же, как и в кочевой древнесакской среде Семиречья, значительная роль уделялась почитанию огня.

В свете вышеизложенного особый интерес представляет дошедшая до нас на фрагменте одного из краснолощеных сосудов (до всей вероятности, кувшина) своеобразная мифологическая сцена, связанная со священнодействиями перед огнем, пылающим в трехногом светильнике (рис. 15, *1*). Она отпечатана рельефным штампом, заключена в прямо-

---

[59] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 43.

[60] М. П. Грязнов. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. Археологический сборник, Л., 1961, 3, стр. 7—31.

[61] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 43.

[62] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 17, рис. 7; стр. 18, рис. 8; стр. 19, рис. 9.

[63] Там же, стр. 16, рис. 6.

[64] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции, стр. 144.

[65] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. Ук. соч., стр. 30.

угольную рамку [66]. А. Н. Бернштам в свое время эту сцену принял за «какую-то разновидность арамейского алфавита» [67].

Опубликованная Г. А. Пугаченковой и Л. И. Рempелем [68] монета с изображением известного в кушанской мифологии бога огня Фарро, стоящего у алтаря (из собрания Британского музея), глиптика и кушанская терракота из коллекций Эрмитажа [69] позволяют расшифровать и это древнее изображение. Можно предположить, что на рельефах, отпечатанных на сосуде, схематически представлен образ огненного божества — Фарро, являвшегося, согласно кушанской мифологии, воплощением огня войны. Божество стоит перед трехногим жертвенником, откуда устремляется в небо священный огонь, изображенный в виде спирали. Правда, для этого времени трехногий жертвенник-светильник в Таразской округе не известен, но в последующее время (в VI—VII вв.) они в археологических комплексах уже встречаются.

Рис. 15

1 — фрагмент глиняного сосуда с остатками штампа (увел. в 3 раза); *2* — глиняная подставка под котел

В VI—III вв. до н. э. носителем культа огня являлось местное население, находившееся под некоторым влиянием Средней Азии. Примерно то же наблюдается и в I—IV вв., когда переднеазиатские традиции были заменены среднеазиатско-кушанскими. Подобное же явление прослеживается и в V—VIII вв. Местные племена, поклонявшиеся огню и исповедовавшие шаманизм, распространяли эти культы среди кочевого и оседлого населения Семиречья. Письменные источники отмечают также, что «тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его богом».

О сохранении у тюркских племен религиозных обрядов, связанных одновременно со священным отношением к огню и с шаманизмом, свидетельствуют данные о посещении греческим послом Зимархом Таласа и Семиречья в 568 г.: «некоторые люди из этого (тюркского.— *Т. С.*) племени, о которых уверяли будто они имели способность отгонять несчастия, ...взяли вещи, которые римляне везли с собой, склали их вместе, потом развели огонь сучьями дерева ливана (саксаула.— *Т. С.*) шептали на скифском (тюркском?— *Т. С.*) языке какие-то варварские слова и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они

[66] Коллекция Государственного Эрмитажа, фототека, 1938 г., инв. № 0,332.

[67] А. Н. Бернштам. Рукопись «Таласская долина» § 5. Опыт классификации керамики и стратиграфии Тараза.

[68] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. Ук. соч., стр. 69, рис. 55.

[69] Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин. Ук. соч.; Хотанская терракота, датированная по монетам I—IV вв. Табл. 37, рис. 16, *9*. Там же.

несли в круг ливаночную ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в исступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов им (шаманам.— *Т. С.*) приписывали силу отгонять их и освобождать людей от зла провели самого Зимарха через пламя и этим, казалось, они и сами себя очищали» [70].

Вместе с тем значительное влияние на религиозно-идеологические воззрения городского населения Тараза было оказано в 580 г. согдийско-бухарскими переселенцами.

Ярким примером этого является наличие в Таразском городском некрополе № 1, расположенном в 500 *м* западнее рабада, свыше 2000 [71] неизвестных ранее оссуариев юртообразных типов или хумов с оттиснутыми изображениями львов и собаки — атрибутов ортодоксального зороастризма.

Однако если основная часть городского населения, не без воздействия согдийских переселенцев, стала с VI в. придерживаться зороастризма, основным предписанием которого являлось поддержание неугасимого огня), что, может быть, объясняет появление трехногих керамических светильников, то кочевое население продолжало чтить древние традиции племенных культов. Вероятно, глиняная модель юрты, о которой говорилось выше, также являлась атрибутом культа.

Не исключено, что в идеологии определенной части прикочевавшего из степей тюркского населения значительное место продолжал занимать культ зажженного в юрте домашнего очага, непосредственно связанного с культом предков, захороненных в юртообразных сосудах упомянутого типа. Косвенно это может быть подтверждено и этнографическими данными. До недавнего времени у казахов-скотоводов считалось священным все, что связано в юрте с очагом, камнями-подставками под котел и т. д. Поставленная же в центре аула главная юрта, предназначенная для наиболее почетных членов рода, имела свое собственное название «Утау», что означало «место священного огня» [72].

С особым отношением к огню, сохранившимся в мировоззрении пришедшего в городскую среду кочевника, следует, очевидно, связать и массивную керамическую подставку под котел в виде головы орлиного грифона (рис. 15, *2*). Она найдена в помещении, примыкавшем к внутренней восточной стене крепости Жикиль (раскоп I 1963 г.). Прекрасно передан хищный крючковатый нос, запавшие глаза, оперение птицы. Создавая эту подставку, древний керамист, вероятно, хотел воспроизвести в глине существо, отгонявшее злых духов, мешавших огню гореть ярким пламенем.

Насильственная исламизация населения Тараза в 896 г. Исмаилом Саманидом разительно сказалась на общей культуре и идеологии городского населения, подавляя тюркские элементы культуры.

Однако новая феодальная культура X—XII вв. не уничтожила целиком старых традиций в области искусства, что, в частности, отразилось в украшении поливных светильников-чирагов. Именно на их крошечных пятах стал господствовать орнамент, имевший своим прототипом изощренную резьбу по дереву, кости и металлу [73]; орнамент, как выше отмечено, связанный с религиозной символикой поклонения священному огню. Но если поливные чираги, служившие для освещения помещений, были лишь косвенно связаны с религиозной символикой, то бронзовые светильники сами служили ее атрибутами. Судя по вычурности форм жаровенок, богатству их орнаментики, а также массивности подставок с блюдами,

---

[70] С. Дестуннис. Византийские историки. СПб., 1860, стр. 373.

[71] Любезно представлены в наше распоряжение А. П. Поповым. Дело Джамбулского областного музея за 1958 г., а также записки наблюдений Л. И. Ремпеля во время срытия некрополя.

[72] За это сообщение выражаю свою признательность академику А. Х. Маргулану.

[73] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции..., стр. 127.

можно предположить не только принадлежность этих предметов к придворному кругу, но и связь с их религиозными обрядами.

Судя по полной технической законченности самих массивных трехногих бронзовых подставок с блюдами и жаровенок, следует предположить, что эти предметы могли употребляться и отдельно.

Подставки (без светильников) с положенными на блюда ароматическими травами могли быть, как и в Ани [74], своеобразными курильницами. Вместе с тем помещенные на блюда жаровни и светильники могли служить для выполнения особых культовых обрядов. По данным письменных источников, в X в. в Самарканде, Бухаре, а возможно и в Таразе, изготовлялись не дошедшие до нас бронзовые изделия в форме зайцев, птиц и других животных. Можно предполагать, что это тоже были курильницы того же типа, что и известные на Кавказе и в Иране,— в виде утки, барса, петуха. Согласно местным религиозным традициям, в функции ряда животных входила защита огня, помощь в борьбе со злыми духами.

Пережитки культа огня можно видеть и в надписях на бронзовых подставках для факелов: «Благодаря тебе я вижу освещенным светильник людей сердца (т. е. суфиев). У всех суфиев вижу сердца, обращенные к тебе...» [75].

Постепенно, складываясь на базе местных культов и народных воззрений, впитывая в себя различные художественные и исламизированные изречения, средневековое искусство старалось сохранять и священное отношение к предкам, связанное с культом огня.

Мучительно долгие суровые зимы и связанные с ними падеж скота, ухудшение материального положения населения, голодовки, отягощавшие быт кочевника, приводили к тому, что кочевое население, продолжая древние традиции предков, вынуждено было верить в добрые, посланные богом — «огнем» дела, ждать солнца и, так же как огню, молиться ему, а с наступлением весны праздновать и приносить светящимся божествам жертвы. Пережиточно культ огня сохранялся среди кочевников до XIX в. Это подтверждается и сохранившимися обычаями ставить глиняные чираги в мазарах и у могил, в частности в мазарах Тараза (Айша-Биби и Бабаджа-Хатун), а также в мазарах в г. Джамбуле.

Очевидно, ни одна из таких религий, как зороастризм, несторианство, ислам, не была в Таразе (как и вообще в Средней Азии) столь значительной, чтобы подавить существовавшие в местной среде религии, связанные с глубоко архаическим местным культом почитания огня. Проникавшие в среду городского населения новые религиозные течения не затрагивали глубоко народную почву, в среде которой древние культы поклонения огню типа маздеизма существовали начиная со II тысячелетия до н. э. и сохранились вплоть до XV—XIX вв. в самых различных проявлениях.

---

[74] И. А. Орбели. Баня и скоморох XII в., стр. 165.
[75] А. А. Иванов. Ук. соч., стр. 345.

Заметки

А. Н. МЕЛЕНТЬЕВ

ДВЕ УЗДЫ ИЗ МИНГЕЧАУРА

При раскопках Мингечаурского грунтового могильника эпохи бронзы в 1947 г. была исследована могила (погр. № 77), в которой наряду с предметами вооружения и глиняными сосудами находились остатки двух комплектов конской узды с орнаментированными роговыми псалиями и костяными бляхами. Рядом с псалиями и бляхами располагались истлевшие фрагменты кожи и деревянные пластинки. Мингечаурский комплекс — первая в Закавказье находка конской узды раннего евразийского степного типа. К сожалению, эти предметы неоднократно опубликованы в археологической литературе как «комплекс музыкальных инструментов, состоящий из четырех костяных флейт» [1] или же как парная «двойная флейта», а остатки кожи и фрагменты деревянных пластинок как «остатки барабана» [2].

Уздечные наборы Мингечаура выделяются среди известных форм аналогичного типа единообразием и чистотой отделки костяных деталей. Обе пары псалиев исполнены в единой манере и украшены одинаковым орнаментом (рис. 1, *5—7*). На внешней поверхности псалиев нарезаны кольцевые пояски ромбовидного геометрического узора, нижний конец стержня окаймлен узкой полосой из двух параллельных линий с зигзагом между ними. Отличаются они лишь по длине стержней, что, возможно, обусловлено характером материала. Бóльшая по размеру пара (длина стержней 15,3 и 14,8 *см*) сделана из второго и третьего отростков оленьего рога, один из псалиев другой пары — из первого отростка. Расположение сквозных отверстий двуплоскостное. Концевые отверстия проделаны в плоскости изгиба стержня, срединное, слегка смещенное к нижнему широкому концу,— перпендикулярно к ним. Диаметр отверстий 7—9 *мм*. На второй паре, насколько можно судить по описанию, центральное отверстие овальной формы и большего размера.

Костяные бляхи представляют собой плоский диск диаметром 5,2 *см*, толщиной 0,43 *см;* в центре его отверстия для штифта. Лицевые стороны блях покрыты различными композициями солярного узора. Бляхи скреплялись с ременным оголовьем при помощи штифта — небольшого костяного стержня с двумя кноповидными шляпками на концах. Верхняя, на-

---

[1] Г. М. Асланов, В. М. Ваидов, Г. И. Ионов. Древний Мингечаур. Баку, 1959, стр. 58, рис. 38, 40 и 41; приложение, стр. 171; С. И. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. Сб. «Материальная культура Азербайджана», I, Баку, 1949, стр. 29, рис. 29.

[2] Г. М. Асланов. О музыкальных инструментах древнего Азербайджана. СА, 1961, 2, стр. 236—238, рис. 2 на стр. 237.

Все публикации сопровождались лишь односторонним рисунком внешнего вида предметов. Только этим, по-видимому, и можно объяснить, что редактор книги «Древний Мингечаур» А. А. Иессен не обратил внимания на ошибочное определение комплекса. Предпосылкой к пересмотру назначения этих предметов послужило устное замечание заведующего сектором инструментоведения Института истории музыки, театра и кинематографии К. А. Верткова, отметившего странную конструкцию

ружная шляпка моделирована в виде многолепестковой выпуклой розетки (рис. 1, *1, 2, 3, 4*) [3].

Остановимся на одной конструктивной детали псалиев — двухплоскостном расположении отверстий. В евразийских степях псалии этого типа (IV тип по К. Ф. Смирнову) представлены фрагментом его с поселения у Постникова оврага в Поволжье и обломками псалиев с Чустского и Дальверзинского поселений эпохи бронзы в Фергане. Четвертый экземпляр псалия с аналогичным расположением отверстий найден в Забайкалье. К. Ф. Смирнов датирует этот тип псалиев рубежом II—I тысячелетий до н. э. [4].

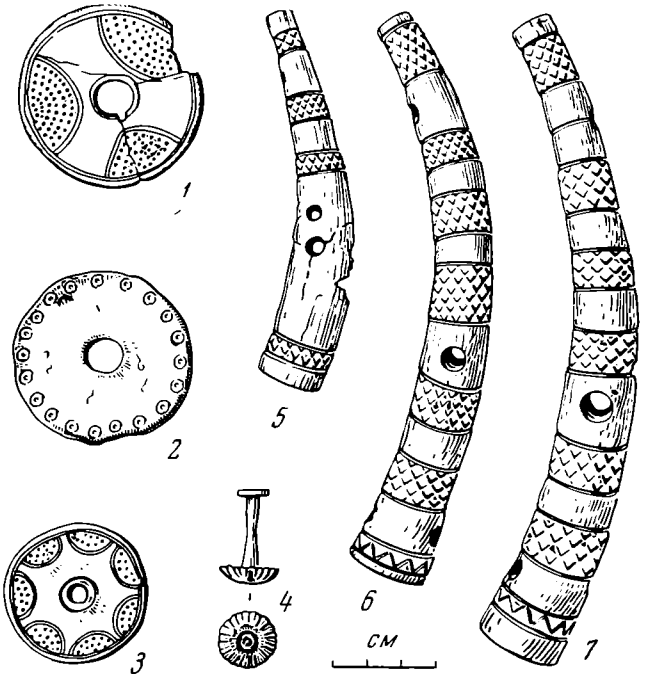


Рис. 1. Роговые предметы от двух узд из погребения № 77 в Мингечауре

1—3 — бляхи, *4* — штифт, *5—7* — псалии

Мингечаурские псалии находят определенные аналогии в венгерских материалах. По принципу расположения отверстий они сопоставляются с I типом псалий раннего гальштата (период А. В.). А. Можолич отмечает четко выраженный западный характер этого типа [5]. Как правило, псалии этой формы не имеют орнаментации. При сопоставлении по элементам и системе орнамента мингечаурских предметов устанавливаются параллели с более архаичными формами роговых псалиев бронзовой эпохи — типом Фюзашабонь и Тосег [6]. Дата Мингечаурского комплекса определяется и по другим предметам инвентаря из могилы № 77, которую исследователи памятника относят ко второй, относительно поздней группе погребений грунтового могильника. На основе сравнительного анализа находок этой группы, в основном по многочисленной серии керамики, имеющей аналогии с материалами памятников эпохи поздней бронзы Закавказья, в том числе из могильника «Редкин лагерь», устанавливают время этой группы XI—IX вв. до н. э. [7]. Еще одна хронологическая параллель с группой синхронных памятников Закавказья устанавливается по предметам вооружения. Бронзовый кинжал с ажурным навершием [8] типологически соотносится с аналогичной формы кинжалом из погр. № 11 у Норатуса и серией кинжалов из погребений могильника

флейт, необычную для инструментов этого типа. Раньше нас к правильному определению этого комплекса пришел А. И. Тереножкин. См. А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, сноска 53 на стр. 195.

[3] Точное количество блях и штифтов нам неизвестно. Предположительное число блях — шесть экземпляров.

[4] К. Ф. Смирнов. О древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, 1, стр. 64—65, рис. 9, *3*; В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1954 г.). КСИИМК, 71, рис. 27, *3*, стр. 92, 94; Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческие культуры Ферганы. МИА, 118, 1962, стр. 35, рис. 15; Г. П. Сосновский. Плиточные могилы Забайкалья. Тр. ОИПК ГЭ, I, 1941, стр. 304, рис. 15, *1*.

[5] A. Mozsolics. Mors en bois de cerf sur le territoire du Bassin des Carpates. AAB, III, 1—4, Budapest, 1953, стр. 86—89, 110, рис. 23—26, табл. XV, *1—5*.

[6] A. Mozsolics. Ук. соч., стр. 70—80, рис. 1, 2, 4, 9, 11, 12.

[7] Г. М. Асланов, В. М. Ваидов, Г. И. Ионов. Ук. соч., стр. 119.

[8] Г. М. Асланов. Ук. соч.. стр. 238, рис. 3.

«Редкин лагерь» [9]. Последними исследованиями по эпохе поздней бронзы и раннего железа Закавказья время этой группы памятников значительно уточнено. В монографии А. А. Мартиросяна дата комплекса «Редкин лагерь» определяется более узким хронологическим периодом — конец X—IX в. до н. э. [10]. Несмотря на наличие отдельных архаических черт у азербайджанских уздечек, мы склонны принять для Мингечаурского комплекса эту более позднюю дату.

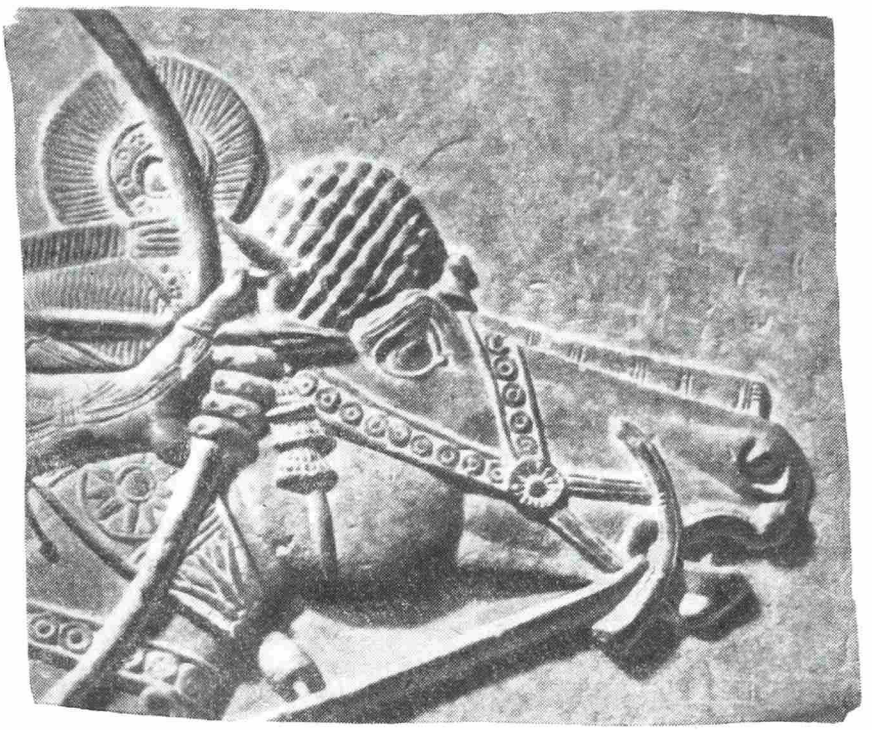


Рис. 2. Изображение узды на рельефе Ашшурбанипала (668—629 гг. до н. э.)

Крупные костяные бляхи, сходные по общему облику с мингечаурскими, известны по единичной находке в погребении срубной культуры близ с. Иловатка в Поволжье [11]. Лицевые стороны как поволжских, так и азербайджанских блях украшены резным солярным орнаментом. Конструктивное различие их состоит в способе скрепления бляхи с ременным оголовьем. В валиках на оборотной стороне более массивных поволжских блях вырезаны прямоугольные отверстия — распределители ремней. Тонкие мингечаурские бляхи скреплялись с ременной основой при помощи штифта.

При определении места и назначения поволжских блях в уздечном наборе К. Ф. Смирнов обратился к передневосточным аналогиям — ассирийским рельефам VIII—VII вв. до н. э. и, в частности, к изображению охотничьей сцены на рельефе Ашшурбанипала (668—629 гг. до н. э.) (рис. 2). Изображенные на рельефе уздечные бляхи и, что заслуживает особого внимания, роговые псалии обнаруживают удивительную близость с мингечаурской находкой. Особенно похожи псалии, совпадающие не только по форме и расположению отверстий, но и чрезвычайно близкие по харак-

---

[9] А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 196—198, табл. XX, *20*.

[10] Там же, стр. 201.

[11] К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениями эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. СА, XXVIII, 1957, стр. 217, рис. 4; его же. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, 60, 1959, стр. 227—228, рис. 9, *3*, *4*; его же. О древних всадниках..., стр. 68, рис. 13, *1*.

геру и деталям орнамента. Создается впечатление, что псалии ассирийского рельефа — копия мингечаурского прототипа. Нет сомнения, что уздечные наборы — мингечаурский и ассирийские — исполнены в единой устойчивой традиции. Весьма вероятно, что и обнаруженные в Мингечауре рядом с бляхами и псалиями «остатки барабана» (деревянные пластинки и фрагменты кожи) представляли некогда пышное наголовное убранство коней и узду.

На роговые псалии рельефа Ашшурбанипала ранее обратил внимание Г. Потратц. Отмечая обособленность этой формы псалиев (V тип по Г. Потратцу) от общей линии развития передневосточных типов, он объясняет их появление как результат контакта ассирийцев с мидийцами и скифами [12]. Этот вывод получил подтверждение в работе К. Ф. Смирнова, который, систематизировав восточноевропейские находки, пришел к заключению о несомненной связи этого типа ассирийских псалиев с восточноевропейскими формами конца эпохи бронзы [13].

Следует отметить, что оба исследователя сопоставляют ассирийские роговые псалии, изображенные на рельефе Ашшурбанипала, с трехдырчатыми псалиями более позднего типа, с завершающей формой костяных и роговых псалиев евразийских степей (Г. Потратц ссылается на находку из Кишкесег — II тип Гальштатской эпохи по А. Можолич; V (жирковклеевский) тип по К. Ф. Смирнову [14]). Прямое тождество мингечаурской находки и ассирийского изображения не оставляет ныне сомнения, что узда с мягкими удилами и роговыми псалиями была заимствована ассирийцами у своих ближайших северных соседей задолго до появления в Закавказье скифской конницы. Мингечаурская находка является несомненным свидетельством связей скотоводческих племен Закавказья с населением евразийских степей на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Весьма вероятно поэтому, что путь через Дербентские ворота был освоен степняками-скотоводами еще в эпоху бронзы, за несколько веков до легендарных походов киммерийцев и скифов в Переднюю Азию.

Примечателен и факт положения в могилу двух уздечных наборов. Такое соотношение наводит на предположение о принадлежности их парной упряжке лошадей. Если правильна наша реконструкция остатков деревянных пластинок и фрагментов кожи как наголовного украшения «начельника» и «наносника», то мингечаурские уздечные наборы с орнаментированными псалиями и бляхами выглядели не менее пышно, чем богатая сбруя коней знаменитого рельефа.

Ранее, основываясь на находке четного комплекса костяных псалиев и неоднократных парных погребениях лошадей в курганах Поволжья, мы поддержали мнение о бесспорном, на наш взгляд, использовании лошади в колесничной или повозочной запряжке на степных просторах Евразии в конце эпохи бронзы [15]. Мингечаурская находка — еще один штрих в сложной картине начального этапа применения лошади в транспорте и военном деле.

---

[12] H. Potratz. Die Pferdegebisse des Zwischenstromländischen Raumes. Archiv für Orientalforschung, XIV, 1/2, Berlin, 1941, стр. 99.

[13] К. Ф. Смирнов. О древних всадниках..., стр. 68.

[14] H. Potratz. Ук. соч., стр. 99; A. Mozsolics. Ук. соч., стр. 110, табл. XV, *12*, рис. 29; К. Ф. Смирнов. О древних всадниках..., стр. 72, рис. 12.

[15] А. Н. Мелентьев. О некоторых деталях конской упряжи киммерийского времени. КСИА АН СССР, 112, 1966.

Г. ТОНЧЕВА

ОДЕСОС И МАРКИАНОПОЛЬ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С VII—VI вв. до н. э. на западном берегу Понта появляется ряд греческих колоний. Одной из наиболее крупных среди них был город Одесос. На месте древнего города в настоящее время построен болгарский курорт Варна. Одесос был основан около 560 г. до н. э. греческими колонистами из малоазийского города Милета.

Остатки материальной культуры Одесоса заключены в культурном слое, который местами достигает толщины 7 *м*. В связи с большой мощностью культурного слоя и застроенностью его территории постройками

Рис. 1. Скифос из слоя архаичного времени Одесоса

современного города здесь трудно было проводить раскопки на большой площади. Их удалось осуществить лишь в 1959—1963 гг., когда проводилось исследование комплекса «Римская баня», находившегося на территории современного Красноармейского бульвара и улицы 8 ноября. Здесь на мергелистом материке располагается пласт культурного слоя толщиной в 30 *см*, местами желтоватого цвета. В нем обнаружена импортная и местная архаическая керамика, которую можно отнести к VI—V вв. до н. э. Культурный слой последующего времени — IV в. до н. э. здесь не прослежен. Эллинистический слой III—I вв. до н. э. был значительно толще, достигая 100—120 *см*. Над этим пластом, который местами тоже был окрашен в желтый цвет, был расчищен пласт обгорелого дерева и пепла, перемешанный с землей и обтесанными камнями и другими строительными материалами. Толщина этого пласта была около 1,5 *м*. Культурных остатков в нем не содержалось. Выше располагался культурный слой римского времени толщиной в 50—60 *см*. Самым толстым и богатым находками был ранневизантийский слой, достигавший мощности 2 *м*. Выше него находился средневековый слой толщиной в 100—120 *см*, насыщенный средневековой сероглиняной керамикой.

О раннем периоде исторического развития Одесоса до исследований 1964 г. было известно очень мало. В 1964 г. при раскопках культурного слоя на краю террасы улицы 8 ноября получено много новых и ценных

материалов для изучения этой эпохи. Был вскрыт архаический пласт и три ритуальные ямы «Бофроса». Вновь найденные при археологических раскопках материалы характеризуют Одесос как небольшое земледельческо-скотоводческое поселение. Ремесла в городе были развиты слабо, и потому для удовлетворения своих потребностей жители постоянно прибегали к импорту изделий (рис. 1, 2). Однако торговля эта пропзводплась преимущественно с малоазийскими, островными и аттическими центрами. Одесос начал играть важную роль посредника в торговле между этими центрами и фракийскими в несколько более позднее время. Это видно из раскопок некрополя Одесоса, где было найдено лишь несколько импортных сосудов и другие предметы. Некоторые болгарские и советские археологи, основываясь на отсутствии материалов IV в. до н. э. в г. Одесосе, считали, что в это время он был сравнительно небольшим экономическим центром и что вследствие этого его нельзя сравнивать с другими колониями, находящимися на северном берегу Понта. Однако новые находки на улицах Одесос и Климента дают основание отбросить эти предположения. Здесь в 1961 г. была раскрыта часть древнегреческого некрополя, который можно отнести к началу IV в. до н. э. Погребения, открытые здесь, оказались преимущественно трупосожжениями, остатки их помещались в колоколообразные красно-фигурные кратеры-урны. Эти богатые находки представляют Одесос ныне как большой город с сильно развитой торговлей. На террасах около улицы 8 ноября, над «Римской баней», где были открыты архаические материалы, выявлены интересные памятники жилой и общественной эллинистической архитектуры. Здесь в 1961—1962 гг. в границах священного участка (теменос) было обнаружено святилище фракийского бога Героса Карабазмоса (рис. 3). Оно было сооружено, по-видимому, в IV—III вв. до н. э. В нем были найдены вотивные плиты, посвященные Геросу Карабазмосу и богине Фосфорос, проксенический декрет и много вотивных предметов. Это святилище было перестроено и использовалось и в римское время. Найденные в нем медицинские инструменты и лекарства указывают на то, что оно использовалось и как больница. Около нее были найдены две другие постройки, кострище, колодец, ритуальная яма (Βοθρὸς). Под святилищем были найдены четыре гробницы. Один из важных вопросов, который вытекает из вновь открытых материалов — это роль фракийцев в древнегреческой колонии Одесос.

Рис. 2. Лекиф из слоя архаичного времени Одесоса

Изучение доримского Одесоса было облегчено наличием старого материала, полученного ранее в результате случайных находок. Например, были изучены амфорные клейма, терракоты, погребальная архитектура, древнегреческая керамика, могильные находки Одесоса.

Бесспорно, самым большим архитектурным памятником римского Одесоса является так называемая «Римская баня». Систематическое изучение этого древнего объекта началось в 1958 г. От этой постройки пока раскрыто пять огромных залов, а также большая часть сложной канали-

зационной системы, находящейся под ней. Было установлено, что эти остатки не находились во внутренней части крепости (акрополя) древнего Одесоса, а также не были административной постройкой, как это предполагалось ранее, а большими термами, которые, по всей вероятности, были построены в середине II в. Термы были украшены мозаикой, облицованы мрамором, а в перегородках были поставлены, как колонны, красивые

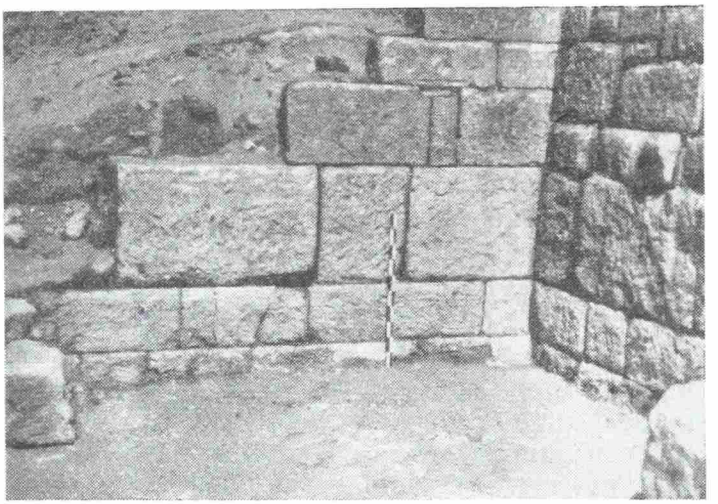


Рис. 3. Святилище Героса Карабазмоса в Одессе

мраморные статуи, изображающие Геракла, Нику, Эрота и др. Этот монументальный памятник древней архитектуры дает полное представление не только о строительстве Одесоса, но и об его экономических возможностях того времени. В западных коридорах терм были обнаружены памятники, посвященные Асклепию, Гигейе, Телесфору, которые показывают,

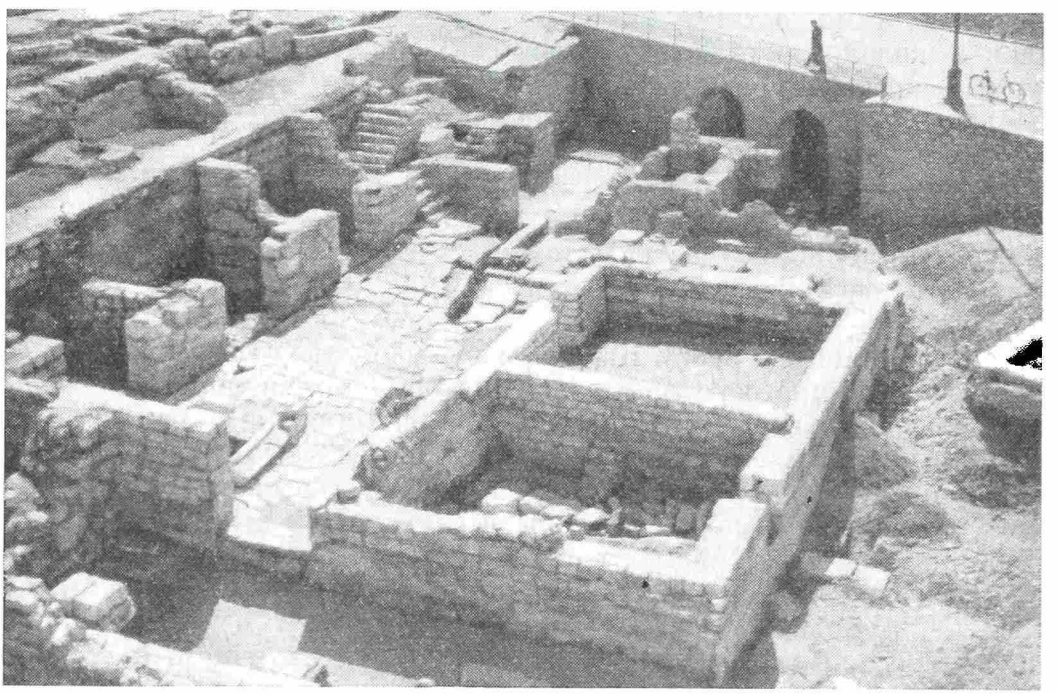


Рис. 4. Руины «Римской бани» на Красноармейской улице в Одессе

что на этом месте или где-нибудь по соседству находилось святилище, посвященное этим божествам. Интересным источником для изучения архитектуры и материальной культуры Одесоса являются остатки «Римской бани», находящейся на современной улице Красноармейской (рис. 4).

Здесь можно различить два строительных периода. Монеты, обнаруженные в строительном растворе, употребленном для стен второго строительного периода, показывают, что постройка была сооружена, по-видимому, в III в., а разрушена, вероятно, в IV столетии. Эта датировка подтверждается медальоном-камеей в золотой рамке, которую можно отнести ко времени императора Константина (рис. 5). В V—VI вв. эта постройка была перестроена и расширена.

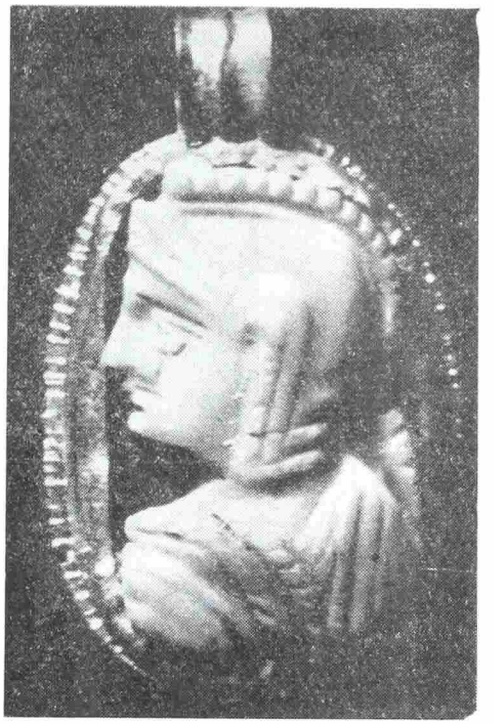


Рис. 5. Медальон, найденный на территории «Римской бани» в Одессе

Новые здания Варны были сооружены на месте крепостных сооружений Одесоса. Это дало возможность сделать ряд наблюдений, особенно для римского времени. Пока открыты две круглые угловые башни на Красноармейском бульваре и улице Левски и несколько участков северной и западной крепостной стены.

О жилищном строительстве V—VI вв. некоторые сведения дают вскрытые около улицы 8 ноября жилые сооружения. Они состоят из внутреннего двора, вокруг которого расположены прямоугольные помещения. К IV—V вв. надо отнести и некрополь, раскопанный в 1948 г. на базарной площади в г. Варне. В пределах этого некрополя были обнаружены сводчатые христианские гробницы, высеченные в мягком песчанике.

Для изучения ювелирного производства города большое значение имеет случайно найденный при сооружении кинотеатра им. Ленина золотой клад, состоящий из двух золотых гривен, креста, двух кусков поясных накладок и части ожерелья.

Большой интерес представляет находка 300 амфор и других сосудов, которые были обнаружены под водой в местности Лазурный берег (Карантината) напротив г. Варна. Здесь в течение трех лет (1962—1964 гг.) проводились подводные археологические исследования. Некоторые из амфор имеют клейма и граффити. Можно предположить, что на этом месте затонул корабль с товаром из Малой Азии.

В последнее время были проведены важные исследования многих эпиграфических памятников, найденных в Одессе. Были опубликованы новые, не известные ранее монеты, чеканеные на монетных дворах города.

Были проведены и исследованы скульптуры из Одесоса. Была изучена серия надгробных плит с изображениями заупокойной трапезы. История Одесоса неразрывно связана с историей Фракии как близких, так и дальних окрестностей. В раскопках, проведенных с 1951 по 1952 г. около с. Галата Народным музеем в г. Варне, была поставлена цель изучить фракийское поселение, расположенное недалеко от Одесоса. Там были раскопаны жилые постройки и святилище. Последние исследования говорят за то, что святилище было построено, вероятно, в эллинистическую эпоху и продолжало существовать и в римское время. В ранневизантийское время оно было перестроено в христианскую базилику.

Самым крупным археологическим объектом Варненской округи является Маркианополь. На его развалинах ныне находится село Река Девня. В римскую эпоху Маркианополь был самым крупным военно-административным центром всей Нижней Мезии. А в начале III в. он становится ее столицей. В последние годы в пределах этого города ежегодно проводятся археологические раскопки и исследования.

Очертания крепостных стен древнего Маркианополя в общих чертах известны. Несколько лет подряд проводились спорадические исследования восточной и южной крепостных стен, поскольку направление их требовало уточнения. Под фундаментами бывшего здания сельского Совета была

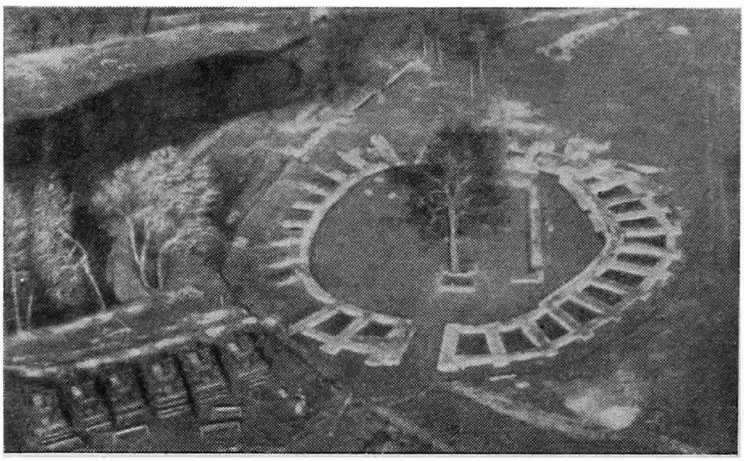


Рис. 6. Амфитеатр в Маркианополе

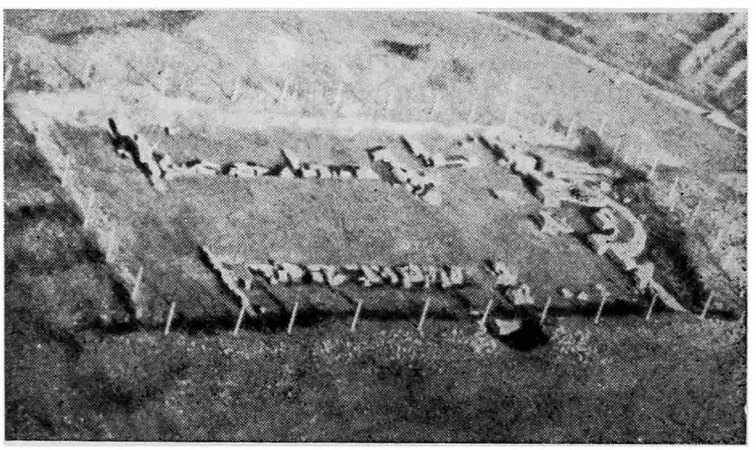


Рис. 7. Базилика в Маркианополе

обнаружена круглая башня. Прокладка канала от цементного к содовому заводу дала возможность проследить технику сооружения северной крепостной стены. С внутренней стороны стены было при этом обнаружено много прямоугольных помещений. При случайных земляных работах на территории древнего города была расчищена часть улиц, замощенных известняковыми плитами, окаймленными тротуаром. Под ним был обнаружен сооруженный из камня канал для сточных вод.

В 1959—1963 гг. были проведены раскопки у северного берега карстового источника Маркиана, где располагались античные постройки. На этом месте был вскрыт амфитеатр, который был построен, вероятно, в III и разрушен в IV в. (рис. 6). На арене театра была обнаружена стена, выложенная из кирпича. Собранный около этой стены материал дает возможность датировать ее II в. В непосредственной близости от этой стены были открыты остатки трехнефной базилики V—VI вв., частично сооруженной из материала, взятого из амфитеатра. В 1963 г. при раскопках было установлено, что жизнь здесь продолжалась и в средневековье. При расширении железной дороги в 1960 г. были проведены исследования на территории некрополя древнего города.

В 1955 г. были проведены охранные раскопки на территории, занятой сейчас постройками. Здесь были раскрыты древние жилые помещения, которые можно отнести самое позднее к началу V в. В это время наблюдается упадок города в экономическом отношении.

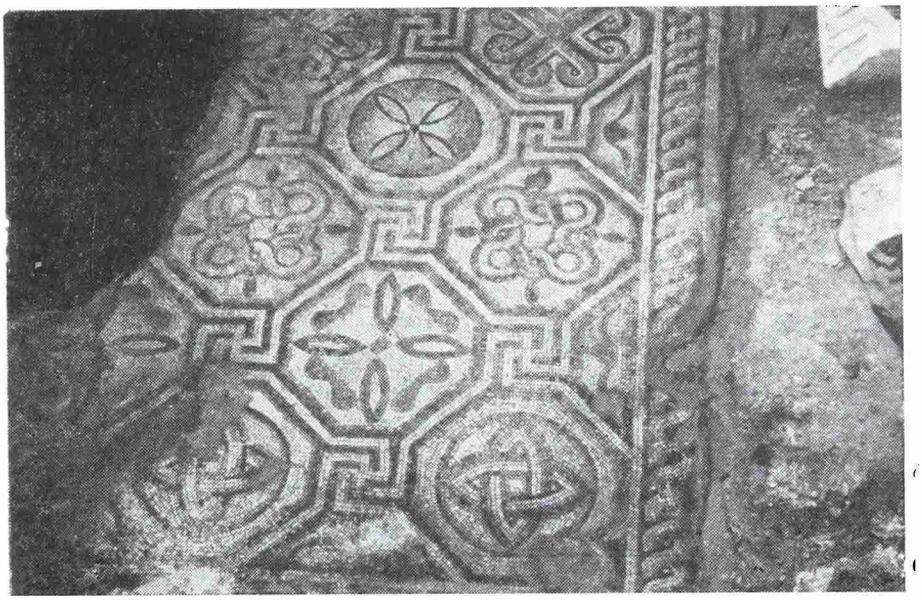


Рис. 8. Мозаичный пол в базилике Маркианополя

Маркианополь снова расцвел в V—VI вв. От этого времени нам известно много общественных построек, главным образом базилики, большинство из которых имеет мозаичные полы. Одна из самых больших и красивых базилик расположена южнее с. Река Девня (рис. 7). Она была обнаружена в 1956 г. и имеет мозаичный пол (рис. 8). Базилика эта существовала с IV по VI в. За это время была перестроена и расширена.

О. Я. НЕВЕРОВ

МИТРИДАТ ЕВПАТОР И ПЕРСТНИ-ПЕЧАТИ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

Античные печати, сохранившие до наших дней сведения об искусстве, верованиях и быте древнего мира, могут содержать данные и о политической жизни своего времени. В этом отношении определенный интерес представляют несколько приводимых ниже памятников античной глиптики, происходящих из некрополя Пантикапея.

1. Золотой массивный перстень (рисунок, *1*) с плоским овальным сердоликом [1]. На камне вырезан бюст мужчины, обращенный влево (рисунок *2*, *3*). Перстень был найден в 1872 г. в каменной гробнице на горе Митридат в Керчи [2]. Форма перстня с тонкой шинкой, постепенно расширяющейся и переходящей в жуковину, типична для конца I в. до н. э.— начала I в. н. э. [3]

[1] Гос. Эрмитаж, инв. № П.1872.91. ОАК за 1873 г., стр. 55, табл. 3, *10*. Размеры перстня: 2,0 × 2,4 *см*, размеры камня: 0,8 × 0,9 *см*. Фон и изображение отполированы.

[2] Богатое погребение, принадлежавшее, по-видимому, знатному пантикапейцу, содержало деревянный саркофаг, золотой венок, индикацию монеты с монограммой BAE (начала I в.), серебряный флакон, чашу из красной яшмы, краснолаковый светильник I в. и три стеклянных сосуда начала I в. Находки хранятся в Гос. Эрмитаже. За сведения о них я признателен Н. З. Куниной.

[3] F. Henkel. Die römischen Fingerringe der Rheinlande. Berlin, 1913, табл. VII, *116*, *127*; табл. VIII, *139*, *154*; табл. IX, *171*.

На печати изображен мужчина с головой, увенчанной диадемой. На щеках обозначены бакенбарды. Круглая застежка на плече скрепляет плащ. Обращенный вверх взгляд, резко поднятая бровь, образовавшая складку на лбу, полуоткрытый рот придают образу мужчины черты взволнованности и торжественного пафоса. Работу резчика отличает смелая и виртуозная техника. Приемы резьбы разнообразны. Не будучи глубокой, резьба отмечает мускулы лица, передает едва заметные изменения рельефа в области лба, вокруг глаз и рта. В то же время волосы и складки плаща трактованы с помощью лаконичных упрощенных врезов, усиливающих игру светотени. Изображение тщательно отполировано.

В Отчете Археологической комиссии, где эта печать была опубликована, она толковалась как изображение бога Аполлона [4]. Однако это, несомненно, портрет, о чем свидетельствуют такие необычные в образе божества индивидуальные черты, как форма носа с горбинкой, бакенбарды, обозначенное на шее адамово яблоко. Об этом говорит и дробная пластика лица. Судя по венчающей голову широкой диадеме, здесь изображен один из эллинистических царей. На первый взгляд заметно общее сходство с Александром Македонским. Но при ближайшем рассмотрении становится ясно, что образ Александра служил лишь отправной точкой для создания этого портрета. Подражать во внешности Александру Македонскому стремился лишь один из царей, живших около времени создания этой печати. Это — царь Понта и одновременно Боспора Митридат VI Евпатор [5]. Митридат, последний самостоятельный эллинистический царь, пытался, подобно Александру, создать огромную греко-иранскую державу в Причерноморье. Подражание внешнему облику знаменитого предшественника имело для него совершенно ясный политический смысл.

Многочисленные выпуски монет Митридата VI сохранили множество его портретов, которые, по мнению нумизматов, могут быть разделены на три основных типа: 1) портреты юного царя с несколько идеализированными чертами на ранних недатированных тетрадрахмах; 2) реалистические портреты на тетрадрахмах 96—85 гг. до н. э.; 3) сильно идеализированные портреты на монетах различного номинала, чеканеных в Пергаме в 88—85 гг. до н. э. и в последующие годы в Понте [6].

В основе двух первых типов портретов Митридата VI лежит образ Александра Македонского, известный по монетам, чеканеным царем Фракии Лизимахом [7]. Динамичность патетических портретов подчеркнута беспокойными прядями волос и развевающимися лентами диадемы [8]. Резчик, создавший третий тип монетных портретов Митридата, усилил идеализацию черт царя, придал ему совершенно юный облик, еще больше подчеркнул одухотворенность и беспокойство образа [9]. Лицо 45-летнего Митридата теряет приметы возраста и черты сходства с его иранскими предками, сохранявшпеся до сих пор в его портретах.

Эти черты, несомненно, отражают то полурелигиозное почитание образа Митридата, которое началось после завоевания им Малой Азии [10]. Прежде Митридат VI, подобно Александру, почитался как новый Дионис. Теперь он был провозглашен новым Гераклом, освободившим Малую Азию от римлян, подобно тому, как древний герой освободил Прометея от

---

[4] ОАК за 1873 г., стр. 55.

[5] Митридат возводил свой род к Александру Великому (Юстин, 38, 7), как реликвию он хранил плащ Александра (Аппиан. Войны Митридата, 117).

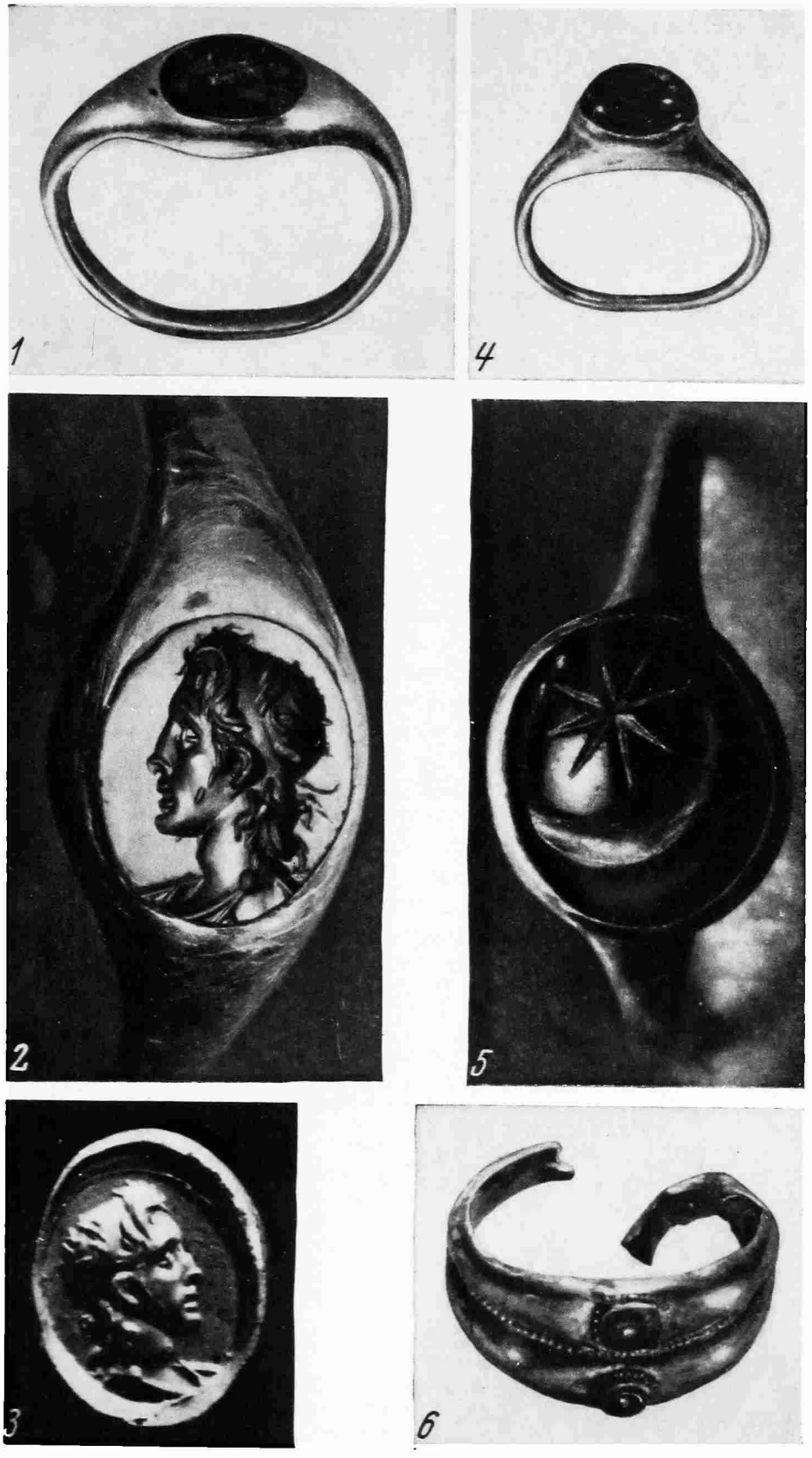
[6] E. T. Newell. Royal Greek Portrait Coins. New York, 1937, стр. 48 сл.; Th. Reinach. Mithridate Eupator roi de Ponte. Paris, 1890, стр. 278.

[7] G. Kleiner. Bildnis und Gestalt des Mithridates. JDAI, 68, 1953, стр. 78.

[8] E. Babelon, Th. Reinach. Recueil general de monnaies grecqes d'Asie Mineure. I, Paris, 1904, табл. II, *4—11*; Сравни: Гос. Эрмитаж, инв. № 12244, 12239, 12257, 12258, 12288, 12268.

[9] E. Babelon, Th. Reinach. Там же, табл. II, *2—3*, *12—15*; табл. III, *1—6*. Сравни: Гос. Эрмитаж, инв. № 12311, 12322, 12299, 12314, 12333.

[10] G. Kleiner. Bildnis und Gestalt des Mithridates, стр. 80.



Перстни-печати с изображениями и эмблемами Митридата VI из Пантикапея

1 — золотой перстень с портретом Митридата VI, Гос. Эрмитаж; *2* — сердоликовая печать золотого перстня с портретом Митридата VI (увеличено); *3* — портрет Митридата VI (оттиск на гипсе); *4* — золотой перстень с гранатовой печатью: эмблема Митридата VI, Гос. Эрмитаж; *5* — гранатовая печать с эмблемой Митридата VI (увеличено); *6* — двойной золотой перстень с сердоликовой печатью: эмблема Митридата VI, Гос. Эрмитаж

терзавшего его орла [11]. По словам современников, благодарные жители Малой Азии называли понтийского царя «Бог, отец, спаситель Азии, Дионис» [12].

Сравнивая изображение царя на печати с портретом Митридата VI на монетах, можно найти достаточно общих черт, чтобы отождествить изображенного с Митридатом. На печати, как и в портретах двух первых типов монет, волосы образуют компактную массу, а в верхней части представляют собой подобие плотной шапочки. Отдельные пряди, выбиваясь снизу и сверху из общей массы волос, заходят за край диадемы [13]. Своеобразная форма носа с горбинкой нередко встречается на монетах Митридата [14]. Типичной чертой для портретов Митридата VI являются бакенбарды. Характерна для его портретов и подчеркнутая взволнованность, динамичность образа [15].

С Митридатом Евпатором и с традициями основанной им на Боспоре династии связана также целая группа печатей, происходящих из Керчи. Изображения на них представляют собой известную по монетам ахеменидскую эмблему Митридата — полумесяц и солнце [16].

2. Золотой полый перстень с выпуклым гранатом (рисунок, *4*) [17]. На камне изображены полумесяц и солнце в виде восьмиконечной звезды (рисунок, *5*). Перстень был найден в 1903 г. в плитовой гробнице на горе Митридат. Форма перстня с тонкой шинкой и высокой жуковиной относится к концу I в. до н. э.— началу I в. н. э. [18] Печать с матовым изображением и сильно выпуклой полированной поверхностью камня принадлежит к кругу работ местной камнерезной мастерской [19]. Аналогичная сердоликовая печать, вероятно, также изготовленная на Боспоре, была найдена на горе Митридат при раскопках Пантикапея в 1945—1953 гг. [20] Сердоликовая печать с тождественным изображением была найдена в катакомбе на горе Митридат в 1891 г. [21]

3. Золотой двойной полый перстень с сердоликом и изумрудом (рисунок, *6*) [22]. На круглой сердоликовой печати изображена ахеменидская

---

[11] Отражением этого апофеоза считается рельеф из Пергама, где Митридат изображен в виде Геракла, освобождающего Прометея. См. G. Krahmer. Eine Ehrung für Mithridates VI. Eupator in Pergamon. JDAI, 40, 1925, рис. 1, *11—12*.

[12] Cicero. Pro Flacco, 25.

[13] E. Babelon, Th. Reinsch. Ук. соч., табл. II, *6*, *7*, *10*, *11*.

[14] E. T. Newell. Ук. соч., рис. 3 на стр. 48; E. Babelon, Th. Reinach. Ук. соч., I, табл. II, *5*, *9*, *10*, *11*; табл. III, *2*.

[15] Возможно, что это образ обожествленного Митридата, на что, по-видимому, указывает широкая круглая диадема без ниспадающих лент. См. K. Gebauer. Alexanderbildnis und Alexandertypus. AM, 63/64, 1938—1939, стр. 26, 28; F. Poulsen. Portraits de deux rois de Pergame. Mélanges Glotz. Paris, 1932, стр. 752, Об этом же может говорить приподнятая надо лбом масса волос. H. P. L'Orange. Apotheosis in Ancient Portraiture. Oslo, 1947, стр. 41. Известно, что на Боспоре был обожествлен царь Перисад I (Страбон. География, VII, 4, 3). По-видимому, подобные почести воздавались и Аспургу. В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 28. Характерно, что в посвятительной надписи Динамии Митридат назван «Дионисом» (IosPE, II, 356).

[16] Это эмблемы наиболее почитаемых божеств Ирана. Th. Reinach. Mithridate Eupator, стр. 289; Ср. Геродот. I, 131.

[17] Гос. Эрмитаж, инв. № П.1903.147. Размеры перстня: 1,8×2,1 *см*, размеры камня: 0,7 × 0,9 *см*. В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. ИАК, 17, СПб., 1905, стр. 22.

[18] F. Henkel. Ук. соч., табл. VII, *128*; табл. XX, *405*.

[19] М. И. Максимова. Боспорская камнерезная мастерская. СА, 1957, 4, стр. 75, рис. 3, *8*.

[20] ГМИИ, инв. № М. 936; М. И. Максимова. Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов. МИА, 103, 1962, стр. 193, рис. 6.

[21] А. А. Захаров. Геммы и античные перстни Гос. Исторического музея. Тр. САРАНИОН, III, 1928, стр. 129, № 261, табл. IX. Ср. ОАК за 1891 г., стр. 61, где эмблема на печати принята за изображение корабля. В публикации А. А. Захарова под № 260 издана аналогичная сердоликовая печать.

[22] Гос. Эрмитаж, № П.1909.56. Размеры перстня: 1,8×2,4 *см*, размеры сердоликовой печати: 0,3 × 0,3 *см*. Перстень украшен зернью.

эмблема Митридата. Перстень был найден в 1909 г. в земляной гробнице на Глинище. По форме перстень может быть отнесен к концу I в. до н. э.— началу I в. н. э.[23]

Приведенная выше группа печатей из некрополя Пантикапея свидетельствует о длительной популярности Митридата VI в Крыму. Понтийский царь имел там много сторонников, его самостоятельная политика, по-видимому, отвечала интересам широких кругов местного населения, жители греческих полисов были признательны ему за защиту от скифов. Стремясь опереться на эти сочувствовавшие Митридату слои, его преемники на боспорском престоле постоянно подчеркивали свою связь с Митридатом. Так, его сын в соответствии с ахеменидской традицией именует себя «царь царей великий Фарнак»[24]. Такой же пышный иранский титул принимает его преемник Асандр[25]. Свое родство с Митридатом VI подчеркивает внучка его Динамия[26]. Сохранилось ее изображение в иранской тиаре, усеянной звездами[27]. На золотом статере Динамии помещена ахеменидская эмблема Митридата — солнце и полумесяц[28]. Наследовавший Динамии Аспург дал своему сыну имя Митридата, чем подчеркнул память о своем великом предке и заявил о своей верности его политике[29]. Особенно смелым и независимым было поведение Митридата VIII. Он чеканил монеты, которые являлись прямым вызовом Риму, обращавшему все более пристальное внимание на Боспор[30]. На обороте его медных монет вновь появилась ахеменидская эмблема Митридата[31]. Провозглашение традиций митридатовской династии на Боспоре постоянно сочеталось с большей или меньшей независимостью по отношению к Риму, что говорит об относительной слабости римских позиций в этом районе. Весь I в. продолжается борьба Боспора за самостоятельность, в которой боспорские правители неизменно опирались на местные племена.

М. И. Ростовцев в свое время обратил внимание на двойственность политической обстановки на Боспоре в I в. до н. э.— I в. н. э. Он отметил наличие там противоположных по интересам сил: местных племен, безоговорочно поддерживавших Митридата VI, и населения греческих городов, колебавшегося между Митридатом и Римом[32]. Приведенные памятники глиптики красноречиво говорят о том, что и в греческих городах Боспора долго существовали группы населения, искренне поддерживавшие Митридата и его преемников. Сохраняя митридатовские традиции, правители Боспора опирались в основном на местные племена, но имели в виду и определенные слои городских жителей, возможно, из числа сарматизированной знати, среди которых эти традиции находили отклик. Эти глубокие местные традиции лишь чисто внешне сочетались с официальной, ориентированной на Рим, боспорской политикой[33]. Полнее всего они выразились в той притягательной силе, которую не утратил на Боспоре

[23] F. Henkel. Ук. соч., табл. IX, *181*, ср. табл. VI, *108*.

[24] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 586; В. Д. Блаватский. Пантикапей. М., 1964, стр. 130; IosPE, II, 356.

[25] IosPE, II, 25.

[26] IosPE, II, 356.

[27] М. И. Ростовцев. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. «Древности», ТМАО, XXV, М., 1916, табл. I.

[28] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, 16, 1951, табл. 44, *14*.

[29] За внука Митридата VI выдавал себя и Скрибоний, стремясь привлечь к себе население Боспора. См. Дион Кассий. 60, 8.

[30] А. Бертье-Делагард. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами. ЗООИД, XXIX, 1911, стр. 160.

[31] А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. 46, *4*. Митридат VIII называл себя «потомком великого Ахемена» (Тацит. Летописи, XII, 18) и гордился родством с Митридатом Евпатором (Дион Кассий, 60, 8).

[32] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 10 сл.; его же. Эллинство и иранство на юге России. Прг., 1918, стр. 109 сл.

[33] Уже одно подчеркивание памяти о Митридате, о том, кто был заклятым врагом Рима, «по ненависти к римлянам вторым Ганнибалом» (Веллей Патеркул. II, 18), было проявлением оппозиционных, антиримских настроений.

образ Митридата VI спустя много десятилетий после его смерти. Для Боспора I в., которому все больше угрожала вассальная зависимость от Рима, эти свободолюбивые традиции независимой политики составляли «то единственное, чего враги не отняли» [34].

[34] «Quod solum hostes non abstulerunt» — выражение Митридата VIII, приведенное Тацитом (Тацит. Летописи, XII, 18).

В. М. СКУДНОВА

НАДГРОБИЕ ИЗ НИМФЕЯ

В 1965 г. при земляных работах на северном склоне некрополя Нимфея бульдозером была извлечена из насыпи часть надгробного рельефа из известняка [1]. Сохранность рельефа плохая: сбиты лица всех фигур, ноги коня и верх акротерия (рисунок).

Несмотря на такую сохранность, он заслуживает публикации ввиду не совсем обычной композиции, изображенной на нем, тем более что в Нимфее надгробий найдено очень мало.

На прямоугольном углубленном поле изображена многофигурная сцена: в центре скачущий вправо всадник с копьем в правой руке, в развевающемся коротком плаще. Под передними ногами коня лежит фигура поверженного врага с овальным щитом, исполненная в низком рельефе. Слева, за всадником, фигура стоящего слуги с копьем, тоже в низком рельефе. В правой половине композиции, перед всадником, видна фигура сидящей на троне женщины, обращенной влево; у задней ножки трона стоит маленькая фигурка служанки с ларцем в руках. Гладкое поле над рельефом украшено тремя небольшими четырехлепестковыми розетками; на боковой стороне слева — такая же розетка; на правой стороне она сбита.

Основание акротерия состоит из ряда остроконечных листьев лотоса, поставленных вертикально, с рельефным ободком вокруг. Листья лотоса чередуются с небольшими остроконечными лепестками. Над восемью листьями лотоса поднимается такой же формы лист, но большего размера, над которым сохранилась часть второго, еще большего листа, а над ними — край третьего. По бокам больших листьев лотоса видны основания толстых крученых аканфовых стволов, загибающихся в волюты; на них следы синей и красной краски. Какое было завершение акротерия, можно только предполагать.

Обычно композиция боспорских акротериев состоит из ряда стоящих аканфовых листьев и пышной волюты над ними [2]. На аттических надгробиях использовались также аканфовые листья [3]. Изображений листьев лотоса на надгробиях не встретилось.

Похожие на листья лотоса, но более закругленной формы аканфовые листья встречаются на аттических погребальных лекифах, которые относятся к IV—III вв. до н. э.[4]. Но этот орнамент, названный «чешуйчатым», утрачивает четкий контур листа лотоса.

Лишь у боспорской стелы Стратоника есть некоторое сходство с нимфейским акротерием: между волютами центр занимают три больших лис-

[1] Высота 94, ширина 60, толщина 23 *см*. По излому нижнего края можно предположить, что он был двухъярусным. Хранится в Гос. Эрмитаже.

[2] G. Kieseritsky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrüssland. Berlin, 1909, табл. VII, *128*, *129*, *136*, *137*; IX, *132*, *134*, *137*. (Далее — K. W.).

[3] K. Staïs. Marbres et bronzes du Musée National l'Athènes. Athènes, 1907, стр. 147. № 1025; стр. 149, № 1028.

[4] A. Conze. Die Attische Grabreliefs. III. Berlin, 1906, табл. CCCLXL, *1703*, *1704*, *1706*, *1708*; табл. CCCLXXIV, *1730*, *1724*.

та, один над другим, нижний же ряд здесь состоит из листьев аканфа [5]. И форма акротерия нимфейской стелы, и композиция ее не имеют аналогий среди боспорских рельефов, хотя аналогии отдельным фигурам можно найти на них.

Фигура скачущего воина очень выразительна и динамична. Стремительный скачок лошади с высоко поднятыми передними ногами, когда она

Надгробие из Нимфея

как бы обрушивается на поверженного врага. Фигуры скачущих всадников составляют только 10% среди других сюжетов на боспорских надгробиях [6]. Чаще всадник изображен на спокойно стоящем коне перед сидящей женской фигурой [7] или с фигурой слуги позади [8].

[5] Г. П. Иванова. Образ вершника в боспорьскому надгробному рельефі. АП, XI, 1962, Київ, стр. 173, рис. 5; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 368, рис. 64.

[6] Н. Н. Бритова. Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 53.

[7] K. W., 570, 572, 574.

[8] K. W., 587, табл. XLI, 599, 610.

Очень много изображений скачущего всадника мы встречаем на маленьких фракийских рельефах, как их принято называть «иконках». Последние носят вотивный характер и связаны с фракийскими святилищами II—III вв., не являясь надгробными памятниками. Под фигурой скачущего всадника обычно бывает изображение бегущей собаки или кабана, а всадник скачет к алтарю или к змее, обвившейся вокруг ствола дерева [9], и только иногда всадник скачет к женской стоящей фигуре.

Изображение лошади отличается как от боспорских, так и от фракийских рельефов. Конь на стеле, с длинными тонкими ногами, широкой шеей и узкой мордой не похож на тяжеловесные изображения лошадей на большинстве боспорских стел. Грива передана не пластически, а узким выступом с мелкими насечками; длинный хвост почти доходит до копыт и спокойно висит, несмотря на порывистое движение коня.

На многих боспорских стелах встречается такая же трактовка хвоста, гладкого у основания и пышного к концу [10].

Уздечка передана рельефом только на шее лошади, далее она сливается с фоном до морды лошади.

На крупе коня видны какие-то складки. Их можно трактовать как изображение седла, или же таким приемом показаны складки одежды [11].

Образ сидящей на троне богини с фигуркой служанки рядом характерен для боспорских стел, начиная с позднего эллинизма [12].

Маленькая фигурка служанки с пышными волосами, обрамляющими лицо и спускающимися на плечи, всегда изображалась фронтально. Поза же сидящей женской фигуры на нимфейской стеле отличается большей свободой, чем на боспорских стелах. Традиционным жестом правой руки она придерживает покрывало, а повернутое вправо плечо создает глубину пространства, в отличие от фронтальных и плоскостных изображений богини на большинстве поздних боспорских надгробий.

Боспорские рельефные надгробия не имеют четкой датировки. Некоторые датировки их намечает А. И. Иванова, относя начало развития рельефных надгробий на Боспоре к позднему эллинизму. По ее мнению, вначале на стиль боспорских стел имели влияние аттические и малоазийские образцы; местный стиль, плоскостный и условный, падает на I в. и начало II в. Основой для датировки служат для нее надписи на памятниках I в.

Однако стиль боспорских рельефов в первые века нашей эры разнообразен. Изменения форм надгробий, а также акротериев совершенно не разработаны.

Нимфейский акротерий не имеет близких аналогий среди боспорских надгробий. Редкий мотив листьев лотоса и пышное завершение акротерия сближает его с памятниками позднего эллинизма.

Художник нимфейского рельефа стремился передать многоплановость композиции и глубину пространства: часть фигур дана в низком рельефе, часть в высоком. Судя по позе, сидящая богиня расположена в глубине пространства. Привлекает внимание свободно изображенная фигура всадника, с поднятым копьем, древко которого выходит вверху за пределы углубленного поля. Фигура всадника на коне полна движения и выразительности, совершенно не свойственной застывшим позам на боспорских стелах первых веков нашей эры.

Все это позволяет отнести нимфейскую стелу ко II—I вв. до н. э.

---

[9] G. Kazarow. Die Denkmäler des trakischen Reitergotter in Bulgarien. София, 1938, № 2, 20, 22, 31, 35.

[10] K. W., 618, 619, 628; Эрмитаж, инв. ПАН. 140; II.1850.28; II.1829.8.

[11] Ср. на боспорских стелах K. W., 614, 619, 675, 679, 670, 667; Г. П. Иванова. Ук. соч., рис. 3 и 7.

[12] K. W., 240, 241, 249, 276, 614, 670, 694.

К. МАЕВСКИЙ

ПОЛЬСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НОВЕ (БОЛГАРИЯ) В 1966 г.

Во время седьмого полевого сезона Археологическая экспедиция Варшавского университета продолжала работы в Нове в западном секторе на раскопах IV и V, а также она заложила раскоп VII в юго-западном углу города (рис. 1)[1].

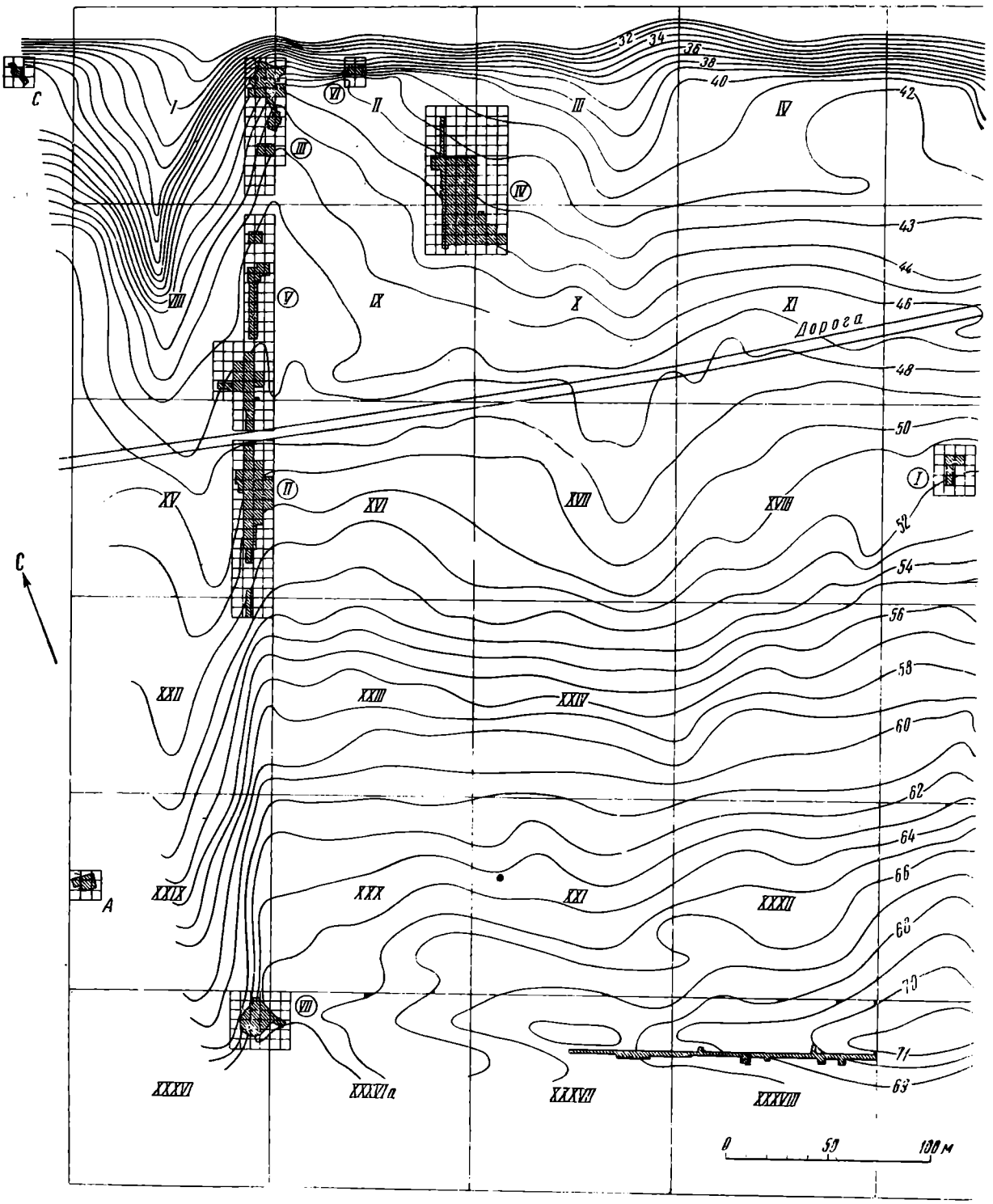


Рис. 1. План западного сектора г. Нове

[1] Исследования велись под руководством автора статьи. Работы на раскопе V вел С. Парницки-Пуделко, на раскопе IV — Л. Пресс, на раскопе VII — С. Колкувна. В Восточном секторе исследования проводила Болгарская археологическая экспедиция.

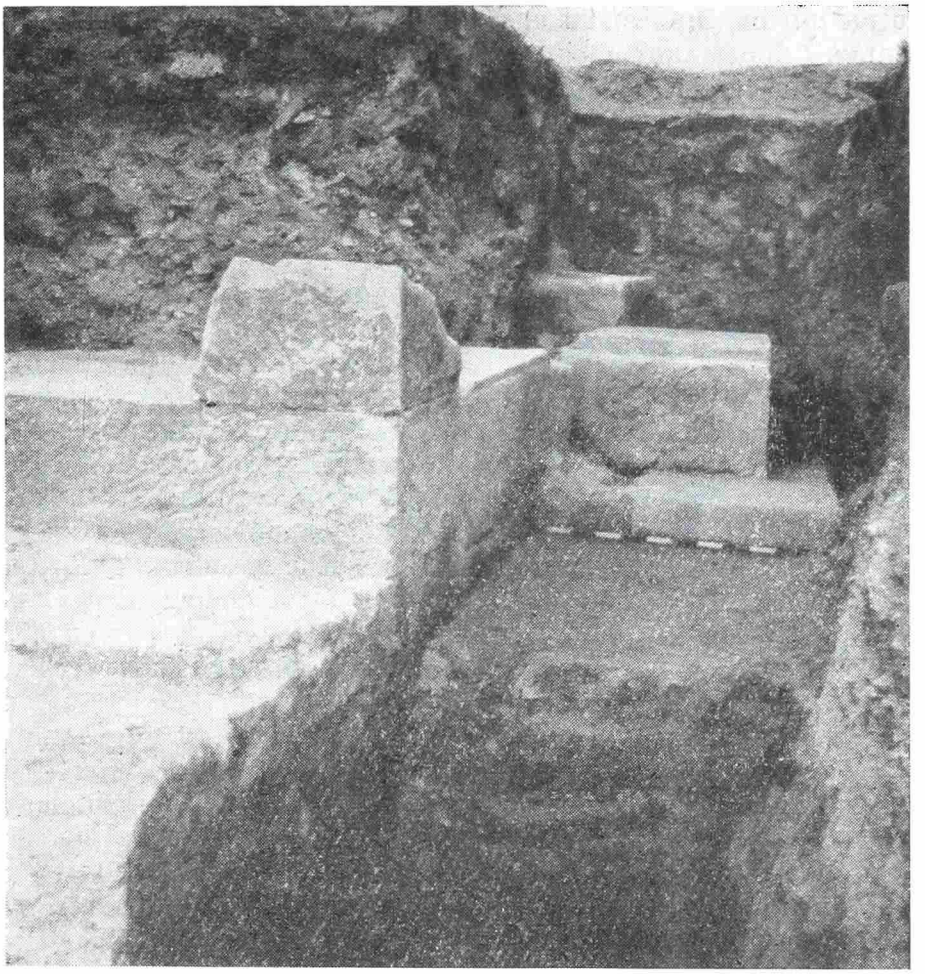


Рис. 2. Раскоп V. Южная стенка западных ворот

Раскоп V был расширен в северном и западном направлениях. На квадрате VIII 318 открыты остатки стены, по всей вероятности позднеримского периода, сооруженной на остатках более древней оборонительной стены, идущей с севера на юг. Самым важным достижением на этом раскопе в 1966 г. было открытие ворот, прилегающих под прямым углом к западной оборонительной стене. Это западные ворота — porta decumana. Южная стена ворот (рис. 2) исследована на протяжении 16,9 *м*. Открытая стена в нижней части была сложена из больших каменных блоков, тщательно приложенных к рустованным квадрам с северной и южной стороны; ширина этой стены 1,7 *м*. С северной стороны к южной стене ворот прилегает выступ, впущенный в стену. Он имеет форму блока длиной 1,28, шириной 0,9, вышиной 0,58 *м*, который был поставлен на постаменте из нескольких каменных блоков. Этот выступ, по всей вероятности, был базой столба, к которому прилегало полотнище ворот, вращающихся на шпунте (cardo). В фундаменте южной стены ворот открыт пролет с кирпичным сводом. Его вышина 1,16, а ширина 0,51 *м*.

Остатки северной стены у ворот открыты на протяжении 5,2 *м* на квадратах VIII 337, 338. Они находятся под остатками позднеантичной стены. Ширина западных ворот равна 10,6 *м*. Поэтому можно предполагать, что в них было два или три входа.

Сохранилось несколько каменных мостовых в воротах в propugnaculum. Мостовая наиболее позднего периода была из обломков черепиц и амфор с горизонтальными желобками на поверхности. Они датируются IV—V вв. Самая ранняя мостовая проходит на уровне шелыги кирпичной арки пролета в южной стене ворот.

В слое щебня под проезжей частью ворот открыты фрагменты бытовой и строительной керамики; среди них 117 обломков с отпечатками разных клейм. В этом же щебне найден был кусок базы постамента, быть может, алтаря с хорошо читаемой последней строкой надписи ΣΥΤΥΧΩΣ. Ряд букв, расположенных выше этой строки, сильно поврежден и пока не расшифрован. В щебне на месте предполагаемого propugnaculum найдены две бронзовые фибулы типа Almgren VIII, *190* (рис. 3), таких найдено много в Нове и ее окрестностях [2].

Рис. 3. Раскоп V. Бронзовая фибула

Особого внимания заслуживают каменный алтарь, открытый в 1965 г. на V раскопе, и надписи, находящиеся на трех его сторонах. В 1966 г. Ю. Колендо занялся обработкой и расшифровкой надписей на двух разбитых частях алтаря, открытых в 1965 г., и на фрагментах, найденных в 1966 г. После обработки Ю. Колендо этот памятник был отвезен в музей в Свиштове.

Надпись была посвящена Юпитеру Депульсору. Это мортеляция императора Александра Севера, имя которого было затерто. Как следует из надписи, алтарь был доставлен каким-то офицером I Итальянского легиона (legio I Italica Severiana). Посвящение совершил 5 октября 227 г. легат провинции Мезии L. Matennius Sabinus, а также легат I Итальянского легиона Servaeus Cornelianus. Надпись на алтаре дает новые сведения о культе Юпитера Депульсора и важна для истории города Нове. Эта надпись говорит о том, что в Нове пребывал наместник провинции Moesia Inferior. По мнению Ю. Колендо, надпись содержит также много интересных данных для просографических исследований.

На раскопе IV (рис. 4) работы велись к востоку от открытых в прошлом году остатков колоннады (a, b, c). Раскрыты еще две базы колонн (d, e) и один монолитный стержень колонны длиной 2,85 *м*, лежащий возле базы d (сломанный примерно посередине). Вместе с обнаруженными в прошлом году тремя базами (на двух базах стояли обломанные стержни колонн) в общем мы открыли пять колонн, сохранившихся в фрагментах. Эти колонны, без сомнения, образовывали портик, открытый с восточной стороны (рис. 5), выходящий на двор, на котором находился колодец. Последний был частично открыт в 1963 г. на квадрате IX 40. На территории портика расчищены четыре каменных блока от лестницы, которая вела в комнату над помещением G. Нижний блок лестницы определяет уровень двора и соответствует по уровню нижнему краю блоков, поддерживающих базы колоннады. На квадрате II 399 найдена ионическая капитель с орнаментом ovolo и стилизированными растительными мотивами (рис. 6). Зондажем открыты остатки восточной стены и установлено, что из помещения G был проход в портик; открыта часть южной стены и почти вся восточная стена помещения H. Во врезке, пробитой до стены, отделяющей помещение G от помещения H, был найден фрагмент мраморной скульптуры (нижняя часть женской фигуры, одетой в длинную, со складками одежду) с остатками известкового раствора (рис. 7). Он в древности был употреблен в качестве строительной детали. В восточной стене помещения F также открыт вход в портик.

На квадратах II 380, 360 на глубине 0,40—0,70 *м* была открыта часть прямоугольного помещения размерами 7,9 × 3 *м*. Стены его толщиной в 0,8 *м* сложены из камня и кирпичей, скрепленных крепким раствором. Там найдено много фрагментов черепиц, два глиняных гипокаустических

[2] Archeologia, XVI, 1965 (1966), стр. 161, рис. 17; стр. 172.

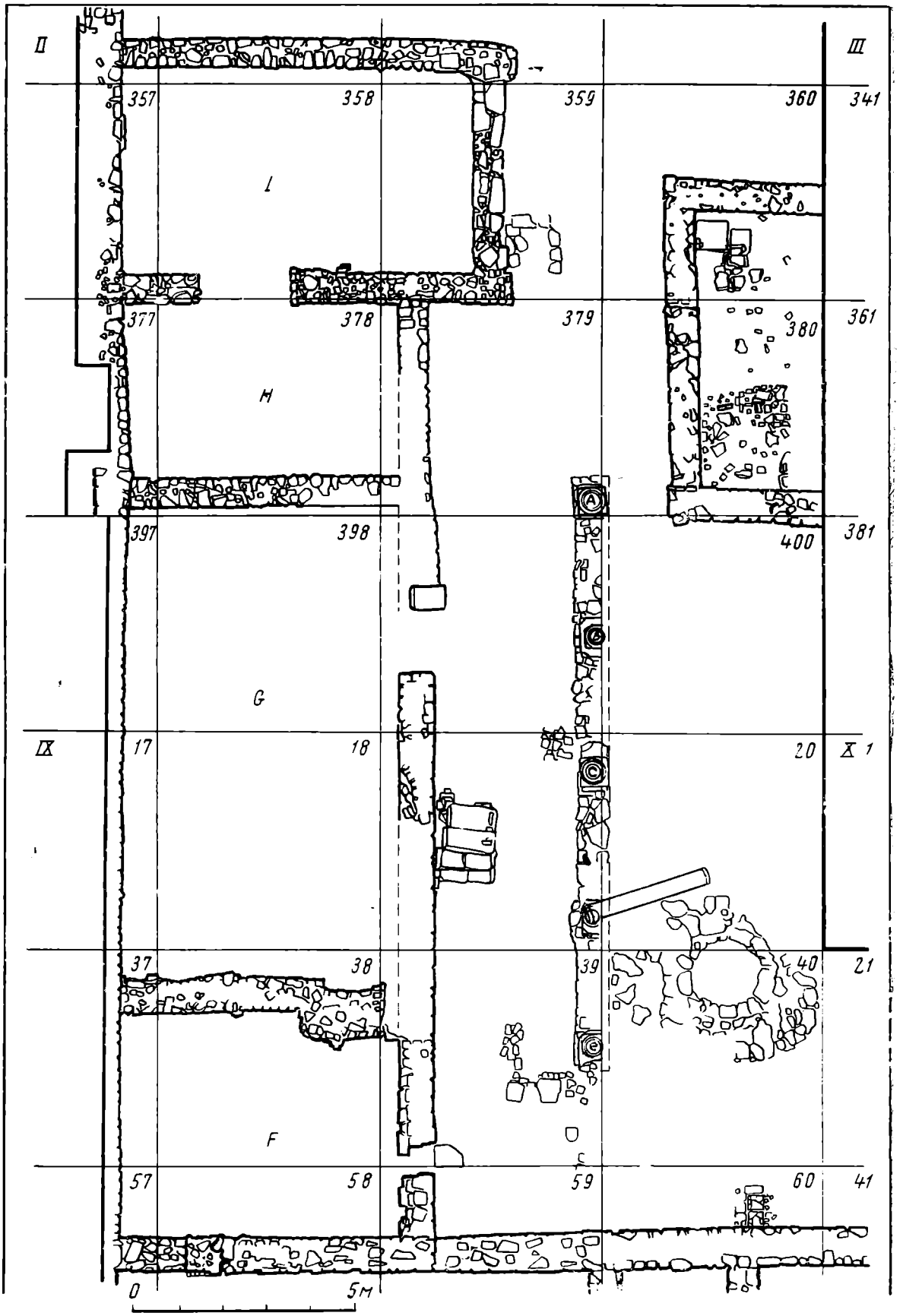


Рис. 4. Раскоп IV. План участка, исследованного в 1966 г.

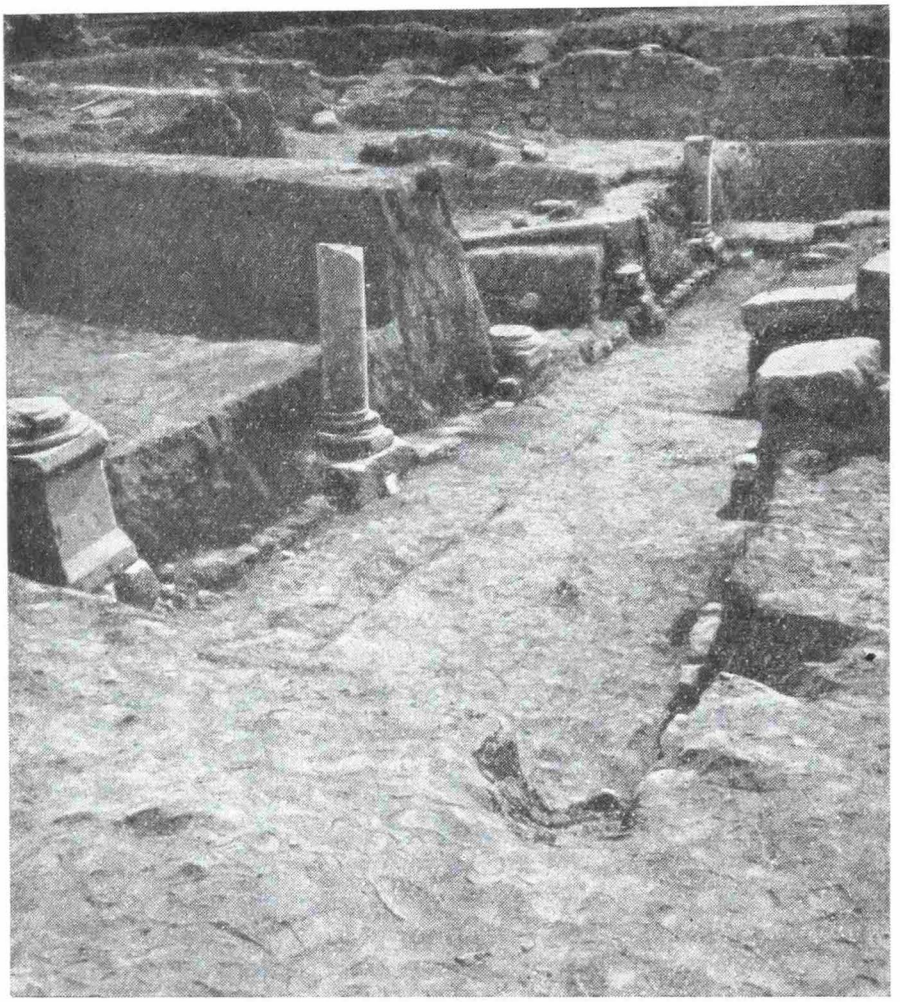


Рис. 5. Остатки портика с пятью колоннами на раскопе IV

Рис. 6. Ионическая капитель из раскопа IV

цилиндра (tubuli), а также обломки керамики. В южной части этого помещения найдены остатки боковой узкой стены, делящей это помещение на две части. В южной части работы были остановлены на поверхности, выложенной небрежно обломками кирпичных плит и камней. В северной и южной стенах этого помещения открыты небольшие прямоугольные ниши, каждая из которых была прикрыта сверху большим грубо обтесанным камнем.

Кроме того, на квадратах II 277, 257 и 237 сделана врезка шириной около 1 и длиной 12 *м* вдоль восточного лица стены, идущей с юга на север. За этот и прошлые годы открыто восточное лицо этой стены длиной до 65 *м*. Эта стена, по всей вероятности, замыкала восточную сторону улицы (cardo), что подчеркивало и наличие канализационного канала, открытого в 1965 г. на гектарах II 316, 317, 336, 337.

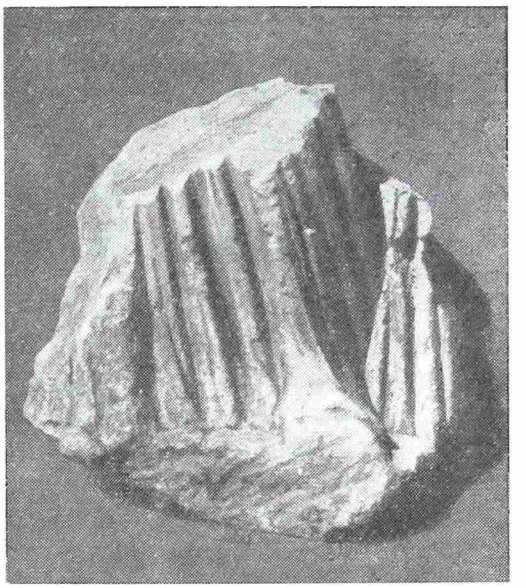


Рис. 7. Фрагмент мраморной скульптуры из раскопа IV

Раскоп VII. Проведенные в прошлых годах исследования на гектарах XV, XXII, XXXVIII и XXXVII обнаружили на одних участках всю ширину городской оборонительной стены, а на других — лишь внешнее ее лицо. На основании изучения территории и геофизических исследований инженера Войтеха Стопиньского, а также на основании схематического плана Шкорпила мы предполагали ранее, что обе линии оборонительной стены сходились в юго-восточном углу гектара XXXVI и завершались большой башней. Исследования, проведенные в 1966 г. на гектарах XXXVI 38—40, 58—60, 78—80 и 98—99 на склоне, наклоненном к западу, открыли груду камней, перемешанных с раствором и землей. На глубине от 0,6 до 1,3 *м* открыты стены башни подковообразной формы. Ширина боковых стен равнялась 3,2, тыльной 3,6, а в месте закругления толщина их доходила до 4,5 *м*. Размеры внутренней части башни в форме трапеции равнялись $6{,}5 \times 6{,}5 \times 5{,}5 \times 4{,}4$ *м* (рис. *8*). Внешняя облицовка башни имеет в нижней части рустованные и хорошо подогнанные тесаные камни (как и в западных воротах). В текущем году открыто в нижней части в некоторых местах три ряда хорошо обработанных каменных блоков размерами от $0{,}77 \times 0{,}58 \times 0.51$ до $0{,}89 \times 0{,}44 \times 0{,}51$ *м*. На многих блоках видны гнезда от скоб длиной в среднем 0,34 *м*. Верхняя часть наружного лица стены была сложена из грубо обтесанных камней на известковом растворе. Тело стены было из бута, скрепленного известковым раствором. Лицо трапециевидной внутренней части башни на самом низком открытом уровне состоит из четырех рядов кирпича (толщина его 5 *см*).

Из находок, найденных на территории башни в перемешанном слое, кроме обломков керамики, следует упомянуть хорошо сохранившуюся мраморную головку Геркулеса (рис. 9).

На основании семи полевых сезонов можно уже в общем представить направление городских стен и форму башен в обоих секторах Нове, а также наметить расположение улиц. Западная стена идет почти по прямой линии, и на обоих концах ее были башни. Несмотря на длительные исследования, не удалось точно определить в северо-западном углу планировку двух башен — ранней и более поздней. Во всяком случае уловлены детали их стен — прямоугольной и полукруглой. Зато хорошо сохранилась в нижней части северо-западная башня, открытая в 1966 г. Она имеет в

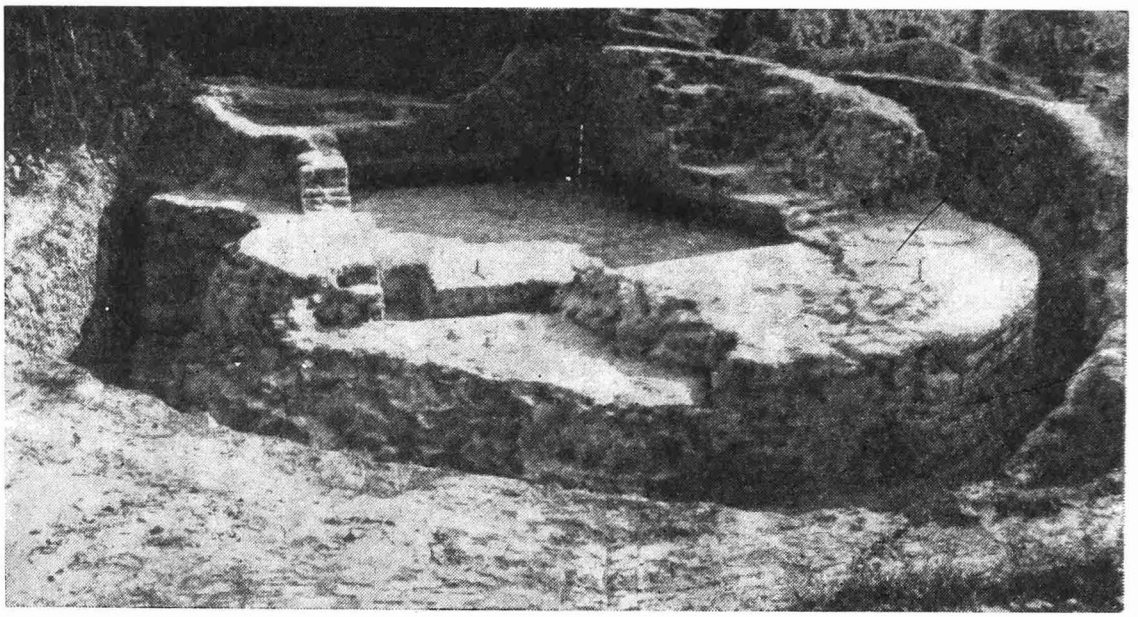


Рис. 8. Раскоп VII. Остатки башни. Вид с юго-запада

плане форму подковы, а внутренняя ее часть напоминает в плане трапецию. В северной части оборонительной стены открыты остатки монументальных ворот (porta decumana), вероятно с двумя или тремя входами.

Пока трудно точно определить протяженность отрезка оборонительной стены с южной стороны на гектаре XXXVIa. На восток от этого отрезка —до башни, названной башней № 7 (и исследованной болгарской экспедицией на восточном секторе), и дальше на восток оборонительная стена проходит наискось в северо-восточном и северном направлении, ее внешние башни имеют прямоугольную форму. До 1963 г. там было открыто шесть наружных прямоугольных башен, означенных номерами 1—6, а также уже упомянутая полукруглая башня. В 1965 г. между башнями № 6 и 7 была раскрыта еще одна наружная прямоугольная башня, с полукруглой южной стеной. Относительно конструкции восточной оборонительной стены и восточной части южной стены следует сказать, что она не так монументальна, как западная стена, и, вероятно, была поставлена в конце позднеантичного периода. Южная оборонительная стена на западном секторе на гектарах XXXVIII и XXXVII была пока исследована шурфовкой и раскрыто ее южное внешнее лицо. На гектаре XXXVII в восточной части (квадраты 118—115) выявлен в оборонительной стене прорыв, что позволяет предполагать, что в этом месте были южные ворота.

Рис. 9. Мраморная голова Геркулеса из раскопа VII

Сеть улиц можно примерно уже теперь определить. Кажется, что decumanus maximus шла от porta decumana в восточном направлении, приблизительно вдоль линии нынешнего шоссе, пересекающего территорию Нове. На конце этой улицы следует искать остатки восточных ворот. Пока трудно обозначить направление cardo maximus, так как эту главную улицу, идущую с севера на юг, должны фиксировать ворота, о наличии кото-

рых в южной оборонительной стене мы предполагали на гектаре XXXVII.

Предположительно можно определить как идущую с севера на юг (cardo) второстепенную улицу, на нахождение которой указывают западная стена постройки с портиком на IV раскопе и открытые нами канализационные каналы к западу от этой стены (квадрат II 316, 317, 336, 337), которые шли под мостовой этой улицы. Южная стена постройки с портиком на раскопе IV, вероятно, определяла направление с запада на восток меньших улиц (decumanus). Городской форум надо искать, по-видимому, вблизи перекрестка decumaus maximus и cardo maximus, предположительно на гектарах XVII и XVIII.

Проведенные раскопки и шурфы подтверждают наблюдения С. Стефанова о направлении водопроводов, снабжающих водой город Нове.

А. М. ХАЗАНОВ

САРМАТСКИЙ КИНЖАЛ ИЗ САРАТОВСКОГО МУЗЕЯ

В Саратовском областном музее краеведения хранится железный кинжал с кольцевым навершием и прямым перекрестием [1]. Из записи в инвентарной книге видно, что кинжал этот — случайная находка из с. Куликовка бывш. Вольского уезда Саратовской губ. и передан в музей в 1912 г. С. М. Михеевым-Власовым. Примечательна отличная сохранность кинжала. Клинок только в нижней части слегка попорчен коррозией. Самый конец кинжала был обломан еще в древности (рисунок). Длина сохранившейся части кинжала — 25,3 *см*, ширина клинка у перекрестия — 4 *см*, длина перекрестия — 5,5 *см*, длина рукояти с кольцевым навершием — 12,6 *см*, без навершия 9,2 *см*, ширина металлического стержня рукояти — 1,1 *см*, диаметр кольца навершия — 4,5 *см*.

Клинок кинжала обоюдоострый, к концу он постепенно сужается, причем это сужение сильно заметно лишь в последней трети длины. В сечении клинок имеет вид ромба, посередине его имеется продольное ребро. Рукоять кинжала — прямоугольная, выкована из одного с клинком куска железа. Перекрестие состоит из двух брусковидных полос железа, скованных на концах в целый брусок, середина которого плотно охватывает клинок. Кольцевое навершие, круглое в сечении, является двухслойным: оба слоя кольца зажали между собой конец рукояти и были сварены при кузнечной ковке. В целом при внешнем осмотре кинжала наблюдается тщательность кузнечной ковки и его внешней отделки.

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием в областях распространения сарматской культуры известны с III—II вв. до н. э. по II—III вв. н. э., являясь полностью господствующим типом в I в. до н. э.— I в. н. э. [2] Однако среди известных мне более чем 100 таких мечей и кинжалов, происходящих с территории Поволжья — Приуралья, помимо кинжала из с. Куликовки, есть всего пять экземпляров, имеющих продольное ребро посередине клинка и ромбических в сечении (Верхне-Погромное, курган № 7/6; Политотдельское, курган № 4/32; случайные находки у с. Чумляк, д. Бутульчан и в Аненском районе Воронежской обл.).

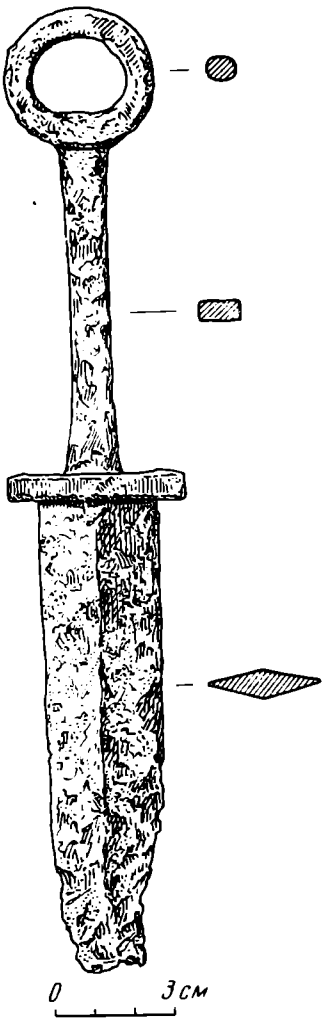
Обращает на себя внимание, что половина их найдена случайно. Сохранность вещей в случайных находках обычно лучше, чем в погребениях. Может быть, на самом деле таких мечей и кинжалов было больше, но из-за

[1] Инв. № 362. Пользуюсь случаем выразить признательность Е. К. Максимову, разрешившему мне опубликовать этот кинжал.

[2] А. М. Хазанов. Сарматские мечи с кольцевым навершием. СА, 1967, 1. Там же см. перечень находок этих мечей.

коррозии, которой подвержены клинки, ребро на некоторых экземплярах могло и не сохраниться.

Ромбические в сечении клинки с продольным ребром встречаются гораздо чаще у савроматских и прохоровских мечей, особенно тех из них, которые распространены в Приуралье. Продольное ребро посередине клинка характерно также для минусинских кинжалов. На мечах и кинжалах с кольцевым навершием это ребро можно рассматривать как архаический признак. Меч из кургана № 7/6 у с. Верхне-Погромное датируется прохоровским временем. Ранним по типологическим признакам представляется и меч, найденный у с. Чумляк. Ромбические клинки лучше всего приспособлены для колющего удара в ближнем бою. При рубящем ударе они не имеют никаких преимуществ перед линзовидными. Однако наличие среди таких мечей длинных экземпляров не позволяет утверждать, что они не употреблялись всадниками.



Кинжал с кольцевым навершием из с. Куликовка

Кинжал из с. Куликовки был подвергнут металлографическому анализу в лаборатории Института археологии АН СССР, выполненному по моей просьбе Г. А. Вознесенской. Металлографически был исследован клинок кинжала. Образец взят примерно на середине сохранившейся длины клинка. Шлиф сделан на поперечном сечении клинка и захватывает $^4/_5$ ширины клинка в месте сечения. Как показало микроструктурное изучение, ромбическая поверхность шлифа имеет неоднородную феррито-перлитную структуру. На острие лезвия и почти до середины ромбической фигуры шлифа наблюдается однородная мелкозернистая феррито-перлитная структура с содержанием углерода 0,6—0,7%, микротвердость 322 *кг/мм*^{2}. В центре шлифа и в направлении к другому острию лезвия содержание углерода значительно меньше (0,3—0,1%). Середина и одна из сторон ромбической фигуры шлифа имеют мелкозернистую структуру феррита (микротвердость 143 *кг/мм*^{2}). Содержание шлака в металле незначительно. Второе острие лезвия шлиф не захватывает. Клинок кинжала откован из неполностью процементированной стальной заготовки, которая была получена путем цементации (науглероживания) кричного железа. Микроструктурное исследование кинжала показало достаточно высокую культуру кузнечной ковки, которая выражается в данном случае в правильном температурном режиме. Об этом свидетельствует мелкозернистая структура стали и железа без следов перегрева. Нужную температуру при нагреве в кузнечном горне во время ковки и к моменту ее окончания кузнец определял опытным путем по цвету каления металла. Нужно отметить также, что заготовка, из которой откован клинок, тщательно прокована и хорошо освобождена от включений шлака.

П. Н. СТАРОСТИН

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ПРЕДБОЛГАРСКОГО ВРЕМЕНИ НА НИЖНЕЙ КАМЕ

В 1964 г. при раскопках стоянки у с. Щербеть Куйбышевского района Татарской АССР на левом берегу Камы от А. И. Демакова мы получили пять железных топоров, найденных в зоне Куйбышевского водохранилища.

При обследовании места находок зафиксированы остатки большого разрушенного селища, названного нами Щербетским островным. Оно расположено в 5,5 *км* к северо-западу от села, на краю надлуговой террасы левого берега р. Бездны, левого притока Камы. Селище затоплено Куйбышевским морем, и лишь в период спада воды между островами выступает грива шириной около 120 *м*. На ней на площади 420 × 110 *м* собран большой подъемный материал и выявлены остатки древних жилых и хозяйственных построек.

Культурный слой селища полностью смыт, в красной материковой глине видны заполненные культурным слоем ямы. Выявлено более 50 круглых, овальной и подчетырехугольной формы ям, расположенных бессистемно. Средние размеры их устий 1 × 0,9 *м*. На пестроцветной разжиженной поверхности заполнения ям найдены фрагменты глиняной посуды, кости животных. Ямы не вскрывались. Скорей всего большинство их хозяйственного назначения.

На восточной окраине селища обнаружены две подквадратные с округлыми углами ямы размером 5 × 5 *м*, расположенные на расстоянии 20 *м* одна от другой и ориентированные стенками по странам света. На поверхности их темного коричневатого суглинистого заполнения были найдены обломки глиняной посуды, кости животных. Эти ямы, вероятно, остатки жилищ-полуземлянок.

В центральной части селища, на площади 15 × 8 *м*, собрано много обломков глиняных ошлакированных тиглей (рис. 2, *9*), лячек, а также куски бронзового шлака. Здесь же найдены 87 бронзовых трехгранных в сечении слитков. Длина их 18,5 *см*, их вес от 88 до 111 *г*. Эти находки позволяют предполагать о наличии на поселении меднолитейной мастерской.

Среди орудий труда, собранных на селище, есть обломок наральника (рис. 1, *10*), выкованного из цельного куска железа; восемь железных кос с отогнутыми пятками (рис. 2, *12*) и железные двузвеньевые удила. Последние по форме подразделяются на удила с круглыми кольцами, удила с подтреугольными кольцами (рис. 1, *8*) и удила со стержневидными псалиями (рис. 1, *9*).

Примечательны 26 железных кругообушковых топоров длиной 18—22 *см*. У 21 топора сильно вытянутые пропорции и узкий проух (рис. *1*, *12*). Рассматриваемые топоры сходны по форме и размерам с топорами из Балымерского «Шолома» [1], Именьковского городища [2], а также с топором из Болгар [3] и наиболее характерны для Нижнего Прикамья. Пять остальных топоров (рис. 1, *11*), отличающихся большей массивностью, принадлежат к общераспространенным типам.

Из других орудий труда отметим железные ножи с короткими и плоскими черешками (рис. 1, *7*), слесарное зубило (рис. 1, *6*), обломок напильника (рис. 1, *5*) и бронзовый пинцет (рис. 1, *4*), согнутый из пластины с расплющенными концами.

---

[1] Б. Б. Жиромский. Древнеродовое святилище «Шолом». МИА, 61, 1958, стр. 440, рис. 9, *1*.

[2] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Именьковское городище. МИА, 80, 1960, стр. 245, рис. 7, *2*.

[3] Хранится в Гос. музее ТАССР, инв. № 16170.

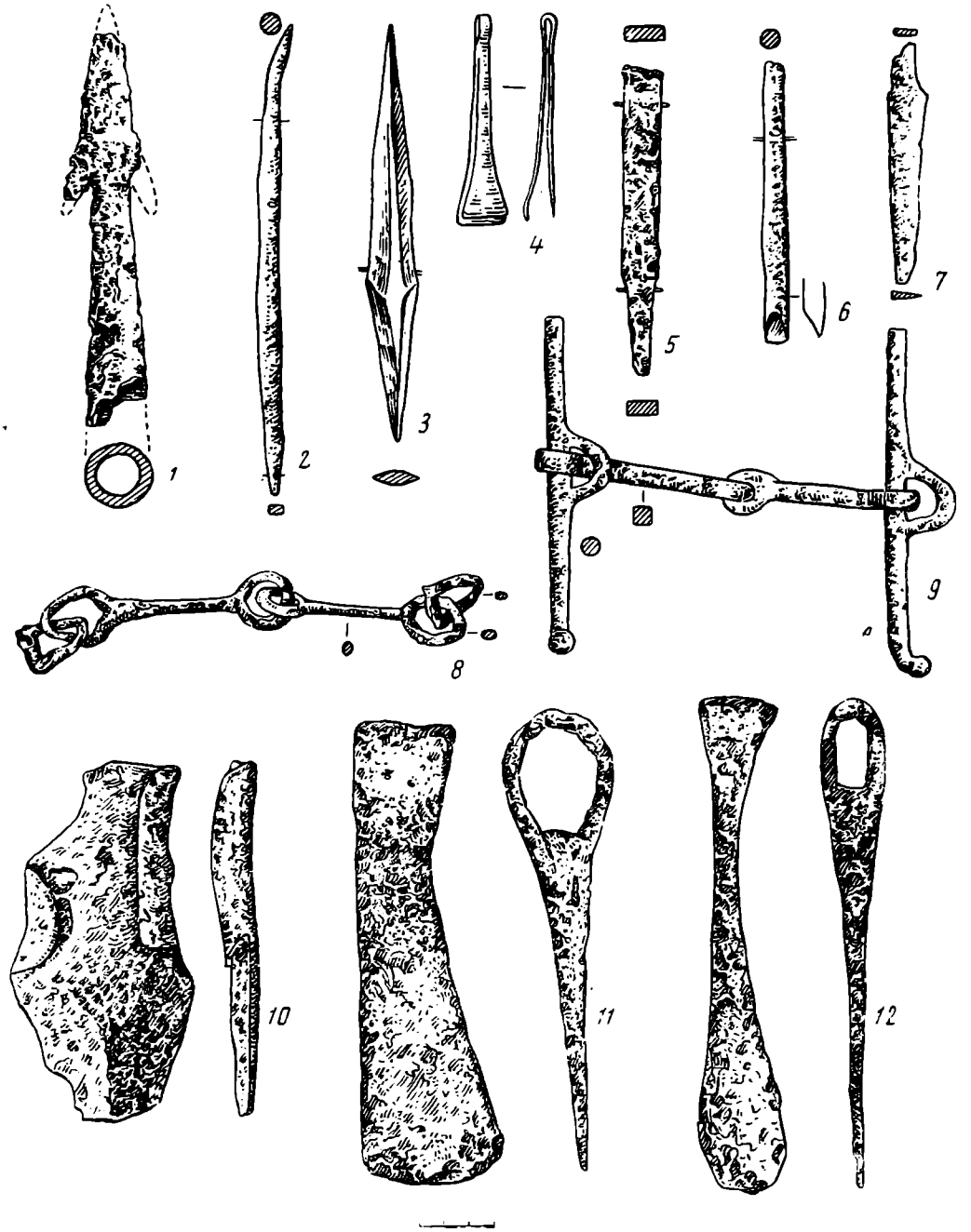


Рис. 1. Вещи с поселения

1 — наконечник копья; *2* — шило; *3* — наконечник стрелы; *4* — пинцет; *5* — напильник; *6* — зубило; *7* — нож; *8, 9* — удила; *10* — ральник; *11, 12* — топоры (*3* — кость, *4* — бронза; *1, 2, 5—12* — железо)

Оружие с Щербетьского островного селища представлено тремя костяными наконечниками стрел с подромбическим в сечении пером (рис. 1, *3*) и железным втульчатым дротиком с шипами у основания пера (рис. 1, *1*).

Интересен фрагмент костяного гребня (рис. 2, *11*), украшенного конскими головками.

Многочисленны фрагменты глиняной лепной плоскодонной посуды. По характеру примесей в тесте и обработке поверхности вся керамика подразделяется на две группы. Фрагменты первой группы (85% общего количества фрагментов) с примесью крупнозернистого шамота с песком и неровной бугристой поверхностью. Фрагменты второй группы (15% общего количества фрагментов) с примесью песка, гладкой, а иногда и подлощенной поверхностью.

Судя по фрагментам, сосуды с селища — горшки сравнительно высоких пропорций с выпуклыми боками. Диаметры горла основной массы сосудов в пределах от 6—8 до 40—42 *см*, но наибольшее количество составляют сосуды с диаметром горла от 16 до 26 *см*. По форме шеек горшки могут быть подразделены на сосуды с подцилиндрическими шейками (рис. 3,

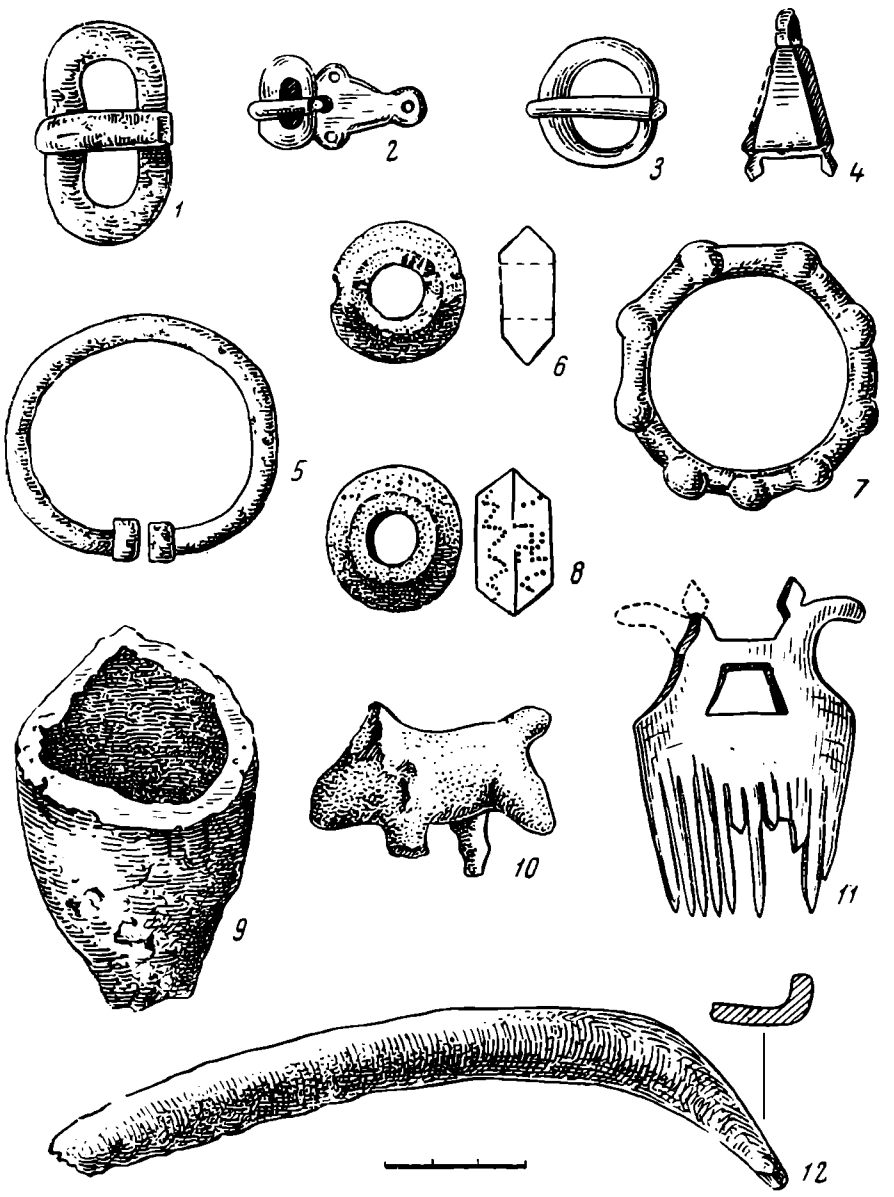


Рис. 2. Вещи с поселения

1—3 — пряжки; *4, 7* — привески; *5* — сюльгама; *6, 8* — пряслица; *9* — тигель; *10* — фигурка; *11* — гребень; *12* — серп (*1, 5, 12* — железо; *2, 3, 4, 7* — бронза; *6, 8, 9, 10* — глина; *11* — кость)

1—3), сосуды с блоковидными шейками (рис. 3, *5—7*), сосуды с шейками в виде усеченного конуса (рис. 3, *8*), сосуды с шейками в виде раструба (рис. 3, *4*). В количественном отношении преобладают сосуды первого типа (45%), меньше (32%) сосудов второго типа и очень немного сосудов третьего (18%) и четвертого (5%) типов.

Большинство сосудов не орнаментировано, лишь некоторые венчики (5%) украшены по срезу края косой насечкой, вдавлениями подтреугольной лопаточки, а также ямками на переходе к плечикам.

По форме, примесям в тесте и орнаментации керамика Щербетьского островного селища близка керамике таких памятников Нижней Камы, как Бабий Бугор, Балымерский «Шолом», Именьковское городище, Балымерское селище, Рождественское селище, а также материалам поселений Верх-

ней Суры и поселений в районе города Уфы, исследованных в последние годы [4].

На селище найдено также около двухсот пряслиц, преимущественно усеченно-биконической формы с острым ребром (рис. 2, *6—8*) из серой хорошо промешанной глины и глиняная миниатюрная фигурка животного (рис. 2, *10*).

Из украшений и принадлежностей костюма отметим бронзовую пирамидальную подвеску с ушком (рис. 2, *4*) — украшение, нередко встречаю-

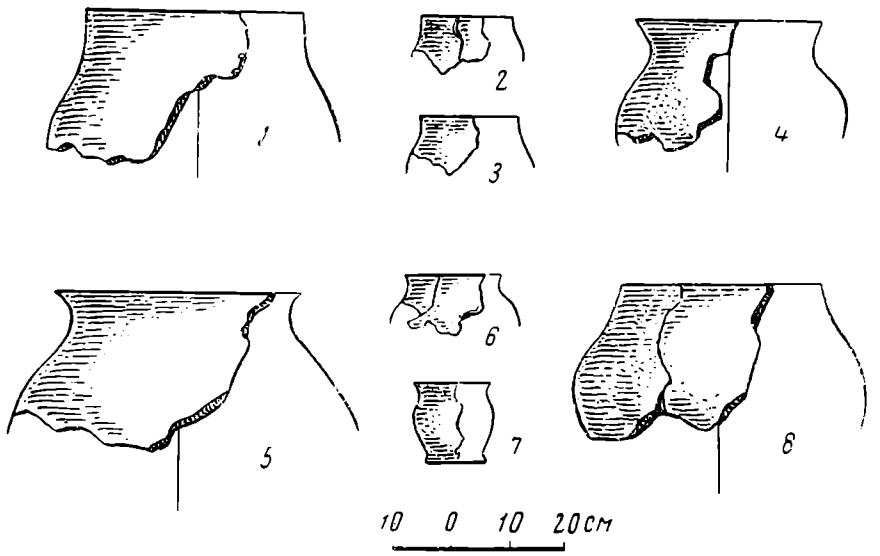


Рис. 3. Основные типы сосудов с поселения

щееся в мерянских и мордовских могильниках III—VIII вв. [5]; бронзовую кольцевую литую подвеску с «наплывами» (рис. 2, *7*), близкую находкам из погребений бахмутинской культуры [6], Турбаслинских курганов [7], Кошибеевского могильника [8], Корчейского городища [9] и ряда других памятников, характерную для VI—VIII вв. бронзовую В-образную пряжку с неподвижным подтреугольным щитком с округлыми выступами (рис. 2, *2*), аналогичную пряжкам из погребений могильников Северного Кавказа [10],

---

[4] З. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская. Исследование города Болгара. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 150; Б. Б. Жиромский. Ук. соч., стр. 445; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 241, 242; А. М. Ефимова. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР. МИА, 111, 1962, стр. 29—31; В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, Т. А. Хлебникова, И. С. Вайнер, Е. П. Казаков, Р. К. Валеев. Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962, стр. 21—25; П. Д. Степанов. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. Сб. «Археология и этнография Башкирии», II, Уфа, 1964; Г. Н. Матюшин. Археологические исследования в окрестностях города Уфы. ВАУ, 2, Свердловск, 1962, стр. 63, 64; П. Ф. Ищериков, Н. А. Мажитов. Городище Уфа II. Сб. «Археология и этнография Башкирии», I, Уфа, 1962.

[5] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, 1901, табл. VI, *25*; П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1958, табл. XXIV, *9*; А. Е. Алихова. Серповский могильник. Сб. «Из древней и средневековой истории мордовского народа», Саранск, 1959, табл. 50, *13а*; М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Тёша. СА, 1959, 1, стр. 220, рис. 2.

[6] Коллекции БИЯЛИ АН СССР, инв. № 60/494, 60/383.

[7] Н. А. Мажитов. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, стр. 121, табл. II, *17*, *18*.

[8] А. А. Спицын. Ук. соч., табл. VII, *10*.

[9] А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, 26, 1902, табл. III, *19*.

[10] Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края, 2—3, Ставрополь, 1950, рис. 24, *б*; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, рис. 25, *7*.

а также Бирского могильника [11], бытующую в V—VII вв. и железную В-образную пряжку (рис. 2, *5*), встречающуюся, как правило, в комплексах того же времени.

На основании приведенных аналогий дата селища может быть определена временем III—VIII вв.

По характеру материала Щербетское островное селище близко кругу многочисленных памятников Нижней Камы и прилегающих районов Волги, выявленных преимущественно в последние годы. В интерпретации их культурной и этнической принадлежности у исследователей нет единого мнения. Некоторые из них связывают данные памятники с племенами городецкой культуры, расселившимися в середине I тысячелетия по левобережью Волги [12]. По мнению других, эти памятники следует выделять в именьковскую культуру, носители которой (тюркоязычные племена) проникли из районов Сибири в эпоху великого переселения народов [13].

При решении этих спорных проблем материалы Щербетского островного селища будут представлять несомненную ценность.

---

[11] Коллекции БИЯЛИ АН СССР, инв. № 60/353.

[12] Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Тр. Казанского ФАН СССР, сер. гуманит. н., Казань, 1954, стр. 56; Б. Б. Жиромский. Ук. соч., стр. 449, 450; А. М. Ефимова. Ук. соч., стр. 26—33; А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, Д-1-14, стр. 27, 28.

[13] В. Ф. Генинг. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тысячелетии. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961.

Л. М. РУТКОВСКАЯ

БРОНЗОВАЯ СТАТУЭТКА ИЗ БЕГОВАТА

В г. Беговате Узбекской ССР при взрывных работах в 1952 г. была найдена статуэтка [1].

Это случайная находка, и мы не знаем ни культурного слоя, в котором она находилась, ни сопровождающего инвентаря. Она не была объектом специального исследования, за исключением беглого и неверного описания ее в диссертации Ю. А. Заднепровского, который датировал ее VII—IV вв. до н. э. [2]

Статуэтка отлита из бронзы. Высота ее 12, длина 7 *см*. Посередине изображения виден литейный шов, следовательно, литейная форма состояла из двух половинок. Внутри в некоторых местах раковины, выступающие с внешней стороны в виде небольших отверстий, получившихся в результате дефектов литья.

Одна половина ее, по продольной оси, коррозирована, а другая покрыта благородной патиной (рис. 1).

Статуэтка изображает две обнаженные человеческие фигуры, едущие верхом на волке. Характерным здесь является диспропорциональность как изображения в целом, так и его отдельных деталей. Основная здесь — мужская фигура. Она бо́льшая по размерам, мастер подчеркивает ее могучее телосложение, утрируются отдельные части тела — крупная голова, широкие плечи, длинная рука и нога. Голова бритая, лоб низкий покатый. Лицо продолговатое, внизу заостренное, несколько приподнятый и вы-

---

[1] Хранится в Музее истории народов Узбекистана в Ташкенте.

[2] Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Л., 1954, стр. 108.

двинутый вперед подбородок упирается в голову впереди сидящей фигуры; резко выступает длинный нос, кончик которого слегка опущен вниз; над верхней губой — опущенные вниз усы, переданные одной углубленной линией; маленький рот открыт и виден высунутый язык.

Левая и правая части туловища непропорциональны. Рельефно выступает левый глаз, угол которого слегка опущен вниз; подчеркивается большое глазное яблоко, бровей нет, видно рельефно выступающее большое

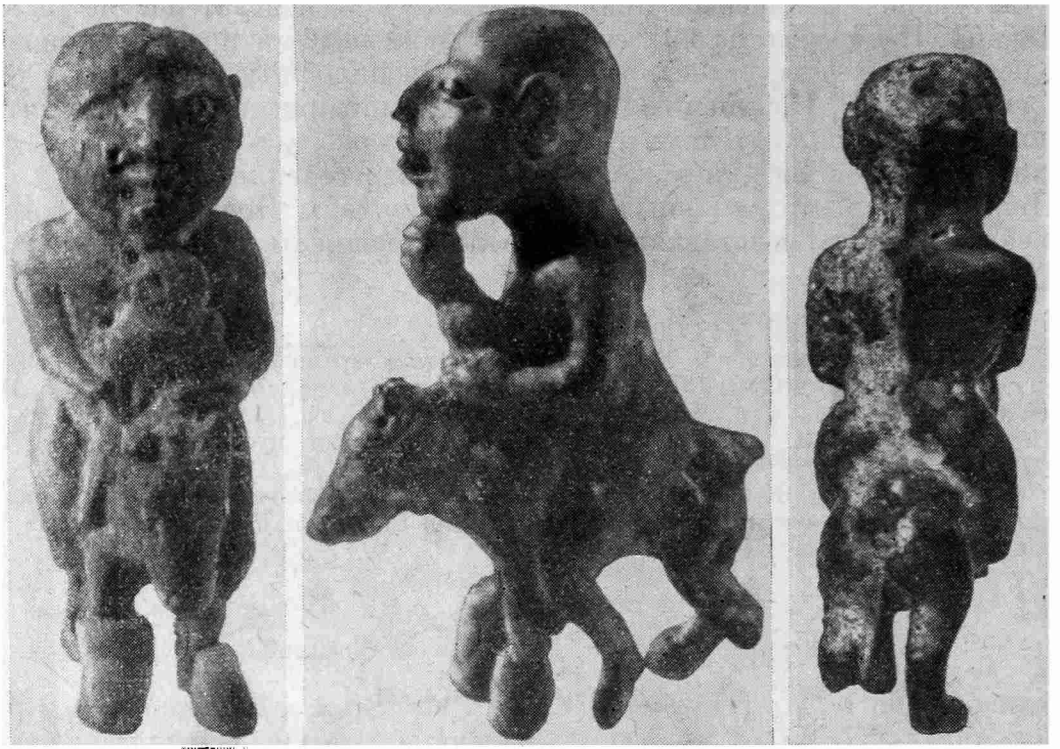


Рис. 1. Бронзовая статуэтка из Беговата

ухо. Длинная рука обнимает впереди сидящую фигуру; проработка пальцев дана углубленными линиями. Левая нога спущена вниз и согнута в колене, верхняя часть ее округлая, ниже колена — уплощенная, без детализации.

С правой стороны глаза нет, а вместо него — небольшая ямка. Нет и правого уха, ушная раковина как бы отрублена и здесь имеется только неглубокая ямка. Правая рука не имеет кисти и представляет собой обрубок. На первый взгляд она производит впечатление сломанной, но разделка находящейся под ней руки впереди сидящей фигуры говорит о том, что такую форму придал ей мастер. Правая нога тоже изображена только в верхней своей части.

Торс фигуры низкий, с узкой талией. Плечи широкие, не одинаковые по размерам: правое шире левого, но это надо относить за счет литейной формы, а не художественного замысла, потому что именно детали левой, а не правой стороны здесь отличаются бо́льшими размерами.

Впереди мужчины имеется изображение сидящей фигуры, данной в непропорционально малом размере. Ее мы считаем женским изображением и на аргументации этого положения остановимся ниже.

Передача данного образа отличается большой схематичностью — детали лица, туловища не разработаны так, как в мужской фигуре. В целом изображение уплощенной формы, голова также уплощена и едва выступает из плоскости торса, шея не выделена, и голова переходит непосредственно к туловищу, глаза, нос и губы передаются едва выступающими рельефными линиями. Руки выделены слегка углубленными линиями, го-

ленная часть ног закрыта ногами всадника и как бы прижата к туловищу волка.

Изображение волка отличается реализмом. Морда его передается со всеми деталями, пасть изображается резко углубленной линией, глаза — маленькими рельефно выступающими точками; сохранилось только одно левое заостроенное ухо, правое сломано. На волке ошейник с кружком в верхней части. Сохранилась только одна лапа, а три других только частично, но по постановке лап можно заключить, что волк изображен бегущим. Хвост сохранился только у основания, но видно, что он был торчащим.

Переходя к анализу статуэтки, мы прежде всего хотим отметить, что в мужском изображении, как определил Л. В. Ошанин, нет определенного антропологического типа, о женском же можно говорить как о монголоидном.

Портретность как в мужском, так и в женском образе отсутствует. В изображениях лиц нет индивидуальности.

В мужской фигуре дается детальное пластическое решение только головы, в то время как руки и ноги передаются довольно схематично, без проработки деталей. Сами пропорции в целом, а также отдельные элементы дают чувствовать в мужском изображении великана-богатыря. Наклон тела всадников вперед, постановка лап волка придают изображению некоторую динамичность.

Рассматриваемая статуэтка несомненно продукт массового производства, хотя прямых аналогий этому изображению на территории Средней Азии нет. Стилистически фигурка ближе всего стоит к мелкой и крупной скульптуре тюркского времени (VI —VIII вв.), хотя композиционно наша статуэтка не имеет с ними ничего общего.

Пластическая передача женского образа находит прямые аналогии в каменных бабах, распространенных на широкой территории Средней Азии, Казахстана, Сибири, Алтая и относящихся к VI—VIII вв.

Как и «каменные бабы», наше женское изображение уплощенное и в нем схематично передаются черты лица и туловища. В нем не выделена шея, как и у «каменных баб». Указанные особенности в «каменных бабах» обуславливались материалом и способом его обработки[3]. В нашем случае это не вызывалось необходимостью, так как статуэтка отливалась в форме, тем более что мужская фигура — округлой формы. Из сказанного следует вывод, что изобразительная манера в данном случае повторяет традицию, господствующую в искусстве в VI—VIII вв. определенной этнической среды.

Что касается мужского изображения, то оно более сложно. Мы уже говорили о том, что здесь мастер большими размерами старается создать образ великана-богатыря и подчеркнуть его центральное место в композиции.

Манера делать непропорционально большие изображения главных персонажей восходит к традиции древневосточного искусства. Бытует она и в раннем средневековье. Это хорошо видно в сасанидских рельефах, а также в памятниках торевтики, особенно в сюжетах, прославляющих царя, в стенной живописи[4]. Мы имеем дело с определенной художественной традицией. Размер фигуры показывает определенное место персонажа в композиции вообще.

---

[3] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии. МИА, 24, 1952, стр. 112—113.

[4] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.— Л., 1935, табл. XI—XII; С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. Тр. ХЭ, I, М., 1952, стр. 37; М. А. Орлов. Реконструкция «зала воинов» дворца Топрак-Кала. Там же, стр. 65; М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Сб. «Живопись Пянджикента». М., 1954, стр. 104, табл. VII, VIII, XVII; Л. И. Альбаум, Балалык-Тепе. Канд. дис. Ташкент, 1958, стр. 184. Рукопись хранится в библиотеке им. Ленина. М.; А. М. Беленицкий. Новые памятники Пянджикента. Сб. «Скульптура и живопись древнего Пянджикента». М., 1959, стр. 24, 25.

Мастер, изготовивший статуэтку, следовал древней традиции среднеазиатского изобразительного искусства. Наряду с этим в мужской фигуре нашли свое отражение и элементы тюркского искусства. В частности, тонкие, опущенные вниз усы, маленькие губы, разделка пальцев углубленными линиями характерны для «каменных баб» и терракотовых статуэток VI—VIII вв. Неподвижная, наклоненная вперед поза всадников находит себе аналогии в терракотовых изображениях конных всадников указанного времени, которые в больших количествах находят на городищах Средней Азии. На голове лошади иногда имеется такой же рельефно выступающий кружок непонятного назначения, как и на ошейнике волка.

На основании вышесказанного мы думаем, что статуэтка из Беговата относится ко времени VI—VIII вв. В изобразительных приемах здесь полностью отразился тот синкретизм тюркского искусства, о котором писал А. Н. Бернштам [5].

Переходя к вопросу о смысловом содержании статуэтки, мы хотим подчеркнуть ее сюжетный характер. Мастера интересовало здесь не столько изображние фигур, сколько передача определенного сюжета. Он сосредоточил свое внимание на действии, в котором фиксируется определенный момент. Об этом говорит и бегущий волк, и наклоненные вперед туловища всадников, и высунутый язык мужчины. Мы видим, что изображенному моменту предшествовали другие не менее напряженные события, в результате которых всадник-богатырь потерял часть ноги, руки, ухо и глаз. Мы считаем, что перед нами иллюстрация эпического сказания.

Есть все основания считать, что подобного рода статуэтки создавались людьми для увековечивания популярных образов эпических сказаний, которые в сознании людей связывались с историей народа и его героями. Если учесть, что письменность в VI—VIII вв. была мало распространена, этот способ увековечивать память героев устного народного творчества кажется вполне вероятным, тем более что эпические сюжеты получили широкое отражение в стенной живописи Пянджикента, Варахши и др. В коропластике тюркского времени (VI—VIII вв.) широко распространено изображение всадника на лошади.

Нельзя согласиться с Ф. А. Заславской, трактующей эти статуэтки как погребальные [6]. Таких статуэток в тюркских захоронениях нет и, напротив, они находятся в культурных слоях городищ.

Образ всадника на волке в рассматриваемом памятнике тюркского искусства не случаен. Изображение волка на памятниках материальной культуры Средней Азии встречается как в тюркское время, так и в предшествующее [7]. Исследователи совершенно справедливо связывают эти изображения с тотемизмом [8]. Особенно широко верования о волке были распространены у тюркских и монгольских племен. В народных поверьях и приметах волк выступает как покровитель и защитник людей от разных несчастий.

Для нас в данном случае представляет интерес тотемистические предания тюрков, о которых повествуют китайские источники. В одном из преданий говорится, что тюрки — тугю произошли от волчицы и десятилетнего мальчика, уцелевшего после истребления всего рода врагами. Вра-

---

[5] Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, 14, 1950, стр. 82; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952, стр. 132—150.

[6] Ф. А. Заславская. Терракотовые статуэтки всадников с булавами с Афрасиаба в собрании Музея истории УзССР. Тр. Музея истории УзССР, III, Ташкент, 1956, стр. 103.

[7] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 135, 136; Путеводитель по историко-археологическому отделу Киргизского государственного музея краеведения. Фрунзе, 1943, стр. 19; В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952.

[8] В. Г. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. ИАН КазССР, 46, сер. археол., I, Алма-Ата, 1948, стр. 58.

ги отрубили ему руки, ноги и бросили в травянистое озеро. Волчица нашла этого мальчика и стала кормить его мясом. Затем она удалилась с ним в одну из пещер Алтайских гор. Там у нее родилось 10 сыновей, каждый из которых стал основателем особого тюркского рода [9]. В числе детей волчицы был Ашина — «человек с великими способностями, и он был признан государем, почему он над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головой в воспоминание своего происхождения» [10].

Из китайских источников известно, что знамена тюрков (ту-кью) имели вид сделанной из золота волчьей головы, потому что волк считался тотемом — предком тюркского племени. А. П. Окладников полагает, что эти волчьи знамена тюрков представляли собой фигурные металлические навершия [11]. Китайские хроники указывают, что дружина тюркских вождей носила название фу-ли, что значит «волк» [12].

В связи с тем, что рассматриваемая бронзовая статуэтка происходит из Ферганы (г. Беговат), вышеприведенные известия китайских источников приобретают для нас особый интерес. Дело в том, что в 627—649 гг. Ашина, о котором упоминают китайцы, завоевал Фергану и поставил своего сына Ебочжи владетелем в городе Гесай, который А. Н. Бернштам отождествляет с Касаном [13]. Влияние тюрков в северной части Ферганы было сильным. Китайские источники сообщают, что область к северу от Сыр-Дарьи находилась под властью тюрок [14]. Из сказанного явствует, что нахождение статуэтки с изображением всадников на волке в г. Беговате не случайно, а связывается с распространением здесь тюркского влияния.

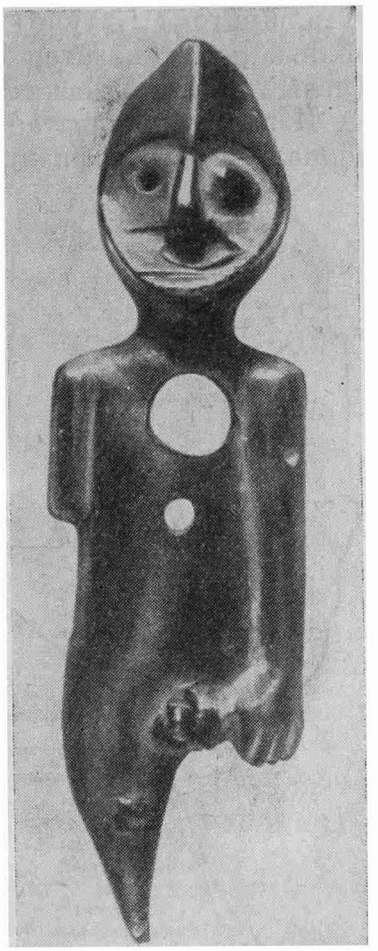


Рис. 2. Бронзовая статуэтка, найденная на станции Аральское море

Что же касается мужского образа, то надо думать, что рассмотренные элементы мужской скульптуры встречаются в среднеазиатском металле до прихода тюрков. На эту мысль нас наводит случайная находка на ст. Аральское море, которая хранится в Музее истории народов Узбекистана, на которую обратил наше внимание В. И. Спришевский. Это часть полой бронзовой статуэтки, изображающая обнаженного мужчину, у которого только часть правой ноги, правой руки, нет правого глаза и левой ноги (рис. 2). Хотя эта статуэтка еще не была предметом специального исследования, но даже поверхностного взгляда достаточно для того, чтобы сказать, что этот памятник не связан с кругом тюркского искусства, а скорее иранского и по времени более ранний. Таким образом, вероятно, можно говорить о распространении рассматриваемого мужского образа в искусстве местной среднеазиатской среды еще задолго до образования тюркского каганата. В мелкой скульптуре и сохранились некоторые эпические образы, которые были созданы местным населением задолго до распространения здесь тюрок.

[9] Л. П. Потапов. Волк в народных поверьях и приметах узбеков. КСИЭ, XXX, 1958, стр. 137; И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I, М.— Л., 1950, стр. 220, 221.

[10] Там же, стр. 257, 269.

[11] А. П. Окладников. Конь и знамя на ленских писанцах. «Тюркологический сборник», М.— Л., 1951, стр. 148.

[12] Е. Э. Бартельс. К вопросу о традиции в греческом эпосе тюркских народов. СВ, 1947, IV, стр. 74.

[13] А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 23.

[14] Там же, стр. 23.

С. С. СОРОКИН

ДРЕВНИЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ЮЖНОГО АЛТАЯ

Южно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа в 1964 г. зарегистрировала в долине Джазатера) правый приток Аргута, притока Катуни) пять ранее неизвестных каменных изваяний: три вблизи пос. Джазатер (Кош-Агачский район) и два в устье р. Джумалы (левый приток Джазатера).

Изваяние Джазатер I — 1 (высота надземной части около 120 *см*, материал — метаморфизированный зернистый сланец). Расположено на открытой площадке правой надпойменной террасы р. Джазатер в полукилометре от восточной окраины пос. Джазатер, к югу от дороги на Кош-Агач. Вблизи изваяния имеются три сферические каменные насыпи (диаметры 4—8 *м*) и квадратные каменные оградки (приблизительно 3×3 *м*), расположенные близко друг от друга по линии С — Ю. Изваяние врыто в землю в 15 *м* к востоку от большей насыпи и обращено лицом к востоку. К югу от него на расстоянии 2 и 4 *м* на ребро врыты два камня, к северу на расстоянии 2 и 5 *м* — еще два. Вместе они образуют цепочку из пяти камней по линии С—Ю.

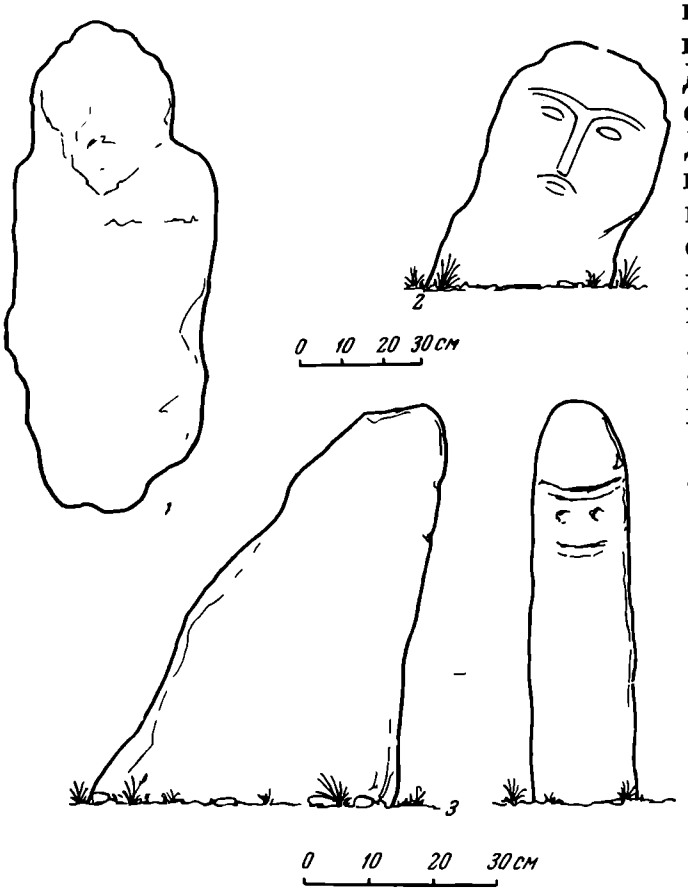


Рис. 1. Каменные изваяния у поселка Джазатер
1 — Джазатер I—2; *2* — Джазатер II—1; *3* — Джазатер I—1

Само изваяние представляет собой необработанный камень, имеющий форму толстого бруска с одним скошенным краем (рис. 1, *3*). Некоторое сходство с фигурой человека достигнуто тем, что на обращенной к востоку грани камня в верхней ее части грубо выбиты две расплывчатые горизонтальные бороздки — одна повыше во всю ширину грани, другая, более короткая, пониже. Между этими бороздками размещаются два небрежно выбитых углубления. В целом получается что-то вроде антропоморфной личины. Такая комбинация горизонтальных бороздок и круглых ямок между ними, а также сама форма камня, заставляют вспомнить ранние минусинские стелы.

В настоящее время о датировке изваяния можно говорить только в самой общей форме: оно синхронно изваяниям тюркского времени или старше их.

Изваяние Джазатер I — 2. Расположено приблизительно в 1 *км* к востоку от восточной окраины поселка Джазатер, в 500 *м* к востоку от изваяния Джазатер I — 1 на западной окраине могильника Джазатер I, состоящего из 60 различных наземных сооружений: каменных набросок, оградок, выкладок и др. Само изваяние представляет собой брус метаморфизированного сланца (75 × 25 × 10 *см*), лишь слегка обработанный: намечены плечи, контуры бороды, лацканы кафтана. Черты лица неразличимы

вследствие выветривания и расслаивания камня (рис. 1, *1*). Изваяние было врыто лицом к востоку у восточной стенки каменной четырехугольной (3 × 3 *м*) оградки, в центре которой при раскопках обнаружена неглубокая ямка с остатками дерева, видимо столба [1].

Изваяние Джазатер II — 1. Расположено вблизи северной окраины пос. Джазатер на юго-восточном крае могильника Джазатер II, состоящего из 13 небольших каменных насыпей и нескольких каменных огра-

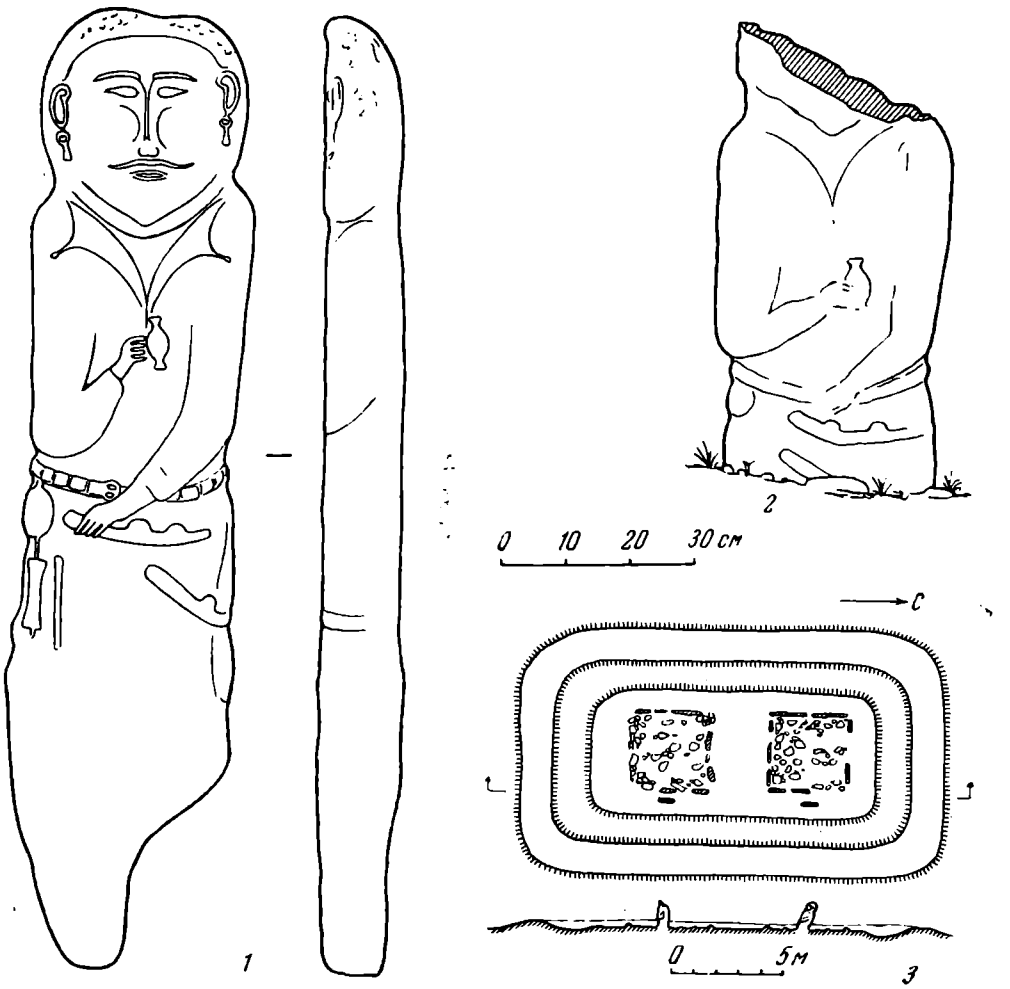


Рис. 2. Каменные изваяния устья Джумалы

1 — Джумалы I — 2 (северное); *2* — Джумалы I — 1 (южное); *3* — схема расположения изваяний у оградок

док. Представляет собой необработанный брус (80 × 25 × 10 *см*) метаморфизированного мелкозернистого сланца. В верхней части плоской естественной грани в очень плоском рельефе высечено человеческое лицо: длинный прямой нос, сходящиеся на переносице дугообразные брови, узкие глаза, вислые усы и маленький рот (рис. 1, *2*). Изваяние было врыто в землю вертикально, лицом к востоку, к югу от камней, поставленных в ряд на восток от невысокого каменного кургана [2].

Два каменных изваяния обнаружены экспедицией на плато, отделяющем р. Джазатер от поймы устья р. Джумалы (левый приток Джазатера). Каждое из этих изваяний было вкопано у восточной стенки относящейся к нему каменной оградки, лицом к востоку. Оградки квадратные (приблизительно 4 × 4 *м*) из поставленных на ребро плит; огражденное пространство засыпано камнями. Расстояние между оградками около 3 *м* (рис. 2,

[1] Находится в Бийском музее.
[2] Находится в Бийском музее.

3). Общий ров и вал окружают обе оградки вместе с изваяниями. На восток от этого сооружения на 100—200 *м* тянутся ряды камней, большинство которых едва заметно в траве. К юго-западу от оградок с изваяниями расположен небольшой могильник: около десятка рассредоточенных на мысу небольших (диаметры 6—12 *м*) каменных насыпей с балбалами.

Южное изваяние Джумалы I — 1 (рис. 2, *2*) представляет собой брус из темно-серого со светлыми прожилками камня. Оно возвышается над землей приблизительно на 1 *м*. Голова фигуры отбита (судя по состоянию сколов, недавно); обозначены плечи. В правой руке кувшинчик с округлым туловом, воронкообразным горлом и поддоном; кисть левой руки на поясе, обозначенном спереди и на боках. Справа показана сумка-каптаргак; спереди кинжал в ножнах с двумя петлями, ниже — сабля. Все эти детали выполнены в низком рельефе без полной выемки фона.

Северное изваяние Джумалы I — *2* (рис. 2, *1*). Темно-серый камень с белыми прожилками. Размеры: 150 × 30 × 15 *см*[3]. Сохранилось хорошо. Это изваяние почти тождественно южному. Рельеф выполнен на лицевой стороне и отчасти на боках. Тыльная сторона почти не обработана, лишь немного скруглены края по контуру изваяния, что создает впечатление полной объемной скульпуры. Четко обозначены плечи и талия. Лицо широкое, плоское, прямой тонкий нос, близко поставленные глаза, брови слегка изогнуты, тонкие усы немного закручены вверх, рот небольшой, чуть приоткрытый, небольшая бородка клином. В ушах, имеющих своеобразную условную форму, серьги в виде колечек с подвесками. Мелкими нерегулярно расположенными выбоинами обозначены волосы или плотно облегающий головной убор. Показаны воротник рубахи и фестончатые лацканы кафтана, заканчивающиеся кисточками или пуговицами. В правой руке, согнутой в локте,— кувшинчик на поддоне. Кисть левой руки покоится на рукоятке вложенного в ножны кинжала, висящего горизонтально на наборном застегнутом пряжкой поясе. Ножны имеют две петли. Справа на поясе висит сумка-каптаргак, и ниже — два продолговатых предмета. Слева ниже кинжала помещена кривая сабля. Все детали изображения выполнены путем скалывания камня вокруг них: круто вглубь — по линии, обрисовывающей контур детали, и плавно — по мере удаления от него. Такой прием требует от скульптора минимальных усилий для достижения максимального приближения плоского рельефа к круглой скульптуре. Вряд ли на изготовление такой статуи затрачивалось более двух-трех дней. Низ камня, имеющий неправильную форму, не обработан.

Джумалинские статуи, подобно некоторым другим из Тувы и Монголии, расположены у оградок внутри пространства, огражденного рвом и валом. Они сделаны по канону, в котором выполнена весьма значительная часть известных в настоящее время тюркских каменных изваяний,— фронтальная фигура мужчины-воина в традиционной позе и с традиционными реалиями. Тем не менее они представляют особый интерес, во-первых, как вновь открытые памятники и, во-вторых, тем, что связаны с районом, лежащим на стыке Горного Алтая, Тувы, Северо-Восточного Казахстана и северо-западных районов Синьцзяна.

---

[3] Находится в Гос. Эрмитаже. Отдел Востока, СК-979.

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

ЕЛЫКАЕВСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В Музее истории материальной культуры Томского университета находится коллекция железных и бронзовых предметов, именуемая в описи Елыкаевским кладом [1]. Публикация этого клада важна из-за большого числа встреченных в нем типов вещей, характеризующих культуру населения Притомья конца I тысячелетия. Сочетание вещей различных типов в составе клада ставит задачу установления их хронологического соотношения друг с другом и, в частности, поднимает вопрос о времени бытования кулайской культуры. Наличие специфических форм изделий характеризует особенности развития металлургии Притомья. Многочисленность и разновременность предметов коллекции дают основание рассматривать ее как происходящую с жертвенного места.

В составе «клада» есть предметы вооружения, изготовленные из железа, украшения и предметы культа, отлитые из бронзы. Предметы вооружения представлены наконечниками стрел и копий, мечами и кинжалами.

Наконечники стрел (рис. 1, *1—9*) крупные, трехлопастные, с узелком у основания черешка. Некоторые из них имеют шипы (рис. 2), другие — прорези в лопастях (рис. 1, *4—8*). Такие стрелы хорошо известны в памятниках VII—VIII вв. Алтая, Минусинской котловины и Притомья [2]. По происхождению тюркские, они широко распространяются в VII—VIII вв., особенно в степной полосе Сибири. В Притомье они изготовлялись, вероятно, местными мастерами. Синхронность алтайских памятников (Кудыргэ, Туяхта), для инвентаря которых типичны описываемые стрелы, с притомскими (Архиерейская Заимка) свидетельствует о раннем распространении среди населения Притомья трехгранных стрел тюркского типа, что объясняется тесными контактами. Об этом говорят также украшения тюркских форм в могильниках Притомья (Архиерейская Заимка, Басандайка).

Наконечники копий представлены в основном двумя типами. Первый тип (рис. 1, *10—13*) — это копья с уплощенным пером и довольно длинной втулкой. Подобные типичны для памятников VII—VIII вв. Ближайшие аналоги дают Томский могильник и Ишимский клад [3]. Трансформацией этой формы является копье (рис. 1, *14*) с узким пером, предназначенным для пробивания металлических доспехов.

Ко второму типу относится копье с относительно широким пером, имеющим по продольной оси ребро, переходящее в длинную несомкнутую втулку (рис. 1, *15*). Принадлежность этого копья к средневековью не вызывает больших возражений, так как близкие типы копий имеются в памятниках I тысячелетия [4].

Мечи в кладе представлены 38 экземплярами, различающимися по форме и величине. Большинство их прямые, однолезвийные, с небольшим черешком, который часто имеет отверстия для укрепления рукояти заклепками (рис. 2, *3*, *4*; рис. 1, *19*). Общая длина мечей достигает до 0,9—

---

[1] Коллекция № 5959 поступила в МИМКТГУ как клад из окрестностей с. Елыкаева Кемеровского района Кемеровской обл. до 1917 г.

[2] С. Н. Руденко, А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, III, 2, Л., 1927, рис. 12, *3—5*; Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, рис. 116; А. А. Спицын. Вещи из курганной группы близ Томска. ЗРАО, XI, нов. сер. СПб., 1899, табл. II, *35*.

[3] М. Н. Комарова. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, 22, 1952, рис. 27, *1*; А. Ермолаев. Ишимская коллекция. Красноярск, 1914.

[4] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, табл. XX, *2—4*; В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, 10, СПб., 1893, табл. 7, *8*.

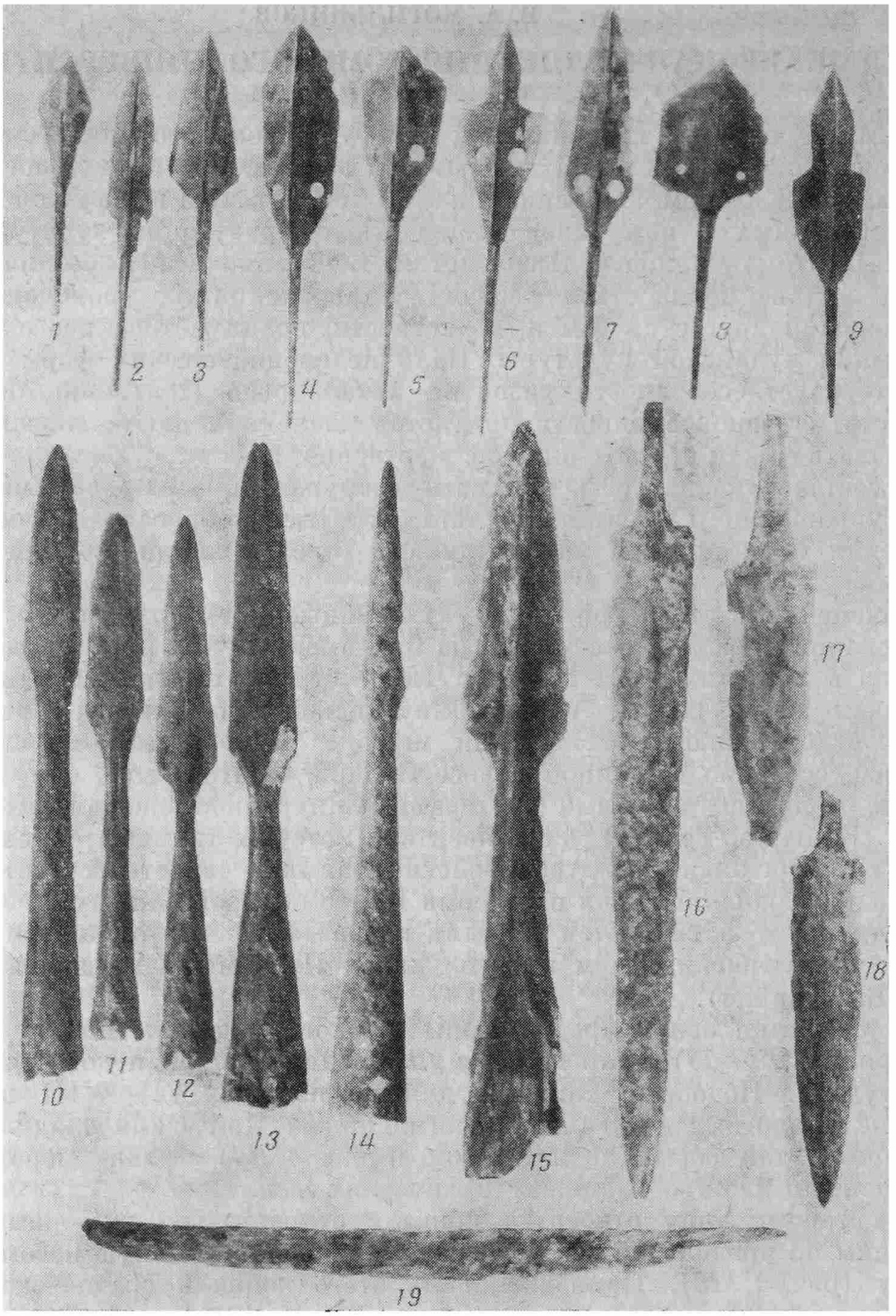


Рис. 1. Елыкаевский клад. Образцы железного оружия:
1—9 — стрелы; *10—15* — копья; *16—18* — кинжалы; *19* — сабля

1,0 *м*. У некоторых из них слабо изогнутые клинки, что говорит о начале появления сабли. Несколько оттянутая вниз рукоятка также говорит об этом. Аналогии мечам первого типа можно указать на Ишимском кладе [5], Стерлитамакском могильнике [6] и других памятниках VII—IX вв.

У мечей второго типа (рис. 2, *1*, *2*) имеется кольчатое навершие рукояти, которое дает возможность рассматривать их как архаичную форму, сохранившую детали кольчатых мечей сарматского времени, возможно даже идущую от кольчатых ножей тагарской культуры [7]. Аналогич-

[5] А. Ермолаев. Ук. соч., табл. 1, *1*.
[6] Р. Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXII, 1955, рис. 2.
[7] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, 9, 1949, табл. XXIII, *25*, *26*.

ные, но более короткие (около 0,5 *м*) и без намечающейся кривизны мечи известны из Камышлы-Тамакского могильника II в. до н. э.— II в. н. э.[8]. Близкий тип, отличающийся от описываемых несомкнутым кольцом навершия, встречен в Кошибеевском могильнике[9]. Архаичность, отмеченная для форм мечей и копий, объясняется длительным переживанием древних традиций в культуре населения лесной полосы Сибири, что выражается в наличии отдельных реликтовых частей когда-то широко бытовавших форм на оружии новых типов, которое по степени совершенства находилось на одном уровне с южными соседями.

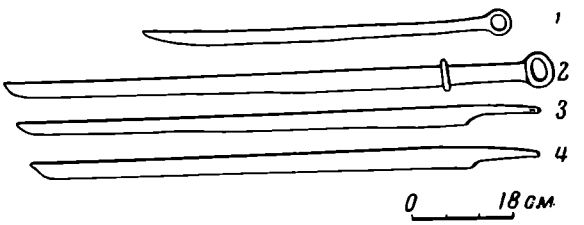


Рис. 2. Елыкаевский клад. Мечи

Кинжалы Елыкаевского «клада» характеризуются в основном двумя типами. Первый тип дает обоюдоострую форму с резким прямоугольным уступом при переходе от лезвия к черешку (рис. 1, *16*, *18*). Черешок небольшой величины, довольно тонкий. Аналогии кинжалам этого типа можно указать в Тюхтятском кладе IX—X вв., Ишимской коллекции[10].

У кинжалов второго типа отмечается плавный переход от черенка к лезвию. Сам клинок более плоский. Угол между его боковыми гранями, выделяющийся на средней линии кинжалов первого типа, у кинжалов второго типа на части, прилежащей к рукояти, отсутствует. Можно указать на промежуточную форму между кинжалами первого и второго типов, которая характеризуется довольно резким переходом от клинка к черешку рукояти. Кинжалы первого и второго типов близки по величине и пропорциям. Второй тип выглядит несколько архаичнее, но в целом можно считать их синхронными. Особую форму дает кинжал, у которого лезвие плавно переходит в рукоятку, оканчивающуюся небольшим расширением типа навершия. Аналогии этой форме кинжалов нам неизвестны.

Изделия из бронзы представлены зеркалами и культовыми поделками. Небольшие зеркала с петлей на обратной стороне (рис. 3, *1*, *2*) типичны для тагарской культуры[11]. Они попали в состав коллекции как предметы вторичного или длительного использования. Подобные явления довольно многочисленны в лесной полосе Западной Сибири.

Бронзовые зеркала с циркульным орнаментом (рис. 3, *3*) бытовали широкий отрезок времени. Они находят аналогии в сарматских памятниках IV—II вв. до н. э.[12]. Встречены они также в Ишимском кладе и в погребениях Томского могильника VII—VIII вв.[13].

Плоские и слегка выпуклые круглые зеркала (рис. 3, *4*) типичны для периода IV в. до н. э.— I в. н. э.[14]. В числе других находок они встречены в Ишимском и Истяцком кладах, где на их поверхности нанесены гра-

---

[8] Н. А. Мажитов. Пьяноборская культура в Башкирии. Канд. дис. Архив ИА АН СССР, Р-2, № 1899.

[9] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, табл. XXXIII, *8*.

[10] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов, рис. 121; А. Ермолаев. Ук. соч., табл. 1, *11*.

[11] С. В Киселев. Древняя история Южной Сибири.

[12] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д-1-10, 1963, табл. 27, *8*, *9*.

[13] А. Ермолаев. Ишимская коллекция, табл. IV, *5*, *8*, *9*; М. Н. Комарова. Ук. соч., рис. 27, *2*, *3*, *5*, *9*, *10*.

[14] М. Г. Мошкова. Ук. соч., табл. 27, *1*, *3*, *4*, *5*, *7*; А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, 4, рис. 1, *VI*.

вированные антропо- и зооморфные изображения, отсутствующие на Елыкаевских зеркалах [15].

Предметы зооморфного литья по стилистическим особенностям разделяются на две группы. К первой следует отнести вещи, типичные для урало-сибирского звериного стиля VI—VIII вв., к ним принадлежат: изображение медведя, держащего в лапах антропоморфную фигуру (рис. 3, *5*), композиция в виде борьбы зверей (рис. 3, *6*). Полной аналогией изображению медведя является подобная фигура из Ишимского клада. Стилистически близко к ним стоит фигурка медведя из Томского могильника [16].

Для большинства поделок этого типа характерен реализм в передаче отдельных частей объекта. Орнаментация деталей мелкими жемчужинами следует естественным формам предмета, не нарушая его натурализма. Имеющаяся на тулове зверя антропоморфная фигура характерна для зооморфного литья второй половины I — начала II тысячелетия.

Композиция типа борьбы зверей характерна для прикамских изображений ломоватовского времени. Ближайшую аналогию ей можно указать среди находок Усовых в Тарском уезде [17].

Фигурка лошади с всадником (всадник отломан, рис. 3, *7*) по композиции несколько напоминает подобную фигурку лося из Архиерейской Заимки [18]. Характер полировки лицевой поверхности сближает это изображение с зооморфными предметами VII—VIII вв. (Васюганский клад) [19].

Вторую группу составляют изделия типа кулайской культуры (V в. до н. э.— I в. н. э.): ажурное изображение лося (рис. 3, *12*), обломки антропоморфного изображения, выполненного на медной пластине (рис. 3, *8*, *11*), литая пластина с линейно-волнистым орнаментом, поверхность которой идентична поверхности антропоморфного изображения. Фигурке лося (рис. 3, *7*) можно указать многочисленные аналогии среди кулайских изображений, где мотив лося является ведущим. Наиболее близкой представляется фигурка из Кулайки [20]. Антропоморфное изображение на пластине (рис. 3, *8*, *11*) напоминает подобную вещь из Кулайки [21].

К кулайскому комплексу следует относить, по-видимому, кольцо с перемычкой внутри него. Последнее не имеет аналогий, но по поперечному сечению и технике литья (в земляных или оттиснутых глиняных формах) близко изделиям кулайской культуры.

К концу I тысячелетия до н. э. следует относить, по-видимому, изображение головы хищника с раскрытой пастью, выполненное техникой пустотелого объемного литья (рис. 3, *10*). Аналогичные изображения имеются среди предметов кулайского литья [22].

Личина (рис. 3, *9*) сближается с кулайскими антропоморфными изображениями стилистически. Как для описываемой вещи, так и для кулайских типичны прямые носы, городчатость на лбу, передача деталей лица в виде валиков, но в то же время имеются значительные отличия. Изображение выполнено на тонкой, выпуклой пластине и с лицевой стороны полировано, что нетипично для поделок кулайского типа, которые, как правило, отлиты грубо и не имеют вторичной обработки. Полировка и некоторая рельефность лицевой части изображения, соответствующая вогнутости и необработанности поверхности с обратной стороны, типичны

---

[15] А. Ермолаев. Ишимская коллекция, табл. III, *3*, табл. VIII; В. Н. Чернецов. Бронза Усть-Полуйского времени. МИА, 35, 1953, табл. XX, *2*, *3*, *7*, *8*.

[16] А. Ермолаев. Ук. соч. табл. VI, *5*; М. Н. Комарова. Томский могильник, рис. 27, *7*.

[17] ОАК за 1911 г., рис. 128.

[18] А. А. Спицын. Вещи из курганной группы близ Томска, табл. 1, *13*.

[19] В. А. Могильников. Васюганский клад. СА, 1964, 2.

[20] И. М. Мягков. Древности Нарымского края. Тр. ТОКМ, II, Томск, 1929, табл. I, *6*.

[21] Там же, табл. II, *18*.

[22] Там же, табл. II, *7—9*.

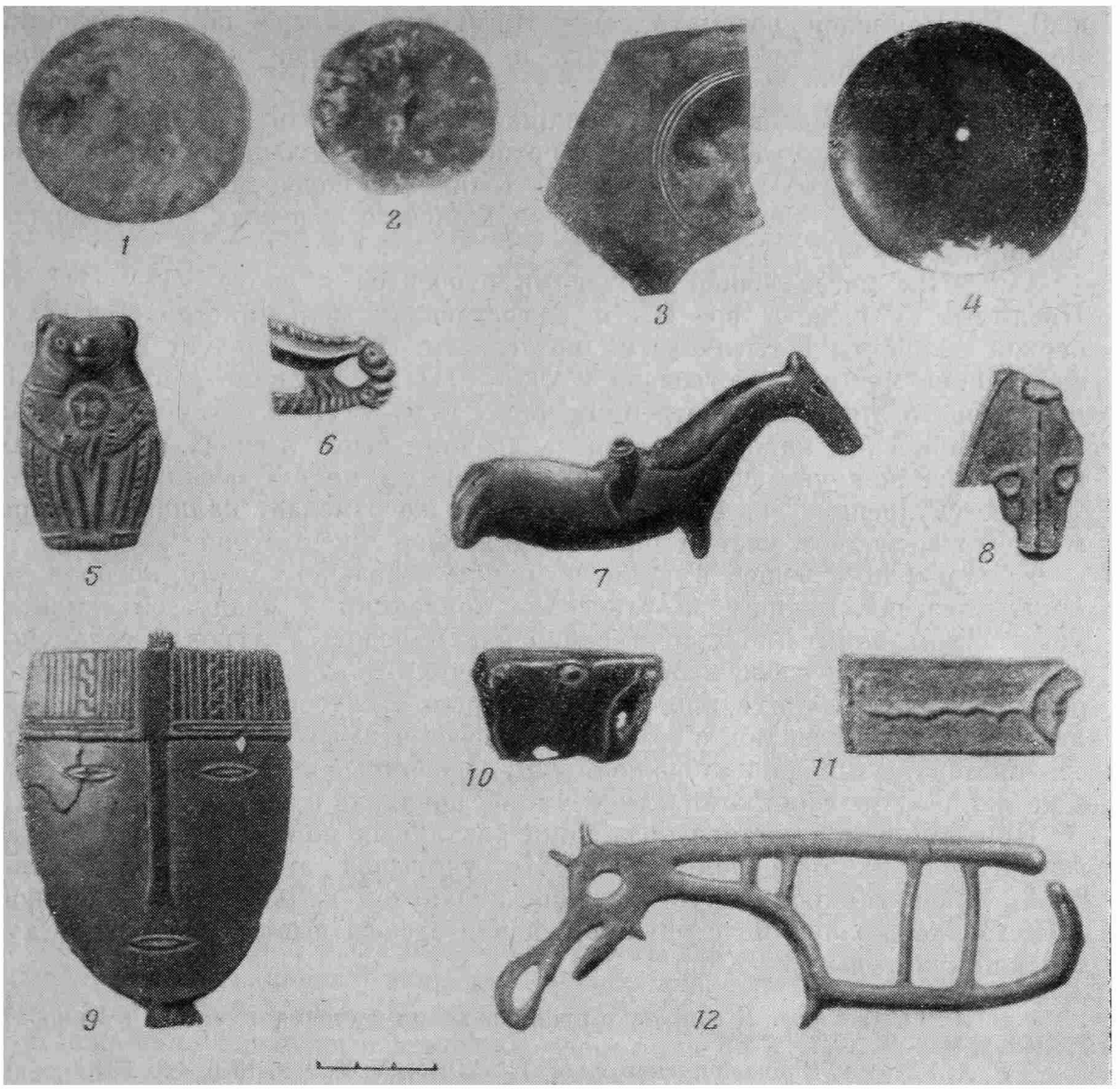


Рис. 3. Елыкаевский клад. Изделия из бронзы

для зооморфных изделий плоскостного литья VII—VIII вв. Притомья (Васюганский клад, Архиерейская Заимка, Томский могильник) [23]. Эти обстоятельства не позволяют тесно увязывать описываемую личину с кулайскими вещами и сближают ее (по технике исполнения и хронологически) с предметами первой группы. Существование кулайских особенностей в течение длительного времени объясняется преемственным развитием населения Притомья в эпоху железа до VII—VIII вв., что обусловило сохранение архаичных черт, прослеживаемых не только в бронзовом литье, но также в погребальном обряде (южная, юго-западная и юго-восточная ориентировка костяков, заворачивание последних в бересту, сосуществование трупоположений и сожжений, малая глубина захоронений), типах керамики (чаши со сферическим дном) и других формах культуры.

При рассмотрении вещей «клада», относящихся, как указывают приведенные аналогии, к двум хронологическим периодам — IV в. до н. э.— I в. н. э. (зеркала, ажурное литье) и VII—VIII вв. (оружие, зооморфные изображения) — встает вопрос: имеем ли мы дело с кладом или с жертвенным местом? Елыкаевский «клад», как видно из вышеизложенного, очень близок Ишимскому по составу представленных в нем вещей. И. М. Мягков

[23] В. А. Могильников. Ук. соч.; А. А. Спицын. Вещи из курганной группы близ Томска, табл. 1, *10*, *12*, *13*; М. Н. Комарова. Томский могильник, рис. 27, *7*, *8*.

и В. Н. Чернецов рассматривают Ишимский «клад» как жертвенное место, которое могло существовать продолжительный промежуток времени.

Вероятно, Елыкаевскую коллекцию следует считать также происходящей с культового места. В пользу этого говорит большое число и разнообразие встреченных здесь изделий, а также, что более важно, вещи «клада», значительное число которых представлено в обломках (часть зеркал, мечей, кинжалов).

Основная масса вещей коллекции относится к эпохе VII—VIII вв. Предметы IV в. до н. э.— I в. н. э. составляют меньшинство, а изделий первой половины I тысячелетия нет совсем. Отсюда следует вывод, что жертвенное место существовало в VII—VIII вв. Наличие ранних зеркал и фигурного литья на жертвенном месте VII—VIII вв. объясняется обычаями сибирских народов помещать древние вещи в своих святилищах. В. Н. Чернецов указывает, что в жертвенных местах обских угров сохраняются древние серебряные блюда. Он же отмечает наличие в современном жертвенном месте угров клевца времен Лжедмитрия [24].

Концентрация вещей в земле на одном небольшом месте, которая, на первый взгляд, говорит за отнесение коллекции к кладу, объясняется устройством жертвенных мест сибирских народов. У угров и селькупов они представляли собой небольшие амбарчики, в которых находились деревянные идолы (тонхи или лозы), которым в качестве жертвы приносились различные изделия, в том числе и особо чтимые древние вещи. Когда святилища оказывались заброшенными, деревянные части их разрушались, а металлические вещи компактной массой попадали в землю.

При наличии в составе коллекции различных по стилю вещей нельзя говорить об их одновременности. Не учитывая этого обстоятельства, Р. А. Ураев синхронизирует изделия кулайской культуры Елыкаевской и Ишимской коллекций с оружием, делая отсюда вывод о датировке кулайской культуры VI—X вв. [25].

[24] В. Н. Чернецов. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. Тр. ИЭ, 1, М.— Л., 1947.

[25] Р. А. Ураев. Кривошеинский клад. Тр. ТОКМ, V, Томск, 1956, стр. 331.

Р. М. ДЖАНПОЛАДЯН

РЕЗНОЕ СТЕКЛО ИЗ ДВИНА

За последнее время заметно возрос интерес к древнему стеклоделию, а одна из групп стеклянных изделий особенно привлекает внимание исследователей — это сосуды, украшенные шлифовкой и резьбой. Им посвящено несколько статей, в которых делаются попытки определить их происхождение и дать хронологическую классификацию [1]. Именно эта группа древнего стекла и вызывает особые трудности в датировке и выяснении места производства. Близкие по облику изделия встречаются на широкой территории и относятся к большому промежутку времени.

В этой статье дается характеристика стеклянных сосудов VIII—XII вв. с резным орнаментом из раскопок армянского города Двина.

Техника украшения стеклянных сосудов путем холодной обработки (шлифовка, гравировка, резьба) известна давно и по существу мало чем отличается от резьбы по камню, в частности по горному хрусталю, которая была очень распространена еще в древнем Египте и Ассирии.

[1] Christoph, W. Glairmont. The Glass Vessels. The Excavation at Dura-Europos. IV, p. V, New Haven, 1963; P. Oliver. Islamic Relief Glass. A suggested Chronology. JGS, III, 1961.

Изображения вырезывали, вытачивали или гравировали на сосуде с помощью резцов и точилок, изготовленных из металла или особой породы камня; разными способами резьбы украшались стаканы, кубки, чаши, кувшины, флаконы.

Стеклянные сосуды с резным орнаментом часто встречаются в музейных коллекциях. Они были распространены на обширной территории как в античное время, так и в период средневековья. Долгое время считалось, что родиной холодной обработки стекла была Александрия, откуда эта техника распространилась по всей территории Восточной Римской империи. Однако археологические находки последних лет, давшие большой материал, приводят исследователей к выводу, что она могла развиться самостоятельно одновременно во многих местах — в Египте, Восточной Сибири, Месопотамии и других странах [2]. До конца VI в. производство шлифованного стекла существовало в Антиохии, Вавилоне, Кише; в Европе им славились Рейнские мастерские (IV—V вв.). В Самарре, Сузах, Нишапуре, Фустате были обнаружены образцы высокохудожественного резного стекла уже более позднего времени — IX—XII вв. [3] Немало образцов резного стекла было найдено при раскопках в Средней Азии и Закавказье [4].

Резное стекло двинской коллекции содержит предметы различного назначения, формы и мастерства исполнения. Первая, наиболее древняя, группа представлена в Двине преимущественно чашами, украшенными шлифованными выемками-фасетками. Стекло этих сосудов толстое, чуть желтоватого оттенка. Чаши были полусферической формы (диам. от 8—11 *см*, выс. 5—3,5 *см*) с круглыми или чуть овальными неглубокими выемками на стенках и одной большой на дне; последняя делала чашу более устойчивой (рис. 1, *1—3*). Техника их изготовления была такова: стекло выдувалось в форме, а выемки вытачивались на специальном станке круглыми шайбами. Сосуды эти похожи на чаши античного времени, но в Двине они были найдены в средневековых слоях как на цитадели, так и на территории центрального квартала города недалеко от Кафедрального собора и датируются VIII—IX вв.

Ближайшие аналогии к двинским чашам как по форме, так и по технике изготовления можно найти в материалах раскопок грузинского города Урбниси, где подобные сосуды найдены в жилых и хозяйственных помещениях VI—VIII вв. [5] Такие же сосуды в более позднее время встречаются и в Рустави, в слоях XI—XIII вв. [6] При сравнении материала из раскопок Урбниси, Двина и Рустави выявляют много общих черт не только в формах, технике шлифовки, но и в фактуре стекла. В то же время они резко отличаются от одновременных им иранских и месопотамских шлифованных чаш цветом стекла, несложным сочетанием узоров и менее развитыми формами сосудов [7]. Все это дает основание говорить о возможном закавказском производстве этих вещей и уверенно датировать двинские чаши с шлифованным орнаментом VIII—IX вв.

В двинской коллекции имеется большая группа сосудов разных форм из толстого кристаллического стекла с желтым оттенком, как и шлифованные чаши, но украшенных различной декоровкой, а иногда и вовсе ли-

---

[2] H. Pinder Wilson. Cut-Glass Vessels from Persia and Mesopotamia. «The British Museum Quarterly». XXVII, 1—2, 1963, стр. 33—39.

[3] C. I. Lamm. Glass from Iran. Stockholm, 1935, стр. 8—9.

[4] Б. Н. Аракелян. Гарни II. Ереван, 1957, стр. 64; Р. М. Вандов. Раннесредневековое городище Судагилан (Мингечаур). КСИИМК, № 54, 1954, стр. 130, рис. 59, *3*; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.— Л., 1959, стр. 80.

[5] Л. А. Чилашвили. Некоторые моменты археологического исследования Урбниси. ВГМГ. XXIV-B, 1963, стр. 35—37.

[6] Его же. Город Рустави. Тбилиси, 1958.

[7] C. I. Lamm. Ук. соч.; W. B. Honey. Glass. A Handbook and a Guide to the Museum Collection. London, 1946.

шенных орнамента. Интересны три стакана цилиндрической формы (рис. 1, *4—6*). Первый из них украшен круглыми фасетками, сходными с фасетками на чашах. Край стакана имеет, как и чаша, косой срез. На втором стакане — два ряда резных миндалин, в каждой из них помещен кружок, выполненный шлифовкой, третий стакан украшен орнаментом из вписанных друг в друга ромбов, кружков и завитков. В коллекции имеется еще несколько подобных по форме стаканов с узором, полученным в форме «тиходутым» способом. На стаканах, выдутых в специальную форму, трудо-

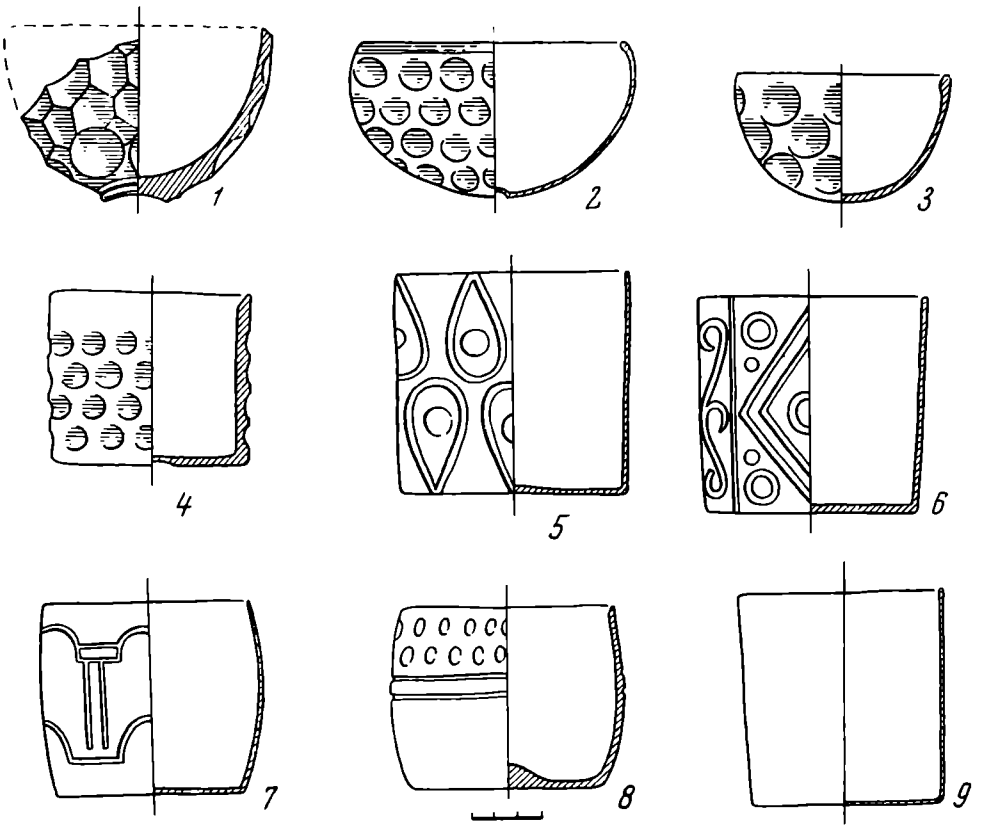


Рис. 1. Резные стеклянные сосуды из Двина
1—3 — чаши, *4—9* — стаканы

емкая резьба и шлифовка заменены уже узором, выполненным по форме, что даже при дополнительной шлифовке значительно упрощало их изготовление (рис. 1, *7*, *8*).

При рассмотрении стеклянных изделий этой группы снова возникает вопрос о местных традициях производства. Наличие устойчивых форм, а главное, разнообразных способов обработки стекла одинаковой фактуры делает это предположение вполне вероятным. Форма цилиндрических стаканов с плоским дном была широко распространена и в Передней Азии в IX—X вв., они в большом количестве встречаются в так называемых аббасидских мастерских Ирана и Ирака [8]. Цилиндрические стаканы переднеазиатского происхождения были встречены в курганах Северного Кавказа [9] и даже в Швеции (Бирка) [10], но они совпадают с закавказскими только по форме и совершенно отличны по качеству стекла и особенно по орнаменту (рис. 1, *4—9*).

---

[8] C. I. Lamm. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. I, Berlin, 1930, стр. 185, табл. 57, *9*; K. Pinder Wilson. Ук. соч.

[9] А. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900, стр. 94, 264, табл. CXIV, *5*, *6*, *14*.

[10] C. I. Lamm. Oriental Glass. Stockholm, 1941, стр. 11, табл. III.

Двинские стаканы изготовлены из стекла иного качества и украшены беднее. Они, очевидно, были местного происхождения и имели повседневное употребление.

Следующая группа двинских стеклянных изделий, украшенных холодным способом, представлена тремя расширяющимися в верхней части стаканами с тонко гравированным орнаментом (рис. 2, *1—3*). Их стекло бесцветное, прозрачное, более тонкое и лучшей сохранности; сложный узор выполнен гравировкой с незначительными утолщениями в завитках.

В коллекции много образцов неглубокой резьбы и широкой насечки. Иногда резьба сочетается с гравировкой, которая употребляется для штриховки и заполнения пустых пространств на изображениях листа, ромбика или треугольника. Стаканы изготовлялись свободным дутьем, края обрезаны грубо и, как правило, не обработаны.

В коллекции есть кувшин (рис. 2, *6*) из качественного толстого блестящего стекла грушевидной формы, на высоком поддоне, с массивной ручкой с налепом (выс. 16,5 *см*). Тулово сосуда покрыто богатой глубокой резьбой треугольного сечения. Этот способ обработки стекла в более усовершенствованном виде широко распространен в стеклоделии и теперь. Сосуд привлекает внимание не только высокими художественными и техническими качествами, но и несвойственной для стекла формой. Корпус, слив, ручка, поддон сосуда больше напоминают металлическую, чем стеклянную посуду.

Очень похожий кувшин IX—X вв. с таким же узором, но большего размера (выс. 20,5 *см*) был найден в Нишапуре (Берлинский музей) [11]. Там же хранится еще один подобный сосуд, но с несколько иным рисунком. Датируется он IX в., местом происхождения его считается Сирия или Иран. Подобные кувшины были найдены также в Самарре [12].

Из-за ограниченности материала говорить о месте происхождения этих сосудов не представляется возможным, но, вероятно, двинский кувшин имеет с нишапурским общее происхождение и одинаковую датировку.

Иной прием обработки поверхности стекла представляет гранение. Здесь процесс заключается в вышлифовывании граней разных форм и размеров, для чего применяются вращающиеся горизонтальные диски. В двинской коллекции такой техникой обработаны один флакон и две горловины флаконов из бесцветного высококачественного стекла (рис. 2, *4*). Эти флаконы с массивной шейкой с дискообразным или граненым устьем были очень распространены. Они встречаются в Самарре, Рее, Фустате (IX в.), Нишапуре (X—XI вв.) и в Средней Азии [13].

К группе резных стекол принадлежат и маленькие толстостенные прямоугольные флаконы, отлитые в форме и дополнительно подвергнутые холодной обработке. Возможно, что в форме уже заранее были намечены все те детали (рис. 2, *5*), которые потом подвергались дополнительной обработке. Небольшие размеры, узкое горло этих сосудов делали их очень удобными для хранения и перевозки душистых масел и благовоний.

Флаконы этого типа встречаются очень часто по всему Востоку. Их много в Средней Азии и на Кавказе. Некоторые из найденных в Самарре, Фустате достоверно датируются IX—XI вв. Эта датировка совпадает с двинской [14]. В Армении такие флаконы были найдены также в Ани и Анберде.

Из всех разнообразных способов резьбы по стеклу самым трудоемким и сложным является рельефная гравировка. Эта техника, которая проис-

---

[11] JGS, V, 1963, стр. 146, № 18, № 24.

[12] C. I. Lamm. Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten, табл. 56, *4*.

[13] Там же; Marie G. Lukens. Medieval Islamic Glass. «Bulletin of the Metropoliten Museum of Art», XXIII, 6 II, 1965.

[14] Б. А. Шелковников. Керамика и стекло из раскопок города Двина. Тр. ГИМА, IV, Ереван, 1952, стр. 22.

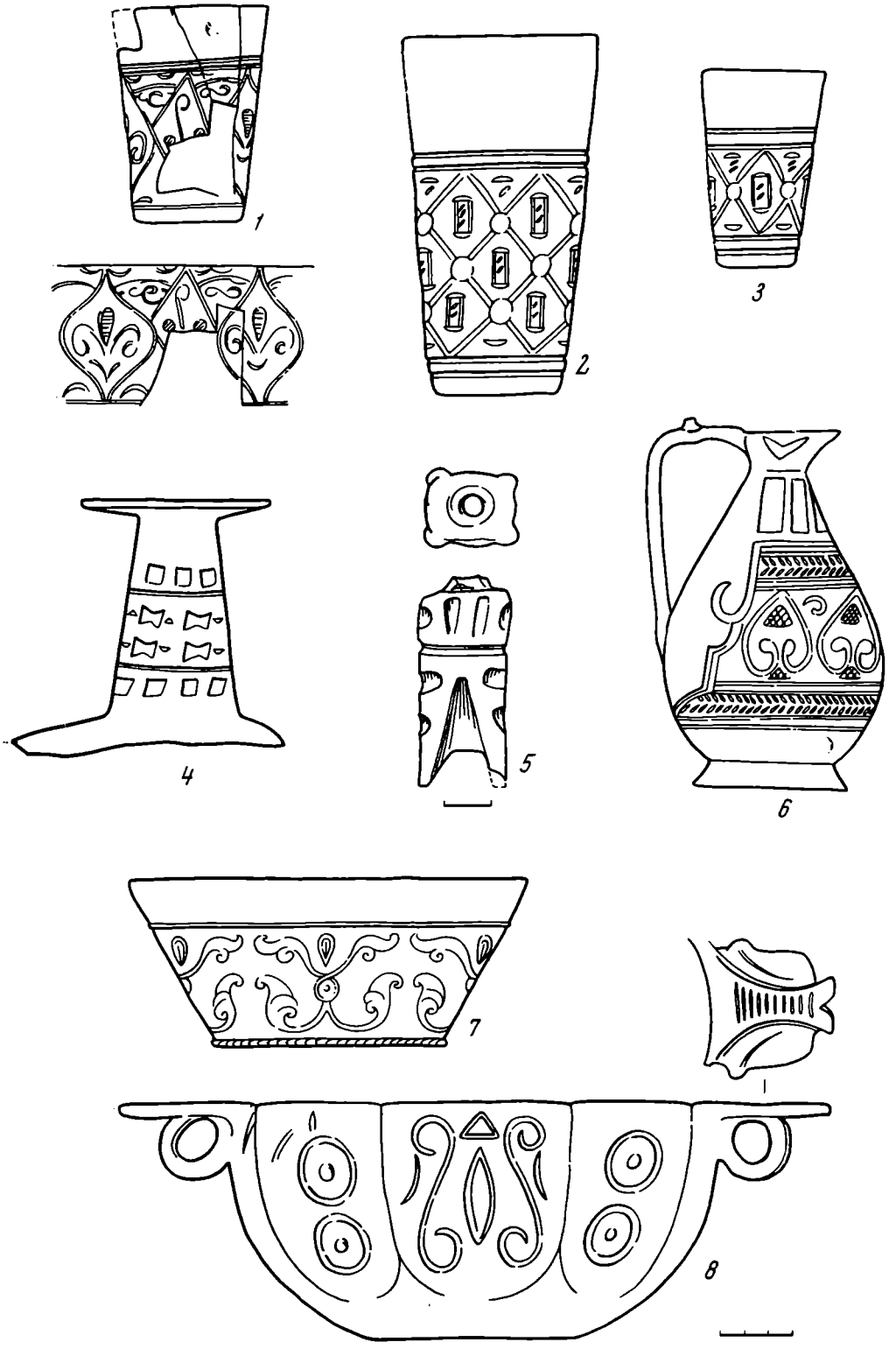


Рис. 2. Резные стеклянные сосуды из Двина

1—3 — стаканы, *4—5* — горловины флаконов, *6* — кувшин, *7—8* — чаши

ходит из широко распространенной в античности техники камеи, получила особую популярность на Ближнем Востоке в IX—XI вв. Одним из основных центров производства рельефногравированного стекла долгое время считался Ирак. Раннемусульманские литературные источники как место их производства часто упоминают Басру и Багдад. Действительно, много образцов этого стекла было обнаружено в Багдаде и Самарре. Кроме того, они найдены в Иране (Нишапур, Рей) и Египте [15].

В нашей коллекции имеется одна неглубокая открытая чаша (выс. 8 *см*, диам. 17 *см*) с рельефногравированным узором (рис. 2, *7*). Она изготовлена из прозрачного стекла голубого оттенка. Стенки украшены рельефной резьбой в виде растительных орнаментальных мотивов [16].

Сочетание формовки и резьбы имеется на двинской чаше уникальной формы с волнистыми стенками и двумя фигурными ручками (рис. 2, *8*). Чаша была выдута в форме вместе с ручками и сложным рисунком на стенках и на щитках ручки. Орнамент был дополнительно обработан резьбой и шлифовкой. Аналогий к этой оригинальной по форме чаше немного. Это чаша из зеленого стекла, украшенная резным изображением дерева жизни и птиц, хранящаяся в Корнингском музее стекла (предположительно Иран IX—X вв.) [17], и другая, также с сегментной конструкцией стенок, но с одной ручкой и без орнамента, хранящаяся в Берлинском музее (предположительно Сирия или Египет) [18]. Подобная форма чаши и своеобразные ручки более свойственны металлическим и керамическим формам.

Не раз при изучении керамики и стекла исследователи обращали внимание на то, что мастера брали формы изделий из других материалов, не всегда учитывая специфические качества и характерные свойства своего материала [19].

В середине I тысячелетия н. э. по всему Переднему Востоку очень распространена была посуда из драгоценных металлов и горного хрусталя. Наряду с золотой и серебряной посудой была и менее дорогая бронзовая и керамическая. Находится замена и горному хрусталю. Стеклоделы научились получать стекло, похожее прозрачностью на горный хрусталь, которое можно было плавить и отливать в формах, как металл, а украшать резьбой, как хрусталь. Таким образом, можно было получить посуду, похожую и на металлическую, и на хрустальную, более дешевую и не менее нарядную. Если до VI—VII вв. всюду, как правило, придерживались классических пропорций римского стеклоделия, которые были установлены после изобретения выдувательной трубки, т. е. посуды легкой, округлой формы с широким горлом и вытянутой шеей, то теперь появляются более тяжеловесные сосуды с резкими очертаниями, с плоским дном и сложной формы ручками, с характерными для металлической посуды деталями. Стиль и способы декоровки тоже в некоторых случаях тянутся к металлическому производству, применяется формовка и чекан. У стеклоделов появляются и особые щипцы, которыми можно было на сосуде получать двухстороннее изображение в виде несложных сочетаний концентрических кругов или ромбиков. Несколько таких сосудов имеется и в двинской коллекции [20].

Есть еще одна группа изделий, к которым при нашем преимущественно типологическом методе анализа надо быть особенно внимательным. Это повторение местными мастерами импортных образцов. Сюда могут быть

---

[15] P. Oliver. Islamic Relief Gut Glass, стр. 29.

[16] Б. А. Шелковников. Ук. соч., стр. 11—13.

[17] R. W. Smith. Glass from the Ancient World. Corning, 1954, No. 532.

[18] JGS, VI, 1964, № 19.

[19] Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII веков. Тр. ГЭ, V, Л., 1961.

[20] Б. А. Шелковников. Керамика и стекло из раскопок Двина. Тр. ГИМА, т. IV, 1952.

отнесены некоторые из стаканов и чаша с имитацией куфической, очевидно, благопожелательной надписи, превратившейся в руках у не знающего арабского письма мастера в орнамент.

Таким образом, ряд предметов из коллекции дает возможность думать о существовании развитого производства резного стекла в Двине.

Однако жители Двина и особенно богатая прослойка населения, представители духовной и светской знати пользовались и привозными изделиями прославленных мастерских Ирана, Сирии, Египта, которые в силу обстоятельств и являлись лучшими образцами этих вещей. К их числу можно отнести кувшин с глубокой резьбой, чашу с рельефной гравировкой. Определить место производства этих изделий пока нельзя. Для этого требуются более широкие исследования и особенно раскопки стеклодельных мастерских, где производились эти сосуды.

Эти изделия объединяются в одну группу не только по технике обработки, но и по характеру самого стекла. Предметы этой группы толстостенны, изготовлялись из сваренного по особому рецепту стекла, характерной структуры, имитирующей горный хрусталь. Не случайно древние авторы часто путают горный хрусталь с «кристаллическим стеклом» и называют и то и другое «буллур». Литературные источники упоминают стеклянные предметы из «кристаллического стекла», которые наряду с предметами из дорогих металлов приносились в дар в особых случаях [21].

Определение места производства резных стеклянных изделий осложняется и распространенной практикой переселения целых групп ремесленников из одной страны в другую. Письменные источники рассказывают о переселении стеклоделов из Сирии и Египта в Самарру, Нишапур и другие места Персии и Месопотамии [22].

Эти ремесленники, разумеется, налаживали производство на новом месте в традициях стран, откуда они были переселены. В таких случаях очень часто стеклоделы привозили с собой не только свое мастерство и инструменты, но часто получали и сырье из своей страны [23], что частично и приводило к близкому химическому составу изделий, которые независимо от места находки очень часто имеют одинаковую сохранность, одинаково выветриваются и иризируют.

Изучение большой коллекции резного стекла из Двина показывает, что двинским стеклоделам наряду с различными способами изготовления и декоровки стеклянной посуды был известен и такой трудоемкий процесс, как холодная обработка стекла, и что они сохранили и продолжали традиции этой техники, известной в Закавказье еще с античного времени.

Особое же ее развитие с появлением глубокой резьбы и гравировки в Двине, так же как в других городах Переднего Востока, наблюдается в IX—XII вв. Именно к этому времени относятся лучшие образцы резного стекла.

---

[21] C. I. L a m m. Samarra. Berlin, 1928, стр. 49.

[22] Е г о ж е. Oriental Glass, стр. 14—15.

[23] Ю. Л. Щ а п о в а. Древнерусские стеклодельные изделия. ВВ, XIX, 1961, стр. 60—75.

А. А. КАЛАНТАРЯН

АМПУЛА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВ. АНДРЕЯ ИЗ ДВИНА

Развалины города Двина, средневековой столицы и крупного экономического центра Армении, находятся на юго-восточной окраине Араратской долины, в 25 *км* от Еревана. При раскопках здесь обнаружены сооружения культового и светского назначения, многочисленны и находки

вещей. Нижние слои городища и цитадели относятся к более ранним периодам, от энеолита до античного времени.

Среди предметов, добытых при раскопках, особую группу составляют находки культового значения, в том числе и привозные. Это объясняется тем, что Двин, кроме торгово-экономических и политических связей, имел и религиозные сношения с христианскими странами. Об этом свидетельствует, в частности, ампула для «святой воды» с изображением апостола св. Андрея (рис. 1, *а, б*), найденная в 1961 г. при раскопках цита-

Рис. 1. Ампула св. Андрея из Двина
а — лицевая, *б* — оборотная сторона

дели в районе дворцового зала марзпанов (V—VI вв.) [1]. Ампула представляет собой небольшой плоский глиняный сосудик с короткой шейкой и срезанным венчиком (высота 7, ширина тулова 5, высота шейки 1,2 *см*). Каждая половина его изготовлялась в отдельной форме, и на месте их соединений отчетливо виден шов. Горло также формовалось отдельно. На плечиках видны сквозные отверстия для шнура. На обеих сторонах ампулы представлены погрудные изображения апостола Андрея с накинутой туникой, держащего в скрещенных руках книгу или шкатулку, украшенную геометрическим орнаментом. Голова апостола с крупными глазами и плоским носом выполнена схематично, коротко остриженные волосы и пышная борода переданы ритмически повторяющимися штрихами. С обеих сторон фигуры помещена греческая надпись: на одной стороне просто АПОСТОЛОС, на другой ОАГИОС АДРЭС (рис. 2, *а, б*). Фигуры апостола на разных сторонах сосуда различаются положением рук и изображением лица.

Находка этого сосуда в Двине интересна потому, что, в отличие от случайных находок [2], она впервые на территории Советского Союза происходит из культурного слоя.

Рассматриваемая ампула скорее всего сирийско-малоазийского происхождения; не исключена возможность ее изготовления в Лампсоке, где за-

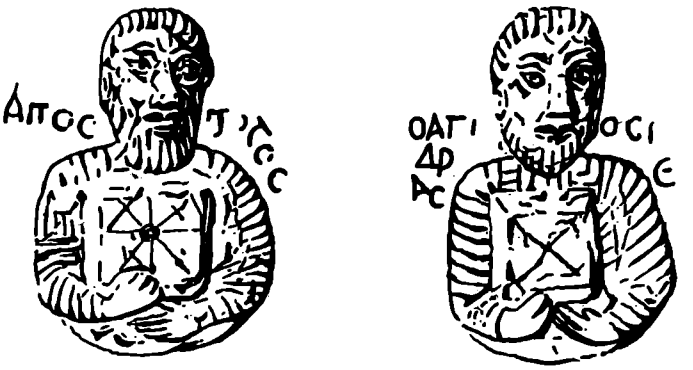
---

[1] Так называли правителей Армении после упразднения армянской династии Аршакидов (428 г.).

[2] Б. Я. Ставиский. «Ампула святого Мины» из Самарканда. КСИИМК, 80, 1960, стр. 101, 102.

свидетельствовано почитание св. Андрея[3]. Происхождение некоторых ампул связывают также со Смирной[4].

Необходимо напомнить, что подобные ампулы были весьма широко распространены на территории Византийской империи, где они производились в храмовых мастерских. Ампулы со «святой водой» или растительным маслом из храмовых светильников, зажигаемых в честь определенных святых, содержимое которых считалось исцеляющим болезни средством,



а *б*

Рис. 2. Прорись изображения св. Андрея
а — на лицевой, *б* — на оборотной стороне

вывозились паломниками в различные районы Византии и прилегающих к ней стран.

По археологическим и литературным данным, такие же ампулы изготовлялись из металла и стекла[5]. Все они были посвящены различным святым и носили их изображения.

Подавляющее большинство глиняных ампул происходит из Египта (ампула св. Мины). Они отличаются техникой исполнения, наличием ручек вместо отверстий. Характер изображений на ампулах св. Мины также отличается от ампул из Малой Азии[6].

Как известно, ампулы, посвященные св. Мине, дошли до нас в огромном количестве, встречаются также ампулы св. Павла и некоторые другие. Что касается изображения Андрея, то единственная нам известная аналогичная ампула, датируемая V — VI вв., происходит из Смирны и находится ныне в Лувре[7]. К этому же времени относится и наша ампула, что подтверждается временем возведения сооружения, где она была обнаружена, и комплексом сопровождавших предметов (наконечники стрел, серповидные ножи, оттиски печати на буллах и т. д.). Находка этого предмета, а также других памятников свидетельствует о тесных связях между средневековой Арменией и Византийской империей.

---

[3] F. van der Meer, Christine Mohrmann. Atlas de l'antiquité chrétienne. Paris — Bruxelles, 1960, стр. 26, рис. 31.

[4] E. Michon. Nouvelles ampoules à eulogies. Extr. de Memoires dela société nationale des Antiquaires de France. Paris, 1899, табл. LVIII. Dictionnaire d'archéologie chrétienne de liturgie, publie par le R. P. done F. Cabrol, Paris, 1904, стр. 454.

[5] A. Grabar. Ampoules de terre Sainte (Monsa — Bobbio), Paris, 1958; Путник Антонина из Плаценции конца VI в. издал, перевел и объяснил И. Помяловский. Православный Палестинский сборник. XIII, 3, СПб., 1895; Моисей Каланкатуйский. История Албании. Тифлис, 1912, стр. 49, 65, 88 (на древнеармянском языке).

[6] O. Wulff. Altchristliche und Mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke, Berlin, 1909, стр. 264, 265, табл. LXVII.

[7] E. Michon. Ук. соч., табл. LVIII.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

НОВЫЙ СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ МОНЕТНЫЙ ДВОР МУХАММАДА ХОРЕЗМШАХА (1200—1220)

В литературе опубликовано значительное число монет Мухаммада хорезмшаха. Продукция многих монетных дворов его обширной империи хорошо известна нумизматам. Однако клад, найденный близ Регара (Гиссарская долина Таджикской ССР), открыл новый монетный двор и новые, ранее не известные и еще не описанные типы монет этого правителя [1].

Клад состоит из монет крупного размера (диаметр их 31—38 *мм*). Монеты медные, но на многих экземплярах в круговых надписях читается слово «дирхем». Такие крупные медные монеты при Мухаммаде хорезмшахе (а также при Караханидах до него и при Джагатаидах после него) покрывались тонким слоем серебра. Они сохранили в своих надписях слово «дирхем», предназначены были для обслуживания торговли в сфере серебряного обращения и ходили по принудительному курсу. Следы поверхностного серебрения часто сохраняются на такого рода дирхемах.

№ типа	Монетный двор	Дата хиджры	Количество
1	Чаганиан	615	30
2	»	616	23
3	»	[61]6	6
4	Термез	616	1
5	»	—	1
6	»	—	1

Из 62 монет Регарского клада 59 чеканены в Чаганиане, 1 — в Термезе, а 2 не сохранили наименования монетного двора. По содержанию и взаиморасположению надписей и по признакам внешнего оформления монеты клада делятся на 6 типов (см. таблицу).

Тип 1. Чаганиан, 615 (1218—1219 гг.) (рис. 2, *1*).

Л. ст. В квадратном двухлинейном картуше четырехстрочная надпись — символ веры и имя халифа Насира

لا اله الا الله // محمد رسول // الله الناصر // لدين الله

В надписи ошибка — лишний алиф в конце третьей строки. По сторонам картуша и снизу — орнаментальные украшения, сверху же — · الله · с двумя точками. Круговая надпись, отделенная от поля двухлинейным ободком, содержит выпускные сведения.

Об. ст. В поле четырехстрочная надпись — титулы и имя Мухаммада хорезмшаха и его отца

السلطان الاعظم علاالدين والد // بن الفتح محمد // بن سلطان تكش

Под надписью — виньетка, над надписью — три точки. В надписи ошибки: два раза الدين вместо الدنيا والدين; пропущено ابو перед الفتح. Круговая надпись с выпускными сведениями отделена от поля двухлинейным ободком.

Тип 2. Чаганиан, 616 (1219—1220 гг.) рис. 2, *2—5*) [2].

Л. ст. В поле пятистрочная надпись — символ веры и имя халифа Насира

الله لا اله الا الله // محمد رسو // ل الله اناصر // الدين الله ا

Под надписью — виньетка, а по сторонам — по одной точке. В надписи много ошибок. Круговая надпись с выпускными сведениями отделена от поля двухлинейным ободком с точечным кругом посредине.

Об. ст. В поле шестистрочная надпись — почетный эпитет «санджари», имя и титулы Мухаммада хорезмшаха, титул его отца и наименование монетного двора — «Чаганиан»

سنجرى // السلطان الا // عظم علا الد // ين والدين // محمد بن سلطان // جغابيان

[1] Клад хранится в Институте истории АН ТаджССР, КП-464.

[2] Среди неопубликованных монет ГИМ есть чаганианская монета такого же типа, но выпускные сведения на ней стерты и обрезаны.

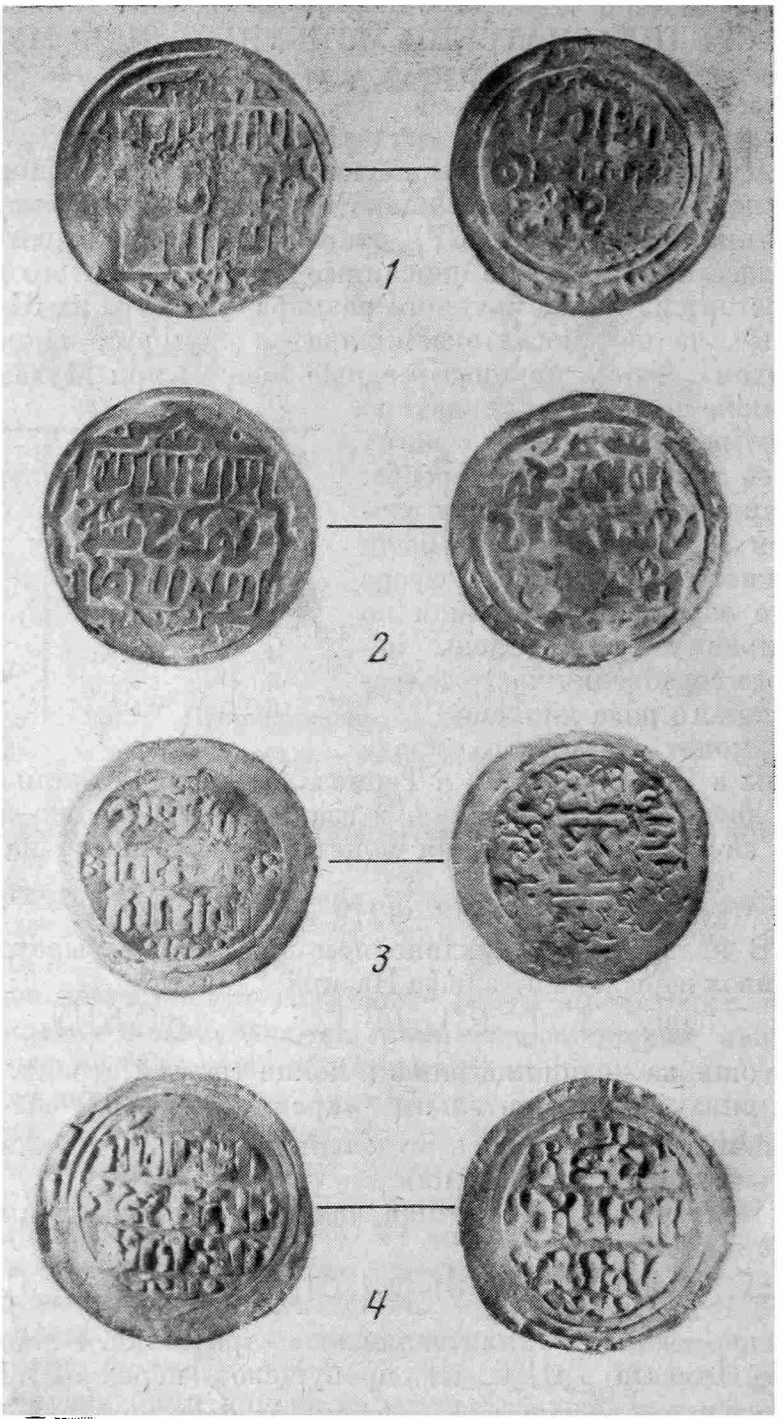


Рис. 1. Медные монеты Регарского клада

1—2 — тип 3, Чаганиан [61] 6(?) г. х.; *3* — тип 5; *4* — тип 4, Тернез 616 г. х.

По сторонам надписи — виньетки. В надписи ошибки: во второй строке лишний алиф, в титуле дважды الدين вместо الدنيا والدين. Круговая надпись с выпускными сведениями отделена от поля таким же ободком, как на л. ст.

Тип. 3. Чаганиан, , (61) 6 (?) г. х. (рис. 1, *1*, *2*).

Л. ст. В фигурном картуше пятистрочная надпись — символ веры и имя халифа Насира

الله // لا اله الا الله // محمد رسو // ل الله الناصر // لدين

В надписи ошибка: в четвертой строке لله вместо الله. Круговая надпись ни на одном экземпляре не сохранилась.

Об. ст. В поле четырехстрочная надпись — почетный эпитет «санджари», титулы и имена Мухаммада и его отца

سنجری // ابو الفتح محمد // بن سلطان // تکش

Под надписью виньетка. Круговая надпись с выпускными сведениями между линейными ободками. Полностью она не сохранилась ни на одном экземпляре, от даты видно только слово единиц ست, поэтому дата 616 г. х. восстанавливается со знаком вопроса.

Тип 4. Термез, 616 (1219—1220 гг.) (рис. 2, *4*) [3].

Л. ст. В поле четырехстрочная надпись — титулатура Мухаммада хорезмшаха

السلطان العادل // الاعظم علا // الدنیا والد // ین

Над надписью — виньетка. Круговая надпись с выпускными сведениями отделена от поля двухлинейным ободком.

Об. ст. В поле пятистрочная надпись: имя Мухаммада, упоминание его отца и титул

ابو // محمد بن // السلطان بر // هان امیر // منین

Тип 5, выпускные сведения стерты (рис. 2, *3*).

Л. ст. В поле четырехстрочная надпись — символ веры

لا اله الا // الله محمد // رسول الله

Под надписью виньетка, по сторонам — по три точки. В надписи ошибка — лишний алиф во второй строке. Круговая надпись, отделенная от поля линейным ободком, стерта.

Об. ст. В маленьком квадрате — فتح. По сторонам квадрата имя и титул Мухаммада и упоминание его отца

السلطان // الاعظم // محمد // بن سلطان

Круговая надпись, отделенная линейным ободком, стерта.

Тип 6 представлен экземпляром очень плохой сохранности. Надписи совершенно не читаются, но остатки декоративного оформления убеждают в том, что монета эта не похожа ни на один из вышеописанных пяти типов, почему мы и выделили ее в отдельный, шестой тип.

Мухаммад хорезмшах придавал большое политическое значение чекану монет со своим именем. При этом он считался со сложившимися традициями денежного обращения. В городах и областях, привыкших к обращению крупных медных посеребренных дирхемов, он выпускал такие же монеты, но от своего имени.

Однако среди упомянутых в литературе монетных дворов, выпускавших в начале XIII в. медные посеребренные дирхемы, Чаганиан не фигурирует. До недавнего времени считалось, что монетный двор Чаганиана функционировал только при Саманидах и при Караханидах [4]. Впоследствии стало известно, что он работал и много позже — при Тимуридах в XV в. и при Шейбанидах в начале XVI в. [5] Регарский клад открыл еще одну страницу истории города и области: чекан монет при хорезмшахах, в начале XIII в., перед монгольским нашествием.

Не менее интересна и термезская монета Регарского клада. Опубликованные термезские дирхемы Мухаммада хорезмшаха чеканены в 617 (1220 г.) [6]. Монета в составе Регарского клада дает и другую дату — 616

[3] Аналогичная монета, но плохой сохранности хранится в ГИМ.

[4] O. Codrington. A Manual of Musalman Numismatics. London, 1904, стр. 168.

[5] Е. А. Давидович. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в. НЭ, V, М., 1965, стр. 231—234, рис. 1; ее же. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV—XVI вв. и роль надчеканов. ИАН ТаджССР, 1953, 3, стр. 47—51, 69, табл. 1, 6.

[6] Е. А. Давидович. Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1220 г. ЭВ, VIII, 1953, стр. 43—55.

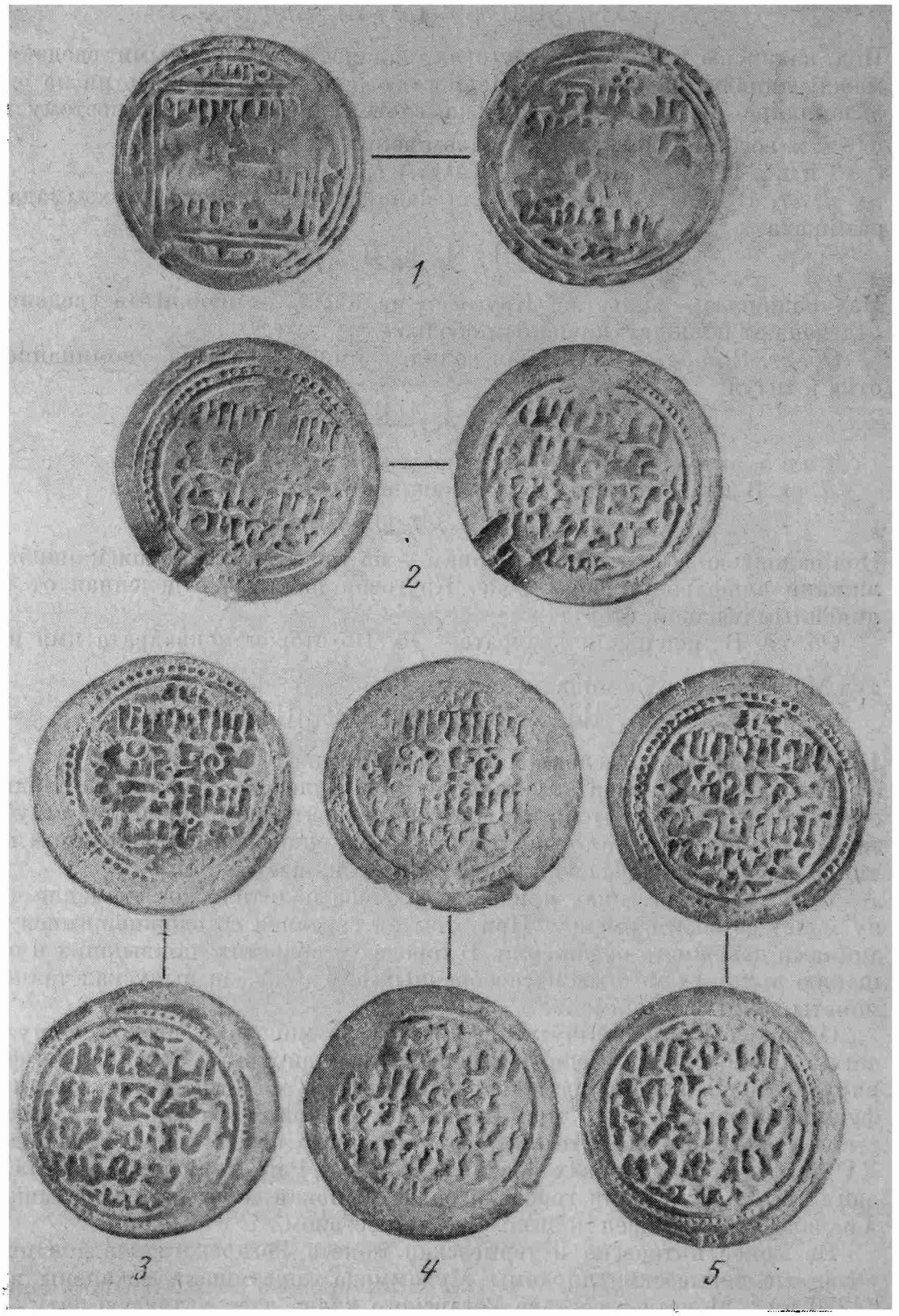


Рис. 2. Медные монеты Регарского клада

1 — тип 1, Чаганиан 615 г. х.; *2—5* — тип 2, Чаганиан 616 г. х.

(1219—1220 г.), и новый тип, т. е. существенно пополняет наши знания о монетном чекане этого города при Мухаммаде хорезмшахе. Небезынтересно отметить, что монетный двор Термеза выпускал и золотые монеты от имени этого государя. Нам известны такие еще неопубликованные золотые динары в коллекциях ГИМ и Музея истории АН УзССР. Они представляют несомненный интерес для характеристики как монетной политики Мухаммада хорезмшаха, так и истории города Термеза. Мы делим их на два варианта, различающиеся расположением одинаковых по содержанию надписей.

Мухаммад б. Текеш, Термез 612 г. х., 61... г. х. и без даты (4 экз).

1.[7] *Л. ст.* В поле символ веры, имя халифа Насира и наименование монетного двора ترمذ // لا اله الا الله // محمد رسول // الله الناصر // لدين الله

По сторонам — по три точки. Слова «Термез» на втором экземпляре не видно (стерто?). Круговая надпись, отделенная от поля двухлинейным ободком, у первого экземпляра почти совсем стерта и обрезана, а на втором сохранилось слово «Термез» и часть даты اثنى سنه, которая реконструируется как [61] 2/1215—1216 г.

Об. ст. В поле — имя и титулы Мухаммада хорезмшаха и его отца السلطان الاعظم // علاء الدنيا والدين // ابو الفتح محمد بن // السلطان تكش

Сверху и снизу — виньетки. Круговая надпись, отделенная от поля линейным ободком, на втором экземпляре сохранила часть даты اثنى عشر و. т. е. [6] 12 г. х.

2. *Л. ст.* В поле символ веры и имя халифа Насира, как у № 1, но расположение надписи иное لا اله الا // الله محمد // رسول الله // الناصر لدين // الله

Сверху виньетка. Круговая надпись, отделенная от поля линейным ободком, в основном обрезана и стерта[8].

Об. ст. В поле имена и титулы Мухаммада и его отца (как у № 1, но расположение иное) и наименование монетного двора

ترمذ // السلطان الاعظم // علاء الدنيا والدين // ابو الفتح محمد // بن السلطان // تكش

В круговой надписи, расположенной между линейными ободками, на экземпляре ГИМ сохранилась часть даты — 61... г. х.

Любопытно, что имя халифа Насира есть не на всех монетах Регарского клада. Сообщения письменных источников о напряженных отношениях между Мухаммадом б. Текешем и этим халифом хорошо известны. Мухаммад б. Текеш требовал от халифа упоминания своего имени в хутбе. Получив отказ, он объявил халифа недостойным своего сана, а затем и «низложил», отменив упоминание его имени в хутбе и на монетах. Халифом был провозглашен Ала-ал-мульк Термизи, после чего был предпринят неудачный поход на Багдад в 1217 г. Дальнейшие сведения об отношениях халифа и султана, на первый взгляд, противоречивы. По одним источникам, после похода Мухаммад объявил халифа умершим и исключил его имя из хутбы в Нишапуре, Мерве, Балхе, Серахсе, Бухаре, но на Хорезм, Самарканд и Герат это не распространялось. По другим источникам, после неудачного похода султан искал примирения с халифом. В. В. Бартольд последнее счел более вероятным и допускал, что имя халифа исключалось из хутбы лишь до похода на Багдад[9]. Монеты не подтверждают точку зрения В. В. Бартольда. Нам уже приходилось приводить факты, свидетельствующие о том, что после неудачного похода на Багдад в одних городах имя халифа на монетах (а следовательно, и в хутбе) упо-

[7] Музей истории АН УзССР, № 157/91 и 157/101; в-3,34 и 4,35; д-22—23 и 23.

[8] ГИМ, 91555/В-1341; в-3,52; д-23. Музей истории АН УзССР, № 157/84; в-3,57; д-24.

[9] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. II, СПб., 1900, стр. 400—403: его же. Халиф и султан. «Мир ислама», I, 2—3, 1912, стр. 345—346.

миналось, в других же было исключено [10]. Регарский клад увеличил число таких фактов: монеты Чаганиана за 615—616 гг. х. (типы 1—3) содержат имя халифа Насира, а на монете Термеза за 616 г. х. (тип 4) его нет, хотя раньше, до похода, на монетах Термеза (ср. золотые динары) имя халифа Насира упоминалось. В Термезе, следовательно, имя халифа после похода было именно изъято из монетных надписей.

В этой связи любопытна титулатура Мухаммада б. Текеша на монетах Регарского клада. На большинстве монет упомянуты обычные, уже известные титулы [11]. Но на монете Термеза 616 г. х., кроме обычного титула السلطان العادل الاعظم علاء الدنيا والدين есть еще титул برهان امير المومنين Интересно, что этот же своеобразный титул есть на одной неопубликованной монете Балха [12].

Л. ст. В круглом картуше, обрамленном орнаментом,— обычные титулы Мухаммада хорезмшаха السلطان الا // عظم علا // الدنيا والدين ابو // الفتح

Об. ст. В квадратном двухлинейном картуше — имя «Мухаммад», упоминание его отца и упомянутый титул محمد بن السلطان // برهان امير // المومنين

Вне картуша по сторонам — орнаменты, сверху стерто, а внизу — слово «дирхем» и наименование монетного двора «Балх» الدرهم ببلخ

Зафиксирован этот титул и на золотых динарах, причем особенно существен вариант, когда на об. ст.— этот титул, а на л. ст. одновременно упомянут халиф Насир [13] الناصر لدين الله امير المومنين

Что означает появление титула برهان امير المومنين на дирхемах Термеза и Балха и на золотых динарах? И кто подразумевается под امير المومنين «повелителем правоверных»? Если багдадский халиф Насир (а вышеупомянутый золотой динар, на первый взгляд, говорит в пользу именно этого предположения), значит перед нами почетная для Мухаммада б. Текеша и вполне дипломатичная форма упоминания халифа, принятая вместо двух крайностей (прямого упоминания или столь же откровенного исключения его имени). Так как оба крайние варианта отмечены в чекане ряда городов и до и даже после багдадского похода, эта дипломатичная форма упоминания халифа Насира свидетельствовала бы в пользу достоверности тех письменных источников, согласно которым Мухаммад б. Текеш все же искал примирения с халифом. Вместе с тем пришлось бы подчеркнуть, что даже этим полупримиренческим настроениям не хватало устойчивости, так как на термезских дирхемах следующего — 617 (1220 г.) титула برهان امير المومنين уже нет.

Однако не следует совершенно исключать и другое толкование. Пока неизвестны монеты Мухаммада хорезмшаха с именем провозглашенного им халифа Ала-ал-мулька Термизи. Вероятно, считаясь с общественным мнением, Мухаммад на это не решился. Но не исключено, что введя этот новый необычный титул برهان امير المومنين, он под «повелителем правоверных» подразумевал не багдадского халифа, а своего собственного, термезского [14]. Не случайно титул этот появился на монетах именно Термеза и

[10] Е. А. Давидович. Термезский клад..., стр. 51—53.

[11] О разных вариантах монетной титулатуры Мухаммада б. Текеша см. Е. А. Давидович. Термезский клад..., стр. 46.

[12] ГИМ, КП-499494.

[13] D. Sourdel. Inventaire des monnaies musulmanes anciennes du Musée de Caboul. Damas, 1953, стр. 106, № 701.

[14] Одновременное сосуществование имени халифа Насира (л. ст.) и титула «Бурхан эмир ал-муменин» (об. ст.) на вышеупомянутом золотом динаре само по себе не исключает это допущение. Сложность, изменчивость и даже «территориальная

Балха. Балх назван в числе городов, где, по сведениям источников, после неудачного похода на Багдад имя Насира было исключено из хутбы. А Термез был родиной нового халифа Ала-ал-мулька.

Из других монетных надписей обращает внимание эпитет سنجری «санджари» на чаганианских монетах 616 г. х. (типы 2—3). На монетах Мухаммада хорезмшаха различные почетные эпитеты (в форме относительного прилагательного) встречаются часто. В литературе не раз отмечалось, что они являются названием монет. Нам уже приходилось останавливаться на этом вопросе. Комплексное рассмотрение всего материала (караханидских, хорезмшахских и джагатаидских монет XII—XIII вв.)

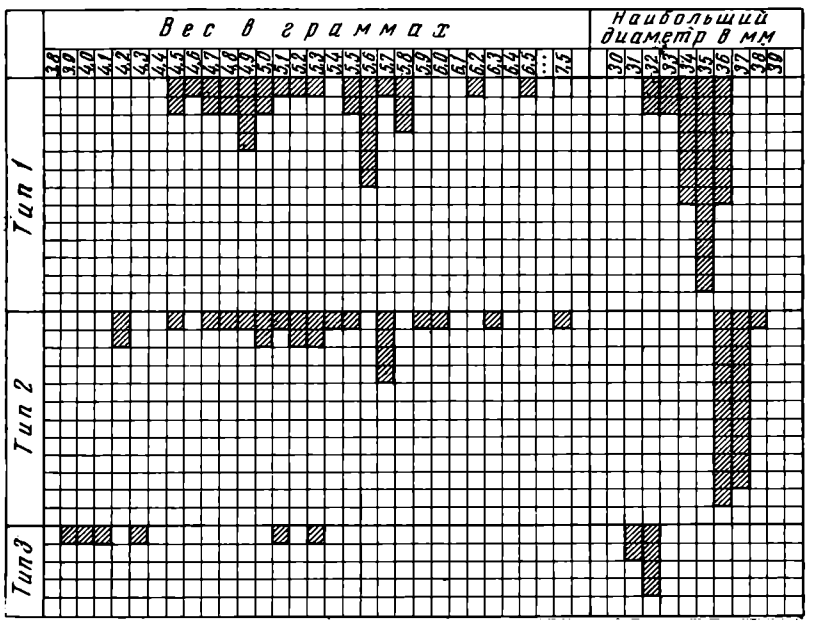


Рис. 3. Сводная характеристика монет 1—3 типов Чаганиана из Регарского клада

убедило в том, что все разнообразные эпитеты не могли быть названием монет: слишком много названий оказалось бы у монет одного и того же достоинства. Это были почетные прозвища того государя, которому принадлежала монетная регалия, каковую принадлежность эпитеты и подчеркивали. Эпитет «санджари», например, можно перевести так: «[монета] санджаровая», «[монета государя, подобного] Санджару».

Наиболее обнаженно этот смысл выступил в надписях некоторых монет XIII в. منکو جنگزی «монета Чингизова»; منکو خلنی — «монета ханская» и خانی — «[монета] ханская».

Регарский клад, несомненно, интересен и с историко-экономической точки зрения. Он ясно показывает, что чекан дирхемов в Чаганиане и Термезе, отвечавший, очевидно, потребностям торговли и обслуживавший (судя по месту находки) довольно обширную территорию, ясно преследовал и фискальные цели. Нумизматический материал XII—XIII вв. убеждает в том, что типовая и метрологическая (вес, размеры) разница медных посеребренных дирхемов, чеканенных на одном монетном дворе, была не случайной. Разный средний вес (пропорционально кратный), разные размеры и внешнее оформление получали монеты разного достоинства. Но и внутри одного номинала тип монет часто изменялся уже с чисто

многоликость» отношения султана к багдадскому халифу позволяет допустить еще одну «выдумку» со стороны первого: упоминание на одной монете обоих халифов! Возможно также, что перед нами случай употребления разновременных штампов.

фискальной целью, причем метрологические стандарты в этих случаях иногда изменялись, чаще же оставались неизменными или очень близкими [15].

Два первых типа чаганианских монет за 615 г. х. и 616 г. х. при подчеркнутом внешнем различии имеют одинаковый средний вес и близкие размеры (рис. 3). В данном случае, следовательно, типовая разница объясняется не разным достоинством монет, а чисто фискальными причинами. Многочисленные примеры этого же времени и других столетий показали, что изменение внешнего вида монет при сохранении прочих показателей (металл, вес, размеры) производилось для того, чтобы запретить и изъять из обращения одни монеты и заменить их другими (или же изменить их курс). Новое внешнее оформление необходимо было для контроля и для легкого практического различения новых и старых монет. Очевидно, в 616 г. х. с монетами в Чаганиане была произведена аналогичная операция [16].

Мы уже предполагали, что выпуск в 617 (1220 г.) в Термезе медных посеребренных дирхемов двух достоинств не в последнюю очередь преследовал фискальные цели [17]. Термезская монета 616 (1219—1220 г.) в составе Регарского клада размером и весом смыкается со вторым типом термезских монет 617 г. х. (более крупного достоинства), но внешним обликом она совершенно от них отличается. Такая типовая разница внутри одного номинала монет 616—617 гг. х. убедительно подтверждает заключение о фискальном назначении выпуска 617 г.х.

[15] Е. А. Давидович. Канибадамский клад караханидских монет. СА, 1961, 1, стр. 190 сл.

[16] Чаганианских монет 3 типа немного, это затрудняет изучение их веса и размеров. Ясно только, что их весовой стандарт и размеры отличны от весового стандарта и размеров чаганианских монет типов 1—2 (рис. 3).

[17] Е. А. Давидович. Термезский клад..., стр. 53—55.

Т. М. МИНАЕВА

НОВЫЕ НАХОДКИ НА ГОРОДИЩЕ МАДЖАРА

Широко известные в археологической литературе развалины золотоордынского города Маджара за последние десятилетия подверглись сильному разрушению. Так называемая нижняя часть городища, располагавшаяся в долине р. Кумы, распахана под огороды и виноградники. Верхняя часть на левом высоком берегу реки в связи с ростом города Прикумска интенсивно застраивается. Новостройками пока еще не захвачен участок городища на берегу реки возле городской больницы, но и на него в недалеком будущем могут распространиться новостройки, что приведет к полной гибели городища. Тем большее значение приобретают случайные находки с данного памятника.

В Ставропольском краевом музее под № 3045 хранится металлический сосудик из Маджара. Обстоятельства его находки не известны. Можно предполагать, что найден он был случайно местными жителями.

Сосудик литой. Высота его 7 *см*, диаметр горла по внутренней стороне 5,3 *см*, диаметр дна 6,3 *см*, толщина стенок 0,8 *см*. Дно плоское, на 0,5 *см* выступающее наружу. Бортик высотою 1 *см*, прямой, край его плоско срезан. По брюшку выступают 12 полуцилиндрических контрфорсов. Две группы по три выступа имеют поперечные насечки, нанесенные зубилом; группы с насечками перемежаются с группами без насечек (рис. 1, *1*).

Состав металла, из которого изготовлен сосудик, по определению заведующей лабораторией завода «Красный металлист» Л. И. Михайловой следующий: меди 60%, олова 1,18%, свинца 5,90%, цинка 32,9%, железа

0,02%. По заключению Л. И. Михайловой, материалом сосудика является латунь оловянно-свинцовистая с повышенным содержанием свинца.

Данный сосудик по своему общему виду и по характеру выработки выделяется из числа металлических сосудов золотоордынских городов, какие нам известны, например из Увека, Старого и Нового Сараев, Бельджамена. Ближайшую аналогию ему можно усматривать в «бронзовой вазе» из Киевской губернии, опубликованной А. М. Тальгреном[1]. А. М. Тальгрен указывает, что ему известно семь ваз этой формы из Киевской и Екатеринославской губерний, и предположительно относит их к эгейской культуре.

Вслед за работой А. М. Тальгрена в той же серии изданий появилась небольшая статья К. Такенберга[2], оспаривающая принадлежность подобных сосудов к эпохе бронзы. В ней автор утверждает, что совершенно

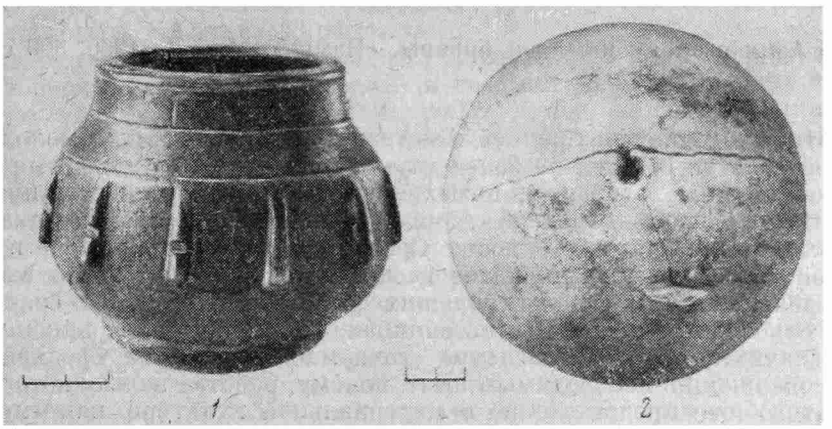


Рис. 1. Находки на городище Маджара

1 — латунный сосуд; *2* — глиняный поливной шар

подобные украинским сосудам он встречал в Болгарии и Сицилии. Ссылаясь на указания проф. Орси из Сиракуз, он считает данные сосуды аптекарскими ступками XIV—XVI вв., приводя для этого убедительные доводы.

На основании полнейшего сходства формы сосудика из Маджара с украинскими, болгарскими и сицилийскими мы можем полагать, что и он являлся аптекарской ступкой, по-видимому, западноевропейского происхождения.

В 1961 г. учениками средней школы г. Прикумска в нижней части городища Маджара на распаханной площади был найден глиняный шар (рис. 1, *2*). Шар выработан из серой тонко отмученной чистой глины. Внутри он полый. Объем шара 43 *см*^{3}, вес 1420 *г*. Шар имеет круглую сквозную дырочку 1,2 *см* диаметром. Первоначально поверхность шара была покрыта очень тонким слоем бесцветной глазури. Более густой слой глазури неровным пятном сохранился вокруг дырочки.

Аналогии этому предмету из числа находок на других золотоордынских городищах нам не известны. Шар, державшийся на вертикальном стержне, мог бы украшать какое-либо сооружение, но против этого говорит его небрежная и очень тонкая облицовка глазурью. Облицовка эта предназначалась, вероятно, скорее для сглаживания поверхности, а не для того чтобы сделать шар нарядней. Кроме того, в нижней части городища, по данным раскопок В. А. Городцова, располагалась беднейшая часть города, в которой едва ли имелись богато украшенные здания. Нам кажется более вероятным хозяйственное назначение предмета. Находка эта тоже хранится в Ставропольском краеведческом музее.

[1] A. M. Tallgren. La Pontige prescythique. ESA, II, Helsinki, 1926, стр. 211, рис. 112, *6*.

[2] K. Tackenberg. Zur Datierung der Metallgefässe mit dreieckigen Fortsätzen an der Wandung. ESA, VI, Helsinki, 1931, стр. 171, 172.

Критика и библиография

Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. «Наука», М.— Л., 1966, 300 стр. Отв. ред В. М. Массон

Первобытная археология Средней Азии — наука сравнительно молодая. Большие работы в этой области ведутся не более двух десятков лет. За это время археологами были сделаны крупные открытия, позволившие наметить основные пути исторического развития населения Средней Азии в первобытную эпоху. Однако неравномерность археологической изученности Средней Азии, что связано, прежде всего, с ее огромной территорией, вынуждает исследователей строить свои выводы на материалах отдельных, пусть даже больших регионов. При этом сразу бросаются в глаза многочисленные пробелы в источниках. И тем не менее, накопленный материал столь значителен, что осмысление его в масштабах всей Средней Азии представляется совершенно необходимым. Вот почему работа, целью которой является попытка «дать общее представление о материальной культуре, наметить некоторые закономерности и тенденции исторического развития» (стр. 3), является вполне своевременной.

В введении дан историографический обзор, рассказано о структуре работы и затронуты некоторые общие проблемы истории Средней Азии в первобытную эпоху.

При всей его исключительной краткости, историографический очерк очень интересен обилием материала и его интерпретацией.

Первая часть книги — «Палеолит и мезолит Средней Азии» — состоит из трех глав, в которых рассмотрены нижнепалеолитические, мустьерские и верхнепалеолитические и мезолитические памятники Средней Азии. Автор этой части — А. П. Окладников. Главы написаны интересно, хотя и не совсем ровно. Последнее объясняется, главным образом, объемом и характером источников.

О нижнем палеолите Средней Азии известно еще очень мало; автором суммированы и рассмотрены все имеющиеся отрывочные сведения по этому вопросу. А. П. Окладников оспаривает нижнепалеолитический возраст южноказахстанских комплексов, открытых Х. Алпысбаевым (стр. 20—21). Между тем только эти материалы, а не слабодокументированные стратиграфически единичные находки, которые автор считает возможным относить к ашельской, шелльской эпохам или даже более раннему времени, позволяют всерьез обосновать идею о том, что уже в нижнем палеолите «обнаруживается расхождение путей развития культуры на западе и на востоке Средней Азии» (стр. 22).

Глава, посвященная мустьерской эпохе, наиболее обстоятельна, источники для изучения этого времени обильнее и доброкачественнее, чем для нижнего и верхнего палеолита. Среди них — материалы исследованной А. П. Окладниковым всемирно известной пещеры Тешик-Таш.

В последней главе первой части рассмотрены немногочисленные пока в Средней Азии и разнохарактерные памятники верхнего палеолита и мезолита. Последнее обстоятельство не помешало А. П. Окладникову убедительно показать наличие в это время на территории Средней Азии двух больших групп памятников с разными культурными традициями. Не менее существен вывод о сложении верхнепалеолитической культуры Средней Азии на местной (в широком плане) мустьерско-леваллуазской основе (стр. 57). В этой главе вызывает сомнение лишь широкое применение терминов «капсийская культура» или «культуры» применительно к «ориньякоподобным» (стр. 58) культурам Азии, Африки и Южной Европы (стр. 54, 58, 74 и др.). Термин этот в таком понимании не привился в советской археологической литературе, да и вряд ли он правомерен в свете последних исследований в Северной Африке и Передней Азии.

Истории Средней Азии в эпоху неолита и энеолита посвящена вторая часть книги. Основное внимание уделено памятникам этого времени из юго-западной Туркмении (1-я и 2-я главы). Этот раздел, вне всякого сомнения, является одним

из лучших в книге как по подробности изложения материалов, так и по глубине и широте исторических выводов. Это в основном можно объяснить несравненно большей полнотой источников, но не только этим. Существенную роль в этом сыграло то обстоятельство, что авторы этих глав — В. М. Массон и И. Н. Хлопин — являются основными исследователями большинства южнотуркменистанских памятников.

Основные выводы и обобщения первых двух глав второй части в целом не могут вызывать возражений. Некоторое сомнение, правда, вызывает точка зрения И. Н. Хлопина о местном происхождении геоксюрского стиля керамической орнаментики, а также некоторых других элементов культуры эпохи позднего неолита (стр. 127—128). Нам представляется, что доводы, приводимые В. М. Массоном и В. И. Сарианиди в пользу большой роли влияний культуры Центрального и Юго-Западного Ирана на сложение геоксюрского стиля росписи, и культуры Элама и южного Двуречья на происхождение круглых погребальных зданий (толосы) и антропоморфной скульптуры эпохи позднего энеолита [1], звучат убедительно.

Анализ краниологических серий из Кара-Тепе и Геоксюра дал параллели с черепами из Сиалка, Гиссара и Междуречья (Ур и Киш). Это обстоятельство, вкупе с данными археологии, заставило Т. А. Трофимову и В. В. Гинзбурга высказаться в пользу возможного проникновения отдельных групп населения из Междуречья в III тысячелетии до н. э. в Южную Туркмению [2].

Не очень убедительно аргументировано утверждение о наличии патриархального рода (даже на первых этапах его истории) в позднем энеолите, в пору Намазга III. Такие факторы, как появление многокомнатных домов, наличие общинных домов, довольно развитое земледелие и возрастание в хозяйстве роли мелкого домашнего скота, сами по себе не являются бесспорным доказательством того, что «перед нами патриархальный род на первых этапах своей истории» (стр. 116).

Третья глава второй части книги посвящена неолитическим охотникам и собирателям Средней Азии. Главная и бесспорная идея, которая неоднократно высказывается здесь и на других страницах книги,— это мысль о том, что нельзя рассматривать как единое целое неолитические памятники степей и пустынь Средней Азии, что «неолитическая Средняя Азия IV тысячелетия до н. э. представляла собой сложную картину сосуществования целого ряда близких по уровню развития, но тем не менее различных культур и их локальных вариантов». В книге не сделано сколько-нибудь серьезной попытки ни показать общие черты в материальной культуре, объединяющие все неолитические культуры полосы пустынь, ни проследить на этом фоне основные различия, дающие теперь основания для выделения этих культур и локальных вариантов. Совершенно прав В. М. Массон, сетуя на нехватку и разнокалиберность материалов, однако его уже достаточно, чтобы пойти дальше только постановки проблемы. Нам кажется, что сейчас, когда новый материал по Кызыл-Кумам еще не опубликован, такую работу с некоторым успехом можно было бы провести по материалам из Восточного Прикаспия, где на сравнительно ограниченной территории имеется несколько документированных неолитических комплексов с керамикой и множество развеянных стоянок. Тем более досадно, что характеристика прикаспийского неолита дана очень бегло.

Основная часть главы посвящена кельтеминарской культуре. В. М. Массон прав, намечая основные тенденции в решении двух очень существенных проблем кельтеминара: проблемы хронологии и выделения локальных вариантов. Однако нельзя не согласиться с ним, что более верной явится тенденция к установлению для кельтеминарской культуры более ранней даты (стр. 134). В. М. Массон уже приводил доказательства в пользу этого [3], новые материалы из Кызыл-Кумов этот тезис не подтверждают.

Характеризуя источники для изучения кельтеминарской культуры, автор указывает на новые материалы, полученные за последние годы (стоянка Кават 7 в Акчадарьинской дельте, неолитические памятники Лявляканских озер и Махан-Дарьи в Южных Кызыл-Кумах и др.). Большинство их ко времени написания книги было известно лишь по кратким упоминаниям или предварительным публикациям, некоторые материалы не опубликованы. Естественно, что они не могли быть использованы автором, и мы не в праве поставить ему в упрек, что общая характеристика культуры, периодизация памятников, проблема локальных вариантов рассмотрены

---

[1] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964, стр. 416 сл.; В. И. Сарианиди. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. САИ, Б 3—8, IV, М., 1965, стр. 18—19, 29 сл.; стр. 37—38.

[2] Т. А. Трофимова и В. В. Гинзбург. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1960, стр. 517—518.

[3] В. М. Массон. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, Б 3—8, ч. II, М.— Л., 1962, стр. 25. Вместе с тем нам представляется мало обоснованным удревнение кельтеминарской культуры, в частности, отнесение ее верхней хронологической границы к рубежу IV—III — первой половине III тысячелетия до н. э. (см. Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. (По данным функционального анализа.) Автореф. канд. дис. Л., 1966, стр. 14—15).

в основном по материалам 50-х годов, несколько устаревшим. Между тем коррективы, внесенные благодаря новым материалам в представления о неолите Кызыл-Кумов, весьма существенны. Они касаются и границ распространения собственно кельтеминарских памятников (трактовавшихся ранее необычайно широко и расплывчато), и периодизации кельтеминарской культуры (материалы стоянки Кават 7 позволяют провести более дробную периодизацию), и ряда других важных вопросов. Более существенными, чем казалось ранее, являются различия (особенно на поздних этапах неолита) между хорезмским кельтеминаром и неолитическими материалами из других районов Кызыл-Кумов — вариантами кельтеминара, или, скорее, локальными культурами. Естественно, что изменились представления об эволюции типов керамики и форм кремневых изделий собственно кельтеминарской культуры.

Мы не можем не сказать несколько слов о предложенной недавно М. П. Грязновым[4] и пропагандируемой в рецензируемой книге новой реконструкции кельтеминарского жилища, раскопанного С. П. Толстовым на стоянке Джанбас 4[4].

Как утверждает М. П. Грязнов, пересмотреть сделанную в свое время С. П. Толстовым реконструкцию ему позволила «детальная и точная публикация результатов раскопок» стоянки Джанбас 4[5]. Между тем общеизвестно, что материалы раскопок Джанбас 4 опубликованы лишь в предварительном виде. Автор реконструкции не воспользовался ни дневниками раскопок, ни полевыми чертежами, хранящимися в основном в архиве Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР. Автору рассматриваемой главы — В. М. Массону — это несомненно было известно, однако он все же счел возможным утверждать, что эта реконструкция основана на пересмотре фактического материала (стр. 136) и что она «полностью соответствует наблюдениям, сделанным в ходе раскопок» (стр. 137). Реконструкция же джанбасского жилища, произведенная С. П. Толстовым действительно по материалам наблюдений, сделанных в ходе раскопок, и принципиально отличная от предлагаемой М. П. Грязновым, вообще не упоминается (стр. 133).

Главные доводы М. П. Грязнова в пользу предлагаемой им реконструкции следующие. Слой золистого песка не может рассматриваться в качестве следов пожара деревянно-камышовой кровли, ибо он залегает поверх сгоревших остатков этой кровли. Он не мог образоваться в результате пожара также и потому, что от сгорания кровли осталось бы мало золы. Хорошая сохранность культурных остатков и сгоревшей кровли объясняется тем, что они в момент пожара были перекрыты толстым слоем песка («золистый песок»). Исходя из этого, а также указывая на чашевидную форму пола, М. П. Грязнов, а вслед за ним и В. М. Массон реконструировали жилище как большую, восьмигранную в плане землянку с перекрытием дарбазного типа, поверх которого был насыпан слой золистого песка (стр. 136—137, рис. 29, *2*). Насколько все это соответствует фактам?

В отчетах С. П. Толстова отмечено, что слоем золистого песка перекрывается основной культурный слой[6], но нигде не говорится, что золистый песок залегает поверх углей от сгоревшего дома. По дневникам и полевым чертежам можно видеть, что остатки сгоревшей конструкции находятся в разных горизонтах слоя золистого песка (в том числе и в верхних). Черные углисто-золистые пятна в центральной части дома, показанные на опубликованном в 1960 г. схематизированном разрезе[7],— это не остатки сгоревшей кровли, как, очевидно, полагает М. П. Грязнов, а кострища основного (нижнего) культурного слоя. Вопреки утверждениям М. П. Грязнова, даже по опубликованным материалам можно заключить, что говорить о хорошей сохранности сгоревшей кровли можно лишь очень относительно. В центральной части дома, где слой золистого песка имеет наибольшую толщину, углей нет. Зато они отлично сохранились по периферии дома, там, где слой золистого песка крайне незначителен. Уже это обстоятельство делает сомнительной идею о том, что джанбасский дом был прикрыт землей, сохранившей якобы угли от развевания. И материалы старых раскопок и недавние исследования на джанбасском такыре отчетливо показывают, что еще до первого кратковременного затопления стоянки (представленного в стратиграфии нижним «болотным горизонтом») центральная ее часть подверглась развеванию, затронувшему верхнюю часть пепелища. Заметим также, что совершенно не ясно, почему слой золистого песка никак не может быть результатом перевевания пожарищ и некоторых кострищ культурного слоя. Ведь речь идет не о слое золы в 5—40 *см*, как пытается показать М. П. Грязнов[8], а о золистом песке, т. е. о песке, подкрашенном золой (причем очень неравномерно). Поэтому утверждение М. П. Грязнова, что для получения слоя золы в 1 *см* надо сжечь слой древесины толщиной около 1 *м*, прямого отношения к делу не имеет.

---

[4] М. П. Грязнов. О кельтеминарском доме. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 99—102.

[5] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 99.

[6] С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, 1.

[7] Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. МХЭ, 3, М., 1960, стр. 67, рис. 32.

[8] М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 99, 101. В центральной части дома, где золистый слой наиболее хорошо выражен, его толщина равна 10—20 *см*.

Выше мы говорили о проведенных недавно в джанбасском микрорайоне комплексных археолого-геоморфологических исследованиях. Некоторые из сделанных в ходе этих работ наблюдений имеют непосредственное отношение к реконструкции джанбасского жилища. Установлено, например, что оно было сооружено не на выравненной вершине песчаного бугра, как предполагалось ранее [9], а в межгрядовом понижении, в условиях слаборасчлененного грядового (или грядово-ячеистого рельефа). При этом центральная часть дома располагалась на ровном дне котловины, а его края захватывали и нижние пологие части склонов. Замеченная М. П. Грязновым «чашевидная» форма перекрывающих стоянку слоев (более четко выраженная на разрезе В-З, идущем примерно поперек грядового рельефа) не есть результат искусственного заглубления пола жилища, а лишь отражение формы древнего песчаного рельефа. Серия разрезов в непосредственной близости от стоянки показала, что перекрывающие древнюю поверхность слои всюду в межгрядовых понижениях показывают слабый прогиб, совершенно аналогичный джанбасскому. Это обстоятельство позволяет также понять, почему остатки сгоревшей кровли хорошо сохранились на периферии жилища и разрушены в центральной части его. Дело в том, что днища котловин более подвержены дефляции, перевеванию, в то время как для гребней и склонов перемычек характерны аккумуляционные процессы.

Не убедительна ссылка М. П. Грязнова на систему расположения сгоревших остатков дерева. В лучшем случае она может в равной степени свидетельствовать как о той, так и о другой конструкции перекрытия. Противоречит материалам раскопок и идея о восьмигранной якобы форме жилища. М. П. Грязнов совершенно игнорирует некоторые данные, не нужные для предложенной им реконструкции, но имеющие прямое отношение к реконструкции джанбасского жилища. В частности, было бы интересно узнать его мнение о назначении многочисленных столбовых ям, расположенных на площади дома в довольно строгой системе.

Отметим в заключение, что каркасно-столбовая конструкция кельтеминарского жилища полностью подтверждается материалами раскопок стоянки Кават 7. М. П. Грязнов, а вслед за ним и автор рассматриваемой главы, В. М. Массон, считают почему-то, что на этой стоянке тоже была землянка (или две землянки — стр. 137). Вопреки этим утверждениям, здесь также обнаружены остатки большого наземного жилища с концентрической системой столбовых ям. По форме и даже по ориентировке и расположению входа оно очень близко джанбасскому. Из сказанного видно, что предложенная М. П. Грязновым реконструкция не только не подтверждается материалами раскопок, но и прямо противоречит некоторым из них.

Значительная часть главы посвящена гиссарской культуре и неолиту Ферганы. Последнему, представленному несколькими развеянными стоянками с несовсем ясным ни культурно, ни хронологически материалом (к тому же неопубликованным) [10], уделено непропорционально много внимания.

В третьей части рецензируемой книги рассматривается бронзовый век Средней Азии.

Первая и вторая главы этой части, посвященные рассмотрению памятников этого периода на территории Южной Туркмении, принадлежат перу В. М. Массона. Эти главы содержательны и помогут читателю составить правильное представление об этой эпохе.

Глава 3 — «Чустская культура в Ферганской долине» проигрывает на фоне глав о земледельцах Южной Туркмении, хотя написана Ю. А. Заднепровским — одним из исследователей этой культуры. В первых же строках мы читаем: «Изучение чустской культуры находится в начальной стадии» (стр. 193). Это заявление выглядит довольно странно, ибо ниже (стр. 193—194) приводится внушительный список памятников чустской культуры, среди которых называются такие крупные поселения, как Дальверзинское и Чустское, которые раскапывались много лет. Но, видимо, заявление это имеет в виду не формальную сторону вопроса — количество лет, потраченных на исследование памятника, а существо его — полученные результаты. Если это так, то нам придется с автором главы согласиться. Это в первую очередь касается вопроса о жилище [11]. Поразительно, что о жилищах на Чустском и Дальверзинском поселениях говорится лишь то, что «на обширной вскрытой площади поселения (Чустского — *А. В., М. И.*) обнаружено всего лишь два помещения с глинобитными стенами, а также остатки легких наземных построек наподобие шалашей» (стр. 195) и «в пределах вскрытой площади во всех горизонтах (Дальверзинского поселения.— *А. В., М. И.*) обнаружены остатки нескольких помещений из сырцового кирпича» (стр. 196).

Правда, ниже о последних говорится как об узких комнатах и даются даже размеры, но никакого представления о том, каково было жилище носителей чустской культуры, эти строки тем не менее не дают.

---

[9] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 60.

[10] Заметку Ю. А. Заднепровского «Неолит Центральной Ферганы» (КСИА АН СССР, 108, 1966), в которой нет ни одного рисунка, никак нельзя отнести к разряду публикаций.

[11] См. также рец. Б. А. Литвинского: Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, 118, 1962. СА, 1965, 4, стр. 261.

Отсутствие данных о жилище носителей чустской культуры является значительным пробелом и серьезно препятствует внесению каких-либо обоснованных суждений о характере их общественного строя. Впрочем, в книге делается вывод, «что общественный строй земледельческих племен Ферганы, по имеющимся материалам и по аналогии с другими, лучше изученными областями Средней Азии, может быть охарактеризован как поздний этап развития родового строя, находящегося на стадии разложения первобытнообщинных отношений» (стр. 205). Думается, что ссылаться на аналогии здесь не приходится, так как сравнивать-то нечего: неизвестны общая планировка поселений и их застройки, нет никаких данных о степени развития искусственного орошения, хотя и говорится, что в Южной Туркмении оно в этот период было развито больше, чем в Фергане.

Что же касается связей и судеб чустской культуры, то и здесь делаются не слишком аргументированные выводы. Одним из основных объектов сопоставлений является расписная керамика, которая, как мы узнаем здесь же, составляет 1,2% (!) от общего числа керамики, найденной на поселениях чустской культуры. При этом о формах ее не говорится ни слова, а об украшающем ее геометрическом орнаменте читаем: «Большинство узоров находит прямые аналогии в расписной посуде эпохи неолита и энеолита Переднего Востока. Вместе с тем в орнаменте наблюдается и сходство с карасукской посудой» (стр. 202). В этой фразе есть и хронологическая и территориальная широта, но и только.

Слишком прямолинейно трактуется сходство чустской керамики с керамикой энеолитических поселений Центральной Индии, рассматриваемое как одно из возможных доказательств передвижения индо-иранских племен в Центральную Индию (стр. 206). Все же гораздо убедительнее звучит предположение о том, что в сложении энеолитической культуры Центральной Индии ведущая роль принадлежит харапским племенам, вошедшим в контакт с местным населением в послехарапское время [12].

Главы 4-я и 5-я посвящены истории племен северных степных областей Средней Азии в бронзовом веке. Наибольшие возражения вызывают здесь (да и в книге в целом) разделы, посвященные памятникам степной бронзы Средней Азии, объединенные под общим заголовком «Памятники андроновской культуры» (стр. 213). Автор их, Ю. А. Заднепровский, отмечает, что существуют и другие точки зрения, согласно которым в низовьях Аму-Дарьи бытует не андроновская, а тазабагъябская культура, в Фергане — кайраккумская. Этим точкам зрения противопоставляется другая, считающая памятники низовьев Аму-Дарьи и Ферганы принадлежащими к локальному варианту андроновской культуры.

Считая спор о приятии или неприятии тезиса о распространении по всей огромной территории степной Средней Азии памятников андроновской культуры чисто терминологическим, Ю. А. Заднепровский категорически заявляет, что «наиболее правильно говорить о наличии в Средней Азии особого варианта андроновской культуры, который можно именовать тазабагъябским (Аскаров, 1962) или среднеазиатским (Кузьмина, 1964)» (стр. 213). Здесь вкралась неточность. В указанной работе Е. Е. Кузьмина пишет: «...В эпоху бронзы на юге Средней Азии была распространена степная культура (или родственные культуры), видимо, входившая в ареал культур срубно-андроновского круга и наиболее близкая материалам тазабагъябских стоянок Хорезма и других степных памятников Средней Азии» [13]. Это отнюдь не то же самое, что «среднеазиатский вариант андроновской культуры». Как бы то ни было, из перечисленных автором сторонников андроновского варианта интерпретации среднеазиатских памятников (в тексте упоминаются в этой связи также А. И. Тереножкин, Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова) с ним бесспорно солидарен лишь А. Аскаров [14]. Ю. А. Заднепровскому, считающему эту проблему лишь терминологической, следовало бы быть более последовательным. Он пишет о двух локальных вариантах андроновской культуры [15] (среднеазиатском и семиреченском.— *А. В., М. И.*), а несколькими строками ниже не видит оснований «для выделения других вариантов культуры степных племен» (стр. 215). В другом месте: «Тянь-шаньские племена андроновской культуры отличались от среднеазиатских степных племен Приаралья, долины Зеравшана и других районов» (стр. 218). И, наконец, «...древнеземледельческое население Ферганы находилось на более высоком уровне развития по сравнению с тазабагъябскими племенами Хорезма и других областей Средней Азии» (стр. 206). Тут же «тазабагъябские племена», да еще не только в

---

[12] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964, стр. 301—302; А. Я. Щетенко. К проблеме происхождения энеолита Центральной Индии. Сб. «Индия в древности». М., 1964, стр. 31—48.

[13] Е. Е. Кузьмина. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков». М., 1964, стр. 154.

[14] А. Аскаров. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1962; Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966.

[15] Здесь и ниже разрядка наша.

Хорезме, но и в других областях Средней Азии! Автор сетует на терминологические затруднения и связанные с ними путаницу и неясность (стр. 214), но кажется, что он вносит в них свою, и немалую, лепту [16].

Желая подчеркнуть общеандроновскую принадлежность всех памятников степной бронзы Средней Азии, автор считает возможным рассматривать керамику с этих памятников в целом. Он иллюстрирует ее материалами из могильника Кокча 3 (стр. 226, рис. 50). Хотя в тексте говорится, что «особенности формы и орнамента некоторых сосудов восходят к керамике срубной культуры» (стр. 226), из семи сосудов, представленных на таблице (выбраны из 93 опубликованных) [17], № 3 представлен в коллекции единственным экземпляром, № 4 — четырьмя, № 2 — единственным. Эти сосуды действительно могут быть связаны с андроновской культурой, и в этом, очевидно, кроется причина столь тенденциозного отбора. Очень неточно перечислены и ведущие формы сосудов из могильника Кокча 3 (стр. 226), среди которых не названы первые два типа, наиболее часто встречающиеся [18], зато одной из трех характерных форм названы круглодонные чаши, а такая (рис. 50, № 2) найдена в единственном экземпляре [19].

Автор пишет, что в Приаралье в эпоху бронзы «для обработки земли применялись грубые каменные мотыги». Работая там, мы умножили нашу коллекцию бронзовых серпов, но каменных мотыг, однако, как и раньше, к сожалению, не нашли.

Вопросы общественного строя степных племен эпохи бронзы рассматриваются в этой же главе. Ю. А. Заднепровский считает, что основной общественной ячейкой здесь является патриархальная семья и иллюстрирует это положение ссылкой на погребальный обряд могильника Кокча 3. «Поскольку детей, как и мужчин, клали на правый бок, то из этого можно заключить о бытовании патрилинейной формы счета родства» (стр. 229). При этом следует ссылка на работы М. А. Итиной [20] и В. С. Сорокина [21]. Такую идею применительно к могильнику Тасты-Бутак I В. С. Сорокин действительно высказывал [22], что же касается М. А. Итиной, то в указанной работе ни слова не содержится о патрилинейной форме счета родства [23].

Внимательный анализ детских захоронений в могильнике Кокча 3 может лишь привести к заключению, что на материалах этого памятника гипотеза В. С. Сорокина и, видимо, следующего за ним Ю. А. Заднепровского не подтверждается [24].

Из четырнадцати детских погребений, сохранивших кости, в четырех положение покойников неизвестно (7, 9, 36, 96); в двух покойники лежат на левом боку (32, 64), женский пол в погребении 32 определяется по наличию украшений; в восьми покойники лежат на правом боку (21, 25, 30, 31, 59, 68, 89, 103), из них погребения 25 и 89 антропологически определены как принадлежащие мальчикам.

Таким образом, если среди погребенных на правом боку определены два захоронения мужского пола, то значит, они погребены в соответствии с ритуалом погребения на правом боку, существовавшим для взрослых мужчин. И где, в таком случае, доказательство, что остальные шесть погребений также не принадлежали мальчикам? Наличие двух захоронений на левом боку, из коих одно бесспорно женское, во-первых, снимает категоричность заявления Ю. А. Заднепровского, что всех детей, как и мужчин, клали на правый бок, а во-вторых, препятствует построению его гипотезы.

Мы не будем останавливаться на критике положения Ю. А. Заднепровского о том, что парные разновременные захоронения могильника Кокча 3 являются отображением наличия патриархальных отношений в обществе. Мы об этом уже писали [25]. Отметим лишь, что ссылка на наличие подобных захоронений в заманбабинской культуре и вывод о возникновении в этом обществе патриархальных отношений (стр. 229) нас не убеждают. Среди восьми парных захоронений могильника Заман-Баба лишь два (1 и 36) не нарушены, и пол погребенных определен [26]. Остальные

---

[16] Не вносит ясности в этот вопрос и «Заключение» рецензируемой книги. Термин «культура степной бронзы», которым в синхронистической таблице В. М. Массон обозначил памятники эпохи бронзы Хорезмы, низовий Зеравшана и Ферганы (стр. 261), выглядит не более как компромисс.

[17] М. А. Итина. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3. МХЭ, 5, 1961, рис. 4, 5, 7, 9, 10, 12, 14.

[18] Там же, стр. 64 (типы 1, 2).

[19] Там же, стр. 69.

[20] Там же.

[21] В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА, 120, 1962.

[22] Следует отметить, что В. С. Сорокин, видимо учитывая, что Тасты-Бутак I и Кокча 3 дают в этом плане не идентичный фактический материал, не привлекал материалы последнего в качестве аналогии (см. В. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 92—93).

[23] М. А. Итина. Ук. соч., стр. 61—63.

[24] См. там же, таблица на стр 93—96.

[25] М. А. Итина. Ук. соч., стр. 56.

[26] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Ук. соч., стр. 120—126.

шесть дают груду перемешанных костей, пол большинства захороненных не определен, первоначальное положение их в могиле неизвестно. Кроме того, неизвестно, были ли эти погребения, даже если считать их разнополыми, одновременными или разновременными. В связи со всем сказанным мы не можем не приветствовать заключение В. М. Массона о необходимости большой осторожности в решении на археологическом материале вопроса о матриархальной или патриархальной организации того или иного общества [27].

Думается, что оговорка о том, что в Приаралье занятие земледелием благодаря применению искусственного орошения играло несколько бо́льшую роль (стр. 227), еще не исчерпывает всей значимости этого факта. Может быть, именно это обстоятельство и могло способствовать более устойчивому сохранению в данном обществе матриархальных традиций и оно, в первую очередь, позволяет выделить тазабагъябскую культуру из общей массы «андроновских племен».

Два слова о проблеме происхождения андроновской культуры. Если С. П. Толстов когда-то и связывал Кельтеминар с Тазабагъябом, то Я. Г. Гулямов этого никогда не делал, и здесь ссылаться сразу на С. П. Толстова и Я. Г. Гулямова не следует (стр. 230).

Я. Г. Гулямов, так же как и С. П. Толстов, усматривает на территории Южного Приаралья в эпоху бронзы две культуры: суярганскую и тазабагъябскую. При этом от кельтеминарской он ведет происхождение суярганской культуры, а тазабагъябскую считает принадлежащей срубно-андроновским пришельцам [28]. Здесь уместно заметить, что Ю. А. Заднепровский, по нашему мнению, слишком сурово и поспешно расправился с суяганской культурой. Впрочем, его можно понять, ибо он находился в плену заранее заданной концепции о существовании единой андроновской культуры на территории Средней Азии, появление которой могло произойти там уже на федоровском этапе (стр. 230), т. е. где-нибудь во второй четверти II тысячелетия до н. э. А коли так, то суярганской культуре места нет, ибо ранние ее памятники датируются первой половиной II тысячелетия до н. э.

Мы, в отличие от Ю. А. Заднепровского, не склонны упрощать и схематизировать те сложные исторические процессы, которые протекали в эпоху бронзы на данной территории, и в связи с этим считаем для себя обязательным учитывать все имеющиеся факты, если даже они нарушают ранее сложившиеся представления.

Работы последних лет, в частности раскопки позднекельтеминарской стоянки Кават 7, заставили А. В. Виноградова более определенно высказываться в пользу гипотезы о том, что суярганская культура генетически связана с кельтеминарской и что суярганские племена — это кельтеминарские племена на позднем этапе их развития. Дальнейшие исследования помогут решить эту проблему, но и в случае положительного ее решения вопрос о суярганской культуре не снимается, ибо речь идет о культуре ранней бронзы, о культуре аборигенов, с которыми в Южном Приаралье столкнулись срубно-андроновские пришельцы. Совершенно очевидно, что это уже не только охотники и рыболовы, но и, поскольку это касается племен, населявших Южную Акчадарьинскую дельту, земледельцы. Иначе трудно объяснить появление уже столь развитой ирригационной сети на тазабагъябских поселениях [29]. Надо думать, что с южными влияниями в суярганской культуре эпохи ранней бронзы связаны не только форма и окраска сосудов, но и в какой-то мере переход к занятию земледелием. Мы не разделяем мнения Ю. А. Заднепровского о том, что «крайне трудно, а зачастую практически невозможно отличить керамику, называемую позднесуярганской, от тазабагъябской» (стр. 215). Если читатель сравнит таблицы позднесуярганской керамики [30] с керамикой из могильника Кокча 3 [31], он без труда увидит, что эти комплексы отличны. Скорее можно было бы согласиться с тем, что позднесуярганскую керамику иногда трудно отличить от амирабадской, датируемой IX—VIII вв. до н. э. Но эта трудность перед авторами рецензируемой книги не стоит, ибо они исключили рассмотрение амирабадской культуры.

Видимо, единая линия развития местной культуры от позднекельтеминарских комплексов до амирабадских и представлена суярганской культурой на разных этапах ее развития, и сложный процесс ассимиляции, проходивший на территории Южного Приаралья во второй половине II тысячелетия до н. э., касался как раз пришельцев — племен носителей смешанной срубно-андроновской культуры, а не наоборот, как думает Ю. А. Заднепровский (стр. 215).

Впрочем, на стр. 231 Ю. А. Заднепровский говорит уже лишь о приходе с севера в Среднюю Азию на алакульском этапе «новых андроновских племен», а о носителях срубной культуры не упоминает.

---

[27] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. стр. 350; прим. 114.

[28] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 53—54.

[29] М. А. Итина. О месте тазабагъябской культуры среди племен степной бронзы. СЭ, 1967, 2.

[30] С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблема суярганской культуры. СА, 1960, 1, стр. 23—26, рис. 7, 8.

[31] М. А. Итина. Раскопки могильника..., таблицы керамики.

Вообще надо сказать, что срубная культура ему явно мешает, но совсем умолчать о ней он не может. В результате, говоря об андроновской принадлежности памятников Приаралья, Ю. А. Заднепровский все же пишет: «Некоторые украшения сходны больше с изделиями срубной, чем андроновской культуры (например, в могильнике Кокча 3)» (стр. 224). «Вместе с тем особенности формы и орнамента некоторых сосудов (Кокча 3.— *А. В., М. И.*) восходят к керамике срубной культуры» (стр. 226). «Но в целом погребенные здесь люди (Кокча 3.— *А. В., М. И.*) ближе стоят к населению срубной культуры, чем к андроновцам» (стр. 231). Видимо, попыткой объяснить эти явления, не снимая тезиса о повсеместном распространении в степях Средней Азии андроновской культуры, является фраза: «Отмечаемые при этом, например, в хорезмском материале, связи со срубной культурой не должны служить существенным препятствием для использования подобной терминологии, так как сильное влияние срубной культуры характерно и для андроновских памятников Западного Казахстана» (стр. 213). И ниже: «Все эти факты говорят о разнородности и смешанном характере населения андроновской культуры Средней Азии и Западного Казахстана» (стр. 231). Но, во-первых, Средняя Азия и Западный Казахстан — это вовсе не одно и то же, ибо в Западном Казахстане действительно наблюдается смешение срубных и андроновских черт в культуре, в то время как в Средней Азии налицо еще третий, местный компонент, ибо, как справедливо отмечает сам Ю. А. Заднепровский, «в Средней Азии население в период ранней бронзы уже было» и пришельцы «должны были вступить в контакт с местным населением» (стр. 232). Во-вторых, в хорезмийском материале прослеживаются не просто связи со срубной культурой, а в нем наличествует бесспорный срубный компонент. В-третьих, говоря о срубных влияниях в Западном Казахстане, Ю. А. Заднепровский имеет в виду могильник Тасты-Бутак I, который дал черепа среднеземноморского типа (стр. 131), а культура-то там андроновская. Могильник Кокча 3, на который так часто ссылается Ю. А. Заднепровский, дает не только смешанный тип населения, но и смешанную культуру, в которой срубная примесь очень сильна. Видимо, все обстояло гораздо сложнее и интереснее, чем это представляется Ю. А. Заднепровскому.

Подтверждением этого является глава 5, принадлежащая перу А. М. Мандельштама, в которой он дает обзор памятников степного типа на юге Средней Азии. Большинство из них недавно открыто, а памятники бишкентской культуры впервые вводятся в научный оборот. Автор интерпретирует их в весьма предварительной форме, но тем не менее сам факт их открытия и опубликования уже представляет огромный интерес и надо надеяться, что исследования в этой области будут продолжены.

Нам представляется интересным вывод автора о том, что «археологически документируемые передвижения носителей „степных" культур в южные окраинные области Средней Азии оказываются связанными не с андроновскими племенами (или во всяком случае не только с ними), а с иными группами. Одна из них близка к срубным племенам; вторая (бишкетская.— *А. В., М. И.*)... пока неясна по своему происхождению...» (стр. 258).

Включение в рецензируемую книгу раздела, посвященного Тагискену, свидетельствует о том большом интересе, который вызывает этот великолепный памятник, и о невозможности исключения казахстанских материалов при исследовании первобытной археологии Средней Азии.

Отсутствие полной публикации этого памятника извиняет многие неточности, допущенные автором этого раздела М. П. Грязновым, но это же обстоятельство не оправдывает излишней поспешности ряда его заключений. К числу первых можно отнести заключение о наличии купольного перекрытия погребальной камеры мавзолея № 6 (стр. 234), в то время как на опубликованном плане этого сооружения [32] отчетливо видны в центре его две столбовые ямы, о назначении которых говорится в тексте [33]. Неточно описана посуда из погребений (стр. 236), опущено наличие во всех комплексах круговых сосудов и сказано, что все сосуды чернолощеные. Во-первых, та группа лепных сосудов, которая названа нами посудой андроновского типа и которая представлена во всех комплексах, не лощеная и по внешнему виду чрезвычайно напоминает типичную керамику степной бронзы [34]. Утверждение М. П. Грязнова о том, что наличие лощеной посуды красного цвета — результат пребывания в огне чернолощеной керамики (стр. 236), звучит неубедительно. Во многих случаях паста, заполняющая резной узор на сосудах с красной поверхностью, не несет следов огня. Встречаются деформированные под действием огня

---

[32] С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. МХЭ, 6, М., 1963, рис. 14*а*.

[33] Там же, стр. 43.

[34] С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Ук. соч. стр. 45, рис. 19. В одной из последних статей М. П. Грязнов приводит четыре чернолощеных сосуда из Тагискена (М. П. Грязнов. О чернолощеной керамике Кавказа, Казахстана и Сибири в эпоху поздней бронзы. КСИА, 108, рис. 10, *9*, *10*; рис. 11, *3*, *4*). Из них чернолощеными являются лишь сосуды на рис. 11.

чернолощеные сосуды, не ставшие красными, и краснолощеные сосуды, сохранившие свою первоначальную форму.

Серьезные возражения вызывает у нас реконструкция Тагискена, предложенная М. П. Грязновым (стр. 235, рис. 51). Говоря о мавзолеях 4, 5а и 7, М. П. Грязнов пишет, что конструкция их не вполне понятна (стр. 231). Архитектура Тагискена действительно дает пищу для размышлений, но тем более ответственно следует подходить к реконструкции этих сооружений. Однако некоторые вещи, которые кажутся М. П. Грязнову непонятными, мы, пожалуй, можем объяснить.

Так, разница в конструкции стен камеры мавзолея 7 и мавзолея 4 и 5а, да и вообще в конструкции этих памятников в целом, доказана быть не может, так как степень сохранности мавзолея 7 такова, что отличить кладку стен от заполнения коридора и камеры можно лишь по цвету (красно-черное горелое заполнение и рыжая глина, из которой изготовляли кирпичи). Кроме того, если все же эти сооружения в чем-то рознились, то нельзя, вероятно, сбрасывать со счетов разницу в их габаритах, которая могла влиять на изменение конструкции.

Назначение кирпичных колонн, расположенных в углах, образуемых наружной стеной (оградой), тоже можно объяснить. Перед нами конструктивный прием, с помощью которого квадратное в плане сооружение выше переходило в круглый барабан. Этот прием, видимо, предшествовал появлению тромпов. Но тогда так называемая ограда должна рассматриваться как конструкция, несущая перекрытие, то есть это обычная наружная стена сооружения. Этим можно объяснить и ее толщину, что при выполнении ею функции только ограды — излишне.

Что же касается деревянных столбов, расположенных в центре, а также идущих вдоль стен коридора, то благодаря наличию массивной наружной стены и кирпичных колонн они не несли никакой нагрузки. Это деталь интерьера.

Совершенно бездоказательно наличие открытого дворика вокруг погребальной камеры (мы называем его внутренним коридором), так как именно там стояли найденные in situ сосуды с приношениями, которые вряд ли дошли бы до нас, если бы стояли на открытом воздухе. К тому же разрезы никаких оснований для подобного заключения не дают.

Рамки рецензии не дают нам возможности умножить количество фактов, свидетельствующих о непродуманности предложенной реконструкции мавзолеев Тагискена. Те «некоторые исследователи могильника» (стр. 294), которым возражает по этому поводу М. П. Грязнов, являются, кстати, теми лицами, которые руководили работами на Тагискене, а потому располагают большой суммой документированных фактов, а не только предположениями.

О дате могильника, предложенной М. П. Грязновым, мы здесь спорить не станем. И исследователи Тагискена и археологи Казахстана, опубликовавшие Дындыбай-Бегазинские памятники в наиболее полном виде, к кругу которых (памятников) относит М. П. Грязнов и Тагискен (стр. 237), считают наиболее правильным датировать их X—VIII вв. до н. э.[35]. В равной степени не считают они возможным относить эти памятники к кругу культур карасукского типа[36]. Это особенно относится к Тагискену, керамический комплекс которого удивительно многообразен, а вырванные из него искусственно сосуды, подчас сходные с карасукскими, отнюдь не составляют большинства и вне комплекса в целом рассматриваться не могут.

В заключение отметим, что простым заимствованием у земледельцев юга строительных приемов и посуды, сделанной на круге (стр. 238), своеобразие культуры Тагискена и ее неожиданно высокий уровень вряд ли можно объяснить. Здесь, наверное, имели место более сложные исторические процессы, связанные не только с какими-то южными влияниями, а может быть, и с какой-то инфильтрацией населения, но и с особенностями хозяйства этих племен, в котором земледелие могло играть немаловажную роль.

*
* *

Прежде чем суммировать впечатления о книге, хотелось бы определить, кому она адресована. Это не так просто: слишком разнохарактерны и по научному содержанию и по стилю изложения отдельные ее части. Однако, судя по отдельным главам, в которых подчас идет речь о вещах известных и не нуждающихся в комментариях, рецензируемая книга предназначена не для узкого круга специалистов-первобытников, а скорее для широкого круга читателей, интересующихся проблемами археологии. Если это так, то читатель, которому она, естественно, должна представляться как последнее слово археологической науки, вправе требовать от нее прежде всего предельной ясности и объективности в отборе и изложении фактов и в их интерпретации. Между тем, как видно из вышеизложенного, не все разделы книги полностью отвечают этому требованию. Высказанные нами отдельные замечания по первой и второй частям книги в большинстве случаев имеют частный, непринципиальный характер, никак не затрагивают их значительных достоинств и не сни-

[35] А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 163.

[36] Там же, стр. 46.

мают того большого интереса, который эти разделы представляют даже для специалистов. То же самое можно сказать и об отдельных главах третьей части книги (разделы, написанные В. М. Массоном и А. М. Мандельштамом). На этом фоне резким контрастом выглядят страницы книги, посвященные первобытной археологии северных степных и пустынных областей Средней Азии. Прежде всего, ничем нельзя оправдать ту скороговорку, в которой ведется изложение археологии степных областей. Но дело не только в этом. Нам представляется, что содержание и характер изложения материала отдельных глав — в первую очередь это касается раздела, посвященного степной бронзе (автор Ю. А. Заднепровский) — не соответствуют требованиям, предъявляемым к серьезной обобщающей работе. Раздел, посвященный степной бронзе, свидетельствует, на наш взгляд, не только о тенденциозности, но и о недостаточной компетентности его автора. Понижает достоинство книги и включение в нее ряда оригинальных догадок М. П. Грязнова, касающихся реконструкции жилища на стоянке Джанбас 4 и интерпретации и реконструкции мавзолеев Тагискена. Бесспорно право автора вынести их на суд читателя, но вряд ли страницы такой обобщающей работы, как рецензируемая, для этого годятся. Наконец, нельзя не указать на случайный подчас принцип отбора источников. Неопубликованные материалы используются в книге довольно широко, но крайне односторонне. Непропорционально много места уделено описанию сборов Ю. А. Заднепровского (Ферганский неолит), в то время как гораздо более обильные и выразительные материалы ташкентских археологов, работавших в этой области, в книге отражения не получили. В разделах, посвященных древнеземледельческим культурам Южной Туркмении, исследователи которых — ленинградцы, широко использованы и неопубликованные материалы и литература, вышедшая в самое последнее время, в то время как при характеристике древних культур зоны пустынь за рамками книги оказались и некоторые неопубликованные материалы, имеющие принципиальное значение, и даже некоторые опубликованные источники (например, по амирабадской культуре Хорезма).

Общеизвестно, что публикация новых материалов происходит далеко не сразу после их открытия. Для первобытной археологии Средней Азии, характеризующейся бурным притоком источников, это становится бедой. В какой-то степени этот недостаток сглаживается оперативной информацией на ежегодных отчетных сессиях, личными контактами заинтересованных лиц и т. д. В этих условиях решение ограничить круг авторов книги сотрудниками Ленинградского отделения Института археологии АН СССР нельзя признать удачным.

И дело не только и не столько в том, что основные коллекционные фонды источников рассредоточены по множеству хранилищ. Теперь нельзя не считаться с тем, что в научных центрах Средней Азии и Казахстана работает большая группа высококвалифицированных археологов, без содействия (консультаций, рецензирования, обсуждений) или непосредственного участия которых просто невозможно обойтись при создании обобщающего труда по археологии Средней Азии, в котором в достаточно полной степени были бы отражены последние достижения науки. Хорошим примером плодотворности подобного творческого содружества является книга «История таджикского народа» (1, М., 1964), организаторы которой сознательно отошли от территориального принципа формирования авторского коллектива.

Авторами рецензируемой книги проделана огромная работа, проявленная ими инициатива по обобщению среднеазиатских археологических материалов заслуживает всяческой поддержки, но мы уверены, что книга значительно бы выиграла в научном отношении, если бы к ее созданию был привлечен более широкий круг специалистов.

А. В. Виноградов, М. А. Итина

В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток., М.— Л. 1964 г.

Гордон Чайлд в своей блестящей книге «Древнейший Восток в свете новых раскопок», хорошо известной по переводу на русский язык, писал: «Нигде в области археологических или антропологических исследований не было сделано таких потрясающих открытий, как на территории Древнего Востока. Стоит только вспомнить об открытии в Бадари некогда процветавшей неолитической культуры, более древней, чем любая из всех ранее известных неолитических культур,— открытии, вписывающем совершенно новую главу в историю древнейшего Египта, или о всем великолепии шумерийской цивилизации конца IV тысячелетия до н. э., или о драматическом вступлении Индии на арену истории Востока в результате раскопок Хараппы и Мохенджо-Даро» [1].

---

[1] Гордон Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 25.

Своего рода продолжением этой книги Чайлда и является работа В. М. Массона, но продолжением в полной мере своеобразным и оригинальным не только по построению, но и по методологии, а также по материалу. Г. Чайлд имел в поле зрения, по его собственным словам, «три древнейших центра подлинной цивилизации», составлявших ту часть древнего мира, которая первой «приблизительно за три тысячи лет до начала нашей эры вступила на путь истории»[2] или, иначе говоря, на путь становления классового общества и государства. Это — Египет, Шумер и Индия. В книге же Массона речь идет не только о Шумере, Иране, Индии, но и о той в полной мере новой для науки области древнейшей раннеземледельческой и раннеклассовой цивилизации, которая осталась за пределами сводки Чайлда,— среднеазиатской. Открытие этой цивилизации советскими учеными представляет не менее увлекательную главу в истории археологических открытий, чем исследования неолитического поселения в Бадари или в Маади — в Египте, которые так высоко оценивает Чайлд.

Открытие древнеземледельческих культур на территории Средней Азии тем интереснее, что они тесно связаны с архаическими цивилизациями Переднего Востока и в известной мере составляют их часть, имели общую с ними судьбу, проходили сходный в основе путь развития. Именно эта мысль, эта основная идея определяет содержание и структуру книги В. М. Массона, в которой идет речь не только о культурах Переднего Востока и не только о культурах Средней Азии, но и о тех и о других вместе, об их взаимодействии и общих закономерностях исторического процесса в этих странах.

Таким образом, книга Массона существенно расширяет не только географический, но и собственно исторический диапазон событий, о которых ранее писал Чайлд.

Она, вместе с тем, заполняет большой пробел в нашей советской исторической литературе. Как известно, интерес к древнейшим культурам Древнего Востока, вызванный той огромной ролью, которую играли в начальной истории человечества Двуречье и соседние с ним области Ирана и Малой Азии, издавна существовал в нашей литературе.

Прямым выражением этого интереса являлись, например, труды И. И. Мещанинова, посвященные керамике и искусству архаического Элама.

Древнейшие культуры Переднего Востока, предшествующие возникновению классового общества и эпохе ранних классовых обществ, нашли отражение и в соответствующих главах первого тома «Всемирной истории» (см., например, параграф 4 третьей главы, где говорится о первых земледельцах в долине Нила, Ирана, Ирака и Средней Азии). В первом томе «Всемирной истории» отмечено было и то обстоятельство, что древние племена Средней Азии проходили сходный с племенами Переднего Востока исторический путь.

Совершенно конкретно проблема взаимодействия древнейших культур ранних земледельцев Средней Азии и Переднего Востока была поставлена и в исследованиях Б. А. Куфтина. В составе Южно-туркменской археологической экспедиции он впервые осуществил широкие полевые исследования раннеземледельческих поселений в предгорьях Копед-Дага, в том числе знаменитого Джейтунского поселения, открытого ранее А. А. Марущенко. Работы эти, начавшие новую эру в археологии Средней Азии, были прерваны трагической смертью этого выдающегося исследователя. Накопление нового материала по раннеземледельческим памятникам Средней Азии, тем не менее, продолжалось и вступило в новую фазу с началом систематических, еще более широких исследований, организованных руководителем и создателем ЮТАКЭ М. Е. Массоном. Новый обширный материал по раннеземледельческим культурам Туркменистана собран был и работниками Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР. Теоретическим завершением всех этих работ и является труд В. М. Массона, которому принадлежит наиболее существенный вклад в исследование раннеземледельческих памятников Туркменистана.

В книге В. М. Массона впервые собран, критически рассмотрен и обобщен в рамках единой исторической концепции огромный фактический материал по древним культурам Переднего Востока и Средней Азии.

Первая часть ее посвящена эпохе сложения на Древнем Востоке раннеземледельческих культур. Эта проблема в последние годы занимает одно из центральных мест в древневосточной археологии благодаря открытию целого ряда памятников. Достаточно назвать широко известные раскопки К. Кеньон в Иерихоне или многочисленные работы Р. Брейдвуда по этому вопросу. Соответствующие памятники были открыты и исследованы на территории Средней Азии. Их характеристика дается в I главе (стр. 11—38). В начале главы справедливо указывается, что связи Средней Азии и Древнего Востока восходят еще к эпохе палеолита, после чего дается краткая характеристика мезолита юго-восточного Прикаспия, основанная на памятниках западной Туркмении (Джебел, Дам-дам-чешме) и Ирана (Гари-Камарбанд, Хоту). На этой мезолитической основе складывается древнейшая известная в настоящее время земледельческая культура Средней Азии — джейтунская.

---

[2] Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 41.

Основной памятник этой культуры раскопан почти полностью [3]. Обширные материалы позволяют дать довольно полную характеристику культуры и хозяйства этого периода. Здесь четко прослеживаются новые прогрессивные явления, связанные с развитием земледелия и зарождением скотоводства (прочная оседлость, глинобитная архитектура, расписная керамика, мелкая глиняная скульптура), и архаические элементы, восходящие к охотническо-собирательскому хозяйству поры мезолита (микролитоидная кремневая индустрия с большим числом трапеций, большая роль охоты, широко развитая обработка шкур и слабое развитие ткачества). При этом ведущими и определяющими были уже новые прогрессивные элементы.

Хронология джейтунской культуры осторожно определяется у В. М. Массона V тысячелетием до н. э. (собственно даже первой половиной V тысячелетия до н. э., см. датировку энеолита со второй половины V тысячелетия до н. э.— стр. 126, стр. 169, рис. 30), «если даже не VI тысячелетием до н. э.» (стр. 19). В настоящее время эта ранняя датировка получила подтверждение в результате радиокарбонового анализа. В лаборатории ЛОИА АН СССР возраст позднеджейтунского памятника Чагымы-Тепе определен как 5036 (±592) (РУЛ-592). Раннеземледельческая джейтунская культура не является каким-то замкнутым обособленным явлением, а входит в широкий круг ближневосточных памятников этого типа, открытых в основном за последние годы.

Краткому обзору этих открытий, изменивших во многом имевшиеся представления о сложении оседлоземледельческих культур Древнего Востока, посвящена следующая, вторая глава «Раннеземледельческие культуры Передней Азии» (стр. 39—81). Выделяются четыре области, в которых обнаружены соответствующие памятники. В Иране в районе Курдистана недавно были открыты довольно архаические поселки земледельческой культуры, но материал этот пока не издан, и основным памятником Ирана этого времени остается Тепе-Сиалк. Комплекс Сиалк I характеризует уже сложившуюся оседлоземледельческую культуру, более развитую по сравнению с Джейтуном. Здесь широко распространены пряслица, кремневый инвентарь беден, в верхних слоях появляются изделия из меди. Лучше изучены материалы из северного Ирака, где к VI (быть может, даже к VII—VI) тысячелетию до н. э. относятся комплексы типа Джармо. Здесь очень много общего с Джейтуном: развитая микролитическая индустрия с большим числом трапеций, глинобитная архитектура, значительная роль охоты. Однако, в отличие от Джейтуна, в нижних слоях Джармо еще отсутствует глиняная посуда. По мнению автора, на основе комплексов типа Джармо складывается культура Хассуны (вторая половина VI — первая половина V тысячелетия до н. э.), широко распространенная в северном Ираке и по уровню развития близкая Сиалку I. Третьей областью, где обнаружены памятники ранних земледельцев, является северная Сирия и юго-западная Турция, где распространены памятники так называемого сиро-киликийского неолита (VI — первая половина V тысячелетия до н. э.). Здесь недавно на земледельческом поселении Чатал-Гуюк открыта фресковая живопись, а на Хаджиларе обнаружена превосходная по выразительности и экспрессии коллекция глиняных статуэток [4]. К четвертой области принадлежит Иерихон с его получившим громкую славу докерамическим неолитом. Сейчас уже известен целый ряд памятников этого типа, позволяющих говорить об особой иерихонской культуре VII—VI тысячелетий до н. э. Она характеризуется глинобитной архитектурой, развитой кремневой индустрией и полным отсутствием глиняной посуды. Автор с осторожностью подходит к ряду поспешных заключений, появившихся в специальной литературе в связи с открытием Иерихона (например, вопрос о существовании неолитического «города», о перерыве в развитии культуры и т. п.).

Историческому анализу всех этих материалов посвящена заключительная глава первой части «Проблема происхождения земледельческих культур» (стр. 82—120). Автор считает возможным выделить две стадии в становлении производящей экономики: в первой сочетаются охотничье хозяйство и архаические формы оседлого земледелия (Джейтун, Джармо, Иерихон), тогда как вторая характеризуется сложившейся земледельческо-скотоводческой экономикой (Сиалк I, Хассуна, неолит Сиро-Киликии). Проблему происхождения земледельческих культур Древнего Востока автор рассматривает в двух аспектах. Первый аспект — это сравнение между собой раннеземледельческих комплексов с целью выяснения их родственных связей и генезиса. Соответствующий анализ археологических материалов приводит к выводу о наличии по меньшей мере двух культурных ареалов. К одному относятся области восточного Средиземноморья, характеризуемые иерихонской культурой и сирокиликийским неолитом. Здесь рано исчезают геометрические микролиты и появляются кремневые наконечники стрел и дротиков, древнейшая керамика лишена рос-

---

[3] В. М. Массон. Джейтун и Кара-Тепе. СА. 1957, 1: его же. Джейтунская культура. Тр. ЮТАКЭ, т. X. Ашхабад, 1960 (1961); его же. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе. СА, 1962. 3.

[4] J. Mellart. Earliest Civilisations of the Near East. London, 1965. В книге рассматривается и Джейтун как один из ярких памятников раннеземледельческих культур Средней Азии.

писи и примеси в глине мелкорубленой соломы. Во втором ареале, охватывающем Ирак, Иран и юго-западную Среднюю Азию, наоборот, наконечники стрел редки, уже древнейшая керамика имеет крашеные узоры и примесь соломы. В пределах этих двух культурных общностей существует ряд культур, отличных друг от друга, и, вероятно, будут открыты также новые центры (стр. 92). К близким выводам приводит и анализ, направленный на сравнение раннеземледельческих культур с предшествующим комплексом поры мезолита. На территории восточного ареала распространены памятники натуфийской культуры IX—VIII тысячелетий до н. э., характеризуемые развитым собирательством, если не начатками земледелия (10% кремневых орудий составляет вкладыши серпов). В ряде отношений эта культура является прямым предшественником докерамического неолита Иерихона (стр. 100—101). Равным образом комплексы Джармо северного Ирака восходят к местному мезолиту, характеризуемому наличием серпов, а также появлением мелкого рогатого скота. Все это приводит автора к выводу о полицентрическом характере сложения раннеземледельческих культур Ближнего Востока.

Во второй части рассматриваются материалы, характеризующие взаимоотношения Средней Азии и Древнего Востока в эпоху существования уже сложившихся земледельческих культур в основном в IV—III тысячелетиях до н. э. В это время по территории Средней Азии проходит граница между этими культурами и обширной зоной, занятой племенами охотников и рыболовов. В этом отношении Средняя Азия напоминает Индию до эпохи сложения городской цивилизации Хараппы.

Как и в первой части книги, первая глава посвящена среднеазиатским материалам (стр. 123—187). Первоначально дается характеристика комплексов юго-запада Средней Азии, где поселения типа Анау в последние годы были предметом систематического изучения специального отряда ЮТАКЭ во главе с автором. Полученный огромный материал публиковался и в других работах В. М. Массона, а также В. И. Сарианиди и И. Н. Хлопина, и в настоящем издании дается лишь общая картина развития земледельческих племен в IV—III тысячелетиях до н. э. Здесь можно выделить два основных исторических периода — период однокомнатных домов, или раннего энеолита (4500—3200 гг. до н. э.), и период развитого энеолита, или время многокомнатных домов (3200—2400 гг. до н. э.). В первом из этих периодов, куда относятся археологические комплексы Намазга I и раннего Намазга II, завершается сложение земледельческо-скотоводческого хозяйства, возникает и развивается металлургия, происходит расселение племен в восточном направлении, где складывается целый энеолитический оазис — геоксюрский. В это время уже известны поселения площадью свыше 10 *га*, как, например, Кара-Тепе у Артыка и Намазга-Тепе. Второй период характеризуется появлением нового типа жилых строений — многокомнатных домов, что подробно рассматривается далее, в четвертой главе, и усилением связей с соседними странами, что также более детально исследовано в главе шестой. Особый интерес представляет комплексное изучение геоксюрского оазиса, где на всех памятниках произведены раскопки, а аэрофотосъемка и геоморфологические исследования Г. И. Лисициной позволили восстановить древнюю гидрологическую сеть и осветить проблемы орошения. Вместе с тем в главе отмечается, что оседлоземледельческие племена занимали сравнительно узкую полоску земли на юго-западе Средней Азии, охваченную со всех сторон неолитическими памятниками охотников и рыболовов. Среди них можно выделить прикаспийскую группу, кельтеминарскую общность и гиссарскую культуру Западного Таджикистана. Общая характеристика этих комплексов построена на противопоставлении их земледельческой зоне (стр. 168—181), с которой, однако, неолитические охотники находились в определенных контактах.

Глава вторая, посвященная Ирану V—III тысячелетий до н. э. (стр. 188—245), является наиболее полной сводкой археологических материалов, характеризующих соответствующий период этого южного соседа Средней Азии. Здесь, как и в предшествующей главе, основное внимание уделено соотношению культурно-хозяйственных зон, и с учетом этого соотношения построена предлагаемая периодизация. К 5000—3800 гг. до н. э. автор относит период раннего энеолита, когда на территории Иранского плато существует несколько групп раннеземледельческих племен, возможно связанных общностью происхождения (это центральноиранская группа, племена северо-западного Загроса, сузианская группа, южнозагросская группа). Здесь повсюду мы имеем дело уже со сложившимся оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством, видимо генетически восходящим к экономике памятников типа Джармо, известных в Иранском Курдистане. В пору развитого энеолита (3800—3000 гг. до н. э.) среди хозяйственно единообразного массива земледельческих племен Ирана намечается уже неравномерность развития. Центральноиранские и сузианские племена начинают опережать своих современников, у них быстро развивается металлургия (литье в формах), посуда изготовляется на гончарном круге и обжигается в специальных печах. Особенно интенсивным было развитие Сузианы, где прогресс земледелия был связан с необходимостью перехода к искусственному орошению в широких масштабах. Здесь начинается интенсивное разложение первобытного строя, появляется монументальная архитектура, цилиндрические печати, пиктографическое письмо. Сложение классового общества в Эламе характеризует третий период, начинающийся приблизительно около 3000 г. до н. э. Теперь городская цивилизация Элама существует в окружении «варварской периферии», много-

численных земледельческих племен. Между обеими зонами существовали тесные связи, в частности торговый обмен, что нашло отражение в археологических материалах (эламская «фактория» в центре Ирана — Сиалк IV) и в письменных источниках (шумерский эпос). Разложение первобытного строя во внеэламском Иране протекает более медленными темпами, чем в Сузиане, но и здесь к началу II тысячелетия до н. э. отмечается рост имущественной дифференциации (богатые могилы Бемпура и Гисара, астрабадский клад). Такова тенденция исторического развития, прослеживаемая в этой главе. Вместе с тем следует подчеркнуть, что по ходу изложения дается общая характеристика комплексов и культур, рассматриваются вопросы их происхождения, проблемы хронологии. Текст иллюстрируется сводными таблицами и картами, составленными автором.

Третья глава «Раннеземледельческие общины Афганистана и Индии» (стр. 246—302) посвящена памятникам, освещенным в нашей литературе значительно хуже, чем памятники Ирана. В основном лишь изучение памятников харапской цивилизации реферировалось в советской печати. Как мы видели выше, памятники Афганистана и Индии не рассматривались в разделах книги, посвященных проблемам возникновения земледельческой экономики. Действительно, здесь неизвестны памятники типа Джармо или Иерихона, а наиболее раннее оседлоземледельческое поселение с довольно примитивной культурой датируется не ранее IV тысячелетия до н. э. Автор полагает, что сложение земледельческих культур происходит в этих областях позднее, чем в Передней Азии, и, видимо, не без влияния со стороны более развитых центров. Правда, нельзя не отметить, что имеющиеся материалы, характеризующие эти ранние стадии, количественно невелики. Здесь, как и в Иране, выделяются три периода в истории раннеземледельческих племен. Первый из них охватывает время до сложения городской цивилизации Хараппы (приблизительно 3400—2400 гг. до н. э.). В это время в рассматриваемых областях четко выступает разделение на две культурно-хозяйственные зоны, как и в Средней Азии. На северо-западе в Белуджистане и южном Афганистане сосредоточены поселения оседлых землевладельцев, изготовлявших расписную керамику, в то время как остальная территория занята племенами охотников и рыболовов с микролитическим кремневым инвентарем. В культуре оседлоземледельческих племен наблюдается тесная связь с Ираном, и вполне вероятно, что в ряде случаев имело место переселение земледельческих общин из более западных областей. Вместе с тем расселяются и сами белуджистанские земледельцы, первоначально занимавшие лишь горные районы. Они спускаются в первой половине III тысячелетия до н. э. в долину Инда, где теперь известен ряд дохарасских комплексов (Амри, Кот-Диджи, слои под цитаделью Хараппы). В новых условиях началось стремительное развитие этих земледельческих общин, что привело к сложению в долине Инда городской цивилизации. Существование этой цивилизации, известной под названием харапской, определяет второй период — 2400—1500 гг. до н. э. В это время в рассматриваемых областях существуют три культурно-хозяйственные зоны: зона городской цивилизации в долине Инда, зона ее земледельческой периферии, куда входят оседлые племена Белуджистана и южного Афганистана, и зона охотников, рыболовов и собирателей Индостанского полуострова. Стремительное развитие земледельческих общин долины Инда, по мнению автора, было обусловлено, в первую очередь, развитием ирригационного земледелия, дававшего высокий прибавочный продукт (стр. 269—270). Именно с местными предпосылками, а не с шумерским влиянием следует связывать сложение древнейшего раннеклассового общества Индии (стр. 272—273). Возникновение цивилизации в долине Инда имело решающее значение для всех областей, рассматриваемых в этой главе. Особенно заметно это сказывается в охотничье-рыболовческой зоне, где под харапским влиянием, хотя и на местной основе начинается сложение производящего хозяйства (стр. 275—276). Третий период — 1500—700 гг. до н. э.— характеризуется определенным упадком древней земледельческой метрополии — Белуджистана и долины Инда — и вместе с тем распространением земледельческо-скотоводческих культур по территории Индостана (энеолит центральной Индии, культуры долины Ганга). Как и в предшествующей главе, все изложение ведется на фоне общей характеристики огромного археологического материала, накопленного в Афганистане, Индии и Пакистане, хорошо иллюстрируемого картами и сводными таблицами.

После трех глав, характеризующих три крупные области расселения раннеземледельческих племен, во второй части следуют главы, посвященные специальному рассмотрению некоторых исторических проблем, связанных с приведенными материалами. Прежде всего это один из наиболее сложных в археологии вопрос общественного развития (глава 4 «Эволюция жилых домов и проблема общественного развития», стр. 303—350). Автор придает при решении этих проблем особенное значение изучению типов жилых строений. Систематические раскопки памятников именно с этой целью позволили наметить для Южного Туркменистана VI—III тысячелетий до н. э. интересную эволюцию жилой архитектуры. В книге справедливо критикуется пренебрежительное отношение ряда западных исследователей к изучению жилых строений, ярко проявившееся в раскопках Э. Брейдвуда на Джармо, где вместо сплошного раскопа был заложен 151 шурф (стр. 305—306). Материалы, полученные автором на южнотуркменских поселениях, свидетельствуют о развитии архитектуры от однокомнатных жилых домов, характерных для джейтунской культуры, до много-

комнатных жилых массивов, появляющихся в пору развитого неолита (Кара-Тепе, Геоксюр). В книге предлагается следующее построение для объяснения этого явления. Если в пору Джейтуна мы имели родовые поселки, состоящие из домов парных семей, то в пору энеолита уже происходит выделение внутри рода большесемейной общины как самостоятельной общественной и хозяйственной единицы. Жилищем такой общины и являются многокомнатные дома, имеющие общую кухню и общие хранилища. Привлекаются материалы по памятникам соседних стран, позволяющие ставить вопрос о том, аналогичная эволюция жилой архитектуры имела место в ряде областей Древнего Востока (стр. 327—339). Автор с осторожностью относится к решению вопроса о времени превращения в Южном Туркменистане большесемейной общины из матриархальной в патриархальную, считая имеющиеся материалы недостаточными для решения этого вопроса (стр. 348—350).

С вопросами идеологии рассматриваемых в книге обществ связана пятая глава — «Изображение животных на расписной керамике» (стр. 351—449). До последнего времени исследователи полагали, что изображения отражали большую роль охоты в жизни обществ, оставивших крашеные сосуды. Однако в действительности роль охоты у племен со сложившейся земледельческо-скотоводческой экономикой была крайне мала и эти изображения правильнее связывать с пережитками тотемической в истоке зоолатрии. Показательно, что первое место занимает изображение горного козла на расписной керамике, это представляет большой интерес, поскольку особая роль этого животного отмечается в Средней Азии со времени мустье (захоронение мальчика в пещере Тешик-Таш было обложено рогами горного козла). В книге привлекается большой фактический материал из Месопотамии, Ирана, Афганистана и Индии, характеризующий пережитки подобных представлений (изображение животных на керамике, на печатях, амулеты в виде животных и т. п.). При этом показательно преимущественное распространение образцов тех или иных животных в различных районах (бык в северной Месопотамии и Индии, горный козел в Иране и Средней Азии), что, видимо, восходит к различию тотемов, бытовавших у верхнепалеолитических и мезолитических племен этих областей.

Большой интерес представляет шестая глава «Переселения раннеземледельческих племен» (стр. 395—449). Автор убедительно показывает несостоятельность подмены миграциями основного хода исторического развития. Между тем передвижения людей, переселения племен реально существовали в древности и нередко играли важную роль в истории общества, хотя и не определяли его развития. В настоящей работе это конкретно рассматривается на примере раннеземледельческих племен Древнего Востока. Уже в V тысячелетии до н. э. отмечается влияние халафской культуры северной Месопотамии на более западные области. Еще более заметно выступает аналогичное воздействие убейдской культуры, сложившейся в южном Двуречье, в сферу влияния которой попадают северная Месопотамия и Сирия. Скорее всего в основе этих процессов лежало расселение племен, хотя для окончательного решения вопроса материалы пока еще недостаточны. Что касается Средней Азии, то благодаря проведению систематических работ удается документально доказать проникновение сюда населения из центрального Ирана в пору развитого энеолита. Помимо следов иноземных влияний в культуре, здесь отмечается появление антропологического типа населения. В свою очередь воздействие среднеазиатских культур отмечается в Афганистане и на севере Пакистана. Автор отмечает, что в пределах огромной зоны земледельческо-скотоводческих племен, находящихся между Месопотамией и Индом, неоднократно совершались различные передвижения населения, находящие отражение в археологическом материале. Весьма интересно наличие таких данных для II тысячелетия до н. э., когда в этих областях начинается сложный и малоизученный процесс расселения индо-иранских племен (стр. 296, 401).

Таким образом, для исследования В. М. Массона характерно не только расширение географического ареала древнеземледельческих цивилизаций Старого Света, но и существенно новая в целом картина исторического процесса, завершением которого явилось возникновение нового общественного строя, то, что Г. Чайлд назвал «городской революцией». Как правильно пишет В. М. Массон, Г. Чайлд, как и ряд других исследователей на Западе, шел под давлением фактов к материалистическому пониманию закономерностей, лежащих в основе этого процесса. Но шел в этом направлении стихийно и недостаточно последовательно.

В. М. Массон показал в своей работе, что подлинной основой для возникновения первых государственных образований было эффективное развитие производительных сил. Мощным рычагом, стимулировавшим прогресс общества в определенных, наиболее благоприятных для этого района условиях, было, прежде всего, бурное развитие земледелия и связанный с ним рост прибавочного продукта. Так, например, как свидетельствует хозяйственная отчетность Шумера, урожай достигал в Двуречье сам-36 и даже сам-104,5! То же самое в древней Индии, где «высокая урожайность полей и создание ирригационной системы были той экономической основой, на которой сложилось раннеклассовое общество древней Индии»[5]. В этой части своего исследования, как и в ряде других, автор с полным знанием дела использует современный этнографический материал, данные о современном земледелии на Перед-

[5] В. М. Массон. Ук. соч., стр. 223.

нем Востоке. Это наполняет соответствующие разделы, основанные на «мертвом» ископаемом материале, жизнью и делает выводы автора еще более убедительными.

Не меньший интерес представляют и те страницы книги, где рассматривается планировка и устройство древнеземледельческих поселков и жилищ. Здесь отразились конкретные достижения нашей среднеазиатской археологии, опыт, накопленный поколениями исследователей, разработавших наиболее совершенную методику вскрытия жилых комплексов, построенных из сырцового кирпича и пахсы. Во всяком случае, выдвинутая В. М. Массоном мысль о том, что изменения в планировке этих поселений были вызваны сдвигами в социальной жизни древних общин, вполне рациональна.

Попутно следует отметить несколько частных моментов, относящихся к тем областям, в которых автор выходит за рамки собственных исследований.

Так, например, можно было бы более определенно сказать о двух типах мезолитических культур, на базе которых складываются новые, неолитические, культурные общности и ареалы: микролитическом и «галечном». Есть, впрочем, как показывают материалы Дальнего Востока и Японских островов, на нашем материке также и третий, дальневосточный ареал, с эпилеваллуазской основой. Колонку эволюции докерамических культур Средней Азии в Туркмении можно начинать, далее, теми этапами, которые представлены в Иране нижними слоями пещеры Гари-Камарбанд. У нас находки такого рода имеются в основании культурной толщи грота Кайлю и пещеры Дам-дам-чешме у Небит-Дага, где первые раскопки были начаты отрядом ЮТАКЭ под руководством автора настоящей рецензии [6].

В. М. Массон справедливо полагает, что нет оснований выделять так называемую верхнеузбойскую культуру неолита. Но не было и «нижнеузбойской культуры», а характерные для нее остроконечники ничем не отличаются от мустьерских, из числа найденных в типологически определенных комплексах с Красноводского полуострова.

С более общими проблемами истории культуры мезолитических и ранненеолитических племен связан мимоходом рассмотренный в книге В. М. Массона вопрос о причинах исчезновения микролитической техники, т. е. техники изготовления мелких кремневых изделий геометрических форм. Вряд ли можно согласиться с тем, что это зависит от падения роли охоты. Скорее всего, в основе этих перемен лежали причины не чисто хозяйственного порядка, не смена форм хозяйства, а общие сдвиги в технике. Таким решающим сдвигом было прежде всего развитие принципиально новой техники шлифования при изготовлении рубящих и режущих инструментов, а вскоре (и в ряде случаев, быть может, параллельно) распространение металлических орудий труда.

Попутно затронут В. М. Массоном и второй общий вопрос, на этот раз из области духовной жизни,— о прогрессирующей схематизации женских скульптурных изображений. Он видит в такой схематизации выражение «успехов абстрактного мышления». Но ведь нечто подобное уже наблюдалось ранее, в конце палеолита! Неужели же подобный скачок от конкретного мышления к абстрактному имел место дважды, а может быть, и больше?

В целом же труд В. М. Массона представляет итог вдумчивой аналитической работы над огромным свежим материалом. Перед читателем развертывается красочное многоплановое историческое полотно, раскрывается история древнейших земледельцев Старого Света, в том числе обитателей Средней Азии, впервые прокладывавших путь человечеству от первобытной общины и века камня к цивилизации. Этот большой и ценный труд — вклад в изучение истории мировой культуры, позволяющий полнее ее понять.

А. П. Окладников

---

[6] Следует иметь в виду, что в пещере Дам-дам-чешме нами был сделан не «шурф», как пишет Г. Е. Марков (см. СА, 2, 1966), а произведен значительный по площади раскоп, рассчитанный на дальнейшие раскопки.

М. П. КУЧЕРА

К ВОПРОСУ О ПЛЕСНЕСКЕ

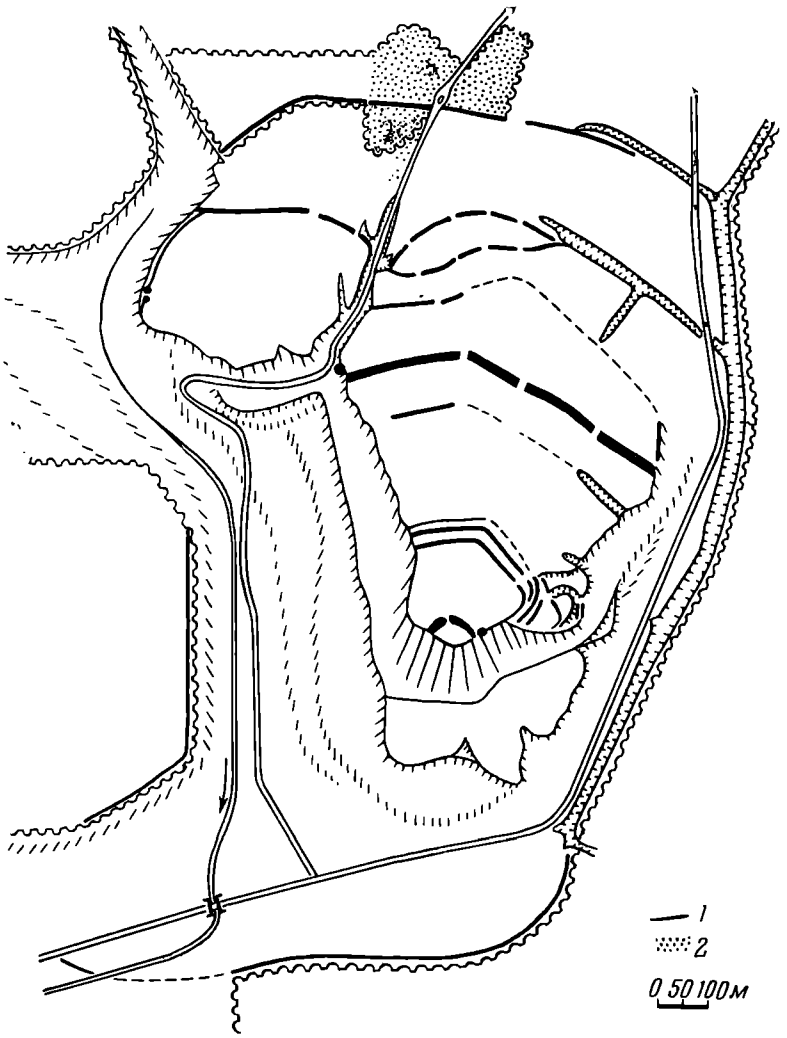
В опубликованной в журнале «Советская археология» статье П. А. Раппопорта [1] высказывается мнение о принадлежности оборонительной системы древнерусского города Плеснеска к скифскому времени. Доказательством этому служат для автора бльшие размеры Плеснеского городища, некоторые особенности планировки его оборонительной системы и наличие на нем находок скифского времени. Далее в статье на примере Плеснеского городища ставится вопрос об отнесении к скифскому вре-

---

[1] П. А. Раппопорт. К вопросу о Плеснеске. СА, 1965, 4, стр. 92—103.

мени целого ряда других городищ, культурная принадлежность которых еще не выяснена. У меня, как занимавшегося исследованием древнего Плеснеска [2], имеется ряд замечаний и соображений по данному вопросу.

Прежде всего следует отметить, что Плеснеское городище состоит из двух топографических частей — верхней и нижней. П. А. Раппопорт рассматривает в статье



План Плеснеского городища:

1 — валы; *2* — курганный могильник

и помещает план лишь верхней части, утверждая, что вторую, нижнюю часть «вряд ли можно считать неотъемлемой частью этого археологического комплекса» [3]. На самом деле это не так. Обе части городища в фортификационном отношении не отделимы друг от друга. Оборонительная линия нижней части (подол), охватывающая верхнюю часть с востока, юга и запада, составляет одно целое с внешней оборонительной линией верхней части с севера (рисунок). В целом эта линия в обеих топографических частях образует внешнюю границу городища. На значительном протяжении она состоит из естественных преград (обрывов, оврагов), а там, где их нет,— из вала со рвом, хорошо сохранившихся на облесенных участках. Нижняя часть в древнерусское время была интенсивно заселена. В хозяйственном отношении она выгодно отличалась от верхней части наличием ручья, а также нахождением в разных местах двух родников. Не только в оборонительном, но и в хозяйственном отношении нижняя часть являлась неотъемлемым компонентом верхней части.

Древнерусские города с укрепленной нижней частью хорошо известны на тех же галицко-волынских землях. Так, во Владимире нижняя часть была укреплена

---

[2] М. П. Кучера. Раскопки городища Плеснеск. КСИА, 4, 1955, стр. 16, 17; его же. Древній Пліснеськ. ВАН УРСР, 7, Київ, 1959, стр. 30—34; его же. Основні етапи розвитку стародавнього Пліснеська. МДАПВ, 2, Київ, 1959, стр. 132—145; его же. Древний Плеснеск. Автореф. канд. дис. Киев, 1960; его же. «Плеснеск» «Слова о полку Игореве» и древнерусский город Плеснеск. КСИА, 9, 1960, стр. 113—116; его же. Древній Пліснеськ. АП, XII, Київ, 1962.

[3] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 92.

валами, охватывавшими значительный участок р. Луг вместе с ее притоками [4]. В древнем Галиче вокруг верхней части сохранилось несколько валов, защищавших с открытой стороны нижнее течение притока р. Лухвы — Мозолевого потока [5]. Древний Червень, занимавший отдельные изолированные возвышения в пойме рек Гучвы и Синюхи, также был защищен окружным валом, отрезок которого длиной 1,5 км сохранился на облесенном участке на значительном расстоянии от центральной укрепленной части города [6]. Ту же самую планировку, с включением в состав укрепленной части значительных отрезков ручьев и рек, имели Белз [7] и Теребовль [8].

Приведенные аналогии говорят о том, что наличие укреплений в нижней части Плеснеска не является чем-то случайным. Наоборот, эта черта типична и для других галицко-волынских городов, располагавшихся вблизи долин с ручьями или в поймах рек и включавших в огражденную территорию не только верхнюю часть, но и нижнюю. Отличие Плеснеского городища состоит в том, что укреплению его нижней части в большей мере способствовали естественные преграды, которые лишь дополнялись искусственными заграждениями. Хорошо известно, что включение в черту городищ участков, обеспеченных водой, было характерным для скифского времени. Однако непонятно, почему от этого должны были отказываться славяне в древнерусское время. Ради сокращения протяженности оборонительных рубежей в случае нападения противника? Нам кажется, что для древнерусского времени следует различать в системе организации обороны город и крепость. На небольших городищах, строившихся преимущественно в стратегических целях и располагавших ограниченным контингентом защитников, на первый план выдвигалась задача наиболее рациональной организации обороны. В городах же с различным составом населения на первый план выдвигались хозяйственные интересы, которым были подчинены интересы обороны. Крепости или феодальные замки строились по заранее продуманному плану. Оборонительная система городов складывалась постепенно, по мере роста населения и с учетом его разнообразных хозяйственных нужд. Несомненно, что в решении вопросов обороны города, так же как и в строительстве оборонительных рубежей и их защите, принимало непосредственное участие само население города. Этим и определяется различие в планировке укреплений городов от планировки обычных городищ.

Верхняя площадь Плеснеского городища делится на северо-западную и юго-восточную части. Первая из них защищена отдельным валом со рвом. Вторую, основную часть городища, пересекают с запада на восток семь оборонительных линий, состоящих из валов со рвами. П. А. Раппопорт считает возможным относить к древнерусскому времени лишь две крайние южные оборонительные линии и называет в соответствии с этим крайнюю мысовую площадку детинцем, а примыкающую к ней с севера вторую — окольным городом. Допустим, что действительно укрепления только этих двух площадок относятся к древнерусскому времени. Но как же тогда назвать третью с севера площадку, заселенность которой в древнерусское время признает сам П. А. Раппопорт? [9] Ведь она защищена самым большим на городище, хорошо сохранившимся валом (пусть даже скифским) и в период древней Руси так или иначе составляла изолированную часть городской территории. Термины «детинец», «окольный град» весьма условны, и этими частями не ограничивалась территория древнерусских городов. Центр древнего Киева состоял из «города Владимира», «города Ярослава» и третьей части с Михайловским монастырем, название которой нам неизвестно [10]. В древнем Чернигове летопись упоминает «детинец», «донешний град», «окольный град», «предгородье». Б. А. Рыбаков отмечает, что, бесспорно, приурочить летописные термины к известным частям черниговских укреплений вряд ли возможно [11]. Во Владимире на Клязьме Н. Н. Воронин выделяет такие укрепленные части: «Мономахов город», «Новый город», «посад» и «детинец» [12]. В большей степени остается неясным социальный характер отдельных частей древнерусского города. С этой трудностью мы сталкиваемся и в Плеснеске [13]. Древнейшая мысовая

---

[4] О. О. Ратич. Древньоруські археологічні памъятки на територіі західних областей УРСР. Київ, 1957, рис. 7.

[5] Я. Пастернак. Старий Галич. Краків — Львів, рис. 18.

[6] K. Jażdżewski. Ogólne wiadomości o Czermnie — Czerwienu. AP, IV, 1, Warszawa — Wrocław, 1959, стр. 77, 81.

[7] О. О. Ратич. Ук. соч., рис. 2.

[8] Там же, рис. 10.

[9] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 96.

[10] История Киева, т. I, Киев, 1963, см. план на стр. 53.

[11] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, 11, 1949, стр. 13.

[12] Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА, 11, стр. 204.

[13] В Плеснеске, например, облицовочные керамические плитки, происходящие, очевидно, из жилищ феодальной знати, найдены во всех трех южных укрепленных частях (М. П. Кучера. Древній Пліснеськ, АП, стр. 26, 27, 51, 53; его же. Основні етапи..., стр. 141).

часть Плеснеска, площадью 0,35 *га* (так называемый «Оленин парк»), по-видимому, являлась первоначальным детинцем. В XII—XIII вв., когда Плеснеск стал городом, детинец должен был находиться во второй укрепленной части. Этому соответствуют ее размеры и центральное положение среди остальных укреплений. Третью к северу часть можно назвать посадом. Остальные северные части образовывали, возможно, предградье. Такая интерпретация основных частей Плеснеска, при всей ее условности, должна быть ближе к истине [14], Некоторое соответствие Плеснескому городищу можно найти в городище древнего Галича, центральная территория которого также делилась на три части, условно именуемые «Золотым током», детинцем (или епископской частью) и окольным (кромным) городом [15].

П. А. Раппопорт, не отрицая принадлежности двух южных площадок в верхней части Плеснеского городища к древнерусскому времени, что подтверждается данными исследования их укреплений, считает возможным предполагать, что вал в южной мысовой части — «Оленином парке» «насыпан поверх остатков оборонительных сооружений скифского времени; об этом говорит наличие в основании вала каких-то каменных конструкций, не характерных для древнерусских валов» [16]. В этой связи отметим, что указанные конструкции представляют собой сложенные из камней стены с развалившейся верхней частью. Они связаны с сооружением, по всей видимости башни, остатки которой в виде обугленного дерева, золы, сильно пережженной глины открыты между ними [17]. Эти конструкции находятся отнюдь не в основании вала, как утверждает П. А. Раппопорт. Во время раскопок они были обнаружены уже на глубине 30—60 *см* от современной поверхности вала [18]. Достаточно взглянуть на чертеж кладок в статье, на которую ссылается П. А. Раппопорт, чтобы убедиться в этом [19]. В руинах пожарища, в особенности среди скопления пережженной глины, над которой возвышаются каменные кладки, найдено много обломков древнерусских сосудов [20], что никак не увязывается с представлением о скифском происхождении «каменных конструкций». При этом вместе с пожаром предполагаемой башни обгорели и камни кладки. Желание П. А. Раппопорта указать на присутствие в валу «Оленинго парка» конструкций скифского времени вполне понятно, если учесть естественную конфигурацию этой части, в плане выделенной от остального плато. Из предпосылки о скифском происхождении Плеснеского городища логически вытекает, что эту часть необходимо было в первую очередь укрепить. В противном случае возникают необъяснимые трудности при датировке городища в целом.

Внутренний вал второй площадки (детинца) также подвергался исследованиям. Он сооружен в один прием и по довольно многочисленным вещевым находкам относится к древнерусскому времени [21]. С такой датировкой соглашается и П. А. Раппопорт [22]. Однако в связи с этим валом возникают возражения против датировки городища скифским временем. Указанный вал насыпан в чрезвычайно выгодном месте — на перешейке в суженной части плато по внутреннему краю неширокой ложбины в виде балки, искусственно превращенной в глубокий ров. По форме и размерам площадка детинца очень удобна для устройства на ней отдельной укрепленной части; она имеет, к тому же, значительно более высокие обрывистые края по сравнению с территорией к северу от нее. Учитывая эти естественные особенности, а также местоположение площадки детинца среди других частей — с одной стороны, и отсутствие на ней укреплений скифского времени — с другой, трудно понять, почему в таком случае в скифское время понадобилось сооружать более северные валы.

П. А. Раппопорт считает, что северный наружный вал городища в древнерусское время «был заброшен и не играл роли укрепленной линии» [23], поскольку древнерусский курганный могильник распространяется к югу от него на территорию самого городища. Если так рассуждать, то следует признать, что к моменту сооружения могильника были заброшены и другие северные валы, в частности, два крайних вала в юго-восточной части городища и вал северо-западной части, куда первоначально распространялись южные пределы могильника [24]. Однако все эти валы пре-

---

[14] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ. АП, стр. 18, 31; его же. Основні етапи..., стр. 140.

[15] В. Й. Довженок. Військова справа в Київській Русі. Київ, 1950, стр. 55; М. К. Каргер. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. КСИА АН СССР, 81, 1960, стр. 62.

[16] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 96.

[17] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ. АП, стр. 16, 17.

[18] Там же, стр. 16.

[19] І. Д. Старчук. Розкопки на городищі Пліснеськo в 1949 г., АП, V, Київ, 1955, стр. 32, рис. 1.

[20] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ. АП, стр. 17.

[21] І. Старчук. Розкопки на городищі Пліснеськo. АП, 1, 1949, Київ, стр. 77; М. П. Кучера. Древній Пліснеськ. АП, стр. 16.

[22] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 96.

[23] Там же, стр. 95.

[24] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ. АП, стр. 17, 19.

красно сохранились. На внешнем склоне второго вала в юго-восточной части городища заметна на поверхности облицовка из больших каменных плит. В сохранившейся части могильника нет ни одного случая нарушения курганами вала или его рва. Имеются основания полагать, что не курганы насыпаны на городище, а, наоборот, валы сооружены на могильнике. Курганы в южной части могильника датируются IX—X вв. Северные валы городища в пределах древнерусского времени могли быть сооружены лишь в XII—XIII вв. (в период феодальных войн по воссоединению галицко-волынских земель [25]), т. е. на уже заброшенной к тому времени части могильника. Это подтверждается и раскопками вала северо-западной части городища, в насыпи которого находилось много пережженных обломков керамики IX—X вв., происходящих из разрушенных курганов с трупосожжениями [26].

Случаи сооружения валов на территории могильников для древнерусского времени достаточно известны.

Незначительное количество древнерусских находок в пределах северных валов Плеснеского городища также не может служить бесспорным доказательством его принадлежности к скифскому времени. Подобный случай имеет место на городище Старой Рязани, где раскопками обнаружены большие участки, лишенные следов застройки [27]. Отсутствует древнерусский культурный слой и на довольно значительной части посада Белгородского городища [28].

О синхронности различных частей Плеснеского городища говорят некоторые детали их оборонительных сооружений. Кроме основных фронтальных валов, на городище имеют место очень незначительной величины (около 0,5 *м* высотой, 1,5—2 *м* шириной) боковые валы, которые обрамляют обрывистые края площадок. Эти валы сохранились в «Оленином парке» (по южному краю), на детинце (по юго-восточному краю), в северо-западной части городища (по западному, частично южному и восточному краям) и в предградье (по западному краю у второго и третьего с напольной стороны внутренних валов и отчасти по южному краю оврага у второго вала).

На детинце под внутренним склоном бокового вала открыто полуземляночное жилище XI в. [29], т. е. этот вал сооружен одновременно с основным валом, непосредственным продолжением которого он является. В «Оленином парке» боковой вал также не мог возникнуть раньше основного вала датирующегося древнерусским временем. То же самое следует сказать и в отношении северо-западной части городища, где основной вал сооружен в период существования города. По аналогии с приведенными фактами можно утверждать, что и боковые валы предградья относятся к древнерусскому времени, а вместе с ними должны быть отнесены к этому же времени и два основных вала, непосредственно связанных с боковыми валами. Во всяком случае, наличие определенного типа боковых валов в различных частях городища свидетельствует о том, что все эти части, оборонительная система которых строилась по одному и тому же принципу, относятся к одной исторической эпохе.

Аналогичного типа боковые валы, как остатки вспомогательных заграждений на второстепенных направлениях, сохранились, очевидно, по краям плато на Галичском городище, судя по его плану [30].

При рассмотрении хронологии Плеснеского городища нельзя не указать на наличие на нем курганообразных насыпей, на которых находились в свое время, очевидно, башни [31]. Они хорошо сохранились на конце бокового вала на детинце, на западном краю предградья, на двух смежных концах бокового вала в северо-западной части городища и у въезда перед внешним валом городища. Нахождение этих сооружений в различных частях городища, подобно боковым валам, также говорит в пользу рассмотрения всего городища как единого оборонительного комплекса. Аналогичные курганообразные насыпи, которые принято считать остатками башен, хорошо сохранились на городище древнего Галича [32].

Основным аргументом против датировки Плеснеского городища древнерусским временем служат для П. А. Раппопорта его большие размеры [33]. По этой причине он исключает из городища нижнюю часть и считает скифской почти всю верхнюю часть, относя к древнерусскому времени лишь две укрепленные мысовые площадки

---

[25] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ. АП, стр. 19; его же. Основні етапи..., стр. 139, 144.

[26] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ. АП, стр. 17.

[27] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 49, 1955, стр. 32.

[28] Наблюдения В. И. Довженка, М. П. Кучеры, В. Д. Дяденко за хозяйственными траншеями по благоустройству с. Белгородки в 1964 г.

[29] В жилище находился целый горшок с клеймом в виде знака Владимира Святославича. М. П. Кучера. Древній Пліснеськ, АП, стр. 16; его же. Кераміка древнього Пліснеська, «Археологія», XII, Київ, 1961, стр. 148.

[30] Я. Пастернак. Ук. соч., рис. 18.

[31] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ. АП, стр. 19.

[32] В. Й. Довженок. Ук. соч., стр. 55, 56; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 239.

[33] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 92, 95, 96.

общей площадью около 4 *га*[34]. Однако при сравнении размеров Плеснеского городища с другими древнерусскими городищами следовало бы указать размеры его заселенной площади, которые довольно внушительны. Нижняя часть была заселена на всем протяжении, кроме крутых склонов плато и долины по краям ручья. В верхней части, насколько можно судить по отсутствию подъемного материала, оставалась незаселенной лишь северная окраина. Северо-западная часть городища была заселена по краю со стороны нижней части. Общие размеры заселенной площади составляют около 50 *га* в нижней части и около 40 *га* в верхней. Эти цифры действительно превышают приводимые П. А. Раппопортом размеры древнерусских городищ. Но таковы факты. Можно ли после этого ограничивать укрепленную часть Плеснеска четырьмя гектарами? Бесспорно, что нет, если даже признать городище скифским. В хозяйственном отношении верхняя часть городища не совсем удобна. Она расположена вдали от воды, оборонительные линии валов и рвов препятствовали передвижению и затрудняли выход за пределы городища. Тем не менее северные валы хорошо сохранились до наших дней, т. е. в древнерусский период они, несомненно, имели оборонительное значение. Именно благодаря наличию укреплений эта часть городища и была заселена в древнерусский период.

В планировке оборонительной системы Плеснеска П. А. Раппопорт указывает на две особенности, характерные для скифского времени: 1) наличие длинного наружного вала, охватывающего обе верхние части городища, и 2) непараллельное со сходящимися концами направление двух валов в предградье[35].

Первая особенность действительно характерна для некоторых скифских городищ, состоящих из нескольких мысовых частей и защищенных с напольной стороны общей оборонительной линией. Однако на Плеснеском городище длинный наружный вал охватывает не только верхние части. Как уже отмечалось, он является непосредственным продолжением укреплений нижней части. Следовательно, если признать, что укрепления в нижней части относятся к древнерусскому времени, то в этой особенности нет ничего необычного.

Вторая особенность, когда два вала соприкасаются концами, встречается в западных областях УССР на целом ряде городищ. Примером могут быть городище стольного города Теребовля[36], а также городища у с. Рокитно[37] и с. Добростаны[38], которые по данным исследований определяются как древнерусские. Наличие валов со сходящимися концами характерно для северо-восточного городища древнего Искоростеня[39]. На Плеснеском городище, к тому же, на концах одного из этих валов (внутреннем) имеются остатки упоминавшихся выше боковых валов.

Из материалов скифского времени на Плеснеском городище найдена керамика. Она встретилась только на детинце, хотя раскопки производились и в «Оленином парке», и на посаде, и в северо-западной части городища, и в нижней части. На детинце эта керамика составляет доли процента по отношению к древнерусской керамике. Трудно представить, чтобы такое разительное несоответствие в археологическом материале получило обратное отражение в оборонительных сооружениях.

Мы остановились на всех доказательствах, приводимых П. А. Раппопортом в пользу датировки городища скифским временем. Часть из них не подтверждается данными раскопок, а часть вообще не может быть проверена на местном материале.

В свое время мы отмечали, что Плеснеское городище относится к локальному, галицко-волынскому типу древнерусских укрепленных пунктов. В характере этого типа оборонительной системы мы усматривали отражение эпохи феодальных войн по воссоединению галицко-волынских земель, составлявших основное содержание политических отношений в Юго-Западной Руси XII—XIII вв.[40]

Если же признать, что этот тип планировки укреплений восходит к более древней эпохе, тогда многие летописные червенские города следует рассматривать как возникшие на городищах скифского времени. Возможность такой постановки вопроса не может вызвать сомнений по отношению к рядовым поселениям, однако трудно допустить, чтобы подобный случай имел место в истории стольных городов Галича, Владимира, Червеня, Теребовля. Исследованиями окружного вала древнего Червеня установлено, что он сооружен в древнерусское время[41]. Раскопки укреплений древнего Галича[42] также не дают оснований сомневаться в их древнерусском происхождении.

---

[34] Там же, стр. 96.

[35] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 95.

[36] О. О. Ратич. Ук. соч., рис. 10.

[37] А. А. Ратич. Городища Росточья. КСИА, 12, 1962, стр. 87, рис. 1.

[38] О. О. Ратич. Городища в селах Добростани і Страдч на Львівщині. «Археологія», XX, Київ, 1966.

[39] Научный архив Института археологии АН УССР.

[40] Плеснеск был пограничным пунктом Галицкого княжества, расположенным на пути из Волыни на Галич. Именно с военными событиями этого времени связываются и упоминания Плеснеска в письменных источниках. (М. П. Кучера. Древній Пліснеськ, АП, стр. 5, 6).

[41] K. Jażdżewski. Ук. соч., стр. 77.

[42] Я. Пастернак. Ук. соч., стр. 167; М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 65.

На совершенно недоказанном положении о скифском происхождении Плесненского городища П. А. Раппопорт ставит вопрос об отделении славянских городищ от городищ эпохи раннего железного века[43]. При этом автор статьи рассматривает городища, культурная принадлежность которых вообще не выяснена. Ни по размерам, ни по особенностям оборонительных сооружений эти городища ничего общего с Плесненским городищем не имеют[44]. Странно, что об особенностях городищ Галича, Владимира, Червеня, Теребовля, Белза, сходство которых с Плесненским городищем не подлежит сомнению, а в некоторых случаях (Галич, Теребовль) оно восходит даже к отдельным деталям в устройстве оборонительных сооружений, П. А. Раппопорт не упоминает ни словом.

Нельзя не отметить стремление П. А. Раппопорта противопоставить свидетельства письменных источников археологическим данным о Плеснеске[45]. С этой целью, в частности, он берет под сомнение достоверность упоминания Плеснеска в «Слове о полку Игореве». В подтверждение своей мысли автор статьи почему-то ссылается на устаревшее издание текста «Слова», в котором попытка толковать «Плеснеск» «Слова» в ином значении (не как древнерусский город) оказалась явно неудачной[46]. Не удивительно, что при последующих изданиях «Слова о полку Игореве» этот вариант перевода не был принят[47].

По частному вопросу, не имеющему непосредственного отношения к происхождению Плесненского городища, П. А. Раппопорт выражает несогласие с датировкой древнейшего вала Плеснеска концом X в. Он склонен датировать этот вал (с каменными конструкциями в «Оленином парке») серединой или даже концом XI в.[48]. Безусловно, такая датировка лучше согласуется с представлением о скифском происхождении городища, поскольку этим самым почти на целое столетие сокращается период возможного развития Плеснеска, как укрепленного пункта, в древнерусское время. Однако обратимся к фактам. В горелом слое из руин предполагаемой башни, в особенности среди упоминавшегося выше скопления пережженной глины, находились многочисленные обломки керамики IX—X вв. Целых сосудов здесь не найдено, но, судя по обломкам, эта керамика скорее относится к X в.[49]. Более точные сведения получены раскопками в «Оленином парке» с внутренней стороны перед валом напротив каменных кладок. Здесь, у подножия вала в 4—5 *м* перед ним, была открыта полуземлянка X в., засыпанная в верхней части, на глубину 0,6 *м*, мелким известняковым щебнем, характерным для насыпи вала. Из заполнения полуземлянки слой щебня уходил непосредственно в насыпь вала, а в противоположную сторону он продолжался более тонким слоем еще на 3—4 *м* за полуземлянку. Несомненно, что слой щебня по краю площадки «Олениного парка» образовался при устройстве вала. На всем протяжении этот слой является резкой границей, отделяющей керамические фрагменты IX—X в. от керамических фрагментов конца X—XI в.[50]. Таким образом, верхней датой сооружения вала следует считать конец X в.

При датировке вала следует учитывать и отсутствие среди находок, имеющих прямое или косвенное отношение к решению этого вопроса, керамики XI в. В период бытования этой хронологической группы керамики вал уже существовал. В начале XI в. в Плеснеске уже находились представители военно-феодальной знати, о чем свидетельствует открытие на курганном могильнике шести дружинных погребений, два из которых, парные, выделяются особым богатством инвентаря[51]. Датировать после всего этого первое укрепление в Плеснеске серединой или концом XI в. невозможно.

Наконец П. А. Раппопорт не согласен с предложенной нами датировкой (VII—VIII вв.) древнейшего этапа в развитии Плеснеска. В качестве доказательства он ссылается на присутствие в комплексах этого времени в основном гончарной керамики, датировка которой VII—VIII вв. якобы «противоречит всем данным о развитии восточнославянской керамики»[52]. Заметим, что такая точка зрения на развитие восточнославянской керамики еще не является доказательством. В дофеодальный период истории территория восточных славян была слишком обширной, и изменения в материальной культуре происходили на ней не одновременно. Даже в более позд-

---

[43] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 96.

[44] Исключение составляет более сложное городище у с. Михнов Хмельницкой области, размеры которого, правда, небольшие (150 × 300 *м*), но по плану оно действительно напоминает Плеснеское городище. В данном случае показательно то, что именно это городище, единственное среди всех остальных, имеет, по свидетельству П. А. Раппопорта, культурный слой древнерусского времени (П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 97).

[45] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 94.

[46] М. П. Кучера. «Плеснеск» «Слова о полку Игореве»..., стр. 113—116.

[47] «Слово о полку Игореве». Поэтические переводы и переложения. М., 1961, стр. 25.

[48] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 96.

[49] М. П. Кучера. Кераміка древнього Пліснеська, стр. 147, 148.

[50] Там же, стр. 148—150.

[51] М. П. Кучера. Древній Пліснеськ. АП, стр. 54, 55.

[52] П. А. Раппопорт. Ук. соч., стр. 96.

ний период в развитии материальной культуры восточных славян не было хронологического шаблона. В северных областях вплоть до IX в. вообще отсутствовала гончарная керамика. На юге она появилась значительно раньше, но когда именно — этот вопрос и должны решать исследователи. Отметим, что в данном случае даже для юга восточнославянской территории не может быть какого-то единого хронологического критерия, поскольку распространенная здесь в дофеодальное время раннегончарная керамика не была единой в типологическом отношении и восходила к различным генетическим основам.

П. А. Раппопорт не предлагает своей датировки раннегончарной керамики Плесneска. Наша датировка основывается на местном археологическом материале и на аналогиях[53]. Наличие в VII—VIII вв. совершенно идентичной керамики на юге Польши, на территории Венгрии и Болгарии не дает оснований датировать ее в Плеснеске более поздним периодом.

Наличие у славян в VII в. гончарной керамики рассматриваемого типа не подлежит сомнению. В период заселения Балкан она у них уже была. Эта керамика очень рано проникла на территорию Венгрии, где встречается в погребениях аварского времени. Отрицать бытование в VII—VIII вв. общеславянского типа раннегончарной керамики в юго-западной части восточнославянских земель мы не имеем оснований.

Значение Плеснеска прежде всего состоит в том, что он возник в дофеодальное время и существовал в течение всей древнерусской эпохи, пройдя сложный путь развития от сельского поселения до феодального города. Памятников с подобным хронологическим диапазоном в древней Руси, и в частности на ее юго-западных землях, мы знаем немного.

---

[53] М. П. Кучера. Гончарная керамика дофеодального времени из раскопок древнего Плеснеска. СА, 1962, 1, стр. 294; его же. Кераміка древнього Пліснеська, стр. 145.

Хроника

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМЕ СЕЛЕТА В ВЕНГРИИ

Венгерский симпозиум 1966 г. был вторым в серии совместных обсуждений, начавшихся на Международом симпозиуме по стратиграфии и периодизации палеолита Восточной и Центральной Европы, состоявшемся в Москве и Владимире 2—14 сентября 1963 г. Тогда главным объектом дискуссии была позднепалеолитическая стоянка Сунгирь близ Владимира [1].

Главной задачей серии таких совещаний является согласование расхождений в стратиграфических схемах развития палеолита, которых придерживаются, с одной стороны, часть советских ученых и, с другой, зарубежные геологи и археологи. Главной спорной проблемой остается время перехода от мустье к позднему палеолиту.

Первый симпозиум, естественно, не выявил вполне единодушного мнения по этой проблеме. В своей резолюции он указал, что верхнепалеолитическая культура, к которой принадлежат памятники типа 5-го слоя Костенок I и Сунгиря на Русской равнине, «характеризует вместе с селетом внеориньякский вариант становления верхнего палеолита». Далее симпозиум постановил, в целях быстрейшего согласования взглядов и стратиграфических схем, «созвать следующее совещание по стратиграфии и периодизации палеолита в одной из социалистических стран не позднее 1966 г., также включив в его программу экскурсию для осмотра раскопок и геологических обнажений».

В 1965 г. Венгерская Академия наук сделала попытку организовать второй симпозиум, но по просьбе ряда приглашенных он был отложен, так как его было трудно совместить с VII Конгрессом INQUA, состоявшимся осенью в Денвере (США). В 1966 г. благодаря энергии Л. Вертеша симпозиум в Венгрии состоялся. Он был посвящен изучению культуры селета как одной из проблем формирования верхнего палеолита на местной мустьерской основе.

Из советских ученых в Венгрию смогли поехать В. И. Громов, М. М. Герасимов, С. М. Цейтлин и автор настоящих строк. Из числа зарубежных ученых в симпозиуме приняли активное участие Н. Джамбазов (Болгария), Г. Беем-Бланке (ГДР), В. Хмелевский (Польша), Г. Фреунд и Л. Цотц (ФРГ), Б. Клима (Чехословакия), Г.-Ю. Мюллер-Бек (Швейцария), а также многие венгерские ученые и прежде всего Л. Вертеш и М. Крецой.

Симпозиум был хорошо организован. Все участники его получили проспекты, программу, содержание вступительного доклада Л. Вертеша, результаты радиоуглеродных определений венгерского палеолита, оттиски некоторых работ и пр. Как и советский симпозиум 1963 г., он включал в свою программу экскурсии для осмотра археологических раскопок и геологических обнажений четвертичных отложений.

Открытие симпозиума состоялось 5 сентября в Венгерском Национальном музее в Будапеште. Затем последовал осмотр специально обновленной перед симпозиумом экспозиции венгерского палеолита в музее и массового материала по селетским, мустьерским и другим палеолитическим памятникам из хранилища музея. В. Хмелевский демонстрировал привезенную им из Польши коллекцию кремневых изделий ежмановской культуры.

С 6 по 8 сентября была проведена экскурсия. Ее основными объектами были пещеры Селета и Исталлошко в горах Бюк.

Обращенный на юг огромный вход в пещеру Селета, расположенный на высоте около 370 *м* над уровнем моря и 90 *м* над долиной речки Синво в обнажающихся известняках под бровкой плато, ведет в обширную полость с очень высоким потолком. Пещера была заполнена отложениями почти 10-метровой мощности.

---

[1] Сб. «Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы». М., 1965.

О. Кадичем, Е. Гиллебрантом и О. Германом в 1906—1913 гг. в пещере произведены раскопки, которыми были по всей площади пещеры почти полностью удалены верхнеселетские отложения. Линия первоначальной поверхности пола пещеры (до первых раскопок) хорошо видна на ее стенах на высоте нескольких метров над ее современным дном. Нижнеселетские отложения, представляющие собой коричнево-красную глину с фауной и культурными остатками, частично сохранились на дне пещеры, преимущественно ближе к ее стенам. В левой от входа половине пещеры они были прорезаны Л. Вертешем траншеей, доведенной до скалистого дна. Другая траншея была прорыта слева у самого входа; в последней над нижнеселетским еще виден более светлый верхнеселетский слой. Таким образом, из-за обширности старых раскопок в пещере возможности ее контрольных раскопок на современном методическом уровне крайне ограничены.

Следует отметить, что в состоявшемся на месте обсуждении вопросов стратиграфии пещеры М. Крецой сказал, что в самом нижнем горизонте отложений пещеры имеется примесь окатанной гальки. Однако Л. Вертеш отрицает это, указывая, что речь должна идти не о примеси речной гальки, а лишь о сильно сглаженной, древней щебенке.

Культурные остатки содержались в нескольких горизонтах пещерной глины: древнейшие в темно-, а затем в светло-коричневой, опять темно-коричневой, красновато-коричневой и, наконец, светло-коричневой. Нижние горизонты характеризуются грубыми листовидными наконечниками и отчасти еще мустьерскими формами, иллюстрируя мустьерский генезис венгерского селета. В верхних горизонтах содержались тонкие листовидные наконечники с заостренной и округлой базой, а также примесь граветтских форм, указывающих на относительно позднее время верхнего палеолита. Культурные отложения пещеры демонстрируют непрерывное развитие селета от мустье до времени граветта, сохраняя в целом свою общую культурную специфику. В фаунистическом отношении и самый нижний, и самый верхний слой содержат преимущественно кости пещерного медведя (в нижнем слое до 90%), а также пещерной гиены, пещерного льва, волка, песца и северного оленя; спецификой нижнего слоя являются мамонт и благородный олень, верхнего — гигантский олень, лошадь, рысь и косуля.

Для нижних горизонтов Селетской пещеры была получена путем анализа костей абсолютная дата: — 41 700 лет (ХО 197 Чикаго), которую Л. Вертеш считает возможным довести до 45 000 лет.

Затем были осмотрены (лишь с внешней стороны) находящиеся неподалеку три рядом расположенных пещерных палеолитических памятника. Замечательно, что все они находятся у самого русла р. Синво, а дно пещеры Отто Германа, длинной и узкой, содержавшей культурные остатки селетского и раннеориньякского типа, находится в настоящее время даже ниже уровня названной горной речки. Тем не менее О. Кадич раскопал эту пещеру полностью. Лишь несколько выше расположено убежище Отто Германа, откуда происходят два плоских листовидных орудия. К еще более позднему времени относится здесь же расположенная пещера Пушкапорош с множеством заготовок для листовидных орудий.

Для объяснения столь низкого расположения всех трех несомненно древних пещерных палеолитических стоянок выдвигается гипотеза об образовании в долине в позднейшее время травертиновых барьеров в долине речки, значительно поднявших уровень потока и дна долины, в период существования рассматриваемых стоянок гораздо более глубокий.

8 сентября осматривалась пещера Исталлошко.

Пещера Исталлошко большая, имеет широкий вход, расположенный на высоте около 80 *м* над долиной. Как выяснено раскопками Л. Вертеша в 1948—1951 гг., культурные отложения в ней подразделяются на два слоя, соответствующие ориньяку I и ориньяку II по западноевропейской периодизации. В верхнем содержатся костяные острия с расщепленной базой, совершенно чуждые венгерскому селету.

В почти стерильном слое толщиною около метра обнаружены единичные находки тяжелых мустероидных изделий и кремней ориньякского типа. В том же стерильном слое у входа найдены 11 скелетов пещерных медведей в естественном положении. Но в глубине пещеры, в щели, оказались три медвежьих черепа, один из них хорошей сохранности; он был обращен мордой в глубь щели и сохранил атлант; следовательно, череп был отделен от туши человеком и намеренно воткнут в щель в самой глубине пещеры — еще один интересный пример зарождающегося культа.

Для проблемы селета пещера Исталлошко представляет значительный интерес по той причине, что в ее нижнем слое, содержащем индустрию среднеевропейского ориньяка I, найден типичный раннеселетский листовидный наконечник. Учитывая при этом находку в нижнем раннеселетском слое собственно Селетской пещеры двух костяных острий с расщепленной базой, можно синхронизировать ранний селет с ориньяком I.

Для нижнего слоя пещеры Исталлошко имеются, по Вертешу, радиокарбоновые даты порядка 39 800 и 44 400 лет (Фогель, 1966); она соответствует указанной выше дате нижнеселетского слоя из пещеры Селета — от 41 700 до 45 000 лет, что подтверждает общую синхронность нижнего селета и раннего ориньяка в Венгрии.

В залегающем выше культурном слое, но еще под остатками среднеевропейского ориньяка II найден обломок позднеселетского листовидного наконечника, который по материалу и обработке вполне соответствует таким же наконечникам из пещеры Селета. Следовательно, этими фактами синхронность или по крайней мере непосредственное перекрытие позднего венгерского селета среднеевропейским ориньяком II, по мнению Л. Вертеша, можно считать достаточно доказанным. Поэтому радиокарбоновую дату 30980 ± 600 лет (Gro, 1935), полученную по углям из верхнего слоя пещеры Исталлошко, можно использовать для определения возможного позднего предела для верхнего селета.

Из верхнего слоя пещеры Исталлошко происходит монолит (весом 80 *ц*) обложенного плоскими камнями очага, выставленный в Национальном музее в Будапеште.

Следующий день, 9 сентября, был использован для поездки в Вертешсёллёш, находящийся на расстоянии более 40 *км* от Будапешта в сторону Вены. Здесь несколько лет назад были сделаны уникальные для Европы находки древнейших, раннечетвертичных культурных остатков и нескольких костей черепа человека в травертиновых отложениях.

Травертины Вертешсёллёша используются местным населением на постройки уже около 300 лет, и на месте их добычи образовался большой карьер. Травертиновый слой лежит здесь на третичных отложениях и имеет значительную мощность. В 1926 г. Мартин Печ впервые обнаружил в нем кости животных. Позднее систематические наблюдения, а затем и раскопки вел здесь Л. Вертеш. В связи с этим часть карьера заповедана и закреплена за Венгерским Национальным музеем.

Травертины залегают здесь на 4-й аллювиальной террасе, которая коррелируется с 4-й террасой Дуная и геологически датируется минделем. Древность ее была подтверждена находкой в Вертешсёллёш зуба слона-трогонтерия.

Здесь у поверхности 4-й террасы зафиксированы четыре слоя. 1-й, древнейший слой с костями животных и изделиями, вырезка из которого выставлена в Национальном музее, имеет мощность от 5 до 50 *см*; 2-й слой также травертиновый (60—100 *см*) беднее костями и изделиями; 3-й слой залегает уже в лёссе; 4-й, наиболее поздний слой перекрывает предыдущий. Древность лёсса доказывает обнаруженный в нем зуб махайрода. Найденный фрагмент затылочной кости и зуба человека происходят из 1-го, древнейшего слоя.

Венгерский антрополог А. Тома, предварительно описавший фрагменты зубов, а также черепа с затылочным отверстием, пришел к выводу, что эти палеоантропологические остатки принадлежат архантропу и, следовательно, могут служить аргументом в пользу принадлежности Средней Европы к зоне, где совершался процесс антропогенеза.

В последний день пребывания в Будапеште мне удалось беседовать с Ф. Тобайасом, специально приехавшим в Будапешт из Южной Африки, где он работает с Лики, для изучения костных остатков архантропа из Вертешсёллёша. Он подтвердил огромное научное значение находки и сообщил мне, что, по его предварительному впечатлению, череп человека из Вертешсёллёша отличается несколько большими размерами, чем черепа питекантропа и синантропа.

Каменный инвентарь из Вертешсёллёша представляет собой небольшой комплекс мелких галечных орудий и отщепов.

Следует отметить, что неподалеку от местонахождения, на площади старого карьера, в пункте, где сохранился весь разрез с лёссом над тревертинами, он был недавно заключен в каменную башню, что сохраняет возможность проверки стратиграфии в любое, даже отдаленное время. Под башней обнажен округлой формы травертиновый бассейн и под ним — тонкий (не более 20 *см*) культурный слой с костями и кремнем.

На окраине г. Тата нам был показан еще один палеолитический памятник — позднемустьерская стоянка Тата. Она была исследована Т. Кармошем (1912 г.) и Л. Вертешем (1958—1961 гг.).

Культурные остатки в Тата залегают на 2-й надпойменной террасе в тонком (15—30 *см*) слое лёсса и покрыты прослойкой речного песка толщиной 70—80 *см*. Выше залегает толща травертинового туфа 7—8 *м* мощности, имеющая весьма типичные обнажения с видными в разрезе валами древних бассейнов. В этих условиях культурный слой пришлось изучать и выбирать, не вскрывая покровной толщи туфа. После окончания раскопок выбранная ими полость была закрыта снаружи прочной цементной стенкой.

Собранные здесь богатые остатки характеризуют своеобразное галечниковое мустье, с преобладанием своеобразных скребловидных форм с рабочими краями, частью обработанными с двух сторон («скребловидные ножи»). По мнению Л. Вертеша, первоначально видевшего здесь протоселетские черты, инвентарь Тата лишь соответствует раннему селету по времени, но не находится с селетом в генетической связи.

Из двух имеющихся для Тата абсолютных дат — около 50 000 и 33 600 ± ± 1200 лет — Л. Вертеш и М. Крецой считают более правдоподобной первую. Находки костей мамонта на стоянке, так же как и другие биостратиграфические и гео-

лого-стратиграфические данные, привели Л. Вертеша и М. Крецоя к необходимости относить ее к концу рисс-вюрмского интергляциала.

Вечером у директора Археологического института Венгерской Академии наук Л. Геревича началась дискуссия по теме симпозиума.

Во вступительном слове к дискуссии Л. Вертеш дал общую характеристику культуры селета. Он представил в цифрах состав каменного инвентаря, в котором главную роль играют листовидные острия (36%) и скребла (23%), и рассматривал селет только как венгерскую культуру с очень ограниченным распространением в двух родственных группах: восточная располагается в горах Бюк и состоит из восьми местонахождений (богатейшее из них в двухслойной пещере Селета) и западная — из семи местонахождений (главное в Янковичской пещере). Памятники восточной группы хорошо подразделяются на два хронологических горизонта (в пещере Селета). Наблюдается ясная картина формирования раннеселетского комплекса на местной позднемустьерской основе. Базируясь на радиокарбоновых и типологических данных, общие хронологические рамки селетской культуры можно установить в диапазоне между 45 и 30 тысячами лет.

На селетских памятниках резко преобладают кости пещерного медведя; они сопровождаются фауной, общераспространенной в первую половину вюрмского оледенения, с первым интерстадиалом которого, видимо, совпадает нижний горизонт селета; в флористическом отношении он характеризуется углями лиственных деревьев, тогда как в верхних горизонтах встречены преимущественно остатки хвойных древесных пород.

Нижний горизонт культуры селета сопоставляется со временем среднеевропейского ориньяка I, тогда как верхний горизонт сопоставляется с ориньяком II или перекрывается им; здесь же в верхнем горизонте появляются первые элементы граветтийского инвентаря. Последнему заключению не противоречит радиокарбоновая дата ближайшей восточнограветтской стоянки Бодрогкерестур: 28 700 ± 300 (GXO 195). Таким образом, в данном регионе с селетским населением отчасти сосуществовало восточнограветтийское, так же как с раннеселетским — позднемустьерское, о чем особенно ясно говорят материалы из пещеры Бюдёшпешт.

При этом селет и западноевропейское солютре не имеют общей линии развития, о чем говорит хотя бы десятитысячелетний хронологический разрыв между этими культурами (древнейшая дата для французского солютре равна 20 650 ± 300 лет (Gro, 1888).

Л. Вертеш остановился на вопросах номенклатуры и, в частности, на содержании терминов «пресолютреен», «солютреен» и «селетьен». Селет, по его мнению, локальное понятие, применимое лишь к определенной группе венгерских памятников; в праве на существование понятия «пресолютреен» он сомневается; наконец, он думает, что в Средней и Восточной Европе нельзя говорить о солютре, не искажая первоначального французского понятия о солютре. Как объединяющее понятие он предлагает термин «старшая группа листовидных острий» (altere Blattspitzengruppe), которая включает различные, морфологически и хронологически обособленные группы, как «селетьен», «вейнбергьен», «костенковская культура»; одной из таких групп могла бы быть и «ореховьен».

Листовидные острия характеризуют все упомянутые здесь индустрии. Но попытка обособления отдельных индустрий на основании листовидных острий оказалась безуспешной. В этом отношении важна помощь специалиста по данному вопросу, участника симпозиума Гизелы Фреунд.

Далее состоялась общая дискуссия по селетской проблеме, в которой доминировал типологический акцент. В дискуссии приняли участие Г. Фреунд, Г.-Ю. Мюллер-Бек, Л. Цотц, О. Н. Бадер, Б. Клима, Л. Вертеш.

Затем были заслушаны информационные доклады о распространении палеолитических культур с листовидными наконечниками в Чехословакии — Б. Клима и Польше — В. Хмелевского.

В заключительной части заседания были заслушаны доклады О. Н. Бадера «Симпозиум 1963 г. и результаты последующих исследований на стоянке Сунгирь» и М. М. Герасимова «Жилища Мальтинской стоянки».

На следующем заседании симпозиума продолжались доклады о распространении культур с листовидными наконечниками и их обсуждение: для территории ФРГ — Г. Фреунд, для СССР — О. Н. Бадера, для Юго-Восточной Европы — Н. Джамбазова и Г.-Ю. Мюллер-Бека.

На вечернем заседании были заслушаны два специальных сообщения Г.-Ю. Мюллер-Бека и В. Хмелевского, посвященные общим вопросам типологических построений и систематики палеолитических материалов.

После этого развернулась общая дискуссия, в которой приняли участие Л. Вертеш, Г.-Ю. Мюллер-Бек, Г. Фреунд, В. Хмелевский, О. Н. Бадер, М. Крецой, Л. Цотц. В ходе дискуссии более или менее определился общий взгляд на проблему селета, который может быть выражен следующими основными положениями: 1) селетскую культуру представляет ограниченная венгерская локальная группа памятников, существовавшая параллельно с другими культурно близкими группами; 2) селет, как и некоторые другие верхнепалеолитические культуры Средней и Восточной Европы,

возникает на почве местного мустье, минуя ориньякскую ступень, и имеет связи с этими культурами.

Участники симпозиума избрали редакционную комиссию, одной из задач которой будет разработка вопросов систематики и номенклатуры селета. В комиссию вошли Л. Вертеш, В. Хмелевский и Г.-Ю. Мюллер-Бек.

В заключение было высказано единодушное пожелание провести следующий, третий симпозиум в Польше не позднее 1970 г. и посвятить его той же проблеме становления верхнего палеолита.

11—15 сентября мы знакомились с научными организациями, музеями Будапешта, с городом и его памятниками, продолжали работать над коллекциями Национального музея.

В Городском музее Будапешта участники симпозиума ознакомились с материалами новейших раскопок В. и М. Габори.

Важнейший из этих памятников — мустьерская стоянка Эрд, расположенная в 25 *км* на юго-запад от Будапешта. Она исследуется Верой Габори. Стоянка интересна прежде всего тем, что она многослойная. Нижний культурный слой толщиной в 20 *см* отделяется от верхнего стерильной прослойкой такой же толщины; верхний культурный слой 80—100 *см* мощностью подразделяется на пять горизонтов (возможно, следы пяти посещений) и перекрывается лёссом. Общая геологическая дата и протяженность культурных отложений стоянки — от RW до максимума W, но не достигает времени Брёрупа. Богатая фауна (около 50 000 костей) в нижнем культурном слое обнаруживает более теплолюбивый характер и более чем наполовину состоит из костей пещерных медведей. В верхнем слое процент остатков пещерного медведя падает, зато увеличивается процент лошади (17%) и носорога, иллюстрируя развитие охоты. В фауне из среднего горизонта верхнего слоя неожиданно появляются арктические элементы.

По наблюдениям М. Крецоя, обрабатывающего фауну, на стоянке много зубов молодых и неродившихся медведей, что говорит о весенней охоте, когда пещерные медведи возвращались с равнины в горы, в пещеры. Туши медведей приносили на стоянки с длинными костями и черепом, но без лап — интересная особенность охотничьих традиций.

В верхнем слое обнаружены две ямы; одна большая очажная яма, возможно, была связана с жилищем.

Каменный инвентарь состоит примерно из 5000 предметов, в числе которых около 900 орудий. Каменное сырье — преимущественно кварцит, главным образом речная галька. В составе орудий особенно много скребел из галек с подтесанным вдоль рабочего края брюшком. Плохое качество сырья исключало применение леваллуазской техники. В верхнем слое процент инструментов несколько больше, чем в нижнем слое. Но сопоставление каменного инвентаря из нижнего и верхнего слоя обнаруживает очень большое сходство и лишь очень слабую тенденцию развития. Это подтверждено и применением метода Борда. В верхних горизонтах верхнего слоя отмечается появление верхнепалеолитических форм, но в целом материальная культура стоянки имеет еще вполне мустьерский облик.

Для 4-го (сверху) горизонта верхнего культурного слоя удалось получить радиокарбоновую дату (Гронинген): более 44 000 лет.

По мнению супругов Габори, стоянка Эрд вместе со стоянками Шубаюк и Тата образуют культурно единую венгерскую группу мустьерских стоянок, сходную с восточноальпийскими стоянками, Крапиной, Беталовым Сподмолом (Югославия) и некоторыми местонахождениями Северной Италии. Все вместе эти памятники составляют среднеевропейскую группу мустьерских памятников, близкую шарантьенской во Франции. Существование связей того времени между мустьерским населением Венгрии и Шаранты иллюстрируется находкой на стоянке Эрд одного орудия из привозного материала (в коллекции отсутствуют и подобные осколки), которое по всем признакам совпадает с шарантьенскими. Интересно мнение марсельского археолога Люмлея, осмотревшего материалы из Эрд за неделю до нас; по словам В. Габори, он считает, что стоянка Эрд очень близка ранним мустьерским памятникам Шаранты.

В тот же день в сопровождении М. Габори и под руководством Клары Поци (Будапештский городской музей) мы осмотрели раскопки и музей римского города Аквинкум.

14 сентября в Антропологическом отделе Института естественной истории Венгерской Академии наук М. М. Герасимовым и мною были сделаны три сообщения. Первое из них М. М. Герасимова — «Документальный портрет исторических лиц. Отождествление черепа Шиллера методом реконструкции». Мои сообщения были озаглавлены: «Исследования уральского палеолита и их проблематика» и «Палеолитическое погребение на стоянке Сунгирь».

О. Н. Бадер

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ГРЕЧЕСКИМ ВАЗАМ ГДР

27—29 октября 1966 г. в г. Шверине (ГДР) проходила Международная конференция, посвященная греческим вазам как предмету торговли, ремесла и искусства. Конференция была организована Институтом греко-римских древностей Германской Академии наук и Университетом г. Ростока. Помимо ученых ГДР, в конференции приняли участие ученые из СССР, Венгрии, Болгарии, ФРГ, Англии и Норвегии. От Советского Союза участвовали А. И. Вощинина, С. П. Борисковская, Н. М. Лосева и Н. А. Сидорова. Всего в работе конференции участвовали более 70 человек.

За три дня на конференции было прослушано 26 докладов. Докладчиками были не только ученые, пользующиеся мировой известностью, как фон Люкен (Росток), Ланглотц (Бонн), Грейфенхаген (Берлин), но и талантливая молодежь, специализирующаяся по античному искусству. Все представители Советского Союза выступили с докладами.

Доклады, прочитанные на конференции, отличались большим разнообразием тематики. Несколько интересных сообщений было посвящено атрибуции отдельных выдающихся памятников античной вазописи (Грейфенхаген «Вновь приобретенные краснофигурные вазы в собрании Шарлотенбурга»; Е. Пауль (Лейпциг) «Неизвестный мастер чернофигурных киликов с росписью во фризе»; А. Зееберг (Осло) «Коринфский кратер Е 632 в Лувре»). В докладе фон Люкена (Росток) определилось место мастера Онезима среди других мастеров строгого краснофигурного стиля.

В ряде докладов рассматривались более обширные группы керамики и ставились вопросы развития той или иной области античной вазописи. Доклад И. Силаджи (Будапешт) был посвящен проблемам этрусско-коринфской вазописи. Использовав обширный материал коллекций различных музеев, в том числе Государственного Эрмитажа и ГМИИ им. А. С. Пушкина, докладчик определил ряд групп и мастеров этрусско-коринфской чернофигурной и чернолаковой керамики. Этруская и италийская вазопись превлекает в настоящее время внимание многих зарубежных исследователей. Б. Шефтон (Ньюкастль) посвятил свой интересный доклад проблеме подражания этрусских вазописцев краснофигурным вазам, доказав, что в некоторых случаях они прямо копировали росписи аттических ваз; возможно, что этрусские мастера обучались в аттических керамических мастерских.

Е. Родэ (Берлин, Музей Пергама) в своем докладе поставила целью определить мастеров интересной группы кампанских чернофигурных амфор с росписью в метопах, датирующихся концом VI — началом V вв. до н. э. К. Циммерман (Росток) собрал обширный материал по южноиталийским рыбным блюдам и убедительно выделил несколько центров производства этого вида керамики. Ф. Экштейн (Фрейбург) попытался на основе исследования геометрической амфоры в собрании Кольмара охарактеризовать островную геометрическую вазопись. Следует, однако, заметить, что приведенные им доказательства в пользу отсутствия связей между этой вазописью и геометрической керамикой Аттики были недостаточно убедительными.

Наибольший интерес представляли сообщения, посвященные теоретическим проблемам античной вазописи. В своем докладе старейший ученый-антиковед Е. Ланглотц характеризовал вазы как памятники, рассказывающие о различных сторонах культуры древних греков, и поставил ряд вопросов о связи назначения ваз и их росписей с культом мертвых и погребальными обрядами.

В докладе Б. Дёле (Берлин) рассматривались связи между греческой драмой и аттической вазописью в первой половине V в. до н. э. Автор справедливо указал, что наряду с изображениями, отражающими мифологические сюжеты, в росписи аттических краснофигурных ваз встречаются изображения различных сцен из театральных постановок; в частности, некоторые из таких изображений можно связать с трагедиями Эсхила. Такая постановка вопроса тем интереснее, что до настоящего времени для иллюстрации связей между вазописью и театром привлекались главным образом вазы IV в. до н. э.

В докладе В. Шиндлера (Берлин) о принципах композиции в искусстве высокой классики была сделана попытка связать развитие композиции фронтонных скульптур и вазовых росписей с историей и экономикой рассматриваемой эпохи. В многочисленных выступлениях, вызванных этим докладом, отмечалась некоторая прямолинейность и схематичность построений автора доклада

Доклад В. Цинзерлинг (Иена) был посвящен проблеме портрета и карикатуры в архаической и классической вазописи. Если карикатурные изображения в вазописи, преимущественно строгого стиля, достаточно часто привлекали внимание исследователей, то наблюдения автора над очень индивидуальными «портретными» изображениями, главным образом в росписях краснофигурного стиля, представляют несомненный интерес.

Доклады советских специалистов были посвящены античным вазам, хранящимся в музеях Советского Союза. Н. М. Лосева охарактеризовала лучшие произведения краснофигурной вазописи из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина, в том числе ряд интересных фрагментов, найденных при раскопках в Пантикапее и Фанагории (рис. 1). Доклад Н. А. Сидоровой был посвящен группе коринфской керамики из собрания того же музея (рис. 2). В докладе С. П. Борисковской рассматривалась коринфская керамика, происходящая из Северного Причерноморья. Фундамен-

Рис. 1. Краснофигурный скифос круга мастера Левис (Полигнот II). Середина V в. до н. э. ГМИИ им. А. С. Пушкина

Рис. 2. Раннекоринфская котила круга мастера Королевской библиотеки. Конец VII в. до н. э. ГМИИ им. А. С. Пушкина

тальный доклад А. И. Вощининой был посвящен стеклянным сосудам VI—V вв. до н. э. из раскопок Ольвии и других центров Северного Причерноморья. Основываясь на датировке погребальных комплексов, автор доклада дал убедительную датировку этих так называемых финикийских сосудов и проследил эволюцию их формы.

Значительно менее убедительным был доклад Т. Хеверинк (Майнц), также посвященный стеклянным вазам; без достаточных аргументов она говорила о развитии стеклянного производства в Египте в период XX—XXI династий.

В заключение следует упомянуть доклад Ирмшера, посвященный истории создания фундаментального международного издания Corpus Vasorum Antiquorum, и перспективам публикаций собраний античной вазописи. И в докладе, и в прениях по его поводу были высказаны пожелания о необходимости включения в эту работу музеев Советского Союза. Материал советских собраний, в значительной своей части еще не опубликованный, вызывает большой интерес среди зарубежных специалистов; это проявилось в том внимании, с которым были выслушаны наши доклады, особенно те их разделы, которые касались материалов из Северного Причерноморья.

Участникам конференции была предоставлена возможность ознакомиться с собранием Шверинского музея. В нем находится интересная коллекция греческих ваз, в том числе известный скифос вазописца Пистоксена с изображением Геракла-мальчика с нянькой.

Кроме Шверина, а также прибалтийского города Висмара с интересными памятниками XIII—XIV вв., куда была для участников конференции организована специальная поездка, советским специалистам была предоставлена возможность познакомиться с собранием Пергамского и других берлинских музеев. А. И. Вощинина и С. П. Борисковская посетили также Росток.

Конференция по греческой вазописи в г. Шверине подтвердила необходимость и полезность подобных совещаний специалистов.

Н. М. Лосева, Н. А. Сидорова

СЕССИЯ АРХЕОЛОГОВ В КИШИНЕВЕ В 1967 г.

С 20 по 25 апреля 1967 г. в Кишиневе проходила сессия Отделения истории АН СССР, пленум Института археологии АН СССР и Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР совместно с Институтом истории АН МолдССР, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1966 г. В работе сессии приняли участие представители научных учреждений АН СССР, академий союзных республик, научно-исследовательских институтов автономных республик и областей, высших учебных заведений и музеев страны. На сессионных, пленарных и секционных заседаниях было прочитано и обсуждено около 300 докладов и сообщений [1]. К работе сессии была приурочена выставка новых материалов, полученных при раскопках последних лет в Молдавии, и выставка полевых материалов из раскопок сотрудников Института археологии АН СССР в 1966 г.

Сессию открыл президент АН МолдССР акад. Я. С. Гросул. Во вступительном слове он отметил успешное развитие археологических и этнографических исследований в Молдавии за годы Советской власти. Особо была подчеркнута роль Академии наук СССР в подготовке кадров молдавских археологов и успешное сотрудничество их с археологами других союзных республик.

В докладе Б. А. Рыбакова «Полвека советской археологии» была дана оценка современного состояния археологической науки в СССР, итоги, с которыми советские археологи приходят к пятидесятилетию Советской власти. В докладе были охарактеризованы основные проблемы, над которыми работают советские археологи в настоящее время, и определены основные задачи, стоящие перед учеными. Была отмечена необходимость широкого применения в археологии методов естественных наук. Г. Д. Смирнов и Л. Л. Полевой (Кишинев) в докладе «Археологические исследования в Молдавии в годы Советской власти» рассказали о широком фронте археологических исследований, которые ведутся в республике. Здесь комплексно изучаются различные археологические культуры от времени палеолита и до позднего средневековья.

Значительная часть докладов пленума была посвящена конкретным проблемам археологии Молдавии и смежных областей. А. И. Мелюкова (Москва) прочла доклад «Скифы и геты на Нижнем Днестре в IV—III вв. до н. э.». На основании новых полевых материалов она рассказала об оживленных контактах скифов и гето-фракийцев в Поднестровье, которое было пограничьем для этих племен, и о торговле их с греческими городами-колониями Тирой и Никонием. М. И. Артамонов (Ленинград) в докладе «К вопросу о карпато-дунайской культуре» на территории Румынии и северо-восточных областей Болгарии подтвердил принадлежность этой куль-

[1] В информации освещается археологическая часть работы сессии.

туры VII—IX вв. тюрко-болгарам, дал подробную характеристику культуры и ее исторические судьбы. Близкой тематике был посвящен и доклад И. Г. Хынку (Кишинев) «К вопросу о соотношении восточно-славянской и болгаро-дунайской культур в лесостепной полосе Молдавии». В докладе на основании сравнительного изучения материалов, полученных при археологических раскопках и происходящих с широкой территории, была сделана попытка четче охарактеризовать эти культуры и выяснить соотношение между ними. С. Н Бибиков (Киев) в докладе «Опыт палеоэкономического моделирования в археологии» преимущественно на материалах верхнепалеолитических поселений Украины показал возможность дать социальную и экономическую характеристику человеческих коллективов отдаленных эпох. Автор доклада доказывал широкую применимость в археологии этого метода А. М. Лесков (Киев) прочитал доклад «Новое в древней истории юга Украины». Он познакомил участников сессии с результатами трехлетних работ Керченской экспедиции АН УССР, которая исследовала разновременные памятники Восточного Крыма со времени палеолита и до позднего средневековья, расположенные в зоне строительства Северо-Крымского канала. Особо важные результаты были получены при исследовании курганов эпохи бронзы и скифо-сарматского времени. На основании новых материалов выяснены локальные особенности скифских памятников Восточного Крыма V—III вв. до н. э. А. Н. Карасев (Ленинград) рассказал об исследовании городища «Чайка» в Евпатории. Доклад Э. А. Рикмана (Кишинев) «Племена Прутско-Днестровского междуречья в первых столетиях нашей эры» был посвящен памятникам черняховской культуры в Молдавии. В нем содержалась развернутая характеристика материальной культуры, социальной организации, верований и быта населения Прутско-Днестровского междуречья II—IV вв. Много внимания было уделено выяснению этнического состава населения, оставившего эти памятники. С. А. Плетнева (Москва) в докладе «Народы Юго-Восточной Европы в VIII—IX вв.» подробно охарактеризовала памятники алано-болгарской культуры в степях и лесостепях Приазовья и Подонья. Она очертила области нахождения здесь кочевого и оседлого населения на основе изучения памятников салтово-маяцкой культуры. П. П. Бырня (Кишинев) сделал сообщение «Сельские поселения средневековой Молдавии», в котором речь шла о еще слабо изученной, но важной категории археологических памятников XV—XVII вв. Были приведены сведения о планировке этих поселений, уровне развития ремесла, данные о зарождении и развитии феодального способа производства в Молдавии. Ю. Н. Захарук (Киев) в докладе «О методологии и методике археологической науки» остановился на характеристике содержания понятия «методология исторической науки». В применении к археологии методологией он называет теоретическую дисциплину, задачей которой является социологическое осмысление всей совокупности данных археологических источников. Под методикой докладчик понимает совокупность методов, применяемых для изучения различных археологических источников. С большим интересом участники сессии прослушали доклад М. С. Великановой (Москва) «Население Прутско-Днестровского междуречья в эпоху бронзы». На основании новых антропологических материалов эпохи бронзы в лесостепной и степной Молдавии был выявлен единый антропологический тип европеоидного облика. Полученные антропологические данные подтверждают предположения археологов о восточном происхождении населения Молдавии в бронзовом веке. М. К. Каргер (Ленинград) в докладе «Новогородское зодчество начала XII в. в свете новых археологических открытий» сообщил о результатах раскопок церкви Благовещения на Городище в Новгороде, при которых были открыты остатки этого сооружения, построенного в 1103 г. По планировке и отделке деталей эта церковь оказалась прямым предшественником Георгиевского собора, построенного в 1119 г. М. А. Пелех (Кишинев) прочел доклад «Виноградарство и виноделие Причерноморья в древности». В нем говорилось об огромном значении этой древнейшей сельскохозяйственной культуры в Северном Причерноморье, где виноградарство стало известным с эпохи бронзы. Особое внимание в докладе было уделено технике виноделия и торговле вином. Значительный интерес представил раздел доклада о керамической таре для приготовления и траспортировки вина. Г. Д. Смирнов (Кишинев) в сообщении «Клад земледельческих орудий первой половины XIV в.» дал характеристику крупнейшего клада почвообрабатывающих орудий, найденных близ с. Требужены в Молдавии, и рассказал о методике изучения рабочих частей орудий этого клада. На основании найденных пахотных орудий была дана характеристика приемам обработки почвы в это время, Е. И. Крупнов (Москва) познакомил участников сессии с наиболее важными археологическими памятниками Ирака и в особенности с теми, которые были исследованы за последние годы.

В конце пленарных заседаний председатели секций сделали обзор секционных докладов и сообщений и познакомили с обсуждениями этих докладов.

На секции каменного века была заслушана серия докладов, среди которых большой интерес вызвало сообщение А. П. Черныша (Львов) «Исследования в Оселивке в 1966 г.». Здесь при раскопках были обнаружены остатки трех поселений, из которых два позднепалеолитические и одно раннепалеолитическое. Очень интересным оказались материалы В. И. Маркевича (Кишинев), о которых говорилось в сообщении «Итоги исследования раннего неолита в Молдавии в 1966 г.». И. К. Ива-

нова (Москва) доложила сообщение «Рельеф и палеогеография Приднестровья в каменном веке». В. Н. Гладилин (Киев) в докладе «О характере локальных различий в мустьерскую эпоху» предложил распространить на поздний палеолит культурно-историческую шкалу, выработанную на материалах более поздних археологических периодов. Он выделяет на основании техники обработки кремневых орудий млодовскую и антоновскую культуры мустье. Сходство путей развития индустрии камня в мустье позволяет ему стоянки мустье Германии, Польши, Венгрии, Румынии и Русской равнины включить в северную зону мустье. И. Г. Шовкопляс (Киев) доложил об исследовании позднепалеолитической стоянки у с. Клюсы (в бассейне р. Снов — притока Десны). В этом районе подобные памятники ранее не были известны. По мнению исследователя, эта стоянка может быть по времени помещена между Пушкарями I и стоянкой Погон. Ф. М. Заверняев (Брянск) в сообщении «О результатах исследования Хотылевского местонахождения» рассказал о раскрытии на нем ашель-мустьерского комплекса находок и остатков фауны. М. Н. Клапчук (Караганда) сообщил об археологических исследованиях в Карагандинской области в 1958—1966 гг. Он рассказал о местонахождении Жаман-Айбат, которое, по мнению исследователя, относится к домустьерскому времени. Памятники мустье представлены четырьмя местонахождениями: Космола, Кзыл, Джар 3, Батпак 8 и 12. Три поселения (Карабас 3, Батпак 7 и Ангенсор 2) относятся к верхнепалеолитическим. Найдена и мастерская, в которой изготовлялись верхнепалеолитические орудия. П. П. Борисковский (Ленинград) в сообщении «Новые работы по мезолиту Правобережной Украины» доложил о работах Одесского палеолитического отряда ЛОИА АН СССР. В 1966 г. им была открыта стоянка тарденуазского облика у с. Казанки в Николаевской области. Она является связующим звеном между подобными памятниками более западных и восточных областей. В другом сообщении того же автора «Раковины окрестностей Мадраса» речь шла о сходстве орнамента на раковинах из Индии с орнаментом на мезинских костяных изделиях и о возможном заимствовании орнаментации из этого источника. Н. Н. Гурина (Ленинград) в докладе «Итоги исследования белорусских шахт» рассказала о раскопанных экспедицией за последние годы 150 шахтах по добыче кремня. Обнаружены мастерские, в которых обрабатывался кремень, орудия шахтеров и остатки поселения, в котором жили горняки. М. Касымов (Ташкент) прочел доклад «Древние шахты по добыче кремня в Узбекистане», в котором подвел итоги исследованиям древних разработок кремня близ с. Учтит в долине р. Зеравшан, относящихся ко времени палеолита. В. П. Любин (Ленинград) рассказал об исследовании Кепшинской пещеры на Кавказе, в которой обнаружены напластования мустьерского облика. В. Е. Щепинский (Туапсе) в докладе «Новые данные по палеолиту Северо-Западного Кавказа» рассказал о нескольких разновременных палеолитических местонахождениях, обнаруженных в окрестностях Туапсе за последние годы. Среди них наиболее интересным оказалось Хадыженское раннепалеолитическое местонахождение, которое относится к эпохе мустье. Интересно и позднепалеолитическое местонахождение Широкий мыс. Н. А. Хотинский (Москва) в докладе «Возраст нижней границы неолита центральных районов Русской равнины» на основании пыльцового анализа и радиоуглеродных данных датировал неолитическое поселение на Берендеевом болоте в Ярославской области IV тысячелетием до н. э. К III тысячелетию на основании тех же анализов была отнесена стоянка Стрелка на р. Модлоне, торфяниковая стоянка Усвяты, стоянка Кривина.

Секция неолита и бронзового века. Заседания секции неолита и бронзового века были открыты докладом Н. Я. Мерперта «Раскопки многослойного поселения у с. Эзера (Южная Болгария) в 1964—1966 гг.». Здесь было вскрыто восемь горизонтов раннего бронзового века, датируемых второй половиной III тысячелетия до н. э. и принадлежавших одной культуре. Ф. Р. Махмудов, И. Г. Нариманов (Баку), Р. М. Мунчаев (Москва) прочитали доклад «Новые данные о древнейшей металлургии Кавказа», в котором говорилось о находках в Азербайджане остатков медеплавильных горнов на поселении Бабадервиш, датируемом III тысячелетием до н. э. В докладе были всесторонне рассмотрены находки металлических изделий этого времени из погребальных комплексов майкопской культуры. Р. М. Торосян (Ереван) доложил о результатах исследования поселения Техуб. А. Л. Нечитайло (Ставрополь) сделал сообщение «Катакомбные погребения у станицы Суворовской Ставропольского края». В. И. Мамонтов (Волгоград) в сообщении «Материалы новых придонских стоянок» рассказал об исследовании Пятиморской и Приморской стоянок, культурный слой которых обнаружился после спада воды на Цимлянском водохранилище. Е. К. Черныш (Москва) прочитала доклад «Орудия культуры гумельница», в котором различные категории кремневых орудий были представлены в сравнении с инструментами трипольских поселений. В. Я. Кияшко (Ростов-на-Дону) сделал сообщение «Новое энеолитическое поселение на Нижнем Дону», в котором охарактеризовал орудия и керамику селища III тысячелетия до н. э., обследованного на окраине ст. Константиновская. В. Г. Збенович (Одесса) в докладе «Хронология позднетрипольских памятников северо-западного Причерноморья» датировал памятники усатовского типа на основании аналогий второй половиной III тысячелетия до н. э. А. Х. Халиков (Казань) говорил о связях населения Среднего Поволжья на рубеже эпохи бронзы и раннего железа с Подне-

провьем. После завоевания скифами в VII—VI вв. до н. э. причерноморских степей связи между Средним Поволжьем и Поднепровьем прекратились. М. П. Грязнов (Ленинград) познакомил слушателей с результатами работ Красноярской экспедиции. Экспедицией велись большие работы по исследованию памятников бронзового века и раннего железа, в результате чего было раскопано около 210 курганов, содержавших более 450 могил. Экспедицией было зафиксировано более 1600 древних наскальных изображений. Н. В. Нащокин (Красноярск) прочитал доклад «Косогольский клад», в котором охарактеризовал клад вещей тагарской культуры, насчитывающий более 200 предметов, из них 130 выполнено в зверином стиле. Клад относится к III—I вв. до н. э. Г. И. Смирнова (Ленинград) сообщила о раскопанном ею могильнике культуры ноуа у с. Старые Бердажи на севере Молдавии. В. А. Дергачев (Кишинев) рассказал о раскопках на поселении культуры ноуа у с. Слободка Ширеуцы. С. А. Булатович (Одесса) в сообщении «Раскопки кургана в одесской области» изложила результаты исследования кургана эпохи бронзы у пос. Беляевка, в котором оказалось 23 погребения бронзового века, часть из которых относится к ямной культуре. А. Д. Прахин (Воронеж) в сообщении «Культурная принадлежность памятников с многоваликовой керамикой» отнес памятники с многоваликовой керамикой к катакомбной культуре и датировал третьей четвертью II тысячелетия до н. э. О. Бердыев (Ашхабад) в сообщении «Чакмалы-Тепе — новый памятник времени анау I-а» рассказал об исследовании более 30 жилых и хозяйственных помещений на поселении, которые группируются в четыре комплекса. И. Т. Черняков (Одесса) прочитал доклад «Северо-Западное Причерноморье в эпоху поздней бронзы». В нем отмечалось особое значение памятников Северо-западного Причерноморья, как находящихся между древними цивилизациями Балкано-Эгейского района и степной зоной Евразии. Особенностью района является наличие здесь в это время каменного домостроительства. Докладчик разделил керамику с поселений на четыре хронологических группы и указал на близость носителей культуры поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья к племенам срубной культуры. И. К. Свешников (Львов) в сообщении «Курган бронзового века у с. Иванье Ровенской области» говорил об исследовании курганов, относящегося к комаровской культуре. Новые материалы позволяют уточнить датировку культуры. В. И. Маркевич (Кишинев), А. П. Кусургашева (Москва) сделали сообщение «Антропоморфная пластика многослойного поселения Новые Русешты». Э. А. Балагури (Ужгород) в докладе «Памятники племен фелшесевич-становской культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем Потисье» охарактеризовал поселения, погребальный обряд этой культуры и отметил оживленные связи ее носителей с соседними районами. Е. В. Пузаков (Харьков) прочитал сообщение «К вопросу о методике изучения энеолитической керамики», в котором рассказал о результатах петрографического изучения сосудов харьковской, древнеямной, ямочно-гребенчатой и усатовской культур.

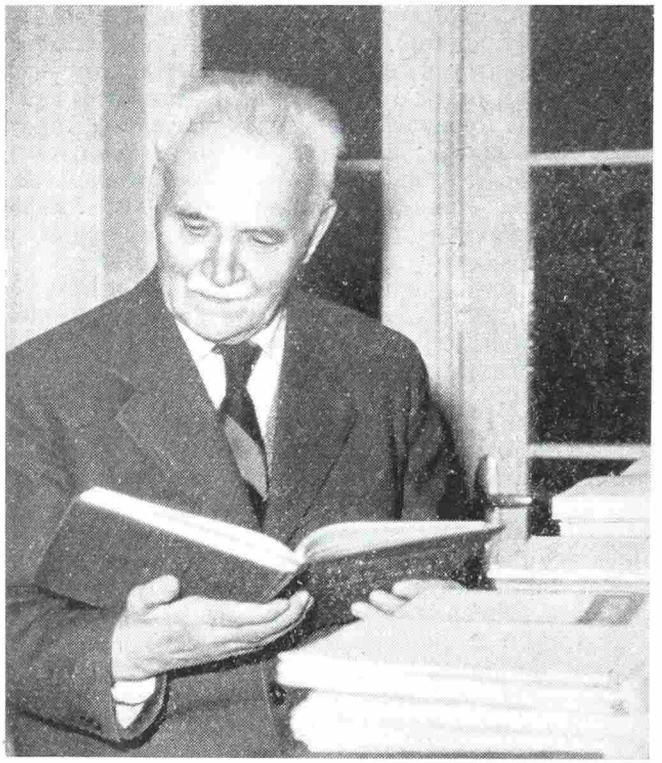
Секция железного века. В докладе П. Д. Степанова (Саранск) «Юго-западные связи племен Среднего Поволжья в первых веках нашей эры» речь шла о находках в Андреевском могильнике нескольких фибул типа «Avcissa» и сосудов италийского производства и о путях проникновения этих изделий в Среднее Поволжье. В. И. Бидзиля (Киев) прочитал доклад «Металлургический центр раннего железного века в Закарпатье». В нем было доложено об исследовании у с. Ново Кликово остатков 9 производственных металлургических комплексов, в которые входили горны и ямы для выжигания древесного угля. При раскопках одного из таких комплексов были расчищены остатки 96 горнов. Е. В. Максимов (Киев) в докладе «Исследования зарубинецких памятников на Среднем Поднепровье в 1966 г.» познакомил слушателей с результатами раскопок поселений зарубинецкой культуры у сел Пирогово, Хотяновка и в г. Каневе на Пилипенковой горе. Е. А. Шмидт (Смоленск) в сообщении «Планировка древнейших городищ Верхнего Днепра» говорил о расположении жилищ и хозяйственных построек преимущественно на исследованном им городище Демидовка. В сообщении Ю. А. Липкинга (Курск) «Основные черты археологического прошлого Курской области» рассказывалось о степени исследованности Курской области в археологическом отношении и об основных категориях археологических памятников, которые были открыты и частично исследованы за последние годы. Большой интерес вызвал доклад Г. А. Вознесенской (Москва) «Железо и сталь у племен черняховской культуры», в котором приводились анализы изделий из черного металла с 12 археологических памятников. На основании рассмотрения анализов был сделан ряд интересных исторических выводов. Г. Ф. Никитина (Москва) прочитала доклад «Погребальный обряд лужицкой культуры», в котором она остановилась на особенностях и локальных различиях погребального обряда в течение длительного времени существования лужицкой культуры. А. М. Шовкопляс (Киев) сообщила о новых поселениях зарубинецкой культуры в Киеве и его ближайших окрестностях. И. Д. Марченко (Москва) в сообщении «Общественное здание II в. до н. э.» рассказала об исследованиях в 1963—1966 гг. на пятой террасе Новоэспланадного раскопа в Керчи монументальной постройки, состоящей из двух комплексов помещений. Автор полагает, что это здание представляет собой пританей. Сообщение Д. С. Кирилина (Керчь). «Итоги третьего года раскопок у с. Огоньки» было отчетом об исследовании поселе-

ния IV—III вв. до н. э., расположенного на берегу соленого Тобечикского озера — одного из известнейших источников добычи соли в Европейском Боспоре. Здесь при раскопках были открыты остатки жилища с очагом и глинобитным полом. В. В. Кропоткин (Москва) прочитал доклад «Черняховские памятники Среднего Побужья». В докладе говорилось о раскопках могильника черняховской культуры у с. Рыжавка в 1962, 1965—1966 гг. Материал могильника давался в сравнении с другими памятниками черняховской культуры этого района. Э. А. Сымонович (Москва) в докладе «Черняховские памятники Поднепровья и Причерноморья» рассказал об исследованиях в этом районе могильников и поселений. Он обосновал датировки памятников и попытался определить особенности черняховской культуры этого района. Значительное внимание автор уделил вопросу об этнической принадлежности носителей черняховской культуры. Докладчику были заданы различные вопросы. Н. В. Анфимов (Краснодар) познакомил слушателей с докладом «Исследования меотских памятников Прикубанья в 1966 г.». Им велись работы на 2-м Елизаветинском могильнике, на могильнике 3-го Воронежского городища и на могильнике у аула Шенджий. При раскопках была получена большая и разнообразная коллекция находок, очень важная для характеристики меотской культуры. С большим вниманием был выслушан доклад Б. В. Техова (Цхинвали) «Археологические работы в 1966 г. в Юго-Осетии». Автор доклада рассказал о раскопках могильника Тли кобанской культуры, на котором было исследовано 39 погребений VII—VI вв. до н. э. По значимости этот могильник является наиболее интересным для изучения кобанской культуры. И. С. Винокур (Каменец-Подольский) прочитал сообщение «Могильник и поселение черняховской культуры у с. Ружичанка». В 1965—1966 гг. было исследовано на этом памятнике 72 погребения середины и второй половины III в. М. И. Русалова (Баку) рассказала о торговых взаимоотношениях Кавказской Албании с эллинистическим миром в IV—I вв. до н. э. и сделала выводы о торговых путях в Кавказскую Албанию, по которым поступали эллинистические вещи и монеты. Т. И. Голубкин (Баку) в небольшом сообщении «О минералах в художественном ремесле Кавказской Албании» познакомила слушателей с техникой изготовления бус, найденных преимущественно в Мингечауре и изготовленных из серы, мела и пирита. А. Б. Нуриев (Баку) доложил о торговых связях Кавказской Албании с ближневосточными странами преимущественно на основании находок на ее территории привозных стеклянных изделий. В сообщении Н. И. Навротского (Армавир) «Памятники Армавира и восточного степного района Краснодарского края» рассказывалось об археологических разведках памятников преимущественно железного века, проведенных автором сообщения. В. П. Шилов (Ленинград) познакомил секцию с итогами работ Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1966 г., которая раскапывала савроматский курганный могильник VI—IV вв. до н. э. и сарматский курганный могильник I в. до н. э. И. Б. Брашинский (Ленинград) в сообщении «Новые исследования Елизаветовского могильника на Нижнем Дону» рассказал о раскопках 11 курганов скифского времени, среди которых наибольший интерес представили курганы первой половины V в. до н. э., до сих пор не известные в этой группе. Сообщение Э. А. Рикмана (Кишинев) «Селище первых столетий н. э. у села Собарь (Молдавия)», в котором автор поднял вопрос о датировке каменной постройки, найденной на территории поселения черняховской культуры, вызвало оживленную дискуссию. Л. В. Вакуленко. (Черновицы) сделал сообщение «Поселение II—III вв. у с. Глубокое на Буковине». При раскопках этого поселения встретились остатки двух наземных глинобитных построек и лепная керамика, сходная с керамикой карпатских курганов. Н. В. Пятышева (Москва) прочитала сообщение о «Статуэтке пляшущего кочевника из Херсонеса». Она интерпретировала бронзовую статуэтку как изображение гунна в состоянии ритуального танца. И. Б. Клейман (Одесса) в сообщении «Раскопки Тиры Одесским археологическим музеем в 1963, 1965—1966 гг.» рассказал о постройке, которая докладчиком рассматривается как вексиляция I Италлийского легиона. Дата постройки — 70-е годы II в. Ю. С. Крушкол (Москва) доложила о раскопках античного здания в Анапском районе у хутора «Рассвет». Найденные на территории постройки сельскохозяйственные орудия и другие вещи говорят о том, что постройка была разрушена в 45 г. н. э.

Секция средневековой археологии. Н. В. Пятышева (Москва) сделала сообщение о раскопках ГИМ в Херсонесе. И. А. Антонова (Севастополь) прочитала доклад «Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху». Исследования зафиксировали многократные капитальные и частичные перестройки всех сооружений, ограждавших портовой район Херсонеса. Е. В. Вейнмарн (Бахчисарай) в докладе «Скалистинский раннесредневековый могильник как исторический источник» дал отчет об исследовании могильника конца IV—IX вв., в котором было обнаружено 838 погребальных сооружений. Собранные материалы позволяют говорить о единстве материальной культуры в юго-западном Крыму и о связях населения, оставившего этот памятник, с позднескифским и сарматским миром. Материалы могильника дают хорошее представление о времени и темпах проникновения на эту территорию христианства. И. А. Рафалович (Кишинев) в сообщении «К вопросу о вариантах раннеславянской культуры VI—VIII вв. в Прутско-Днестровском междуречье» говорил о распространении в северной Молдавии «пеньковского» варианта раннеславянской культуры. Л. Л. Полевой и В. С. Бей-

лекчи (Кишинев) доложили об изучении керамики славянского селища Хуча (VI—VII вв.) методом водопоглощения. Г. Г. Мезенцева (Киев) в докладе «Древнерусские памятники Каневщины» познакомила слушателей с исследованиями Каневского поселения, на котором были открыты полуземлянки с глинобитными печами VII—IX вв. Кроме того, были произведены исследования на городище Княжа гора, на котором также были раскопаны жилища, производственные сооружения и хозяйственные постройки. Автор доклада высказала предположение, что городище Княжа гора возникло на базе Каневского поселения. С. И. Пеняк (Ужгород) остановился на вопросе о времени расселения восточнославянских племен в Потисье. Он полагает, что наиболее древними славянскими памятниками здесь являются поселения и могильники с трупосожжениями VII—VIII в., которые, по-видимому, составлены восточнославянским племенем «белые хорваты». А. В. Циркин (Саранск) в сообщении «Культурные связи мордвы с древней Русью (VII—X вв.)» на основании изучения материалов из древнемордовских могильников говорил о проникновении туда раннеславянских вещей. Особенно оживленные связи были в IX—X вв., когда на территории Мордовии широко распространяются предметы славянского производства и обряд трупосожжения, характерный для славян. Н. А. Мажитов (Уфа) доложил об исследовании курганных могильников VIII—IX вв. на Южном Урале в районе Белорецка. Е. А. Халикова (Казань) в сообщении «Некоторые венгерские параллели погребальному обряду Танкеевского могильника (IX—X вв.)» говорила об огромном значении Танкеевского могильника для характеристики этнического состава Волжской Болгарии. Вместе с тем отдельные элементы погребального обряда находят аналогии в венгерских могильниках. По всей видимости, в составе населения Волжской Болгарии и складывающегося Венгерского государства в X в. был сходный этнический компонент. З. В. Янушевич (Кишинев) в докладе «Культурные растения из раскопок памятников IV—XIV вв. в Молдавии» дала характеристику зерна, найденного на поселениях черняховской культуры в Молдавии. Много внимания было уделено характеристике находок злаков на средневековых молдавских памятниках. В. А. Войцеховский (Кишинев) в сообщении «Оборонное зодчество Поднестровья» дал характеристику архитектуры и фортификационных сооружений Белгород-Днестровской, Сорокской, Хотинской и Бендерской крепостей. Докладчик подробно остановился на вопросе о времени сооружения крепостей и многочисленных перестройках их. Р. Волкайте-Куликаускене прочитала доклад «Новые данные о погребениях с конями в литовском археологическом материале». Она рассказала о широком распространении этих погребений в особенности в конце I тысячелетия. Подробно был охарактеризован конский убор, происходящий из этих погребений. В. А. Уртан (Рига) в сообщении «Результаты Даугмальской экспедиции» рассказал о раскопках, проведенных на Даугмальском городище в 1966 г. Были раскрыты остатки построек XI—XII вв., собрана большая коллекция находок, найдены остатки мастерской ювелира. На городище открыты и напластования раннего железного века. Ф. Д. Гуревич (Ленинград) прочитала сообщение «Раскопки в Новогрудке в 1965—1966 гг.», продемонстрировав новые находки, сделанные в 1965—1966 гг. В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) сделал доклад «Земледелие у алан в X—XIII вв.», в котором был подробно описан процесс оседания на землю алан-кочевников и представлены землеобрабатывающие и уборочные орудия этого времени, проанализированы находки семян культурных растений. Докладчик показал, что земледелие было базой для развития феодальных отношений у алан. Т. М. Минаева (Ставрополь) в сообщении «О некоторых общих чертах в археологических памятниках Северного Кавказа и Молдавии» говорила о распространении скальных пещерных могильников алан в Крыму, где они зафиксированы письменными источниками, и о наличии таких погребений в Молдавии. Г. Джиддн (Баку) в докладе «Археологические исследования крепостей Ширвана» дал характеристику археологических находок, полученных при раскопках крепостей Гюлистан и Бугурт. На основании этих материалов была сделана попытка удревнить время сооружения этих крепостей. Одновременно были показаны широкие торговые связи Ширвана с другими крупными городами Азербайджана. И. М. Чеченов (Нальчик) в сообщении «Раскопки городища Нижний Джулат» рассказал об исследовании на территории памятника крупнейшей на Северном Кавказе соборной мечети. При раскопках жилых кварталов городища был получен материал, который говорит о разнообразной хозяйственной деятельности его обитателей с начала нашей эры до нашествия Тамерлана.

Р. Л. Розенфельдт



АКАДЕМИК ЯН АЙЗНЕР
(1885—1967)

2 мая 1967 г. археологическая наука лишилась одного из выдающихся ученых старшего поколения. В Праге, в возрасте 82 лет скончался академик Ян Айзнер (J. Eisner) — неутомимый труженик, автор многочисленных исследований, хорошо известных советским археологам, воспитатель целого поколения археологов Чехословакии.

Академик Я. Айзнер вошел в науку, как ученик и последователь известного чешского слависта — Л. Нидерле, и хотя круг его интересов не ограничивался славянской тематикой, исследования в области славянской археологии были главной задачей его жизни. Выдающиеся успехи чехословацких ученых, изучающих славянские первобытные и раннесредневековые древности, во многом были подготовлены трудами академика Я. Айзнера. Его работы, посвященные большим проблемам славянской археологии, сыграли значительную роль в развитии этой отрасли знания и в других странах — славянских и неславянских.

Первый период деятельности Я. Айзнера был связан со Словакией, с Братиславским университетом. В 20—30-х гг. он являлся главой словацких археологов. Ему принадлежит первый большой обобщающий труд по археологии Словакии — «Словакия в первобытные времена» («Slovensko v pavěku»), вышедший в свет в 1933 г. В книге дана периодизация древностей Словакии и охарактеризованы культуры, начиная от палеолита и кончая раннесредневековым временем. И позднее акад. Айзнер уделял большое внимание вопросам словацкой археологии. В 1952 г. была опубликована его известная монография «Девинская Новая Весь» («Devínská Nová Ves»), посвященная славяно-аварским древностям Словакии VII—VIII вв. Книга эта была высоко оценена научной общественностью и отмечена в Чехословакии Государственной премией.

Второй период научной и педагогической деятельности академика Я. Айзнера, в течение которого его работы в области славянской археологии развернулись особенно широко, связан с Прагой, с Карловым университетом, Институтом славяноведения Чехословацкой Академии наук и Чехословацким археологическим обществом, председателем которого он являлся долгие годы. В этот период — последние четверть века — акад. Я. Айзнер объединил вокруг себя группу молодых исследователей — археологов, историков и филологов,— занимающихся проблемами далекого славянского прошлого. Под редакцией акад. Айзнера выходят в свет сборники «Возникновение и начала славян» («Vznik a počátky slovanů»).

А совсем недавно, в конце 1966 г. была опубликована большая книга академика Я. Айзнера — «Руководство по славянской археологии» («Rukověť slovanské archeologie») — первая часть обширного труда, «нового Нидерле», обобщающего все последние достижения славянской археологии. Тяжело больной академик Ян Айзнер, наш общий друг, товарищ и учитель, до последнего вздоха оставался на своем посту.

П. Н. Третьяков

Б. А. ЛАТЫНИН

(1899—1967)

11 июня 1967 года после тяжелой и длительной болезни скончался один из известных археологов нашей страны, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, Борис Александрович Латынин, ученый, имя и деятельность которого неразрывно связаны с первыми шагами и успехами советской археологической науки.

Б. А. Латынин родился 30 сентября 1899 г. в Ашхабаде. После смерти отца, служившего в Ташкентской судебной палате, семья в 1904 году переехала в Петербург. С этим городом были связаны все лучшие годы Б. А. Латынина. В 1920 г. он поступил в Петроградский археологический институт, который позднее был присоединен к Петроградскому (Ленинградскому) Государственному Университету и стал археологическим отделением факультета общественных наук. В 1923 г. Борис Александрович окончил Университет и был оставлен сотрудником археологического отделения, а в 1926 г. зачислен там же в аспирантуру.

Параллельно с аспирантурой он работал в Государственной Академии истории материальной культуры (с 1924 г.) и в Институте языка и мышления АН СССР. В 1929 г. Б. А. Латынин закончил аспирантуру. В 1931 г. он был принят научным сотрудником в новый, создавшийся тогда отдел доклассового общества Государственного Эрмитажа (ныне отдел истории первобытной культуры). Б. А. Латынин был одним из самых активных работников этого отдела и ему принадлежит очень большая заслуга в формировании его коллекций. О пополнении фондов отдела он заботился до последних месяцев своей жизни.

С самого начала научной деятельности Б. А. Латынин интересовался проблемами происхождения и хронологии культур неолита и бронзового века. Еще будучи аспирантом он поставил своей задачей изучение археологических коллекций эпохи бронзы, хранящихся в музеях Украины, Кавказа, Поволжья и Средней Азии. Собрав огромный материал, Борис Александрович составил картотеку по коллекциям музеев. В этой картотеке, сохранившейся до настоящего времени, представлены фотографии керамики и вещей, пропавших во время Великой Отечественной войны. Многие специалисты по сей день обращаются к этим материалам.

Курганам бронзового века степей и лесостепей Восточной Европы Борис Александрович посвятил свою кандидатскую диссертацию. В ней он впервые поставил вопрос о выделении локальных вариантов ямной, катакомбной и срубной культур. Если бы эта работа была защищена и опубликована в свое время, то явилась бы значительным этапом в изучении культур бронзового века юга нашей страны.

Б. А. Латынин вел полевые археологические работы в Закавказье, Средней Азии, на Десне и Среднем Поволжье.

Когда в 30-х годах по всему Советскому Союзу начались грандиозные стройки, Б. А. Латынин становится организатором археологических исследований на новостройках. Можно с уверенностью сказать, что благодаря его энергии и организаторским способностям, работы археологов были проведены тогда в зоне крупнейших

строек нашей страны и стали хорошей традицией советской археологии. Он и сам принимал участие в первых новостроечных экспедициях. Так, в 1933 году Б. А. Латынин возглавил экспедицию в район проектируемой гидроэлектростанции на реке Нарын в Фергане. Ему принадлежит заслуга создания первой предварительной классификации ферганских древностей, которая если не целиком, то в большой степени выдержала испытание временем. Он же впервые поставил вопрос о древнейшей оросительной системе в Фергане, привлекая внимание археологов к этой исключительно важной для Средней Азии, но тогда еще совсем неизученной проблеме. Со времени работ в Фергане, среднеазиатская тема становится второй основной темой Бориса Александровича в археологии.

В 1935 году Б. А. Латынин был вынужден покинуть Ленинград и до конца 1936 года находился в г. Куйбышеве, где работал в краевой комиссии по охране исторических памятников, принимал участие в работах областного краеведческого музея, вел раскопки средневекового мордовского Барбашинского могильника. С 1936 по 1946 год научная деятельность Б. А. Латынина была прервана из-за необоснованного репрессирования. Он выжил в тяжелых условиях благодаря крепкому здоровью, жизнеспособности и энергии. Только в 1946 году Борис Александрович получил возможность вернуться к работе в Сызранский краеведческий музей. И здесь, как и в Куйбышеве, он вел большую краеведческую работу, отдавая ей все силы и знания, как и всему, что он делал в жизни.

В это время он написал работу на тему об отражении образов женского божества и мирового дерева в фольклоре и материальной культуре народов Поволжья, используя свои знания в области этнографии, которой он занимался еще в начале своей научной деятельности. Эта его работа, оставшаяся неопубликованной, в 1948 г. была им защищена как кандидатская диссертация.

В 1953 г. Борис Александрович возвратился в Ленинград и продолжил свою работу старшего научного сотрудника в отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Его здоровье уже было сильно подорвано, но он ни за что не хотел с этим считаться. Он хотел наверстать потерянные годы и успеть сделать как можно больше. Стремясь догнать своих сверстников, подняться на тот уровень науки, который был достигнут за прошедшие годы, Б. А. Латынин благодаря своей энергии и работоспособности, восполнил этот пробел и в 1962 году защитил докторскую диссертацию на тему «Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия Ферганы». Это было подведением итога по одной из его научных тем. После защиты он снова возвратился к другой области своих научных интересов и все последние годы работал над периодизацией и проблемой происхождения культур эпохи энеолита и бронзы Восточной Европы. Незадолго до того, как болезнь приковала его к постели он сдал в печать свою монографию «Молоточковидные булавки. Их культурная атрибуция и датировка». За этим названием скрывается большое исследование не только по периодизации культур бронзового века, но и по синхронизации степных культур с кавказскими, ставятся вопросы происхождения некоторых культур в том и другом районе, рассматриваются общие вопросы истории племен эпохи бронзы. Эта работа вышла из печати уже после смерти Бориса Александровича (Археологический сборник Гос. Эрмитажа, 1967, № 9).

Б. А. Латынину, как ученому, всегда было свойственно стремление к широким обобщениям. Он постоянно рассматривал все явления на основании большого фактического материала, поднимал значительные научные проблемы, пытался понять историю древних обществ во всем ее многообразии. Особое внимание Борис Александрович уделял методике работы над археологическим материалом.

Свою научную деятельность он всегда сочетал с заботой о молодых ученых. К нему обращались специалисты разных областей археологии и он никогда никому не отказывал в помощи.

Человек большого мужества, обладавший неукротимой энергией, горячо преданный археологии, никогда и ни к чему не остававшийся равнодушным, Б. А. Латынин, несмотря на свою тяжелую жизнь, сделал все что мог, даже больше, чем мог. Все свои силы без остатка он отдал любимой науке и людям.

Н. Г. Горбунова, Н. К. Качалова

СТАТЬИ

К. В. Сальников. Итоги изучения памятников эпохи бронзы на Южном Урале . . . 3
И. К. Свешников (Львов). О символике вещей Михалковских кладов . . . 10
М. А. Дэвлет (Москва). Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее . . . 28
Б. А. Тургунов (Ташкент). Приемы фортификации античного Чаганиана . 39
В. Б. Виноградов (Грозный). Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э.— I в. н. э. . . . 48
С. М. Васюткин (Москва). Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия н. э. . . . 56
И. Ш. Шевелев (Кострома). Строительная метрология и построение формы храмов Древнего Новгорода конца XII в. . . . 73
Т. В. Николаева (Москва). Икона-складень 1412 г. мастера Лукиана . . . 89
В. Г. Брюсова (Москва). О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде (XI— нач. XII вв.) . . . 103
К 60-летию Б. Б. Пиотровского . . . 115
К 60-летию А. Л. Якобсона . . . 118

Публикации

А. А. Щепинский (Симферополь). О неолите и энеолите Крыма . . . 121
Ю. А. Савватеев (Петрозаводск). Петроглифы Новой Залавруги . . . 134
А. М. Лесков (Киев). Богатое скифское погребение из Восточного Крыма 158
О. Д. Лордкипанидзе (Тбилиси). Сухумская стела . . . 166
Ю. С. Гришин (Москва). О плиточных могилах Восточного Забайкалья 177
Т. Н. Высотская (Симферополь). Позднескифские городища и селища юго-западного Крыма . . . 185
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Пушкаревское городище на р. Десне . . . 194
М. Р. Полесских (Пенза). Боевое оружие и снаряжение из могильников армиевского типа . . . 198
Т. Н. Сенигова (Алма-Ата). Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня . . . 208

Заметки

А. Н. Мелентьев (Ленинград). Две узды из Мингечаура . . . 226
Г. Тончева (София). Одесос и Маркианополь в свете новых археологических исследований . . . 230
О. Я. Неверов (Ленинград). Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея . . . 235
В. М. Скуднова (Ленинград). Надгробие из Нимфея . . . 239
К. Маевский (Варшава). Польские археологические исследования в Нове (Болгария) в 1966 году . . . 242
А. М. Хазанов (Москва). Сарматский кинжал из Саратовского музея . . 249
П. Н. Старостин (Казань). Новый памятник предболгарского времени на Нижней Каме . . . 251
Л. М. Рутковская (Киев). Бронзовая статуэтка из Беговата . . . 255
С. С. Сорокин (Ленинград). Древние каменные изваяния Южного Алтая 260
В. А. Могильников. (Москва). Елыкаевская коллекция Томского университета . . . 263
Р. М. Джанполадян (Ленинград). Резное стекло из Двина . . . 268
А. А. Калантарян (Ереван). Ампула с изображением Св. Андрея из Двина 274
Е. А. Давидович (Душанбе). Новый среднеазиатский монетный двор Мухаммада хорезмшаха (1200—1220 гг.) . . . 277
Т. М. Минаева (Ставрополь). Новые находки на городище Маджара . . 284

Критика и библиография

М. А. Итина, А. В. Виноградов (Москва). Средняя Азия в эпоху камня и бронзы . . . 286
А. П. Окладников (Новосибирск). В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток . . . 295
М. П. Кучера (Киев). К вопросу о Плеснеске . . . 301

Хроника

О. Н. Бадер (Москва). Международный симпозиум по проблеме селета в Венгрии . . . 309
Н. М. Лосева, Н. А. Сидорова (Москва). Конференция по греческим вазам в ГДР . . . 314
Р. Л. Розенфельдт (Москва). Сессия археологов в Кишиневе в 1967 г. . . 316
Ян Айзнер . . . 322
Б. А. Латынин . . . 323

SOMMAIRE

Articles

K. V. Salnikov. Les bilans de l'étude des monuments de l'âge de bronze à l'Oural Sud 3
I. K. Svechnikov (Lvov): Sur la symbolique des objects des trésors de Mikhalkovo 10
M. A. Devlet (Moscou): De l'histoire de l'assimilation de sidérurgie à l'Iénissei Moyen 28
B. A. Tourgounov (Tachkent): Procédés de fortification de Tchaganian ancien 39
V. B. Vinogradov (Grozny): Sur l'interprétation de monuments funéraires de Sarmates de contreforts de la Caucasie 48
S. M. Vasutkine (Moscou): Quelques questions discutables de l'archéologie de la Bachkirie au I millénaire de notre ère 56
I. Ch. Chévélev (Kostroma): Metrologie de construction et l'édification des temples de Novgorod au fin du XII siècle 73
T. V. Nicolaéva (Moscou): Une icône pliante de l'année 1412 du maître Lucien 89
V. G. Brussova (Moscou): Sur la datation des fresques plus anciennes de la cathédrale de Sainte Sophie à Novgorod (XI—XII siècles) 103
À 60e anniversaire de B. B. Piotrovski 115
À 60e anniversaire d'A. L. Iakobson 118

Publications

A. A. Chtchépinski (Simféropol): Sur Néolithe et Énéolithe de la Crimée 121
I. A. Savvatéev (Pétrozavodsk): Pétroglyphes de Novaïa Zalavrouga . . 134
A. M. Leskov (Kiev): Un tombeau riche scythique de la Crimée Occidentale 158
O. D. Lorthkipandzé (Tbilissi): La stèle de Soukhoumi 166
I. S. Grichine (Moscou): Sur les tombeaux à dalles de la Transbaïkalie Orientale 177
T. N. Vysotskaïa (Simféropol): Les campements des Scythes avancés de la Crimée Sud-Ouest 185
R. L. Rosenfeldt (Moscou): Le gorodichtché Pouchkarevskoïe sur la Desna 194
M. R. Polesskikh (Pensa): Les armes et l'équipement militaire des cimétières du type d'Armievo 198
T. N. Sénigova (Alma-Ata): Les appareils d'éclairage du Tarase et leur rapport avec le culte du feu 208

Notes

A. N. Meléntiev (Léningrad): Deux brides de Minguetchaour 226
G. Tontcheva (Sofia): Odessos et Markianopol sous le jour des nouvelles découvertes archéologiques 230
O. I. Névérov (Léningrad): Mithridate Eupator et les anneaux-sceaux de Panticapée 235
V. M. Scoudnova (Léningrad): Pierre tombale de Nymphée 239
K. Majewski (Varsovie): Recherches archéologiques polonaises à Novac (Bulgarie) 242
A. M. Khazanov (Moscou): Glaive de Sarmates du Musée de Saratov . . . 249
P. N. Starostine (Kazan): Monument nouveau de l'époque prébulgare sur la Basse Kama 251
L. M. Routkovskaïa (Kiev): Une statuette de bronze de Begovate 255
S. S. Sorokine (Léningrad): Sculptures de pierre d'Altaï Sud 260
V. A. Moguilnikov (Moscou): La collection Elykaevskaïa de l'Université de Tomsk 263
R. M. Dianpoladian (Léningrad): Verre sculpté de Dvine 268
A. A. Kalantarian (Erevan): L'ampoule à l'image de Saint André de Dvine 274
E. A. Davidovitch (Douchanbé): Hôtel des Monnaies nouveau de Moukhammad khorezmchakh 277
T. M. Minaéva (Stavropol): Nouvelles trouvailles à gorodichtché Madjary 284

Critique et bibliographie

M. A. Itina, A. V. Vinogradov (Moscou): L'Asie Centrale à l'âge de pierre et de bronze 286
A. P. Okladnikov (Novosibirsk): V. M. Masson. L'Asie Centrale et l'Orient Ancien 295
M. P. Koutchera (Kiev): À la question de Plesnesk 301

Chronique

O. N. Bahder (Moscou): Symposium international sur le problème de selet 309
N. M. Loséva, N. A. Sidorova (Moscou): Conférence sur les vases antiques dans la République Démocratique Allemande 314
R. L. Rosenfeldt (Moscou): Session d'archéologues à Kichinev en 1967 . . . 316
Ian Eisner 322
B. A. Latynine 323

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АП — Археологічні пам'ятки Української РСР
АЭБ — Сб. «Археология и этнография Башкирии»
БАС — Башкирский археологический сборник
БИЯЛИ — Башкирский институт языка, литературы и истории
ВАН УРСР — Вестник Академии наук Украинской РСР
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВВ — Византийский временник
ВИСДВ — Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока»
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического об-ва
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАДК — Сб. «История и археология Древнего Крыма»
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИКДР — Сб. «История культуры древней Руси»
ИОЛАИЭКУ — Известия Общества любителей археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИРИ — История русского искусства
ИТУАК — Известия Таврической Ученой архивной комиссии
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Украинской РСР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
МАР — Материалы по археологии России
МИМК ТГУ — Музей истории материальной культуры Томского государственного университета
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині Київ
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
МЭ — Материалы по этнографии
Н1Л — Новгородская первая летопись
Н2Л — Новгородская вторая летопись
Н3Л — Новгородская третья летопись
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников
СВ — Советский восток
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СХМ — Сообщения Херсонесского музея
Тр. Абхаз ИЯЛИ — Труды Абхазского Института языка, литературы и истории
Тр. АН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Гос. исторического музея
Тр. ИИАЭ АН КазахССР — Труды Института истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР
Тр. ИЭ — Труды института этнографии
Тр. ОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
Тр. ОПКЭ — Труды Отдела первобытной культуры Эрмитажа
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского гос. университета
Тр. СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. СОМК — Труды Саратовского областного музея краеведения
Тр. ТашГУ — Труды Ташкентского гос. университета
Тр. ТОКМ — Труды Томского областного краеведческого музея
Тр. ХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. КабНИИ — Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института
Уч. зап. СГУ — Ученые записки Саратовского гос. университета
Уч. зап. Хакас НИИЯЛИ — ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
ЦГАДА — Центральный Госуд. архив древних актов
ЭВ — Эпиграфика Востока
ЭО — Этнографическое обозрение

AÉ — Archeologiai Értesitö. Budapest
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung
AJA — American Journal of Archaeology
AP — Archeologia Polska
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Easteru Antiquities in Stokholm
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua
JDAI — Jahrbuch des Deutschen archäologischen instituts
IosPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
PP — Przeglad Polski
PWK — Pauly — Wissowa — Kroll. Real Encyclopädie der Classischen Atertums Wissenschaft
SLA — Slowenská Archeologia. Bratislava
WA — Wiadomości Archaeologiczne. Warszawa
WPZ — Wienner Prähistorische Zeitschrift. Wien
ZOW — Z Otchłani Wieków. Poznan
ZWAK — Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej

Технический редактор *Т. А Аверкиева.*

Сдано в набор 17/X—1967 г. Т-01537 Подп. к печати 19/I 1968 г. Тираж 2475 экз.
Зак. 3520 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл.-печ. л. 28,7 + 1 вкл. Бум. л. 10¼ Уч.-изд. л. 30,9

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10